

МИР-КРЕПОСТЬ

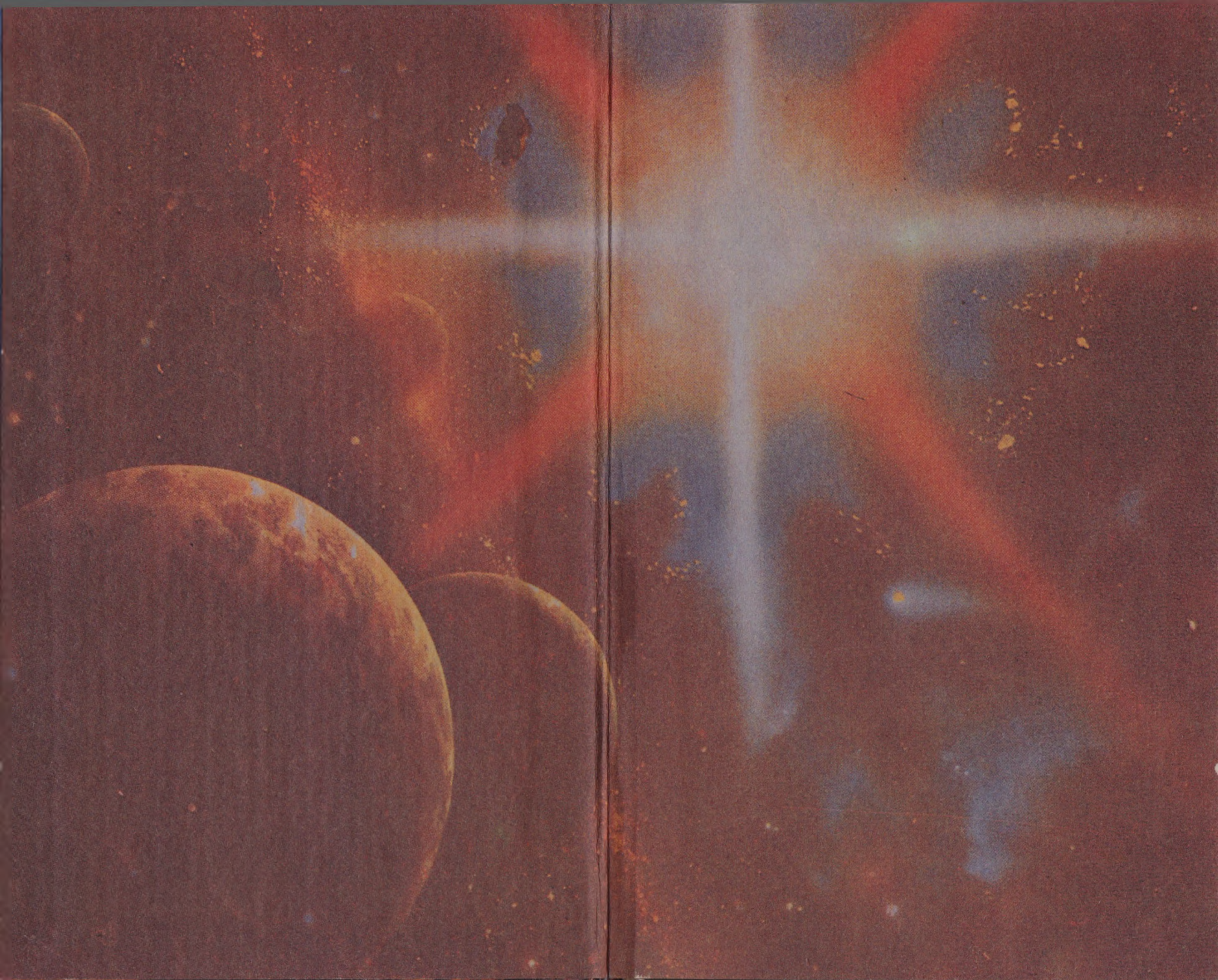
ДЖЕЙМС
ТАНН

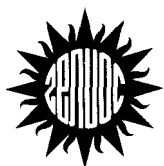
МИР ФАНТАСТИКИ

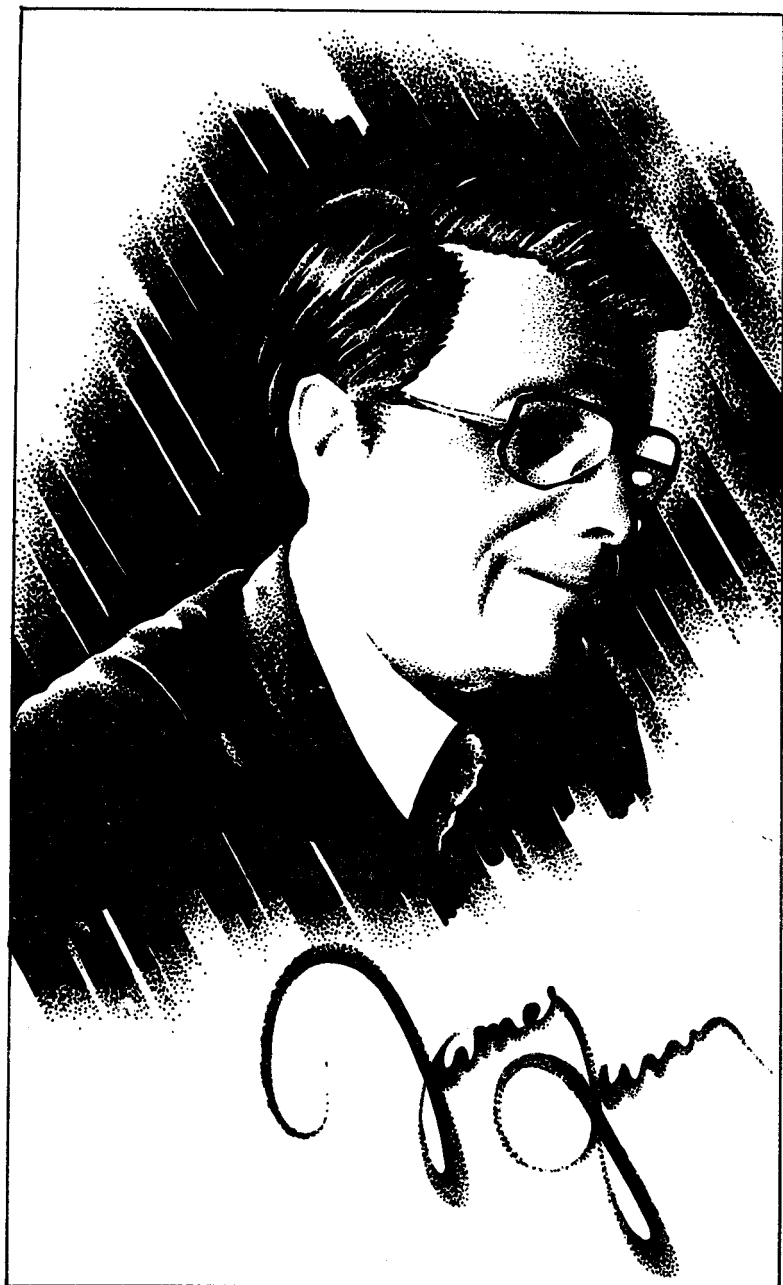
ДЖЕЙМС
ТАНН

МИР-КРЕПОСТЬ

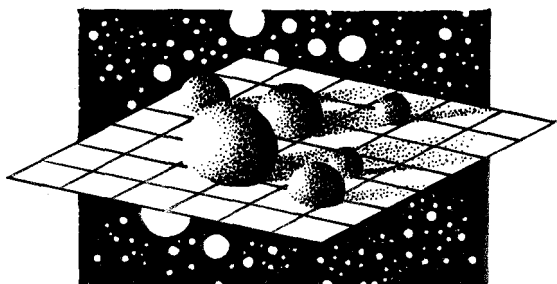

МИР ФАНТАСТИКИ

АЖЕИИС
ТАНН

МИР-КРЕПОСТЬ

Фирма "Нижкнига"
Н. Новгород
1993

ББК 84.7 США

Г 14

Художник Ю. Лук

На обложках использованы работы
Питера Джонса и Криса Фосса

Г 14 Джеймс Ганн. Мир-крепость. Фантастические романы, повесть, рассказ. Пер. с англ. — Н.Новгород, ТОО "Нижкнига", 1993. — 512 с.

ISBN 5-87645-001-4

В однотомник выдающегося американского фантаста Джеймса Ганна вошли романы "Слушающие" и "Мир-крепость", повесть "Бессмертные" и рассказ "Рождество ежедневно".

Г $\frac{4703040100-001}{9\Pi7(03)-93}$ без объявления

ББК 84.7 США

ISBN 5-87645-001-4

© ТОО "фирма "Нижкнига", перевод, 1993

© ТОО "фирма "Нижкнига", Ю. Лук, иллюстрации, 1993

МИР-КРЕПОСТЬ

Пролог

...Где бы ты ни был, куда бы ни занесла эти слова судьба, ты читаешь их среди развалин Второй Империи.

Выйди в ночь и посмотри на небо. Взгляни на разбросанные звезды, одинокие, далекие, разобщенные пропастью ненависти, недоверия и властолюбия. Видишь, какие они на самом деле — большие серые крепости, окруженные рвами пространства, с отрядами караульных, что охраняют их от Галактики.

Вторая Империя. Произнеси это вслух, и пусть слова эти разбудят твоё воображение, пусть дойдут до глубины души.

Империя. В этом слове бесчисленные планеты, объединенная, населенная Галактика — вот что значит это слово. Но как выглядит Империя на самом деле? Как она возникла? Как улаживались конфликты, как прекращались войны? Этого мы не знаем и никогда не узнаем. До наших времен сохранилось только название. Мы помним его, помним Золотой Век — времена свободы, изобилия и мира. И порой плачем о том, что кануло и никогда не вернется.

Вторая Империя. Это значит, что некогда была Первая, о которой мы не помним вообще.

Вторая Империя. Будет ли когда-нибудь третья? Мы мечтаем, надеемся, но в глубине души убеждены, что Золотой Век ушел навсегда и нам не под силу вернуть его. Вторая Империя распалась, и ее части отошли друг от друга так далеко, что уже ничто не соединит их.

Мы больше не люди. Мы тени, танцующие танец теней в мрачной крепости, а Золотой Век минул...

«Динамика власти в Галактике»

1

Я бежал сквозь бесконечную темноту, я одинокий и испуганный. Я боялся, потому что был один и ранен, хотя не знал еще, куда. Проверить это было невозможно, потому что я бежал, а страх не давал мне остановиться.

Позади я слышал людей, гнавших меня по невидимому коридору, но шаги их были легки и почти бесшумны, потому что они не имели тел, а коридор был черен и непознаваем, затерян во времени и пространстве, так же, как и я, бездомный.

Хуже всего была тишина, полная тишина, она окружала меня как темнота, но была страшнее, ибо мое желание говорить и слушать было сильнее желания видеть, и если бы я мог нарушить эту тишину, исчезла бы и темнота, и мне уже не пришлось бы бежать. Едва слышные шаги приближались, несмотря на все мои усилия, а вместе с ними росла паника, гнавшая меня все быстрее сквозь тьму и тишину, потому что ноги преследователей не несли свинцово-тяжелых тел.

Постепенно я понял, откуда идет боль. Болела моя ладонь, я держал в ней раскаленный уголек. Новый спазм страха пополам со стыдом поразил меня. Я раскрыл ладонь, позволил угольку выпасть из нее, и топот за моей спиной стих, и страх покинул меня, но вместо него меня охватило отчаянное одиночество — ведь исчез даже коридор и я остался совершенно один. Я висел в темноте, висел без опоры, совершенно потерянный, ничей в этой бесконечности.

Мой разум искал в пустоте, тишине и одиночестве, искал какое-нибудь другое существо, но не было ничего и никого, с кем бы я мог перемолвиться, а если бы кто-то и был, все равно мы не смогли бы понять друг друга.

Я проснулся, машинально засунул руку в карман, чтобы

убедиться... но камешка там не было, и я знал, почему — вспомнил. Вспомнил, как страх впервые ворвался в мою жизнь...

Слова литургии еще звучали в моих ушах, когда я заметил девушку, проходящую сквозь сверкающий золотом полупрозрачный Барьер. Она была в ужасе.

...твой Бог здесь...

Ужас! Я узнал это чувство, но не мог понять, откуда знаю его.

Всю свою жизнь я провел в монастыре. Стены монастыря широки, и меж ними заключен покой мира. Стены монастыря высоки, и страдание мира не может их преодолеть. За этими стенами я был доволен и спокоен, сознание, что точно определенный образ жизни никогда не выведет меня за эти стены, наполняло меня удовлетворением.

Я не помню, чтобы когда-либо выходил наружу. Не помню ни своего отца, ни матери, ни их имен, ни того, как они умерли, но все это не имело значения, потому что Церковь была мне отцом и матерью и я не нуждался больше ни в ком.

Чувства, ведомые мне, были немногочисленны и просты: сильная вера Аббата, глубокая, порой страстная жажда познания научных истин, которой охвачен был брат Жан, созерцательность отца Конека, а временами мистические порывы отца Микаэлиса. Но ужас был мне чужд. Как и все прочие страсти, вызывающие смятение души, он не мог пересечь Барьер, уподобляясь в этом материальным предметам.

...ты должен искать Меня за завесой невежества и сомнения, ибо я повсюду, если ты хочешь узреть Меня...

Здесь, в Соборе, все было немного иначе, но я лишь дважды нес здесь службу. Люди приходили в место, предназначенное для них Церковью, в поисках того, что мы имели в достатке, — покоя. Они проходили сквозь Барьер, обремененные своими заботами и печалью, а выходили спокойные, примиренные со Вселенной. Я познавал их беспокойство, сочувствовал ему и радовался, когда мог их утешить.

Но на сей раз я знал, что чувства, которые я принимаю в контрольном зале, лишь бледное и неполное отражение истинных. Ужас девушки создавал вокруг нее специфическую ауру. Он тронул меня своими холодными перстами, прыгнул с экрана в мои глаза, а из перчаток — в мои пальцы...

Я взглянул на часы — время уже пришло, — вытянул руку, нажал выключатель и установил ручку. Распыление должно было произойти мгновенно. Если бы Аббат узнал...

Туман внизу начал исчезать, он уплывал полосами, и из черной глубины пространства вынырнуло затуманенное лицо. Верующие дополняли его черты сообразно собственным желаниям, и я знал об этом. Мне случалось бывать внизу во время наших служб, там я видел, чувствовал и слышал то же, что они...

...ибо Я покой, где Я — там покой, а там, где покой, вы обрящете Меня...

Я вновь устремил взгляд на экран, точнее на девушку. Она по-прежнему стояла там, возле Барьера, и я видел, что девушка красива, так же хорошо, как то, что она в ужасе. У меня мелькнула мысль, не искушение ли это, но только мелькнула. Достаточно было того, что мне исполнилось двадцать лет, а она была красива и испугана.

Девушка не подходила к людям, собравшимся там, внизу. Это место посещали плебеи и невольники, порой крестьяне, приведенные в Столицу Империи какой-то надобностью. Собор называли Собором Невольников. Я видел их часто, одетых убого или богато, в зависимости от состоятельности их хозяина, но у всех были ошейники из имитации металла: золота, серебра, железа...

Девушка явно принадлежала к аристократам. У нее были мягкие правильные черты лица, и стояла она выпрямившись, стройная и гордая. Ее кожа не знала ни долгих часов под палящим солнцем, ни медленного воздействия пыли, что несет смерть обитателям жалких каморок. Ее спина никогда не сгибалась, чтобы обработать твердую землю, да и одежда была богатой. Шелковистый плащ пронизывали металлические нити, юбка мягкими складками покрывала длинные стройные ноги.

...в это место, созданное для того, чтобы вы поняли правду, не может вторгнуться ничто, не принимающее Меня и Моего даяния людям...

Девушка дышала с трудом. Одна ее ладонь сжалась в кулак, другую она прижимала к груди, словно хотела успокоить трепещущее в ней сердце. Она оглянулась на Барьер, потом медленно вздохнула.

...ибо это святилище, в которое могут войти лишь любящие покой, а зло никогда не переступит его порог...

Я переключился на наружный экран. Перед Барьером стояли четверо мужчин и смотрели на длинную лестницу, ведущую к Собору, на золотистую паутину входа. Одеты они

были одинаково, но я не мог узнать их мундиры. В царстве цвета они были одеты в черное. Это не были члены Союза Космонавтов — у тех черные мундиры пересекали серебряные пояса. Не походили они и на аристократов, Перевозчиков или наемников.

Я вздрогнул. Эти люди напоминали черные тучи в солнечный день, какие-то тени зла. Тени здесь, где не должно быть теней.

Наконец я вспомнил, кто они такие; когда-то один приезжий священник упоминал о них. Отец Конек лишь пожал тогда плечами, но я слушал внимательно.

Они были наемниками, не носившими формы своих командиров, были из тех, кто пользовался разумом наравне с оружием. Они беззвучно скользили по улицам городов на нашей и на других планетах, исполняя свои тайные и мрачные миссии. Они таили в себе смертельный яд, словно змеи, и как змеи же были на особом положении. Ни один человек не смел их коснуться, опасаясь острых зубов.

Теперь я заметил и другие подробности: небольшие выпуклости по бокам, где скрывалось оружие, равнодушное, почти сонное выражение лиц. Неужели жизнь человеческая и вправду ничего не стоила для них, как говорил тот священник? Неужели они и впрямь убивали так легко и убийство не имело для них никакого особого значения?

Одно лицо я разглядел лучше других. Оно было смуглым, дерзким и веселым, холодные черные глаза, разделенные огромным носом, придавали ему гротескный, но вовсе не забавный вид. Это лицо ужасало.

Я снова вздрогнул и переключился на внутренний экран.

...жизнь — это хаос, жизнь — это голод, боль, бесконечная борьба, жизнь — это смерть, но и смерть — это жизнь...

Девушка не обращала внимания на службу, ее не трогали сцены, возникающие перед ее глазами, слова, звучащие в ее мозгу, как звучали они в моем. Возможно, она была неверующей, как многие аристократы, принимающие выгоды, даваемые Церковью, но насмехающиеся над ее догмами, терпящие ее существование из-за роли, которую та играла в успокоении народа...

«Терпящие»? Я перевел дух — это была почти ересь. Мои мысли подошли к опасной грани. На дне пропасти за Монастырем белели бесчисленные кости неосторожных вольнодумцев. Никто не «терпел» Церковь: она была, существовала из-за своей душевной силы, жила благодаря вере и силе этой веры.

Почему же это слово пришло мне в голову?

...твою жизнь, которая есть смерть, отдай в руки тех, кому дана власть над тобой, ибо жизнь твоя — ничто. Твоя смерть, которая есть жизнь, принадлежит тебе и Мне, и ты будешь жить до тех пор, пока она Мне принадлежит...

Возможно, ужас до такой степени ослепил глаза и разум девушки, что Послание не дошло до нее. Неверующий не смог бы пересечь Барьер, разве что в поисках убежища. Убежище было здесь, если именно в нем она нуждалась. Среди стен, защищаемых покоем Церкви, она могла бы остаться навсегда, если решила бы посвятить себя деятельности, связанной с жизнью Церкви, или захотела бы просто покоя, покоя и забвения, сейчас и навсегда. Ей было достаточно пройти через Портал, подобный Барьеру, только голубой и непрозрачный. Девушка стояла точно под Откровением.

«Выбери Портал! — подумал я. — Ужас пройдет, и ты никогда больше не задрожешь».

Но это была лишь мимолетная мысль. Не знаю почему, но я чувствовал, что в этой девушке слишком сильна воля к жизни, что она не хочет смерти. Она никогда не смогла бы пройти через Портал, даже если бы захотела.

Девушка лихорадочно осматривала Собор, словно ища укрытия в его гладких стенах и полу. Беспокойно передвинулась она вперед, в сторону жестких скамеечек, на которых стояли коленопреклоненные верующие. Нерешительно остановившись, она еще раз взглянула на мужчин, стоявших на улице, сквозь золотой занавес Барьера.

Они не могли сюда войти, но и она не могла покинуть Собор, не оказавшись лицом к лицу с ними и их явно недобрыми намерениями. Руки ее безвольно повисли, ладони были сжаты в кулаки, один чуть больше другого, она ссутулилась. Наверняка у нее холодные ладони, подумал я. Мои тоже были холодными, даже в перчатках.

...священникам Моим Я дал силу творить чудеса именем Моим...

С чувством вины вспомнил я о своих обязанностях. Уже вторично позволил я моим мыслям сойти с нужного пути. Ответственность за службу, проходившую в Соборе, была особой честью для послушника, но если бы стало известно о каких-то моих упущениях, мое посвящение отложили бы еще на один год. А я и так уже отставал.

В серой жесткой рясе, склонив голову и спрятав лицо в тени безымянности, я вышел на затемненное возвышение. И хотя образ этот был лишь иллюзией, он производил впечатление подлинного, трехмерного. Неторопливо началось Чудо. Оно развивалось постепенно, перейдя под конец в

торжествующий вызов, и закончилось тихим благословением.

Сначала образы были ритуальными, обычными. Мое отражение сложило руки, из которых вырос ярко-красный цветок, а потом ладони разошлись и цветок повис в воздухе. Это был бутон, он цвел и рос, делаясь все ярче, пока не исчезли контуры лепестков. Теперь он был солнцем, но не белым, которое знали мы, а желтым, согревающим планету-родину. Мы обогнули его, крутясь в темноте, а когда появилась третья планета, солнце начало бледнеть. Голубовато-зеленая третья планета все увеличивалась, и наконец ее шар расплылся в плоскую идиллическую землю — зеленый континент покоя и изобилия.

...дабы заботиться о творениях Моих...

Пушистые четвероногие животные спокойно щипали зеленую траву, но их пастухом был не обычный монах в капюшоне. Внезапное вдохновение придало ему облик девушки в развевающемся белом платье, девушки, которую ужас заставил искать укрытия в Соборе. Здесь ее не терзал страх, здесь она была спокойна и жила в согласии с собой и миром, а ее светлые глаза без опасения смотрели на спокойный пейзаж. Здесь она была самой красотой, была даже более красивой, чем на самом деле.

Девушка шла по тропе у подножия зеленого холма, и вскоре перед ней выросло белое здание с красивой крышей-куполом. Она прошла под аркой входа, лишенного дверей, и оказалась в комнате, почти целиком заставленной полками, и каждую из них заполняли ряды пластиковых лент памяти или старых потрепанных книжек.

...дабы хранить знание...

Изображение было четким и детальным, потому что все это я хорошо знал. Это был Исторический Архив. Монахи работали, прослушивая и читая материалы в маленьких простых кабинках, размещенных вдоль стены. Девушка проплыла через эту комнату в следующую, где тянулись бесконечные шеренги прозрачных витрин, открывающих взору свои тайны.

...история человечества, ибо все люди едины...

Это был музей древнего искусства, с выставкой удивительных инструментов, машин и орудий, реконструированных и обновленных, собранных на сотнях миров. Но вот и большой зал остался позади, и девушка вошла в следующий.

...красоты...

Красота... Комната буквально ослепляла ею: статуи, картины, игра света, ткани, искусственные стимуляторы для

кончиков пальцев, заключенные во флаконах ароматы необычайной сладости и остроты, бесчисленные музыкальные инструменты... Но даже среди этих воскрешенных чудес, созданных трудами тысяч забытых гениев, она была самой красивой... Когда она наконец вышла наружу, была уже ночь. Большой, сверкающий спутник планеты-родины лил бледный, серебристый свет на лицо, поднявшееся к небу, усыпанному драгоценностями.

Девушка широко раскинула руки, обнимая небо в жесте единства со Вселенной. Ее тело было любовью, ее лицо — надеждой, жест — единством, мистическим единством, бесконечным кругом, включающим все сущее, но ничего не ограничивающим. Картина, видимая над руками девушки, начала бледнеть и растворяться в глубокой черноте пространства, а потом верующие вновь увидели лицо своего Бога.

...заботу об этом Я доверил священникам, чтобы они сохранили их для людей, ибо это являет часть поиска человека вечной правды.

Моя роль закончилась, и только теперь я осознал, что натворил. Нововведение! Это граничило с бунтом, а я вовсе не хотел бунтовать. Я был счастлив и в безопасности, я пожертвовал собой ради жизни, которая того стоила, с которой жизнь моя была сплетена и в которой она могла найти свое полнейшее отражение. Бунт? Против чего было мне бунтовать? Тут я увидел на экране девушку и понял.

Не жизнь, но Жизнь — не в отдельном, но во всеобщем смысле. Жизнь, заставлявшая людей приходить в Собор и дарующая им здесь краткий миг бездумного покоя. Это она заставила измученную ужасом девушку искать здесь убежища. Я понял, что есть обязанность более важная, что есть лучший способ исполнить ее, чем бездумная покорность.

Интересно, смогу ли я впредь быть таким, как раньше?

Я кое-что дал этой девушке — не могу сказать точно, что именно... бессловесную просьбу о красоте, надежде, вере и любви. Она стояла на коленях на одной из последних скамей, повернув лицо к Откровению, со слабой улыбкой на губах и глазами, блестящими от слез. Я был доволен. Чем бы мне ни пришлось заплатить за это, я знал, что никогда не пожалею об этом и ничто не сотрет в моей памяти воспоминаний ее лица, теплого и сладкого чувства любви, дарованной без надежды на взаимность.

...только тот, кто ищет, может найти, только дающий будет одарен...

Девушка медленно встала. Освобожденная от страха, она пошла вперед, в сторону Откровения. Рука ее на мгно-

вание повисла над подносом для пожертвований, словно девушка вдруг задумалась, но она уже приняла решение. Дар упал на поднос, замерцал и исчез.

Она повернулась и направилась туда, откуда пришла. Но теперь ее уже не обременяла никакая тяжесть, она шла пружинистым шагом, легкая и беззаботная. Можно было подумать, что ее ждет какое-то развлечение, свойственное молодости, где смех людей взлетает в воздух, словно стая серебристых птиц... Перед Собором ее ждали наемники — черные тени зла, но она не колебалась.

Я сидел в контрольном зале и боролся с искушением. Из Собора было лишь два выхода — Барьер и Портал, но я подумал, а нет ли третьего. Будь оно так, я, возможно, и решился бы вмешаться еще раз, хотя Аббат никогда бы не простил меня. Но что мог я для нее сделать? Как я мог ей помочь?

Может, я и поддался бы искушению, но девушка повернулась перед Барьером и посмотрела вверх. Одно мгновение ее голубые глаза, казалось, смотрели на меня, словно она увидела мое некрасивое лицо и оно ей понравилось. Губы ее шевельнулись в беззвучной просьбе. Я наклонился вперед, как будто мог ее услышать, а она, прежде чем я успел что-либо сделать, повернулась и прошла через Барьер, оказавшись за пределами моей власти.

Ее преследователи двинулись вперед, подымая уличную пыль, но небрежность походки лишь маскировала искусный маневр, делающий бегство жертвы невозможным. Сцена эта навсегда осталась в моей памяти, вместе с ее фоном — трущобами, окружающими Собор, доходным домом, похожим на рассыпающуюся клетку для кроликов, заброшенным складом, книжным магазином с кое-как подновленным фасадом...

Она ждала их, улыбаясь. В руках смуглого мужчины появился карабин с толстым стволом. Девушка что-то сказала мужчине, и тот усмехнулся. Однако проходившие мимо крестьяне и невольники отводили глаза и торопливо удалялись, словно отрицали существование зла тем, что просто пытались не замечать его. Я сидел в муке ожидания, словно пригвожденный к стулу.

И тут смуглый мужчина тонкой струей огненного пламени из своего карабина отсек девушке ступни у лодыжек, улыбаясь при этом вежливо, как при долгожданной встрече. Хлынула кровь, но, прежде чем девушка рухнула на землю, двое других наемников схватили ее под руки. Девушка надменно улыбнулась и потеряла сознание.

Меня замутило. Последнее, что я увидел, были узкие белые ступни, оставшиеся на тротуаре перед Собором. Последними словами, которые я услышал, было тихое благословение и беззвучный шепот:

...одно лишь слово существует для людей, одно лишь слово, и слово это — выбирай...

2

Я поднял руку, чтобы постучать в келью Аббата, но колебался и опустил ее. Я пытался мыслить четко, но это плохо у меня получалось. Пережитое измотало мое тело и душу. Никогда прежде мне не приходилось принимать важных решений.

Жизнь в монастыре шла своим извечным путем: в пять подъем и утренняя молитва, по десять минут на каждый прием пищи, шесть часов молитвы и медитации, шесть часов работы в монастыре, в Соборе или у Барьера, шесть часов учебы и тренировок, вечерняя молитва и сон. Такова была моя жизнь.

Я сунул руку в мешочек, укрытый в складках рясы, и среди немногих мелочей мои пальцы наткнулись на нечто. Это был отполированный осколок кристалла, который я нашел в ящичке для пожертвований, он сиял матовым блеском среди мелких монет. Я вынул его и еще раз осмотрел. Формой он больше напоминал яйцо, чуть поменьше куриного. Камень был прозрачен, как родниковая вода, без царапин и без трещин. Ничто не нарушало его идеальной прозрачности, ничто не портило гладкую поверхность, не указывало, для чего он служил, если его вообще использовали для чего-то.

Именно из-за него девушка познала страх. Из-за него искала убежища, а когда отдала камень, то пошла со слепой верой навстречу судьбе, которая ждала ее на грязной улице. Судьба дожидалась ее с улыбкой на смуглом лице, с холодными черными глазами и с карабином в руке, ждала, чтобы отсечь две белые ступни у самых лодыжек...

Вспомнив это, я резко втянул воздух, что-то сжало мне горло, напомнив, как рвало меня в контрольном зале. Я знал, что должен забыть это, но воспоминание упорно возвращалось.

Я снова задал себе вопрос: «Что я могу сделать?» У меня не было опыта, я ничего не знал о внешнем мире. Может, я усомнился жестокости Жизни и мудрости Церкви? Если

даже и так, то я тут же отбросил все сомнения. Аббат наш был добр и мудр, это сомнению не подлежало.

Я тихо постучал.

— Входите, — раздался глубокий, звучный голос Аббата.

Я открыл дверь и остановился на пороге. Аббат был не один.

Он сидел в кресле, и это была единственная уступка возрасту и сану, все прочее в его келье было так же просто и скромно, как и в моей. Рядом с ним стоял один из младших послушников, еще почти ребенок, с густыми золотистыми волосами, алыми губами и светлой нежной кожей. Румянец окрасил его щеки.

— Уильям Дэн, отче, — не задумываясь назвал я. — Послушник. Я хотел бы поговорить с вами без свидетелей.

На властном лице Аббата чуть поднялась одна бровь, и это было все. Сила его благочестия, казалось, заполняла келью, поднималась над старым креслом и расходилась упругими волнами. Я почувствовал, что во мне растет любовь к тому, кого я считал своим истинным отцом, отцом моей души, независимо от того, кто был ответствен за мое появление на свет.

Сомнение? А разве я когда-нибудь сомневался?

— Подожди в соседней келье, — велел он мальчику. — Мы попозже закончим наш разговор.

Мальчик вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Аббат сидел, спокойный и терпеливый, глядя на меня всевидящими карими глазами, и я задумался, знает ли он, что привело меня к нему.

— Отче, — сказал я, с трудом переводя дух, — что должен сделать послушник, если вдруг... усомнился в справедливости мира и в самом мире вообще. Я только что пришел из Собора и...

— Ты впервые вел службу?

— Нет, отче. Я уже дважды нес службу в Соборе.

— И каждый раз тебя мучили сомнения?

— Да, отче. Но сегодня было еще хуже.

— Я думаю, дело в Чуде, — задумчиво сказал он как бы самому себе. — Прихожане считают его наглядным свидетельством бытия Божьего и его заботы об их душах и благосостоянии. А сознание, что это всего лишь иллюзия, вызванная тренированным разумом оператора, с помощью кнопок и рычагов, подрывает твою веру. — Это была констатация, а не вопрос.

— Да, отче, но...

— А ты знаешь, как возникает эта иллюзия? Можешь

ли ты сказать, какие силы создают трехмерный образ, столь идеально имитирующий действительность, что нужно его коснуться, чтобы убедиться в иллюзии и понять, что образ существует лишь в мозгу оператора? Знаешь ли ты, каким образом мысли передаются от одного разума к другому, а материальные предметы переносятся с места на место, знаешь ли, почему Барьер и Портал пропускают лишь тех, кто действительно хочет сюда войти и нуждается в нашей помощи?

Я задумался.

— Не знаю, отче.

— И я тоже не знаю, — мягко сказал Аббат. — И никто ни в одном мире. Когда выходит из строя какая-нибудь машина, мы не всегда можем исправить ее. Нам ничего не известно о силах, действующих в ней. Я мог бы сказать тебе, что это явления чудесные и сверхъестественные, что мы можем оживлять эти странные божественные силы, даже не зная законов, управляющих ими, и что это дар Бога, доверившего нам малую часть своей всеобъемлющей власти. Вот так мог бы я объяснить нашу способность вызывать чудесные образы, и это было бы правдой.

— Да, отче.

Он внимательно смотрел на меня.

— Но это было бы казуистикой, и я не воспользуюсь ею, чтобы рассеять твои сомнения. Устройства, которые есть у нас в Соборе, дело человеческих рук, даже если на создание это они были вдохновлены Богом. Ты знаешь Архив, знаешь, что порой мы находим там чертежи, расшифровываем их, перерисовываем и проверяем. Думаю, когда-то человек был гораздо умнее и могущественнее, чем сейчас. И, может, если мы сохраним нашу веру и не будем жалеть усилий, то однажды постигнем силы, которыми пользуемся.

— Да, отче.

Аббат, казалось, разглядывал мои мысли.

— Есть еще одно, о чем я не упомянул. Обычно темы этой касаются только после обряда посвящения, да и тогда не каждый получает доступ к тайнсу.

Его слова польстили мне, и я покраснел.

— Если я не достоин...

Он остановил меня властным жестом.

— Насчет этого, Уильям, — спокойно сказал он, — решаю я. Велика твоя нужда и велики сомнения, и потому ты важен для нас и службы Божьей. Иные, которых легко успокоить, удовлетворяются меньшими обязанностями и скромной ролью. Я уверен, что однажды ты станешь Аббатом

или даже, — он улыбнулся, — более важным иерархом. Может, даже Архиепископом.

— О нет, отче, — запротестовал я. — У меня нет таких стремлений...

— Может, пока и нет. Заранее не известно, что за судьба нас ждет. Все люди — невольники, крестьяне, вольноотпущенники, наемники, Перевозчики, даже аристократы — живут в мире хаоса, окруженные бесчисленными впечатлениями, мучимые хлопотами, пробуждающими в них сомнения в божественной мудрости. Их жизнь нелегка и зачастую исполнена горечи, и мы не должны удивляться, что сама вера не вызывает в них должного ответа. Массы людей требуют доказательства, постоянного, ежедневного доказательства бытия Бога и силу его. Неужели давать им то, чего они жаждут, есть обман? Нет, это милость.

— Понимаю, отче.

— Но мы здесь, в монастыре, живем скромно, находя укрытие от хаоса и даже от самих себя. У нас есть время на учение и размышления. Мы живем рядом с Богом, так нужно ли нам поддерживать свою веру так же, как другим людям?

— Нет, отче. Нет.

Очарованный убедительными словами Аббата, я забыл обо всем прочем и на мгновение почувствовал, что близок к истинной сущности веры.

— То, что мы не нуждаемся в чудесах, укрепляющих нашу веру, — продолжал Аббат, — является даром Церкви, и дается он за отказ от удовольствий светской жизни. Мы живем в условиях, наиболее подходящих для развития духа. Но те, кого Бог одарил особой милостью — такие, как ты, Уильям, — несут и особые обязанности. Наша вера может и должна подняться над сознанием того, что способ, каким мы передаем Послание, всего лишь физическая иллюзия. Чем больше мучают нас сомнения, тем горячее и глубже должна быть наша вера. Не каждый может заметить несовершенство средств и верить в высшую истину, что скрывается за ними. У тебя есть такой дар, Уильям, — некогда его имел я — ты можешь видеть и все-таки верить, держать глаза широко открытыми, чтобы Истина могла дойти до тебя нагой и чистой. Если тебе удастся этого достичь, поверь мне, награда будет велика, куда больше, чем ты можешь представить.

Дрожа, упал я на колени, чтобы поцеловать край его простой рясы.

— Я могу этого достичь, отче. Могу.

— Да благословит тебя Бог, сын мой, — прошептал Аббат и сделал рукой знак колеса.

Я встал, очищенный и воодушевленный, но тут вдруг вернулась память об ужасном и чудовищном событии. Перед моим взором вновь возникли маленькие белые ступни, и мир покоя и одухотворенности снова рассыпался на куски.

Спаси мою веру!

Я содрогнулся, но на этот раз не от благочестивого волнения.

Сохрани во мне невинность и силу, знание и воодушевление!

Я побледнел, а тело мое покрылось каплями пота.

Оборони меня от сомнений!

— Отче... — начал я, слыша свой голос словно издалека, угрюмый и как будто приглушенный воспоминанием зла. — Сегодня после полудня... в Собор... вошла девушка...

— Красивая? — мягко спросил Аббат.

— Да, отче.

— Телесные наслаждения нам запрещены, Уильям, ибо слишком слабы наши души. Но пока мы молоды, мечтательные вздохи, может, и грех, но не такой уж тяжелый. Сам Архиепископ...

— Девушка была в ужасе...

— В ужасе?

— Впервые я видел вблизи кого-то из аристократов.

— Патрицианка и в ужасе... — повторил Аббат, наклоняясь ко мне. Справившись с любопытством, он придал лицу равнодушное выражение. — Продолжай, Уильям...

— За нею следили какие-то мужчины, — голос мой по-прежнему звучал угрюмо. — Четверо. Они ждали ее на улице перед Барьером. Наемники без мундиров, это их она боялась.

— Свободные агенты. И что дальше?

— Они ждали, пока она выйдет, пока ее утомит пребывание в Соборе. Под конец службы она подошла к подносу для пожертвований, что-то на него положила и вышла из Собора... прямо на них, а они отсекали ей ступни.

Аббат угрюмо кивнул, не выказывая особенного удивления.

— Они часто делают так по причинам психологическим и практическим.

Не обращая внимания на его реакцию, я продолжал, выбрасывая из себя кошмарные воспоминания:

— При этом они улыбались. Как такое зло может существовать в мире? Они улыбались, отсекая ей ступни, и никого это не трогало.

— Вероятно, она совершила какое-то преступление.

— Преступление? — Я поднял голову. — Какое преступление могла она совершить?

Аббат вздохнул.

— Бароны и Император много чего считают преступлением...

— Но какой проступок может оправдать такое? — не сдавался я. — Они не могли быть уверены, что она виновата. Ее не отдали под суд, не позволили говорить в свою защиту. Если сейчас ее так искалечили, что будет потом?

— В мирской жизни, — печально произнес Аббат, — закон суров и редко смягчается жалостью. Если человек что-нибудь украдет, ему отсекают руку. За многие преступления установлена смертная казнь. Возможно, эту девушку подозревают в государственной измене.

— Чудо — просто иллюзия, — с горечью сказал я, — но эти события реальны. Боль, голод, насилие, несправедливость. Только здесь, в монастыре, спокойно и безопасно, и я скрываюсь в нем от мира.

— Это не жалость, — голос Аббата звучал сурово, — это извращение, почти ересь. Дави ее в себе, сын мой! Пусть сила твоей веры победит эти мысли! Здесь, на Бранкузи, Бог дал власть Императору и Баронам. Он дал им право судить и распоряжаться жизнью подданных. Если они несправедливы и жестоки, мы должны сочувствовать им, а не их вассалам и подданным, ибо *владыки* тем самым закрывают себе дорогу к вечному покою. Да, мы сочувствуем людским страданиям, но не должны забывать, что физическая жизнь такая же иллюзия, как и те, что мы вызываем в Соборе. В этой жизни реальна и вечна лишь смерть.

— Да, отче, но...

— Если же говорить о нашем пребывании в монастыре, то это не бегство от жизни, а жертвование собой ради лучшей жизни. Ты должен знать это, Уильям! Ты ведь знаешь наши обязанности, наши цели и стремления. — Он умолк и вздохнул. — Но я не должен быть суров. Ты чувствителен душой, и эти чувства увели тебя с пути истинного.

— Я буду молиться об истинном понимании, отче, — смущенно заверил я его.

Аббат склонил голову, а когда вновь взглянул на меня, лицо его было совершенно непроницаемо.

— Ты сказал, она принесла дар. Что это было?

Я заколебался.

— Не знаю, отче.

— Ты не смотрел?

— Я был так взволнован, что не обратил на это внимания.

— Ты уверен, что не держишь это при себе? — мягко спросил Аббат.

Я едва не вздрогнул.

— Да, отче.

— Что бы это ни было, Уильям, оно должно быть передано светским властям. Для нас это не имеет никакой ценности, если вообще чего-то стоит. Кроме того, мы не должны ссориться с властями. Церковь и правительство живут и действуют рядом, ибо наши цели не противоречат друг другу. Нашей физической и духовной силы могло бы не хватить для защиты от враждебных светских сил. Церковь постоянно должна думать о своем будущем.

— Но она принесла это в дар...

— Она ничего не принесла, — резко прервал меня Аббат. — То, что она положила на поднос, не принадлежало ей, раз уж за ней была погоня. А ее страдание стало следствием ее дурного поступка. Наверняка она рассчитывала, что это принесет ей какую-то выгоду.

— Да, отче, — неохотно согласился я.

— Однако это не тема для дискуссии, — продолжал Аббат уже мягче. — Исходя из принципов политики Церкви, все, на что претендуют светские власти, должно быть им отдано, причем как можно быстрее. Спорный предмет не может обрести здесь убежище.

Аббат медленно встал. Он был высок, как и я, но крепче сложен. Влияние его сильной личности окутывало меня, словно густой туман.

— Иди и принеси... — твердо сказал он. — Принеси это мне, чтобы я мог вернуть его настоящим хозяевам.

— Да, отче, — покорно сказал я. Тогда я даже не представлял, что могу воспротивиться его воле. Идя к двери, я напряженно думал. Никогда прежде я не лгал, так почему же сейчас не открыл Аббату правду? А он знал, что я лгу, и не верил мне.

Я мог получить его прощение, отказавшись от камня. Этот осколок кристалла не имел для меня никакой ценности. Даже если он что-то и значил, я никогда не узнал бы этого. Ступив на порог, я обернулся, потянулся к мешочку под рясой, но Аббат уже исчез в соседней келье, закрыв за собой дверь.

Я тихо вышел.

Несколько часов я бродил по коридорам монастыря. Если я вернусь к Аббату и скажу, что не могу найти предмет,

который оставила девушка, будет плохо. Он не поверит мне и протонит из монастыря, а мне останется лишь подчиниться. Но могу ли я это сделать? Кому я этим помогу? Как буду потом жить? Единственное, что я ведал о жизни в миру, я узнал сегодня.

Я решил отдать кристалл, решал это не один раз. Однажды даже дошел до двери Аббата и поднял руку, чтобы постучать. Девушка доверилась мне, и это было странно, необычайно. Она знала меня только через чудесные образы, которые я создал для нее. Конечно, этого было мало, но все-таки хватило. Она безоглядно поверила мне, как же я мог обмануть такое доверие?

Я не хотел никого видеть и дважды прятался в пустых комнатах, чтобы избежать встреч с монахами в коридорах. Мне было бы легче, доверься я кому-нибудь, но я не знал, к кому обратиться. Брат Джон заинтересовался бы самым камнем, но ему, конечно, было бы безразлично, что с ним будет дальше. Отец Конек начал бы объяснять мне порочность моего поведения, а отец Михаэлис пришел бы в ужас от одной мысли о непослушании.

Много часов провел я в Архиве, но среди всей мудрости, собранной там, не было ответа на мучивший меня вопрос. Я немного позанимался в тренировочном зале, как делал это каждый день. Отцы говорили, что это хорошо подавляет юношеское смятение, но на сей раз мне не помогло. На полчаса я задержался в зале искусств прослушать свой любимый светомузыкальный опус, созданный давно забытым композитором. Но опус кончился и, прежде чем я нашел следующий, в зал вошли несколько монахов, а я выскользнул через боковой коридор.

Вконец утомленный, разочарованный и по-прежнему не нашедший решения проблемы, я отправился в свою келью. Может, молитва и сон принесут ответ, которого напрасно искал утомленный разум. Подходя к своей двери, я заметил, как в нее вошел монах, а за ним еще трое.

«Наверно, ошиблись дверью», — подумал я, хоть и знал уже, что это вовсе не ошибка.

Мое лицо скрывала тень капюшона, и я подошел ближе. Первый монах поднял голову. На долю секунды я замер, прежде чем понял, что грубая серая ряса скрывает под собой не монаха и не послушника. Я не поверил своим глазам.

На меня твердо и дерзко смотрели глаза смуглого мужчины, того, который ждал девушку перед Собором, а потом отсек ей ступни.

Предан!

Эта мысль молнией мелькнула у меня в голове. Догадки жгли мой разум, терзая, как настоящее пламя.

Выдан людям, которые убивают и уничтожают... Но почему? Потому, что знал... Нет, причина могла быть только одна — кристалл, укрытый в мешочке на моем поясе. Глупо было держать его при себе... Кто-то хотел его получить, очень хотел. Они наняли четырех человек, этих убийц, чтобы получить его обратно...

Предан... но кем?

Я вспомнил юного послушника. Он вполне мог проболтаться, что кристалл находится здесь и что послушник Дэн знает, где он. Однако парень не мог их впустить. Кто-то должен был помочь ему поднять Барьер, кто-то знающий. Кто-то должен был раздобыть для них рясы и провести сюда. Один он все это сделать не мог.

Это означало — при одной мысли у меня подкосились ноги, — что действует организованная группа. Среди монахов нашлись люди, которых можно купить как наемников, для которых обеты и долг ничего не значат. Существовала группа, которая смогла предать Церковь, выдать светским властям ее тайны. А я — Боже, оборони Церковь! — ничего не мог с этим поделать. Моя проблема вдруг стала жизненно важной.

Группа фальшивых монахов стояла под моими дверями, о чем-то перешептываясь. Повернуть, не вызывая подозрений, я не мог, и оставалось лишь одно — идти дальше, надеясь, что они меня не остановят, не разглядят моего лица, не поймут, кто я такой. Мне нужно было обмануть этих быстроглазых мастеров обмана, и ставкой в игре была жизнь. Сердце мое бешено колотилось, ноги подгибались.

— Дэн, — темноволосый говорил голосом мягким, как лапка кота, пока из нее не высунулись острые когти, — послушник Дэн?..

Сердце мое на мгновение замерло, потом вновь забилося. Это был вопрос. Они не знали, что стоят у моей кельи, не были уверены, что попали правильно. Не колеблясь, я обернулся, скрывая лицо в тени капюшона, и указал дверь в коридоре, по которому пришел. Потом медленно двинулся в противоположном направлении.

Дорого дались мне эти неторопливые шаги. Я хотел бежать, но инстинктивно чувствовал, что если оглянуться или побегу, это кончится для меня трагически. У меня было не-

сколько секунд, прежде чем они убедятся, что келья, на которую я указал, пуста, и я должен был их использовать. Три кельи по той же стороне, что и моя, уже давно пустовали. Старые монахи, которым они принадлежали, умерли один за другим. Я знал их не очень хорошо, но то, как они ушли из этого мира, произвело на меня сильнейшее впечатление. Теперь же, если мне не удастся добраться до первого бокового коридора, я тоже уйду, но не как они, а в расцвете сил.

От коридора меня отделяли двадцать шагов. Пятнадцать. Я затаил дыхание. Десять. Может, еще получится.

— Эй, ты! — крикнул один из них.

Я сделал вид, что не слышу. Еще пять шагов. Четыре. Три. Два.

— Дэн! — снова этот бархатный голос.

Я повернул. Тонкая ярко-голубая стрелка промелькнула мимо, со свистом рассекла темноту. Я содрогнулся, подхватил рясу и пустился бегом. Сзади донесся удар, сдавленное проклятие и топот.

Часы, проведенные в тренировочном зале, пригодились мне. Несмотря на усталость, я мог бежать, а моих преследователей сковывала одежда, к которой они не привыкли. Кроме того, они не знали коридоров.

Коридор раздваивался, я повернул. Еще один коридор, снова поворот. У меня был шанс оторваться от них. Монастырь напоминал лабиринт, путаницу залов и коридоров, находящихся в нескольких зданиях. Однако топот башмаков по каменному полу не делался тише — враги были слишком быстры, чтобы я мог оторваться.

Куда я мог бежать? Где мог спрятаться? Убийцы были совсем рядом, а монастырь оказался ненадежным убежищем. Даже здесь нашлись люди, которые впустили убийц. Аббат? Если я сейчас отдам камень, как знать, сможет ли он защитить меня. И захочет ли? Ведь я обманул его.

Погоня продолжалась, я по-прежнему слышал топот за спиной. Я задыхался, кровь стучала в висках. «Две ступни, — подумал я. — Только две. Это они бегут за мной, ступни, отсеченные у лодыжек. Они хотят напомнить мне о камне...»

На мгновение мне захотелось бросить камень назад, как сделал космонавт из легенды, который бросил собственного ребенка гнавшемуся за ним чудовищу. Может, тогда ступни остановятся и позволят мне уйти.

Впрочем, это желание тут же исчезло. Ступней было вчетверо больше, они топали тяжело и неумолимо.

Выбраться отсюда? А могу ли я выйти за стены монастыря? За ними меня ждет верная гибель. В этой одежде,

без денег и без знания мира я был бы один и выделялся бы в любой толпе. Убийцы же пришли снаружи. В море хаоса они могли плыть почти незаметно, а я пробирался бы сквозь омуты чуждых мне вод, пока они меня не настигнут. В миру я стал бы беззащитной жертвой, которую они могли схватить, когда захотят, сделать с ней, что захотят, а потом избавиться от нее.

А здесь? О Боже, для меня не было бегства, не было дома, не было надежды. Мой мир выдал меня на милость демонов зла. Я видел перед собой открытую пасть с клыками, покрытыми кровью. «Черт вас возьми! — тихо вскрикнул я, пробегая по темным коридорам. Страх не покидал меня ни на минуту. — Черт вас всех возьми!»

Мне некуда было бежать, я не знал, где мне спрятаться, и я уже начал задыхаться.

Я кое-как сориентировался. Где-то направо должен быть Архив. Налево — трапезная, внизу — тренировочный зал. Однако нигде я не мог скрыться дольше чем на секунду, а погоня была совсем близко. И повернуть я не мог. А впереди был Собор. Лучше уж погибнуть здесь, чем запятнать Собор своей кровью. Хотя...

Удивленный мыслью, пришедшей мне в голову, я едва не упал. Это же мой мир, все еще мой мир. Убийцы оказались здесь, в моем мире, и если я не смогу это использовать, то вполне заслуженно попаду им в руки. Если я не смогу направить против них силу этого мира, если не заставлю их заплатить цену, которой они не ждали, пусть они сделают со мной, что захотят.

Прямо передо мной был Собор, а в его контрольном зале — силы, которые им даже не снились. Нужно поспешить...

Быстрее! Такой темп я мог выдержать лишь несколько секунд, не дольше, но эти секунды были бесценны. Когда я заметил перед собой голубое сияние Портала, звуки погони заглушили топот моих собственных ног. Секунда ожидания перед мнимой сплошной стеной коридора, и наконец-то, плита отодвинулась. Вход открылся едва наполовину, а я был уже внутри, и плита закрылась за мной.

Из последних сил я взлетел по лестнице, уселся перед пультом, включил питание, надел на голову шлем, сунул руки в перчатки. Экран посерел, вспыхнул, замерцал и прояснился. Как я и думал, Собор в это время был пуст. А затем — один, второй, третий — все четверо фальшивых монахов продрались сквозь голубую завесу Портала и оказались в ловушке...

Мною овладела ярость. Впервые в жизни почувствовал

я, что такое власть. Я чувствовал, как сила пульсирует под моими пальцами, наполняет все мое тело и разум. Власть принадлежала мне. В маленьком кусочке Вселенной я был Богом. И судьей. Жизнь и смерть принадлежали мне. Но сначала нужно было закрыть свое царство. Через Портал они могли войти, но не вернуться. Только Барьер открывал дорогу на улицу. Нажав кнопку, я изменил поле. Теперь они не могли сбежать от меня!

Во время погони они скинули с себя рясы и сейчас выглядели как тени, черные тени в обтягивающих брюках, рубашках и куртках, с отвратительными толстыми карабинами в руках. Трое лихорадочно, с нарастающей яростью и удивлением искали между скамьями беглеца, который исчез неизвестно куда. Четвертый, тот, смуглый, стоял посреди Собора, задумчиво разглядывая гладкие стены, и лицо его кривила загадочная улыбка.

Наконец эти трое подняли головы. Я был перед ними — из тени появилась моя высокая фигура в грубой серой рясе, с лицом, закрытым капюшоном. Вытянутая рука указывала на них, словно обвиняя.

«Вон из Собора! — прозвучал шепот в их головах. — Ядовитые насекомые, подлые трусы, наемные убийцы, блевотина Вселенной! Убирайтесь, пока я не вымел вас, как святотатственный мусор из этого святого храма».

В ответ огненный луч ожег стену за фигурой в капюшоне. Второй выстрел и еще один разогнали мрак Собора. Бесформенные тени поплыли к стенам, удаляясь от них, словно несомые невидимой волной. И только фигура перед ними стояла невозмутимо.

«Идиоты! — загремел полный презрения беззвучный голос. — Ваше оружие здесь бессильно, им даже запугать нельзя. Вы продали свои души, вы зависите от этих своих игрушек, но здесь они вам не помогут. Вы беззащитны пред лицом Бога!»

Неземной смех раздирал их мозги, неистовый смех безумца.

«Изыдите! Прочь, пока еще я сдерживаю гнев свой».

Один из них не выдержал. Трясаясь от страха, он повернулся и побежал к Барьеру, но в последний момент злоеющие мурашки, побежавшие по коже, удержали его от фатального шага. Наемник повернул побледневшее лицо к фигуре в капюшоне.

«Что? Ты не идешь? Тогда останься и познай мой гнев. Вы продались дьяволу, ради денег вы убиваете, пытаете и запугиваете. Ради нескольких жалких монет вы мучаете

слабых, чтобы удовлетворить сильных! Вам нужны деньги? Так берите же! Деньги, деньги, деньги, деньги, деньги...»

В воздухе возникли потоки монет, металлический дождь обрушился им на головы. Прежде чем они успели заслониться руками, монеты поранили их лица, а один лишился глаза. Ругаясь, стоял он, прижав одну ладонь к кровоточащей глазнице, но новая порция монет заставила его, как и прочих, спрятаться под скамьями.

И вдруг моя ярость прошла. Я дрожал всем телом, видя его пустую глазницу и кровь на щеках. Я вновь обрел здравый смысл и хотел, чтобы меня вновь охватило недавнее безумие.

Но как всякое безумие, оно не могло продолжаться долго. Даже если бы мне удалось удержать этих четверых в Соборе или даже — Боже, смилуйся надо мной! — убить их, рано или поздно монахи пришли бы посмотреть, что происходит, а против них я не мог использовать свое оружие. Нужно было кончать с этим.

Одно я должен был сделать наверняка — не допустить, чтобы кристалл попал в их руки. Они так сильно хотят его заполучить, что никогда не откажутся от поисков. Это безжалостные звери, и они не успокоятся, пока не найдут его.

Вытащив камень, я положил его перед собой на консоли, и он подмигнул мне, словно стеклянный глаз. Я вытянул руку, не в силах вынести разлуку с ним. Кем бы я стал, если бы потерял его? Никем, даже хуже, чем никем. Я вдруг понял, что до сегодняшнего полудня был никем и радовался этому. Вот так-то.

Я отдернул руку. Следовало избавиться от камня. Так мне подсказывал разум или просто трусость, и я знал, что это необходимо. Я не мог защитить его, не знал, как раскрыть его тайну. Я вновь взял камень в руку, и тут мне пришлось в голову, что я могу спрятать его в этом мире, где не было тайников.

Где-то между стенами Собора было пустое пространство, оставленное строителями как укрытие. Так бывало почти в каждом общественном здании. Многие из документов Архива попали туда именно из таких мест в руинах древних домов. Непрестанно заботясь о будущем, Церковь наверняка поручила сделать что-нибудь такое и в Соборе.

Я проник во тьму стен и двигался внутри них, высматривая просвет в темноте. Наконец нашел. Кристалл замерцал, падая, и исчез, а я вдруг почувствовал себя пустым и бесполезным. Там, среди камней, лежала причина безнадёжной ситуации, в которой я оказался, и там она будет

лежать долго после того, как я вернусь в землю, воздух и воду. В будущем какой-нибудь историк возьмет кристалл в руки и будет гадать, как он там оказался. Поначалу он попытается разгадать его тайну, а потом бросит куда-нибудь в угол.

Взглянув на экран, я понял, что слишком долго был занят своими мыслями. Дождь монет кончился, и убийцы успели рассредоточиться. Теперь в них было бы труднее попасть, но это было неважно, потому что запас монет у меня кончился. Бросать было нечего, а лучом с такого расстояния нельзя было поднять ничего тяжелого, например человека.

В углу, у самого Портала, где затаился смуглый, что-то шевельнулось. С невероятной ловкостью наемник бросил бомбу в сторону зала управления, и взрыв пробил в передней стене Собора огромную дыру. Чтобы уничтожить меня, они готовы были разрушить Собор!

Я стиснул зубы, придумав, что смогу сделать, если они окажутся недостаточно осторожны. Луч устремился к тому, который потерял глаз, и, прежде чем он понял, что происходит, его оружие поплыло по воздуху, словно отвратительная черная птица, остановившись у ладони темного монаха — тот стоял непоколебимо, взрыв был ему нипочем.

Мои псевдопальцы лихорадочно искали спуск. Голубые заряды пронизывали мое изображение — они старались уничтожить оружие, прежде, чем я выстрелю. Рычажок вниз, на который наткнулся мой палец, должно быть, был спуском. Я нажал его — ничего. Может, есть какая-то кнопка на стволе? Нет... Потом я случайно разом нажал на спуск и на рукоять оружия, и голубой огонек вслепую устремился к убийцам.

Вслепую, но не мимо. Я содрогнулся от омерзения и стиснул зубы, чувствуя в горле горечь желудочного сока и понимая одновременно, какая мелочь то, что один человек лишился глаза. Дымящееся туловище стояло еще — удивительно долго! — а потом рухнуло между скамьями.

Их осталось трое, и они были осторожны, не зная, что я попал совершенно случайно. Из-за скамей никого не было видно. Вглядываясь в экран, я гадал, смогу ли заставить себя выстрелить еще раз. В Соборе, лежал мертвый человек. Мерзавец и убийца... но это ничего не меняло. Еще секунду назад он жил, а теперь был мертв. Меня замутило.

Вот! — рука, поднятая для броска. Я автоматически нажал на спуск, и одна из скамей превратилась в дымящиеся обломки. Рука дернулась, из нее выпало что-то небольшое

и блестящее... В воздух взметнулся фонтан крови, кусков плоти, дерева.

Лицо мое исказила гримаса, и я отвернулся от экрана.

Смерть! Смерть! Я — Смерть!

Я убивал тех, кто жил убийством, но смерть должна быть холодна и бездушна, а я был слаб и напуган.

Портал замерцал — я заметил это краем глаза. Карабин дрогнул в руке монаха-призрака, но я не мог заставить его ладонь сжаться. Хватит убийств. Оружие молчало, и убийца спокойно пересек Портал. Ему помог кто-то из монастыря, снова помог, а я продолжал гадать, кто же это может быть. Мне вдруг пришло в голову, что меня могут обойти с тыла, я вспомнил, что могу быть убит так же легко, как они, и так же лежать мертвым. И такой конец был самым вероятным.

Вскочив с места, я подбежал к двери. Выход в коридор был закрыт, лестница пуста. Вновь сев за пульт, я посмотрел в зеркало, висевшее высоко на стене, — вся лестничная клетка отчетливо отражалась в нем. Будь у меня оружие...

Я попытался лучами вырвать карабин из рук убийцы, оставшегося в Соборе, но он держал его крепко, сопротивляясь невидимым перстам. Снова взгляд в зеркало — проход по-прежнему оставался закрыт. Для острстки я выстрелил в того, что остался в Соборе. Сиди и не двигайся! Мысли мои путались...

Ловушка. Я заперт в ловушке, без выхода. Из Собора можно выйти через Барьер и Портал, но отсюда выход только один — по лестнице вниз, в коридор, где уже ждет тот, смуглый. Конец будет быстрым, это я решил твердо. Они захотят взять меня живым, чтобы пытками заставить сказать, где кристалл, но я не дам им шанса.

«Только два выхода...» Я ухватился за эту мысль, как тонущий за соломинку... Еще раньше мне приходило в голову, что может быть и третий...

Мне нужна была одежда, нужны были деньги. Без этого бегство становилось невозможным, а выход, снова ведущий в объятья смерти, не имел для меня смысла. Здесь у меня не было шансов уцелеть, но снаружи, несмотря на все сложности...

Одежда безголового негодяя была почти цела. К счастью, магнитные застежки поддались действию луча. С курткой обошлось легко, хуже было с рубашкой. Я боролся с тяжелым мертвым телом, ворочая его с боку на бок, чтобы стянуть рукава с безвольных рук. После смерти негодяй доставлял мне больше хлопот, чем при жизни.

Когда куртка и рубашка уже лежали возле меня, я посмотрел в зеркало и понял, насколько был неосторожен. Вход из коридора был открыт, хотя на лестнице по-прежнему никого не было. Мне нужны были несколько спокойных минут, всего несколько минут. Я втащил карабин в комнату, бросился к двери и залил лестницу голубым огнем. Это удержит черного от самоубийственного подъема вверх. Впрочем, он мог позволить себе ждать.

Комната содрогнулась от взрыва, я пошатнулся, пытаюсь добраться до пульта, но пол накренился под моими ногами. Чтобы не упасть, я схватился за спинку стула и подтянулся к пульта. Мне не хватало глаз, не хватало рук. Мерзавец из Собора бросил еще одну бомбу, маленькую, но невероятной разрушительной силы.

Я отправил карабин обратно в Собор и попытался найти стрелка. Единственным результатом была потеря зарядов и времени. Тогда я вновь занялся безголовым трупом. Белое тело сияло в темноте, взгляд мой метался от экрана к зеркалу и обратно. Я хотел стянуть с трупа брюки, проклинал их, мертвое тело и моду на слишком узкую одежду. Наконец я крепко ухватился за пояс и поднял труп. Что-то упало.

Голубой огонь лизнул стену над моей головой. Выпустив брюки, я с ужасом посмотрел в зеркало — отразившиеся в нем рука и карабин спрятались за углом. Таким образом он ничего со мной не сделает. Опасность была в другом: слишком увлекшись другими проблемами, я мог дать ему шанс избежать по лестнице. Тогда мне конец.

Человек в Соборе поднял руку! Я промахнулся по ней, но он быстро убрал ее. Глядя в зеркало, я возился с брюками. Наконец они подались, я стащил их, как кожицу с апельсина, и положил рядом с собой. Теперь одежда у меня была, оставалось только выбраться.

Я прицелился в голого убийцу. Белую кожу пересекала темная полоса — широкий пояс. Одним движением расстегнув его, я выстрелил. Труп подскочил и превратился в черную, бесформенную массу. С большим трудом удалось мне сдержать рвотный позыв.

Вспышка застала врасплох последнего бандита, и он неосторожно высунулся из-за скамей, чтобы взглянуть на огонь и удушливый дым. Мой карабин передвинулся, плюнул огнем, и человек тяжело рухнул между скамьями. С меня было достаточно... достаточно убийств, достаточно крови, достаточно смерти и почти достаточно жизни.

Голубой огонь вновь лизнул стену над моей головой и

вернул мне присутствие духа. Я поднял голову — на месте зеркала был белый прямоугольник, окруженный копотью. Вот когда я понял, насколько сильна жажда жизни. Я хотел жить, а это зависело от того, даст мне смуглый несколько минут или нет. Не на лестнице ли он? Нельзя забывать, что борьба еще не закончилась. Я вернул карабин из Собора — там он был уже не нужен — и встал, держа оружие высоко над головой, направляя ствол на лестницу. Подойдя к ней, я нажал на спуск, и карабин вздрогнул в моих руках. На ступенях не было ничего, кроме пламени.

Времени раздумывать не было, и я бросился к одежде, лежавшей на полу. Скинул рясу, поднял пояс, обернул его вокруг себя, соединил концы. Он свисал свободно, но времени на подгонку не было. Брюки тоже оказались велики. Впрочем, оно и к лучшему.

Прежде чем взяться за рубашку и куртку, я дважды выстрелил в сторону лестницы. Рубашка оказалась в обтяжку, куртка тоже. Кстати, куртка была бы еще теснее, если бы я сунул оружие во внутренний карман, но я держал его в руке.

Еще раз я залил огнем лестницу, потом подбежал к пульту и торопливо заработал рукоятками. Нужно было установить все очень точно. Идеально точно. Через машину должна была пройти максимальная энергия в минимально короткое время. Так, автоматическое управление... Последняя проверка заняла довольно много времени. Я определил место на полу, сунул оружие в карман и вытянул руку, чтобы нажать кнопку.

И тут услышал, как кто-то бежит по лестнице.

Вокруг потемнело. Последнее, что я запомнил, был черный убийца, прыгающий в сторону, чтобы уйти от выстрела из карабина, удивление в его глазах и пламя, охватившее меня и поглотившее свет.

4

Мне впервые снилось бегство, темнота, и тишина, и страх перед преследующими ступнями, ужасающе легкими, и жгучая боль в руке — только теперь я чувствовал ее и на лице, — выпускание уголька и стыд, и пустота...

Начало всегда было одинаково, только окончания различались...

Я был слеп или мертв, или и то и другое вместе. Потом в темноте родился свет, голубой свет наверху и зеленый

внизу, и я заметил, что лежу на лугу. Лицо мое болело не так сильно, потому что его лизало мягким языком четвероногое животное. Несмотря на боль, я встал, чтобы посмотреть, где нахожусь, и место показалось мне знакомым. Я не помнил названия, но это мне не мешало, ибо там был покой, а покою не нужно названия.

Из-за холма вышла девушка, у которой тоже не было имени, и это тоже было хорошо. Она шла по воздуху, потому что ступней у нее не было. Девушка улыбалась и, подходя ближе, подала мне руку. Тепло протекло вдоль моей руки волнами и разошлось по телу, и я почувствовал, что жив. И когда она наконец отняла руку, в моей ладони остался кристалл — невинный, прозрачный, таинственный.

Губы ее шевельнулись, но я не услышал ни звука.

— Что это? — спросил я.

Она удивилась, нетерпеливо пожала плечами и пальцем указала на свои уши. Губы ее снова шевельнулись.

Я должен был задать вопрос, должен был узнать ответ, но никак не мог вспомнить вопроса.

— Это жизнь? — спросил я, чтобы она не ушла. — Это надежда, свобода? А может, любовь?

Ее образ начал таять, и животные исчезали, и луг исчезал, а я лихорадочно пытался задержать ее.

— Стоит ли жить для этого? Стоит ли умереть?

Но она лишь печально пожала плечами, продолжая медленно истаявать.

— Вернись! — крикнул я. — Вернись.

Она покачала головой... тихо, беспомощно.

— Я не знаю этой тайны! — крикнул я. — Не знаю, что это означает. Скажи мне. Скажи!..

Губы ее произнесли какое-то слово, но девушка была уже так далеко, что я не смог его понять, и опустил голову. Кристалла не было, а я был один, всегда один, навсегда один, один и в страхе...

Я открыл глаза и почувствовал, как чьи-то осторожные пальцы натирают мою правую руку каким-то жирным болеутоляющим. Голубоватый свет был приглушен, веки у меня словно свинцом налились, затылок болел. Какое-то лицо медленно склонилось надо мной, и в первый момент я подумал, что это лицо девушки, потому что оно было светлое, красивое и окружено светлыми волосами. Но, прищурившись, я увидел, что волосы короткие, а лицо принадлежит мужчине.

— Просыпаешься? — спросил мужчина звучным и спокойным голосом. — Так я и думал.

Я попытался встать.

— Мне нужно идти... — Губы мои болели, а голос звучал хрипло.

Мужчина положил руки мне на плечи и снова уложил. Надувной матрац прогнулся подо мной, и мужчина сел на край постели. Я осмотрелся. Комната была больше моей кельи, мебель — удобная и яркая, но без роскоши: матрац, на котором я лежал, несколько кресел, полка с какими-то древними книгами, портьеры, закрывающие все стены, за исключением одной открытой двери.

— Ты никуда не пойдешь, — мягко сказал мужчина. — Во всяком случае не сейчас. И не в таком состоянии.

Я успокоился, хотя и не до конца. Этот человек показался мне хорошим. Я никак не мог собраться с мыслями, но одно вспомнил.

— Это опасно, — прошептал я ему.

Он прищурился.

— Почему?

Приложив ладонь ко лбу, я поморщился, закрыл глаза и открыл их снова.

— Не могу вспомнить. Кто-то меня ищет. Наемник в черной одежде. Он хочет меня убить. И тебя тоже убьет.

Мужчина лениво улыбнулся.

— Это не так-то просто. Там, где я вырос, у нас было больше неприятностей, чем еды. С тех пор как я попал на Бранкузи, жизнь вполнину замедлила свой темп. Если бы ты был тем, кем выглядишь, — в глазах его запрыгали веселые огоньки, — то и вовсе не доставил бы мне хлопот. Ты был бы уже мертв.

— О чем ты?

— Ты одет как Свободный Агент, но ты не из них. У тебя слишком светлая кожа, слишком нежные руки. Одежда велика тебе в поясе и узка в плечах. Держу пари, что ты монах.

— Лучше сказать, был монахом, — ответил я, машинально подражая его речи. — А что такое Свободный Агент?

— Один из тех жестоких ловких парней, высокооплачиваемых наемников. Они свободны в выборе оружия и женщины, независимы от денег, им разрешено менять хозяев, если другой платит больше.

— Похоже, я убил троих из них, — сказал я, и это воспоминание заставило меня содрогнуться.

— Медаль новичка! — воскликнул мужчина, улыбаясь, но мне показалось, что в его голосе прозвучало уважение. — Еще несколько таких подвигов, и ты станешь мастером.

Внезапно я осознал ситуацию и приподнялся на локте.

— Где я? Ведь они могут?..

— Нет, разве что следили за тобой. — Мне показалось, он прищурился. — Я нашел тебя бредущим по улице, а потом ты потерял сознание. Полежи, отдохни, наберись сил. Я принес тебя сюда, но дальше тебе придется управляться самому.

Он вынул из коробки что-то белое и длинное и сунул в рот. Едкий сладковатый дым расплылся в воздухе, глаза мужчины заблестели. Я пригляделся к нему внимательнее и понял, что поначалу принял его за девушку не только из-за светлых волос. Кожа его была нежна, хотя и слегка загорела, губы ярче, чем обычно бывают у мужчин, а когда он встал, то показался мне маленьким и худым, хотя двигался с кошачьей ловкостью и видно было, что его тело таит в себе немалую силу.

— А что касается того, где ты, — сказал он, прохаживаясь по комнате и выпуская из узких ноздрей тонкие струйки дыма, — знай — в магазине Фреда Силлера, книготорговца. — Невеселая улыбка тронула его губы. — Книги для широких масс. Дела идут хуже некуда. Скажи, откуда у тебя это?

— Что? — осторожно спросил я.

— Эти ожоги на лице и руке.

Я поднял руку — она была красной и блестела от жира. Вот почему у меня болели лицо и рука.

— Один из них выстрелил в меня.

Силлер тихо свистнул.

— Это что-то новое. Ожоги от фламмера! Обычно не остается ничего.

— Я... я как раз уходил.

— Да уж. — Силлер поднял брови. — И очень торопился. Не помнишь?

— Не знаю, — неуверенно ответил я. — Немного. Помню, что меня зовут Дэн. Уильям Дэн. Я был послушником в монастыре. Девушка вошла в Собор, когда я нес там службу, вошла, скрываясь от четверых Свободных Агентов... А когда вышла, они отсекали ей ступни...

— Дальше, — нетерпеливо бросил он.

— Ты не понимаешь? — Голова у меня кружилась и болела, но я хотел ему это объяснить: — Они отсекали ей ступни и при этом улыбались.

— Да-да, я понял. — Его глаза казались увеличенными из-за дыма, плавающего между нами. — А что случилось потом?

Я беспомощно опустился на кровать и потер лоб ладонью, не обращая внимания на боль. Никого не интересовало самое важное. Постепенно, эпизод за эпизодом я вспоминал то, что случилось, но путано, неуверенно. А когда закончил, закрыл глаза.

— Больше ничего не помню.

Когда я снова взглянул на него, он смотрел на меня сквозь дым; глаза были большие, голубые, блестящие, как у лихорадочного больного.

— Зачем она пришла в Собор?.. Что принесла?.. Почему вышла?..

Я только качал головой.

— Не знаю... Не помню... Не знаю...

Наконец глаза и голос куда-то уплыли, и я погрузился в оцепенение, из которого меня вырвал хохот, звучащий, казалось, где-то далеко.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал голос, — и залечить раны. Вероятно, когда он выстрелил, ты заслонил рукой глаза. К счастью для твоего зрения. Ты не в лучшей форме: брови и ресницы у тебя почти сгорели, а лицо похоже на кусок сырого мяса.

— Что мне делать? — тихо спросил я. — Вне стен монастыря я как младенец.

Он снова захохотал.

— Неплохо оснащенный младенец. Одежда. Деньги — пять тысяч имперских хроноров в сотенных банкнотах...

Я широко открыл глаза, а Силлер продолжал хохотать.

— В пояс, — объяснил он.

Я потянулся к поясу левой, здоровой рукой.

— Они там. Если бы я хотел их украсть, то не оставил бы тебя здесь, чтобы ты об этом беспокоился. Я всегда думаю, прежде чем сделать что-то. Этот наемник, которого ты раздел, был богатым человеком. Если это его доля за работу, то либо он, либо задание ценилось весьма высоко. Разве что ты ограбил сокровищницу Аббата.

Я хотел встать, но он толкнул меня обратно.

— Это неважно. Во всяком случае у тебя есть оружие, оно стоит самое малое пятьсот хроноров, солидный запас амуниции...

Он отогнул лацкан моей куртки, показав ряд тонких металлических трубок, вставленных в карманчики.

— Десять. Хватит на сотню одиночных выстрелов, десять очередей или одно настоящее извержение. Достаточно энергии, чтобы обогревать и освещать этот магазин десять лет кряду. По пятьдесят хроноров — если кому-то

удастся добыть нечто подобное. Да, снаряжение у тебя превосходное.

— За деньги нельзя купить свободу, — сказал я. — И покой тоже.

— Ты бы очень удивился, если бы знал, что за них можно получить, если знать, куда пойти, как их потратить и как потом сохранить. Значит, тебе предстоит многому научиться. Немного знаний, масса жестокости и удачи, и, может, тебе удастся выжить.

«Выжить». Я содрогнулся, вспомнив лицо Агента.

— Мне не уйти от того, смуглого.

Силлер посерьезнел.

— От кого?

— Не знаю, — ответил я. Меня раздражали бесконечные вопросы, я устал, лицо и рука болели. — Черные, холодные, безжалостные глаза, крепкая челюсть и огромный нос. Он высокий... по крайней мере с меня ростом, лицо смуглое, равнодушное и дерзкое...

— Сабатини, — сказал Силлер. Голос его чуть дрогнул, а лицо заметно побледнело.

— Ты его знаешь? — задал я идиотский вопрос. Я так устал, что уже ничему не удивлялся.

— Знаю. — Силлер говорил словно сам с собой. — Мы встречались два раза. Однажды на Маклеоде, второй раз в Объединенных Мирах. Ни у меня не было к нему дел, ни у него ко мне. Но сейчас... — Он пожал плечами, явно обеспокоенный. — В Объединенных Мирах у Сабатини были дела, которые должны были его там задержать, пока не появится кто-то более быстрый, твердый и ловкий.

— Но ведь Объединенные Миры в сотне световых лет отсюда, — удивился я.

— Вот именно, — буркнул Силлер. — Кто бы мог подумать?..

До этого момента он кружил по комнате бесцельно, но теперь подошел к стене и отдернул портьеру. Под его пальцами открылась часть стены, показав небольшой шкафчик. Силлер вынул оттуда какие-то предметы и рассовал по карманам. Среди прочего там был и пистолет, выглядевший совсем по-другому, чем тот, который я забрал у Агента. У него был длинный узкий ствол. Силлер сунул его в карман подмышкой.

Он явно готовился к выходу, и я смотрел на него, не зная, что сказать. Наконец он взглянул на меня.

— Лучше бы нам убраться отсюда, — сказал он как ни в чем не бывало. — Это место может быть...

Он замер, а я почувствовал какое-то беспокойство. Мгновением позже в соседней комнате громко, настойчиво постучали в дверь.

Силлер как-то странно нахотлился.

— Стучите! — зловеще сказал он. — Идите и познаете вкус ада!

Медленно, словно ничего не произошло, он выпрямился и повернул ко мне спокойное лицо.

— Вставай.

Он стоял возле двери, которая, как я уже догадался, вела в магазин. В дверь, выходящую на улицу, кто-то стучал. Силлер нажал часть дверной рамы — ничего не случилось.

— Кто это? — спросил я.

Стук вдруг стих.

Силлер посмотрел на меня, явно удивленный, что я еще лежу на матрасе, потом пожал плечами.

— Наверное, какой-то клиент. Но магазин закрыт. Навсегда.

Когда Силлер подошел к закрытой части стены напротив дверей, я услышал звук, который уже начинал узнавать, — резкий писк, приглушенный расстоянием. Потом в комнате рядом раздался треск, крики и грохот, волна жара прокатилась по комнате, из-под двери появились языки огня.

— Идем! — поторопил меня Силлер. — Вставай. Я, конечно, мог бы подождать, но огонь ждать не будет.

Я посмотрел на него. Он стоял у стены, в которой открылось прямоугольное черное отверстие. Я сел, и комната закружилась у меня перед глазами. Медленно, с трудом я встал... комната снова покачнулась. Я машинально протянул руку, чтобы опереться на ближайшую стену, но рука сама отдернулась от нее — стена раскалилась.

Стиснув зубы, я сосредоточился на том, чтобы не упасть. Капли пота выступили на моем лице, но комната остановилась. Десять шагов. Пять я сделал медленно, осторожно, словно шел по веревке над пропастью, но на шестом споткнулся, и оставшиеся четыре слились в один прыжок неведомо куда. В последний момент я ухватился за косяк двери и удержался на ногах.

— Хорошо, — сказал Силлер, похлопав меня по плечу. — Я хотел посмотреть, стоит ли брать тебя с собой.

Я с усилием поднял голову. Лицо Силлера выглядело неясным розовым пятном.

— А если бы... — слова процеживались сквозь зубы, как горькие капли, — ...я не смог?

— Тогда бы я оставил тебя здесь.

Пламя уже врывалось в комнату, но проход перед нами был темен. Потом узкая трубка, которую держал Силлер, осветила коридор, и я шагнул вперед. Собственно, это был даже не коридор, а узкое пространство между шероховатыми стенами. Там было полно пыли, паутины, обломков дерева, металла, пластика и прочего мусора.

За моей спиной Силлер закрыл отверстие толстой пластиковой дверью и коснулся кнопки на стене. Узкая полоска огня obeжала дверь по периметру и погасла.

— Теперь, — захохотал Силлер, — если вторая комната уцелеет, а так наверняка и будет, им придется подумать, как мы оттуда ушли.

Он закинул мою руку себе на плечо и повел меня по затхлому коридору. Несмотря на усталость, я заметил, что маленький Силлер держал мой вес без заметных усилий. Казалось, наш поход никогда не кончится, коридор в свете фонаря оставался все таким же. Спотыкаясь и кашляя от пыли, которую наши ноги поднимали в воздух, я двигался вперед, пока наконец не утратил чувство времени и расстояния.

Наконец в самом конце вечности мы все-таки остановились, и Силлер выскользнул из-под моей руки.

Я оперся на что-то твердое и холодное, а Силлер сделал что-то с монолитной стеной. Потом там, где была стена, появился проход, и я оказался по другую сторону, не веря собственным глазам.

«Дворец Императора», — мелькнула у меня безумная мысль.

Впрочем, я знал, что ошибаюсь. Какой-то голос шептал мне, что это комната обычного книготорговца, однако чувства, потрясенные увиденным, восставали против фактов.

Обычного? Ну уж нет! Вделанные в стены картины, почти трехмерные, несомненно были творениями гения. Стены излучали приглушенный свет, сверкающие стулья и секретер казались двойными птицами, присевшими на толстый ковер. В высокой нише находились полки, заполненные рядами томов в великолепных переплетах, а в углу стоял трехмерный телевизор необычайных размеров...

Комната поражала гаммой цветов. Я закрыл глаза ладонью, а другой рукой ухватился за косяк двери...

Силлер что-то сказал, но я услышал лишь невнятное бормотание.

Сделав шаг вперед, я упал и потерял сознание, даже раньше, чем коснулся пола.

Когда я проснулся утром следующего дня, началось мое обучение. Я лежал в большой кровати, и комната была не та, которую я видел накануне. Чувствовал я себя отдохнувшим, но когда попытался встать, одеревеневшие мышцы отказались повиноваться. Лицо и рука болели, а на затылке набухла большая шишка...

— Где твое оружие? — прошептал стоявший в дверях Силлер. Голос его напоминал шипение змеи.

Я сел, постанывая от боли, еще не соображая, что к чему.

— Где твое оружие? — прошипел Силлер еще тише. В руке он небрежно держал пистолет с длинным тонким стволом.

Я коснулся своего плеча, но не нашел ничего, кроме собственной кожи. То, как на мне лежало одеяло, подсказало мне, что я обнажен.

У двери раздался звук, словно кто-то резко выпустил воздух изо рта, и что-то пролетело, задев мои коротко остриженные волосы. Я поднял голову. Пистолет Силлера уже не свисал небрежно, а был направлен в мою сторону. «Какое маленькое отверстие у него в стволе, — идиотски подумал я; — не больше булавочной головки».

— Ради Бога... — начал я.

— Будь на моем месте кто-то другой, — прервал меня Силлер, — ты бы уже умер.

По-прежнему ничего не понимая, я оглянулся. В стене над моей годовой торчала небольшая игла.

— Понимаю. Я запомню этот урок, — сказал я и потянулся, чтобы вытащить иглу из стены.

— На твоём месте я бы этого не делал, — заметил Силлер как ни в чем ни бывало. — Она отравлена.

Мои пальцы остановились в сантиметре от иглы.

— Урок номер два, — продолжал Силлер. — Никогда не касайся того, чего не знаешь. Отсюда вывод: не лезь в дело, пока не узнаешь, что можешь потерять, что выиграть и насколько силен противник.

Силлер щипцами вытащил иглу из стены, осторожно сунул ее в небольшую трубочку, закрыл пробкой и спрятал в левый карман.

— Получается, что ты сам временами забываешь о собственных принципах, — буркнул я, не выказывая особой благодарности, — иначе не забрал бы меня с собой.

— Именно тут ты и ошибаешься, — ответил Силлер.

Я промолчал. Когда я оделся и поел, он смазал мне лицо

и руку мазью. Руки у него были неприятно теплые и влажные.

— Думаю, ты никогда не был красавчиком, — заметил Силлер, — поэтому трудно сказать, что это тебя уродует. Через неделю лицо должно полностью зажить, если не считать бровей, ресниц и пигмента. С рукой дело долгое, если, конечно, ты проживешь столько. Но зато ты единственный человек, переживший выстрел из фламмера.

Я пришел к выводу, что тайное жилище Силлера находилось в покинутом складе. Из его удивительно роскошной комнаты можно было попасть в обширный подвал, так что места для тренировок хватало. В тот день среди камней, грязи, насекомых и мелких грызунов я научился обращаться с оружием.

Силлер взял мой фламмер.

— Нарень по фамилии Бретон изобрел энергетическую батарею. Впрочем, возможно, он ее просто где-то вычитал или заново открыл принцип ее действия. Это то, что находится у тебя под лацканом куртки. Если ее вставить в рукоять, соединяются два контакта. При нажиме на спуск... — пафф! — голубой заряд растекся по фигуре человека, нарисованной на стене, — цепь замыкается и высвобождается одна сотая доля занесенной энергии. Непроводящий ствол направляет эту энергию на цель. На стволе есть кнопка, когда ее нажимаешь одновременно со спуском, выстрел получается в десять раз сильнее. Это хорошо, когда имеешь дело с большой группой. На самой батарее сбоку есть небольшой рычажок, который идет вниз, когда вставляешь ее в рукоять. Это позволяет освобождать энергию. Кроме того, рычажок можно опустить пальцем, и тогда, если батарею уронить или бросить, она взорвется со всей силой в момент прикосновения к какому-либо предмету.

Я тренировался в одиночных выстрелах — оказалось, что у меня талант к ним. Вскоре я легко попадал в середину фигуры.

— Из этого оружия нужно целить в туловище, это крупная цель и наименее подвижная. Попал в тело — и готов труп. Стрелять в голову — значит рисковать, а любители риска живут недолго.

В том, что касалось стрельбы, Силлер оказался энциклопедистом.

— Такой выстрел — это как удар кулаком в лицо или пинок по зубам. Грубая сила. Я люблю игольные пистолеты.

Отравленная стрела, попадающая в нужное место, убивает так же быстро, но гораздо тише. Такой пистолет — это яд в стакане, нож в спину. Тонкий, деликатный метод, без предупреждения и следов. Взрыв хорош, когда имеешь дело с целой толпой, но я никогда не лезу в подобные авантюры. Кроме того, иглы дешевле и их всегда можно достать. С батареями труднее.

Я тренировался целый день и вскоре уже попадал в любую часть тела девять раз из десяти с пятидесяти метров. Потом я начал учиться извлекать пистолет из кармана под мышкой, однако никак не мог добиться кошачьей ловкости Силлера. Когда мы отправились домой перекусить, я проверил его карманы. Там у него было закреплено гениальное устройство, состоявшее из пружины, зажима и рычага. Вложенный в него пистолет натягивал пружину, а когда полу куртки откидывали, рычаг освобождал зажим, и оружие само прыгало в руку.

Вытащив это устройство из кармана Силлера, я сунул его в свой. Вернувшись, Силлер надел куртку, а когда вкладывал пистолет в карман, лицо его удивленно вытянулось. Мы оба выхватили оружие, но, пока он вытащил свое только до половины, я уже успел прицелиться в него.

Сперва он нахмурился, но потом язвительно усмехнулся.

— Ты лучше, чем я думал, Дэн. Может, ты и справился бы на улице.

Я хотел вернуть ему устройство, но он отказался.

— Оставь себе, у меня есть еще несколько.

Я продолжал тренироваться. Выхватить — и огонь! Выхватить — и огонь, поворот — и огонь. Я тренировался до тех пор, пока движения мои не стали такими же автоматическими, как дыхание. Силлер говорил: «Дэн», а я уже держал пистолет в руке. Он делал едва заметное движение, я поворачивался, пригибался, и пистолет плевал огнем на почерневший силуэт на стене.

Наши занятия продолжались часами.

— Смотри человеку в глаза, — учил Силлер. — Глаза — зеркало души. Прежде чем рука сделает движение, намерение это отразится в глазах. У всех, кроме Сабатини. Его глаза всегда выражают одно и то же, целует ли он девушку или убивает ребенка.

Я направлял на Силлера незаряженное оружие, а его рука прыгала, как змея, и выбивала у меня пистолет.

— Не так близко. Держи пистолет у бока или бедра. Ты должен разоружить меня, но с такого расстояния, чтобы я не мог тебе помешать.

Тренировки продолжались. Вытащить — и огонь. Вытащить — и огонь. Вскоре я уже мог, услышав шорох среди камней, вытащить пистолет, и в ту же секунду на пыльный пол падала мертвая дымящаяся крыса. Силлер тоже включился в эту забаву.

— Хорошо! — сказал он, и глаза его заблестели. — Следующая — моя.

Численность крыс резко уменьшилась.

Силлер научил меня обращаться с ножом, справляться с врагом тихо и эффективно, научил справляться и с безоружным, когда у тебя есть нож, и, что гораздо важнее, как вести себя в обратной ситуации. Он показал мне, как сделать тайник в рукаве, и дал мне для него острый нож. Наконец он неохотно признал, что у меня есть шанс уцелеть даже в мире Агентов.

Однажды после позднего ужина Силлер исчез с моей одеждой, оставив мне какую-то тряпку, едва доходившую до колен. Я осмотрел квартиру. Еще раньше я заметил, что наверху нет никакого помещения, а подвал не имеет ни окон, ни дверей. Выход был только один, но он был закрыт.

В конце концов я начал просматривать книги. Большинство оказалось беллетристикой, однако нашлась и небольшая полка с серьезными трудами. Я даже не подозревал, что у Силлера такие широкие интересы.

На полке оказалось несколько книг Джуди. Я мог выбрать «Книгу Пророка», «Церковь» или «Ритуал и Литургия», но и так уже знал их наизусть. Остальные названия ничего мне не говорили, что-то техническое, вроде «Принципы действия, энергия и основные диаграммы контуров», «Машины и Наследие человечества» и тому подобное. У меня было церковное образование, а не светское.

Книга, которую я наконец выбрал, отличалась потрепанной обложкой и загнутыми листами. На титульном листе не было ни фамилии автора, ни названия издательства. Называлась она «Динамика власти в Галактике». Усевшись в кресло, я начал читать. Читал я медленно и вдумчиво, но время шло быстро, потому что ее содержание буквально пьянило меня. Все было интересно, но один фрагмент я помню доныне слово в слово.

«Необходимо понять, чем на самом деле является власть. Ключом к пониманию этого является мир-крепость, а к крепости нет ключа. Взглянем на это ясным взглядом, не ослепленным фальшивой надеждой, не затуманенным мечтами.

Самое главное — оборона. Это символ крепости. В кре-

пости размещены люди и снаряжение, необходимое для обороны. Приближается враг. Он идет через обширное пространство, через световые годы, с огромной армией, с оружием, амуницией и горами припасов, требующихся, чтобы одеть и накормить свою армию. Пусть враг форсирует безмерный ров, используя свои запасы, теряя энергию на преодоление пространства, пусть болезни, скука и распри подтачивают его армию. Пусть он идет. Но пусть защитники будут решительны, и тогда атака не сможет принести успеха.

Задумаемся над радиусом действия и экономикой власти. Подготовка к нападению может лишить мир людей и богатства. А что нужно для обороны? Кольцо самонаводящихся ракет и хорошая система радаров. Атакующие корабли не прорвутся, пока не уничтожат все ракеты, а если защитники организуют производство должным образом, они с легкостью восполнят потери. Одновременно с этим нападающим придется ждать, расходуя силы, пока их собственный мир не взбунтуется против требований ненасытных правителей.

Если же, несмотря ни на что, атакующие победят, то какой ценой? За их спиной останется разоренная планета, с ресурсами, потраченными на завоевание, с резко уменьшившимся населением, оголодавшая и бунтующая. А что они получают? Мир, который невозможно эксплуатировать. Предводитель захватчиков окажется в крепости, принадлежащей теперь ему. Теперь он стал здешним владыкой, и ее предыдущий хозяин не может навязать ему своей воли, как не мог навязать ее защитник крепости перед завоеванием. И если кто-то заговорит о лояльности, то я не знаю, что он имеет в виду. Внутри крепости можно быть лояльным только к самому себе.

Такова психологическая основа крепости. И еще одно: человек из иного мира — враг, он не соплеменник, а чужак. И мы ненавидим его.

А вот какова политика крепости: оборона должна быть решительной и эффективной. Решительность и эффективность не могут разделять широкие массы людей, они со временем могут атрофироваться. Эти черты можно лишь навязать сверху. Крепостью должен управлять один или несколько человек. Демократия здесь невозможна.

В истории бывали случаи демократического строя. Но пересчитайте — их не так уж много. А какова их судьба? Они меняли форму правления сами или это делали за них. Прогрессирующая централизация кончалась диктатурой или сокрушалась завоевателем.

Пересчитайте важнейшие силы Галактики. Отдельные

владыки, Церковь, Торговцы. Владыки довольны, Церковь довольна, Торговцы довольны. Проигрывает только народ.

Значит, надежды нет? Ответ может быть только один: никакой. Народ не может взбунтоваться, потому что у него нет власти. У него нет возможности для борьбы и, что важнее всего, нет возможности мыслить или обмениваться мыслями. Народ — невежды, удерживаемые владыками в темноте. Но если каким-то чудом они все-таки взбунтуются, что произойдет дальше? В неизбежной неразберихе их тут же завоюет ближайший мир.

Поэтому мы смотрим на звезды и вздыхаем о счастливых временах. А наши вздохи — это воздушное ничто, расплывающееся в небытии...»

Я закрыл книгу и отложил ее, когда Силлер вошел с моей одеждой. Ее перешили на меня, а темное пятно вокруг шеи вывели.

Силлер сообщил мне, что поблизости нет никого, кто походил бы на Агента. Если Сабатини и искал меня, он делал это исключительно осторожно. Силлер слышал, что Собор торопливо ремонтируют, потому что прошел слух об инспекторской поездке Архиепископа на Бранкузи. Говоря о Соборе, он смотрел на меня, но мое лицо оставалось маской, опаленной кожей.

Он следил за мной, пока я одевался.

— Что оставила та девушка? — спросил он как бы мимоходом.

— Она оставила... — начал я и умолк.

— Что? — резко повторил Силлер.

— Не помню.

— Садись, — сказал он. — Пора поговорить серьезно.

Я сел ка край стула, чувствуя невероятную усталость. У меня снова заболели лицо и затылок.

— О чем? — спросил я.

— О девушке, о том, почему она вошла в Собор, что оставила и почему ты мне это отдашь, — ответил Силлер решительным тоном. Я похолодел: так уверенно и спокойно он говорил.

— Я...

— Неважно, — сказал он. — Ты все помнишь и можешь не валять передо мной дурака.

— Не могу, — устало ответил я. — Я не могу тебе ничего дать. Но даже если бы мог, не сделал бы этого.

— Можешь, — спокойно возразил он. — И дашь.

— У меня этого нет. — Его уверенность приводила меня в отчаяние.

— Знаю. Но ты можешь принести это.

— Не могу. Оно спрятано слишком хорошо. Никто не сможет его забрать.

— Я тебе не верю, — сказал Силлер, и уверенность на мгновение оставила его. — Я скажу тебе, почему ты мне это отдашь.

Я слушал его, хмурия обожженный лоб.

— В благодарность. Я ведь спас тебе жизнь. — Он махнул рукой. — Нашел тебе укрытие, научил всему, что нужно для сохранения жизни.

— Я благодарен тебе, — сказал я, — но не настолько.

Он пожал плечами, однако голос его стал резче.

— Во-вторых, речь идет о праве собственности.

— Девушка...

— Девушка умерла.

Я вздрогнул.

— Откуда ты знаешь?

Он вновь раздраженно пожал плечами.

— Если даже она жива, то предпочла бы умереть. Она в руках Сабатини, значит, мертва. Но это не имеет значения. Важнее, чтобы этот предмет попал в нужные руки. В мои руки.

— А почему именно в твои? — спросил я.

— Мы знаем, что с ним делать, мои хозяева и я. Ты не знаешь. И что самое главное, он уже находился на пути ко мне, когда девушка заметила, что за ней следят Сабатини и его Агенты.

— Как я могу в это поверить, — скептически заметил я, — если ты даже не знаешь, что это такое?

Силлер улыбнулся.

— Это кристалл. Какой-то Торговец нашел его в руинах одной небольшой планеты на окраинах Галактики. Там не было никаких жителей, только руины, старые, как Вселенная. Все говорило о том, что раса эта летала в космос и стояла на довольно высоком уровне развития. Торговец нашел кристалл и взял его, подозревая, что в нем скрыты ценные тайны. Об этом узнали, когда он сел на Бранкузи. Торговец и вся его команда были перебиты, и теперь никто не знает, где находится та планета. Но кристалл оказался в руках Императора. Он ревностно берег его, но недавно камень был украден из дворца.

Я внимательно слушал. Эта информация могла пригодиться, если была истинной. Но это ничего не меняло.

— Откуда ты знаешь, что девушка собиралась отдать камень тебе? Как ее звали?

— Это была Фрида, последняя фаворитка Императора. — Силлер рассказал как выглядела девушка, что объединяло ее с Императором и во что она была одета, когда вышла из дворца.

Я слушал, и меня охватывало странное, неприятное чувство.

— Это не доказательство, — сказал я, с трудом сглатывая слюну. — Сабатини тоже об этом знает. И пусть даже она собиралась отдать камень тебе, мне вовсе не обязательно делать то же самое.

— Чего ты хочешь? Документы? — спросил он, повысив голос. — У тебя есть кристалл, но ты не можешь с ним ничего сделать. Ты даже не проживешь долго. Дай его мне!

Я упрямо покачал головой.

— Не могу.

— Почему? — заорал Силлер. — Тебе не нужна твоя жизнь? Ты не хочешь выбраться с Бранкузи и начать жизнь сначала? Этот кристалл ничего для тебя не значит...

«Ничего для меня не значит»? Это из-за него я оказался здесь, потерял возможность стать священником, получив взамен страх, и даже угрозу смерти и пыток, убил троих людей. И все-таки я не мог отдать его.

— Не могу! — сказал я. — Но ты этого не поймешь.

Он и не понимал. Не мог понять. Только в этом я не сомневался относительно Силлера.

Поблуднев, он наградил меня злобным взглядом.

— Ты был со мной очень добр, — сказал я извиняющимся тоном. — Ты многим рисковал, чтобы спрятать меня. Но если ты хочешь, чтобы в благодарность я отдал тебе кристалл, значит, я не могу больше оставаться здесь.

Я поднялся и медленно подошел к двери. Какое-то время у меня было здесь безопасное укрытие. Не прошло еще и дня с тех пор, как я стал считать квартиру Силлера вторым монастырем, моим новым убежищем от мира. Уроки самообороны были только тренировками, не имеющими с действительностью ничего общего. Но сейчас...

— Не будь идиотом, Дэн, — морщась, сказал Силлер. — Никуда ты не пойдешь. — Голос его понизился до шепота. — Если ты не поумнеешь, то вообще никогда не выйдешь отсюда.

6

Я чуть помедлил, потом толкнул дверь. Но еще до того, как почувствовал, что она не поддается, я уже знал, что дверь заперта. Я повернулся. Силлер стоял рядом. Быстро

протянув руку, он вытащил из моего кармана пистолет, потом, презрительно отвернувшись, швырнул его на кровать.

Меня охватила паника, я ударил его по лицу, потом схватил за плечи и встряхнул...

— Выпусти меня! — истерически кричал я. — Дай мне...

Что-то холодное и острое коснулось моего живота под самыми ребрами. Я посмотрел туда и невольно втянул живот — двадцатисантиметровое лезвие его стилета было у самой моей диафрагмы. Я опустил руки.

Подняв ладонь к покрасневшей щеке, Силлер задумчиво потер ее. Глаза его блеснули.

— За это я должен бы тебя убить, — тихо сказал он.

Я ждал удара, ждал, что лезвие войдет в мое тело и слизнет мою жизнь стальным языком. Но нажим вдруг ослабел. Силлер подкинул стилет в воздух и схватил за рукоять. Пряча его обратно в рукав, он расхохотался.

— Я полюбил тебя, Дэн, — сказал он. — Мы могли бы стать друзьями, если бы ты заставил свой мозг поработать. Сядь.

Я вернулся обратно и сел на кровать, на которую Силлер бросил мой пистолет. Но не взял его, боялся.

— Я не понимаю тебя, Дэн, — сказал он. — Может, потому, что и ты меня не понимаешь. Взгляни на Галактику и скажи мне, что ты видишь!

Его голос звучал дружески, и вел он себя так, словно ничего не произошло, а я не был пленником... Но мне было нелегко об этом забыть, я сидел напряженный и несчастный, думая, что ничего плохого не случится, пока мы будем разговаривать разумно.

— Звезды, — сказал я. — Рассыпанные звезды.

— А я вижу миллионы миллионов невольников, вольноотпущенников и свободных людей, — медленно произнес он, глядя куда-то вдаль, — а над ними миллионы наемников, горстку Торговцев и служащих и совсем немного аристократов. Но в самом низу находятся невольники и вольноотпущенники. Ты часто видел их, но ничего не знаешь об их жизни. Отчаяние, болезни и смерть — вот вся их жизнь. Небольшой клочок земли или тесная каморка — вот весь их мир.

Силлер встал, и мне показалось, что он вырос.

— Ты ничего не знаешь об их жизни, — повторил он. — А я знаю. Ты не знаешь, что такое никогда не есть досыта... никогда. Ни разу за всю свою жизнь. А я знаю. Что они понимают? Ничего, кроме самых примитивных инстинктов. Они размножаются, несколько лет борются за существование и умирают. Животное существование, даже хуже. — Он

умолк, посмотрел на меня, и голос его смягчился. — Если бы ты увидел, как кто-нибудь из них царапает кривой палкой клочок земли, ты дал бы ему в собственность плуг и землю? Если бы ты увидел другого, наполняющего боеголовку ракеты радиоактивными веществами, пока плоть его не отвалится от костей, ты забрал бы его оттуда?

— Да, — ответил я, глядя ему в глаза.

— Тогда дай мне кристалл, — прошептал он. — Это их единственный шанс.

С трудом я отвел от него взгляд, и рука моя поползла к пистолету.

— Почему? — спросил я.

— Ты хочешь отдать его Императору? А знаешь, что он с ним сделает?

Я молчал.

— Он еще сильнее стиснет руку на Бранкузи. Или, если в этом секрете кроется достаточно силы, начнет искать мир для завоевания. Он еще не так стар, а со времен его прапрадеда завоеваний не было. Наш Император хотел бы быть тем, кого запомнят как завоевателя Тэйера. А может, ты предпочитаешь отдать его Торговцам?

Я смотрел на него и ждал, а рука моя все ближе подбиралась к пистолету.

— Они продадут его какому-нибудь владыке за несколько выгодных лицензий. Тому, кто даст больше. А может, ты передашь его Церкви?

Я покраснел и отвернулся.

— Церковь, как тебе известно, отдаст его светским властям, — мягко сказал Силлер. — Именно это хотел сделать Аббат, выдавая тебя Агентам.

— Ты ошибаешься, — холодно прервал я его. — Это тот юный послушник.

Силлер пожал плечами.

— Разве? Впрочем, речь о другом: что нет никого на стороне справедливости, перемен, прогресса и людей. За исключением...

— Кого? — спросил я. — Кто благороден настолько, что ему можно доверить кристалл?

— Граждане, — сказал он.

Я уже слышал о них когда-то, но для меня это было просто слово.

— И что бы они с ним сделали?

— Создали бы Объединенную Галактику. Без императоров, без диктаторов, без олигархий. Власть была бы в руках тех, кому принадлежит по праву, — в руках людей.

— Прекрасная мечта, — сказал я. — Но в твоей книге утверждается, что это невозможно.

Мои пальцы подползали все ближе к оружию.

— В «Динамике»? — спросил он, и глаза его заблестели. — Отличная книга. Но пессимистическая. В ней не учтено одно возможное решение.

Силлер подошел ко мне, наклонился и взял пистолет. Я сидел неподвижно, глядя, как он задумчиво вертит его в руках. Потом он улыбнулся, наклонился надо мной и сунул его мне в карман.

— Теперь нам будет легче говорить, — сказал он.

Оружие вновь оказалось у меня, и я должен был ощущать себя свободным человеком, однако не ощущал. Его поведение заставило меня почувствовать себя пленником больше чем когда-либо.

— Какое решение? — спросил я.

— Одновременная революция во всей Галактике, — тихо сказал Силлер. — Никто не сможет воспользоваться неразберихой. А потом возникнет конфедерация миров, которые постепенно объединятся полностью.

— Неплохой план, — сказал я. — За чем же дело?

— Дело в людях, — с горечью ответил Силлер. — В этих глупых животных. Они знают слишком мало, чтобы взбунтоваться. Они думают, что живут так, как должно. Им не с чем сравнивать. Они не умирают от голода, у них есть бесплатные визионные театры. А мы не можем добраться до них: все каналы общения и обмена информацией находятся в руках владык. Все, кроме одного, но и тот успешно заблокирован.

— Книги? — спросил я.

Он угрюмо кивнул.

— Есть только один способ удержать людей от чтения, и они его использовали. Сделали из людей глупцов и невежд. Если бы люди умели читать, они знали бы слова и понятия, позволяющие им думать. А мы могли бы их учить организовывать. И вот Конгресс приказал: «Научите их читать». Попробуй. Я пробовал — это невозможно. Это требует немалой силы. Силы, чтобы скинуть владык. Пусть животные задыхаются в своем невежестве. Если бы у нас была сила... Этот кристалл может оказаться тем самым оружием, которое давно мы ищем, Дэн.

— Как ты учил их читать? — быстро спросил я.

— Почему бы нам не воспользоваться им обоим? — продолжал Силлер. — Ты знаешь ему цену! Он никуда не годен, если ты не можешь его продать. Самому тебе это дело не

под силу — ты не знаешь, куда пойти, с кем говорить, сколько запросить. Можешь получить только дыру в животе.

— Не понимаю.

— Слушай... Конгресс мог бы дать много. Я скажу им, что ты хочешь за кристалл пятьдесят тысяч хроноров. Столько они заплатят. — Он щелкнул пальцами — По двадцать пять тысяч на брата. А если мы сумеем открыть тайну кристалла, для нас вообще не будет границ. Для тебя одного он не имеет никакой ценности, сулит лишь смерть и пытки. Для меня и Граждан — это жизнь и надежда Галактики.

— Как ты учил их читать? — повторил я.

Он вздохнул.

— Эти животные не хотят учиться. Мышление для них слишком тяжелый труд. Значит, с ними нужно поступать, как с животными. А тем дают конфетки.

— Конфетки?

— Простые истории на простые темы, счастье для несчастных, сила для слабых, любовь для отверженных... Мы подсовывали им рассказы о крестьянах, которые сбрасывают ярмо господ, о рабочих, становящихся хозяевами фабрик и заводов, где они работают, о чувствах и вечной жажде сильных переживаний...

Он снял с полки одну книгу и подал мне. Пока я ее разглядывал, Силлер включил визор. Книга была дешевой, но сделана хорошо.

— Большие буквы, — продолжал он, — читаются легко. И при этом хорошо написано. Много денег и усилий вложено в этот проект. И кроме того, здесь заключена идея полного переворота, идея равенства людей. Цена этих книжек ниже себестоимости, но я отдавал бы их и даром. Но мне удалось всучить всего пять штук. Знаешь, почему? Вот причина!

Он указал на визор.

В хрустальном кубе видна была девушка, напоминающая прекрасную древнюю статую, но живая,двигающаяся, в идеальных цветах розоватой кожи, коралловой красноты и туманной черноты... Техническое достижение, достойное лучшего использования. Это же было мелко, бездумно, глупо и, что хуже всего, плохо.

Отец Михаэлис сказал мне когда-то, что нет другого зла, кроме того, которое человек может дать миру или отнять у него. В том, что я смотрел, было хорошо продуманное зло. Зрелище было насыщено злом, чтобы увлечь зрителя, чтобы он никогда не захотел ничего другого. Темнота, остающаяся в душе, как некое пятно, и никогда не покидающая ее.

— Вот этого они и хотят, — сказал Силлер. — Готовые

творения воображения, чтобы не нужно было думать. Боже, как эти животные не любят думать!

Я отвел взгляд от экрана и посмотрел на книгу. Сборник рассказов, написанных неизвестным автором просто, но талантливо. Они увлекали читателя, но тоже не заставляли его думать. Я листал страницы с растущим интересом и отвлечением...

Это немногим отличалось от Императорского Свободного Театра. В этих рассказах было что-то аморальное — отсутствие основных принципов правильного поведения, — и потому они были плохи, может, даже опасны, ибо зло было менее очевидно.

Они были созданы искусной рукой пресыщенного декадента... И странное дело: не монастырские заповеди чистоты отталкивали от меня книгу, а образ девушки, вдруг появившийся между моими глазами и страницами. Кем бы она ни была, жизнь не была для нее скучной и затхлой, чувства не были мукой, любовь была не только плотским вожделением. Я видел ее, чистую и испуганную, красивую и тронутую смертью, способную на большую любовь и готовую умереть ради нее.

И вдруг я понял, что цель никогда не оправдывает средств, какими ее хотят достичь...

Силлер сидел рядом со мной. Он уже надоел мне, и я перестал его бояться.

— Отцепись от меня!

Он схватил меня за руку.

— Ты молод, силен и чист. Я люблю тебя, Дэн. Мы могли бы стать друзьями, ты и я...

— Заткнись! — крикнул я. — Оставь меня в покое!

Он сильнее сжал пальцы.

— Не будь идиотом, Дэн. Я нужен тебе, а ты мне...

— Заткнись!

Что-то лопнуло во мне, и я стиснул его руку. Силлер побледнел, его лицо стало похоже на уродливый, пятнистый, белый гриб. Стиснув зубы, он застонал, а затем кость его хрустнула.

Мне вдруг стало нехорошо, и я отпустил его. Он хотел встать, левая рука безвольно свисала. Я широко замахнулся, словно мог забыть о нем, лишь убрав его с глаз долой. Кулак ударил его в губы, он покачнулся и, ударившись о противоположную стену, упал. Чувствуя себя так, словно сунул руку в сточную канаву, я вытер ее о куртку.

Силлер вставал, ругаясь на нескольких языках, я пригнувшись стоял перед ним. В глазах его бушевало безумие.

Его здоровая правая рука внезапно метнулась к пистолету, но я следил за ним, и моя рука оказалась быстрее. Пистолет прыгнул в нее с такой готовностью, словно был живым.

— Не дури! — сказал я.

Фламмер смотрел прямо на него, голос мой был ледяным. Меня не удивляло отсутствие мыслей в голове — действия стали важнее мыслей.

Его рука с пистолетом замерла на полпути.

— Мне не хочется тебя убивать, — спокойно сказал я. — Я многим тебе обязан, и от этого никуда не денешься. Но все-таки я уйду, а если ты попытаешься меня остановить — выстрелю.

Огонь в его глазах постепенно угасал, они становились кусочками мрамора, голубого мрамора леденящей ненависти.

— Лучше убей меня, — прошептал он. — Только идиот не сделал бы этого. Если ты уйдешь, оставив меня живым, я найду тебя. Ты всегда будешь думать, рядом ли я или где-то далеко. При каждом вдохе ты будешь сомневаться, удастся ли тебе вдохнуть еще раз. Каждую твою мысль будет сопровождать опасение, что следующая мысль окажется наполнена ужасом. А когда я тебя найду, ты будешь молить, чтобы я тебя убил. Через неделю, через месяц ли ты начнешь молить о смерти.

Он стоял на одном колене, неподвижный, как смерть, с пистолетом, вытасненным до половины, и струйкой крови из уголка разбитых губ. Неподвижный взгляд был устремлен на мое лицо.

— Стреляй! — прошептал он.

Разум подсказывал мне, что он прав, говорил, что я должен его убить. И я пытался нажать на спуск, но мой палец не желал двигаться. На мгновение я задумался над удивительным фактом: мой мозг посылает приказ по нервам моему пальцу, а тот не слушается. Я почти чувствовал, как импульс идет через шею и плечо в руку и где-то возле пальца угасает.

Силлер шевельнулся. Медленно, словно все время мира принадлежало ему, он распрямил ногу и начал подниматься, а когда встал, так же медленно вытащил игольный пистолет. Удивление на мгновение парализовало меня, а потом мой палец нажал на спуск, словно вообще не нуждался в приказах мозга.

И ничего не произошло. Я нажал еще раз, а Силлер язвительно усмехнулся.

— Неужели ты думал, что я отдам тебе заряженное оружие?

Он рассмеялся; я никогда не слышал такого мрачного смеха. Взглянув на пистолет, я повернул его и вместо батареи увидел в рукоятке черную дыру.

— Идиот! — сказал Силлер бесцветным голосом. — Слепой вонючий дурак! И ты думал, что сможешь там жить. — Он мотнул головой в сторону двери. — Я убью тебя, Дэн. Хотелось бы сделать это медленно, но я слишком хорошо тебя знаю. Ты слишком силен и упрям. Ты мог бы сломать меня пополам, если бы заполучил в руки. Даже искалечь я тебя, ты никогда не сказал бы мне, где находится кристалл, даже если тебя резать на куски. Я сам найду его. Он где-то в Соборе.

Глаза его выискивали какой-нибудь знак на моем лице, но не находили его.

Его холодная, пустая ненависть вдруг сменилась яростью.

— Вонючий лицемер! Не пытайся обмануть меня своей мнимой невинностью. Знаю я ваши монастыри! «Чистота!» «Безбрачие!»

Из его горла вырвался странный звук. Силлер потряс пистолетом, сломанная рука дрогнула, и он побледнел.

Ослепленный гневом, я в отчаянии швырнул в него пистолет, зная, что для меня не осталось никакой надежды. Падая на пол, я услышал тихий хлопок, шипение возле своей головы и металлический звук падения пистолета... пистолета Силлера! В три прыжка я оказался рядом с ним, увидел оружие и бросился на него.

Его глаза быстро прикинули расстояние между мной и оружием. Он не успел бы поднять его, прежде чем я нанесу удар, и оба мы знали об этом. Мой локоть попал ему в живот. Это должно было размазать его по стене, но он лишь отступил и подался в сторону, по-прежнему оставаясь на ногах.

Восстановив равновесие, я вновь бросился на него. Двадцать сантиметров стали блестело в руке Силлера, и я должен был схватить его, прежде чем он встанет в стойку, повернет нож и проткнет меня.

Стараясь удержаться на ногах, он приготовил нож к особому смертельному удару, который выпускает из человека кишки еще до того, как тот осознает, что его прикончили. Так говорил Силлер, и я ответил, как он меня учил, — сплел руки, образовав букву «V», и думая лишь о том, чтобы поймать его запястье в угол этого «V».

— Умри! — прохрипел Силлер и ударил, но он все еще нетвердо стоял на ногах, и мои руки сомкнулись на его запястье.

Я думал только о ноже, сверкавшем сейчас всего в нескольких сантиметрах от моего живота. Я хотел заставить Силлера выпустить нож, забыв, что и в моем рукаве есть такой же.

Его сила и ловкость были удивительны. С одной здоровой рукой он вырывался, отскакивал и прыгал. Но я держал его запястье, сжимал все сильнее и думал только об этом. И это было ошибкой.

Его рука стала скользкой. Это мог быть пот, но оказалась кровь. Нож рассек мне руку, когда я схватил его запястье. Я удвоил усилие, чтобы обездвигить ее, и кость захрустела.

Резким движением Силлер рванулся назад, а когда я удержал его, бросился вперед. Нож был все ближе, а коленом он целил мне в пах. «Отодвинься!» — крикнуло что-то в моей голове, и я упал назад, одновременно перевернувшись и продолжая сжимать его руку.

Он упал вместе со мной, рука его была вывернута. Что-то щелкнуло. Силлер несколько раз дернулся, хватая воздух ртом, потом замер.

Я осторожно встал, прикидывая, потерял он сознание от боли или пытается меня обмануть. Силлер лежал неподвижно, лицом вниз. Я долго смотрел на него, переводя дух, потом присел и потряс его за плечо. Он не реагировал, и я перевернул его на спину.

Левая рука превратилась в бесформенную массу, правая свисала под неестественным углом. Однако я смотрел не на них. Я смотрел на глаза, их голубизна, слишком яркая прежде, стала теперь матовой. Невидящие глаза, видевшие слишком многое.

А когда моя голова тяжело опустилась, я заметил цветок, распустившийся на его груди, черный цветок смерти на расплывающемся красном поле.

7

Я поднялся с колен. Меня шатало от усталости и угрызений совести. Кем бы он ни был и каковы бы ни были его мотивы, Силлер был мне другом. Он дал мне убежище, когда я нуждался в нем, лечил мои раны. Он научил меня тому, что позволило мне сохранить жизнь, а ему принесло смерть.

Я подумал, что сам сделался смертью. Все, чего я касался и на что смотрел, распадалось. Я был заражен и, сам не тронутый этой болезнью, носил ее в себе. Не умирая сам, я заражал других. Смерть всегда была рядом со мной, но не

для меня. И даже если бы я захотел лежать мертвым на полу, как он сейчас, мое желание не могло исполниться. Когда смерть протягивала ко мне руку, я думал только о том, как уцелеть.

Уцелеть? А зачем? Для чего живет человек? Если жизнь всего лишь тоска, мука и медленная смерть, зачем человеку заботиться о ней, выцедивать до последней горькой капли? Если жизнь не имеет ни цели, ни смысла, почему тогда человек судорожно цепляется за нее, стараясь понять ее значение? Единственный конец и цель — это смерть. Однако что-то во мне говорило: «Жить!», и я убивал, потому что не мог этому противостоять.

Я оставил его там, оставил прямо на полу. Мне хотелось бы где-то его похоронить, закрыть ему глаза, но я не смог заставить себя снова коснуться его.

Подняв свой фламмер, я сунул батарею в рукоятку и выжег замок в двери, чтобы не искать ключей в одежде Силлера. У меня еще мелькнула мысль, что я мог бы здесь остаться сколько захочу, пока хватит обильных запасов продуктов, но я тут же ее отбросил. Мне хотелось бежать от того, что лежало на ковре в этой великолепной комнате. Я хотел бежать. Хотел бежать, пока не забуду, пока не окажусь так далеко, что уже не найду дороги назад.

Но некоторые вещи просто невозможны.

Я шел по замусоренному коридору, чувствуя запах гари, оставшийся от давнего пожара. Какое-то время свет из открытой двери за моей спиной падал на разбросанный мусор, но потом он начал слабеть, а темнота подступала все ближе и наконец окутала меня черной бархатной пеленой. Я боролся с ней, ощупывая стены, спотыкаясь, кашляя от пыли, пока наконец не остановился во мраке и тишине, сообразив, что могу блуждать так до конца жизни и никогда не найти выхода.

Долго стоял я так, потом присел и начал шарить среди мусора. Мне попало несколько кусков пластика, и я отбросил их в сторону. Что-то небольшое, волосатое и многоногое пробежало по моей руке и удрало. Я вскрикнул и вскочил, с омерзением вытирая ладонь о куртку, но потом заставил себя вновь присесть и сунуть руку в пыль и мусор.

Наконец я нашел то, что искал, — деревяшку, толстую и совершенно сухую. Прижав ствол пистолета к одному ее концу, я нажал на спуск. После голубой вспышки появилось пламя, маленькие огоньки запрыгали и по полу, но я затоптал их.

С мерцающим факелом над головой я пошел быстрее.

Вскоре я миновал место, где Силлер замаскировал заднюю дверь книжного магазина. Он был прав — огонь погасили, прежде чем он дошел до стены. Однако выйти здесь было невозможно — запломбированная дверь оказалась нетронутой. Где-то был другой выход, ведь Силлер как-то выходил наружу.

Возможно, я шел не туда, но все-таки решил осмотреть коридор до конца. Еще через несколько десятков шагов он кончился.

Свет факела отражался от гладкой пластиковой стены. Пламя мерцало и должно было скоро погаснуть. Тогда мне придется вернуться тем же путем мимо освещенной двери; я не смогу удержаться, чтобы не заглянуть внутрь, и увижу на полу мертвое тело.

И тут я заметил, что стены по обе стороны коридора были из досок. Соединявшая их пластиковая стена казалась не на месте.

Факел погас, и я бросил его на пол. Свет уже не имел значения, а мне нужны были обе руки. Я старательно ощупал стену, но не нашел ничего похожего на замок, никакого выступа или углубления. Я толкнул стену плечом. Ничего. Попытался сдвинуть ее вбок, но она даже не дрогнула. Тогда я перебрался на другую сторону, толкнул еще раз и едва не вывалился на улицу. Плита не сдвигалась, а наклонялась наружу.

Я не заметил, когда выцветшая плита тихо закрылась за мной. Через улицу передо мной была задняя стена Собора.

В Королевском Городе не один собор, и я хотел убедить себя, что это какой-то другой, но никак не мог в это поверить. Слишком хорошо я знал Собор Невольников, его размеры, форму и стиль. За углом должен был находиться вход — золотистый полупрозрачный Барьер. Недалеко от него лежал кристалл яйцевидной формы, но меньше куриного яйца, загадочный, ничего не значащий и на первый взгляд невинный. «Ему бы надо быть красным, — подумал я тогда, — кроваво-красным». Напротив Собора должен был стоять покосившийся переполненный жилой дом, заброшенный разваливающийся склад и книжный магазин, у которого до недавнего времени был почти новый фасад. Сейчас он, вероятно, выглядел, как обожженная скорлупа.

Силлер обманул меня, он нашел меня не на улице. Выбравшись из Собора, я упал прямо перед его дверью, ударился головой и потерял сознание. Он просто втащил меня внутрь, а потом солгал мне.

Но зачем? Только потому, что был хитрым и изворотливым пройдохой. Зачем говорить правду, если достаточно лжи, которая может принести неожиданную выгоду? Он хотел, чтобы я чувствовал себя в опасности и зависел от него. Может, он считал, что близость Собора даст мне веру в себя. Может, так оно и было бы, но сейчас осознание этого отняло все мои силы, и я устало прислонился к стене.

Чего хотел Силлер? Прежде всего кристалл. Он хотел получить этот камень, а теперь лежал мертвым, погиб так же, как раньше погибли Агенты. На мгновение я пожалел, что не дал кристалл ему, но тут же вспомнил, насколько он был жесток и жаден. Силлер хотел камень для себя, он использовал бы его в собственных целях, если бы только смог. Граждане, если они и вправду были его хозяевами, получили бы камень только в том случае, если бы он оказался непригоден для целей Силлера.

Кристалл носил на себе пятно смерти, он убил уже пятерых людей. И это только те, о которых я знал. Если Силлер говорил правду, камень унес гораздо больше жизней, прежде чем попал к девушке. Я закрыл глаза. Камень останется там, куда я его положил. Хватит убийств.

Открыв глаза, я отодвинулся от стены. Оставаться здесь было нельзя, самая большая опасность подстерегала меня возле Собора. Следовало найти место, где я мог бы отдохнуть и поспать. Мне здорово повезло, что на улице была ночь.

Любопытство заставило меня подойти к Собору. Я хотел в последний раз взглянуть на место, которое всю жизнь считал своим домом. Может, я никогда больше не увижу его. Быстрыми шагами я направился к перекрестку.

Это была ошибка. В боковой улочке царил темнота, но на перекрестке было светло от фонарей Собора. Я вышел на улицу, прежде чем заметил в темноте на другой стороне улицы огонек, висевший на уровне лица мужчины в черном.

Потом хриплый голос приказал:

— Спрячься в тень, идиот!

Разум мой застыл от ужаса, но тело среагировало само. Кивнув, я вошел во мрак.

И тут же кто-то воскликнул:

— Ты не из Группы!

— Конечно, нет, — сказал чей-то голос так близко, что я почувствовал на затылке дыхание. Что-то твердое коснулось моей спины.

Мне показалось, что я услышал приказ Силлера: «Не подходи так близко! Держись подальше!» Едва почувствовав прикосновение оружия, я повернулся на пятке и левой уда-

рил по руке с пистолетом. Темнота осветилась голубой вспышкой. Мой правый кулак двигался медленно, казалось, даже очень медленно, но голова мужчины оказалась еще медлительнее, и кулак встретил плоть и кость. Мужчина охнул и упал. Я не стал ждать и побежал.

Я был уже в двадцати шагах, когда первый разряд с электрическим треском пролетел мимо моей головы, и волосы встали дыбом. Позади раздавались крики и топот.

— Вызовите Сабатини!.. Целить в ноги!.. Перехватите его!..

Гнаться за ним, попасть в него, поймать его и выбить из него, где камень! Бегите, ноги, бегите. Это вас они хотят заполучить. Бегите, ноги, или вас отсекут, как множество других. Бегите, пока можете, или вам никогда больше не бегать. Бегите!

Я бежал по темным пустым улицам, и мне казалось, что я уже никогда не остановлюсь. Я бежал быстро, погоня осталась позади, но едва я замедлил бег, чтобы отдышаться, как топот стал громче. Темные здания так и мелькали мимо.

Мчась прямо вперед, я не мог от них оторваться, но и они не могли меня достать, пока я бежал. Они не могли забежать вперед и преградить мне путь. Я опасался узких и темных незнакомых улочек. Агентам они были известны, Агенты знали, как они проходят, какие из них кончаются тупиками, ловушками для глупцов. В конце концов они схватили бы меня, продолжай я просто убегать.

Повернув, я остановился, тяжело дыша и держа в руке пистолет. Они были совсем рядом, и я залил улицу серией разрядов. Погоня остановилась, теперь они шли осторожно. Я двинулся дальше.

Мне удалось проскочить два дома, прежде чем они вновь подняли крик. Мое дыхание стало ровнее, сердце билось чуть медленнее. Но с остальным было плохо, и я понял, насколько близок к концу.

Я бежал и бежал; тело мое могло скоро отказаться, но разум работал на удивление холодно и спокойно. «У-бе-жи-ще, у-бе-жи-ще» — вот какой ритм был у моего бега, неровный, безнадежный ритм. «Силлер знал бы, где спрятаться». Здания по обе стороны были уже не так разрушены, улица казалась более светлой, то и дело мерцали огни оживленного района. «Если меня схватят, не будет ни малейшего шанса, ни малейшего».

Я наугад бросился в какую-то аллею, словно нырнул в темный бассейн. Как сквозь туман сзади донесся голос: «Он

побежал вон туда! Разделиться! Окружить его...» Голос затих вдали.

Я ударился обо что-то ногой, оно зазвенело и покатилося. Чувствуя, как предмет движется в темноте, я прыгнул, и руки наткнулись на округлую металлическую коробку. Упав, я несколько раз перевернулся, сжимая в руках пустую банку.

Тихо поставив ее на землю, я двинулся вперед, вытянув руки, и через несколько метров наткнулся на стену. Двигаясь вдоль нее, я вскоре понял, что на этот раз мне не повезло. Прохода не было. Стена с обеих сторон касалась зданий. Я зашел в тупик.

Посмотрев вверх, я почувствовал, как дыхание жжет мне горло. В нескольких метрах над моей головой густая темнота стены переходила в светлую темноту неба. Передо мной была не задняя стена здания, а просто ограда.

Я прыгнул. Пальцы скользнули по краю стены, и я упал на землю. Еще один отчаянный прыжок. На этот раз мои пальцы зацепились за край и уже не отпускали. Долго я висел так, не имея сил шевельнуться и чувствуя, как слабею с каждой минутой. Потом медленно я подтянулся и ухватился по-хорошему.

Чуть отдохнув, я осторожно перекинул тело через стену и скатился в глубокую черную бездну.

Открыв глаза, я увидел над собой небо, по-прежнему темное. Странный слабый звук донесся до моих ушей. Очень далекий или очень тихий. Поначалу я не понял, что это такое, потом сообразил все: что это, где и почему. Звук был близко, это был шорох башмаков по тротуару. Кто-то крался по другую сторону стены.

Я встал, чувствуя себя на удивление отдохнувшим, и взгляделся в темноту. Похоже, я оказался на каком-то закрытом плацу. Он был выложен плитами и находился выше, чем улица по ту сторону стены. Стена доходила мне только до плеча.

Башмаки подходили все ближе, всего два. Наконец ноги остановились, и до меня донесся тихий шелест ладоней, ощупывающих стену. Я не мог решить, бежать ли мне к другой стороне плаца, колебался, опасаясь шума, и пока я так рассуждал, решение приняли за меня.

По другую сторону стены послышалось шарканье башмаков, удар, царапанье башмаком о стену и тихий вздох. На фоне сероватой черноты неба появилась черная голова. Я смотрел, как он наклоняется и морщится, пытаюсь пронзить взглядом ночь.

Правой рукой я схватил его за горло, чтобы он не мог предупредить остальных. Мужчина висел над стеной, извиваясь в моей хватке, и я чувствовал его нерешительность. Отпустив стену, он всем весом повис бы на руке, сжимающей его горло.

Инстинкт все-таки победил. Когда я сжал руку, он отпустил стену, потянувшись к моей ладони, но удушье успело его ослабить, а отчаяние отшибло навыки. Мужчина дергал мою руку, и, чтобы удержать тяжесть, я левой рукой схватил его за запястье. Он извивался, жилы на его шее вздулись. Я видел, как глаза его вылезают из орбит, а лицо наливается дурной кровью. Рука его дернулась в последний раз, а я откинулся назад и потянул на себя. Он перестал бороться, и мягкое тело упало к моим ногам.

Присев рядом, я коснулся его сердца — бьется. Я облегченно вздохнул — хватит уже убийств. Сняв с него куртку и тонкую шелковую рубашку, я без труда разорвал ее, а затем сделал из одного рукава кляп. Вторым я связал ему руки, а широким куском — ноги.

Нельзя было терять ни минуты. Забравшись на стену, я бесшумно спустился в аллею и вышел из нее тихо и осторожно. Ближе к улице было чуть светлее, и я стоял в тени, оглядываясь, но так, чтобы оставаться невидимым самому. Улица выглядела пустой. Я заколебался на секунду, потом пожал плечами — время было важнее, чем осторожность.

Ничьи крики не приветствовали меня, когда я вышел из аллеи. Выстрелов тоже не было. Я шел под стенами домов, тяжело дыша и вдыхая не обычный воздух, а нектар безопасности. Я шел в сторону света, который уже не означал гибели. Там были люди, которые меня не знали, свет, смех, жизнь. Я уже устал прятаться во тьме, ненависть и игра в прятки надоели мне. Но больше всего мне надоела смерть.

За несколько минут я добрался до границы света. Позади все было тихо. Убогие дома постепенно сменялись большими, роскошными и современными. Потом появились небольшие магазины. Свет шел от крупных зданий, расположенных еще дальше. Они сверкали неонами и разноцветными чарующими рекламами. Из открытых дверей на улицу вырывались полосы света.

Я не ошибся — именно отсюда доносился громкий смех, беззаботный и неудержимый, звон бокалов и шум голосов. Я остановился и осмотрелся. Прохожих на улице было немного, некоторые выходили из одной двери и входили в другую, другие торопились куда-то по своим делам.

Наемник в расстегнутом мундире пурпурно-золотистых

тонов, впечатляющем, несмотря на беспорядок, вышел на порог и окинул меня взглядом. Заметив мою черную форму, он повернулся и удалился. Какой-то корабль, мерцая в темноте, медленно опускался на землю.

Я смотрел, и все казалось мне странным, волшебным и чудесным. Только я был здесь чужим и незванным.

Медленно направился я к небольшому бару. Он был не так заполнен, как остальные, а музыка в нем звучала спокойнее. Остановившись на пороге, я сощурился от яркого света. Внутри все было здорово накурено. Я слышал брелчание какого-то струнного инструмента и сладкий голос:

Мой звездный дом
так далеко отсюда
затерян в черноте ночной...

Голос умолк, разговоры стихли. Когда мой взгляд привык к свету, я заметил, что люди, сидевшие поблизости, повернулись в мою сторону и смотрели без малейшего дружелюбия. Я посмотрел на девушку, сидевшую в глубине бара на столе. В руках у нее был деревянный инструмент с широким резонатором и длинным грифом, на нем было шесть струн. Когда наши глаза встретились, она провела пальцами по струнам, пробудив тихий брелчающий звук. Глаза у нее были глубокие, голубые.

Я двинулся к ней. На мгновение мне показалось, что... Однако у девушки, которую Силлер назвал Фридой, были светлые волосы. Эта была поменьше и не так красива... но разве я искал красоту? Она выглядела весьма привлекательно с каскадом темно-каштановых волос, падающих на плечи, и дугами черных бровей — чуточку приподнятыми и словно нахмуренными — над удивительно голубыми глазами, прямым маленьким носиком, полными красными губами, гладкими щеками и шеей, переходящей в точеные белые плечи, выступающие из светло-желтой туники...

Нет, это была не Фрида, не было даже тени сходства, если не считать того, что она не подходила к этому бару так же, как Фрида не подходила к Собору. Тогда я сразу понял, что Фрида принадлежит к аристократии, сейчас же не был в этом уверен. Но в этой девушке было что-то необычайно живое, что-то в ее позе, в маленькой, белой ладони, легонько касающейся струн, в лице и глазах. Она жила! И это чувствовалось, как тепло огня. Она лучилась жизнью, и, может, потому ее окружали мужчины, сидящие на стульях и на полу.

Девушка внимательно следила за мной, сосредоточенно

щурясь. Потом широко раскрыла глаза, оглядела зал, тронула струны и улыбнулась, когда прозвучал глубокий, чистый звук.

Звезды, звезды, тысячи звезд,
Мошек алмазных рой.
Миры, миры, миллионы миров —
Вернись, господин мой.
Вернись, вернись, господин мой,
К порогу вернись своему.
Я белые руки к тебе протяну —
И снова тебя обниму.

Она протянула руки ко мне, и весь зал содрогнулся от смеха.

8

Я почувствовал, что краснею. Шутка. Я ее не понял, но другие поняли и смеялись надо мной. Интересно, почему она захотела, чтобы надо мной смеялись?

Я все-таки понял, хотя и не сразу. Только я один был одет здесь в черное, и они думали, что я Агент. Напряжение — я подсознательно чувствовал его — росло, натягивало нервы, а смех разрядил его.

Там были пилоты в черно-серебристых одеждах, наемники в разноцветных ярких мундирах, хотя преобладали королевские — голубой и оранжевый, — было несколько женщин в светлых облегающих форменках и коротких юбках, но ни одного угольно-черного Агента.

Девушка вдруг опустила руки. В ее широко открытых глазах читалась немая просьба. Она хотела, чтобы я ушел, и была права, но я не мог двинуться с места. Позади была ночь, и я не мог в нее вернуться. Печально глядя ей в глаза, я едва заметно покачал головой.

Девушка пожала плечами и повернулась к одному из мужчин, сидевших на полу. Они заговорили о чем-то, забыв обо мне.

Сзади нашелся свободный столик, и я подошел к нему, войдя в круг громких и тихих голосов, звона стаканов и музыки. Я сел, а зал уплывал все дальше, и скоро мне стало казаться, что она очень далеко, и я задумался, смогу ли снова встать.

Прислужник неохотно принес мне стакан светлого вина. Я склонился над ним, а мир вращался вокруг меня. Громкие, грубые голоса окружили меня.

— Молодой? Черт возьми, верно! Чем моложе, тем лучше, поверь мне.

— ...на службе. Фу! Несколько стаканов раз в месяц и сломанный...

— ...но ее старик начал ругаться, понял? Тогда я ему говорю: «Слушай, старик, ты проиграл. Ты ноль, понял? Я могу тебя пришить, понял?» Дал я ему пару раз, и он больше ничего не говорил...

— ...и уехал оттуда с тысячей хроноров, полусотней колец, несколькими часами и тремя бриллиантами, причем самый маленький был с мой ноготь...

— ...это был порядочный человек...

— ...подписать у такого, который много ездит — чтобы не имел ничего, кроме блеска в глазах, — и вот тебе шанс на повышение, деньги, может, даже титул...

— ...жаль, что ты не был в Джорнейс-Энд. Боже, что за город! Почему...

— ...жалел ли я, что уезжаю с Аркадии! И жалела ли об этом она...

— ...мы как раз были внутри, а Капитан...

— ...класс это класс, я всегда это говорил...

— ...и говорю ей: «Детка, за пять хроноров...»

— ...три года, не заходя в порт. Никогда больше...

Скрип отодвигаемых стульев. Женщина вскочила с колен серебристо-черного, стоит тяжело дыша и шурясь возле красно-золотого. Серебристо-черный встает, покачиваясь и грозно размахивая руками, а красно-золотой идет на него, стиснув кулаки. Чьи-то руки хватают их за плечи и усаживают на места. Другая женщина садится на колени серебристо-черного, и он разговаривает с красно-золотым весело, дружелюбно.

Мир вокруг закружился в такт мелодии, чистому девичьему голосу и переливу струн — не сильного голоса, даже не очень хорошего голоса, но, что гораздо важнее — приятного и искреннего. Голос подходил к этим песенкам, и люди слушали его, он заставлял их смеяться и плакать, заставлял чувствовать. Время от времени он отчетливо доходил до меня, несмотря на шум и мои притупившиеся чувства...

В Аркадии я знала одного
И троих в Бранкузи.
До чего ж они похожи,
Хоть и... не снаружи...

— ...вот Капитан и говорит навигатору, вредному такому типу: «Хорошо, но где мы, по-твоему...»

— ...ради денег, понял? Тогда я говорю: «Крошка...»

— ...а навигатор ему: «Пусть меня повесят, если я знаю, где мы». А Капитан говорит...

Звезды всегда свободны,
А люди вечно в неволе.
В тюрьму меня посадите...
Звезды всегда свободны.
Невольник глаза поднимет,
Свободой звезд наслаждаясь...

Я долго смотрел на бледную жидкость в своем стакане, потом поднес его ко рту и выпил. Плохое, тошнотворно-сладкое вино.

— ...ладно, Шустрый, ты выпил, а теперь убирайся и не приходи сюда больше!

Эту фразу повторили еще раз, громче, прежде чем я понял, что обращаются ко мне. Я медленно поднял голову и над огромным оранжево-голубым животом увидел большое небритое лицо, красное от вина и злости.

— Мы не любим таких, Шустрый, — сказал наемник. — Лучше уйди, пока можешь.

Он покачнулся, а может, мне только показалось. Я медленно поднялся, еще не зная, достаточно ли мне не нравится его рожа, чтобы подправить. Где-то внутри чей-то холодный и трезвый голос шептал, что я не выйду отсюда живым, если ударю его. Наконец, я решил, что мне наплевать. Мне не нравилось, как он сплевывал слова, не нравилось это лицо. Я с удовольствием заехал бы по нему.

Кто-то вдруг втиснулся между нами, оранжево-голубого бородача оттолкнули назад, а меня вернули на место.

— Оставь его в покое! — произнес чей-то голос. — Не видишь, что он болен?

— О, Лаури, — наемник жаловался, как маленький мальчик, — ты пожалела бы даже бешеную собаку. Но этот...

— Оставь его! — повторил голос. Звонкий, словно колокольчик, и одновременно злой.

Оранжево-голубой исчез. Что-то забренчало — инструмент прислонили к столу. Что-то желтовато-розовато-красно-голубое скользнуло на стул напротив меня.

— Я тебе не больной, — сказал я.

Мои слова прозвучали грубо, более того, они и были грубы. Я сосредоточил взгляд на девушке — вблизи она была красива. Лицо молодое, но голубые глаза глубокие и мудрые. «В таких глазах можно утонуть», — мелькнула у меня безумная мысль. Лаури... Мне нравилось ее имя, и я повторял его про себя.

— Ты болен, — сказала она. — Вот здесь... — Девушка постучала пальцем по голове в то место, где гладкая волна темных волос сбегала на висок. — Но я сказала это для того, чтобы унять Майка, прежде чем ты убьешь его. Он мой друг, а я не люблю, когда убивают моих друзей.

Я разглядывал ее лицо, гадая, что так привлекает меня в нем.

— Я тоже не люблю, когда убивают моих друзей, но они все гибнут, гибнут. И потом ты вдруг видишь, что друзей у тебя нет. Ни одного друга. Это логично, правда? Но если у тебя нет друзей, ты не горюешь, что они гибнут. Логично? Думаешь, я убил бы его?

Она медленно кивнула.

— Да. Тебя уже ничего не волнует. Тебе все равно, будешь ли ты жить или умрешь. И потому такие, как ты, опаснее всех в Галактике.

— И мертвее всех, — с горечью ответил я и отвернулся. — Ты права. Пожалуй, я убил бы его. А потом другие убили бы меня. Но в конце концов человек устает убегать. Сначала он бежит и бежит, но потом останавливается и уже не может бежать.

— Убийство никогда ничего не решало, — мягко сказала девушка.

Я вновь заглянул ей в глаза — они просили выслушать, понять.

— Мы решаем, кто должен умереть — ты или кто-то другой, — рассмеялся я. — Ты ничего не знаешь.

— Знаю.

— Вчера... вчера бы я с тобой согласился. Вчера я бы сделал все, лишь бы не убивать. — Я чувствовал, как уголок моих губ ползет вверх в кривой ухмылке. — Вчера я был болваном. Но с тех пор я понял, что если хочешь жить, нужно убивать. С тех пор я убил четверых.

Она быстро положила свою ладонь на мою. В этом жесте было что-то материнское.

— Это больно, правда?

Я вырвал руку.

— Что ты можешь знать?! — крикнул я. — Мир отвратителен. Мир — это и болезни, и смерть, и пытки, и измены, и жестокость, и вождение, и ненависть, и страх, и алчность. Почему бы мне не убивать? Я видел лицо мира — это ослабившийся череп, и он хочет отнять мою жизнь. Он хотел бы вырвать ее из меня в смертных муках... Кто может обвинить меня за то, что я защищаюсь? Почему бы мне не убивать?

- Потому что ты человек, — сказала она.
- Я Свободный Агент, а Агенты — не люди.
- Они тоже люди. Но ты ведь не Агент.

Я быстро поднял голову. Из-за этого движения у меня закружилась голова, и только через секунду я отчетливо увидел ее лицо. Большие глаза, глубокие и полные жалости, притягивали меня, обещая покой и понимание.

- Ты ничего не знаешь, — неуверенно повторил я.

Впрочем, это не имело смысла. Она знала. Ничто из того, что я мог бы ей сказать, не удивило бы ее и не шокировало, ничто не было для нее чужим, ничто не могло поколебать в ней веру в людей. Я почувствовал облегчение, как исклестанный ветром странник, который увидел свет вдали и уверился, что где-то в мире есть убежище и тепло. Пусть даже сам он не может до них добраться.

— Взгляни на свои руки, — сказала она, взяла мою ладонь и перевернула ее. — Никаких мозолей. Они белы и хорошо сложены, за исключением вот этого шрама. Но есть и еще кое-что. Ты ходишь не как убийца и ведешь себя иначе. В тебе нет их дерзости и равнодушия. И хотя сейчас твое лицо такое некрасивое, — она улыбнулась, словно уродство имело для нее особую притягательность, — его возрожденных черт и того, как сформировала его жизнь, не изменят несколько дней страха и борьбы.

«Лаури... Лаури».

Я отвернулся.

- Чем ты занимаешься, Лаури?

— Пою.

— Здесь?

— И здесь, и в других местах.

— За это платят не так уж много.

— О, это только для развлечения. — Она улыбнулась. — Я люблю петь. Люблю смотреть, как радуются люди.

— Эти? — Я махнул рукой в сторону пьяной, разгульной толпы.

— Они тоже люди.

Уже второй раз она произнесла эти слова. Они были для нее каким-то символом веры. В краткий миг прозрения я увидел, что между Церковью и кровавым миром есть что-то еще. А может, не между, а над.

Это было похоже на удар, и я вздрогнул.

— О Боже! — простонал я. — Боже, Боже, Боже! — Я чувствовал, как слезы заполняют мои глаза, и быстро заморгал, но они все текли. Руки мои дрожали, и я ничего не мог с этим поделать. — Что со мной происходит? — вздохнул я.

— Не сдерживай слезы, — мягко сказала Лаури. — Плачь, если это тебе нужно.

Я плакал, положив голову на стол, держал ее за руку и обливался слезами. Я оплакивал все зло мира, всех, кто работает и не видит конца работе; всех, кто страдает и не видит конца мукам своим, всех, кто живет, ибо иначе им осталась бы только смерть. Я плакал, потому что впервые столкнулся с добротой.

Маленькая ладонь гладила мои жесткие короткие волосы.

— Бедный мальчик, — прошептала она. — От кого ты бежишь? Почему? Неужели все так плохо?

Голос ее опутывал меня, словно мягкая ниточка мелодии, оплетал коконом симпатии и доброты.

«Лаури! Я никогда не отвечу на эти твои вопросы. Ты не должна этого знать, ибо у истины смертоносное жало...»

Ее рука замерла на моей голове, прижимая так сильно, что я не мог ее поднять. Инстинктивно мне захотелось встать, но рука прижала мою голову еще сильнее. В зале вдруг стало совсем тихо.

— Не двигайся! — прошептала девушка. — Они стоят в дверях, как стоял ты, и осматривают зал. Может, они скоро уйдут, если не найдут того, кого ищут.

— Кто?.. — лихорадочно прошептал я. — Кто они?

— Агенты. Трое. Настоящие, а не переодетые, как ты. Сейчас они смотрят сюда. — Ее рука задрожала. — Какие холодные, жесткие, черные глаза!

— Кто? — шепот мой звучал хрипло. — Кто он? Как выглядит?

— Смуглый... веселый... холодный. У него большой нос, но не забавный, а страшный.

«Сабатини!»

Я содрогнулся.

— Не двигайся! — В ее голосе сквозил ужас. Потом она облегченно вздохнула. — Отвернулись. Выходят! Нет, этот смуглый позвал их обратно. Входят снова!

Я пытался поднять голову, но она держала ее крепко, налегая всем телом. Я чувствовал на щеке ее шелковистые волосы, чувствовал ее дыхание, частое и сладкое.

— Слушай внимательно: прямо за нами есть дверь, она выходит на улицу. Как только сможешь, беги туда и жди меня. Я позову сюда Майка, а ты ударь его! Ударь сильно, но не причиняй ему вреда, не бей сильнее, чем нужно. Понимаешь?

— Нет! — выдохнул я. — Не впутывайся...

Однако она уже крикнула, с отвращением и яростью. Когда она отняла руку, я поднял голову, и девушка дала мне сильную пощечину. Новая боль выжала слезы из моих глаз; я стиснул зубы.

Плечо мое сжала стальная рука — оранжево-голубой стоял рядом со мной, слева. По всему залу вставали люди, глядя в нашу сторону, за их спинами маячили черные мундиры.

— Ты мерзкая, грязная крыса, — зловеще сказал оранжево-голубой. — Ты пачкаешь все, к чему прикоснешься. Почему бы тебе не сидеть среди своих, чтобы мы не чувствовали твоей вони? Я разорву тебя пополам голыми руками.

Рука моя сама собой схватила со стола стакан, и остатки желтоватого вина брызнули ему в лицо. Я встал, переворачивая стол, кулак мой врезался в живот оранжево-голубого, и он согнулся пополам, кривясь от боли. Я замахнулся еще раз, собираясь ударить его в лицо, но вспомнил просьбу Лаури, открыл ладонь и просто толкнул наемника. Он опрокинулся, раскидывая столики и стулья; зрители отскочили в стороны.

В одно мгновение по всему залу началась потасовка. Женский визг, ругань мужчин и звон стекла слились в дикую какофонию. В воздухе резко запахло алкоголем.

Я повернулся к Лаури. Ее голубые глаза умоляюще смотрели на меня, а губы прошептали единственное слово: «Иди».

И я пошел, но потом обернулся. На мгновение между дерущимися появился узкий проход, и я прыгнул в него с вытянутой вперед рукой. Люди отталкивали ее, кружась в безумном хаосе ударов, воплей и окровавленных лиц. Добравшись до двери, я повозился с замком, а потом просто толкнул. Затрещало дерево, и дверь открылась. Я вышел в холодную тихую ночь и закрыл ее за собой, словно отрешаясь от резни и жестокости.

Я прислонился к двери, тяжело дыша.

«Жди меня», — сказала Лаури.

«Ждать? Ждать здесь, чтобы навлечь на тебя смерть? Ждать, пока смерть придет, чтобы притянуть тебя своими костлявыми руками и бесплотными губами коснуться твоего лица? Ждать? Нет, Лаури. Здесь покой и тишина, но там тебе лучше. Смерть тоже покой и тоже тишина».

В конце улицы был свет, и я направился туда, одинокий, замерзший и потерянный.

«Прощай, Лаури. Прощай».

Сон придавил меня, словно душное одеяло, и я вертелся, не в силах его сбросить и проснуться. Мне снилось бегство и темнота, тишина и страх, преследующие меня ступни, жгучая боль в ладони, потерянный уголек, стыд и пустота...

Обе они были там, Фрида и Лаури, сначала одна, а потом другая, порой они сливались воедино. Фрида давала мне овальный камешек, я стискивал его в кулаке, но он исчезал, и Лаури давала мне его снова. А иногда они были вместе, дружески шептались о чем-то — я ничего не слышал, — смотрели на меня и улыбались, или качали головами, или взрывались смехом. Потом Фрида исчезла и осталась только Лаури.

Она сидела на зеленом пригорке, перебирала струны своего инструмента и пела. Я знал, что она поет, потому что губы ее шевелились, но не слышал ни звука. Я крепко держал кристалл, и внутри меня оживал пламень, сильный и негасимый. Она в последний раз тронула струны и подняла руки, протянула их ко мне и широко раскинула. Я шагнул к ней, борясь с чем-то державшим меня.

Медленно, очень медленно туника ее начала осыпаться, как лепестки цветка, а она встала из этих лепестков, ослепительно прекрасная, светлая, стройная, чудесная, бесконечно желанная. Я шел к ней, едва передвигая свинцовые ноги, протягивал руку, чтобы коснуться ее. Она склонилась к ней...

И вдруг струны инструмента лопнули, обвившись вокруг ее талии, словно живые... Моя рука сжимала маленький белый цветок, а на земле, вокруг его стебля, извивались змеи...

Я проснулся с чувством стыда и ужаса, гадая, почему мне снятся такие греховные вещи, и вместе с тем чувствуя, что так запутался в них, что с трудом возвращаюсь к яви.

Я лежал на чем-то твердом и гладком. Открыл глаза. Через узкое окно солнце заливало светом темно-красный пластиковый пол. Я сел. Это была всего лишь маленькая комнатка, в которой стояли стол, два стула, а в нише — небольшая печь и холодильник.

Все было не новое, но безупречно чистое. Я медленно поднялся, припоминая...

Свет с улицы запускал свои любопытные пальцы в аллею. Я был всего в нескольких шагах от них, когда услышал, как хлопнула дверь, а потом торопливые шаги.

— Подожди, — ночной ветер донес тихий шепот. — Не выходи туда! Подожди!

Я подождал, пока она меня догонит. Девушка положила руку на мое плечо и повернула к себе. Я впервые стоял рядом с ней и лишь теперь заметил, какая она маленькая: голова ее доставала мне до плеча. Девушка была в ярости.

— Я же велела подождать! — сказала она, хмурия брови. — У мужчин нет ни на грош здравого смысла.

— Они искали меня, — сказал я. — И ты знала об этом. Если ты будешь со мной, когда меня схватят, или если они узнают, что ты мне помогала, тебя убьют. Это в лучшем случае.

— Убийство! — Она с отвращением скривилась.

— Позволь мне уйти, — взмолился я. — Люди, с которыми я сталкиваюсь, кончают плохо. Не лезь в это дело.

— Но ведь я уже влезла. Куда ты собрался?

Я пожал плечами. Если бы я знал город, то солгал бы, назвав какое-нибудь подходящее место.

— В таком случае иди со мной. Не будешь же ты спать на улице.

Она повернулась и пошла, а я покорно поплелся следом. Девушка вела меня узкими аллеями и темными улицами, по каким-то лестницам, через пустые склады, полные таинственных шорохов. Она была осторожна, но не чересчур. Она знала, куда идет, и знала, как туда попасть.

Лишь однажды она заговорила.

— Почему они хотят тебя схватить?

— Они хотят получить кое-что и думают, что оно у меня.

— А оно у тебя?

Я не смог солгать.

— Нет. Но я знаю, где оно.

— А кому это принадлежит? Им?

— Нет.

— Тогда кому же? Тебе?

— Не знаю. Может, мне. Может, никому. Может, кому угодно.

— Но не им?

— Нет!

Девушка кивнула. Лицо ее было светлым пятном в темноте. Больше она не произнесла ни слова, пока не провела меня вверх по узкой наружной лестнице, а потом через дверь и в эту кухню. Войдя, она задернула тяжелые шторы на окнах и включила небольшую лампу. Только теперь я заметил, что инструмент, который она несла, разбит, струны его порваны.

— Сломался, — по-идиотски заметил я.

Она печально улыбнулась.

— Его можно починить. И быстрее, чем головы, о которые я его разбила.

— Из-за меня?

Она помешкала.

— Из-за тебя. Я решила, что так нужно.

— Ты ошиблась.

Девушка улыбнулась мне.

— Поживем—увидим. Ты голоден? Я могу приготовить что-нибудь.

Я покачал головой.

— В таком случае нам обоим нужно отдохнуть. Ты, похоже, здорово устал.

И верно, устал я дьявольски. Девушка кивнула на дверь и загадочно посмотрела на меня.

— Там только одна кровать...

— Я буду спать здесь, на полу. Мне приходилось спать и в худших условиях. — Я вспомнил слишком мягкое ложе Силлера.

Она как-то робко улыбнулась.

— Хорошо. Спокойной ночи.

Девушка подошла к входной двери, задвинула засов, повернулась и направилась в спальню. Когда она остановилась перед дверью, меня осенило.

— Ты ведь даже не знаешь, как меня зовут!

Она посмотрела на меня.

— И верно, не знаю.

— Уильям. Уильям...

— Этого хватит. Спокойной ночи, Уильям.

— Спокойной ночи, — тихо ответил я.

Она закрыла за собой дверь, и стало тихо. Я долго прислушивался, но больше она не касалась двери и на ключ ее не заперла.

Одеяло лежало на полу — вероятно, я сбросил его, ворочаясь в беспокойном сне. Ночью девушка приходила к моей постели, сквозь сон я видел, как она стоит надо мной и осторожно накрывает одеялом, а потом тихонько возвращается в постель.

Я скрипнул зубами. Все-таки я позволил ей помогать мне, втянул ее в опасную игру. Смертельно опасную. Но это еще не все, сон позволил мне понять кое-что. Нужно было уходить от нее, и быстрее, пока она не проснулась.

Быстро и тихо я подошел к двери, бесшумно отодвинул засов...

— Куда ты собрался? — с укором в голосе спросила она.

Я повернулся. Лаури стояла на пороге спальни в белой рубашке, доходившей почти до пола. С глазами, еще полными сна, и темными волосами, рассыпанными по плечам, она выглядела девчонкой.

И опять я не смог солгать ей.

— Я хотел уйти, пока ты не проснулась. Это невежливо, зато безопаснее для тебя. До свидания, Лаури. Не буду терять времени: все равно не смогу отблагодарить тебя за то, что ты для меня сделала. Слова не могут выразить мою благодарность.

— Не глупи, — сказала она, откидывая волосы назад. — Ты не можешь отсюда выйти. Тебя же ищут.

— Они всегда будут искать меня, — медленно ответил я. — Поэтому мне все равно, куда идти. Но каждая минута, проведенная мною здесь, смертельно опасна для тебя.

Она нахмурилась.

— Вернись и сядь! — Лаури указала рукой на один из простых деревянных стульев.

Я неохотно сел. Подойдя к нише, она открыла холодильник, вынула ветчину, несколько яиц и вареный картофель.

— Тебе не кажется странным, — спросила она, — что, куда бы ты ни приехал, на каждой планете есть свиньи, куры и картошка?

Искоса поглядывая на меня, она резала ветчину тонкими ломтиками и бросала на сковороду.

— Я этого не знал.

— Тогда поверь мне на слово. Некоторые животные и овощи типичны только для определённой планеты, но эти есть везде. И везде есть люди. Мужчины могут жениться на женщинах с других планет и иметь от них детей. Свиньи, куры, еще несколько видов с разных планет тоже могут скрещиваться, но остальные нет. Разве это не удивительно?

— Да, — ответил я, не понимая, куда она клонит.

Жареная ветчина скворчала на сковороде. На вторую сковороду девушка положила масло и разбила несколько яиц, а картофель, порезанный на мелкие кусочки, бросила к ветчине.

— Как, по-твоему, почему это так? — спросила она.

Я пожал плечами.

— Думаю, есть только одно объяснение: все люди произошли с одной планеты. Перебираясь в другие места, они забирали с собой свиней, кур и картофель.

Лаури повернулась с раскрасневшимся лицом. Может, от жара плиты?

— Значит, ты понимаешь? Ведь это совершенно ясно, правда? И все же я не встретила никого, кто думал бы так. Они не верят друг другу, ненавидят чужих и нипочем не хотят признать, что у всех людей общие предки.

— И ты поешь свои песни, чтобы напомнить им об этом? — спросил я.

— Ты единственный человек, кто заподозрил меня в такой утонченности, — улыбнулась она.

Повернувшись опять к печи, она промурлыкала какую-то мелодию, а потом запела в полный голос:

В Аркадии я знала одного
И троих в Бранкузи.
До чего ж они похожи,
Хоть и... не снаружи...

— Так говорит и «Книга Пророка», — задумчиво сказала Лаури. — Конечно, другими словами, но основной принцип Церкви именно таков. Я должна была догадаться раньше. Ты уже прошел посвящение?

Я помотал головой.

Она разложила еду на две тарелки и поставила их на стол.

— И прямо из монастыря ты вышел в мир. Для тебя это, конечно, был шок.

Я ничего не ответил.

— Ну ладно, — сказала она. — Давай поедим.

Напряжение медленно спадало. Я сунул кусок в рот — ветчина оказалась превосходной, румяный картофель хрустел на зубах. Я ел с аппетитом, поглядывая через стол на Лаури, и думал, как было бы здорово каждое утро сидеть напротив нее, есть приготовленный ею завтрак, слушать ее пение, смотреть на ее лицо.

— Ты была на других планетах? — спросил я.

— Да, на нескольких.

— И везде так же плохо, как на Бранкузи?

— Плохо? — Она задумалась над этими словами. — Ты имеешь в виду тяжелый труд, жестокость, несправедливость?..

Я молча кивнул.

— На одних хуже, на других лучше, но таких мало.

— Почему? — спросил я. — Откуда в Галактике все это зло? Неужели на это воля Бога? Неужели все это для того, чтобы проверить людей, и лишь потом допустить в лучший мир? Или потому, что люди изначально злы?

Лаури покачала головой.

— Я не верю в это.

— Во что?

— Ни в то, ни в другое. Если Бог существует, вряд ли он проверяет каждого по отдельности: слишком много возни. Он мог бы сделать это безо всяких мук. И люди вовсе не злы. Они добрые, но все путают, потому что не могут понять друг друга, ибо слова не могут выразить всего и никто не может доверять даже своим близким.

— Но если люди не рождаются злыми, как же они ожесточаются?

— Они боятся, что кто-нибудь поранит их, и возводят вокруг себя стену. Строят себе крепость и сидят в ней, дрожа от страха. С ужасом думают они, что кто-нибудь ворвется в их каменный мешок, найдет их там, увидит, какие они на самом деле — голые и беспомощные. Понимаешь, тогда их можно ранить... голых и беспомощных. Мы образуем целую Галактику миров, они кружат, никогда не соприкасаясь, замкнутые в своих крепостях и одинокие, неизменно одинокие.

— Если бы мы могли разрушить все эти стены, все разом, и если бы люди увидели друг друга — таких же людей, как и они сами, жаждущих нежности и дрожащих в ожидании удара... — Это было мучительное видение, и я умолк, зачарованный образом.

Подняв голову, я увидел, что глаза Лаури полны слез.

— Да... — прошептала она. — Это было бы чудесно.

Завтрак закончился в молчании. Наконец я отодвинул тарелку и встал.

— Все было чудесно, Лаури. Я рад, что познакомился с тобой, но мне пора идти. Я и так засиделся.

— Я не отпущу тебя, пока не узнаю, куда ты идешь, — решительно заявила она.

— Не знаю. — Я пожал плечами. — Попытаюсь выбраться из города. Может, спрячусь в какой-нибудь деревне.

Она покачала головой и нахмурилась.

— Тебе не удастся выехать из города незамеченным. Они нашли тебя вчера и наверняка ищут сейчас. И даже если ты выедешь, тебе не спрятаться. Крестьяне не верят чужим, они выдадут тебя.

— Город велик. Найду какое-нибудь убежище.

— Ты не знаешь ни города, ни людей. Тебе придется кому-нибудь довериться, и ты наверняка выберешь неподходящего человека. А сети уже раскинуты, и ты непременно попадешь в них.

— Но что же мне делать? — беспомощно спросил я.

— Я найду тебе безопасное место, — с энтузиазмом ска-

зала Лаури. — И буду приносить еду. Здесь ты остаться не можешь — слишком оживленный район, но я могла бы найти место, где ты спрячешься, пока им не надоест искать. У меня есть друзья, они могут помочь...

Это было соблазнительно, но нереально.

— Нет, — решительно ответил я. — Это слишком опасно. Я не позволю тебе и дальше рисковать из-за меня.

Девушка вздохнула.

— Хорошо. Тогда у тебя только один выход: уехать с Бранкузи.

— Уехать? — повторил я. — Уехать с Бранкузи?

Она кивнула.

— Они перевернут планету вверх дном, чтобы найти тебя. Я знаю этих охотников, им нельзя возвращаться к своим хозяевам без добычи. Неудача означает смертельный приговор, поэтому они будут искать и искать. Бранкузи невелика, а Галактика огромна.

— Уехать с Бранкузи, — вслух рассуждал я. — Полететь в иной мир, где-нибудь среди звезд. Начать все сначала.

Постепенно в голове моей складывался образ будущего, разрозненные элементы составляли мозаику, и все было прекрасно. Я взмыл бы в воздух на огненных крыльях, презрительно отталкивая планету, поднимался бы все выше и выше, пока Бранкузи не стала бы маленьким голубовато-зеленым мячиком. Я оставил бы позади свою прежнюю жизнь, свои грехи и угрызения совести. Там, очищенный вечной ночью, я родился бы вновь из лона пространства в каком-нибудь новом и лучшем мире, невинный, как младенец.

— Мне нравится эта идея, — сказал я. — Очень нравится.

— Остынь, — сказала Лаури. — Это не так-то просто. Ты не можешь просто сесть на корабль и улететь. Получить место на корабле нелегко.

— А возможно ли это вообще? — спросил я. — Кто?..

Девушка что-то написала на листке бумаги и подала его мне.

— Держи. Поищи этого человека. Он работает на Торговцев, ты найдешь его в порту. Покажи ему эту записку, и он тебе поможет. Правда, он может запросить дорого. У тебя есть деньги?

Я потянулся к поясу, но остановился на полпути.

— Да, — сказал я и посмотрел на листок.

Джордж Фалеску, пожалуйста, помоги этому человеку получить место на корабле. Это очень важно для

Лаури.

И больше ничего. Четкий почерк без лишних украшений, решительная и разборчивая подпись. Вместо точки над «і» она поставила небольшой кружок.

Лаури дала мне еще несколько указаний.

— Не ходи сразу в порт, иди кружным путем, останавливайся и смотри, не следит ли кто за тобой. А в порту не заговаривай с первым, кого встретишь. Подожди у мастеровских, пока кто-нибудь не заинтересуется, чего тебе нужно. Тогда покажешь записку. — Она вздохнула. — Остальное зависит не от тебя.

Я встал из-за стола и посмотрел на Лаури. Она смотрела в пол.

— Я не могу словами выразить свою благодарность. Не знал, что в мире есть такие люди. Из-за тебя мир кажется лучше. Прощай, Лаури.

Не оглядываясь, я пошел к двери.

— Уилл!.. — Лаури догнала меня, повернула лицом к себе. — Не благодари меня, пока не окажешься в безопасности. Будь осторожен и не рискуй! И... и...

Словно желая выразить то, чего не могла описать словами, она взяла мою голову в ладони, поднялась на цыпочки и прижалась губами к моим губам.

Губы у нее были теплые, мягкие и сладкие, но через мгновение их уже не было, не было и ее самой, а я вышел на солнце и спустился по лестнице в черно-белый город.

10

Королевский Город.

Я видел его таким, каким увидел бы его чужак, бродя по улицам, залитым лучами утреннего солнца. Город безжалостно открытый, лишенный цветов, обнаженный в своей угольно-ослепительной белизне и угольно-черных тенях.

Город упадка, насыщенный загнивающим временем.

Я шел через город неторопливо, внимательно поглядывая по сторонам, шел мимо покосившихся каменных зданий, залатанных уже крошащейся штукатуркой, дырявых пластовых сараев и грязных складов, испачканных сажей и какими-то потеками.

Я разглядывал жителей города: крестьян, возвращающихся с рынка на поля, вольноотпущенников, спешащих по своим делам, квалифицированных рабочих, кичащихся знаками на куртках. А если этот знак был белым, к уважению примешивался еще и страх. Белый знак означал работу с

радиоактивными веществами, и вечным спутником этих людей была смерть.

Но все они расступались передо мной. Их глаза как будто говорили со мной, прежде чем они поспешно отводили их в сторону. «Я беден, — говорили они, — я нищ и ничтожен. Ты можешь убить меня, но разве не жаль расходувать дорогое время на такую жалкую жертву? Я ничего не знаю, у меня ничего нет, я ничто». А иногда в них читалось и другое: «Если бы мы были одни, если бы я встретил тебя где-нибудь в темном переулке, раненого или спящего...»

Все умолкали, когда я проходил мимо, все разговоры резко обрывались...

— ...лучше всего подчиняться прямо Императору. Тогда у тебя только один хозяин...

— ...Барон вызвал мою старшую. Она вернулась вся в слезах, но слезы высыхают быстро, а Барон обещал...

— ...урожай плохой, а хозяин требует больше. Есть нечего. Мой второй сын умер сегодня...

— ...Сегодня только один погиб от пыли...

— ...сегодня вечером дают «Благородного Крестьянина». Моя любимая...

— ...нет, не «Дочь Вольноотпущенника»...

Смех тоже умолкал.

Я шел мимо и мимо все новых и новых жизней, драгоценных жизней, каждая — со своими мечтами, но без слов, которые могли бы их выразить, каждая — с борьбой, но без знаний, которые позволили бы ее оценить. Жизни, жизни, миллионы бесплодных жизней. Сложить их, умножить на бесчисленные заселенные планеты, и эта невероятная тяжесть стащит звезды с их извечных орбит.

Я чувствовал себя больным.

— ...моя бедная дочь. Она была моей любимицей, но у нас не было денег, и теперь она делает все, чтобы...

— ...мы откладывали на собственный магазин, а потом ввели новый налог...

— ...я просил Барона, а потом Императора — нашего благословенного Императора...

— ...если бы не его бдительность, нас бы давно уже завоевали, а страну разорили...

— ...десять детей, приятель, и все умерли...

Улицы постепенно менялись: здесь театр, там жалкий магазинчик, все меньше крестьян и вольноотпущенников. Группами шатались наемники, но не было видно ни одного Агента. Магазины становились все богаче, театры — вычурнее.

Никогда в жизни я не видел Торговцев, но, увидев, узнал их сразу. У них были ослепительные одежды странного покроя с удивительными сверкающими украшениями. Они разглядывали витрины магазинов или выходили из длинных обтекаемых автомобилей. Какой-то вертолет сел на низкую крышу магазина, из него вышли несколько мужчин и женщин — явные аристократы. Одежды на них были простые, но красивые. Они немного постояли на крыше, глядя вниз, потом спустились в магазин.

Я остановился перед магазином, пытаюсь понять, где нахожусь. Улицу заполняли наемники, шумные, смеющиеся, каждый — с оружием у пояса. Где-то в толпе мелькнул черный мундир, но это мог быть и пилот.

Магазин, возле которого я остановился, специализировался на импортных товарах. На другой стороне улицы была гостиница вроде той, в которой я провел позавчерашнюю ночь. Утреннее солнце заливало светом роскошный купол королевского дворца вдали. Он царил над городом — символ роскоши над нищим миром.

У меня появилось чувство, будто кто-то за мной следит. Я огляделся, но люди вокруг выглядели достаточно невинно. Люди, поглощенные разговорами, красивые, яркие и беззаботные, проходили мимо. Я с облегчением вздохнул.

Порт находился за дворцом, на самом краю города...

Кто-то кашлянул рядом со мной, и я повернул голову. Низенький мужчина в одежде продавца старался выглядеть еще меньше, чем был на самом деле. В его маленьких беспокойных глазах читался страх.

— Господин... — неуверенно начал он. — Не могли бы вы войти внутрь?

Я покачал головой.

— Вы можете выбрать в нашем магазине все, что вам угодно, — с отчаянием продолжал он. — Это будет большой честью для нас. Только уйдите от витрины. Ваша одежда отпугивает клиентов. Те, что снаружи, боятся войти, а те, что внутри, — выйти...

Я с удивлением смотрел на него — он съеживался прямо на глазах. Потом он юркнул в магазин, а я посмотрел в зеркальную витрину, и взгляд мой наткнулся на чужое лицо. Впервые после монастыря я увидел самого себя.

Волосы, обычно коротко стриженные, теперь покрывали мою голову темной спутанной копной. Лицо с широким лбом и выступающими скулами потемнело от ожога, за исключением странной светлой полосы на уровне глаз. Брови не успели толком отрасти, ресницы опалены, глаза по-прежнему

карие, но более темные, и взгляд какой-то чужой, не доверчивый и открытый, а скорее жесткий и беспокойный.

Собственно, беспокоиться не стоило — узнать меня теперь было нелегко.

Мне даже показалось, что изменились черты лица. Это было лицо человека, который многое пережил, но выжил и продолжает выживать. И еще глаза — или, может, виновата была та бледность, что их окружала? — я заметил в них что-то близкое ужасу. Подвижные и полные губы выдавали слабость. Тут я почувствовал, что у меня вспотели ладони, вытер их о брюки, повернулся и пошел в сторону дворца.

Держась в тени деревьев парковой аллеи, я поглядывал на мерцающее великолепие высоких зданий, увенчанных куполами, рассматривал богатых людей в машинах и вертолетах, уважаемых, беззаботных, свободных, окруженных роскошью. Они прогуливались в садах с фонтанами, высокие, стройные, очаровательные и бесполезные. Они кланялись, лениво переговаривались, смеялись и ничего не делали, чем-то напоминая невероятно красивые камни в плохоньких оправках. Здесь все было плохо. И кто сможет винить людей, не имеющих совсем ничего, если однажды они кинутся на дворец, разрушат его и растопчут так, что не останется камня на камне? Это, кстати, было бы не очень трудно.

И тут я заметил охранников. Они не бросались в глаза, и лишь начав считать, я понял, как их много. Еще я заметил стволы огромных орудий, торчавших кое-где из кустов и бойниц дворца.

Я вздрогнул.

Широкие ступени вели к большому portalу дворца. Сотни ступеней, поблескивающих безупречной белизной в лучах утреннего солнца. Они уводили взгляд все выше и выше, к верховной власти, ко дворцу, к источнику всех благ. По обе стороны высоких дверей круглые черные зрачки смотрели на лестницу, готовые в любой момент залить ее потоками огня.

Глядя на них, я представлял, как иду по лестнице, поднимаясь до массивной двери...

Я иду уверенным шагом, не отрывая глаз от двери; выпрямившись, подняв голову. За мной следят другие зрачки, человеческие, но такие же смертоносные и опасные. Я не обращаю на них внимания, и охранники направляются ко мне. Они образуют полукруг, оставив мне только один

путь — вверх, к дверям. Вокруг тихо, и в этой тишине я поднимаюсь все выше, к удивлению тех, кто идет за мной. Я подхожу к двери, и она открывается предо мной, как гигантская пасть, темная и бездонная.

Тут один из охранников выступает вперед с оружием наготове.

— Чего ты хочешь? — спрашивает он. — Зачем сюда пришел?

— Кристалл, — говорю я, холодно глядя на него.

В его глазах появляется ужас, он отступает. Я иду дальше, но в дверях кто-то стоит, загораживая проход. Сабатини! Он улыбается и протягивает ко мне руку с открытой ладонью...

Я снова вздрогнул. Может, за мной следят? Поблизости никого не было, но гадкое чувство не проходило. Я пожал плечами — не помогло, холодок между лопатками не проходил. Я осторожно проскользнул между деревьями, огибая дворец, и, лишь отойдя довольно далеко, перестал оглядываться.

Вновь я оказался среди трущоб и никак не мог из них выбраться. Я шел неспешно, задерживался в переулках, приглядываясь к прохожим. Никто не топтался, не останавливался перед витринами или чтобы завязать ботинок. Никто не носил черных одежд.

Потом я задержался перед угрюмым продовольственным магазином и долго разглядывал образы, отражающиеся в оконном стекле. Я смотрел на странный мир, где плоские люди появлялись, передвигались и исчезали, и сам заполнялся плоской действительностью, и в этом плоском мире внезапно раздался визг...

Нет, не в плоском, а в моем. Прежде чем я успел повернуться, что-то ярко вспыхнуло, а мгновением позже меня сильно ударило в спину, и плоский мир рассыпался перед моими глазами. В последний момент я все-таки удержался на ногах, а то бы ввалился в витрину вместе с обломками стекла.

Я резко повернулся. Вдалеке, над крышами домов, в небо поднимались пламя и дым. Вокруг распластанные пешеходы медленно вставали, поднимали головы и таращились на облако, похожее на гриб. Потом все побежали туда. Я тоже побежал, не зная зачем. Мы чувствовали, что это касается нас всех.

Мы так и не добрались до места взрыва. Прежде чем мы туда добежали, с неба упали вертолеты, а из них выпали наемники в мундирах и с оружием. Они выстроились

поперек улицы, остановив поток людей. Здания за их спинами, те, что еще не развалились, были охвачены пламенем. На теле города возникла огромная дыра, словно вырванная гигантской огненной горстью, протянувшейся с неба.

К треску огня и грохоту рушащихся домов добавились новые звуки: крики боли, мольбы о помощи, детский плач. Через кордон проходили уцелевшие — истекающие кровью, искалеченные, почти теряющие сознание. Некоторые падали на мостовую, других уводили куда-то.

Толпа, беспомощно наблюдавшая за всем этим, с жалостью вздыхала.

Геликоптеры кружили над нами, из мегафонов неслось:

«Не бойтесь, это не нападение, просто взорвалась неисправная ракета. Именем Императора приказываем разойтись! Это всего лишь неисправная ракета. Расходитесь по домам, возвращайтесь к работе. Очистите улицы. Император охраняет вас и приказывает вернуться домой или на работу. Именем Императора, разойдитесь!..»

«Просто... Всего лишь...» Пламя ревело, раненые кричали, дети плакали. Плотная толпа стояла неподвижно. Это была их пьеса, и они должны были сыграть свою роль до конца.

«Сегодня вечером, — подумал я, — в соборах будет много работы».

Я медленно выбрался из толпы, по пути изучая каждого встречного. Я был неосторожен, меня могли схватить. Однако в толпе не было Агентов, а все наемники в оранжево-голубых мундирах стояли по другую сторону. Никто не обращал на меня внимания, и впервые люди не расступались предо мной.

Мне пришлось сделать крюк, чтобы обойти район разрушений. Наконец я выбрался на окраину. Домов становилось все меньше. Справа, далеко на горизонте, я видел массивное черное здание, словно присевшее на окружающие его возделанные поля. Чуть ближе, прямо напротив меня, раскинулся порт с высокими кораблями, смотрящими в небо. Они стояли наготове, как снаряды, ждущие лишь приказа, который пошлет их в голубизну, чтобы они разбили ее, как цветное стекло, и превратили в бесконечную ночь. В них было что-то мужественное, сильное, от чего сердце мое забилось быстрее.

Я быстро шел по гладкой широкой дороге. Ни передо мной, ни позади не было видно никого. Я шел на встречу со звездами.

По обе стороны дороги лежали поля. Одни в черных бо-

роздах, другие бледно-зеленые. Потом я заметил работающих людей. На одном из полей сгорбленный крестьянин, обливаясь потом, налегал на металлический плуг. На следующем крестьянин сам тащил сверкающий пластиковый плуг, за которым шла его жена. Только по обрывкам одежды я догадался, что за плугом идет женщина, так почернело от солнца ее лицо. В более крупном хозяйстве одни мощные машины тащили другие. Люди здесь были лучше одеты и повеселее. Я видел, как они улыбались, а один помахал мне рукой.

Рабство становилось желаннее свободы. Вскоре уже не останется крестьян, возделывающих небольшие поля и собирающих жалкие урожаи, они поменяют свободу на полные желудки. Хозяйства будут увеличиваться, пока вся Бранкузи не станет принадлежать нескольким людям, может, даже одному.

Порт рос передо мной. Низкие здания рядом с устремленными в небо гигантскими кораблями походили на грибы.

Я поднялся на небольшой пригорок и увидел ограждение порта.

Ноги вдруг отказались служить мне, и я присел на обочине. Ограждение тянулось в бесконечность. Это был мощный, высокий металлический забор, а вокруг частой цепью стояли часовые. Мои шансы попасть внутрь были не больше, чем добраться до другого мира без корабля.

Довольно долго я сидел, прикидывая, как проскользнуть на территорию порта. Ближайшее дерево росло от ограждения в нескольких сотнях метров. Когда стемнеет, возможно, будет полегче, но я подозревал, что по ночам включают прожектора и становится светлее, чем днем.

Однако люди как-то попадали на корабли. Они садились на них и летели на другие планеты.

Я встал и пошел по дороге дальше. Оказавшись рядом с будкой охранника, я направился прямо в открытые ворота. Охранник посмотрел на меня, на мою черную одежду и скривился.

— Куда это ты собрался? — спросил он.

Я окинул его ледяным взглядом.

— Если ты так уж хочешь знать, я скажу. Но люди, которые слишком много знают, долго не живут.

Его лицо застыло. Он хотел сказать еще что-то, но так и не посмел, просто кивнул головой в сторону поля.

Я вошел на территорию порта и направился к строениям. Дорожка была неровной, в выбоинах.

У некоторых зданий двери были закрыты — они меня

не интересовали. Это были конторы. Некоторые были оранжевые с голубым, другие серебристые с черным. Я обошел их и приблизился к кораблям. Мне вдруг показалось, что они наклоняются ко мне и вот-вот рухнут на меня.

Пройдя мимо них, я направился к складам. Эти были открыты. Мимо меня проезжали грузовики, груженные ящиками, тюками и коробками. Внутри работали люди, они что-то записывали в толстые книги по мере того, как с машин сгружали товары, укладывали коробки, тюки и ящики, одни открывали, другие упаковывали заново, третьи снова грузили на машины. Я оглянулся — грузовики загружались из трюма одного из кораблей. Товары спускали на тросе из черной дыры, расположенной высоко на корпусе корабля.

Огромная приземистая машина на широких колесах медленно прокатилась мимо меня. На ней лежал длинный цилиндрический контейнер, почерневший с одного конца и расширяющийся с утолщением на другом. Машина величественно повернула к зданию за складом.

Я тоже пошел к тому зданию и остановился у широких ворот. Заглянул внутрь. Там работали люди, они делали огромные цилиндры, вроде того, что только что привезли.

Я смотрел на них, прислонившись к стене. Эти машины совершили путешествие к звездам или должны были лететь к ним. Эти самые цилиндры толкали огромные корабли в небо, бросая вызов времени и пространству, с презрительным ревом отталкивая мир, пытающийся их удержать.

Под привезенный цилиндр подвели цепи, заворчали моторы. Цилиндр поднялся на несколько сантиметров, повис на мгновение и мягко опустился на подпорки. Люди окружили его и принялись за работу.

Время шло. Один раз земля задрожала, раздался грохот. Здание затряслось, а я ухватился за стену, чтобы не упасть. Люди в цехе продолжали работать, не обращая на это внимания.

Далеко, на другом конце поля, приземлился корабль, и я стал смотреть на него. Через несколько минут в сверкающем боку открылось черное отверстие, что-то похожее на змею выскользнуло из него, развернулось, свесилось до земли. Маленькие фигурки начали спускаться по раскачивающейся лестнице, яркие, оранжево-голубые человечки.

Собравшись под кораблем, они строем двинулись через поле к одной из контор. Человечки спускались и спускались вниз, строились в колонны и шли через поле.

— Что ты тут высматриваешь? — раздался за спиной хриплый голос.

Я вздрогнул и обернулся. Передо мной стоял высокий бородатый мужчина с огромным животом, одетый в грязный, пропотевший комбинезон.

— Тебе что-то нужно? — резко спросил он. — Если да, я тебе помогу. Если нет, то проваливай и не мешай.

Я полез в карман, вынул листок бумаги и подал ему.

Он развернул его, прочел и вернул обратно.

— Старый фокус. Что тебе нужно?

— Джордж, — сказал я. — Мне нужен Джордж Фалеску.

Он прищурился и украдкой посмотрел по сторонам. Потом кивнул и пошел, я — следом за ним. Мужчина остановился в темном углу, подальше от рабочих.

— Его здесь нет, — прошептал он.

— А где он?

— Это тебе лучше знать.

— То есть?

— Твои приятели забрали его сегодня утром. Ты-то знаешь, что это значит.

11

Я смотрел на него с каменным выражением лица, но внутри у меня все дрожало. Я не знал, что это значит. Это могло значить многое, но я ничего не знал наверняка. Точнее, я знал одно: возможность безопасно выбраться с Бранкузи безвозвратно утеряна. Если такая возможность существовала вообще, а в это волей-неволей приходилось верить. Я должен был верить Лаури, она была моей единственной опорой.

— Разумеется, — сказал я. — Ты будешь вознагражден за помощь... в свое время.

Я стрелял наугад, потому что не мог просто кивнуть и уйти. У этого типа и без того были основания для подозрений.

Он хмуро посмотрел на меня.

— Это было бы неплохо.

Я поймал себя на том, что нервно кусаю губы.

— Сабатини был с ними?

— А кто это? — буркнул он.

— Смуглый Агент с большим носом.

Мужчина окинул меня подозрительным взглядом.

— Нет, такого не было.

Я кивнул.

— Видимо, он был занят чем-то другим. — Выходило у

меня не очень хорошо, но приходилось продолжать. — У меня есть к тебе еще одно дело. Не пожалеешь, если сможешь это проверить.

— Сколько?

— Столько, сколько стоит, а стоит это много.

— Никаких обещаний! — мрачно заявил он.

— Наличные.

Он кивнул.

— Что за дело?

— Мне нужно втихую улететь отсюда. Это очень важно.

Я должен попасть на корабль.

— На какой корабль?

— На ближайший.

— «Феникс» до Маклеода?

Я кивнул:

— Точно.

Толстяк фыркнул.

— Ты думаешь, я колдун? Только Торговец может провести тебя на корабль, сам ведь знаешь.

— Отлично, — кивнул я снова. — Значит, здесь наш подопечный не выскользнет. — Я посмотрел на него, чуть прищурив глаза. — Кстати, тебе повезло, что ты еще жив.

Он перепугался, а я быстро повернулся и вышел из мастерских, прежде чем он успел о чем-нибудь спросить. Внутри я был пуст более, чем пространство между звездами.

Агенты забрали Фалеску. Что это значит? Они не могли знать, что я попытаюсь с ним связаться, я и сам не знал об этом до сегодняшнего утра. Видимо, он был замешан во что-то не связанное со мной. Я был слишком впечатлителен, а мир крутился вовсе не вокруг меня. Он просто крутился. Люди жили, любили и умирали, не зная даже моего имени, не ведая о том, что у кого-то пропал таинственный камешек. Я не был пупом вселенной, мое существование не имело значения, равно как и моя смерть. Может, обо мне уже забыли.

Меня колотило, словно в ознобе: я знал, что обо мне не забыли. Сабатини не из забывчивых.

Я вернулся к конторам. Два здания были голубые с оранжевыми украшениями — королевские цвета. Туда я не пошел. Следующее было черно-серебряным — цвета пространства и Торговцев. Это они перевозили товары, машины и людей. Их интересовали прибыли, и только, и я не видел причин, почему бы им не взять меня. В поясе у меня лежало пять тысяч хроноров.

Я вошел в контору. Внутри было темно, как в пещере, пахло экзотическими приправами. Когда мои глаза привыкли к темноте, я разглядел, что нахожусь в небольшой комнате, скромной, но чистой. Полки, идущие по двум стенам, заполняли образцы товаров, а в другом конце комнаты стоял длинный стол. Там склонился над книгой мужчина средних лет с блестящим, лысым черепом. Подняв голову, он посмотрел на меня.

— Слушаю вас, — произнес он каким-то щебечущим голоском. — Может, вам нужен превосходный аркадийский перец? После падения Аркадии его нелегко достать. Очередная поставка будет только через несколько лет.

Впервые кто-то не изменился в лице при виде моего черного мундира.

— Нет, — ответил я.

— Желаете что-то перевезти? Умеренные тарифы, рейсы во все уголки Галактики. Все населенные планеты...

— Себя, — прервал я его. — Я хочу попасть на «Феникс».

— Ага, — значительно произнес он и принялся листать свою книгу. Найдя то, что искал, он печально посмотрел на меня. — Пассажирский отсек на «Фениксе» очень мал, и все места давным-давно зарезервированы. Может, какой-то другой корабль?

— «Феникс». И сейчас.

Вытянув шею, он разглядывал меня так, словно я был каким-то причудливым насекомым.

— Может, мне и удастся вас втиснуть. «Феникс» летит без второго офицера. Но такие дополнительные места дорого стоят и...

— Это не имеет значения. — Я облегченно вздохнул: его интересовали деньги, это хорошо.

— В таком случае давайте заполним бумаги.

Торговец бодро прыгнул на пол, и я увидел, что он совсем маленького роста. Видимо, он сидел на высоком стуле, потому что сейчас голова его едва выступала над столом. Подойдя к стене, он открыл ящик и достал пачку бумаг. Забравшись опять на стул, он подвинул мне бумаги и подал ручку.

— Я не умею писать. — Это вырвалось у меня непроизвольно, но, кажется, получилось неплохо.

Он улыбнулся, кивнул головой и взял бумаги.

— Имя и фамилия?

— Джон, — сказал я. — Джон Михаэлис.

Он писал округлыми буквами с завитушками.

— Документы?

Я со значением посмотрел на него.

— Это лишнее.

Он глянул на меня и пожал плечами.

— Пусть так. Куда летите?

— На Маклеод.

— Вы пересядете там на другой корабль?

— Нет.

— По какому делу?

— По личному.

Он снова глянул на меня и продолжал писать. Трудно было читать вверх ногами, но все-таки я сразу отметил, что про «личные дела» там нет ничего. Наконец я сообразил, что это «секретное», и торопливо отвел взгляд.

Чиновник задавал бесконечные вопросы: место рождения, дата рождения, раса, особые приметы, багаж. Подпишу ли я заявление, освобождающее фирму от ответственности в случае несчастного случая?.. Некоторые мои ответы удовлетворяли его, после других он колебался.

— Покровитель? — спросил наконец он.

Так вот что ему нужно! Покровитель... Ничто не приходило мне в голову, а ляпнуть невпопад было так легко.

— Нет, — ответил я, а когда он поднял голову, посмотрел ему прямо в глаза.

Торговец решительным жестом отложил ручку.

— Я отказываю вам в доступе на корабль, — негромко сказал он, и на сей раз в голосе его не было щебечущих ноток.

— Я не принимаю отказ, — ответил я, придав лицу суровое выражение.

— У вас нет выбора. Решение о доступе на корабль принимает фирма.

— Вы поступаете неосмотрительно, — с нажимом произнес я. — От моего прибытия на Маклеод зависит очень многое. Важные особы будут недовольны.

— Согласно инструкции Императора, человек, не имеющий покровителя, не может получить пропуск на корабль.

— Я бы хотел поговорить с вашим начальником.

Он усмехнулся.

— Надо мной здесь никого нет.

Я смотрел на него в упор.

— О некоторых делах знать слишком много не стоит.

— Верно. Но неразумно знать слишком мало о делах собственных.

— И поумнее тебя лишались голов.

Он пожал плечами.

— Если у тебя есть покровитель, назови его. Если нет — до свидания. У меня нет времени.

— Мой покровитель, — процедил я, — сам Император. Он будет недоволен, что об этом узнал кто-то третий.

— Надеюсь, это можно проверить?

— Конечно.

Он соскользнул со стула, засеменил к двери и толкнул ее. Следующая комната была еще темнее.

— Ты смел, — сказал я. — Жаль, что такой смелый человек исчезнет из этого мира.

Усмехнувшись в ответ, он закрыл за собой дверь.

Он понял, что я блефую. Я не был уверен, что и он не делал того же, но в таком случае, его блеф был лучше моего. Я был уверен, что он свяжется с Дворцом. Маленький Торговец выиграл, а я проиграл. Оставалось надеяться, что результаты не окажутся фатальными.

Я быстро вышел наружу и зашагал через поле к кораблям. У меня еще оставался шанс, пусть даже небольшой.

Намалеванные на кораблях знаки были неразборчивы. Свет заходящего солнца, отражавшийся от гладких боков корабля, слепил мне глаза. Только войдя в тень, я смог что-то разглядеть.

Из разгружаемого корабля спустили последнюю коробку. Мужчина на грузовике отцепил трос и махнул рукой кому-то в люке корабля. Извиваясь, словно змея, трос поднялся и исчез.

Я подошел к этому мужчине.

— Где стоит «Феникс»?

Он махнул рукой, зевнул и забрался в кабину грузовика. Машина уехала.

Я посмотрел в ту сторону и метрах в пятистах увидел его. К кораблю шла колонна машин, и я двинулся за ними, голодный, усталый и испуганный. Я давно жил с этим чувством и уже не помнил того времени, когда не боялся.

Подойдя к кораблю, я заметил, что пятно на его носу похоже на солнце или огонь, из которого выглядывает что-то с крыльями. Машины проехали дальше.

Товары отправлялись вверх, исчезая в гигантской разверстой пасти. Один из людей дирижировал погрузкой, покрикивая и время от времени делая отчетливые жесты. Порой, когда все шло нормально, он застывал, сложив руки на груди. Одет он был в черный с серебром мундир, многое переживший на своем веку. Чернота была грязно-серой, серебро — лишь чуть посветлее.

Я подошел к нему.

— Шевелитесь! — крикнул он. — Где эти грузовики?

— Две тысячи хроноров за вход, — тихо сказал я.

Он искоса глянул на меня.

— Иди в контору.

— Тебе. Другим не обязательно знать об этом.

— Чтобы корабль был перегружен? — буркнул он. —

Спятил? Эй, ты, сначала машины!

Грузовик съехал в сторону.

— Внеси меня в список экипажа, — сказал я. — Тогда все будет шито-крыто.

— Где твоя карта?

— Какая карта?

— Карта цеха, идиот. Ты не получишь место без карты.

— Даже место ученика?

Он фыркнул.

— Ученики летают в пространство только на шестом году.

— Три тысячи хроноров, — сказал я.

Он посмотрел на меня и прищурился.

— Наличными?

— Да.

Солнце зашло, и в темноте я не видел его лица.

— Договорились.

Я потянулся к поясу.

— Не здесь, идиот. Иди за грузовик, на ту сторону корабля.

Я скользнул за корабль — тень в еще более глубокой тени. Грузовики больше не подъезжали. Три машины еще ждали разгрузки, водители стояли, разговаривая, у последнего. Я протиснулся между двумя машинами и присел у той, которую разгружали. Сердце мое колотилось как безумное. Неужели я все-таки попаду на корабль?

— Том, — услышал я знакомый голос с другой стороны грузовика, — я заменю тебя на минуту. Хочу подъехать на машине и проверить погрузку.

Послышалось шарканье подошв, потом кто-то спрыгнул на землю, а другой человек поднялся вверх. Я встал, ухватился за борт машины, прыгнул и оказался внутри. Водитель стоял наверху, но глядел не на меня, а на черное отверстие люка.

К цепи крепилась платформа с ящиками; Торговец нетерпеливо махнул мне рукой. Оставалось еще место, я заполз туда и почувствовал, как на меня опускают последний ящик. Он здорово прижал меня, и мне никак не удавалось вздохнуть полной грудью. Сквозь щель видно было темне-

ющее небо. Там, где скрылось солнце, небо еще сохраняло светло-голубой цвет, напомнивший мне разряд фламмера. Платформа вздрогнула — кто-то прыгнул на нее.

— Тащи!

Груз начал подниматься, мир вокруг раскачивался и медленно вращался вокруг своей оси. Я смотрел через щель на поля, окружающие порт. На ограждении зажглись фонари и завертелись вокруг меня, как огненное колесо. Я поднимался все выше, придавленный и одеревеневший.

Наконец платформа остановилась, раскачиваясь, как маятник, потом ее повели в сторону. Постепенно мир исчезал, пока не превратился в темно-голубой круг, окаймленный темнотой. Платформа опустилась на несколько метров, раскачивание прекратилось. Кто-то спрыгнул с груза, зазвела цепь.

— Этим я займусь сам, — сказал знакомый голос.

Ящик поднялся, и я увидел лицо своего Торговца. Он сделал мне знак, я выполз из щели между ящиками и осторожно опустил ноги на пол. Металл ударился о металл. Торговец присел рядом со мной, цепляя канаты к кольцам в полу.

— Деньги, — прошептал он.

Я расстегнул пояс, отсчитал тридцать монет и высыпал ему в ладонь. Он поднял их к свету, проверяя, какого они достоинства. Все было нормально. Что-то буркнув, Торговец сунул деньги в карман и направился к выходу. Я схватил его за руку.

— Где мое место?

Он кивком указал на штабель ящиков, потом, прежде чем я успел что-либо сказать, вырвал руку и исчез за ближайшей пирамидой груза.

Я посмотрел на место, которое он мне указал. Горы ящиков тянулись без конца, потолок был низким, и груз почти касался его. Я начал осторожно пробираться вперед. Было так тесно, что я едва протискивался между ящиками. Запутавшись в каком-то тросе, я ухватился за ящики, чтобы не упасть.

Становилось все темнее. Позади меня звенели цепи, грохотали ящики, гудели моторы. Я не нашел никакого места, где мог бы переждать. Потом шум стих, и я замер, прислушиваясь. Включился другой двигатель, более мощный. Постепенно темнота становилась глубже, и с последним звуком воцарилась ночь, темная ночь без единого огонька. Шаги стихли вдали. Что-то еще раз звякнуло, и опустилась тишина, не менее глубокая, чем темнота.

Страх кружил по моим венам, леденил кровь. Что-то было не так.

Еще несколько шагов, почти бегом, спотыкаясь о кабели, и я оказался в месте, где ящиков не было. Точнее, там не было ничего. Вытянув вперед руки, я вернулся в узкий проход, потом двинулся вдоль стены, повернул под прямым углом, а через несколько шагов — еще раз. Вновь несколько шагов... еще один угол. Снова добравшись до прохода, я уже мог представить себе размеры пустого пространства: квадрат со стороной в шесть коротких шагов.

Присев, я коснулся пола, он был гладким и теплым, почти горячим. Двигаясь на четвереньках, я ощупал весь пол. Места мне было слишком мало, я нуждался в еде и свете, причем в равной степени.

Что-то покатилося под моей рукой. Я схватил этот предмет и осторожно изучил. Сбоку обнаружилась кнопка, я нажал ее, и с одного конца предмета вырвался луч света, осветив запыленный пол и ящики. Они были гладкими, кроме одного — тот был с отверстием.

Я посветил в него; внутри оказалось множество запечатанных пластиковых бутылочек и коробок. Открыв одну из коробок, я высыпал ее содержимое на руку. Четыре сухаря и восемь ярких таблеток.

Сначала я съел сухари, потом сунул в рот одну из коричневых таблеток и стал ждать, пока она растворится. Вкусом он походила на мясо. Еще две оказались такими же, остальные больше напоминали свежие овощи.

Поев, я открыл бутылку и выдавил воду в рот. Я был доволен, почти счастлив. Через несколько минут, полчаса, самое большее через час корабль поднимется, оттолкнется от этого мира, промчится сквозь разреженный воздух в черное пространство, а я буду сидеть в нем, ожидая минуты, когда смогу выбраться на свежий воздух и чистую землю другого мира. Маклеод. Интересно, лучше там будет или хуже? Я надеялся, что лучше, хотя это не имело особого значения. Это будет Новый Мир, где я смогу начать новую жизнь, и этого мне вполне хватало.

Я погасил фонарь. Сидеть в полной темноте не так уж неприятно, если знаешь, что в любой момент можешь включить свет. Только когда такой возможности нет, темнота, как живая, опутывает тебя, сжимает горло. Я не знал, надолго ли хватит батарей в фонаре, и предпочитал экономить энергию.

Темнота была теплой и дружественной. Пожалуй, даже слишком теплой. Я зевнул, тепло от пола проникало в мое тело...

Где-то вдали что-то громко заворчало, потом свет обдал мои веки красным сиянием. Что-то шевельнулось на моей груди, встряхнуло мой рукав и исчезло. Я с трудом открыл глаза.

Свет слепил меня, я не видел ничего, кроме белого пятна.

— Кто там? — спросил я сонным голосом.

Кто-то расхохотался.

Погоня закончилась. Я бежал, пока мог, и вот теперь этот хохот рядом оборвал мое бегство. А ведь до свободы оставалось всего несколько минут!

Я узнал этот смех. Сабатини.

12

Соппротивление не имело смысла. Мой пистолет исчез, нож тоже. К тому же Сабатини был не один.

Они поставили меня на ноги, сдернули с меня куртку и связали руки сзади. Я подчинялся безропотно, двигаясь автоматически, без жизни, без надежды, без страха, без мыслей. Я ждал, когда мне отсекут ступни.

— Старый номер с горячим ящиком, — Сабатини снова захохотал. — Люди никогда не поумнеют.

Меня провели к выходу через узкие проходы между ящиками, а когда я споткнулся в темноте, поддержали, не позволив упасть.

«Ждут, пока мы выйдем. Там удобнее будет меня нести», — подумал я. Однако, когда мы дошли до пустого пространства у дверей, меня остановили, но ступни не тронули. С Сабатини были еще два Агента: один маленький, другой большой. В слабом свете, что проникал через люк, я увидел, что все они в оранжево-голубых мундирах. Это должно было мне кое-что объяснить, но я по-прежнему ничего не понимал.

— Вы поймали его, — с облегчением сказал кто-то. Его форма сверкала матовым серебряным блеском, но я не узнал этого человека. Он был старше того, которого я подкупил. — Слава Богу! И ведь по нему не скажешь, что его коснулась зараза!

— На этой стадии еще ничего нельзя заметить, — ответил Сабатини.

— Не могу понять, — откликнулся тот, — как он здесь оказался...

— Правда, не можешь? — весело спросил Сабатини.

— Мы благодарны Императору, — торопливо добавил мужчина. — Вы избавили нас от долгих месяцев карантина, а может, даже спасли нам жизнь.

— Император заботится о своих подданных, — серьезно ответил Сабатини. — Включите лифт и уберите его отсюда, пока он никого не заразил.

— Конечно, конечно...

Серебро мундира слилось с темнотой.

Я подошел к люку, но меня остановила чья-то рука. Тихо загудел мотор, зазвенели цепи. В люке появилась платформа, и Сабатини прыгнул на нее, прежде чем она остановилась. Один из его людей подал меня ему, потом оба Агента присоединились к нам.

Платформа поплыла в ночь, слегка раскачиваясь, потом замедлила движение и мягко опустилась на бетон. Как только Агенты соскочили с нее, таща меня за собой, она вновь пошла вверх.

По другую сторону поля вспыхнули огни, кто-то крикнул, и голос понесся далеко в ночь. Истерично затарахтел мотор грузовика. Не торопясь, но и не теряя времени, Сабатини втолкнул меня на заднее сиденье оранжевого с голубым вертолета. Я опустился на него, уже устав от всего.

Один из Агентов — маленький, с темным лицом и глазами, в которых отражались далекие огни, — сел рядом. Вторым, высокий уселся, посмеиваясь, впереди, рядом с Сабатини. Заработали еще какие-то двигатели, но далеко. Поле залили потоки света, в небо уткнулись лучи прожекторов.

Один из лучей разорвал темноту над нашими головами, освещая корпус «Феникса». Наш вертолет уже летел, поднимаясь все выше.

Через несколько секунд мы оказались у ограждения, похожего теперь на сверкающую змею, оставили его позади и углубились в темноту.

Все молчали. Моя голова вновь начала работать, медленно, через силу. По крайней мере я начал думать, гадая, почему Сабатини и его люди в императорских мундирах, почему в порту началось такое оживление и почему мы летим в темноте. Но все это уже не имело особого значения.

— Старый номер! — Сабатини захохотал. — Ты даже не поблагодарил меня, Дэн, а ведь я спас тебя от верной смерти.

Я не шевельнулся и не произнес ни слова.

Сабатини повернулся, чтобы взглянуть на меня. Его нос в тусклом свете приборов выглядел еще чудовищнее.

— Знаешь, куда они сунули тебя? Прямо над двигате-

лями. После старта ты бы там просто поджарился. Они с незапамятных времен используют этот фокус, эти Торговцы. Вот уж не думал, что кто-то еще клонет на него.

Он вновь захохотал, на этот раз над человеческим легковерием.

Я молчал, как ледяная статуя. «Однажды тебе придется кому-то довериться, — сказала Лаури. — «Наверняка ты доверишься неподходящему человеку». Но выбора у меня не было. Какое имело значение, умру я на корабле или в лапах Сабатини? Лучше бы мне погибнуть на «Фениксе», веря в будущее и мечтая о новом мире.

Геликоптер с тихим свистом пошел вниз сквозь темноту ночи и наконец мягко приземлился. Агенты вышли и вытащили меня. Сабатини присматривал за мной, а двое других сняли мундиры и под ними оказалась знакомая мне черная форма. Потом эти двое следили за мной, а мундир снимал Сабатини. Маленький Агент зажег фонарь. Под кустами лежали трое мужчин, почти голых. Все трое были мертвы.

Двое Агентов натянули императорские мундиры на мертвые тела. Я стоял, спокойно следя за этим, и чувствовал, как деревенеют руки. Закончив возиться с трупами, они меня повели через кусты к темной приземистой машине и втолкнули на заднее сиденье. Двигатель захрипел, потом тихо заурчал. Мы выехали на гладкое темное шоссе, набрали скорость и помчались без фар. Время шло, поездке, казалось, не будет конца.

Наконец появились огни Королевского Города, подсвечивая низкие тучи зловещим багрянцем. Машина свернула на проселок с наезженной колеей и ползла по нему довольно долго. Я понятия не имел, куда меня везут. В конце дороги вздымалась к небу высокая, массивная гора, заслоняющая звезды; перед ней мы и остановились.

Меня вытащили из машины, Сабатини исчез в темноте. Послышалось какое-то звяканье и протяжный скрип. Дверь открывалась с трудом. Высокий Агент потянул меня вперед, и я остановился, чтобы в последний раз взглянуть на звезды, мерцающие среди облаков.

Сильный рывок швырнул меня в темноту. Впереди появился слабый мерцающий огонек, и перед нами открылся широкий коридор с пыльным полом и темными каменными стенами. Огонек двигался вперед, а мы за ним, сначала по коридору, потом вниз по крутой лестнице, несколько шагов по ровному и снова вниз, вниз, вниз. На стенах появились капли, порой высверкивал какой-то кристаллический оса-

док, а мы все спускались в глубь земли, следуя за танцующим огоньком.

Остановились мы в темной комнате. Я чувствовал, что она огромна: вокруг было совершенно темно, однако не возникало чувства, что стены давят на тебя. Сабатини указал на что-то, и его спутники зажгли факелы, укрепленные в ржавых зажимах. Они вспыхнули чадным пламенем, и я осмотрелся. Комната больше напоминала пещеру. С потолка капала вода, на неровном каменном полу вдоль стен стояли странные устройства из железа, дерева и веревок.

Я медленно перевел взгляд на Сабатини. Тот разглядывал меня и улыбался.

— Вижу, комнатка произвела на тебя впечатление, — тихо произнес он. — Тебе знакомы ученые работы твоих братьев. Я тоже своего рода ученый, и это моя лаборатория. Здесь я изучаю сущность истин... и методы ее извлечения. Это увлекательное занятие, и мне кажется, я обнаружил некоторые основные законы, пропущенные философами.

Он оглядел комнату.

— Старый Барон, приказавший построить замок и позаботившийся об обстановке этой комнаты, придумал много нового, но он не был философом. Для него это было всего лишь хобби. Когда-то эти стены дрожали от стонов, криков и визгов. Это он визжал от наслаждения. Но теперь комната принадлежит мне, а я ищу здесь истину. Где камешек?

Трудно пожать плечами, когда твои руки связаны сзади, но мне это удалось. Есть только один способ не сказать лишнего — полное молчание. Я решил молчать, независимо от того, что со мной будет.

Сабатини с усмешкой следил за мной, потом кивнул одному из Агентов. Маленький типчик со сверкающими глазами вытряхнул из рукава нож и встал за моей спиной. Я невольно выпрямился. Что-то свистнуло в воздухе, и мои руки повисли, освобожденные. Я хотел растереть запястья, но сдержался.

— Боль — это нечто удивительное, — продолжал Сабатини. — На одних она действует как раздражитель, заставляя их язык говорить, неважно, правду или ложь, лишь бы это удовлетворило задающего вопросы. При этом трудно отделить нужные сведения. Для других она является клином, разрывающим душу, чтобы освободить место для других чувств. Для третьих это кляп, они крепко сжимают его зубами, и даже смерть не может их разжать. Интересно, ты из каких?

Мне тоже было интересно, но я не подал виду, продол-

жая смотреть на него равнодушным взглядом. Лицо его улыбалось, но глаза оставались холодными, жестокими и пронзительными. Они смотрели на меня и видели слишком много. Однако я не отвел взгляда.

— Давай посмотрим, — сказал он. — Думаю, тебя это заинтересует, ты ведь любопытен.

Он повел меня по комнате, показывая различные устройства, стоявшие на полу и висевшие на стенах, рассказывая при этом, как они действуют и что делают с человеком. В его голосе звучала нежность, он очень точно подбирал слова. Бесчисленные пытки представляли предо мной, и не один раз меня продрало морозом по коже.

У некоторых инструментов были шипы, у других — ножи, у третьих — веревки и колеса. Там были маленькие клетки, в которых человек не мог ни сидеть, ни стоять, были сапоги и перчатки со стягивающими винтами.

— Они всем впору, — сказал Сабатини, — и в этом заключается их прелесть.

Он показывал мне старые темные пятна и рассказывал о них, сверкая глазами. Однако инструментов было слишком много, впрочем, пятен тоже. В конце концов его мягкий, мурлыкающий голос перестал до меня доходить — я смотрел, но не видел.

— Все здесь гениально, — сказал он под конец, — и мы восхищаемся мастерством исполнения. Мы смазываем колеса и винты, точим ножи и шипы, меняем веревки. Однако в конечном счете эти устройства не достигают цели. Они слишком величественны, слишком сложны, в них слишком много частей. Им недостает одного: драматического аспекта, который притягивал бы разум как символ, не позволяя забывать о себе. Именно на этом основано извлечение истины. Мы теперь не пытаем, не мучаем тело. Мы используем лишь слабый болевой раздражитель и пытаем разум.

Я мог бы броситься на него, мог ударить его и бежать к двери. Но я знал, что у меня нет шансов, а такая попытка была бы признанием слабости. Нет, лучше было просто молчать. Я и так был слишком слаб.

Он повел меня обратно к арочному проходу, через который мы сюда попали. На столе лежала коллекция игл, ножей и клещей. Сабатини внимательно оглядел их, поглядывая то на меня, то на стол. Вытянул руку, взял щипцы и принялся поигрывать ими.

— Садись, Уильям, — вежливо предложил он, указывая на тяжелое кресло возле стола. Я сел и положил руки на подлокотники. Низенький Агент тут же закрепил их зажи-

мами, два других зажима сомкнулись на моих ногах. Я сидел спокойно — я не мог пошевелинуться, даже если бы захотел.

— Тебе наверняка интересно, — говорил Сабатини, — какое право я имею на камень. Я скажу тебе. Самое большое право. Я хочу его иметь больше, чем кто-либо другой, и готов сделать все, чтобы получить его. Абсолютно все.

— Почему? — спросил я и тут же пожалел о том, что нарушил данное себе обещание.

У Сабатини заблестели глаза.

— Не знаю, — задумчиво сказал он. — Я буду честен, Уильям, и надеюсь, что ты ответишь мне тем же. Я тебя люблю, и ты полюбишь меня. Вероятно, это произойдет не сразу, но ведь мы терпеливы, правда, Уильям? Я буду рядом с тобой, ближе, чем кто-либо в прошлом и будущем. Повторю еще раз: не знаю. Но мне известно, что он имеет большую ценность, а значит, должен быть моим. По Галактике разошелся слух, что он здесь, и я сразу понял — это то, что я ищу. Я многим пожертвовал, чтобы приехать сюда и найти его, очень многим. Но когда я его заполучу, Галактика будет моей.

Откинув голову назад, я рассмеялся. Эхо отразилось от стен и обрушилось на нас. Он покраснел, глаза его потемнели, и я понял, что смех был правильной реакцией. Но вскоре лицо его обрело обычный цвет, и он вновь улыбнулся.

— Отлично, Уильям, — сказал он, — я люблю тебя все сильнее. Тяжело будет мне сделать то, что я должен. Избавь меня от этого, Уильям, и скажи, где камень.

Я спокойно смотрел на него и молчал.

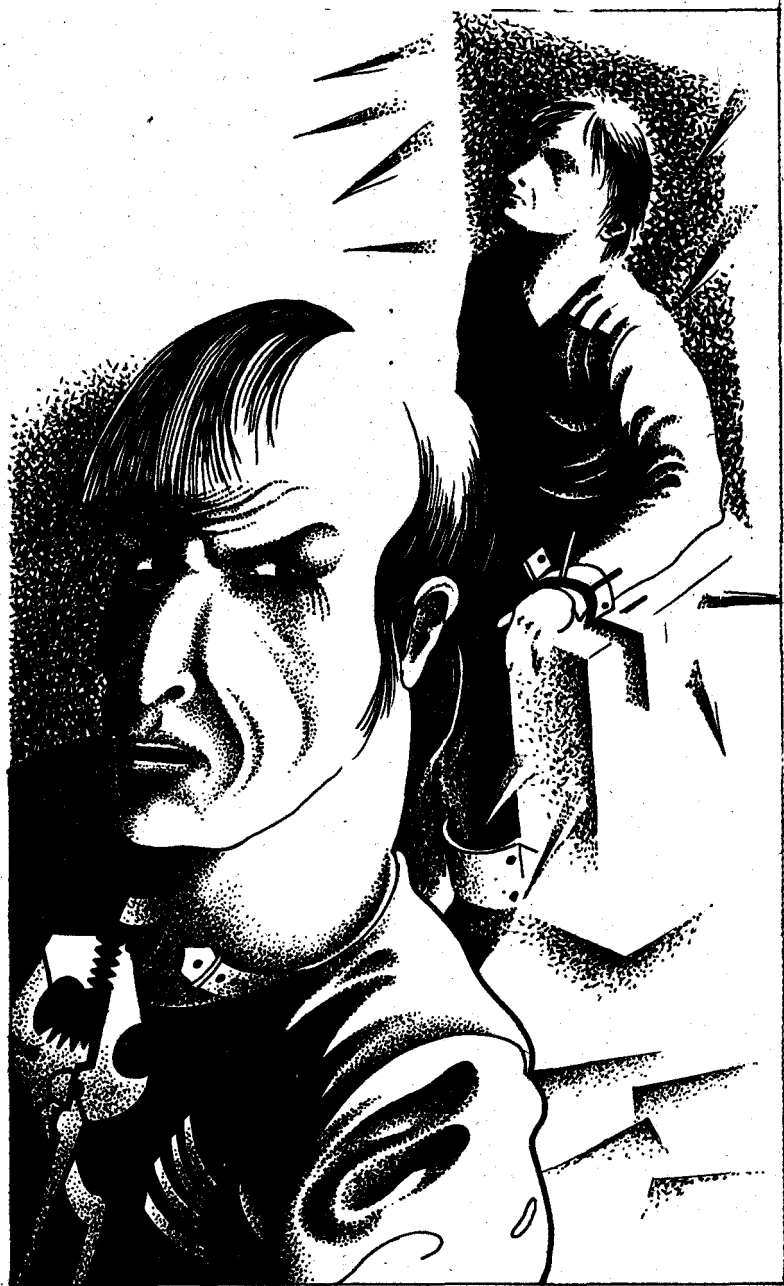
Вздохнув, Сабатини махнул щипцами.

— Снимите с него ботинки, — печально произнес он.

Маленький Агент снял с меня ботинки; пол под босыми ногами был холоден как лед. Сабатини опустился передо мной на колени, как язычник перед божеством в своем капище, и тронул пальцем мою левую ступню. Я с трудом подавил дрожь.

— Такая красивая белая ступня, — сказал он, — как жаль, что придется ее изуродовать. — Он опустил щипцы, я не мог их видеть, но зато чувствовал их холод на своих пальцах. — Эх, Уильям, — вздохнул он. — Добрый Уильям, бедный Уильям.

Он дернул рукой и поднял ее. Огонь охватил мою ступню, метнулся вдоль ноги, через спинной мозг в голову и там взорвался. С беззвучным криком я втянул воздух: удержаться от этого было просто невозможно. Волны боли захлестывали мое тело, я стискивал зубы, моргал, потому что слезы заливали глаза, и пытался улыбнуться.

Боль! Представить ее невозможно. Нам кажется, что мы можем вынести все, что такие пытки не смогут вырвать тайну из губ, не желающих отдавать ее. Мы сильны, горды и смелы. Мы клянемся молчать. Но наше тело обращается против нас, ломает нашу волю и выдает нашу слабость. Это свинство — делить человека пополам, чтобы одна часть боролась с другой, чтобы они терзали друг друга. Когда тело слабо, воля не должна быть сильной. Но я не скажу...

Боль отхлынула, сосредоточившись в ноге, в пальце.

— Ну, — сказал Сабатини, — было не так уж и плохо, правда? Не очень-то и больно, да?

Он раскрыл щипцы, и что-то маленькое упало на пол. Сабатини встал, посмотрел на мои ноги.

— Бедный пальчик, — промолвил он.

Высокий Агент изнемогал от смеха, у него тряслись даже уши. Сабатини заглянул мне в глаза, помахивая щипцами. Я не мог отвести от них взгляда, словно его притягивала какая-то мистическая сила.

— Где камень, Уильям? — с мольбой в голосе спросил Сабатини.

Я молча смотрел на клещи.

— Ладно, — сказал он. — Завтра займемся следующим пальцем. Потом еще одним и так далее, пока все не станут выглядеть одинаково. Потом, если ты не станешь моим другом, примемся за руки, а когда закончим с ними, придумаем что-нибудь еще. У нас много времени, Уильям. Мы еще научимся жить в дружбе... ты и я.

Они освободили мои руки и ноги и поставили меня на пол. Я дрожал всем телом — они содрали с меня одежду. Потом сняли пояс, и я остался перед ними голым. Быстро, чтобы Сабатини не поймал меня на этом, я взглянул на левую ступню. Из мизинца, оттуда, где раньше был ноготь, текла кровь. Такая маленькая штучка, а столько причиняет боли.

Однако нагота была еще хуже боли. Не из-за холода и сырости, просто трудно сохранить силу и гордость без одежды. Сдирая с человека одежду, с него срывают достоинство, а без достоинства он ничто.

— Спокойной ночи, Уильям, — мягко сказал Сабатини. — До завтра.

Он улыбнулся, и меня вывели. Я хромал, когда они вели меня по длинному коридору к маленькой деревянной двери, обитой железом. Открыв ее, меня втолкнули в камеру; я споткнулся и упал на охапку соломы. В ней что-то ползало и шуршало, но я слишком устал, чтобы обращать на это вни-

мание. Сев на солому, я подтянул колени к подбородку и попытался забыть о боли, которую испытывал сейчас, и о той, которая ждет меня завтра, послезавтра и еще потом; пока я не начну говорить. Я пытался забыть о щипцах.

Почему я должен терпеть такие мучения? Жизнь не должна превращаться в агонию, она должна быть исполнена свободы, гордости и любви. У меня же не было ничего такого. Почему бы не отдать им этот камень? Пусть дерутся из-за него, пусть убивают друг друга... не мое это дело. Это всего лишь округлый камешек, который ничего не значит, а если даже и значит, они все равно никогда этого не узнают.

Однако я знал, что не скажу им, где он. Только это и осталось у меня. Я буду молчать, и боль будет продолжаться вечно.

В камере что-то шевельнулось, что-то большее, чем бегающие и шелестящие создания. Я застыл, пытаюсь разглядеть, что это, и постепенно глаза мои привыкли к темноте. В углу сидел человек, я различал контуры тела.

По старой соломе, воняющей сыростью и затхлостью, я пополз к нему, а когда оказался рядом, понял, что это женщина, такая же нагая, как и я. Старая женщина, с высохшим, сморщенным телом, потрепанным лицом и спутанными волосами.

— Карло, — пробормотала она беззубым ртом. — Карло? Ты вернулся? — Страх в ее голосе смешивался с надеждой. — Не делай мне больно, Карло. Не надо больше. Я сказала тебе все, Карло. Где ты, Карло? Я тоскую по тебе. Только не делай мне больше больно. Я сказала тебе, где он. Ты же сам видел меня. Я бросила его на поднос пожертвований... там, в Соборе...

Дальше я не слушал. Я понял, кто эта старуха. Фрида.

13

Бегом, бегом, бегом сквозь тьму, хотя бежать нет причин. Так трудно бежать, когда темная тропа оцетинилась остриями, а боль пронзает тьму, и от этого она становится еще чернее.

В ночи звучат вопрошающие голоса, но я не могу ответить, потому что губы мои запечатаны, я не могу шевельнуть ими, не могу их разомкнуть, даже чтобы крикнуть, и не могу остановиться, хотя тропа оцетинилась остриями, и боль сильнее...

Они уже совсем рядом, они настигают меня, потому что я не могу бежать быстро. Они окружают меня, раззевают пасти, готовы разорвать меня. Челюсти начинают смыкаться...

Я проснулся. Я всегда просыпаюсь, прежде чем челюсти и щипцы сомкнутся на мне. Сколько уже раз я видел этот сон? Не помню. Я здесь всегда. Я посмотрел в угол, где раньше лежала Фрида, но он был пуст. Фриды больше не было, ее забрали... сколько же дней назад? Я пытался вспомнить, но не мог. Сколько раз я был в пещере с тех пор, как забрали Фриду? Пятьдесят? Сто? Нет, так много не могло быть.

Впрочем, это уже не имело значения ни для меня, ни для Фриды. Она умерла.

Скоро и я умру. Никто не смог бы пройти через то, что прошел я, и жить после этого. Я умру, а они придут и будут смотреть на меня так, как смотрели на Фриду, и поднимут мое тело, и отнесут его куда-то или просто оставят здесь, чтобы оно сгнило, и тогда Сабатини явится сам. Я ждал этой минуты с радостью, представляя себе выражение его лица.

Я молчал.

Он же говорил часами, этим своим бархатным кошачьим голосом, умолял, выжидал и снова мурлыкал. Он говорил и говорил, а потом приходила боль.

«Фриды нет, — говорил я сам себе, — и мне не с кем поговорить, и я должен сидеть один, голый и замерзающий, без собеседника, ибо не могу разговаривать с Сабатини».

Слезы сами текли у меня из глаз. Здесь, в темноте, я мог плакать — Сабатини меня не видел. Что-то ползало по моим ногам, но мне было все равно. Если мое тело было пищей для этих тварей, что ж, они брали не больше, чем им требовалось. Они были лучше тех, кому всегда мало, даже если они вот-вот лопнут. Они крутились рядом со мной, как друзья, увлеченные своими делами. Ну, может, не друзья, но и не враги. Вот только разговаривать я с ними не мог.

Уж лучше было говорить с Фридой. Я закрывал глаза и видел ее такой, какой встретил впервые: гордой, смелой и красивой. Я мог сказать ей то, чего не сказал бы никому другому, и это помогло мне сохранить разум, пусть даже она не отвечала. Даже лучше, что она не отвечала — ведь она думала, что я Сабатини.

— Карло, — говорила она, — о-о, Карло, добрый Карло. Не делай мне больно, дорогой Карло. Где ты?..

И тогда мало было просто закрыть глаза, потому что я знал, что она лежит там без зубов, без ступней, что она пы-

тается снова ходить на своих жалких обрубках. И глаза мои наполнялись слезами, и я плакал над бренностью тела.

Я рыдал в темноте и вспоминал...

Свет, преследующий тьму. Чудовищная черная тень на стенах камеры, тень с огромным ястребиным носом, губами, изогнутыми в улыбке, которые никогда не смеялись, никогда.

— Эй, почему ты молчишь? Вы же знакомы. Фрида, ты знаешь Дэна, послушника и убийцу? И ты, Уильям, знаешь Фриду, фаворитку Императора. Наверняка вы можете много чего сказать друг другу.

— Карло...

— Вам двоим просто поладить: ведь вы сговорились обмануть меня. Подумайте о крови и страданиях, лежащих на вас.

— Карло, дорогой мой...

— Любовница Императора! Кто бы мог подумать? Император побрезговал бы взглянуть на тебя сейчас — правда, Фрида? — даже если бы ты не украла у него волшебную игрушку. Белое тело, которое он ласкал, лицо, которое приказал увековечить в алмазе... теперь его бы замутило при виде тебя.

— Мой добрый Карло...

— Женщины — существа настолько нежные, что не стоит придумывать для них что-то утонченное. Они как ценные кубки: на них приятно смотреть, приятно иногда пить из них старое вино, утоляющее жажду, но стоит стиснуть их покрепче, и они разлетаются на куски. Фрида!

Дряхлая развалина становится на колени, пытается встать на ноги, не имеющие ступней.

— Да, Карло, я слушаю тебя, Карло, сделаю, что ты захочешь, Карло...

Прозрачная рука откидывает волосы, чтобы открыть жалкое лицо. Запавшие губы, страх, стискивающий горло, широко открытые выцветшие глаза.

— Странная штука боль. Я уже говорил тебе об этом. Женщины не выдерживают боли, она сокрушает их волю и душу. Они теряют свою неповторимость, перестают быть независимыми существами, становятся продолжением своих мучителей.

Стиснутый кулак, беззвучный стон.

— Карло, мой любимый Карло...

— Видишь? Она по-своему любит меня и сделает все, что я прикажу. Если я велю ей убить тебя, она сделает

это, даже если ей придется ждать, пока ты заснешь, а потом голыми руками разорвать твоё горло. Но я не заставляю её делать этого, ведь мы с тобой друзья. Однажды и ты полюбишь меня, как она, однажды и ты захочешь поцеловать мои руки, когда я скажу тебе что-нибудь приятное, целовать руки, причиняющие тебе боль не потому, что хотят этого, а потому, что ищут истину. Твой разум болен, Уильям, он не хочет понять, что мы друзья, а у друзей не должно быть тайн друг от друга, поэтому мы должны учить этот разум, этот упрямый разум, и ранить тело, бедное, невинное тело, ибо разум болен, Уильям... разум болен...

Я рыдал, не в силах вспомнить, случилось это на самом деле или только приснилось мне, и не мог сосчитать, сколько времени прошло с тех пор, как забрали Фриду. Это ужасно, когда человек одинок и наг, ибо те, кто забирает твою одежду, уничтожают часть твоей крепости. Это лишь малая часть, но это уже начало конца. Потом они пытаются разрушить её стены, добраться до укрытия, где ты сидишь, и смотришь на мир, и знаешь, что никто и никогда не сможет коснуться твоего истинного «я», даже если оно запутанно, и потерянно, и не помнит ничего, даже если ты сидишь и плачешь в темноте, и многоногие твари бегают по твоему телу...

Вдруг сел, обрадованный, почти счастливый, потому что мне пришло в голову, как можно сосчитать, сколько времени прошло после того, как забрали Фриду, и сколько я уже в этой камере.

У меня не было света, но я мог считать и в темноте. Я мог посчитать дни на пальцах. Осторожно касался я пальцев ног, шипя от боли, но эта боль была ничем в сравнении с мукой забвения. Боль осветила мой разум настолько, что я смог посчитать пальцы. На девяти из них не было ногтей, значит, я сидел здесь девять дней, а Фриду забрали четыре дня назад, когда начали «работать» с правой ногой, значит, с тех пор, как её забрали, прошло четыре дня. Или пять. Наверное, пять, и скоро явятся они, чтобы отнести меня в комнату-пещеру, и Сабатини снова будет говорить и говорить, а потом придет боль, и еще один палец станет таким же, как остальные, и еще одна из внутренних стен моей крепости рухнет. Я застонал.

Их осталось уже немного. Мощные внешние бастионы рухнули, когда забрали мою одежду, а я увидел Фриду и понял, насколько велика их сила. А потом они поочередно разрушали другие стены и вскоре доберутся до моего «я», свернувшегося, как червяк в темной скорлупе, стонущего и

одинокого. И тогда я скажу Сабатини то, что он хочет узнать.

И все же я знал, что когда меня понесут в *ту* комнату, я буду пытаться идти сам, буду спокойно смотреть на Сабатини и не скажу ни слова. Здесь, в камере, я мог стонать и плакать, но *там* соберусь с силами и буду молчать, пока у меня не кончатся силы и я не умру. Но это будет не скоро, и боли предстоит возвращаться снова и снова...

Каков на самом деле Сабатини? Я никогда не узнаю, что кроется за его улыбчивым лицом с большим носом и ледяным взглядом. Никто этого не узнает, ибо Сабатини выстроил вокруг себя крепость, которая простоит дольше, чем протянется его жизнь. Никто и никогда не разрушит ее, никто и никогда не коснется его «я». Во всем мире, во всей Галактике он всегда был один и не нуждался в помощи. Он ничего и никого не любил, ничего не боялся и ничего не хотел, за исключением одной вещи. Но дело было явно не только в камешке, он был лишь поводом... но, может, именно здесь слабое место в его крепости.

Я сидел в темноте, думая, чего он мог хотеть на самом деле, но ничего не мог придумать — на ум приходил только камень и место, где он сейчас лежал, а это было опасно, думать об этом не следовало ни в коем случае.

В коридоре послышались шаги.

Нет! Это нечестно! Они обманывали меня, все время обманывали. Еще не прошел день с тех пор, как я вышел из той комнаты. Прошло всего несколько часов, потому что...

«Каждый день», сказал Сабатини, но это была хитрость. Они ждали всего полдня, а то и несколько часов и думали, что я не догадаюсь, потому что свет не доходил в мою камеру и я не знал, ночь сейчас или день. Но я знал. В перерывах между визитами в *ту* комнату они давали мне есть только раз. Но я не был голоден, значит, не мог пройти целый день.

Слезы навернулись у меня на глаза. Снова обман. Еще не время идти в *ту* комнату, и это нечестно, что они пришли так быстро, так быстро, так быстро...

Это еще одна хитрость, чтобы сломить меня. Они думают застать меня плачущим в темноте, но я перехитрю их.

Я вытер ладонью слезы и хотел подняться на колени, но идея оказалась не из лучших, потому что солома вонзалась в мои изуродованные пальцы. Тогда я передвинулся назад, к стене, пока не почувствовал на спине ее холодное влажное прикосновение.

Шаги звучали все ближе, тихие и осторожные. Агенты

подкрадывались, не зная, что я научился слышать, как черви ползают по соломе в самом дальнем углу.

Сантиметр за сантиметром я поднимался, прижимаясь спиной к стене и отталкиваясь пятками от пола. Еще немного. Еще чуть-чуть! Ноги мои дрожали от напряжения, но я должен был стоять, когда они войдут, стоять, чтобы они не поднимали меня с пола, как мешок с тряпьем. Если мне удастся встать, я вынесу следующий визит в комнату-пещеру.

Они уже сунули ключ в замочную скважину, но и я уже почти стоял. Я оцарапал спину о стену, но все-таки встал, скрестив на груди руки. Тут на меня упал свет из волчка, послышался сдавленный вскрик и торопливая возня с замком; свет погас, а меня заполнило холодное возбуждение. Они удивились, что я стою, этого они не ждали. Я снова победил их!

Замок заскрежетал и открылся с металлическим стоном. Дверь со скрипом отворилась. Кто-то легко вошел в камеру и остановился.

— Уилл? С тобой все в порядке? — голос звучал как-то мягко, это был не тот голос, которого я ждал. Когда-то я уже слышал его, кто-то уже называл меня так. Я нахмурился, роясь в памяти.

— Уилл! Я пришла тебе помочь. Бежим.

Это не могла быть очередная хитрость. Этого они просто не могли сделать!

— Уилл!

Снова вспыхнул свет, но на сей-раз не ударил мне в глаза. Он осветил лицо: голубые глаза, изящно выгнутые брови, короткий прямой нос и красные губы, аккуратная головка с темно-каштановыми волосами. Да, это было ее лицо.

— Лаури! — сказал я. Мой голос больше походил на кваканье — я давно ничего не говорил. Сделав шаг в ее сторону, я рухнул в пропасть ночи.

— Такой бледный, такой бледный, — шептал знакомый голос. Я проглотил что-то холодное и щиплющее рот, что-то обжегшее мне горло и желудок и проложившее пути для сил, которые тут же влились в мои руки и ноги.

Лаури сидела на заплесневелой соломе, поддерживала мою голову и вливала что-то мне в рот. Я сделал еще глоток и отодвинул бутылку.

— Беги отсюда, — сказал я.

— Только с тобой.

— Я не могу ходить. Не знаю, как ты сюда попала, но тебе нужно бежать! Сейчас же, пока они не пришли и не застали тебя здесь.

— Нет, — сказала она. — Я никуда без тебя не пойду.

— Я не могу, — голос мой задрожал. — Как ты не понимаешь: я не могу ходить, а ты меня не унесешь. Ради Бога, беги, пока тебя не нашли здесь!

— Нет, — повторила она, — если ты не сможешь идти, я останусь здесь с тобой.

Жгучие слезы бессильного отчаяния потекли у меня из глаз.

— Ладно, — рыдал я, — я покажу тебе, что не могу ходить. А потом ты уйдешь.

Я сел. Лаури встала, наклонилась и подняла меня, а я пытался ей помочь. Как-то вдруг я оказался на ногах, покачнулся, и камера закружилась в темноте.

Лаури сунула руку под мое правое плечо, а второй рукой обхватила меня за пояс.

— Отлично, — мягко сказала она. — А теперь сделай шаг. Только один шаг.

Опираясь на Лаури, я поднял правую ногу, передвинул ее вперед, поставил и снова едва не потерял сознание. Потом туман перед глазами медленно рассеялся. Я все еще стоял. Следующий шаг, отдых и еще один. Вскоре мы оказались в длинном черном коридоре. Я вспомнил, как долго меня вели через старый замок, все вниз и вниз, и понял, что никогда не смогу выйти отсюда.

— Это слишком далеко, — сказал я. — Мне не пройти столько. Иди одна, Лаури. Ради Бога, оставь меня. Беги, и я буду благодарен тебе больше, чем ты можешь представить.

— Нет. — Она сказала это тихо и спокойно, но я знал, что решения своего она не изменит. — Еще шаг, — попросила она, — малюсенький шажок.

Я сделал шаг, еще один, а потом еще и еще, и все было не так плохо, пока я делал по одному шагу и не смотрел вперед, а думал лишь о том, чтобы шагнуть и не упасть. Коридор не был выложен ножами, как в моем сне, скорее это были иглы, и через какое-то время они уже не втыкались в мои пальцы на каждом шагу, а прошивали тело молниями боли через два-три шага, но это я мог выдержать. Мне казалось, будто мои ступни далеко внизу, а голова высоко-высоко и приходится нагибаться, чтобы не удариться о потолок. Лаури шла рядом со мной, поддерживая и ободряя.

Мы проходили небольшие отрезки темноты, прошли мимо комнаты-пещеры, с устройствами, похожими на затаившихся демонов. Я не мог понять, где сейчас Сабатини и его присные, но это не имело значения. Ничто не имело значения, кроме следующего шага. И я шел, отдыхал и снова шел,

но ни разу не остановился в хорошем месте, потому что везде были иглы, но это уже я мог выдержать. Но пока Лаури была со мной, а единственным способом вывести ее из этого места было идти с нею, я мог просагать. Я прошел бы через всю Бранкузи, как по раскаленной плите, преодолел бы пространство и добрался бы до звезд, даже если бы дорога состояла из одних игл.

Мы одолевали ступень за ступенью. Сначала я считал их, но после сотой сбился. Темнота кружилась и никак не хотела остановиться, хотя я держал голову неподвижно. Стало светлее, послышались чьи-то шаги... не наши.

Я почувствовал, как мне сунули что-то в руку, посмотрел и увидел фламмер. Я не мог понять, откуда он там взялся, но потом догадался, что Лаури принесла его для меня. Держа его в руке, я чувствовал себя сильнее, и мне показалось забавным, что я тащусь по длинному коридору очень старого замка с красивой девушкой. Я рассмеялся, и чужие шаги замерли, рядом со мной вспыхнул свет и осветил Агента, стоявшего и моргавшего глазами.

Это был не Сабатини и не тот маленький, со сверкающими глазками, а третий, большой и жестокий, тот, который все время смеялся. Теперь рассмеялся я, рассмеялся так, что едва сумел поднять пистолет, но все-таки поднял его и нажал на спуск, а он все моргал, пытаясь разглядеть что-то. Подымив немного, он растекся по полу.

Я смеялся и смеялся и никак не мог перестать, а потом побежал по темному коридору, и кто-то бежал за мной, окликающая по имени. Я знал, что должен остановиться и позволить догнать себя, но не мог.

Я бежал и бежал на одеревеневших ногах сквозь ночь, пока она не сгустилась вокруг меня и бежать стало невозможно.

14

Похоже, я долго был без сознания; обмороки сливались со сном, сон прерывался кошмарами.

Это были необычные сны. Порой мне казалось, я не спал, а думал, что сплю, порой наоборот, и я не мог отличить действительности от сна. У меня был жар, я то обливался потом, то трясся от озноба и к тому же бредил.

Мне снилось, что я снова в квартире Лаури, но не на кухне, а в спальне, которой никогда не видел, в постели девушки. Мне снилось, что Лаури садится рядом со мной и

кладет руку на мой горячий лоб, холодную и ласковую руку, и говорит со мной голосом, похожим на нежную музыку. Я знал, что это сон, потому что потерял сознание еще в замке. Она нипочем не донесла бы меня и не выбралась бы со мной наружу, и я боялся минуты, когда проснусь и узнаю, что она убежала, поняв, что я очень не скоро приду в себя.

Еще мне снилось, что я снова лежу в темной камере на гнилой соломе, и я не знал, явь это или сон. Я надеялся, что сон, но не из-за себя, а из-за Лаури, потому что и она была со мной. Порой она лежала у стены, там, где когда-то Фрида, порой — рядом со мной и согревала меня своим телом, когда меня знобило.

Иногда мы разговаривали, и тогда я совсем уже не был уверен, где мы.

— У меня есть крепость, — говорил я. — Когда-то давно я был наг и беззащитен, и зло беспрепятственно вошло в мой мир. Поэтому я научился строить вокруг себя толстые крепкие стены, которые никто не сможет разрушить. Они будут ломиться ко мне, но никогда не проникнут в мое укрытие. Крепость выдержит атаку всей Галактики.

— Тише... — отвечала она. — Тебе уже никто никогда не причинит вреда.

— Я люблю тебя, Лаури, — говорил я. — Ты добра и прекрасна, но больше всего я люблю тебя за то, что видел тебя в твоей крепости, и там ты тоже прекрасна. Там ты еще прекраснее, и я люблю тебя.

— Знаю, — говорила она. — А теперь — тише.

— Но любить опасно. Я не должен любить, потому что любовь — таран, перед которым не устоит ни одна стена.

— Это верно, — тихо отвечала она.

— А если я впущу тебя внутрь, не станешь ли ты смеяться надо мною? Не станешь ли ты смеяться, увидев меня таким, каков я на самом деле? Если ты рассмеешься, я стану как Сабатини и возведу вокруг себя стену, которую никто и никогда не сможет разрушить. Я исчезну за ней, и больше меня не увидит никто. Все будут видеть только стены моей крепости, холодные, серые и непреодолимые.

— А теперь спи, — отвечала она. — Никто тебя не тронет.

В один прекрасный день я пришел в себя. Было холодно, я лежал, боясь открыть глаза.

Потом глубоко вздохнул — воздух был свежим и чистым. Я шевельнул ногами, они болели, но несильно. Что-то лежало на них, что-то холодное и шершавое.

Я открыл глаза. Через окно в комнату вливались сол-

нечные лучи. Я лежал в спальне, в ней все было просто и чисто. Комната явно принадлежала женщине, я понял это по светлым занавескам с оборками и небольшим ярким коврикам на полу. Я повернул голову. Занавеска на нише с одеждой была наполовину сдвинута, и я увидел платья и юбки, аккуратные и чистые. Мне показалось, что одну из них я помню — желтую с длинным разрезом.

Я сел. Комната передо мной немного покружилась, потом успокоилась. Передо мной была дверь, она открылась, когда я на нее взглянул. Вошла Лаури с подносом в руках.

Она обрадовалась, увидев, что я пришел в себя. Быстро подойдя к кровати, она поставила поднос на столик.

— Уилл! — радостно воскликнула она. — Ты очнулся!

— Надеюсь, — ответил я, пожирая ее взглядом. Она была в белом платье, в том же, что и в то утро, волосы ее рассыпались по плечам. Девушка покраснела и стала еще прекраснее, чем в моих снах.

— Я боялся, что все будет иначе.

— Ох, Уилл, — сказала она, — как хорошо, что ты так говоришь.

— Наверное, я много чего наговорил.

— Ты говорил почти непрерывно, но смысла во всем этом было мало. — Она не смотрела на меня.

— Не скажи, — возразил я. — Я помню кое-что, и порой это было вполне уместно.

Нам было трудно говорить друг о друге. Это в бреду можно говорить что угодно, а сейчас между нами снова были стены. Я вздохнул, наклонился и заглянул в миску на подносе. Там оказался какой-то суп, весьма соблазнительный и ароматный. Подняв миску как чашку, я выпил все залпом; суп был горячим и вкусным, жаль только, что его было мало.

— Я бы съел еще что-нибудь.

— Не знаю, можно ли, — неуверенно сказала она. — Ты так долго болел.

— Сколько?

— Шесть дней.

— Тогда понятно, почему я проголодался.

Девушка вскочила и почти выбежала в другую комнату, а я откинулся на подушки, слегка утомленный, потому что сидел впервые за шесть дней. Я слушал, как она суетится, радостно напевая. Звенела посуда, шипело мясо на сковороде. Все это было чудесно, и я хотел бы, чтобы так продолжалось вечно.

Лаури вернулась с полным подносом. Посредине на большом блюде лежало самое большое и толстое жаркое, какое

я когда-либо видел. На меньших тарелочках разместились картошка, овощи и зеленый салат.

Рот мой наполнился слюной, я взял нож и порезал мясо тонкими ломтиками, оно оказалось розовым и сочным. Положив всего понемногу на тарелку, я подал ее Лаури, взял себе такую же порцию, и мы начали пировать.

Лаури ела с аппетитом, одновременно следя за тем, чтобы я ел не слишком быстро: ей казалось, что это может мне повредить. Поэтому завтрак продолжался долго, а закончив наконец, мы уселись поудобнее, и я почувствовал себя счастливее, чем когда-либо прежде.

— Я еще не поблагодарил тебя за все, — начал я. — И как в прошлый раз, мне не хватает слов. Ты здорово рисковала. Я даже думать боюсь, что могло произойти. И ты сделала все это для совершенно чужого человека. Почему?

— Потому что только я могла это сделать, — просто ответила она. — А сделать это было нужно.

— Это не настоящая причина, но похоже, придется пока довольствоваться ею. Как ты узнала, где меня держат?

Она смотрела в сторону.

— Я говорила с разными людьми.

— Но как ты нашла замок? Как попала внутрь незамеченной?

— Всегда найдется способ, даже если место хорошо охраняется.

— А как тебе удалось вытащить меня оттуда, когда я потерял сознание?

— Знаешь, Уилл, — сказала она, — я не хочу об этом говорить. И думать тоже не хочу.

Я глубоко вздохнул.

— Не буду тебя больше спрашивать, но поговорить об этом надо. Ты рисковала, ты и сейчас в опасности. Ты должна знать по крайней мере столько, сколько знаю я. Так вот...

— Ты не обязан ничего говорить.

— Знаю, — ответил я. — Но я должен рассказать.

И это была правда. Я очень хотел рассказать ей все. То, чего Сабатини не мог выдать из меня пытками, я хотел дать ей в знак своей благодарности, а может, и чего-то другого.

Рассказ мой продолжался долго — ведь я хотел, чтобы она знала все. Я рассказал ей о монастыре и Соборе, о том, что моя жизнь там была долгим покойным сном, исполненным молитв и рассуждений, что физически она была сурова и скромна, духовно богата и полна и сам бы я ни за что не ушел оттуда.

Лаури слушала, кивая головой. Она понимала.

Я рассказал ей, как был уничтожен этот сон там, в Соборе, когда вошла Фрида, полная жизни и ужаса тоже, и как Агенты ждали перед входом. Я рассказал ей о даре Фриды, о том, как она вышла на улицу, как Сабатини улыбнулся ей и отсек ступни.

Ужас исказил лицо Лаури.

Я рассказал ей, как колебался и сомневался, как пошел к Аббату и что он мне сказал, что я почувствовал и что сделал. Рассказал ей о чужаках в монастыре, о долгом бегстве по коридорам, об удивительной и страшной схватке в Соборе и о том, как я бежал.

— О! — только и вздохнула Лаури.

Затем я рассказал о Силлере и его книжном магазине, о бегстве в его удивительные комнаты, о том, чему он научил меня в своем подвале. Я рассказал ей, что узнал о политической и общественной ситуации в Галактике, о жизни Силлера. Рассказал я и о смерти Силлера, и о новом моем бегстве. Пока я говорил, мне казалось, будто я все еще бегу и бегство мое никогда не кончится, бегу и никак не могу уйти от опасности.

— Ты не можешь убежать от себя, — заметила Лаури, и, конечно, была права. Я и сам давно это знал, но до сих пор не мог примириться.

Я рассказал Лаури о долгой погоне по улицам Королевского Города. Она слушала меня внимательно, смотрела на меня во все глаза и переживала все со мной. Она пугалась и успокаивалась, оживлялась и надеялась, верила и понимала. Меня удивляло, что я могу повторять все это так спокойно, вызывать ужасные воспоминания, которые оказывались не столь ужасными, сколь грустными. Вина свалилась с меня, словно тяжкий камень.

Я рассказал Лаури, о чем думал, когда мы встретились впервые, а потом — о моем походе через весь город после нашего расставания, о том, как я попал в порт и узнал об исчезновении Фалеску. Я описал и то, что произошло в конторе, и попытку купить место на «Фениксе», и мою поимку, и то, что сказал Сабатини о моем убежище.

Лаури покачала головой.

— Он был прав. Торговцам доверять не стоило.

Я рассказал ей, как Сабатини со своими людьми и мною в придачу бежал из порта, как они привезли меня в старый замок. Описал ей комнату-пещеру, рассказал, что делал Сабатини и о чем он говорил, упомянул о том, что решил не говорить ни слова, и о кошмарной ночи, длинной-длинной ночи в камере, и о Фриде.

На глазах Лаури заблестели слезы.

— Нужно было сказать ему. Почему ты ему не сказал?

Я рассказал ей о кошмарах, которые были реальностью, и о реальности, которая была кошмаром, о многоногих существах, о тишине, одиночестве и боли, а в конце — о том, как пришла она, а я думал, что это новая дьявольская выдумка Сабатини. И все это уже не было страшно, будто случилось очень давно.

Когда я умолк, рассказав почти все, она печально покачала головой и произнесла:

— И все это ради какого-то камешка.

Однако она не спросила, почему я это сделал, ради чего страдал. Мне показалось, что она и так знает, и я был ей за это благодарен. Я все еще не был уверен.

— И ты не знал, что это такое и почему все так сильно хотят его получить?

Я пожал плечами.

— Может, это просто зеркало, в котором люди увидели отражение своих желаний. Наверное, все страдания и убийства были напрасны. А может, так бывает всегда.

— Нет, — сказала она. — Ты ошибаешься. Я думаю, что это ключ к крепости.

Я воззрился на нее, не понимая, что она имеет в виду.

— Подумай о них... о Силлере, Сабатини и прочих, — продолжала Лаури. — Они не были мечтателями, из тех, что гоняются за иллюзией или ищут собственную тень. Это сильные люди с холодным рассудком. Они должны что-то знать. Камешек этот должен быть основанием, на котором покоится Галактика, без него вся эта фантастическая конструкция развалится. Силлер был прав: раздел власти создает непреодолимые границы между частями Галактики, но одно простое открытие может все изменить. Похоже, камешек и есть такое открытие, и все эти сильные мужчины боятся его или жаждут власти, которую он мог бы им дать. А если камень действительно таков, значит, он ключ к крепости Галактики.

— Может, ты и права, — сказал я. — Я расскажу тебе, где он находится. Прежде чем бежать из Собора, я спрятал его там, откуда никто не может его забрать, ни ты, ни я, никто другой. Но если ты будешь знать...

— Я не хочу знать, — резко прервала меня Лаури. — Не хочу, чтобы ты мне говорил.

— Но если... если тебя схватят... — я умолк. Эта мысль была ужасна, даже хуже того, что делал Сабатини. — Если тебя схватит Сабатини, ты сможешь сказать ему...

— Уж лучше мне ничего не знать. Ты сам понял, что лучше ничего не говорить. Фриде было что сказать, но это ей не помогло.

Я вздохнул.

— Хорошо. Но если ты не ошибаешься относительно камня, с ним нужно что-то делать. Он должен попасть в надежные руки, если такие существуют.

— Но ты говорил, его никто не сможет забрать.

— Это правда. Никто из нас.

Вспоминая события последних недель, я сидел прямо, но теперь опять откинулся на подушки.

— Ты знаешь обо мне все, кроме одного. А может, даже и это. Я много болтал в бреду.

— Да, — сказала она, глядя в сторону, — ты бредил. Но твои слова не имели смысла.

— Не все. Часть их была вызвана жаром и болезнью, но одно было правдивее всего, что я когда-либо говорил. Ты знаешь, о чем я.

— Нет.

Повторить это было трудно, хотя в бреду я говорил эти слова много раз. Я помнил, что произносил их и чувствовал себя счастливым, несмотря на то что стены во мне рушились одна за другой. Но сейчас я должен был помнить о стенах и чувствах другого человека, и боялся, что из этого ничего не выйдет. Но, с другой стороны, я знал, что не успокоюсь, пока не скажу. Решившись, наконец я произнес:

— Я люблю тебя, Лаури. — Это прозвучало сдавленно и неестественно, и я испугался. — Не говори ничего, я ни о чем тебя не прошу. Мне только хотелось, чтобы ты знала. — Но это не было правдой, я понимал это и потому добавил: — Ты увидела меня без стен; понравилось тебе это зрелище?

Она счастливо вздохнула.

— Да. Да...

— Почему ты вздыхаешь?

— Я боялась, что стены окажутся слишком крепкими и ты никогда не скажешь этих слов.

Она склонилась ко мне так близко, что я уже не мог различить черт ее лица.

Ее губы коснулись моих, они тихонько двигались, словно шептали моим губам какие-то свои секреты, и я почувствовал в себе новые силы.

Я обнял Лаури, и она пришла ко мне, как рассвет, полная света, радости и обещаний...

— Уилл, — тихо сказала она. — Уилл... Уилл... Уилл...

А может, только подумала? В это мгновение мы могли делиться мыслями, если такое вообще возможно.

— Завтра я заберу камень, — сказал я.

15

Я долго наблюдал за Собором. Как и следовало ожидать, за ним следили Агенты. В своих черных одеждах они маячили в тени портала. Сабатини не отказался от своего.

Я разглядывал их, а они меня не замечали. «Ищите молодого человека, который хромает, — сказали им. — «Он может быть одет, как Агент, а может и по-другому. Он высокий, молодой и здорово хромает». Старый сгорбленный вольноотпущенник в лохмотьях и потрепанной шляпе, нагнутой на лоб, не существовал для них.

Люди проходили мимо, и черные бросали на них короткие взгляды. Люди проходили сквозь мерцающий золотом Барьер и выходили обратно; входили подавленные, выходили спокойные, а черные смотрели и тут же забывали о них. Я же смотрел и запоминал. Вот вошел мужчина, державший со знаком цеха плотников на куртке ящик с инструментами. Обратно он не вышел.

Широко шагая, я двинулся в сторону Барьера. Пальцы еще немного болели, но я не хромал. Это было нелегко, но я знал, что хромать мне нельзя. Поднимаясь по высокой лестнице, я настраивался на подобающий лад.

«Убежище, — думал я. — Приют для души. Нет Барьера для тех, кто ищет покоя».

Получалось у меня плохо — я не хотел ни убежища, ни покоя. Нелегко человеку управлять своими мыслями, вкусившему счастья — думать о печали, решившему преодолеть все препятствия — изображать сломленного и потерявшего надежду, идти, загребая ногами и горбиться, вместо того чтобы выпрямиться и хромать, если уж ноги болят.

Слабое покалывание предупредило меня, что Барьер нельзя обмануть.

«Лаури покинула меня, — подумал я. — Мне никогда уже не увидеть ее, она ушла, и я стал ничем».

Слезы навернулись на глаза.

«Покой, — думал я, — как мне нужен покой. Я не могу желать невозможного, для меня нет иного спасения, кроме Собора».

Я продолжал подниматься по лестнице, которую трудно

преодолеть, не хромя, цепляясь за надуманные чувства и забыв о Барьере, и Барьер открылся, пропустив меня.

В Соборе было спокойно и свежо, здесь царил истинный покой. Единственное место в мире, где было так спокойно, а я покинул его и уже никогда не буду принадлежать ему вновь.

Я стиснул зубы.

«Есть вещи и получше покоя. Покой — это капитуляция, противоестественное состояние. Он не может существовать одновременно с жизнью, только смерть дает полный покой; тогда кончается борьба и человек сдается окончательно».

Тоска моя прошла, и я начал обдумывать план действий.

Шла служба, и я мысленно оценивал ее. Интересно, кто сидит в контрольном зале? Отец Михаэлис? Отец Конек?

Склонив голову, я опустился на колени недалеко от Портала, краем глаза оценивая результаты ремонта. Пролом в стене фасада заделали цементом. Кто-то сделал это очень тщательно, цвет совпадал идеально, и можно было заметить только тонкую, не толще волоса, полоску. Большинство скамей тоже восстановили, и лишь несколько еще требовали отделки. Позади я заметил столяра, он дожидался окончания службы.

За алтарем появлялись все новые чудесные видения. Они создавались со знанием дела, но вдохновения в них не чувствовалось, и я подозревал, что за пультом сидит отец Конек. Думает, вероятно, о чем-то другом, о своих любимых реликтах, о таинственных машинах неизвестного назначения, которые еще могли бы пригодиться Церкви. И конечно, гадает, какое еще открытие совершит брат Джон, пока он ведет службу.

Я пригляделся к прихожанам, стоявшим на коленях рядом со мной. Они всматривались в экран слепо, покорно, с лицами, освещенными верой и очарованием. Я завидовал им, их благословенному невежеству. Ибо знать слишком много — значит сомневаться, а я знал слишком много и уже не мог верить так слепо, как они.

Закрыв глаза, я думал о том, каков я. Во мне странно уживались сила и слабость, знания и невежество, смелость, трусость и множество других вещей, которые я осознал только теперь. Мне вспомнилось, каким я был, прежде чем меня подхватил вихрь мирской жизни. Не лучше ли было оставаться в смирении и неведении? Но разве был бы я счастлив, оставаясь спокойным?

И где-то в глубине моей души родилась уверенность, что знания, пусть даже причиняют печаль и боль, стоят всего

остального, что я никогда не смог бы остаться в монастыре, даже если бы Фрида не вошла в Собор. Она лишь ускорила неизбежное. В конце концов я отвернулся бы от монашества, ибо жизнь имеет смысл и мыслящий человек должен искать этот смысл, хочет он того или нет.

Завеса упала, и мои глаза, до того ослепленные темнотой, видели все четко. Я мог жить свободно и любить, и это стоило той цены, которую я заплатил и, возможно, еще должен был заплатить.

И вместо того, чтобы благословить Бога, я благословил Лаури.

...одно слово существует для людей, только одно слово, и слово это — «выбери»...

Я сделал свой выбор.

Служба закончилась, верующие один за другим потянулись к выходу. Тихо, чтобы не нарушить покоя Собора, столяр принялся за работу. Вскоре мы с ним остались одни. Через несколько минут отец Конек выйдет из контрольного зала, и до следующей службы, по крайней мере в течение часа, он будет пуст. У меня было достаточно времени.

Отец Конек скорее всего уже выключил аппаратуру, но, конечно, еще с нежностью смотрит на нее. Она была гениально спроектирована, на диво искусно сделана, была произведением искусства, рядом с которым картины, скульптуры и цветомузыка бледнели и казались жалкими, ибо эти устройства действовали. Но теперь ему пора выходить. Он еще раз оглянется и начнет спускаться по лестнице, медленно, потому что возраст дает о себе знать. Отодвинет плиту у входа, выйдет в коридор, задвинет ее и направится к мастерской Брата Джона, все ускоряя шаги от почти суетного любопытства.

Я подождал еще немного, готовясь ко второму шагу, куда более опасному. Портал находился сбоку, голубой, сверкающий и непроницаемый.

Я дышал глубоко, чтобы сердце мое успокоилось, думал о широких зеленых лугах, где покой покрывает землю, как мягкое одеяло, где ничто не движется и царит полная тишина. Я представлял себе, что лежу там на траве и мне хочется вместе с ручейками стечь в реки, с реками бежать к морю и там потерять свое «я» и стать частицей вселенной. Я хотел вместе со звездами кружить по их извечным орбитам, гореть, как они, и остывать вместе с ними до окончательной смерти.

«Смерть и покой. Покой и смерть. Тихие, вечные близнецы. Я пройду через Портал и обрету покой. Пройду через Портал и...»

Думая так, я встал, устало направился к Порталу, устало прошел через него. По другую сторону я остановился, весь в поту, и, дрожа, прислонился к стене. В контроле своих эмоций, как и во всем другом, тренировками можно добиться многого. На сей раз это было не так трудно, но я устал, убеждая самого себя и Портал, будто жажду вечного покоя.

Стоя так, я услышал шаги — кто-то спускался по лестнице. Неужели время для меня шло так медленно, что несколько секунд растянулись на едва ли не полчаса? Я мог вернуться, отсюда это было просто, но чтобы попасть сюда, мне придется снова проходить через Портал, а я не был уверен, что смогу выдержать это еще раз.

Я посмотрел на Портал. Плита отодвинулась, в коридор вышел отец Конек. Он смотрел на лестницу, по которой спустился, и лицо его было озабоченным. Медленно задвинув плиту, он так же медленно отвернулся от меня и пошел по коридору.

Я облегченно вздохнул.

Что тебя так беспокоит, отец Конек? Почему ты хмуришь лоб? Почему идешь так медленно? Ты все еще помнишь об осквернении монастыря и Собора, хотя все следы уже убраны? Может, тени насилия и смерти до сих пор таятся в самых неожиданных местах, внезапно обрушиваясь на неосторожных? А может, ты идешь так медленно оттого, что усомнился в своей вере?

«Было бы очень грустно, окажись это правдой», — подумал я, чувствуя себя ответственным за это.

Я подошел к плите и приложил к ней ухо, прислушиваясь. Из контрольного зала не доносилось ни звука. Осторожно отодвинув плиту, я вошел и закрыл ее за собой. Потом прислушался, не зная точно, почему стою и слушаю. Было тихо.

Неслышной тенью я начал подниматься по лестнице, поглядывая вверх, и тут увидел Агента.

Вместо разбитого зеркала поставили новое, потому я и увидел его. Он стоял, прижимаясь к стене справа от двери, внимательно вглядываясь в ее проем, с оружием, готовым к выстрелу. Он не знал, что я его вижу, и не собирался меня ловить. Губы его были плотно сжаты и так же белы, как рука на пистолете, направленном на дверь. Я знал этого человека. Мы никогда прежде не встречались, но я все равно знал его — он был братом родным всем смертоносным черным, с которыми мне уже довелось столкнуться.

Он ждал там, чтобы убить, потому что услышал, что кто-то вошел. Ему было все равно, кто я. Даже будь я отцом

Конечком, он убил бы меня, покажись я в двери. Он получил приказ убивать, и это было странно.

Однако времени на раздумья не оставалось: он уже начинал беспокоиться, гадая, то ли слух его обманывает, то ли человек на лестнице что-то заподозрил. Через секунду он мог прыгнуть к двери и выстрелить, а я ничего не мог с ним поделать, потому что не взял с собой оружия. Я просто не захотел его брать и теперь жалел об этом.

Агент шевельнулся, и в то же мгновение я шагнул вперед и вбок, прижавшись к стене справа. Так мы и стояли, карауля друг друга. Я уже не видел его в зеркале, но и он не мог меня заметить и, конечно, не был уверен, что я знаю о нем.

Мы ждали, секунды тянулись мучительно долго. Наконец из проема высунулся ствол пистолета. Я ждал, пока он появится целиком и окажется ближе. Отверстие ствола стало чернее, более круглым, я увидел руку и ударил изо всех сил.

Пистолет упал, послышался то ли кашель, то ли крик, и рука исчезла. Он еще растирал правое запястье левой рукой, когда я оказался перед ним и ударил под вздох. Человек сложился пополам, и тогда я добавил ему ребром ладони по виску. Он упал.

Я постоял посреди зала, переводя дух, — только теперь я понял, насколько подорваны мои силы, — потом наклонился, крепко связал его и сунул в рот кляп. Выпрямился, осмотрелся. Приятно было вновь оказаться в этой комнате.

Все оборудование стояло на своих местах, но сейчас это не вызвало у меня привычного чувства власти. Наоборот, чувствовал себя странно смиренным. Забытые гении прошлых веков создали эти приборы, а мы просто использовали их, расточительные наследники, даже не зная, как они действуют и зачем, зная лишь, что они делают, если мы нажимаем ту или иную кнопку. Да, быстро мы опустились...

Я вздохнул, сел за пульт, нажал кнопку, надел шлем и сунул руки в перчатки. Последний раз, когда я сидел здесь, меня искали четверо Агентов, но сейчас я сам пришел поискать кое-что, и нужно было спешить.

Я проникал в мрачную глубину стен, скользил внутри них, возвращаясь в одно и то же место. Я искал и зондировал, но в стенах не было ничего.

Кристалл исчез.

Я немного посидел, пытаюсь понять, что случилось, и подогнуть этот факт к другим. Вдруг мне все стало ясно, и я повернулся. Черный смотрел на меня, глаза его горели не-

ненавистью. Ему приказали просто убить. Все ясно: они нашли кристалл, и я был им больше не нужен.

Я почувствовал облегчение. Сабатини будет желать моей смерти, поставит там и сям людей, чтобы они при случае убили меня, если я вернусь, но не станет меня искать, потому что получил то, чего так сильно хотел. Я был свободен, мог жить, мог любить Лаури. Я не отдал ему кристалл, он нашел его сам или это сделал для него кто-то другой. Но я не сказал ему ничего, а теперь моя роль и вовсе кончилась.

Однако при мысли о Лаури и том, что она подумает обо мне, мне стало стыдно. Она говорила, что камешек может оказаться ключом, а в руках Сабатини он станет ключом к террору и разрушению. Такую ответственность нельзя стряхнуть с себя, как пылинку. Возможно, я все же проболтался ему о тайнике. Мне казалось, что нет, но вообще такая возможность существовала.

Черный внимательно следил за мной, и мне показалось, что я о чем-то забыл или проглядел что-то очевидное. Я не спеша огляделся, но не заметил ничего подозрительного.

Постепенно до меня начало доходить, что я слишком поспешно решил, что Сабатини давно нашел кристалл и уже успел исчезнуть с ним. Он мог быть все еще в монастыре, а в моем распоряжении имелось лучшее оборудование на Бранкузи. Если с его помощью кто-то нашел кристалл в моем тайнике, то с его же помощью и я мог найти его, лишь бы он еще оставался в пределах досягаемости аппарата.

Я вернулся к пульту, прошел через заднюю стену и свел искатель до уровня коридора. Через монастырь я проскочил быстрее, чем бегущий со всех ног человек.

Коридоры были пусты, но я не рассчитывал найти в них камешек. Я не знал, где он может находиться, но знал, откуда нужно начать. И все же мне не хотелось этого делать, я боялся того, что мог увидеть.

Перед дверью Аббата я поколебался, но потом все же прошел сквозь нее. Они были там.

Аббат сидел в кресле, могучий, седой и невозмутимый, перед ним стоял Сабатини, смуглый, с огромным носом и сардонической ухмылкой. Между ними на маленьком столике, слабо поблескивая, лежал камешек.

— ...за три дня ничего, — говорил Сабатини. — Теперь я посмотрю, что можно сделать.

— Думаешь, у тебя получится то, что не вышло у нас? — спросил Аббат. — Какое у тебя оборудование? Кого ты можешь к этому привлечь?

— По крайней мере я не побоюсь рискнуть, — сказал Сабатини.

— И уничтожишь его. Нет, Карло, это дело слишком тонко для тебя. Ты оставишь его нам, и, если эту загадку можно разгадать, брат Джон сделает это. Это слишком ценная вещь, чтобы ею занимался ты.

— Ценная! — воскликнул Сабатини. — Что ты знаешь о ценных вещах? Может, ты уже забыл, кто за это заплатил тебе и всем остальным, кто надоумил тебя поискать это в Соборе? Кто повторял: «Представь, что ты Дэн, что ты блокирован в контрольном зале. Где бы ты спрятал камень?»

— И все-таки, — спокойно прервал его Аббат, — это можно продать дороже, куда дороже, чем заплатил ты, особенно если мы решим проблему. А мы это рано или поздно сделаем.

Сабатини побагровел.

— Ни хронора больше! — рявкнул он и грохнул кулаком по столу. Камешек подскочил.

— Спокойно, Карло, — Аббат нахмурился. — Не стоит так нервничать. Возможно, этот предмет не имеет никакой ценности и ты ничего не выиграешь. Полагаю, ты потратил уже слишком много.

— То, что я дал, я же могу забрать обратно, — холодно ответил Сабатини. — Я всегда получаю то, за что заплатил!

Он потянулся за камнем, но тот отодвинулся от его руки. Сабатини ничего не заметил, но Аббат видел все.

— Послушай, Карло, — сказал Аббат, — надеюсь, ты не думаешь, что сможешь украсть что-то из моего монастыря. По крайней мере до тех пор, пока контрольный зал в моем распоряжении.

— Но я могу распорядиться твоим будущим. — Сабатини усмехнулся. — Может, рассказать Архиепископу о твоих делишках? И помни, в контрольном зале сидит мой человек... с твоего согласия.

Он снова потянулся за камнем, но тот соскользнул со стола на пол. Когда он наклонился за ним, пистолет выскочил из его кармана и повис в воздухе, а кристалл присоединился к нему. Они висели, словно их держали невидимые руки.

Сабатини выпрямился и яростно бросился на камень и оружие.

Пистолет зловеще шевельнулся, и Агент замер.

— Кто это? — спросил Аббат. — Ты, отец Конек? Отличная работа! А теперь дай мне камень и оружие!

Он встал и шагнул вперед, но тут же остановился, потому что пистолет повернулся в его сторону.

Это я, отче, Уильям Дэн. Послушник, выброшенный в объятия смерти, невинный человек, преданный на муки.

— Уильям! — проговорил Аббат. — Уильям, сын мой! Сабатини шевельнулся.

Я пришел за тем, что не принадлежит ни тебе, ни ему, отче, а только мне. Один из вас равнодушный, лживый изменник, второй — палач и убийца. Мне бы сейчас же следовало убить вас обоих!

Их парализовала ярость, какой истекала эта мысль. Сабатини первый овладел собой. Он сложил руки на груди и просто смотрел на камень и пистолет. Румяное лицо Аббата побледнело.

— Нет! — прохрипел он. — Ты не можешь это сделать! Не можешь запятнать рук моей кровью!

Кровью фальшивого Аббата? Кровью изменника, вора, торговца муками?

Он побледнел еще сильнее.

— Пролилась бы твоя собственная кровь... — выдавил он. — Моя кровь — твоя кровь: ведь ты мой сын.

БОЖЕ! Это ударило меня как молния. Пистолет задрожал в воздухе, когда я невольно стиснул пальцы на регуляторе. Меня шокировала фальшь Аббата, но я не убил бы их. Тогда еще нет. Но теперь мир перевернулся вверх ногами.

«Мой отец!» Теперь я мог убить их. Застрелить обоих, прежде чем они успеют шевельнуться, выстрелить в безоружных, в злости и ужасе. «Мой отец!» Это звучало как богохульство.

Ты не отец! Минуты страсти слишком мало, чтобы стать отцом!

Старик опустил на колени и воздел руки к небу.

— Ради Бога, — прошептал он. — Сын мой... — И он склонил голову перед оружием, кристаллом и невидимым духом мести.

Ну так живи же! — Эта мысль была как последний крик умирающего. — И страдай!

Я доставил оружие и камень к себе, страдая, как никогда прежде, как не страдал даже в камере пыток Сабатини. Разум мой разрывался на части.

«О Боже! Если на свете что-то может измениться, если есть какая-то надежда, заговори сейчас со мной!»

И камень заговорил.

Я помню это до сих пор и не смог бы забыть, даже если бы захотел, настолько глубоко *это* врезалось мне в душу. Даже время не в силах стереть *это*, только смерть. Правда, это трудно выразить словами, ибо то были не слова. Я не могу сказать, как оно было передано мне, и опишу это лишь приблизительно.

Идеальное понимание разумов невозможно объяснить, потому что не с чем сравнивать. Так вот, камень заговорил с моим разумом, передав за несколько секунд то, для чего мне нужны несколько страниц. Слова слишком медлительны и неуклюжи, а упорядоченные мысли точны и вполне могут обмануть время. Если я плохо подобрал слова, то лишь потому, что нужных слов не существует.

Вот что сказал камень:

Вам, которые пришли после нас, нашим детям, от нас, которые когда-то жили, любили и умирали.

Привет вам.

Вот история наших отцов:

Небольшая зеленая планета кружит вокруг небольшой желтой звезды (Земля, Солнце. Образ Галактики, полной звезд — одна из них желтая, — и отчетливое изображение планеты, что кружит вокруг него. Точная локализация Земли и Солнца). Здесь люди рождались, жили и умирали за много веков до того, как вышли к звездам.

История Человека на Земле была циклична, цивилизации возникали и вновь исчезали, но наконец Человек разомкнул эти циклы и достиг большего, чем когда-либо прежде. Он победил пространство, основал колонии в других мирах Галактики и, стоя на вершинах этих достижений, думал, что уже никогда не упадет.

Завоевание Галактики было отнюдь не мгновенным, это был долгий, мучительный процесс, исчерпавший запасы Земли и Солнечной системы, поглотивший энергию тех, кто остался на Земле. Колонии, соединенные тонкой нитью памяти и привязанности к родной планете, стремительно развивались, а земляне поглядывали на Галактику и Империю и считали, что это хорошо, ибо создано человеком.

Но узы памяти слабы, а строительство нового мира — дело трудное, требующее реального подхода. Если мыслить реалистически, будущего у Земли не было, только прошлое. Она оказалась в долгу у своих колоний, а сама могла экспортировать только сентиментальные воспоминания. Но остальные планеты не хотели отдавать при-

родные богатства в обмен на сантименты, и никто не пытался переубедить их.

Начался Второй Этап. Империя превратилась в фикцию, но Земля создала себе новую империю: она стала огромным университетом, королевством знаний. Мудрость текла с Земли бесконечным потоком: изобретения, наука, философия. У колоний не было времени для этого, они эксплуатировали свое наследство — звезды и охотно обменивали продукты на образцы какого-нибудь нового агрегата, сырье на законы природы и топливо на философию.

Со всей Галактики люди прибывали на Землю, чтобы учиться, продавать и покупать. Земля была рынком всего. Но Галактика была неспокойна, и земляне предвидели, что вскоре мир будет нарушен соперничающими силами. Чтобы иметь собственный независимый рынок, миры готовы были превратить его в поле битвы и уничтожить. Таков основной принцип властвования: овладеть — значит разрушить.

Постепенно Земля отказалась от своей роли, перестала экспортировать знания, жизнь на ней упростилась. Люди забыли о ней, они думали, что Земля умирает; и когда Первая Империя рухнула в чудовищном катаклизме, Земля осталась в стороне. Другие планеты умирали в огне, но Земля выжила, зеленая и спокойная, задумчивая и тихая, она с печалью глядела на смертные муки Галактики.

Такая изоляция принесла необычные плоды: земляне научились думать трезво и ясно. Так начался Третий Этап. Удивительный и страшный парадокс: для выживания нужно четкое мышление, а мыслить четко можно лишь тогда, когда не нужно заботиться о выживании. Когда ученые выяснили, как люди мыслят, начался контроль процесса, и в результате были открыты принципы телепатического общения.

И вот из этой тишины и покоя земляне вновь отправились в Галактику, но не как в первый раз — с громом, огнем и торжеством, а тихо, незаметно, хорошо сознавая опасности и помня о своем долге. Галактику овевало дыхание разума, чувство единства, некой надежды. Поначалу медленно, а потом все быстрее планеты прекращали войны, Галактика успокаивалась, пламя гасло, и человечество благодарило богов мира.

Незаметные, не рассчитывая на благодарность, мы действовали по всей Галактике, переноса свои силы с места на место, поднимаясь все выше. Возникла Вторая Империя, Золотой Век человечества, богатый и плодотворный. Ни-

когда прежде Человек не подозревал, что может забраться так высоко, никогда не мечтал он о таких достижениях.

Это было долгое солнечное лето, но зима, пусть и запоздалая, была неминуема.

Наша общая работа привела к нашей трагедии. Было изобретено некое устройство, и нас обнаружили. Галактика набросилась на нас, дикая и неуправляемая. Таков основной принцип социальной психологии: быть иным — значит быть изгоем. Мы были иными, и нас ненавидели. При этом не имело значения, что мы сделали и почему.

Началось наше бегство. Мы бежали через Галактику, надеясь, что нам удастся где-то укрыться и дожидаться лучших времен, хотя знали, что надежда эта тщетна. Нас не преследовали, мы оторвались от погони. Но люди думали, изучали и искали своими разумами, которые мы помогли им развить среди установленного нами мира, и однажды нашли Землю среди миллионов миров.

Сегодня мы заметили их разведчика. Ночью или утром они явятся, в последний раз объединившись для мести, прежде чем Галактика вновь взорвется миллионом пылающих факелов. Они хотят отомстить тем, кто дал им то, чего они не просили. Землю своих отцов они распахнут огнем, убьют все живое на планете, давшей им жизнь. Прежде чем они обратятся друг против друга, мы погибнем, но рано или поздно Земля вновь зазеленеет. Земля залечит свои раны и будет ждать человека. С материнской снисходительностью она простит своим детям их глупость и будет ждать.

Холод и тьма воцарятся в Галактике, замороженной зимой нового средневековья, а Земля будет ждать. Люди будут забывать и помнить, пока память не уподобится забвению, а забвение — памяти, пока не возникнут легенды. А Земля будет ждать. Это послание, как и другие секреты, предназначенные для вас, пришедших следом за нами, будет укрыто (здесь, здесь и здесь). Найдите и мудро используйте их. Это ваше наследство.

Когда-нибудь Человек вновь ступит на Землю, и не имеет значения, кто это будет, ибо этот камень насыщен желанием. Люди будут желать его больше жизни, он будет переходить из рук в руки, пока не попадет к тебе, который сможет его прочесть.

А ты неизбежно появишься, потому что мы рассеяли свое семя по Галактике, потому что уничтожить нас нельзя, пусть даже умрем сегодня или завтра. Однажды мы вновь оживем в вас, наших детях.

Будьте сильными, будьте мудрыми, будьте добрыми.
Земля ждет.

Я сидел, держа в руке камень, ошеломленный и обесшеченный. Я прочел письмо, адресованное не мне. Я не был одним из их детей, и меня охватил стыд. Это было прекрасно и грустно, а я был несчастным, слабым смертным, который, конечно же, не мог отстроить их Империю.

Я медленно снял шлем, отложил его и посмотрел на Агента, лежавшего в углу. Взгляд его был по-прежнему полон ненависти. Я встал, оставив оружие — мне было противно прикасаться к нему.

Они пока не пришли. Сколько времени прошло с тех пор, как я подтянул к себе камень и пробудил его своим страданием? Вечность? Я познал многовековой ход истории, пережил времена величия и упадка. Теперь это принадлежало мне навсегда, я знал о забытом прошлом Человечества больше, чем кто-либо с момента распада Второй Империи. Но это заняло всего несколько секунд. Пожалуй, время у меня еще оставалось.

Я подошел к Агенту и наклонился над ним.

— Скажи своему хозяину, чтобы не искал меня. Он, конечно, не послушает, но ты все равно передай ему это. Еще скажи, что на этот раз я его пощадил и, возможно, пощажу еще раз, но однажды он выведет меня из терпения, и тогда я убью его.

Я спустился по лестнице, вышел в коридор и задвинул плиту. Это могло задержать их на какое-то время. Пройдя через Портал, что было нетрудно со стороны монастыря, я оказался в Соборе. Там было пусто и темно, столяр уже ушел, хоть и не закончил работу.

Я взглянул на свою руку. В ней по-прежнему был зажат кристалл, уже не таинственный, но обогащенный смыслом и от этого еще более бесценный. Я сунул его в кошель на поясе и огляделся.

Черных у входа могли предупредить, но наверняка был способ обойти их, не прибегая к насилию. Конечно, был: не могли же они останавливать каждого, кто выходит из Собора.

Я подошел к деревянному ящику со столярными инструментами и поднял его. Потом, опустив голову и сторбившись, направился к Барьеру. Пройдя через него, я начал спускаться по лестнице на улицу. Уже темнело.

Волоча ноги, я шел по улице с деревянным ящиком в руке. Когда проходил мимо какой-то двери, оттуда протя-

нулась рука с явным намерением схватить меня. Я повернул голову, чтобы они увидели старое, морщинистое лицо.

— Подожди-ка... — сказал один из Агентов, взяв меня за плечо.

— Отпусти его, — прошипел второй. — Так ты нас выдашь.

— Но я же видел, как столяр вышел несколько минут назад.

— Значит, их двое! Да ты взгляни на этого старика. Это не Дэн.

Рука на моем плече медленно разжалась, и я двинулся дальше. Мне было жаль, что столяр лишился своих пил, молотков и рубанков из-за того, что я должен был бежать с камнем, но дело было важнее. Не потому, что камень имел какую-то особую цену, но я хотел защитить его от таких, как Сабатини, — они могли его уничтожить, прежде чем он попадет к тем, кому адресован.

Я остановился у входа в аллею и поставил ящик на землю в надежде, что его найдут и вернут хозяину, потом торопливо пошел прочь. И вот, когда я уже считал себя в безопасности, появились вертолеты. Они падали с неба, как листья осенью.

Я оглянулся. Машины опускались широким кругом, и я знал, какой у них план. С достаточным числом людей проблема решалась легко и просто: они окружают район и будут передвигаться к центру, расспрашивая каждого встречного и старательно прочесывая каждый закоулок — так можно найти что угодно. Я чувствовал, как камешек становится все тяжелее.

Я быстро двинулся навстречу вертолетам. Единственным моим шансом было выбраться из облавы, прежде чем они садут и замкнут кольцо. Но вскоре и этот шанс исчез.

— Остаться на местах! — рявкнул мегафон. — Не проходить под вертолетами! Всем оставаться на местах!

Передо мной стояла живая стена застывших пешеходов, пришлось остановиться и мне.

Здесь пройти было нельзя, но я мог попытаться выбраться в другом месте. Как ни в чем не бывало я повернул. Не мне одному пришла эта мысль — некоторые в панике побежали.

— Остаться на местах!.. — гремели динамики, но уже далеко.

Я оглянулся — из вертолетов выскакивали оранжево-голубые наемники. Выстроившись цепью поперек улицы, они принялись обыскивать людей.

Всегда можно найти какой-нибудь выход, нужно только хорошенько обдумать ситуацию. «С достаточным числом людей»... В том-то и дело, что у них не было достаточного числа. Во всяком случае не столько, чтобы обыскать весь район.

Я свернул в узкую улочку. С одной стороны стоял полуразрушенный склад — развалина, каких много везде, ибо торговые центры перемещаются по мере того, как развиваются города, и дешевле поставить новое здание, чем восстанавливать старое. Где-то должно быть окно или дверь, конечно, выломанные и разрушенные. Найдя черный провал окна, я огляделся. Никто не следил за мной. Забравшись внутрь, я подождал, пока глаза привыкнут к темноте, и вскоре уже мог различить смутные силуэты старых ящиков и разбросанных вещей, забытых и разрушающихся.

Я осторожно шел между ними, стараясь не споткнуться, кое-где пол опасно прогибался подо мной. Наконец, я нашел то, что искал, и тщательно ощупал все руками. Это был большой ящик, в котором не хватало одной стенки. Я придвинул его к стене этой стороной, подтащил поближе другие ящики, нагромодив их так, чтобы куча развалилась от малейшего прикосновения. Сам я сел внутри большого ящика, подтянул колени к подбородку и стал ждать, размышляя.

Проблема моя была не из простых, легче пересчитать молекулы в воздухе. Даже в замкнутом пространстве действовало слишком много сил. Например, наемники Императора. Кто их вызвал? Сабатини? Нет — они же хотели схватить его в порту. Он работал на себя или на кого-то другого, но не на Императора. В таком случае их вызвал тот, кто работает на Императора в монастыре.

Я знал, кто это. Аббат. Это мог быть только он, ведь только эти двое знали, что камень у меня.

Силлер был прав насчет него. Вполне вероятно и то, что Аббат и вправду был моим отцом. Он мог сказать это, чтобы спасти свою жизнь, но такое не придумаешь вдруг. Его слова звучали искренне. Впрочем, меня это не тронуло — он потерял право на мои чувства. К тому же у меня были более важные дела, чем думать о нем.

Были и другие силы, слепо действующие во мраке ночи. Граждане. Возможно, они и борются за какие-то идеалы, но так же заражены разложением, как и все остальные. Торговцы. Эти заняты лишь одним — прибылями. Но что такое прибыль?

Послышались шаги, они приближались.

— Осторожно! Сейчас обвалится, — произнес низкий властный голос.

— Что за помойка! — ответил ему другой, брюзгливый. — Здесь лет сто никого не было.

— Он рассчитывает, что мы именно так и подумаем. Я бы сам выбрал это место, если бы хотел спрятаться.

Я мысленно проклял его.

— Давайте быстрее, — вмешался третий голос.

Сколько же их всего? Может, я ошибался? Да-нет, ед-ва ли.

Затрещало дерево, снова и снова, все ближе ко мне.

— Не видишь, что ли: никого тут нет, — пробрюзжал второй голос.

Никакого ответа, только звук переворачиваемых ящиков.

— Осторожно! Возможно, он вооружен. — Это говорил первый, он подошел уже совсем близко.

— Ну и крысиное же гнездо!

— Уберите этот ящик, разберите завал.

Послышался грохот, валились ящики, потом — треск лопающегося дерева и крик боли. Все эти звуки громом звучали внутри моего убежища.

— Вытащите его!

— Осторожнее! — взывл второй. — Эти доски впились мне в ноги. Не тащите так сильно!

Затрещала ткань, и снова все перекрыл крик боли.

— О Боже! Смотрите! Сделайте же что-нибудь!

— Вынесем его отсюда, пока пол совсем не рухнул, — приказал первый голос. — Никого здесь нет.

Шаги, перемежаемые воплями, удалились.

Я еще долго ждал в темноте. Лишь спустя несколько часов я выпрямился, пробрался через завал и отправился к Лаури. Поход мой продолжался дольше, чем я предполагал, и она наверняка беспокоилась за меня.

Я взбежал по шаткой лестнице. Мне не терпелось увидеть Лаури, отдать ей камешек и рассказать о своихключениях. Я буду с ней! А может, она не беспокоится, может, спит, уверенная в моей храбрости и ловкости, спокойно ожидая моего возвращения? Тогда я разбудю ее, она взглянет на меня, еще сонная, а потом широко раскроет голубые глаза и притянет меня к себе...

На кухне было пусто. «Спит», — подумал я и улыбнулся. Потом вытащил камешек из кармана, на цыпочках подошел к двери спальни и прислушался...

Кто-то дышал глубоко и хрипло, что-то бормотал. Я ос-

тановился как вкопанный — я услышал страшные слова, которые потом мучили меня бесконечными ночами, слова тихие, как вздох, слишком тихие, чтобы услышать их так отчетливо, как услышал я...

— Майк, — шептала Лаури, — Майк, Майк, Майк.

Я с отвращением отшатнулся. Все стало ясно.

Теперь я знал, почему она спасла меня, почему выходила, когда я был болен, почему... Мне не хотелось об этом думать. Она хотела лишь получить камень, и неважно, на кого она работала. Я подкинул камень на ладони... Она его получит. Он будет бесполезен для нее, но все-таки она его заслужила.

«Я развлекаю людей пением», — говорила она.

Эх, Лаури, Лаури!

Найдя кусок бумаги, я написал на нем жженой спичкой:

«У меня нет денег, чтобы заплатить тебе, их забрал Сабатини. Я думал, что нашел нечто ценное, но и это забрал кто-то другой. Жалею, что был так глуп. Может, это вознаградит тебя за все».

Завернув камешек в бумагу, я положил его на стол и вышел на лестницу, чувствуя, как вокруг меня вновь вырастает стена.

17

Есть много способов выжить, но все они сводятся к трем: атаковать, обороняться или укрываться.

Атака требует ловкости, определенного умения и оружия. Оборона основывается на принципе крепости, а скрываться можно двояко: раствориться в окружении или спрятаться, как крот.

В следующие дни я использовал все три способа, чтобы сохранить жизнь, хотя не смог бы ответить, почему хочу жить. Поначалу все происходило рефлекторно, а потом стало своего рода игрой, искусством ради искусства.

Прежде всего нужно было замаскироваться. Я был одет, как оборванный вольноотпущенник, стал такой же частью города, как дома, склады и прочие развалюхи. Но этого было мало. У меня не было денег, поэтому пришлось бы просить подавание, чтобы не умереть, а это могло привлечь ко мне излишнее внимание. Кроме того, маскарад мой был ненадежен: враги уже знали, что я выгляжу, как вольноотпущенник. Конечно, таких в городе много, но глупо было самому облегчать им поиски.

Прежде всего требовались деньги. Был лишь один способ раздобыть их, но я не мог отнимать деньги у тех, кто нуждался больше меня. Пришлось охотиться на охотников. Я охотился на них с голыми руками, не желая больше иметь дело с оружием. Хватит с меня убийств.

Терпеливо выжидал я в районе развлечений, внимательно наблюдая за улицами, возможно, надеясь встретить Лавури, желая увидеть ее такой, какой она была раньше. Девушка так и не появилась, зато появились Агенты. Я заметил их, когда они вдвоем шли по улице — они никогда не ходили по одному. Я не знал их, но это не имело значения — все они были одинаковы, все виноваты.

Когда они проходили мимо аллеи, я повернулся и пошел в другую сторону, а потом шмыгнул в ворота. Они мгновенно поколебались, огляделись, вытащили пистолеты и побежали за мной.

Когда тот, что был слева, пробежал мимо, я выставил ногу. Агент споткнулся, я ударил его по затылку, он упал и замер. Второй остановился чуть дальше и обернулся, пытаюсь хоть что-то разглядеть в темноте.

— Сэм?.. — позвал он. — Сэм!

Ответом ему была тишина. Он осторожно повернул, нацелив оружие в ночь, а когда подошел поближе, я схватил его за запястье, а второй рукой ударил в живот. Черный сложился пополам. Когда его голова пошла вниз, я коленом ударил его в лицо. Отлетев назад, он ударился головой о стену и мягкой кучей рухнул на землю.

Я быстро содрал одежду с обоих и высыпал в свой кошель содержимое их поясов, прикинув, что заработал около пяти сот хроноров. Еще я взял удостоверения, их стоило изучить.

Завернув пистолеты в одежду, я вышел из аллеи, оставив Агентов в чем мать родила. Немного отойдя, я выбросил сверток в мусорный ящик.

Засов на двери магазина легко уступил нажиму руки; заскрипели петли, но внутри было тихо и темно. Я прислушался, но то ли звук никого не встревожил, то ли хозяин просто боялся выйти. Я вошел внутрь.

Свет, пробивавшийся сквозь грязную витрину, был очень слаб, но его хватило глазам, привыкшим к жизни во тьме. Я ходил среди груд поношенной одежды, пока не нашел то, что искал. Я уже решил, в кого переоденусь на этот раз.

Я натянул залатанные, но чистые брюки и подходящую рубашку с красным знаком механика на рукаве. Одно из

удостоверений тоже было красного цвета. Наткнувшись на кучу шляп, я примерял их, пока не нашел одну подходящего размера.

Оставив на грязном прилавке десять хроноров за вещи и сломанные замки, я вышел в ночь, тихо прикрыв за собой дверь.

Заброшенные склады — вполне гостеприимные места, если не иметь ничего против шуршащих и ползающих созданий. Мне они не мешали. Я нашел склад чуть получше, чем тот, в котором скрывался от облавы. По крайней мере пол здесь не грозил провалиться под ногами. В углу я устроил конуру из ящиков с замаскированным входом, из ломотьев вольноотпущенника сделал подушку, лег и заснул. Спал я беспокойно, но даже такой отдых был благом.

Питался я в дешевых забегаловках для рабочих, брал жидкий супчик, старый хлеб и рыбу с заметным душком, платил мелкими деньгами, тщательно пересчитывал сдачу. При этом старался не заходить в течение недели в одну и ту же забегаловку дважды, а иногда просто покупал хлеба с сыром и относил в свое убежище. То, что за ночь не успевали съесть крысы, оставалось мне на завтрак.

Нельзя сказать, что я жил полнокровной жизнью, но все-таки жил. А игра тем временем продолжалась.

Если уж ты крот, ты должен знать туннели и ямы на своей территории. Я изучал город, ходы через рынки и районы трущоб, широкие и прямые улицы, извилистые переулки, змеящиеся совершенно непредсказуемо, темные неожиданные тупики, грязные и таинственные. День за днем, ночь за ночью бродил я по городу, никому не бросаясь в глаза, и наконец изучил его вдоль и поперек.

Порой я натыкался на какого-нибудь Агента и шел за ним как ни в чем ни бывало, а он даже не подозревал об этом. Иногда я узнавал что-то интересное, но чаще делал это так, ради тренировки. Следуя за некоторыми, я оказывался у боковых дверей великолепного Дворца, другие исчезали в жалких домишках или бродили по улицам, пока не встречали кого-нибудь. Так я узнал, что меня по-прежнему ищут. Остановившись за углом, я присел, чтобы завязать шнурок на башмаке, а сам слушал.

— Ну как?

— Ничего.

— Что Силлер?

— Издох и уже протух.

- Кретин!
- Мы упустили его.
- Есть что-нибудь для Конгресса?
- Нет.
- Надо же было выпустить это из рук, когда у нас уже был ответ!
- Ответ оказался фатальным.
- Обычно так и бывает. Но этот Дэн все еще где-то здесь. Найдите его и приведите.
- Всего-то?!
- Ладно-ладно. Все-таки постарайтесь.

Я тихо ушел. Граждане продолжали действовать.

Однажды я встретил низенького Агента с блестящими глазами, человека Сабатини. Он не узнал меня, хотя я шел за ним довольно долго. Наконец он свернул в узкую улочку, а когда я прошел мимо, огляделся и вошел в один из домов. Я запомнил это место, когда-нибудь эта информация могла пригодиться.

За одним из черных я пошел даже за город. Он явно чего-то ждал, то и дело посматривая в небо. Наконец он уставился в одну точку, прикрывая глаза ладонью, и тогда я тоже увидел черное пятнышко. Оно становилось все больше и вскоре превратилось в вертолет. Он опустился на поляну среди кустов. Из него вышел низенький мужчина средних лет со сверкающей лысой головой... мой знакомый из порта.

Я осторожно проскользнул на другую сторону вертолета, и первые слова, которые я услышал, были об убийстве.

— Значит, убить его? — спросил Агент.

— Да, — прошептал лысый. — Когда-то он был нам нужен, но теперь нет. Слишком много времени он провел на свободе и слишком много знает. Лучше пусть он умрет, чем будет помогать другим.

— Сначала его нужно найти. Если, конечно, его не перехватил кто-то другой.

— Он был сначала у одного, потом у второго, но удержать его не смогли. Вряд ли он даст схватить себя еще раз. Нужно, чтобы он умер, прежде чем захочет сам использовать это.

— Что использовать?

Лысый только пожал плечами.

— Кто-то следил за мной, — с беспокойством сказал черный.

— Кто?

— Не знаю, и это странно. Будь это кто-то из них, я бы узнал.

— Это наверняка Дэн, — решил Торговец. — Он хитрее остальных, успел уже научиться. Если тебе снова покажется, что кто-то за тобой следит, остановись и изучай всех, кто будет проходить мимо, даже таких, которых никогда бы не заподозрил. Прежде всего именно таких. Ты узнаешь его лицо — у него светлая полоса на уровне глаз.

Мне стало зябко: лысый был слишком умен. Нужно быть осторожнее, когда пойду отсюда.

Они зашептались так тихо, что я ничего не мог разобрать, но понял, что мне готовят засаду. Сейчас или потом? Лучше не рисковать.

Я бесшумно подполз к геликоптеру и стал ждать. Они, похоже, собирались шептаться вечно.

— Так и порешим, — громко сказал Торговец. — Не связывайся со мной, пока не соберешь эти сведения.

Зашелестели кусты. Лысый забрался на переднее сиденье и принялся чего-то ждать. Шли минуты, а я умирал от беспокойства.

— Никого! — крикнул снаружи Агент.

Торговец пожал плечами.

— Всегда лучше проверить. Ты знаешь, что надо делать.

Винт закрутился, машина медленно поднялась. Я подождал, пока она окажется в десятке метров над землей.

— Не поворачивайся.

Он знал меня в лицо, но мне не хотелось снова менять одежду.

Человечек подпрыгнул на сиденье, лысина заметно побелела.

— Я легко мог бы тебя прикончить, но не стану, если не буду вынужден. Почему ты хочешь меня убить?

— Если ты был там, то слышал, — сказал он, глядя перед собой. — Ты опасен.

— А ты всегда уничтожаешь опасное? Может, я тебе еще пригожусь?

— Ты — темная лошадка, и мы не можем рисковать.

— Кто это «мы»?

Он долго молчал, потом произнес:

— Я ничего тебе не скажу. Ты не умеешь водить геликоптер.

Это было утверждение, но я все-таки ответил:

— Нет.

— Если будешь задавать мне вопросы или попробуешь нажать, я разобью машину.

— Ну, давай! — расхохотался я.

Геликоптер летел ровно.

— Поверни к городу.

Вздыхнув, он повиновался.

— Чего вам нужно? — спросил я.

Он знал, что я имею в виду.

— Галактика, в которой можно свободно торговать.

— Свободная Галактика?

— Не обязательно. Свободная Галактика — это отличная идея, но нереальная. Но равновесие сил вполне возможно, и мы должны проследить, чтобы оно соблюдалось.

— А я, по-видимому, нарушаю это равновесие, — сказал я. — И все-таки ты сдал меня Сабатини.

— Я не знал, кто ты. Если бы знал, помог бы тебе выбраться. Кстати, это я могу сделать и сейчас.

Я рассмеялся.

— Нет уж, спасибо, — снова рассмеялся я и добавил: — Не оглядывайся.

Его голова быстро повернулась обратно.

— Сядь здесь, на окраине.

Геликоптер начал снижаться.

— Так кто же это «мы»? — спросил я. — Торговцы?

— Да.

— Значит, у вас есть организация?

Он молчал. Машина мягко опустилась на землю.

— Дай сюда руки.

Он повиновался, и я связал его куском веревки, достаточно крепко, чтобы он не мог развязаться сразу, и вместе с тем достаточно слабо, чтобы он мог освободиться минут через десять. Хорошо бы иметь на своей стороне кого-нибудь такого, но вряд ли это возможно. Я сорвал со стены кусок ткани, свернул и завязал ему глаза.

Перед тем как уйти, я задержался на мгновение.

— Хочу тебе кое-что сказать: забудь о камешке. У меня его нет, и я не знаю, где он сейчас. Но даже если ты его найдешь, то все равно не поймешь его назначения, а если даже и поймешь, это ничего тебе не даст. Он не имеет практической ценности.

Торговец молчал, и я, не видя его глаз, не мог угадать, о чем он думает.

— Я верю тебе, — сказал он наконец.

Это была правда. Я выскочил наружу.

— Прими один совет, — добавил он. — Не прогляди очевидного.

Я быстро ушел от геликоптера и затерялся среди зданий. Меня заинтриговали его последние слова. Еще раньше я пришел к выводу, что одна из борющихся сторон все время ос-

тается в тени. Время от времени я чувствовал ее прикосновение, но не мог узнать, кто и что это. Когда-то случилось нечто такое, что должно было дать мне зацепку, но я не помнил этого. «Не прогляди очевидного», — сказал Торговец.

Пересекая город, я продолжал думать об этом, но в голову не приходило ничего путного. Разум мой был занят, чувства оставались по-прежнему обостренными, и наконец я заметил, что оказался в знакомом районе. Я поднял голову. Передо мной, вдоль стены здания, уходила вверх лестница, ведущая в квартиру Лаури.

Некое чувство шевельнулось в моей душе, хотя я думал, что оно давно умерло. Я, оказывается, еще надеялся.

Я хотел бы иметь Торговца на своей стороне, но понимал, что это невозможно, и знал, почему. С той минуты, как Фрида вошла в Собор, я искал помощи и совета, искал повсюду, но так и не нашел. Причина была проста: не было для меня ни совета, ни помощи. С самого начала я был один и мог рассчитывать только на себя. Это был непростой урок, но наконец-то я его понял.

Из этого урока следовали интересные выводы. Если ты один, никого не волнуют твои чувства, и если из двух зол ты выбираешь меньшее, это не имеет значения ни для кого, кроме тебя.

Я ступил на шаткую лестницу. Это было глупо, и я знал об этом, но мне было все равно. Пусть даже там ждала засада. Пусть даже она меня ненавидела, я все равно должен был ее увидеть. Я не мог забыть о том, что она сделала, но если бы мог ее увидеть, извиниться за то, что написал, сказать, что мне очень жаль, и попрощаться с ней, может, тогда мне удалось бы ее забыть и исчезла бы эта боль в сердце.

Дверь открылась от толчка, я вошел. На полу лежал толстый слой пыли.

— Лаури? — негромко позвал я.

Мне ответила тишина, и я прошел дальше, оставляя в пыли следы своих башмаков.

— Лаури? — повторил я, уже ни на что не надеясь.

Открыв дверь спальни, я заглянул туда. Кровать была не застелена, платья висели на месте, на ночном столике лежали пять хроноров. Закрыв дверь, я прошел в кухню и открыл холодильник. Оттуда пахло испорченными продуктами, и я быстро закрыл дверцу.

Потом я осмотрел стол и пол, даже присел, чтобы заглянуть под мебель, но ничего не нашел. Лаури исчезла, и не осталось ничего, что могло бы подсказать, куда, когда и по-

чему. Но она не взяла с собой одежду, просто вышла, забрав только камень, словно ей нужен был только он.

Я тихо закрыл за собой дверь, спустился вниз и подошел к парадной двери. Постучал. Никто не отозвался, и я постучал громче.

Наконец дверь приоткрылась, и выглянуло неприятное женское лицо. Маленькие подозрительные глаза уставились на меня. Я ждал, а когда дверь начала закрываться, сунул в щель ногу.

— Что нужно? — буркнула женщина.

— Где Лаури? — спросил я.

— А кто это?

— Девушка сверху.

— Нет там никакой девушки.

— Это я знаю, и хочу выяснить, куда она ушла.

— Не знаю. Я давно ее не видела. Она заплатила за квартиру, и это все, что мне известно.

— Я ее друг.

Женщина расхохоталась.

— Все так говорят, но мне это без разницы. Я ее не видела.

— Кто-нибудь к ней приходил?

— Одни мужики. Тоже друзья. У нее было много друзей. Убери ногу.

— Давно ее нет?

— Не знаю. Вали отсюда!

— Я уйду, если ты скажешь, давно ли ее нет.

Долгая пауза. Я видел лишь ее прищуренные глазки.

— Последний раз я видела ее, — сказала наконец хозяйка, — когда ты сам был здесь последний раз.

Я убрал ногу, и она захлопнула дверь перед моим носом. Я принялся стучать, но из-за двери не доносилось ни звука. Наконец я сдался и поплелся прочь.

«Последний раз... когда ты сам был здесь». Знала она это или ляпнула наобум? Угадать ей было нетрудно, зная Лаури и слыша мои вопросы, но что-то подсказывало мне, что женщина сказала правду.

Выходило, что Лаури исчезла, как только получила камешек. Именно этого она и хотела. Забрала его и ушла в чем была. Но даже с камешком она не могла обойтись без одежды.

Разве что — я начал кое-что подозревать, — разве что ее забрали.

Я должен был это выяснить, и существовал лишь один способ узнать правду.

Я ждал перед темным переулком. На другой стороне улицы стоял ресторан, в который я заглядывал, когда меня начинал донимать голод. Обычно я дожидался, пока освободится столик у окна, и ел, не глядя в тарелку, не обращая внимания на вкус, поглощенный наблюдением за переулком. Только под утро, перед самым рассветом, я возвращался в свое убежище и старался заснуть, хотя мне никак не удавалось проспать больше одного или двух беспокойных часов. Я просыпался и вглядывался в шелестящую темноту, а потом быстро выбирался из своего логова и шел к переулку, проклиная себя за то, что впустую трачу время. Тот, кого я ждал, мог уже прийти и уйти.

Он появился через три дня, тот, маленький, с темным лицом и блестящими глазами. Он вышел из переулка, когда я ел. Швырнув на стол какую-то монету, я нахлобучил шляпу и вышел.

Агент слонялся по городу. Он остановился перед магазином, потом зашел в кафе и провел там пятнадцать минут, потом вошел в какой-то дом. Я ждал, но его все не было. Я уже думал, что потерял его, но через час он вновь вышел на улицу.

Я опять двинулся следом и через минуту заметил, что за мной следят.

К совету «Не прогляди очевидного» я добавил еще один: «Нельзя недооценивать врага». Хотелось верить, что у меня еще будет возможность вспомнить о нем в будущем. Двое черных шли за мной, и я не знал, то ли они меня опознали, то ли просто заподозрили что-то.

У первого же переулка я повернул, тремя прыжками добежал до его конца, подпрыгнул, ухватился за край крыши и подтянулся. Это заняло всего несколько секунд. Я перекинул свое тело на крышу и зашатался.

Они прошли подо мной, настороженные, как всегда, и я облегченно вздохнул. Пробежав по крыше, я спустился на параллельную улочку и пробежал в самый ее конец. По другую сторону начинался еще один переулок. Перейдя улицу, я побежал по нему, затем повернул под прямым углом и остановился в тени.

Черный мог подойти в любой момент, и у меня было всего несколько секунд, чтобы приготовиться.

Черный помешкал, оглянулся на своих и вошел в переулок. Меня он не заметил. Прежде чем он успел хоть что-то сделать, я выкрутил ему руки назад и отобрал пистолет.

— Тихо! — прошептал я. — Не двигайся, и с тобой ничего не случится.

Он ждал, и я чувствовал, как напряглись его руки.

— Передай Сабатини, что с ним хочет увидеться Дэн. Скажи, чтобы он пришел в кафе, недалеко от Собора Невольников. Сегодня вечером и один. Если приведет кого-то с собой, то не увидит Дэна. Пусть ждет. Мимо пройдет человек и шепнет: «Иди за мной». Если все понял, кивни.

Он кивнул.

— Если Сабатини не придет туда сегодня, ты умрешь завтра. Ты уже видел, мне это нетрудно. А теперь возвращайся на улицу и не оглядывайся.

Я подтолкнул его. Он споткнулся, но удержался на ногах и быстро удалился, не поворачивая головы. Я побежал в обратную сторону и уже на бегу услышал его крик.

Я быстро оторвался от них и стал ждать ночи.

Почти час я следил за ним: он стоял на углу, терпение его, похоже, было бесконечно. Было темно, но я узнал его по огромному носу. Вокруг не было видно ни одного Агента; все спешили куда-то, и только Сабатини стоял спокойно. Наемники и вольноотпущенники быстро проходили мимо, а Сабатини ждал. Зная его, я заподозрил какую-то хитрость.

«Нельзя недооценивать врага», — сказал я себе, и это оказалось так просто, что мне даже не пришлось задумываться.

Повернув за угол, я почти сразу же обнаружил их. Они ждали в темноте, чтобы отправиться за Сабатини, когда он пройдет мимо. Ждали в боковых улочках по обе стороны. Я прошел мимо одного из них, но он не обратил на меня внимания. В темной нише ворот отчетливо поблескивали белки его глаз. Думаю, он даже не заметил кулака, который его ударил. Я подхватил его, когда он падал на землю.

Второй прятался напротив. Я подкрался к нему сзади и хватил камнем по голове.

Минутой позже я прошел мимо Сабатини, отвернув лицо, чтобы он его не разглядел. На мгновение я коснулся его и почувствовал пистолет, спрятанный под курткой.

— Иди за мной, — прошептал я.

Я пошел широкими шагами, не оглядываясь. Я знал, что он пойдет за мной.

Я направлялся в сторону Собора. Улицы становились темнее, людей на них почти не было, и, замедляя шаг, я слышал за собой шаги Сабатини. Поворачивая в переулок,

я оглянулся — он черной тенью шел за мной. Мурашки побежали у меня по спине.

На полпути к следующему повороту я подождал его. Сабатини шел медленно, чтобы его люди могли за ним поспеть. Впрочем, он явно не рассчитывал увидеть их, наверное, они получили приказ держаться поодаль и не показываться.

Я двинулся дальше, вошел в переулок и остановился в тени. Сабатини поколебался, заглядывая в темный проход, но это было еще не то место.

— Сюда, — прошептал я.

Он тянул время, исподтишка поглядывая назад, и я не знал бы почему, если бы не видел его людей.

«Иди, Сабатини. Не бойся, Сабатини, это еще не здесь. Ты ничего не боишься, ты улыбаешься своей ледяной улыбкой. Иди, Сабатини, иди за мной».

Я пошел дальше, стараясь, чтобы он слышал мои шаги. Его замешательство прошло, и он двинулся следом. Толкнув темную дверь, я вошел в «свой» склад, отсчитал десять шагов, повернулся и посмотрел на более светлый прямоугольник двери. В эту минуту его заслонила тень.

— Сюда, — прошептал я, поднимая концы веревок. На одной из них был узел.

Медленно, по-кошачьи мягко он вошел внутрь. Тень стала темнее и менее отчетливой. Послышался шорох, дверь захлопнулась. Я больше не видел его, но знал, где он стоит. Я чувствовал его в темноте, он стоял не шевелясь, потому что малейшее движение выдало бы его.

Я осторожно потянул за веревку с узлом, и вспыхнули две лампы, причем одна залила Сабатини ослепительным светом. Он тут же направил на нее пистолет.

— Не надо... — прошептал я, потому что шепот не позволяет определить источник звука. — Взгляни-ка на другую лампу.

Он постоял неподвижно, потом медленно поднял голову и заметил высоко под потолком пистолет, нацеленный точно на то место, где он стоял. Этот пистолет я забрал утром у одного из Агентов. Сабатини увидел шнур, уходящий от спускового крючка во тьму, и понял, что это значит.

— Не двигайся! — прошептал я. — Брось оружие!

Его лицо походило на маску, но я знал, что мозг Агента интенсивно работает. Наконец Сабатини выпустил пистолет, и тот с громким стуком упал на пол.

— Пни его подальше.

Он пнул, пистолет скользнул во тьму. Я шагнул вперед и отшвырнул его еще дальше, в лабиринт мусора и ящиков,

где его никто и никогда не найдет. При этом я все время смотрел на него и ждал, давая ему время удивиться. Наконец он нарушил молчание.

— Дэн? — тихо сказал он, вглядываясь в световой занавес. — Я попал в твою ловушку. Камень у тебя, так чего же ты хочешь еще, кроме мести?

— Я хочу мстить, — громко сказал я. — Я хочу девушку.

Он нахмурился.

— Фриду? Она мертва, и ты это знаешь.

— Не Фриду, а Лаури. Ту, с темными волосами.

— Не знаю, о ком ты. — Он говорил все громче. — У меня нет никаких девушек.

— Мне нужна только одна, и я хочу ее получить, Сабатини. Если ты ее убил, то умрешь здесь. Если она еще жива, скажи, где ее можно найти, и я отпущу тебя.

Он захохотал, и смех его в тишине прозвучал неожиданно громко.

— Ты всегда был идиотом, Дэн. Будь у меня эта девушка — а ее у меня нет, — ты все равно не поверил бы моим словам.

— Я бы знал, можно ли тебе верить, — ответил я, и это была правда. — А тебе придется просто довериться мне, потому что выбора у тебя нет.

— По-моему, очевидно, что если уж я не могу тебе ничего сказать даже для сохранения собственной жизни, значит, я не лгу.

— Если только этот твой аргумент сам не является утонченной ложью.

— Ты меня переоцениваешь.

Так мы говорили еще долго. Сабатини все время прислушивался.

— Они не придут, — сказал я ему.

Он резко шевельнулся.

— Ты хитер, Дэн, ты всегда был хитрым. С самого начала. Ты мог бы держать в руках весь мир, если бы не был таким мягкотелым. Вместе мы могли бы наделать дел. Объединим наши силы, Дэн. Дай мне камень и скажи все, что о нем знаешь, а я расскажу, что знаю сам, и, может, вдвоем нам повезет найти эту твою девушку. Клянусь тебе: у меня ее нет, и я ничего о ней не знаю... но я найду тебе десять других, и ты ее забудешь.

Он наклонился, словно в запале, а я слушал его и знал, что это правда. Его слова были искренни, но в них крылось еще что-то. Пока я старался разобраться с этим, он прыгнул.

Сабатини летел в мою сторону, из света во тьму, и я,

отпустив шнур, ударил его кулаком. Его глаза еще были ослеплены светом, и я знал, что должен расправиться с ним быстро, прежде чем наши силы сравняются.

Охнув, он пошатнулся, но удержался на ногах и снова кинулся на меня, тень в тени. Я понял, что теперь меня видно на освещенном фоне. Наклонившись, я дернул шнур, свет погас, но Сабатини задел меня плечом, пока я стоял наклонившись. Упав назад, я перекатился, налетел на ящик и разбил его в щепки.

Вставал я осторожно. Склад когда-то заполняли экзотические пряности, продукты и ткани, но сейчас он был полон лишь зловонной темнотой. Где-то в этой темноте ждал Сабатини, и с каждой секундой я терял свое преимущество, потому что он все лучше видел в темноте.

— Дэн! — крикнул он, но это ничем мне не помогло — ведь стены отражали звук: «ДЭН! Дэн! дэндэндэн...» — Я убью тебя. УБЬЮ. Убью. Убьюубьюубью...

Странно, что в месте, где накапливались богатства со всей Галактики, мы встретились, чтобы сцепиться, как животные — голыми руками и насмерть, потому что я знал, что один из нас не выйдет живым из этого склада. Я уже понял, где он, я почувствовал бьющую от него ненависть. «Интересно — подумал я. — Ненависть сопровождает страх. Сабатини боится меня, монаха Дэна. Не ведающий страха улыбочивый Агент с большим носом и холодными глазами боится меня». Сняв ботинки, я босиком двинулся в его сторону.

Под ногой у меня скрипнула доска, и я застыл. Он беспокойно шевельнулся, и я заметил его, черного на черном фоне. Я прыгнул, он инстинктивно увернулся, и мой кулак попал в плечо вместо подбородка. Сабатини отпрянул назад, а я бросился за ним, колотя по груди и голове, но без особого толка. Он начал отвечать на мои удары, а я вдруг ослабел, руки у меня опустились. Сабатини отскочил и исчез в темноте.

Я отдышался, сердце мое стало биться спокойнее, и я вновь вслушался в тишину. Он тоже отдыхал и наверняка видел теперь так же хорошо, как и я.

У самого пола что-то зашуршало — значит, он полз, но я не знал где. Потом стукнуло где-то в глубине склада, но это был не он — наверное, бросил что-то, чтобы отвлечь мое внимание. Наконец я понял, где он, — Сабатини старался добраться до двери. Тихо подбежав, я бросился на него.

Мне удалось прижать его к полу, но он по-змеиному повернулся и оказался наверху. Я ударил его, опрокинув на спину, прыгнул еще раз, крепко схватил и уперся коленом

в спину. Напрягая все силы, он попытался освободиться, но тут что-то треснуло, и тело его обмякло.

— А-а-а! — простонал он каким-то странным, не своим голосом.

Я с трудом встал, отыскал на грязном полу веревки и зажег свет. Сперва я подумал, что убил его, но Сабатини открыл глаза, по-прежнему темные и холодные. Он попытался встать, но тут же скривился и закусил губу. Закрыв глаза, он вновь растянулся на полу.

Я нашел ботинки и обулся.

— Дэн... — прошептал он. — Ты здесь, Дэн?

— Да.

— Кто ты такой, Дэн? — Я изумленно взглянул на него. — Ты не человек. Я поднялся с самого дна и пробился наверх, был никем, а стал диктатором крупнейшего из Объединенных Миров, где каждый сражался за власть, а Агентов было, как грязи в болоте. Но я добился всего, а потом бросил все, чтобы приехать сюда, хотя знал, что человек, оставленный замещать меня, узурпирует власть, как только я исчезну. Но я хотел получить камень: с ним я мог бы завоевать всю Галактику.

Он застонал от боли, долго молчал, потом заговорил снова.

— Только ты стоял на моем пути... сопливый послушник. И раз за разом ты побеждал меня. Кто же ты, Дэн?

Он был прав. Я победил его, даже когда он держал меня в комнате-пещере, и не имело значения, что вытащил меня оттуда кто-то другой, ибо я уже и так выиграл. Это было странно и удивительно мне самому. Поэтому понятно, что он меня боялся.

— Просто человек, — тихо сказал я. — Обычный человек.

— Мне нужен был только камень, — его голос звучал почти нормально. — И вся Галактика была бы моей.

— Нет, — ответил я. — Он ничем бы тебе не помог. Он не поможет никому, такой человек еще не родился.

— Ты лжешь! — крикнул он. — Я бы знал, что с ним делать. Однажды я был рядом с ним и чувствовал его силу. Он излучал ее в меня, и в ней таилась вся Галактика...

Жажда, вот что таил в себе камень. Своя для каждого приблизившегося к нему, но пользы никакой. Ни для Сабатини, ни для Силлера, ни для меня, ни для Лаури, ни для кого-то еще. Печально, что люди страдали и умирали ни за что. Впрочем, может, и нет: миром правят не предметы, а идеи.

— Дэн! — он говорил с большим трудом. — Ты не должен мне ничего, кроме ненависти, но я хочу тебя кое о чем попросить. Это не будет тебе ничего стоить, Дэн. Убей меня. Прежде чем уйдешь, прикончи меня.

Я взглянул на его бледное лицо, с носом, выдающимся еще больше, чем прежде, бросающим гротескную тень на бледную щеку. Сабатини и вправду хотел, чтобы я его убил.

— Я скажу кому-нибудь, где ты. Тебя вылечат.

— Нет! — воскликнул он. — Ради Бога, Дэн, не надо! Если уж не хочешь убивать меня, просто оставь здесь и позволь умереть. У меня сломан позвоночник, и я уже никогда не смогу ходить. Меня вылечат лишь для того, чтобы я ползал до конца жизни. Я, Сабатини! Нет, Дэн! Нет!

Голос его сорвался. Я знал, что впервые в жизни он просил о чем-то другого человека, и это было самое ценное, что можно было ему предложить, ценнее даже, чем камень.

— Где девушка?

— Не знаю, Дэн. Видит Бог, не знаю.

Он говорил правду. Даже если у меня еще оставались сомнения, то теперь я ему поверил. Он просил смерти и не лгал.

— У кого она?

— Ни у кого.

— Может, у Императора?

— Фу! — презрительно фыркнул он. — Этот идиот даже не представляет, что творится у него под носом.

— Граждане?

— Нет.

— Торговцы?

— Нет. Говорю тебе, ее нет ни у кого.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю о каждом шаге агентов и контрагентов, разведчиков и контрразведчиков. Они медлительны и неорганизованны, им не хватает сил, чтобы реализовать свои планы. Я узнал, что камень на Бранкузи; в то мгновение, когда он сюда попал. Прежде чем Фрида получила приказ от Граждан, я знал об этом и знал, куда она должна его отнести и кому. Но она не сделала этого, она несла его кому-то другому.

— Кому?

— Не знаю. Она сошла с ума, прежде чем я успел это из нее вытянуть, и только бормотала что-то о Соборе.

Я задумался над его словами и понял. Это укладывалось в образ, который я себе создал: невидимый игрок, единственная сила в Галактике, которая пока не вышла из тени. Это было так очевидно, что я едва не рассмеялся. Как же я, именно я, мог не понять этого раньше? Теперь я знал, где девушка, где камень и что значил кружок, который Лаури поставила на своей записке. Я пока не знал, как туда попасть, но наверняка был какой-то способ. И я решил заставить невидимого игрока показаться.

Я поднял веревку без узла, подошел к двери, открыл ее и постоял, глядя на Сабатини. Он лежал, безнадежно искалеченный, с лицом уже не ожесточенным и дерзким, а некрасивым и жалким — маленький мальчик, знающий, что отличается от других, с носом, на который все показывают пальцами и смеются.

— Дэн... — произнес он еле слышно.

Я положил веревку возле его руки и вышел в ночь.

Прежде чем я добрался до конца переуллка, за моей спиной коротко сверкнуло.

19

Я поднимался по лестнице, медленно и монотонно ступая по низким ступеням, ведущим к массивному portalу Дворца. Внизу стояли зеваки, потому что редко увидишь монаха вне стен монастыря, а уж возле Дворца и вовсе никогда. Я был одет в грубую серую рясу и капюшон, приходилось следить за тем, чтобы не споткнуться.

На меня глазели блестящие аристократы, их жены и бдительные охранники, но никто не пытался меня задержать. Я дошел до двери и остановился, она была в три раза выше меня, рядом с нею я почувствовал себя маленьким и жалким. Отведя большой молоток в форме планеты с вырезанными на ней контурами континентов, я стукнул, и дверь глухо загудела. Я ждал, и наконец она со скрипом открылась. Ею пользовались не так уж часто.

Передо мной стоял невольник в блестящей оранжевой с голубым livрее и с золотой цепью на шее.

— Что вам угодно? — вежливо спросил он.

— Я хочу предстать перед Высшим Судом.

— Перед Высшим Судом? — повторил он.

Я кивнул.

— Он уже собрался?

— Да, отче. Но что вам нужно от Суда?

— Это я скажу только Суду.

Он удивленно покачал головой и повел меня длинными извилистыми коридорами. Высокие потолки были богато украшены фресками, изображающими Императора и его предков, пушистые ковры глушили звук наших шагов. Они покрывали почти весь пол, и только по краям виднелся розовый, почти прозрачный мрамор.

Невольник остановился перед высокой дверью, деревянной с позолотой, распахнул ее и сказал:

— Высший Суд, отче.

Я переступил порог и остановился. В конце огромного зала находилось возвышение, на котором стоял длинный высокий стол, а за ним сидели трое мужчин с угрюмыми лицами, одетые в оранжевые тоги. Позади них стоял высокий, богато украшенный трон, пустой.

Перед темным столом в небольшой деревянной клетке я увидел невольника, скорчившегося, оборванного и жалкого. Дальше на низких скамьях сидели другие невольники, вольноотпущенники, ремесленники. Некоторые смотрели на большой стол и пустой трон с надеждой, другие не отрывали взгляда от пола. Вдоль стен стояли наемники в ярких мундирах, двое, скрестив на груди руки, стояли перед столом, следя за скамьями. Наемники были равнодушны и спокойны, они не ждали бунта, здесь не могло произойти ничего такого.

«Богатство и нищета, — подумал я, — встречаются здесь, в суде, перед которым все равны. Но почему здесь нет ни аристократов, ни Торговцев?» Мне вдруг вспомнилась старая поговорка: «Закон существует для нищих, это единственное, что они могут себе позволить».

При виде меня люди на скамьях начали перешептываться, наемники зашевелились, даже судьи посмотрели на меня, хмурия брови. Я пригляделся к ним. Крайний справа был стар, у него были седые волосы и морщинистое лицо, но глаза напоминали два холодных голубых камня. Крайний слева был молод и явно пресыщен. Он сидел, откинувшись назад, с презрительным выражением на лице. Между ними сидел статный мужчина неопределенного возраста с надменным лицом. Он был тверд, как скала, а глаза его были глазами ястреба. Чем-то он напомнил мне Сабатини. С ним следовало держать ухо востро.

Продолжая хмуриться, он обратился к дрожащему невольнику.

— Какой рукой преступник украл хлеб? — громко спросил он.

— Правой рукой, Высокий Суд, — ответил один из наемников, стоявших у стола.

— Закон гласит, — произнес судья, пронзая невольника взглядом, — что наказание за кражу — лишение руки. Она никогда больше ничего не украдет.

Поднялся деревянный молоток, и по залу пронесся чистый звук, символизирующий голос правды.

Невольник беззвучно зарыдал, люди на скамьях вздохнули. Стало тихо, двое наемников подошли и утащили невольника в небольшую черную дверь справа от стола. Следующие двое заняли их место.

Судьи обратились ко мне, я почувствовал на себе ястребиный взгляд и вздрогнул.

— Что привело тебя сюда, отче? — спросил он.

— Я ищу справедливости, — ответил я.

— Для кого?

— Для меня.

По залу пронесся шепоток.

— Кто причинил тебе вред, отче?

— Все. Но не потому я здесь. Я пришел, чтобы отдаться в руки закона.

— Редкий случай, — загремел судья, хмуря брови. — Какое же преступление ты совершил?

— Убийство.

Зал замер, потом загудел. Молоток стукнул несколько раз.

— Тихо! — рявкнул судья. — Тихо все!

Все умолкли, а он посмотрел на меня внимательными черными глазами.

— Ты хочешь покинуть орден?

— Нет, — тихо ответил я.

Он скривился, а старый судья наклонился вперед.

— Тогда зачем ты пришел и мешаешь работе Суда?

— Светские власти обязаны задержать монаха, совершившего преступление, и подвергнуть светскому суду, дабы он ответил за свой проступок. И вот я здесь.

Ястреб тут же задал вопрос:

— Ты признаешь свою вину?

— Я невиновен!

Зал загудел. По знаку судьи наемники шагнули вперед, и голоса стихли.

— Если ты пришел насмехаться над Императорским Судом, то будешь примерно наказан, — сказал он. — Если же намерения твои благородны, справедливость восторжествует. Ты сказал, что не виновен в совершенном тобой преступлении. На каком основании ты это говоришь?

— Я убил, защищая себя и свою свободу.

— Единственное оправдание убийства — это действия в защиту Императора.

— В таком случае я апеллирую к церковным властям.

— Епископ в суде? — спросил судья, но ему никто не ответил. — Хорошо, ты будешь задержан до завтра.

Он повернулся к молодому судье, что-то шептавшему ему, потом вновь выпрямился.

— Увести обвиняемого!

Когда ко мне подходили наемники, я заметил, что молодой судья встал и идет к высокой двери за троном.

Черная дверца открылась, и меня вывели из зала.

Я видел уже немало камер и нашел, что императорские довольно удобны, пожалуй, даже удобнее моей кельи в монастыре. Та, в которую меня посадили, была чистой, сухой и светлой. Я лег на нары и уснул спокойным сном.

Вскоре за мной пришли двое наемников и проводили наверх, в зал Суда. Я вновь стоял перед высоким столом, но теперь все было иначе. Меня отделяла от него решетка, а скамьи исчезли. Вместо них поставили удобные стулья, их заняли Бароны и другие благороднорожденные. Богатые, сияющие и веселые, они беседовали со своими дамами, словно явившись на представление.

Передо мной, небрежно развалившись в креслах, сидели трое судей. Они перешептывались между собой, поглядывали на меня и таинственно улыбались. Я беспокойно шевельнулся.

Все чего-то ждали. Звук множества голосов и смех еще больше усиливали впечатление, что в воздухе над моей головой чья-то могучая рука держит меч, занесенный для удара. Однако зрители не догадывались, что меч этот обоюдоострый.

Я ждал, довольный, что тень капюшона скрывает мое лицо. Напряжение росло. Внезапно все вскочили на ноги — аристократы у меня за спиной, судьи впереди — все смотрели на дверь за тронном. Она открылась, вошли телохранители, быстрые и настороженные, а за ними — мужчина средних лет, толстый, сопящий от усилия, необходимого, чтобы двигать это массивное тело. Лицом он напоминал кабана, глаза его были маленькими и хитрыми. Подойдя к трону, он сел, с трудом поместившись на нем.

Это был Император, владыка Бранкузи. Его присутствие означало, что дело важнее, чем я мог предполагать. По спине у меня побежали мурашки.

Император вздохнул и едва заметно кивнул. Судьи сели, за ними все остальные. Ястреб вопросительно повернулся к Императору, и тот ответил ему небрежным взмахом руки.

Судья внимательно и сурово посмотрел на меня.

— Начинаем допрос убийцы Уильяма Дэна. Ты признаешь себя виновным?

— Нет, — громко ответил я, — я действовал защищаясь.

— Закон не признает такого оправдания, — сказал судья.

— Что еще ты можешь сказать в свою защиту?

— Я апеллирую к церковным властям.

Судья поднял голову и пожал плечами.

— Епископ в зале?

— Он здесь, — ответил наемник, стоящий у стола.

— Пусть он подойдет и примет узника, если его требование обосновано.

Голос его был холоден, но я чувствовал в нем что-то не дававшее мне покоя. Все шло слишком гладко, все было слишком четко спланировано.

В зале возникло движение. Кто-то шел к столу, но я не вернулся, чтобы взглянуть на него. Потом краем глаза заметил белую рясу. Капюшон был откинут, словно человек хотел подчеркнуть, что ему незачем скрывать свое лицо. Я узнал седые волосы и властное лицо Аббата.

Остановившись рядом, он приветливо взглянул на меня.

— Прошу снять капюшон с узника, чтобы я мог увидеть его лицо, — мягко сказал он.

Один из наемников сдернул мой капюшон, и я посмотрел Аббату прямо в глаза. Он печально глядел на меня, и в эту минуту в зале остались только мы двое.

— Это Уильям Дэн, Высокий Суд.

Зрители зашептались.

— Каково его положение в монастыре?

— Он был послушником, — сказал Аббат и добавил, качая головой: — Он нарушил устав и бежал.

— Ваше преосвященство требует его передачи в руки Церкви?

Повисла полная ожидания тишина.

— Рад бы, да не могу, — сказал он наконец печально, и зал вздохнул. — После бегства из монастыря он не подлежит нашей юрисдикции.

«Шанс упущен», — мелькнула у меня мысль. Ничего страшного, я и не рассчитывал на него.

— Спасибо, отче, — сказал я так тихо, что услышал только он.

— Ах, сын мой, — покачал он головой.

— Прошу рассказать суду об обстоятельствах бегства обвиняемого, — сказал судья.

Аббат повернулся к судьям. Он стоял так близко, что я мог бы схватить его за горло, но в этом уже не было необходимости. Между нами все кончилось, и я спокойно держался руками за прутья решетки.

— В его руках оказался небольшой хрустальный шарик, украденный у Императора. Прежде чем бежать, он спрятал его в Соброре, а затем вернулся за ним.

Аббат низко поклонился Императору и его судьям, впрочем, не так низко, как некогда пистолету и камню. Потом он ушел, и я забыл о нем, глядя на судью.

— Хочет ли обвиняемый что-то добавить, прежде чем будет вынесен приговор?

Я опустил голову, потом снова взглянул в его холодные злые глаза.

— Если суд позволит, я расскажу небольшую историю.

— Мы слушаем.

— Не так давно, — тихо начал я, — Император Бранкузи владел неким кристаллом. Это был просто камешек, и никто не знал, чем он на самом деле является, но многие хотели его иметь.

Я умолк и посмотрел на Императора — тот щурился и нервно облизывал губы.

— В окружении Императора жила девушка по имени Фрида, которой он доверял. Она украла камень. Организация, известная под названием «Граждане», приказала ей отдать его человеку по фамилии Силлер, однако она не собиралась выполнять этого приказа. Она шла, чтобы отдать его кому-то другому, но ее выследил Сабатини, некогда владыка крупнейшего из Объединенных Миров. Он тоже хотел иметь этот кристалл. В отчаянии Фрида бросила камень на поднос для пожертвований в Соборе, тем самым передав его мне. А затем я обнаружил, что такое этот камень.

Все разом вскрикнули, судьи выпрямились, даже молодой. Император наклонился и что-то шепнул одному из судей. Тот обратился ко мне:

— Где сейчас эта девушка... Фрида?

— Мертва.

Все вздохнули.

— А где Силлер?

— Мертв.

— А Сабатини?

— Тоже мертв.

Судьи тихонько посоветовались, и наконец сидевший в центре посмотрел на меня.

— Ты признаешься во всех этих убийствах?

— Силлер пытался убить меня и погиб сам. Фриду убил Сабатини, который затем покончил с собой. Кроме того, я убил четверых, которые убили бы меня, если бы им повезло больше, чем мне. Все четверо были людьми Сабатини, известными как Свободные Агенты.

— Тебе уже известно, что самооборона — не оправдание в глазах закона. Церковь отреклась от тебя. Что ты еще можешь сказать в свою защиту?

— Я апеллирую к закону ордена.

Судья нахмурился.

— Епископ отказался принять дело. Сообщи аргументы,

которые удовлетворяют суд, или будешь осужден по светскому закону.

— Есть и другие испытания. Я прошу суд прибегнуть к ним.

Судьи пошептались, потом сидевший в центре обратился ко мне:

— В данном случае тест на умение писать и читать не имеет смысла.

— Есть еще одно испытание, в результатах которого невозможно усомниться. Оно введено во времена Основателя, Пророка Джуди и признано во всей Галактике.

Судья вытаращился на меня.

— Ты настаиваешь на испытании чудом?

Они долго шептались за своим высоким столом, а зрители-аристократы ждали, возбужденные и заинтригованные. Я молча наблюдал за ними. Наконец судьи повернулись к Императору, а тот величественно встал и, не сводя с меня глаз, шагнул вперед. Я вдруг понял, что неразумно было бы пренебрегать этой горой мяса. Он обладал на Бранкузи абсолютной властью и, независимо от решения суда, мог воспротивиться ему, если бы счел, что это грозит конфликтом с Церковью. Сейчас он брал дело в свои руки, и я, подобно всем остальным, ждал его слов.

— Смелость обвиняемого должна быть вознаграждена, — заговорил он тихим, бесцветным голосом. — Он получит шанс доказать свою правоту, но при одном условии...

Все замерли.

— При одном условии: если у него ничего не выйдет, он признает себя виновным и расскажет все, что знает о камне.

Теперь ждал Император, щуя глаза и внимательно глядя на меня. Я мысленно улыбнулся, сохраняя, впрочем, невозмутимое выражение лица. Рыба проглотила наживку. Теперь осталось только убедиться, взаправду ли существует невидимая рука.

Я склонил голову.

— Да будет так, Ваше Величество.

Император усмехнулся.

— Обыскать его.

Наемники подошли и обыскали меня с ног до головы. Когда они закончили, лица их выражали удивление, а руки были пусты. Улыбка исчезла с лица Императора, и он махнул пухлой ладонью.

— Начинай.

Я поклонился, поднял голову и развел руки.

— Если чуда не случится и я не докажу, что действую по воле Господа, я отдам себя и все, что знаю, этому человеку, облеченному светской властью над Бранкузи и ее жи-

телями. Если существует справедливость, пусть она совершится. Если существует сила добра, желающая свободы людям Галактики, пусть она действует, иначе свобода погибнет. Пусть даст доказательство моей невиновности, ибо никто не виноват, если действует без дурных намерений, независимо от того, что об этом говорит закон. Решение принадлежит не мне и не Вашему Величеству, а тому, кто над нами.

Я поднял руки вверх.

— Я жду Твоего решения.

Я ждал с надеждой, и по мере того, как уплывали секунды, мое сомнение росло. Я понял, что ошибся и никогда не увижу Лаури, никогда не буду счастлив, да и жизнь моя скоро закончится.

Зал задрожал. Я заметил удивление на лице Императора и хотел взглянуть на Аббата, но не успел, потому что зал исчез, поглощенный тьмою.

20

Я уже знал это чувство — темноту вокруг и падение, — только на сей раз оно продолжалось дольше и сознание вернулось ко мне быстрее.

— Добрый день, Лаури, — сказал я, моргая от яркого света.

Она вынула руки из перчаток и сняла сетку с головы. Потом повернулась, и у меня перехватило дыхание.

— Спасибо за чудо, — сказал я. — Похоже, спасти меня вошло у тебя в привычку.

Она криво усмехнулась.

— На этот раз ты не оставил нам выбора.

Она была в голубой кофточке и свободной юбке, маскировавшей ее формы, но я хорошо помнил их. Мои руки безвольно повисли, когда я вспомнил, как когда-то держал ее в объятиях. Будь у меня карманы, я спрятал бы руки в них, но у рясы карманов нет.

Я отвернулся.

— Этого я и хотел. Где Архиепископ?

— Сегодня ты не сможешь встретиться с ним. Он отдыхает — в последнее время здоровье его ухудшилось. Может быть, завтра или послезавтра.

— Это не страшно.

Я осмотрелся. Комната была небольшой, с мягким резиновым полом, металлическими стенами и низким металлическим же потолком. Вдоль стен стояли различные аппараты, половину из которых я знал.

— Мы на корабле Архиепископа, — сказала Лаури. — Он совершает одну из своих инспекторских поездок. Это официальная причина. Сейчас мы находимся на орбите, слишком высоко, чтобы угрожать Бранкузи, но зато вне досягаемости ее ракет. Поэтому трудно было установить контакт с залом суда. Чуть дальше — и у нас ничего бы не вышло. Даже подтягивая, я не была уверена, что захватила тебя и что ты попадешь сюда живым.

— Ты могла оставить меня там.

— И позволить тебе раскрыть тайну камня?

— Значит, вы еще не знаете ее?

Она покачала головой.

— Ты здорово рисковал: ведь ты не мог быть уверен, что Архиепископ замешан в это и сможет тебя вытащить.

— Да, уверенности у меня не было, но я знал, что он недалеко от Бранкузи. Мне сказал Силлер, да и Сабатини говорил об этом Аббату, но я вспомнил, только когда пытался угадать, кто может действовать анонимно. Я откинул все и всех, и осталось только одно — Церковь. Ты должна была работать на Архиепископа и располагать этим устройством, ибо можно было пробраться в старую крепость, где держал меня Сабатини, но не выбраться оттуда, когда я потерял сознание. Тебе могло помочь только это. — Я указал рукой на машину. — И это сообщение для Фалеску. Я долго не мог понять значения колечка над «i» и только потом сообразил, что это символ Церкви, ваш знак.

— И все же ты рисковал. — Она нахмурилась. — Ты мог ошибаться, или Архиепископ мог решить, что не стоит вмешиваться в это дело. Знаешь, он даже хотел так поступить. Демонстрация деятельности и власти Церкви противоречит его принципам и политике.

— Потому я и организовал это представление. Приходилось действовать открыто и решительно, иначе я бы не полез. Риск был не очень велик: моя жизнь имела значение до тех пор, пока я не нашел ответы на вопросы.

— Ты и вправду расшифровал камень или просто блефовал?

— Всего понемногу, — ответил я. — Я мог рассказать Императору все, что знаю о кристалле, но это не дало бы ему ничего. Не поможет это и Архиепископу, по крайней мере не в той степени, как он рассчитывает. Все страдания и смерти были напрасны.

— О, Уилл! — воскликнула она, и глаза ее потемнели.

Мне очень хотелось подбежать к ней, обнять и прижать так крепко, чтобы боль никогда больше не коснулась ее, но я не

имел права этого делать, да и память о происшедшем между нами стеной окружала меня. Я не мог двинуться с места.

Вместо этого я разглядывал машину, почти такую же, как в контрольном зале Собора.

— Странно, — сказал я, — что у нее такой большой радиус действия.

— Архиепископ располагает специалистами и техникой тысяч миров. Они увеличили мощность и поменяли сносившиеся части. Та, что стоит в Соборе, использует лишь небольшую часть своей силы.

— А другие?

— Тоже действуют. Архиепископ — глава Церкви, хранитель ее чудес. Образы, которые он может вызывать, удивительны и необычны.

— И он не может помочь разрозненной, кровоточащей Галактике?

— Это не его обязанность, — тихо сказала Лаури. — Он охраняет наследие людей. Эти вещи нельзя раздавать, как игрушки детям: они слишком опасны. Представь только, что они окажутся в руках людей вроде Сабатини, Силлера или Императора Бранкузи.

— Возможно, — пожал я плечами. — Я поговорю об этом с Архиепископом.

Она хотела что-то сказать, но промолчала. Я с болью в сердце смотрел на нее.

— Лаури... — сказал я. — Лаури...

Девушка подняла голову.

— Да?

— Нет, ничего.

Мы помолчали.

— Что такое этот кристалл? — спросила она наконец. — Ты скажешь мне, Уилл?

— За определенную цену.

— Какую?

— Я скажу Архиепископу. В этом нет ничего особенного и ничего плохого, но я скажу только тогда, когда увижу его.

Она задумалась.

— Не проси у него жизни или свободы. Он добрый человек и даст их тебе просто так. Но не мог бы ты рассказать мне о камне сейчас?

Я заколебался, зная, что могу лишиться единственного, чего желал, того, что мог теперь получить.

— Расскажу, если ты пообещаешь не говорить этого никому, даже Архиепископу... особенно Архиепископу, пока я не договорюсь с ним.

Она вздернула голову, и я увидел ее великолепную белую шею.

— Обещаю.

— Я не буду говорить тебе. — Лаури погрузилась. — Ты увидишь сама. Принеси камень.

Она повернулась и вышла, я остался один и еще раз внимательно оглядел комнату. На всех стенах были металлические плиты; я подошел к одной, покрутил маховичок, и плита отошла в сторону. Это оказался ставень, и за ним я увидел бархатно-черное поле с блестящими огненными точками, переливающимися различными цветами. Это не было зрелищем ужасающей бесконечности, просто картина, без глубины и перспективы. Пространство, которого можно было коснуться рукой, драгоценные камни, а за ними — туманное мерцание, как гигантский мост через Галактику, ждущий стоп гиганта. Однако гигантов уже давно не было, только карлики ползали среди звезд.

Звезды были так близко, что я мог сорвать одну из них для Лаури. Впрочем, ее блеск не мог сравниться с блеском глаз девушки.

Я закрыл металлический ставень и сильно закрутил. Потом подошел к другому окну, открыл его и вскрикнул, провалившись в бесконечную ночь.

Не сразу удалось мне успокоиться. Постепенно мои побелевшие пальцы разжались, я выпустил поручни на стене и заставил себя взглянуть еще раз. Голубовато-зеленый шар Бранкузи плавал в черной пустоте, солнце отражалось от больших океанов, мелких озер и ледовой шапки на полюсе. Половина планеты была в тени, и на ней слабо светилось пятно города. Интересно, не Королевский ли это Город?

Справившись с головокружением, я восхитился этим сказочным зрелищем, совсем не похожим на предыдущую картину, холодную и равнодушную. Эта картина была теплой, полной жизни. Это был дом, планета, на которой рождались люди, которая их кормила и на которой они жили до самой смерти, не зная, как она выглядит. Потому что они ее и уничтожили.

На мгновение я увидел ее такой, какой сделали планету люди, — холодной, серой и угрюмой крепостью. Горстка людей сидела в комнатах наверху, обогреваемых светом солнца, остальные внизу, в сырости и холоде, теснились как черви на тухлой рыбе. Ничего удивительного, что они были бедны, тупы и бесчувственны.

Я знал, что наступит день и крепость падет. Придет день, когда серые стены рухнут, когда солнце дойдет до самых

темных подземелий. И я постараюсь сделать все возможное, чтобы приблизить этот день.

— Уилл... — позвала Лаури.

Я вздрогнул и обернулся. Она стояла посреди комнаты, держала камень в вытянутой руке и смотрела на меня. Я закрыл ставень.

— Положи его на пульт.

Девушка осторожно положила. Камень лежал, невинный, прозрачный; мы взглянули на него, а затем посмотрели друг другу в глаза.

«Я люблю тебя, Лаури», — подумал я, но мысль эта была насыщена горечью и сомнением.

Девушка покраснела и отвела взгляд.

— Ты знаешь, о чем я думал. Ты ведь можешь читать мысли.

— Иногда. Если разум человека открыт.

— Как мой сейчас?

— Да.

— Попробуй сделать то же с камнем. Попроси, чтобы он заговорил с тобой.

Она взглядела в камень, нахмурилась, потом вздохнула и загадочно посмотрела на меня.

— Что ты слышала?

— Ничего. Может, какой-то далекий шум, вроде жужжания пчелиного роя. Что это такое, Уилл?

Я глубоко вздохнул — еще одна надежда не сбылась.

— Надень наушники и попробуй еще раз.

Она надела их, нажала кнопку, взглянула на камень, а затем посмотрела на меня. Глаза ее были широко распахнуты, и я понял, что она приняла решение.

— О, Уилл... — прошептала она. — Как это печально! Как удивительно и печально.

— А самое грустное, что их дети еще не появились на свет.

— Может, это произойдет скоро? Я умею читать мысли, а ты...

Я покачал головой.

— Умеешь, — настаивала девушка. — Один или два раза, — она покраснела, — я чувствовала, как твои мысли касаются моих. И ты всегда знаешь, когда человек говорит правду, а когда лжет. Поэтому я и не пыталась обмануть тебя. Ты безошибочно определяешь чувства, если они достаточно сильны. Может, это даже помогает тебе определить, кто где находится.

— Да, — сказал я, вспомнив схватку с Сабатини. — Но я думал, что это все умеют.

Лаури покачала головой.

— Я бывала во многих местах и видела разных людей, но никто не обладал твоими способностями.

Она помолчала, первый восторг прошел.

— Но из этого ничего не следует, правда? Он нам не поможет. — Она указала на камень.

— Не прямо. Скажи, ты знала, кто я, когда увидела меня впервые?

— Нет, — ответила она. Это была правда, и я обрадовался.

— А потом ты узнала и вытащила меня от Сабатини при помощи вот этого устройства.

Лаури кивнула.

— Понимаешь, мы искали Фриду, но когда нашли, было уже поздно. Зато там оказался ты, и мы узнали, кто ты такой. Тебя нужно было забрать оттуда, и я вызвалась добровольно.

— Фрида работала для вас?

— Да. Граждане думали, что Фрида их агент, но она работала для нас. Она должна была принести мне камень, но попала в ловушку и не добралась до меня.

— Значит, ты была связной, — сказал я.

Она кивнула.

— И потому пела свои песенки. Если кому-то нужно было передать информацию или получить сообщение, он ходил от бара к бару, пока не находил тебя.

— Да, — ответила Лаури, спокойно глядя на меня.

— Фалеску тоже работал на вас?

— Да. Он доставил бы тебя сюда, на корабль. Но Агенты Императора забрали его на допрос, а потом отпустили, так ничего не узнав. Ты, наверное, устал. Пойдем, я покажу тебе, где ты будешь спать.

Узкими коридорами мы направились в кормовую часть корабля, встретив по пути несколько человек в серебристо-черных мундирах. Они уважительно кланялись Лаури. Наконец девушка остановилась перед дверью и отодвинула ее. Мы вошли в небольшую комнатку с койкой, стулом и умывальником.

— Здесь тесновато, — словно извиняясь, сказала Лаури.

— Да?

— Сабатини и вправду умер? Я слышала об этом и никак не могла себе представить.

— Да, умер, — со вздохом ответил я и рассказал, как это произошло.

Девушка задумалась.

— Страшный и несчастный человек, — сказала она по-

том. — Но зачем ты заманил его в склад? Ты не говорил, но я знаю, что ты не собирався мстить.

— Мне не хотелось лгать — я пошел к тебе домой, узнал, что ты исчезла, подумал, что он схватил тебя.

— О-о! — Она отвернулась к двери.

— Лаури?

— Что?

Я заколебался.

— Ты пришла ко мне в камеру только из-за камня?

— Нет.

— Лаури?

— Что?

— Извини за то, что я написал. Это было зря.

— Конечно.

— Ты простишь меня? — спросил я, подходя к ней совсем близко.

Взглянув на меня, она улыбнулась.

— Я уже давно тебя простила.

— Лаури, — быстро сказал я, чтобы покончить наконец с этим вопросом, пока не передумал. — Почему ты это сделала? Почему вмешалась в это дело?

— Потому что так хотела, — медленно ответила она. — И потому, что это был мой долг.

— Перед кем? — спросил я, и это прозвучало почти как стон.

— Перед людьми. И перед Архиепископом.

— Ты не должна была этого делать.

— Это не так уж и много, Фрида сделала больше.

— Но... — начал я и умолк. Слова звучали безнадежно.

«Я люблю тебя, Лаури».

«Я люблю тебя, Уилл».

Ее ответ прозвучал в моей голове отчетливо, как колокольчик. Сердце мое учащенно забилося. Между нами больше не было стены, крепость рухнула. И все же, когда я взглянул на ее лицо, оно было бледным и несчастным.

— Это ужасно, правда? — тихо сказала она.

— А могло бы быть чудеснее всего в мире. Мы двое, наделенные такими способностями, могли бы стать счастливее всех в мире, если не считать тех, чей голос дошел до нас через века и расстояния.

— Да...

— Скажи, Лаури, — слова давались мне с трудом, — скажи, что я ошибся, что ты только играла роль...

Но она покачала головой, а в глазах ее были печаль, усталость и жалость.

— Я не смогла бы, Уилл, и ты знаешь это. Такова уж

судьба женщины. Я просто делала то, что требовалось. Иногда это было неприятно, но другим приходится делать вещи и похуже. Это был единственный способ что-то узнать. Тогда я узнала, что наемники Императора не схватили тебя. Я не жалею ни себя, ни тебя, это что-то другое, правда?

— Да, — глухо ответил я.

Она помолчала, печально глядя на меня.

— Спокойной ночи, Уилл.

Я не ответил. Стена вновь разделила нас, и была она толще, чем когда-либо прежде. Любовь разрушила ее, но слова воздвигли снова.

Я лег на койку и повернулся к стене. Ворочался я долго, потом все же заснул.

21

...и пока я лежал, вспоминая, как исчез камень и как я познал, что такое страх, не ведая, ночь сейчас или день, за мной пришла Лаури.

Она постучала в дверь, я встал и впустил ее.

— Архиепископ хочет тебя видеть.

Она не смотрела на меня. Может, так было лучше, ведь я был небрит и не выспался.

Вновь мы шли по коридорам корабля, и я думал о трех делах, которые мне предстояло сделать: одно для людей и два для себя. Потом игра закончится.

— Почему он так тебя ненавидит? — спросила Лаури.

— Кто?

— Аббат.

— Это тщеславный человек, — ответил я. — Кроме того, он сказал, что я его сын, и я верю ему.

Она быстро взглянула на меня.

— Несчастный человек.

Это были странные слова, но я знал, что она имеет в виду, и согласился с ней.

Остановившись перед какой-то дверью, Лаури осторожно постучала.

— Входите, — пригласил тихий голос.

Лаури отодвинула дверь, и мы вошли в помещение немногим больше каюты, в которой я провел ночь. Посреди него сидел в кресле старик, бледный и совершенно седой. Присмотревшись, я увидел, что он калека, и понял, что ста-

риком его сделали болезнь, страдания и заботы; они проложили морщины на его лице и вырыли глубокие ямы под глазами.

А глаза у него были мудрые и добрые; я знал, что могу ему верить.

— Итак, — сказал он, — мы наконец встретились, сын мой.

— Наконец?

— Я часто интересовался, что с тобой происходит и чем ты занимаешься.

Склонив голову, я промолчал.

— Садись.

Мы взяли стулья у стены и сели — я напротив него, Лаури рядом. Когда она взяла его за руку, я понял, что они вдвоем против меня.

— Итак, камень оказался бесполезным и ничего не стоящим... — начал он.

Я посмотрел на Лаури.

— Ты проболталась!?

Она воинственно подняла голову.

— Да. Я не могла позволить, чтобы ты с ним торговался. Ты мог попросить такое, что было бы ему неприятно.

— И твое обещание ничего не значит?

— Ничего. Я жертвовала и большим.

— Но ведь ты обещала искренне, почему же изменила свое решение? Из-за того, о чем мы говорили потом?

Архиепископ поглядывал то на меня, то на нее, потом поднял почти прозрачную руку.

— Дети!.. — сказал он.

Мы умолкли, испепеляя друг друга взглядами.

— Она рассказала мне, — признал он и грустно улыбнулся, — но, по-моему, сделала это скорее ради тебя, чем ради меня. Теперь у меня нет выхода и я не могу отказать тебе.

Я быстро взглянул на Лаури. Она была бледна и во все глаза смотрела на Архиепископа.

— Чего ты хочешь, сын мой?

— Об этом потом, — сказал я. — Ты говоришь, что камень бесполезен и ничего не стоит. Но если бы ты был с ним связан так, как я, то думал бы иначе. Это лишь половина правды.

— Для нас разница невелика.

— Но она существенна. Да, мы никак не можем использовать его, ибо не имеем достаточно власти, чтобы выполнить указания, адресованные не нам. Но он не совсем бесполезен, поскольку предлагает то, что могло бы изменить Галактику и подготовить ее к созданию Третьей Империи. Собственно, есть два варианта.

— Я не понимаю тебя, сын мой.

— Тогда я объясню и заранее прошу прощения, если повторю уже известное тебе, отче.

— Я слушаю тебя.

— Галактика разделена на тысячи отдельных миров, и каждый борется с остальными, каждый является крепостью, которую можно завоевать лишь ценой, значительно превосходящей ее ценность. Главным образом потому, что все гораздо лучше готово к обороне, чем к нападению.

Старик кивнул, соглашаясь.

— В результате, — продолжал я, — мы имеем дело с психологией крепости, которая искажает все. Она означает обособленность, страх, ненависть к другим. Означает сильные правительства, концентрацию власти, богатств и силы. Означает угнетенных, бездумно смотрящих на своих начальников в надежде, что те обеспечат им безопасность. Означает застой, деморализацию и уничтожение человеческой цивилизации по мере уничтожения техники и науки и разрыва коммуникаций между мирами.

— Это правда, — сказал Архиепископ, — но исключением тут является Церковь. Это сокровищница наук и технологий.

— Пока существует порочный круг обороны, централизации невежества и страха, надежды для Галактики нет, а знания Церкви не имеют никакой ценности, ибо никто не может их понять.

— Значит, ты предлагаешь, — сказал Архиепископ, подняв белую бровь, — чтобы мы усилили наступательные силы, дали оружие тщеславным владыкам и так разорвали порочный круг?

Я покачал головой.

— Это одно из паллиативных решений, но и оно могло бы дать какие-то результаты. Правда, разрушения и резня были бы ужасны, и даже если бы кто-то из владык сумел объединить Галактику, от нее мало что осталось бы. Нет, вооружение не выход из положения.

— Тогда что же?

— Не так быстро, — ответил я и задумался, стараясь четче сформулировать свои мысли. Я знал ответ и не сомневался, что он верен, но нужно было еще убедить в этом Архиепископа.

— В крепости важнее всего невежество людей. Интеллигентных, образованных людей невозможно удержать за стенами, знания — это сила, которая легко разрушит их изнутри. Владыкам это хорошо известно, и первый принцип их политики — не допустить, чтобы подданные стали сильными, а

второй — держать их в невежестве. Первый касается физических аспектов, второй — духовных, но фактически это одно и то же.

Я взглянул на Архиепископа, но по его морщинистому спокойному лицу невозможно было определить, понимает ли он меня.

— Продолжай.

— Все зависит от возможности общения.

— Но именно этого добивались Граждане, — запротестовала Лаури. — И это ничего не решало.*

— Идея может быть хорошей независимо от того, кто ее предложил, — вставил старик. — Продолжай, сын мой.

— Они знали решение, но не представляли, как взяться за дело, и пытались использовать книги. Это понятно, потому что книги были единственным неподцензурным каналом информации, доступным для них, а писаное слово побуждает мыслить логически. Но для этого требовалось заставить людей читать, да и тексты не могли быть слишком умны — владыки не согласились бы на это.

— Может, им следовало печатать математические трактаты? — язвительно спросила Лаури.

— Нет, — серьезно ответил я, — хотя даже они были бы лучше. Но такой метод не принес бы желанного результата, потому что, во-первых, написанное можно контролировать, а во-вторых, люди должны уметь читать. Существует лишь один способ общения, не зависящий ни от кого.

— Какой? — спросил Архиепископ.

«Я люблю тебя, Лаури».

Она покраснела, глаза ее заблестели.

— Мысль! Ну конечно!

— И ты думаешь, это возможно? Лаури говорила мне, что настоящих телепатов давно нет.

— Телепаты?

— Так мы их называем. Когда-то я читал о них.

— Телепаты... — повторил я и поднял голову. — Мы делаем это ежедневно.

— То есть? — Архиепископ поднял брови.

Лаури оживилась.

— Ну разумеется! В Соборах. Службы передаются мысленно, с помощью машин. Мы все время занимаемся этим, но почему-то это не пришло нам в голову.

Я кивнул.

— Превосходный метод общения. И никакой цензуры.

Но Архиепископ покачал головой.

— Ты хочешь, чтобы Церковь будоражила народ? Это

невозможно. Наш долг — беречь наследие людей, пока не придет время.

— А если оно никогда не придет? — тихо спросил я. — Человек никогда не станет лучше, если Церковь ему не поможет. Он будет все глубже увязать в варварстве. Невежество, как и знания, усиливается. Знания действуют изнутри, а невежество засасывает человека снаружи, и чем глубже он погружается, тем труднее выбраться обратно.

— Нет-нет, — повторил Архиепископ. — Это невозможно.

— Церковь не выполняет своей миссии. Она должна готовить человека к принятию наследия, а сейчас Церковь лишь одна из сил Галактики и ничем не лучше владык. Владыки дают людям хлеб и зрелища. Церковь дает чудеса и утешение. Первые успокаивают тела, вторая — души, и разница между ними невелика. Успокоившиеся люди довольны своей судьбой.

— Если мы все же начнем действовать, что защитит Церковь от уничтожения?

— Ее собственная сила.

— Мы недостаточно сильны, чтобы противостоять владыкам, — сказал Архиепископ. — Мы сохранились так долго лишь потому, что никогда не провоцировали владык.

— Да, мы помогали им, а люди теряли на этом. Силы и возможности Церкви недооценивались, ибо ее предводители слабы и боязливы, но она — единственный источник силы и очень нужна владыкам. Без нее в мире стало бы во сто крат беспокойнее. Если бы не сокровища культуры, охраняемые Церковью, Галактике было бы куда лучше без нее. Впрочем, есть еще один источник силы, о котором никто не помнит, — люди, которые наверняка не стали бы спокойно смотреть, как владыки уничтожают Церковь. Угроза Церкви равнозначна разрушительному восстанию.

— Возможно, — согласился Архиепископ, — но мы не можем рисковать будущим Церкви.

— А будущим людей? Чего стоит Церковь без людей? Впрочем, ты представляешь не совсем то, что я предлагаю. Я имел в виду не прямой призыв к бунту, это слишком рискованно. Я лишь предлагаю Церкви передать людям часть их наследия, не машины, но знания — которые в конце концов важнее — в такой степени, в какой люди смогут их постичь. И начать с умения читать.

Глаза Лаури горели от возбуждения.

— А — значит Автомат, Б — Брат...

— К — Крепость, — продолжил я, — С — Свобода... А

когда люди научатся читать, дайте им сперва простые книги, а потом все более сложные.

— Но у нас нет возможности ни печатать книги, ни писать их, — возразил мне Архиепископ.

— Они есть у Граждан.

— Думаешь, мы должны с ними сотрудничать?

— Это хорошие люди, — сказал я, — и умные. Некоторые их цели совпадают с вашими. Я считаю, вы должны объединяться со всеми силами, которые стремятся к свободе и объединению Галактики. Граждане, Торговцы и часть аристократии — все они хотят практически одного.

— Интриги, шпионаж и тайны, — скривился Архиепископ.

— До сих пор эти методы вас не пугали.

Он кивнул.

— Но это не все, — заметил я. — Камень ставит перед вами еще одну проблему. Машины могут выискивать людей с телепатическими способностями. Таких людей мы могли бы специально пестовать в своего рода колониях, и когда-нибудь возникли бы настоящие телепаты. Только тогда можно будет создать прочную Империю с объединенным обществом, опирающимся на всеобщее понимание, возможное только благодаря телепатии. Этим мы расплатились бы за зло, причиненное телепатам с Земли. Устройство, которое помогло найти их и уничтожить, может теперь помочь вернуть утраченные способности.

— А что будет с религией? Ведь тогда она перестанет существовать.

— А что такое Церковь? Попробуем ответить на этот вопрос. Религия она или могильник достижений человека? Вспомни Джуди. Разве религия, которую он создал, имела целью саму себя? Был он человеком мудрым или заботился только о собственной выгоде? Думаю, он был одним из последних телепатов — наверняка ученым, — который видел распад Галактики и знал, что единственный способ спасти знания человека это окружить их мистицизмом. Само по себе чудо — лишь демонстрация неизвестных явлений. А что такое слова? Поколения теологов изменили их, мы потеряли из виду цель Джуди и возвели вокруг себя стену иллюзий.

Не думаю, — продолжал я, — что наша религия будет уничтожена. Мораль ее хороша, принципы верны. Все лучшее и сильнейшее объединится с новым и станет еще сильнее, а то, что должно исчезнуть, — исчезнет. То, что помогает удерживать людей в нищете и невежестве, что сталкивает их на дно и не пускает к свету, — все это должно исчезнуть, ибо Церковь не склад, куда можно пойти и взять все, что угодно.

Церковь — тоже крепость, она тоже не пускает людей внутрь, хотя должна их принять. Прежде чем бороться с другими крепостями, нам нужно разрушить стену вокруг самих себя.

Архиепископ вздохнул.

— Но ведь это затянется надолго. На века и тысячелетия.

— Я и не говорю, что это будет просто. Нет прямого пути к миру, свободе и объединению Галактики. Нельзя исправить зло, причиненное тысячелетия назад, за один день. Но мы можем начать, а наши наследники пойдут дальше.

— Легко так думать, когда ты молод, — тихо сказал Архиепископ. — Но когда человек так стар, как я, он ищет более насущные цели. Ты не представляешь трудностей, которые вижу я. Однажды, через год, два или три, я умру... — Я заметил, что Лаури судорожно сжала его руку, — ...а мой наследник выберет иную дорогу, направит Церковь на другой путь. Как я могу планировать на века, если Совет Епископов выберет человека, который может не согласиться с моими стремлениями?

— Ты сам выбираешь наследника, — тихо сказал я. — Ты должен выбрать того, кто будет продолжать твоё дело, а он потом выберет следующего. Если это должно сопровождаться определенной процедурой, значит, ты должен выдвигать в епископы людей, которые будут проводить твои планы даже после твоей смерти.

Подумав, он кивнул, неохотно и словно устало.

— Да будет так, — сказал он, и этим тихим словам предстояло изменить Галактику. Архиепископ улыбнулся. — Ты отважно сражался для человечества, для миллиардов людей во всей Галактике. А чего ты хочешь для себя? Как я уже сказал, благодаря Лаури мне трудно отказать тебе в чем-либо.

— У меня две просьбы.

Лаури нахмурилась.

— Ты говорил об одной.

Я холодно посмотрел на нее.

— Я передумал.

— Говори, сын мой, — подбодрил меня Архиепископ.

— Во-первых, я хочу поехать на Землю.

— Что ты будешь там делать?

— Я хочу ее увидеть. Может, это сентиментально, но я хотел бы жить там, где жили телепаты, познать покой, который знали они, смотреть на их небо, ходить по их планете и, может, когда-нибудь научиться делать то, что могли делать они. Там есть некие таинственные вещи, и я знаю, где их найти. Лаури тоже знает. Я не стал бы их трогать, ибо

они для тех, кто придет, когда меня уже не будет в живых. Но то, что я познаю тайну, не уменьшит их ценности. Я хотел бы построить там поселок. Телепатов, найденных Церковью, нужно тоже отправлять на Землю, чтобы они развивались там, где жили их отцы.

— А борьбу ты оставишь другим? — спросил Архиепископ.

— Если я буду нужен, достаточно будет просто прислать за мной корабль.

Он кивнул.

— А вторая просьба?

— Я хочу Лаури.

Девушка сдавленно вскрикнула, и, даже не глядя на нее, я знал, что она побелела, как стена. Я смотрел на Архиепископа, и меня удивила боль, отразившаяся на его лице.

Он повернулся к Лаури.

— Как же я могу тебя отдать?

— А какое ты имеешь на нее право? — спросил я.

Он посмотрел на меня.

— Пожалуй, никакого, если не считать, что она моя дочь.

— Твоя дочь?! — воскликнул я.

— Это лучший человек во всей Галактике! — вспыхнула Лаури. — Если когда-то в прошлом он и согрешил, то давно искупил свой грех.

— Грех невозможно зачеркнуть, — сказал он, глядя на нее и глядя темные волосы. — Я любил ее мать, а сейчас люблю Лаури. Это грех, о котором я никогда не жалел, хотя и буду за него проклят.

— Никогда, отец! — воскликнула девушка.

— И ты послал ее туда, вниз, в эту грязь! — возмутился я.

— Он не посылал меня, — Лаури яростно защищала отца. — Я молила его, чтобы он позволил мне спуститься. Как он мог мне отказать, если посылал других?

— Ты отпустишь ее? — повторил я свой вопрос.

— Да, — вздохнул он. — Отпущу. Если она хочет уйти с тобой, я не могу ее удерживать. Говори, Лаури.

Я посмотрел на девушку. Слезы сверкали в ее глазах, и я любил ее больше, чем прежде, больше, чем мог когда-нибудь полюбить кого-то или что-то.

— Но между нами все иначе, правда, Уилл? — Голос ее дрожал.

— Да, — ответил я. — Да...

— Тогда как ты можешь просить, чтобы я пошла с тобой? Как я буду чувствовать себя, зная, о чем ты думаешь, что чувствуешь, зная, что ты помнишь? Все время зная, что ты не можешь меня простить?

— Я думал об этом, — произнес я сквозь стиснутые зубы, — но у меня нет выбора. Я сделал его уже давно и ничего не могу изменить. Сейчас я не могу забыть. Может, когда-нибудь, когда я стану лучше и мудрее, это потеряет значение, но сейчас это изменило все и, может, всегда будет так, но... я люблю тебя, Лаури! Я не прошу тебя решать прямо сейчас, я могу подождать. Я буду ждать долго... всегда. И каждая минута ожидания будет как смерть.

Я встал.

— Простить? — сказал я. — Это еще вопрос, кого здесь надо прощать.

Почти ничего не видя вокруг себя, я прошел по коридору к своей комнате и стал ждать.

Эпилог

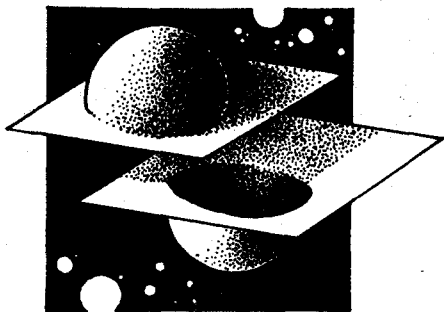
Я шел по земному лугу, глядя на зеленые холмы на горизонте. Земля была стара и мудра, а горы стары и изъедены дождями и ветрами. Над головой моей раскинулось голубое небо, под ногами стелилась зеленая трава, а вокруг — покой и тишина. Я глубоко вдыхал ее, впитывал всем телом.

Я сделался старше и умнее, но чувствовал почти физическую боль, глядя, как корабль садится на луг, в черный круг сожженной травы.

У корабля, у подножия высокого трапа, меня ждал капитан.

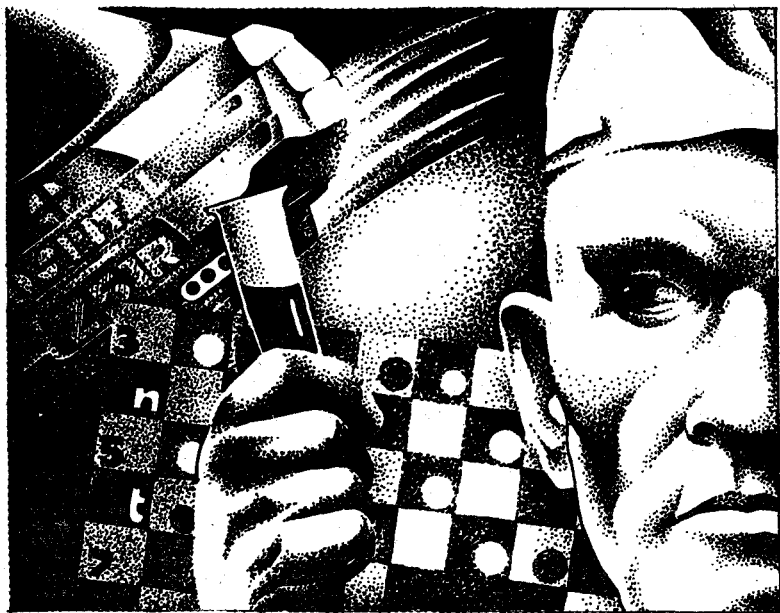
— Прошу прощения за спешку, — уважительно произнес он, — но Совет уже много дней ждет нового Архиепископа.

Я вздохнул, подал руку Лаури, и вместе с ней мы пошли вверх по лестнице, ведущей нас обратно к звездам...

БЕССМЕРТНЫЕ

Глава I

Свежая кровь

Молодой мужчина лежал на хирургическом столе, откинув обнаженную левую руку, загорелую и мускулистую. Жгут перетягивал его бицепс на внутренней стороне локтя. Женщина-техник вымыла переплетение вен, протерла спиртом и намазала йодом. Четкие заученные движения женщины в строгом белом халате невольно завораживали, и парень не сводил с нее глаз. Открыв левую дверцу старого холодильника, она взяла со второй полки бутыль, перевернула и закрепила на штативе.

Затем она сорвала бандерольку и отвинтила колпачок. На горлышке осталась одна резиновая прокладка. Из картонного ящика под столом она достала прозрачную пластиковую трубку фута три длиной с иглами на концах. Точными движениями сестра воткнула одну иглолку в прокладку, другую — в вену донора. Трубка наполнилась темно-красной кровью, а в сосуде, понемногу розовея, запузырился цитрат натрия. Чуть позже жидкость приобрела цвет виноград-

ного сока. На маленьком ярлыке она написала дату сдачи и фамилию донора, поставила свои инициалы. Над ним приклеила кусочек скотча и написала на нем номер: 31197. Этот же номер стоял на двух пробирках для анализа.

— Поработайте кулаком, — сказала она и ослабила жгут.

Когда бутыль наполнилась, женщина зажимом перекрыла трубку, вынула иглку из вены, а место укола на руке донора закрыла кусочком марли и квадратиком лейкопластыря. Потом она сцедила оставшуюся в трубке кровь, слила в две пробирки и вложила их в кармашки на клеенчатой сигнатуре, прикрепленные к корпусу бутылки. Поверх резиновой прокладки тоже налепила лейкопластырь, а трубка с иглками отправилась в ведро.

На два стеклышка, одно из них было разделено на секторы с пометками А и В, она нанесла три мазка и вложила их в небольшой бокс с подсветкой и полупрозрачной стеклянной крышкой. Из зеленого пузырька с надписью «Анти-А» она добавила каплю сыворотки на один из мазков, на другой из коричневого — «Анти-В» и на третий из прозрачного — «Анти-резус».

Она покачала ящик на пружинках. Молодой человек с любопытством наблюдал за ее действиями.

Через минуту на пробах А и В ничего не изменилось, на третьей же клетке заметно слиплись друг с другом.

— Первая группа, резус — отрицательный, — сообщила она и соответственно пометила ярлык и полосу лейкопластыря. — Редкая. Такую мы покупаем с удовольствием.

Донор улыбнулся и пожал плечами.

— Вы не хотите стать постоянным донором? — спросила сестра.

Молодой мужчина мотнул головой.

— Жаль... — она передала ему карточку. — Но все равно спасибо. Здесь данные вашей крови. Минут десять посидите в комнате ожидания. Когда будете уходить, отдайте в окошко у двери вашу карточку, и кассир выдаст вам двадцать пять долларов.

Парень осторожно закрыл за собой дверь. Проводив его взглядом, женщина поставила пинту крови на левую верхнюю полку холодильника. Для проверки на свертываемость ей еще нужно было постоять.

Кто знает, сколько жизней спасли такие вот бутылки с пинтой крови и сколько несчастных умерли без нее... Пройдет несколько дней, и белые клетки начнут гибнуть. Постепенно кровь потеряет способность к свертыванию, но крас-

ные клетки в растворе цитрата и охлажденные, во всяком случае большая часть из них, будут жить еще три недели. Тогда кровь отправят в сепараторную или продадут фармацевтической компании. Там из нее выделяют альбумин, гамма-глобулин... словом, несколько белков из семи с лишком десятков.

Двадцать пять долларов — цена пинты крови. Через несколько часов бутыл переставят на правую полку холодильника, где она затеряется среди других сосудов с пинтами крови первой группы.

Еще никто не подозревал, что кровь эта окажется особенной. Ничем с виду не отличаясь от крови той же группы, она несла в себе такое, что делало ее совершенно уникальной. Двадцать пять долларов... Цена жизни.

На жесткой госпитальной койке распласталось дряхлое тело. Семидесяти лет хватило ему, чтобы стать совершенной развалиной. Шелест кондиционера вдруг умолк, и комнату заполнило хриплое прерывистое дыхание. Простыня, покрывавшая его грудь, вздымалась мелкими толчками.

Пока он еще жил, хотя отведенные ему семьдесят лет кончались. Но дело даже не в том, что он умирал. Все там будут... Дело было в том, что умирал именно он.

Доктор Рассел Пирс держал в своей сильной руке сухое костлявое запястье умирающего. Его темные глаза смотрели жестко, лицо оставалось холодным и серьезным.

Смерть уже наложила свою печать на лицо старика — оно стало голубовато-серым, местами желтоватым. Морщинистая кожа жутковатой маской обтянула кости черепа. Возможно, в молодости он и был красив, но сейчас глаза его запали, а нос отвис почти до губы наподобие клюва.

Подметил ли кто, что все люди, как и в младенчестве, в канун смерти становятся похожи друг на друга?

По роду своей работы Пирсу приходилось видеть много стариков. В палатах и богадельнях, большей частью — отравительных и спившихся, с давно не мытыми грязно-серыми волосами, с нарывами и расчесами на лице и теле. Этот же выглядел вполне прилично: снежно-белые волосы чисты и причесаны, кожа — чиста и ухожена.

Когда-то он был высоким и сильным. О его энергии и предприимчивости ходили легенды. Но сейчас его изможденное тело практически перестало бороться за жизнь. Ребра буквально выпирали из-под кожи, на тощих как палки ногах синими узлами выступали варикозные вены.

— Пневмония? — спросил доктор Истер. Спросил с профессиональным равнодушием, без особого сочувствия в голосе. Солидный, с седыми висками, он выглядел много старше Пирса.

— Нет. Плохое питание. Странно, правда? Казалось бы, деньги сами себя кормят.

— Не всегда. Миллионеры бывают со странностями.

— Прободная язва двенадцатиперстной кишки, — продолжил Пирс. — И, как результат, анемия. Давление пониженное. Вдобавок еще атеросклероз со всеми его прелестями.

Рядом сидела медсестра с гладким и свежим лицом. Она что-то писала в карте.

— Пожалуй, ему стоит освежить кровь, — сказал Пирс медсестре. — Заодно не помешает анализ мочи. Затребуйте, пожалуйста, пинту крови.

— Переливание? Стоит ли? — удивился Истер.

— Стоит. Пусть временно, но поможет.

— Но он же все равно умрет!

— Все там будем, — мрачновато улыбнулся Пирс. — Работа у нас такая: мы обязаны отсрочить смерть насколько это возможно.

Несколько позже доктор Пирс вышел в холл, где Истер озабоченно беседовал с высоким крепким мужчиной. Светловолосый, примерно того же возраста, что и доктор Истер — около сорока пяти или пятидесяти лет, — мужчина зыркнул на Пирса холодными серыми глазами. Хищное лицо его выглядело почти свирепым.

Истер представил их друг другу. Карл Янсен был личным секретарем старика, умирающего в палате. Мужчины обменялись рукопожатием. Пирс подумал, что по виду этого человека можно предположить, что обязанности личного секретаря включают в себя выполнение самых разнообразных, в том числе довольно щекотливых, поручений.

— Доктор Пирс, у меня только один вопрос, — сказал Янсен голосом таким же холодным, как и его глаза. — Он умрет?

— Разумеется, — ответил Пирс. — Это наша общая участь. Но если вы хотите знать, умрет ли он в ближайшее время, я отвечу: безусловно.

— Что у него? — с явным подозрением в голосе спросил Янсен.

— Болезнь эта называется старость. Он пережил себя. Отказывает один орган за другим. Тело его изношено и разваливается.

— Послушайте, отец его прожил девяносто один год, а мать — девяносто шесть.

Пирс невозмутимо посмотрел на Янсена.

— Да, но они не делали миллионы. За все приходится платить. Каждый миллион долларов стоил ему пяти лет жизни.

— Значит, вы дадите ему спокойно умереть?

Взгляд Пирса сделался таким же холодным, как и у Янсена.

— Сейчас мы сделаем ему переливание крови. На какое-то время он придет в себя. Вы можете вызвать близких родственников или друзей?

— Ближе меня у него никого нет.

— За каждую пинту крови, что мы вольем в него, вы отдадите больнице две. Вы можете организовать это?

— Мистер Уивер способен хорошо заплатить.

— Нет. У нас правило: за кровь расплачиваться только кровью, если это возможно.

Янсен задумался, потом усмехнулся и сказал:

— Что ж, в нашей конторе мы найдем добровольцев быстро и сколько угодно.

Подождав, пока Пирс отошел, Янсен сказал Истеру:

— Что-то он мне не нравится. Я бы хотел, чтобы его заменили.

— Вам не по нраву его характер? Он кажется вам слишком жестким, вроде как вы сами?

— Мне он кажется слишком молодым.

— И только? Очень часто молодость — преимущество, а он все-таки еще и лучший геронтолог на Среднем Западе. Добреньким он, конечно, не выглядит, но он зато объективен. Всем врачам приходится быть немножечко жестокими, а ему это необходимо больше, чем другим. Такая уж специфика у его профессии — он неизбежно теряет своих пациентов, — Истер сдержанно улыбнулся. — Это в моем возрасте мы потихоньку размягчаемся и к смерти начинаем относиться... э-э... субъективно.

В банк крови поступила заявка. Завертелась обычная процедура. Сестра вышла из своего маленького кабинета на первом этаже. Стуча каблучками, зашла в 304-ю палату. Присела у кровати старика, извлекла из маленького чемоданчика необходимый инструмент. Из вены старика она шприцем вытянула пять кубиков темной, почти черной крови.

Старик лежал неподвижно, дышал неровно, с трудом. Он по-прежнему был без сознания.

Вернувшись в свой кабинет, сестра определила группу крови. Записала на маленьком бланке фамилию пациента, дату, номер палаты. В соответствующем разделе написала фамилию врача, группу крови и резус-фактор.

Далее следовал раздел «доноры». Она открыла правую дверцу холодильника, осмотрела ярлыки бутылей, взяла одну из них. Записала в графу фамилию донора и номер сосуда. В две пробирки она отлила немного крови пациента. Капнула кровь пациента в сыворотку донора и убедилась в прекрасной совместимости. Даже после центрифуги они оставались в отличном состоянии, являя собой равномерно распределенные тельца.

Женщина подписала бланк и, позвонив патронажной медсестре, сообщила, что кровь готова. Через минуту она пришла. Сестра-гематолог взяла ярлык с красной окантовкой и написала на нем: «Палата № 304. 9 — 4 Лерою Уиверу. Доктор Пирс», затем наклеила ярлык на бутылку с донорской кровью. Медсестра взяла бутылку и, небрежно кивнув, вышла.

Доктор Пирс внимательно просматривал историю болезни Лероя Уивера. 2360000 красных телец на кубический миллиметр. Острая анемия! Эта чертова язва, видимо, кровоточит непрерывно.

Переливание крови поможет лишь временно, но в этом случае все временно. Дальше видно будет. Вдруг это оживит старика настолько, что станет возможным несколько подкормить его, а там, кто знает, может, он всех удивит и покинет больницу на своих ногах.

Захватив историю болезни и результаты последних анализов, Пирс пошел по тихому длинному коридору. В воздухе привычно пахло спиртом, эфиром, антисептиками — обычная атмосфера больницы. Потом он открыл дверь палаты 304 и окунулся в ее прохладу.

Пирс молча кивнул сиделке, одной из трех, нанятых Янсеном для Уивера.

Он посмотрел на табличку, прикрепленную к спинке кровати пациента, — все по-прежнему. Всмотрелся в лицо умирающего. Признаки близкой смерти обозначились еще явственнее. Обесцвеченные, почти прозрачные веки прикрывали запавшие глаза. Дыхание затруднено.

Кто он, этот человек? Пять миллионов долларов имя ему. Что полезного он сделал для общества, для народа? Он всю жизнь только делал деньги, они были его кумиром и смыслом жизни. Он не женился, не захотел стать отцом — все из-за денег.

Конечно, человек с деньгами не обязательно мерзавец, но Пирсу не верилось, что подобная деятельность возможна чистыми руками. Те, кто сделал миллион или умножал его, просто обязаны быть безжалостными хищниками.

И совершенно ясно, чем так озабочен Янсен. Умрет Уивер — умрут и его деньги, а с ними умрет и власть. У власти, какой бы великой она ни была, нет иммунитета к смерти, и вместе с властью имущими рушатся, как правило, и их империи, а с империями и их солдаты — Янсены.

«Но имеет ли это значение сейчас?» — думал Пирс, глядя на старика. Перед ним, кто бы он ни был, прежде всего человек. Живой... Пока живой. И его нужно спасать. Все остальное — по боку.

На металлическом штативе в форме буквы Т висели горлышками вниз две бутылки. В одной из них был физиологический раствор, в другой — сок жизни. Из горлышек выходили две трубки. Стекланный тройник совмещал их в один сосуд. В трубке находился полупрозрачный фильтр, а на ее конце — длинная игла.

Сестра повернула маленький краник возле горлышка бутылки с раствором. Слегка пенясь, раствор пошел по трубке и поднялся к кранику, перекрывающему бутылку с кровью, прошел через фильтр и брызнул с кончика иглы. Сестра перекрыла краник возле иглы.

Прозрачные трубки заполнились, в них не осталось пузырьков воздуха, способных закупорить сосуды пациента.

Сестра ждала. Пирс взял иглу и присмотрелся к руке старика. Более-менее удовлетворительно выглядела лишь вена на предплечье. Смазав ее сначала спиртом, затем йодом, Пирс с профессиональной точностью вонзил иглу в вену. Закрепив ее кусочком лейкопластыря, он кивнул медсестре.

Та повернула краник под бутылкой с кровью. Кровь медленно окрасила раствор. Медсестра осторожно приоткрыла краник перед иглой. Кровь пошла, заполнила трубку и животворным потоком влилась в вену.

«Новое вино в старые мехи, — подумал Пирс. — Деньги покупают все».

— Быстрее можно? — спросил он.

Сестра сильнее открыла краник. Кровь в бутылке стала убывать заметно быстрее.

Сок жизни, такой дешевый и одновременно бесценный... Текущий, капающий... чудесным образом превращающий старое в молодое, но... к сожалению, временно, как временно все в этом мире.

Пациент глубоко вздохнул, задышал энергичнее. Пирс внимательно всмотрелся в его старое изможденное лицо. Мертвенно-бледное, с хищным носом и проваленными бесцветными губами, оно даже сейчас, на границе жизни и смерти, выглядело жестким и непреклонным. Да, на время он оживет. Вот именно, на время. Но что может спасти тело, подточенное долгой эрозией лет? Нет такого чуда, которое могло бы снова сделать его молодым.

Кровь по капле текла в вену старика. Кто-то молодой и здоровый по дешевке продал ее, чтобы продлить ненужную жизнь на час-другой. Продал тот, кто может еще сам вырабатывать пурпурный эликсир жизни, наполненный здоровыми эритроцитами, проворными лейкоцитами, тромбоцитами и многочисленными белками. И продал он ее без всякого ущерба для своего организма, ибо организм его еще способен менее чем за девяносто дней возместить потерю крови.

Пирс смотрел на порозовевшие щеки старика и вспоминал Ричарда Лоуэра, который еще в семнадцатом веке пытался перелить кровь. Вспоминал венского иммунолога двадцатого века Карла Ландштейнера. Именно благодаря его труду о совместимости крови переливание стало безопасным.

Благодаря им и молодому донору... Пирс невольно взглянул на бутылку, перевернутую вверх дном, и прочитал фамилию донора, написанную печатными буквами. Картрайт. Именно в его крови нуждался умирающий, и только она способна, пусть ненадолго, продлить его жизнь. Сам старик уже не мог в достаточном количестве продуцировать эритроциты и не мог быстро возместить их потерю.

По трубке текла сама жизнь — щедрый дар молодого старому. Здоровый спасал обреченного.

Веки старика дрогнули.

На утреннем обходе Пирс остановился у кровати старика. Тот следил за ним поблекшими глазками. Пирс, словно не веря своим глазам, взял костистое запястье, обтянутое сухой, как у мумии, кожей, и машинально начал считать пульс.

— Кажется, вам лучше, да?

Старик кивнул. Пирс был поражен.

— Отлично, мистер Уивер. Мы вас немного подкормим, и скоро вы станете совсем как новенький.

Продолжая держать запястье, Пирс глянул на часы. Задумался... Потом снова посмотрел. Осторожно, как очень

хрупкую вещь, положил старческую руку рядом с тощим телом, открыл футляр тонометра и обернул широкую манжету вокруг дряблого бицепса. Приложив стетоскоп к внутренней части локтя, он туго накачал манжету и, глядя на шкалу, медленно выпустил воздух. Потом прослушал впалую грудь.

Рядом суежилась медсестра. Не обращая на нее внимания, Пирс задумчиво сидел у кровати. Странно... Пульс сильный, ровный... Старик явно раздумал умирать. Давление поднялось почти до нормы, как будто переливание чудесным образом разбудило скрытые резервы организма.

Старикашка здорово дрался за жизнь!

Пирс возликовал.

Утром следующего дня глаза, внимательно следившие за Пирсом, уже не казались выцветшими.

— Все нормально? — спросил Пирс.

Уивер кивнул. Для человека его возраста пульс был великолепен.

Говорить Уивер начал на третий день. Он неразборчиво бормотал что-то, но Пирс одобрительно кивал ему в ответ. Атеросклероз и пара мелких кровоизлияний оставили свои следы: суженные обызвесткованные сосуды не справлялись со своим предназначением.

Но в четвертый день больной уже сидел на кровати и бодро разговаривал с медсестрой чуть хрипловатым голосом.

— Такие вот дела, киска, — шамкал он беззубой пастью. — Эх, и задал я им тогда! Треснул прямо меж глаз. Это был нокаут! Я всегда терпеть не мог этих ублюдков... Ага, вот и доктор, — сказал он, поворачиваясь к Пирсу. — Вы хороший доктор. Я прослежу, чтобы вам хорошо заплатили. — Старикашка ехидно хмыкнул. — Лечите тех, кто мне нравится, и тех, кто не нравится, ну-ну.

— Вы не должны думать об этом, — предельно мягко посоветовал Пирс. — Все ваши помыслы должны быть о том, чтобы поскорее выздороветь.

Старик кивнул головой, сунул палец в рот и с наслаждением стал скрести десны.

— Заплатят... Вам хорошо заплатят, — с пальцем во рту невнятно произнес он. — Не волнуйтесь.

— Что у вас с деснами?

— Чешутся. — Уивер вынул палец и с интересом уставил на него.

День пятый. В туалет Уивер пошел самостоятельно.

Принять душ он смог на шестой. Пирс вошел в палату и застал его сидящим на краю кровати. Он весело, по-маль-

чишечьи болтал ногами. Тело его заметно поправилось, лицо округлилось, на руках появилось какое-то подобие мышц. Кожа стала гладкой и вроде бы даже лоснилась. Ноги уже не казались палками.

Непонятным образом госпитальная диета шла ему впрок.

Румянец на щеках и белоснежные волосы делали его похожим на Санта Клауса.

На следующий день начали темнеть его волосы.

— Послушайте, сколько же вам лет? — поинтересовался

Пирс.

— Семьдесят, — гордо ответил Уивер. — Пятого июня исполнилось. А родился я в Вайоминге, в землянке, вот как! Кругом одни индейцы. Мы с папаней встречали их тыщу раз. Смирные в основном ребята, хлопот с ними не было.

— Какого цвета у вас тогда были волосы?

— Вороного. Самые черные волосы во всей округе. Э-э... Как их девки любили! Сами напрашивались порыться в них. Разрешал... бывало. — Старик хихикнул. — После моего отъезда в Уошике осталось много брюнетиков.

Старик сунул палец в рот и стал самозабвенно чесать десны.

— Что, зудят? — спросил Пирс.

— Еще как! — Старик самодовольно ухмыльнулся. — Знаете, что со мной? Второе детство, вот как! У меня опять режутся зубы.

Еще через неделю Уивер вспомнил о бизнесе. Потребовал установить телефон рядом с кроватью и по полдня тратил на деловые разговоры о сделках и махинациях. Суммы при этом назывались фантастические. Вторую половину дня он проводил с Янсенем. Стоило позвать, и тот всегда оказывался рядом.

Мало-помалу старик вновь подбирал бразды правления своей огромной империей.

Пока мозг его неустанно работал над приумножением могущества финансовой империи, тело восстанавливалось невероятным образом, само по себе омолаживалось буквально на глазах. Прорезался первый зуб — клык, как и положено у хищника. За ним, словно грибы после теплого дождика, полезли остальные. За неделю еще недавно совершенно седые волосы стали иссиня-черными. Вены ушли под кожу, лицо округлилось, морщины сошли. Тело стало стройным и мускулистым. Глаза из блеклых превратились в яркосиние.

Результаты лабораторных исследований поразили бы кого угодно. Подтверждалось то, что с некоторых пор начал подозревать Пирс. Начисто исчезли все признаки атеросклероза, кровоизлияний будто и не было. Сердце заработало как мощный насос, возможно, именно таким оно было много лет назад.

За две недели Уивер превратился в тридцатилетнего крепыша.

Однажды, войдя в палату, Пирс застал Уивера и Янсена за любопытным разговором.

— Слушай, Карл, — услышал Пирс слова Уивера, — как насчет женщин?

— Нет проблем, — пожал плечами Янсен. — Прямо сейчас?

— Ты не понял, болван! — разозлился Уивер. — Я не собираюсь развлекаться. Мне необходим наследник, значит, нужна жена. И наследник у меня будет! Да-да, именно в моем возрасте. И засунь-ка свой скепсис подальше.

Пожав плечами, вступился Пирс.

— Я не вижу, почему бы вы не могли стать отцом.

— Слышишь, Карл? Я опять такой же сильный и умный, как и в молодости. Мне даже кажется, еще сильнее и умнее. Очень скоро кое-кто об этом узнает. Сам дьявол предоставил мне вторую возможность. Док, я правильно излагаю?

Пирс опять пожал плечами.

— Пожалуй. Но как вы собираетесь ею воспользоваться?

— Ха! Я не собираюсь повторять прошлые ошибки. И кое-кто очень скоро узнает, как надо решать проблемы. А знаете ли вы, док, как надо решать проблемы?

— Нет, к сожалению.

Уивер уставился на него.

— Нечего дурить меня! Отчего я выздоровел именно таким образом? Вы же сами не ожидали ничего подобного. Семьдесят лет! А посмотрите-ка на меня. Почему это, по-вашему?

— А сами вы что думаете?

— Я никогда и ничего не предполагаю! Я просто знаю... или не знаю. Есть факт, от него я и пляшу. Именно факты мне от вас и нужны.

— С Истером вы говорили?

— Разумеется.

— И что же он вам сказал?

Взгляд Уивера кольнул Пирса из-под черных кустистых бровей. Проигнорировав вопрос, он продолжил:

— Итак, что вы сделали со мной?

— Вряд ли это имеет значение.

— Если мистер Уивер спрашивает, — со зловещей ноткой в голосе сказал Янсен, — ему отвечают.

Уивер махнул на него рукой.

— Прекрати. Его не напугаешь. Но я надеюсь, что он разумный человек, реалист. Док, поймите меня правильно. Сейчас мне не более тридцати, но рано или поздно я вновь стану семидесятилетним. Так вот, хотел бы знать, как снова сделаться тридцатилетним.

— М-да... — Пирс тяжело вздохнул. — Это уже не омоложение. Это бессмертие.

— А почему бы и нет?

— Вечная сказка. Мечта, которая всегда оставалась лишь мечтой. Чего вы хотите? Тело все равно изнашивается, и семьдесят лет — почти предел, установленный нам природой. После чего тело наше начинает разваливаться.

— Я не о том! Свой срок я использовал, так? Но вот мне опять тридцать. А дальше что будет? Снова по кругу или как?

— Не знаю, — честно ответил Пирс. — Процесс умирания до сих пор не удавалось остановить. Всех нас поджидает могила. С рождения мы заражены смертью, и болезнь эта неизлечима.

— А если у кого-то, предположим, появился иммунитет к этой болезни?

— Я не это имел в виду. Смерть сама по себе не является какой-то специфической болезнью. Чаще мы умираем даже не от старости, а от всяческих инфекций, травм, да мало ли от чего еще. Умираем, бывает, и от дряхлости, но если это и может считаться болезнью, то вирус ее все равно не выделен, а заражаемся мы ею при рождении, а то и при самом зачатии. Причем заражаемость всеобщая. Характерные симптомы: постепенная физическая деградация, вскоре после половой зрелости. Атеросклерозы, болезни сердца и связанные с ними нарушения кровообращения, от чего неизбежно ухудшается работа мозга и других внутренних органов. Клетки тела медленно, но необратимо теряют способность к воспроизводству. Рушится иммунитет, организм дряхлеет. Смертность стопроцентная. Все в этом мире умирает. И деревья, и планеты, и звезды. У каждого свой срок. Естественная и неизбежная смерть... Впрочем, естественная смерть — относительно новое явление в природе. Простейшие бессмертны. Бессмертны даже наши ткани, отдельно взятые. Смертны лишь многоклеточные организмы. Не находя подходящих условий в окружающей среде, клетки вынуждены были объединиться, и каждая из них дифференцировалась,

выполняя в организме свою специфическую функцию. Казалось бы, все нормально, но нормально ли то, что клетки вынуждены умирать из-за нарушения, к примеру, системы кровообращения, лишенные питания? Но, допустим, система кровообращения чудесным образом всегда здорова. И что же? Клеткам уже нет причин умирать. Возможно, они станут бессмертными.

— Да не о том я, — отмахнулся Уивер. — Вы просто сделали мне переливание, и я вдруг омолодился. Вам не приходило в голову, что в крови, которую вы влили в меня, мог оказаться ваш пресловутый иммунитет? На эту мысль, кстати, меня натолкнул Истер. Чья эта кровь?

Пирс вздохнул.

— Ее сдал некто по имени Маршалл Картрайт.

Они спустились на первый этаж и вдвоем протиснулись в маленькую комнатку банка крови.

— Рекомендую вам сотрудничать с мистером Уивером! — еще на лестнице сказал Янсен, — если вы не совсем дурак, конечно. Исполняйте все, что он просит. Говорите все, что он захочет знать. Вы не пожалеете. Но если вы вздумаете упрямиться... — Янсен неприятно ухмыльнулся.

— Ну и что же он сможет со мной сделать? — Пирс даже хохотнул, впрочем, неуверенно.

— Лучше вам об этом не знать.

Не задавая лишних вопросов, сестра принялась перелистывать страницы регистрационного журнала.

— Ага, вот он, — ее палец подчеркнул строчку. — Четвертого сентября. Группа первая, резус отрицательный. До сих пор не возместили, кстати.

Пирс взглянул на Янсена.

— Вы обещали позаботиться.

— Успеется. Завтра получите, — огрызнулся секретарь. — Кто донор?

— Маршалл Картрайт, — ответила сестра. — Группа первая, отрицательный резус. Кажется, я вспоминаю. Это было в тот день, когда мы дали объявление по телевидению. Этой крови у нас не хватало. Отозвались многие.

— Конкретно его помните? — спросил Янсен.

— Третий вроде. В день к нам приходит по двадцать доноров, а с тех пор прошло уже больше недели.

— Думайте, думайте, — грубо потребовал Янсен.

— А я что, не думаю? — обиделась медсестра. — Что, собственно, вам надо?

- Адрес. Как он выглядел, что говорил.
- Что-то не в порядке с кровью?
- Наоборот, все в порядке, даже слишком, — улыбнулся

Пирс.

Улыбнулась и сестра.

— Редкая жалоба. Попробую найти его адрес. — Она полистала картотеку. — Так... Здесь ничего. Он отказался стать постоянным донором. Посмотрим здесь... — Она открыла черную папку с тремя кольцами, полистала ее. — Должно быть, здесь. Ага... Бин Картрайт. Паркер... Вот, Маршалл Картрайт. Отель «Эббот». Телефон... телефона нет.

— «Эббот»... — задумчиво произнес Янсен. — Ночлежка какая-нибудь. А вы что думаете об этом? — пристал он опять к женщине. — Почему он не хотел, чтобы его имя оказалось в списке постоянных доноров?

— Да что случилось, наконец? Уж не тот ли старикашка из триста четвертой интересуется, что выздоровел чудесным образом?

— Да-да, — торопил Янсен. — Нам необходимы фотокопии записей. Вы дадите мне эти книжки?

— Позже. Я прослежу, чтобы вы их получили, — ответил Пирс.

— Сегодня!

— Хорошо, сегодня, — согласился Пирс.

— Ну, тогда все, — заключил Янсен. — Если вдруг вспомните что-то интересное, сообщите мне или мистеру Уиверу. Немедленно! Для вас это будет означать кое-что. Мы умеем быть благодарными.

«Означать кое-что», — подумал Пирс. — Этакий пароль класса».

— Как я понимаю, «кое-что означать» это будет прежде всего для вас? А как это обойдется для всех остальных, для человеческой расы в целом вам, конечно, безразлично? Ну ладно, вы получили, что хотели.

— Вот именно! Я всегда получаю, что хочу, — самодовольно заявил Янсен. — Мы с мистером Уивером всегда получаем, что только захотим. Советую запомнить это!

Пирс постарался запомнить... Между тем юноша-старик, или, если угодно, старик-юноша по имени Лерой Уивер обзавелся прекрасным комплектом зубов, которым мог позавидовать и юноша. Они были так же белы, как черны стали его волосы. От избытка энергии он начал тяготиться вынужденным бездельем. Частые анализы и прочие процедуры ста-

ли его раздражать, заодно он все более злился на Пирса за то, что тот не мог ответить на его вопросы о волшебном омоложении. Почувствовав себя совсем молодым, он повел себя довольно игриво и, не стесняясь, шлепал медсестер по попкам. Что он вытворял ночью, Пирс решил не выяснять.

Наконец, не дожидаясь конца недели, Уивер потребовал выписки. Противиться Пирс не стал. Избавившись от докучливого пациента, он разыскал частного детектива.

Четкая надпись на дымчатом стекле сообщала: «Янсон Локке. Частный детектив».

Внешность детектива разочаровала Пирса — он совсем не походил на крутого парня. Но из-под благообразной обложки порой поблескивала сталь.

Высокий, с проблесками седины и загорелым лицом, в отличие сидевшем на нем костюме цвета кофе с молоком, Локке больше походил на преуспевающего служащего. Но при взгляде на старый захламленный кабинет и далеко не роскошную мебель впечатление улетучивалось. Секретарши у него не было.

Но именно такого человека Пирс и искал.

Пока Пирс путано объяснял свою проблему, Локке внимательно смотрел на него своими темными глазами.

— Очень важно, чтобы вы нашли его, — говорил Пирс. — Отель «Эббот». Там он жил еще недавно. Маршалл Картрайт. Это все, что я знаю о нем.

— Зачем он вам?

— Стоит ли вам знать?

— Меня вовсе не прельщает попасть в тюрьму или лишиться лицензии. Законы писаны и для меня.

— Нет-нет, ничего противозаконного! — быстро произнес Пирс. — Но дело может оказаться опасным. Мне не хотелось бы врать. Это чисто медицинская проблема, и разъяснить ее неспециалисту крайне трудно. Главное, чтобы вы нашли его. Он этого не знает, но жизнь его под угрозой. Как бы вам объяснить... Словом, эта проблема имеет огромное значение для всего человечества. Но учтите: его ищут и другие, они очень опасны. Ваша задача — опередить их.

— И кто эти «они»?

Пирс сокрушенно пожал плечами.

— Я не знаю. Но может оказаться кто угодно. Агентство Пинкертона, к примеру, или агентство Бернса, или «Интерпол». Собственно, это может быть любая из крупных организаций такого рода.

— Потому-то вы и пошли ко мне?

— Да. А человек, который нанял, или наймет детективов, — Лерой Уивер. Знаете его?

— Та-ак, — Локке заинтересовался всерьез, — стало быть, этот престарелый индеец опять вышел на военную тропу... Что за Картрайт? Фотографии, описание, привычки?

Пирс вздохнул.

— Ничего такого у меня нет. Знаю только его фамилию и что он молод. Четвертого числа он продал пинту своей крови. От постоянного донорства отказался. Вместо адреса назвал отель «Эббот». Это все.

— Наслышан, — кивнул Локке. — Грязная дыра на Девятой улице. Но я уверен, что он уже смотал оттуда и из города тоже.

— Почему?

— Он отказался от донорства, значит, задерживаться здесь не собирался. Одеяжки из «Эббота» ни за что бы не отказались от такого легкого заработка, да еще постоянного. Скорее всего ему просто нужны были деньги на дорогу.

— Я тоже так подумал, — кивнул Пирс. — Возьмется?

Повернувшись в кресле-вертушке, Локке задумчиво уставился в окно. Смотреть на световые рекламы, трансформаторы и высоковольтную линию особого смысла не было, но казалось, что Локке ищет решение именно там.

— Пятьдесят долларов в день плюс расходы, — заявил он, крутанувшись обратно. — При выезде за город — шестьдесят.

Слежку за собой Пирс почувствовал в тот же день.

Он не спеша бродил по теплым осенним улицам, прикидываясь беззаботным гулякой. Тискался в плотной суетливой толпе, заходил в огромные супермаркеты, где кондиционированный воздух овеивал приятной прохладой. Казалось, все жители города только и делали, что покупали все подряд. Неприятное чувство не пропадало. Он останавливался у прилавков, украдкой оглядывался, рассматривал гигантские витрины, пытаясь увидеть отражение преследователя. Позрение росло.

Как профессионал он знал эти симптомы, характерные для истеричных женщин на пороге увядания. Вот уж чего Пирс не ожидал. Все сходилось: неприятный холодок в затылке и между лопатками, гнетущее чувство страха. Хотелось куда-то убежать, спрятаться. Все равно куда, лишь бы подальше.

Сдерживая себя, Пирс спокойно шел по улице к своей

машине. Остановился. Несколько минут поболтал о том о сем со сторожем стоянки и только тогда сел в машину и поехал домой.

Слежка продолжалась несколько недель. Сколь-нибудь явно он ее так и не обнаружил, но уже не сомневался в ней. Пирс настолько привык к ней, что почувствовал себя голым и одиноким, когда понял, что слежка прекратилась.

Ничего необычного не было в том, что однажды зазвонил телефон. Врачу звонят в сто крат чаще, чем кому бы то ни было.

Звонил доктор Истер. Он посоветовал Пирсу не глупить и помочь мистеру Уиверу.

— Что значит «помочь»? — спросил Пирс. — Помогать пациентам — моя обязанность.

— Перестань, ты знаешь, о чем я, — вкрадчиво возразил Истер. — Ты должен работать с ним, а не против него. Дело того стоит...

— Единственно, что я должен, так это как можно лучше применять свои медицинские знания, — возразил Пирс. — На этом мои обязанности кончаются, и требовать с меня что-то сверх этого никто не имеет права.

— Какая патетика, — по-прежнему вкрадчиво, но уже с ехидцей сказал Истер. — Осталось спросить, что скажет об этом Уивер. Особенно о твоём соответствии... Советую подумать.

Пирс бросил трубку и задумался. Его совсем не радовала перспектива потерять лицензию. Он любил свою работу и ничего лучшего не желал. Но он понимал, что угроза Истера вполне реальна. Врача довольно просто обвинить в некомпетентности и злоупотреблении.

После тяжких раздумий Пирс решил, что лучше потратить лицензию, чем предать самого себя.

В ожидании и размышлениях прошла еще неделя. Ничего примечательного не случилось. Все шло обычным чередом.

Все свалилось сразу.

Пирс отошел от своей машины и направился к парадной двери. Вдруг из тени вынырнула рука, схватила его и потащила во тьму.

Он даже не успел ничего сообразить, когда рука грубо зажала ему рот и кто-то шепнул ему в ухо:

— Т-с-с... Я Локке. Частный сыщик. Помните?

Пирс с трудом кивнул. Рука разжалась. Постепенно глаза привыкли к темноте, и Пирс разглядел лицо сыщика. Его

украшала густая борода, а нос как-то странно изменился. Приглядевшись, Пирс понял, что все лицо Локке в синяках, а нос сломан.

— Чепуха, не стоит внимания, — прохрипел Локке. — Вы бы посмотрели на тех сукиных детей.

В старой, потрепанной одежде, зияющей дырами и заплатами, он походил на одного из бедолаг, что вечно роются в помойках.

— Сдается мне, что я зря втянул вас в это дело.

— Пустяки, работа такая. Слушайте внимательно. У нас мало времени. Я должен все вам рассказать.

— Сначала надо заняться вашим лицом. Зайдемте ко мне, а доклад пришлете потом по почте.

— Нет! — Локке тяжело дышал. Говорил он нервно, отрывисто. — Нет времени. Совсем. Слишком опасно. Уже несколько дней я прячусь от них. Но сегодня они меня подловили. Мелочь пузатая... Ха! Я им вкатил! Рассказать?

Пирс кивнул.

Посчитав поначалу дело не слишком сложным, Локке поселился в «Эбботе» и быстро подружился с администратором. Однажды, как бы невзначай, он спросил у него о своем друге Картрайте. Но тот знал мало или не слишком доверял ему. Похоже, этот администратор вообще никому не доверял, подозревая каждого в принадлежности к санитарному управлению. Постояльцы же были не в ладах с полицией и налоговыми инспекторами и к любым расспросам относились с великим подозрением.

Локке лишь узнал, что Картрайт оплатил счет и неожиданно уехал, не оставив адреса.

«Что, твой дружок попал в беду?» — с любопытством спросил администратор.

«Угу», — озабоченно ответил тот.

Сделав таинственную физиономию, администратор наклонился к нему.

— Кажется, он уехал в Де Мойн. Что-то он об этом говорил, точно не помню...

Захватив с собой образец почерка Картрайта, Локке рванул в Де Мойн. Он излазил все отели и пансионаты города. В одном из первоклассных отелей в регистрационной книжке он наткнулся на имя: Маршалл Картер. Но все остальное совпадало и даже почерк совпадал. Из «Эббота» он уехал девятого, а здесь появился десятого.

Картера он нашел в Ист-Сан-Луисе, но это оказался пожилой коммивояжер, торгующий фототоварами. В Канзас-сити он не бывал более года. Все. На этом след обрывался.

— А кто-то другой смог бы его найти?

— Нет, если он сам этого не захочет. Могло бы помочь объявление по радио или по телевидению. Наверное, он сменил фамилию, а новую не ставит на бумагах, идущих в определенные учреждения. Словом, парень лег на дно. Вот и все.

Пирс молча смотрел на сыщика.

— Кто напал на вас? — спросил он наконец.

— Двое. Прямо возле моей конторы. Способные детишки, но не вундеркинды. Они предложили мне бросить это дело. Глупые — они просто не знали, что это не в моих правилах. Я бросаю дело лишь после того, как закончу.

Пирс одобрительно кивнул.

— В полиции о нем ничего, — продолжал Локке. — Даже ФБР ни черта не знает, я выяснял. Под этой фамилией нет ни сведений, ни отпечатков пальцев.

— Что ж, вы сделали все, что смогли. Пришлите счет.

— К черту счет! — рявкнул Локке. — Пять сотен наличными. В конверте. Пришлите мне прямо в контору. А чеки я не признаю. Следовало бы содрать с вас побольше, вы же подставили меня за болвана. Ладно, хрен с вами. Надо думать, у вас были на то свои причины. Будьте осторожны, док.

Исчез он быстро и бесшумно. Пирс собрался еще что-то спросить, но вдруг обнаружил, что рядом никого нет.

Посмотрев по сторонам, он пожал плечами и вошел в дом. Поднялся на лифте до своего этажа. Остановился перед дверью, рассеянно вставил ключ в замок. Удивительно — ключ не поворачивался. Разозлившись, он толкнул дверь. Она оказалась незапертой. От испуга что-то екнуло в груди. Пирс с опаской взгляделся в темноту.

— Можете войти, доктор Пирс, — негромко сказал кто-то. Зажегся свет. Пирс вздрогнул, но сразу овладел собой.

— Мистер Уивер? Какой приятный сюрприз! И Янсен тут же. Как вы себя чувствуете? Чего изволите?

— А чувствуем мы себя прекрасно, — ответил Уивер. — Ну, прямо совсем прекрасно.

«Однако он хреновато выглядит», — не без злорадства подумал Пирс. Уивер и вправду выглядел больным и постаревшим. Он сидел у камина в любимом кресле Пирса, обитом зеленой кожей. Лицо его заметно осунулось. Рядом стоял верный Янсен.

— А вы неплохо устроились. Совсем как дома.

Уивер хмыкнул, раздраженно, как показалось Пирсу.

— Консьержке мы назвались вашими друзьями. Она поверила. Но ведь мы и в самом деле друзья, правда?

Пирс внимательно оглядел непрощенных гостей.

— А у вас, значит, бывают друзья, а не только наемники? Что-то вы плохо смотрите. Может, вернетесь в госпиталь?

— Я, кажется, ясно сказал, что чувствую себя прекрасно, — повысил голос Уивер, но тут же дружески добавил: — Нам очень надо поговорить.

Пирс выразительно глянул на Янсена.

— Какая жалость... А у меня как раз сейчас нет желания говорить. День, понимаете ли, был тяжелый...

Уивер не сводил с Пирса пронизательных глаз.

— Карл, выйди, — тихо приказал он.

— Но, мистер... — начал было Янсен, зло сощутив глаза.

— Я сказал, выйди! — уже рыкнул Уивер. — Подожди меня в машине.

Хлопнув дверью, Янсен ушел.

Устало опустившись в кресло напротив Уивера, Пирс спросил:

— Как успехи?

— Не так хорошо, как ожидалось, — спокойно ответил Уивер.

— А именно?

— Мы искали Картрайта. Безуспешно.

— Ага, и вы считаете, что я-то уж всяко знаю, где он, так?

Уивер сложил руки на коленях.

— Почему бы нам не работать вместе?

— В принципе можно. Что конкретно вам нужно? Что вас интересует?

— Вы очень часто брали у меня кровь. Высосали, пожалуй, ту же пинту, что влили в меня. Что вам удалось выяснить?

— Немного. Из крови мы получили плазму. Обработав ее цинком, выделили гамма-глобулин. Исследовали его на животных...

— И что же?

— Иммунитет, если можно так назвать это явление, локализуется именно в гамма-глобулине. Испытали на крысе. Видели бы вы ее! От старости она вот-вот готова была загнуться, а теперь мечется не хуже молодой.

— И это... часть меня?

Пирс покачал головой.

— Нет. Это всего лишь глобулин.

— Значит, чтобы жить вечно, мне необходимы постоянные переливания?

— Да, если бессмертие вообще возможно, — пожал плечами Пирс.

— Возможно! И вы это прекрасно знаете. Во всяком случае один бессмертный уже существует — Картрайт. Его может погубить только несчастный случай. Какая была бы трагедия, не правда ли? Люди, бывает, погибают, несмотря на все предосторожности. Иногда их убирают. А вдруг какой-нибудь мерзавец пустит его бесценную кровь в сточную канаву? Или чрезмерно ревнивая баба воткнет ему нож в бок?

— Что вам еще надо? — ровным голосом спросил Пирс. — Отсрочку у смерти вы получили. Что вам еще?

— Вот именно — отсрочку! Еще и еще, до бесконечности. С какой стати какой-то ублюдок, ничтожество, должен иметь этот дар? Что за прок от него? И кому? Вот если его толком использовать... Под охраной, в хороших руках, он стал бы очень ценным. Жизнь — самый ходовой товар. И дорогой... очень дорогой... Да за нее все можно отдать, когда приспичит! Я бы мог платить за нее по миллиону в год, а? Не меньше бы платили и другие. А вечно жили бы только те, кто смог доказать свои деловые способности. Ученые тоже... некоторые... Кроме того, государственные деятели. Нужные, разумеется. Удобные лидеры. Ну... как?

— А как же сам Картрайт?

— Картрайт? — Уивер словно пробудился от прекрасного сна. — Что Картрайт? Да на всей земле никто не имел бы лучшей жизни! Его охраняли бы надежнее, чем Форт-Нокс. Ну кто мог бы отказать ему в чем угодно, хотя бы из страха, что он может убить себя? Он же как курица, несущая золотые яйца!

— И у него будет все, кроме свободы...

— Слишком неопределенный и переоцененный товар.

— Единственный бессмертный...

— А я что говорю? — подхватил Уивер. — Пусть же вместо одного их станет много!

Пирс задумался.

Невероятная мутация. Что-то изменило генетический код. Может, космический луч, а может, что-то еще более тонкое и неповторимое, и вот вам бессмертие. Иммуитет к смерти. Способность сохранять кровеносную систему вечно молодой и устойчивой. В свое время Казалис сказал: «Человек настолько стар, насколько стары его артерии». Стало быть, берегите артерии, и ваше тело станет бессмертным.

— Ну, скажете вы мне, где этот Картрайт? — Уивер весь напрягся. — Скажете, пока он не пропал совсем?

— Человек, знающий, что проживет миллион лет, будет предельно осторожным, — сказал Пирс.

— Естественно, — прошипел Уивер. — Но ведь он ни черта не знает, иначе никогда бы не дал свою кровь. Или уже знает?

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы не рассказали ему?

— Я не понимаю...

— Да неужто?! Десятого вечером вы заходили в отель «Эббот». Спрашивали Картрайта. Администратор опознал вас по фотографии. А потом вы разговаривали с ним, так? Той же ночью Картрайт сорвался.

Отель «Эббот» Пирс запомнил хорошо. Особенно грязный облупленный коридор, в узком пространстве которого носились тучи мух. Стараясь не касаться загаженных стен, Пирс торопливо прошел его, по пути думая о бубонной чуме и холере. Помнил он и Картрайта. Вполне обычный с виду, он представлял собой буквально сказочное существо. Выслушав Пирса, Картрайт поверил сразу. И исчез, взяв предложенные деньги.

— Допустим, я так и сделал. Но если даже и так, то далось бы мне это совсем не легко. Что он, собственно, для вас? Деньги и проблематичное бессмертие. А для меня? Да я все бы отдал за возможность исследовать его! Это же ходячая лаборатория. Чертовски интересно узнать, как работает его тело. А возможность синтеза этого вещества? Как видите, мои мотивы не хуже ваших.

— И что бы нам не совместить их?

— Они несовместимы, мне кажется.

— Пирс, только не надо корчить из себя святошу. Жизнь есть жизнь, и она полна греха.

— Не надо... Мы сами делаем ее такой, — тихо возразил Пирс. — А причины, по которым я не хочу участвовать в ваших махинациях, для меня достаточно основательны.

Уивер резко встал, подскочил к Пирсу.

— Да, я знаю, среди вас есть придурки, помещанные на этике и тому подобной чепухе! — Он почти рычал. — Но вас мало. И все вы глупцы! Ну что такого уж святого в том, что вы делаете? Вам же платят! Вы обыкновенные ремесленники. Чему тут молиться?

— Вы не понимаете. Если бы вы не поклонялись своему делу, многого бы вы добились? Но вы молитесь деньгам, они для вас священны. А для меня священна жизнь! Каждый день и весь день! А враг мой — смерть. И драться я с нею буду до конца, — Пирс вскочил, дрожа от ярости, и уста-

вился в глаза собеседника. — Поймите, Уивер, ваш замысел обречен. Представьте, если вы еще на это способны, что мы вдруг овладели секретом омолаживания. Что станет с цивилизацией? Вы не думали об этом? Вряд ли! Цивилизация просто развалится. Наша культура тысячелетиями стояла на том, что мы первые два десятилетия тратим на обучение, сколько-то лет на выращивание потомства и обеспечение достатка, а последнюю пару десятилетий — на медленное умирание. Вспомните, усилиями науки прошлого и этого столетий мы прибавили к средней продолжительности жизни всего два десятка лет, но человечество стонет от невозможности приспособиться к этому. Для него это оказалось слишком быстро. А если мы прибавим еще сорок лет? Что стоит одна демографическая проблема! А социальные, политические? Картрайт пока жив. А если потомки унаследуют его мутацию, а они должны ее унаследовать, как я предполагаю, ген бессмертия — доминантный, то они выживут и постепенно, очень постепенно, вытеснят нас, смертных. И только такую постепенность сможет выдержать наша цивилизация.

— М-да, наговорили вы... Но ближе к делу! Где он?

— Ну нет, Уивер, — повысил голос Пирс. — Не выйдет! И сейчас я вам объясню, почему. Вы же убьете его. Конечно, вы сейчас ничего такого и в мыслях не держите, но я в этом уверен абсолютно. Вы либо обескровите его, либо убьете просто так, из зависти или страха перед его бессмертием. Всегда так было: люди уничтожали то, что не могли получить. Извечная ненависть плебея к какой бы то ни было аристократии. История доказала это множество раз.

— И все же где он?

— Почему я знаю? Можете мне не верить, но я на самом деле не знаю, да и знать не хочу! Я рассказал ему всю правду, дал немного денег и убедил его уехать как можно дальше, где его не смогут достать. Пусть себе спокойно омолаживает человечество.

— Что-то не верю я вам. Небось, для себя спрятали. Стали бы вы за просто так давать ему тысячу долларов.

— Вам и сумма известна... — не очень удивился Пирс. Уивер криво усмехнулся.

— Мне про вас все известно. Я даже знаю, какие суммы вы положили в банк за последние десять лет и сколько за это же время сняли со счета. Пирс, я не шучу. Я сломаю вас. Вы для меня не проблема.

Пирс непринужденно улыбнулся.

— Сомневаюсь. Вы не посмеете. А вдруг я все же знаю, где он прячется. Уничтожив меня, вы потеряете последнюю

надежду. Я подумал об этом и постарался обезопасить себя и Картрайта. А если вы будете слишком усердствовать, я опубликую статью. Один экземпляр, обещаю, подарю вам, а пресса по всему миру подымет такую шумиху, что вы уже никогда не сможете контролировать Картрайта один. Даже если вы найдете его, он уже не будет принадлежать только вам.

Молча Уивер повернулся и пошел к двери. У порога он сверкнул глазами на Пирса и сказал ледяным голосом:

— Мы еще увидимся. У вас будут проблемы.

— До свидания, — так же холодно ответил Пирс и подумал: «У вас уже есть проблемы. Вы все равно не поверите, что я не знаю, где Картрайт, но вы еще не знаете, что в любом случае я окажусь совершенно бесполезным. Но мне жаль не вас».

Через два дня разразилась сенсация: женитьба Уивера на двадцатилетней красотке Патриции Уоррен. Союз красоты и богатства. Почетный возраст и молодость.

В воскресной газете Пирс увидел фотографию девушки. Что ж, Уивер добился, чего хотел. Наследник гарантирован. Иначе он ни за что не доверил бы свою империю женским рукам. Он достаточно предусмотрителен, и результаты соответствующих анализов, конечно же, прекрасны.

Через пять недель после переливания позвонил Янсен и попросил о встрече. Не обратив внимания на не свойственную тому вежливость, Пирс отмахнулся. В начале шестой недели позвонил уже доктор Истер и буквально умолял Пирса приехать в новый особняк Уивера. Пирс опять отказался.

Наконец еще через несколько дней, завывая на всю улицу сиреной, «скорая» привезла «денежный мешок», воплощенный в теле самого Уивера.

Все вернулось на круги своя... Сидя около госпитальной кровати, Пирс пытался нащупать пульс на костлявом запястье. Дряхлое тело старика казалось совсем немощным. Аритмично, как и тогда, вздымалась и опускалась простыня на истощенной груди.

Пока живой... Пока... Кончались отведенные ему судьбой семьдесят лет. Но дело даже не в том, что он умирал. Все мы там будем... Дело было в том, что умирал именно он.

Пульс едва прощупывался. Чудесный дар исчерпал себя. Сорок лет жизни утекли за несколько дней.

Смерть опять наложила на него свою печать. Лицо старика стало голубовато-серым, местами желтоватым. Морщи-

нистая кожа страшной маской обтянула кости черепа. В молодости он, может, и был красив, но сейчас глаза его запали, а нос отвис почти до губы наподобие клюва.

«На этот раз, — без особых чувств подумал Пирс, — чуда не будет».

— Странно, — сказал доктор Истер, — казалось, что впереди у него много времени. Не менее сорока лет.

— Так думал и он, — ответил Пирс, — но все они пролетели за сорок дней. Год за день. Видимо, гамма-глобулин сохраняется в крови только на это время. Иммуитет оказался пассивным. Активный, похоже, только у Картрайта, и он может его передать только своим детям.

Истер поглядел, нет ли рядом медсестры, и прошептал:

— Послушайте, вот вам отличная возможность взять все в свои руки. Другого такого случая не будет. Надо только суметь им воспользоваться. Мы же всего за пару поколений сможем изменить лицо человечества, организовав искусственное осеменение. Не без пользы для себя, разумеется.

— Бросьте. Нас сотрут в порошок прежде, чем мы успеем сделать что-то.

Закрыв глаза, Пирс слушал хрипение умирающего. Он думал о вечном противоречии жизни и смерти. Как тесно сплелись рождение и смерть. Перед ним лежит без пяти минут труп — Уивер, а где-то формируется его ребенок, который появится на свет только через несколько месяцев. И именно это соседство противоположностей сохраняла человечество в равновесии. Жизнь прошедшая оставляет после себя жизнь нарождающуюся...

А бессмертие? Что оно может дать?

Где-то скрывается бессмертный Картрайт, и его никогда больше не оставят в покое. Вечно, всегда и везде его будут разыскивать. Быть может, благодаря смерти Уивера не так настойчиво, ибо для других Картрайт останется скорее легендой. Но никогда бессмертный не сможет жить нормально, как любой другой человек. Чудесный дар может оказаться для него тяжелым бременем.

За все в этой жизни приходится платить. А что если придется платить и за бессмертие? Чем же и как? Равносильно бессмертию только само право на жизнь. Но если смерть оплачивается рождением, то бессмертие...

Да простит тебя Бог, Картрайт, и пусть он сжалится над тобой.

— Переливание, доктор Пирс? — в который раз спросила медсестра.

— Да-да, разумеется; — спохватившись, торопливо от-

ветил он. — Кто знает, вдруг поможет. — Он посмотрел на едва живое тело. — Пошлите заявку. Группу крови его вы знаете — первая, резус отрицательный.

Глава 2

Донор

Впустую пролетела половина столетия, рассчитанного на поиски. Лишь отчаянная надежда могла поддерживать энтузиазм при полнейшем отсутствии каких-либо успехов.

Для непосвященного Национальный научно-исследовательский институт представлял собой нечто странное. При полном отсутствии клиентов он к тому же ничего не создавал. Финансовые отчеты отражали только дебет. Но, несмотря на убыточность, какие-то люди, явно очень состоятельные, регулярно переводили на его счет огромные суммы. А в случае смерти жертвователя институт наследовал его состояние.

Не в пример обычным институтам, где знания создаются, этот только собирал их. Жадно, в невероятных количествах он поглощал информацию, предпочитая записанную на бумаге, но не брезгуя ею и в любом другом виде. При внимательном рассмотрении можно было заметить весьма специфический интерес: статистика народонаселения, больничные записи, отчеты и прочее-прочее, что так или иначе было связано с жизнью и смертью буквально на всей планете.

В неуязвимый, тщательно охраняемый бункер, построенный недалеко от Вашингтона, стекался огромный поток бумаги. Здесь он быстро превращался в электронный узор на магнитной ленте или в кружево отверстий на перфокартах. Переработанная таким образом информация шла на компьютеры, где обобщалась и выстраивалась в систему, на основании которой делались далеко идущие прогнозы.

Чем занимается институт на самом деле, знал только один человек. Для остальных нескольких тысяч служащих деятельность его была окружена тайной, но они аккуратно расписывались в ведомости при получении жалованья, не спешили проявлять излишнее любопытство из боязни потерять хорошую работу.

И только надежда поддерживала работу института, и только смерть подстегивала ее.

Страшный беспорядок на грани полнейшего хаоса царил в главном пресс-зале. На конвейер подавалась вскрытая и зарегистрированная почта. Читающие машины просматривали газеты, затем перепроверяли люди-чтецы. Стремглав носились рассыльные на роликовых коньках. Подчеркивая синим карандашом нужные статьи, служащие зачитывали их пишущим автоматам. Операторы вводили информацию в электронную память.

Волнуясь, словно перед первым свиданием, Эдвин Сиберт торопливо лавировал между столиками пресс-зала. За шесть месяцев, что он проторчал здесь, Сиберт так и не понял, чем, собственно, занимаются все эти люди. По крутой металлической лестнице он поднялся в кабинет, который высился над залом, как тюремная сторожевая вышка.

Вдоль стен приемной стояли большие деревянные шкафы. Их убогий вид наводил на мысль, что предназначены они для хранения далеко не самой важной информации. У одного из шкафов стоял невзрачный служащий и с безразличным видом копался в нем.

— А, Сандерс, салют, — небрежно поздоровался Сиберт.

У двери, ведущей в кабинет, стоял стол с интеркомом и автоматическим магнитофоном. Молодая симпатичная секретарша удачно дополняла комплект. Едва Сиберт вошел, ее пушистые ресницы взметнулись.

— Привет, малышка. Локке у себя? — опередил ее Сиберт и невозмутимо пошел мимо нее к кабинету.

— Ой, Эд, туда нельзя. — «Малышка» вскочила, пытаясь удержать его. — Мистер Локке разозлится...

— ...если сейчас же не узнает потрясшую новость, которую я ему несу, — подхватил Сиберт. — Лиз, я нашел! — он ласково потрепал ее по нежной щеке. — Понимаешь, нашел!

Поймав его руку, девушка прижала ее к своей щеке.

— Эд... — прошептала она. — Я...

— Потом, малышка, все потом, — весело успокоил ее Сиберт.

Он не собирался объяснять ей, что никакого «потом» не будет. Целую неделю потратил Сиберт на девчонку, пока не понял, что вытянул из нее все то небольшое, что она знала. Высвободив руку, он толкнул дверь и вошел в кабинет.

Генеральный директор сидел спиной к прозрачной стене, сквозь которую мог при желании наблюдать за происходящим в пресс-зале. Он с кем-то говорил по видеофону:

— Да поймите же, наконец, вам остается только ждать. Терпение и только терпение. Этот Понс де Леон...

Сиберт быстро взглянул на экран. На нем мерцало лицо, на котором преклонный возраст стер признаки пола. Лишь глаза еще горели жизнью и желанием на этом сморщенном лице.

— Договорим позже. Здесь посторонний, — ровным голосом произнес Локке.

Он коснулся кнопки на ручке кресла, и экран на стене погас.

— Ты уволен, Сиберт.

«Странно, — подумал Сиберт, — Локке ничуть не похоже собеседника, но выглядит молодцом, подтянутый и энергичный. Вот что значит отличный медицинский уход, инъекции гормонов и ежедневная гимнастика».

— Ну-ну, — ответил Сиберт, но уже не столь игривым тоном, что с секретаршей. — Конечно, если вас не интересует моя информация.

— Попробуй убедить меня, что я поторопился, — сказал Локке с сомнением. — Возможно, я передумаю, если сочту твою информацию достаточно важной.

— Не помешает и премия, — подсказал Сиберт.

— Хам, — пробурчал Локке. — Ну, что тут у тебя такого потрясающего, что ты не можешь сообщить по обычным каналам?

По лицу генерального директора можно было предположить, что он далеко не все свои дни провел в кабинете. Многие могли рассказать сломанный нос, шрамы возле глаз и еще один — через всю щеку. Напоминал Локке старого матерого медведя. Мощные плечи и грузная фигура предупреждали о недюжинной силе, а глаза, чаще добродушные, порой сверкали сталью. Внимательно оглядев его и по достоинству оценив столь многообещающие признаки, Сиберт решил не дразнить его попусту.

— Похоже, я нашел одного из отпрысков Маршалла Картрайта.

На мгновение Локке потерял контроль над собой. Щека его задергалась.

— Где? Фамилия? Как он?..

— Спокойно, — осадил его Сиберт. Он хамовато развалился в удобном мягком кресле и не спеша закурил. — Я пять лет вкалывал втемную. И для начала я хочу знать все.

— Вам что, плохо платят? — холодно поинтересовался Локке. — Если дело выгорит, вы ни в чем не будете нуждаться. Но не советую копать глубоко. Эта игра слишком крупна для вас.

— Вот-вот, об этом я и думаю, — небрежно ответил Си-

берт. — Сто миллионов долларов в год тратит наша контора неизвестно на что. Стало быть, за пятьдесят лет — пять миллиардов. Неужели только для того, чтобы найти каких-то детишек? И что для нее какие-то несколько сот тысяч, которыми она просто из симпатии могла бы поделиться со мной?

— Ты дурак. Ты не понимаешь, что мы можем выбить из тебя информацию.

— Ба! Это долго... А времени у вас и нет, ну совсем нет. А если вы будете грубить, то малыш Картрайта быстро узнает, что вы охотитесь за ним.

— А как ты относишься к «сыворотке правды»?

— Отрицательно. И не оттого, что я вру. Времени и так мало, а вы его угробите на множество лишних вопросов. Я очень к вам спешил. Впрочем, можете попытаться. — Сиберт молниеносно вынул из кармана правую руку, в ней тускло блеснул маленький десятизарядный пистолет. — Нам нельзя терять время. Вы можете успеть умереть, или... я.

Локке вздохнул. Тяжелые плечи его устало поникли.

— Ты можешь свернуть на этом шею. Но все-таки что ты хочешь знать?

— Зачем вы ищете отпрысков Картрайта?

— Если исключить несчастные случаи, они бессмертны.

Держа руки глубоко в карманах, пожилой мужчина медленно брел по вокзалу. Его лицо выражало крайнюю озабоченность. В камере хранения он взял дорожную сумку, зашел в ближайшую умывальную комнату и заперся в кабинке. Оттуда он так и не вышел. Билет, заказанный на экспресс в Торонто, не был затребован.

Молодой человек в шляпе с большими полями и с мужской бородкой поймал возле вокзала такси и уехал в деловой район. Был час пик, машина застряла в пробке, он расплатился и вышел из автомобиля. Он прошел на параллельную улицу, окликнул другое такси и поехал в противоположном направлении. В аэропорту он купил билет на ближайший рейс за пределы штата.

Не задерживаясь в Детройте, он вылетел в Сент-Луис, а там пересел на турбовинтовой самолет до Уичиты. В Уичите он взял напрокат старенький двухместный винтовой самолетик, заполнил бланк маршрута, но полетел в противоположную сторону. Через два часа самолетик приземлился в Канзас-сити. На дребезжащем автобусе молодой человек через старый мост «Нью-Ханнибал» отправился в торговый район города.

С некоторых пор этот район пришел в упадок. Вслед за представителями среднего класса деловая жизнь переместилась в пригороды. Улицы казались безлюдными, но человек с бородкой старательно запутывал следы. Он прятался в подъездах, нырял под аркады, а за секунду до закрытия университета прыгнул в лифт.

Кабина со скрипом поползла вверх. К пятому этажу в ней остались только двое: сам молодой человек и лифтер, похожий на сморщенного гнома. Лишь только дверцы лифта открылись, молодой человек быстро прошел в мужской туалет.

Там он снял парик, свалившийся в отвратительную черную массу, и бросил его в унитаз. Шляпу спрятал под стопкой бумажных полотенец и весело подмигнул своему отражению в зеркале.

— Салют, мистер Сиберт, — ухмыльнувшись, сказал он. — Что там тебе наговорил Локке?

«Ты когда-то был актеришкой, не так ли?»

«Пожалуй, не слишком хорошим».

«Отчего же ты бросил это веселое занятие?»

«Мои запросы оказались несколько больше».

«А именно?»

«Раз уж этого не смогли обнаружить ваши штатные психологи, то вам я тем более не скажу. Почему-то мне совсем не хочется облегчать вам задачу».

«Сиберт, мальчик мой, ты делаешь роковую ошибку. Плохой, но живой актер все-таки лучше мертвого. А если ты и впредь будешь рыпаться, то быстро помрешь. Ты же у нас в руках. Весь проштампован и завернут в целлофан, как этот вот солидограф. У нас есть все твои данные, и мы откопаем тебя, спрячься ты хоть под землю».

— Вот именно, сперва откопайте... — сказал Сиберт, показав язык отражению. — А пока вы меня потеряли.

По служебной лестнице он спустился к выходу на главную улицу. Прошел мимо ряда прилавков, поднялся на эскалаторе на следующий этаж. Спустился по лестнице и через боковой проход вышел на Двенадцатую улицу. На остановке выждал, пока автобус тронется, и протиснулся сквозь закрывающиеся створки. Проехав около мили на восток, он выскочил, прошел две аллеи и остановил такси.

— Мне в западном направлении. Скажу, где остановиться... — сказал он, тяжело переводя дыхание.

В зеркало заднего вида таксист проницательно взглянул

на него, развернул дребезжащий «олдсмобиль» 94-го года и поехал на запад. Сиберт тоже успел рассмотреть таксиста и, сравнив его лицо с фотографией в целлофановом кармашке, успокоился.

Отпустив такси и подождав, пока оно скроется из виду, он повернул на север и быстрым шагом прошел пять кварталов. Чистое, ясное небо несколько не умаляло жути пустынных улиц.

Он чувствовал, как в нем нарастает болезненное волнение — сейчас он был совсем рядом.

Дым индустриального центра окутывал долину, плотные серые клубы скрывали излучину в месте впадения Канзаса в Миссури.

Когда город был еще молод, склон холма Кволити представлял собой район с прекрасными домами. Но с тех пор он дважды рождался и умирал. Город старел, дряхлел, и вместе с ним дряхлели дома. Однажды их снесли, чтобы расчистить место для нынешнего района Кволити Тауэрс. Потом холм застроили вновь, но пятьдесят лет пренебрежения и забвения сделали свое дело: район опять превратился в густонаселенную помойку.

Стоило бы начать снова, но по разным причинам это все откладывалось и откладывалось... Сиберт закашлялся, нечаянно вдохнув местный воздух полной грудью.

Город нищал, деньги покидали его. Вместе с ними уходили и те, кто мог позволить себе более приятную жизнь в пригородах. Оставшиеся были обречены на вымирание вместе с городом.

Сиберт оглядел пустынные улицы — несколько кварталов не было видно ни одного человека. Вдалеке холм темной линией перечеркивала скоростная магистраль. Сверкая близкой стен, на холме высилось единственное новое сооружение города.

На фоне общего упадка госпитальный комплекс производил ошеломляющее впечатление. Уже пятьдесят лет здания его вытесняли серые трущобы стенами из стекла и бетона. Индустриальный центр здоровья и жизни разрастался. Однажды он поглотит весь город, превратит его в гигантский госпиталь. Нет ничего важнее жизни, без нее все теряет смысл. Никогда люди не откажутся от лекарств и лечения. Жизнь достаточно дорогой товар, чтобы ради нее не жалеть никаких денег. Но люди склонны все усложнять, и им теперь приходилось ради сохранения собственного здоровья, а значит и жизни, платить все больше и больше. Тенденция эта настораживала и даже пугала. В один прекрасный момент

лечение потребует больше денег, нежели человек сможет заработать. Именно поэтому всем позарез нужны дети Картрайта. Невыносимый страх смерти всегда будет принуждать людей охотиться за ними.

«Люди — вечные дети, — подумал Сиберт, — в детстве их пугает темнота, а в старости — смерть».

Толкнув дверь, он вошел в дом.

Лифт как всегда не работал, пришлось подниматься по лестнице. На пятом этаже, подойдя к нужной ему комнате, у двери ее он увидел женщину. Сердце Сиберта чуть не лопнуло, когда он увидел у нее в руках белый конверт.

Мягко, но решительно он отобрал его.

— Мисс Джентри, мы же договорились, что отнесете вы его после шести, — тихо, но с заметным напряжением в голосе сказал он, — а сейчас еще нет и пяти.

— Мне что, по-вашему, делать нечего, как только бегать туда-сюда по лестнице и разносить какие-то письма? — обиделась она. — Шла сюда, заодно и письмо прихватила.

— Если бы вы знали, как это важно...

Старая женщина виновато улыбнулась.

— Простите, но ведь ничего страшного не случилось?

— Кто знает...

Подождав, пока стихнут шаги консьержки, Сиберт под светом единственной на весь коридор лампочки вслух прочел надпись на двери:

— Барбара Макфарленд, — и добавил про себя: «Бес-смертная».

С той стороны двери послышались звонкие шаги. Почти струсив, Сиберт хотел было рвануть от двери, но тут же взял себя в руки. Дверь открылась.

— Эдди! — удивленно и радостно воскликнула девушка. — А я уж решила, что ты пропал навсегда.

«Не так уж она и красива, — подумал Сиберт. — Банальное личико, обыкновенные каштановые волосы. Но как выразительны светло-карие глазки. Впрочем, что это я... Девчонка что надо! Крепенькая, цветущая, здоровая, да еще и...»

— Здравствуй, малышка, — нежно прошептал он. — Я только-только приехал и сразу к тебе. Ну как ты тут? Все в порядке?

— Глупенький, — ласково ответила она, — ну что может со мной случиться? — Она откинула голову, пухлые губки ее чуть приоткрылись.

Сиберт быстро сказал:

— Немедленно собери свои вещи, что влезут в одну сумку. Мы немедленно уезжаем.

— Но как же я могу все бросить и просто взять да уехать? — недоуменно спросила она. — Что случилось?

— Ты меня любишь? А раз так, сделаешь все, как я прошу, — твердо сказал он. — Не надо вопросов. Я вернусь через полчаса. Уложи вещи и будь готова. Объясню все потом.

— Да, Эдди...

Он вознаградил ее нежным поцелуем и многообещающе улыбнулся.

— Ну, я пошел. Дверь закрой на замок и никому, кроме меня, не открывай.

Пройдя в конец коридора, он зашел в свою комнату, рухнул в кресло. Волна усталости обрушилась на него. Прикрыв глаза, он расслабился, но через пять минут заставил себя подняться. Вскрыл письмо. Прочитал:

«Милая Барби!

Возможно, ты являешься самой ценной дичью за всю историю охоты на человека...»

Он разорвал письмо на мелкие клочки, сжег их в пепельнице и тщательно перемешал пепел. Сел за стол, вставил в машинку лист бумаги. Пальцы его с ошеломляющей скоростью застучали по клавишам:

«Недалеко от Вашингтона в хорошо укрепленном семиэтажном здании находится штаб организации, тратящей в год 100 000 000 долларов в течение уже пятидесяти лет. Для достижения своей цели она будет тратить деньги еще пятьдесят лет и еще...

Существует чудо, за которым она охотится.

Бессмертие — вот имя этому чуду.

Вы лишь третий человек, который узнает правду, не считая основателей корпорации, которые тщательно скрывают эту зловещую тайну.

Так пусть же тайное станет явным!

Организацией этой является Национальный научно-исследовательский институт. Именно он охотится на детей Картрайта.

Естествен вопрос: во имя чего эти поиски, что обходятся в 100 000 000 долларов в год, а за пятьдесят лет — 5000 000 000?

Дело в том, что Картрайт бессмертен! Предполагается, что... дети его унаследуют этот феномен.

Сам по себе этот факт не был бы столь важным, если бы фактор иммунитета к смерти не находился в самой его кро-

ви, конкретнее — в одном из гамма-глобулинов, который и оказывает сопротивление болезни под названием «смерть». Организм Картрайта производит антитела против самой смерти, из-за чего его кровеносная система постоянно омолаживается, а клетки организма бесперебойно получают полноценное питание и никогда не умирают.

При переливании крови гамма-глобулин попадает в организм пациента и быстро омолаживает его. К сожалению, эффект этот временный, дней на тридцать—сорок, не более.

Для поддержания эффекта пришлось бы переливать кровь Картрайта каждый месяц, что, несомненно, убило бы его. Во всяком случае его здоровью был бы нанесен непоправимый ущерб. Кроме того, пришлось бы заключить Картрайта в тюрьму, чтобы всегда иметь его под рукой.

Благодаря случайному переливанию крови пятьдесят лет назад он узнал о своем бессмертии и бежал, спасая жизнь. Изменив фамилию, спрятался. Предполагается, что он выполняет библейский завет — плодиться и заселять Землю.

И только в этом его спасение: распространить ген бессмертия настолько, чтобы его нельзя было истребить, тогда поиски потеряют смысл. И единственная надежда его в том, что все человечество однажды станет бессмертным.

Только это может дать ему шанс прожить много столетий. Разумеется, если он не погибнет случайно, из-за людской жадности или подлости.

Картрайт исчез, но путь его был реставрирован, впрочем, лишь в первые двадцать лет. В одном из кабинетов института есть карта, где обозначен маршрут его скитаний за все эти годы. Отражены метания человека, бежавшего от всепоглощающего страха человечества перед смертью. Предполагая, что за это время он не раз стал отцом, агенты корпорации тщательно обследовали этот путь в поисках его детей.

Если хоть одного из них найдут, то высосут у него всю кровь без остатка. Но для начала его заставят производить детей, чтобы в конце концов гамма-глобулина хватило для омоложения около пятидесяти человек.

Когда-то их было сто. Это самые богатые люди мира. К этому времени более половины из них умерло. По предварительной договоренности имущество их перешло институту для финансирования дальнейших поисков.

Эти люди оказывают огромное влияние на правительства всего мира и ничего не боятся, кроме смерти. И если они преуспеют, то не будет иметь никакого значения, что человечество станет бессмертным. Каждым его шагом будут уп-

равлять эти богатые «вампиры», которые у тому времени возьмут под свой контроль всю цивилизацию.

Человеку не для чего станет жить».

Перечитав текст, Сиберт исправил несколько ошибок и сложил листки вчетверо. Потом напечатал на маленьком конверте:

«Я доверяю это вашей совести и вашей чести журналиста. В течение тридцати дней не вскрывайте конверт. Я надеюсь, что если пошлю за ним раньше этого срока, то найду конверт невскрытым. Я доверяю вам».

Текст он вложил в этот конверт, заклеил, а на конверте побольше напечатал:

«Заместителю редактора газеты «Канзас-сити стар».

Не имело смысла доверять этот конверт правительственным чиновникам. Дело даже не в том, что их могли подкупить, просто этот рынок подвержен разным случайностям. Продавались, возможно, и газетчики, но сами они, как правило, не искали покупателей.

Сиберт проверил свой маленький пистолет, убедился, что обойма полна, а предохранитель снят, и положил его в карман пиджака. Осторожно приоткрыв дверь, он выглянул в темный вонючий коридор. Единственная лампочка уже не горела.

Он тихо притворил дверь, немного постоял, прислушиваясь, затем направился к почтовому ящику, что висел тут же, на стене, и опустил письмо в щель.

— Хочешь подстраховаться, Эдди?

Вздвогнув, Сиберт сунул руку в карман пиджака и резко повернулся. От дальней стены отделилась тень и направилась к нему. Приблизившись, она превратилась в тощего мужчину среднего роста. Тонкие губы его на смуглом лице растянулись в примирительную улыбку.

— А-а, Лес, — облегченно вздохнул Сиберт. — Ты чего здесь торчишь?

— Кончай, Эдди. Не крути мне мозги. Ты ведь знаешь, что мне нужно. Где малыш?

— Ты о чем, Лес?

— Не придурайся. Я от Локке. Брыкаться не советую.

— Как ты меня нашел?

— А я и не терял тебя. Я твоя тень, Эдди. Вспомни стишок. Ты наверняка учил его в детстве: «Ходишь ты за мной весь день, Маленькая моя тень». Ты, наверное, думал, что Локке совсем уж стар, но забыл, что он далеко не глуп. Он

все твои трюки наперед просчитал. Ну зачем, дурашка, ты сунулся в это дело? А где тебя поджидать, мне Локке сказал. — Голос Леса посуровел. — Гони малыша, Эдди!

— Шел бы ты...

— Ну и есть — дурашка! Трудно ли сообразить, что малыш в этом здании и, может, даже на этом этаже? Иначе чего ради ты бы тут мотался? Мне очень жаль, Эдди. Прости, но ты сам виноват.

Рука с тяжелым крупнокалиберным пистолетом стала медленно подниматься.

Сиберт дважды выстрелил сквозь карман. Дважды. Коридор откликнулся на выстрелы приглушенным раскатом. На костлявом лице Леса мелькнуло удивление, тут же сменившееся гримасой боли. Тело его покачнулось, пригибаясь, словно под сильным ветром, он медленно скорчился, завалился набок и упал.

Поспешно вынув пистолет, Сиберт несколько раз хлопнул по рваной дыре в кармане — материя начала тлеть. Резко хлопнул третий выстрел. Пуля кувалдой ударила Сиберта в грудь и отбросила его к почтовому ящику. Он зажал рану на груди левой рукой и, не целясь, выстрелил в сторону вспышки.

В темноте кто-то охнул, потом протяжно застонал. С лестницы рухнуло чье-то тело. Ударившись об пол, оно влажно хрустнуло.

В потолок мертво уставилось старое сморщенное лицо в обрамлении седых волос.

— У вас очень веселая гостиница, мисс Джентри, — тихо сказал Сиберт.

Засмеявшись, он тут же закашлялся. На губах выступила розовая пена...

...Кто-то хлестал его по щекам. Кто-то издалека звал его:

— Эдди! Эдди!

Он попытался открыть глаза. Все вокруг пошло колесом.

— Эдди, Эдди! — голос срывался на истерику. — Что случилось, Эдди? Ты весь в крови.

— А-а, это ты, Барби... Привет, — с трудом ответил Сиберт. — Такая история... С тобой опасно иметь дело... Надо бы поскорее убраться отсюда.

Он схватил девушку за руку. Кое-как, опираясь о нее, поднялся.

— Почему ты ранен? Мы не можем никуда идти. Тебе срочно нужна медицинская помощь... Ой... А тут еще двое... мертвые... Мисс Джентри...

— Забавная баба эта Джентри, — криво усмехнулся Сиберт. — Тем более мертвая. Сука старая! Это она в меня стреляла. Ходу, малышка! У нас очень мало времени. Вообще-то они охотятся за тобой. Ладно, потом объясню...

Барбара довела его до лестницы. Там ноги у него подкосились, и он опять сел на пол. Взяв его правую руку, она положила ее себе на плечо и обняла за талию. По бесконечной лестнице они начали осторожно спускаться вниз, еще вниз, повернули. Опять вниз. Лестница кончилась, но Сиберт вконец обессилел.

Как сквозь туман виделся широкий холл первого этажа. До боли напрягая глаза, Сиберт шурился, тщетно пытаясь прогнать муть. «Так же, наверное, видят старики в свой последний час, — подумал он. — Тело медленно-медленно умирает. Притупляются все чувства, а затем отключаются одно за другим. Еще чуть-чуть и... смерть».

Кто-то говорил. Слова молоточками больно отдавались в голове. С трудом он сообразил, что это Барбара пытается привлечь его внимание.

— Ну, куда же нам теперь? — приставала она.

Думать было мучительно трудно и больно.

— Надо спрятаться... Где угодно... Не верь никому. Против нас весь мир.

Серо-грязный туман окутывал его. Это могло бы быть сном, если бы не болела грудь. Он коснулся ее рукой. Посмотрел на ладонь, она была в чем-то темном. Чтобы разглядеть цвет, надо было сосредоточиться, но в глазах вновь потемнело...

Сиберт приподнялся на локте. Удивился, что это у него получилось. Глаза, наконец, сфокусировались, и он увидел грязные стены подвала. Затем понял, что склонившаяся над ним женщина — Барбара. Тут же на кровати сидел мужчина в белом халате.

— Прочь!.. — прохрипел Сиберт. — Не дамся.

Барбара мягко, но настойчиво уложила его.

— Это врач, Эдди.

Он почувствовал себя чуть лучше. Этот тип и вправду похож на врача. Хотя кто его знает... Верить нельзя никому.

Медленно, украдкой Сиберт сунул руку в карман. Пистолет исчез.

Незнакомец вложил шприц в продолговатый футляр, а сам футляр — в кармашек черной сумки. «Так... укол он мне уже сделал», — подумал Сиберт.

— Все, более я ему ничем помочь не могу, — мрачно сообщил врач. — Дыру в груди я зашил, но еще две остались в легком. Нужны соответствующий уход и, конечно, время. А здесь он скорее всего померет. Он уже умирает, мне кажется. Удивляюсь, что он еще в сознании и даже разговаривает.

— А если сделать переливание крови? — спросила Барбара.

— Все равно, что лить воду в решето. Да и не здесь же! Его немедленно нужно отправить в госпиталь.

— Я могу дать свою кровь.

— Глупости! Как, спрашивается, я проверю ее здесь на совместимость? Не говоря уж об этой грязи...

— Делайте, что вам говорят, — ледяным тоном сказала Барбара.

В ее руке Сиберт увидел свой пистолет. Дуло смотрело в лоб доктору. От напряжения ее рука побелела.

Врач нахмурился...

— Какая у вас группа крови? — спросил он Сиберта.

— Первая, резус — отрицательный, — чуть слышно ответил тот. Ему казалось, что голос его звучит где-то очень далеко.

— А у вас? — спросил врач девушку.

— Какая разница? Без переливания он точно померет.

Надо же... Сиберт и не подозревал, что его «малышка» может быть такой жесткой.

Врач молча достал из сумки маленький квадратный ящичек.

«Хочет отделить плазму, чтобы исключить шок», — догадался Сиберт.

Врач достал еще пластиковую трубку с иглками на концах и присоединил ее к ящику.

— Не плазму, — холодно сказала Барбара. — Вливайте цельную.

Вновь нахлынула слабость. Все стало отдаляться. Сиберт понял, что теряет сознание.

Не выпуская из правой руки пистолет, Барбара легла рядом. Темный грязный подвал, за десятилетия загаженный до невероятия, все быстрее кружился перед глазами Сиберта. Он зажмурился.

Он смутно почувствовал, как врач протер его руку, затем укол иглы. Кровь теплым потоком пошла в его вену. Сразу же стало лучше, словно переливали саму жизнь.

— Есть пинта, — сказал врач.

— Перекрывайте, — приказала Барбара.

— У него огнестрельное ранение. Я обязан сообщить в полицию.

— Как хотите. Мы уже будем далеко.

— Не пытайтесь перевозить его сами. Дорога его убьет. Тут нужна специальная машина.

Голоса отдалялись. Сиберт понял, что он опять теряет сознание. В отчаянии он попытался разорвать плотную плену, но она одолела его.

Он еще успел увидеть, как мелькнула рука. В ней было что-то небольшое, металлическое. С глухим звуком «что-то» ударило в голову врача.

— Очнись, Эдди. Очнись же!

Успокаивая жар, лица коснулась прохлада. Сиберт шевельнулся и застонал от свирепой боли.

— Эдди, нужно уходить! Здесь опасно.

С усилием он приоткрыл веки. На него смотрели большие измученные глаза Барбары.

Она еще раз провела влажной салфеткой по его лицу.

— Ну постарайся, Эдди. Нам нельзя здесь оставаться.

«Я умираю, — подумал Сиберт. — Так врач и сказал». В голове прояснилось, он вспомнил Локке и цель, которой себя посвятил.

Сиберт попытался встать, но слабость пересилила, и он, застонав, опустился на пол. Барбара кинулась помогать ему. Он сел. Темный подвал качнулся, завертелся.

Вновь он пришел в себя уже на ногах. Где-то далеко, очень далеко от глаз он увидел ноги. Сообразив, что это его ноги, он приказал им двигаться. Ноги отказывались повиноваться. Он осторожно приподнял одну и не менее осторожно поставил. То же проделал с другой. Он упал бы, но Барбара успела поддержать его.

Рядом с угольной печью кулем сидел доктор, уронив голову на грудь.

— Ты убила его? — тонким от слабости голосом спросил Сиберт.

— Молчи. Тебе нельзя разговаривать. Я оглушила его, только и дел. Его очень скоро начнут искать. Он выходил из госпиталя, когда я подкараулила его... Пистолет его убедил. Нас никто не видел, но когда он не явится на дежурство, его хватятся. Тебе бы отдохнуть, но некогда. Надо поскорее убраться отсюда.

До шатких ступенек лестницы, что вели наверх, они добрались каким-то чудом. Сверху манил солнечный свет. И тут Барбара заплакала.

— Господи... Как же мы заберемся туда?!

Собрав все силы, Сиберт расправил плечи. Постарался как можно меньше опираться на нее.

— Перестань, девчонка, — сказал он. — Нельзя сдаваться.

— Да, Эдди, — окрепшим голосом ответила она. — Они ведь не меня будут убивать? Тебя, да?

— Почему ты так думаешь?

— Я слышала. Ты бредил.

— Да.

По лестнице они взобрались с невероятным трудом. Прогнившие деревянные ступеньки опасно прогибались под ногами.

— Да, меня они убьют. А ты им нужна для другого.

Солнечный свет безжалостно высвечивал уродливость потрескавшегося бетона. Под легким ветерком дымились кучи пепла, валялись какие-то старые, почерневшие доски, консервные банки. Солнечный свет действовал на Сиберта пьяняще. Он почувствовал приток сил, впрочем, почти сразу же исчезнувших.

Пройдя через кучи мусора, они оказались в аллее. Перед ними сиял полированными боками «кадиллак-турбоджет-500». Сиберт прислонился к машине, пытаясь отдышаться. Барбара открыла дверцу.

— Откуда у тебя такая? — шепотом от слабости спросил Сиберт.

— Сперла.

— Не годится — слишком заметная. Сразу поймают.

— Другую искать некогда. Садись назад, прямо на пол.

Большие чемоданы, которые громоздились на заднем сиденье, Барбара расположила так, чтобы полностью закрыть Сиберта. Только пятнышко света просачивалось между ними. Машина рванула, быстро набирая скорость. Она оказалась достойна своей турбины в пятьсот лошадей. Световое пятно заметалось, запрыгало... Сиберт уснул.

Проснулся он от того, что машина остановилась.

— Извините, мисс, — послышался чей-то голос. — Нам приказано останавливать все машины, идущие из города. Ищем раненого убийцу и его напарника.

«Значит, о Барбаре они не знают», — облегченно подумал Сиберт. Но радоваться было рано. Локке достаточно силен, чтобы поднять на ноги всю полицию штата. А когда врач придет в себя, они все узнают. Надо было шлепнуть его по-настоящему.

— Ничем не могу вам помочь, — голос Барбары звенел натянутой струной. — Да и мне куда больше нравятся здоровые сильные мужики. Вот вроде вас, офицер. А раненые

меня не интересуют. Но, — беззаботно добавила она, — посмотрите, если очень хочется.

Полицейский хмыкнул.

— Не искушай меня, девочка. Не под юбкой же ты его прячешь? Что, кроме мотора, может еще влезть в этого зверя?! Сколько он дает по прямой?

— Двести за просто, — небрежно ответила «девочка». — А может и двести пятьдесят.

— Ого! — удивился коп.

— Не верите? Смотрите!

Взревев, мощная машина рванула. Через несколько секунд злобно зажужжали шины. «Зверь» приподнялся, словно собирался взлететь на своих спойлерах. Возникло ощущение полета...

«Как просто», — подумал Сиберт.

Скорость снизилась. Шины зашуршали мягче, будто напевая колыбельную. Сиберт уснул.

От сильной боли в груди он опять проснулся. Тихо. Машина стояла.

«Врач сказал, что я умру, — вернулась мысль. — Пуля этой старой суки прошла сквозь легкое. Я умру от внутреннего кровотечения».

Он разозлился на Барбару. Что-то очень уж легко она распоряжается его жизнью. Заставляет корчиться под этими дурацкими чемоданами, как бешеная гоняет по дорогам. А ведь только быстрая квалифицированная помощь может спасти его. Что с того, что она дала свою кровь? Это же временно. Подумаешь, одна пинта. Она теперь по капле вытекает из него. Настойчиво и неумолимо уносит с собой и саму жизнь. Что толку, что эта пинта бессмертна?..

«Будь ты проклята! — Гнев душил Сиберта. — Сама ты будешь жить вечно, а я сейчас сдохну, как последний...»

Умирал он как-то странно. Так, наверное, чувствует себя новорожденный, у которого долгая дремота сменяется полусознательными пробуждениями.

В промежутках между дремотой, когда отступала серая пелена, Сиберт убеждался, что еще жив, и каждый раз нескладанно удивлялся этому. Но однажды он проснулся окончательно.

Сквозь пыльное окно сочился свет пасмурного дня. Перед глазами рябили разноцветные квадратики тяжелого плед. «Я живой, — с некоторым удивлением подумал Сиберт. — И, похоже, помирать пока не собираюсь».

Он повернул голову и возле кровати увидел Барбару, спящую в старом большом кресле. Лицо ее казалось уста-

лым, одежда — мятой и перепачканной. Глаза девушки открылись. Он улыбнулся ей.

— Ну вот, тебе стало лучше, — хрипло сказала она и коснулась рукой его лба. — Лихорадка прошла, теперь ты поправишься.

— Спасибо тебе, — едва слышно сказал он. — Сколько сейчас времени?

— Прошла неделя. Поспи еще.

Глаза его закрылись. Темный глубокий бассейн медленно кружил его в своих прохладных струях.

Когда он проснулся вновь, Барбара напоила его наваристым куриным бульоном, от чего у него появились силы для разговора.

— Где мы?

— На старой ферме. Она лет десять как заброшена.

На этот раз она была одета в чистое старенькое платье, которое взяла, видимо, из вещей, оставленных бывшими хозяевами.

— Похоже, этот фермер разорился, не выдержав конкуренции с гидропоникой. Когда мы ехали сюда, дорога была совершенно пустынная, так что видеть нас никто не мог. А которых ты пристрелил, они кто такие?

— Позже расскажу, — ответил он. — Своего отца ты помнишь?

Она помотала головой.

— Это важно?

— Может, и важно. Но разве мать ничего не рассказывала о нем?

— Самую малость. Мне было всего десять лет, когда она умерла.

— Почему же ты так настаивала на переливании крови?

Барбара потупилась, затем пристально взглянула на него.

— Я поклялась маме, что никому об этом не расскажу.

Сиберт улыбнулся.

— Ну, если нельзя...

— Но тебе я хочу рассказать все, — быстро проговорила она. — Когда любят, то все говорят без утайки, правда? — Она немного помолчала. — Все дело в отцовской крови. Что-то в ней есть такое, что сохраняет меня молодой. Мне это передалось от отца. А если я дам кому-то свою кровь, то это его тоже сделает молодым и здоровым. Но мама велела мне не делать этого, иначе, говорила она, чудо пропадет. Ты, наверное, думаешь, что я сама все придумала, да? Или у моей мамы крыша поехала?

— Вовсе нет. Продолжай...

— Может, она и придумала! — тихо сказала Барбара. — Может, она придумала это, чтобы я не плакала из-за того, что некрасивая и из-за этого со мной никто не хотел играть, может, чтобы убедить меня, что под внешностью гадкого утенка скрывается прекрасный лебедь? Но когда ты умирал, я вдруг поверила в чудо, подумала, что могу спасти тебя...

— И все-таки твоя мать была права. Чудо существует. Ты и в самом деле принцесса-лебедь.

Барбара настояла, чтобы он съел за бульоном и курицу. Почувствовав звериный голод, он не стал возражать, и даже яичные крошки, плавающие в бульоне, показались ему восхитительными. Он настолько окреп, что какое-то время смог даже сидеть. Грудь болела много меньше, но все же он быстро устал и снова опустился на подушку.

— Твоя мать говорила правду, — продолжил Сиберт. — Это вовсе не сказка. В твоей крови есть что-то вроде иммунитета к смерти. Оно омолаживает клетки организма и делает его бессмертным.

Он рассказал Барбаре про Маршалла Картрайта, про сказочное существо, создававшее новую расу бессмертных людей. Рассказал об институте и людях, основавших его. О том, каким винтиком он был в этой гигантской машине, пока случайно не узнал о целях института.

— А как ты меня нашел?

— Копался в старых медицинских документах и наткнулся на историю роженицы Джанис Макфарленд, незамужней. Родила дочь Барбару. Из-за неудачных родов она умирала, и ей нужна была кровь. Роды принимал доктор Рассел Пирс. Похоже, что он знал обо всем, знал и твоего отца.

— Почему ты так думаешь?

— В документах я нашел его записку: «Младенец в отличном состоянии, но мать умирает. Единственный шанс — связаться с Картрайтом».

— Но почему ты обратил внимание на такую мелочь?

— Мне удалось прижать Локке, и он мне многое разъяснил. Все сходилось.

— Понятно... А потом ты выследил меня? — с холодком в голосе спросила девушка.

— Ага, — согласился он. — Но тогда я еще не знал, что влюблюсь в тебя. Смешно, да?

— Слава богу! А то я боялась...

— Еще бы! Я же вампир, которому ох как хочется твоей кровушки. — Он укоризненно покачал головой. — Эх ты...

Она взяла его руку и порывисто прижала к своей груди.

— Прости, милый. Ты же вернулся ко мне. Я просто дура.

— Того типа, что поджидал меня у твоей квартиры, звали Лес. Во всяком случае я знал его под таким именем. По приказу Локке он выследил меня. А старая карга Джентри следила за ним. Видимо, она прочитала письмо, я ей доверил, и что-то поняла.

— Он собирался убить тебя, потому что ты не хотел говорить обо мне?

— Не думаю. Он прекрасно понимал, что я ничего не скажу. Но я слишком много знал, и меня решили убрать. Испугались, что я могу заговорить. Но мне повезло: я выстрелил первый. Потом эта старая дура... Я выстрелил удачнее. Дальше... ты знаешь.

— А дальше... — Барбара мечтательно улыбнулась. — Мы вдвоем возместим все, что выстрадали! Как здорово все будет! Если все это правда, то я никогда не умру, а ты у меня будешь вечно молодым и мы никогда не расстанемся.

— Все бы так просто... — вздохнул Сиберт.

— А что нам мешает?

— Страх власть имущих. Они уже пятьдесят лет чуют запах крови. Рано или поздно они найдут нас. Меня убьют, а тебя...

— Так как же нам быть?

— Я много думал о твоём отце. Прикидывал, что он за человек. Мне кажется, он должен был предусмотреть какое-то убежище, тайное место, где могли бы прятаться его дети. И когда я смогу, наконец, нормально двигаться, мы отправимся искать это место.

Двенадцатицилиндровый «форд», натужно пыхтя по ухабистой дороге, делал не более восьмидесяти. Поравнявшись со стариком, он притормозил.

Бородатый старик с пепельно-серыми волосами подошел к машине. За рулем сидел пожилой фермер. Старик молча кивнул и сел рядом с ним. Закрыв дверцу и прислонившись к ней, он устало склонил голову на скрещенные руки.

— Где-то я видел ваше лицо, — жизнерадостно сказал фермер. — Вы здесь проездом или как?

— Проездом, — скрипучим голосом ответил старик.

— Много людей бродит сейчас по дорогам. И таких стариков, как вы, хватает. Гидропоника всех разорила. Да еще эта рыбная затея. Моря, говорят начинают возделывать. Эка

додумались... И еще говорят, что скоро человеку нечем станет оплачивать больничные счета. Как вы сказали, откуда вы родом?

— Не говорил я ничего.

Фермер обиженно засопел. Дальше они ехали молча.

Минут через десять старенький «форд» уже ехал в обратную сторону. На перекрестке он свернул налево и остановился. За рулем его сидел старик, а фермер куда-то исчез.

Из небольшой рощицы около дороги появилась светловолосая девушка. Она торопливо подбежала к машине, села в нее, и «фордик», заурчав, тронулся. Стрелка спидометра быстро дошла до отметки 120. Девушка повернулась к старику.

— Мы же не так договаривались, — сказала Барбара, нахмурившись. — Ты же сам сказал, чтобы я поймала попутку и что встретимся мы в Джоппине.

— Так лучше, — ответил Сиберт. — Да и оставлять тебя одну слишком опасно.

Он покосился на себя в зеркало. Сапожный крем и борода изменили его до неузнаваемости. Да и болезнь накинута несколько лет, добавив несколько морщин. Помог и прежний актерский опыт: Сиберт настолько вошел в роль, что и впрямь почувствовал себя стариком.

— А фермера ты куда подевал? — настороженно спросила Барбара.

Сиберт быстро взглянул на нее. Кто бы мог подумать, что перекись водорода способна на такие чудеса? Барбара словно родилась блондинкой. На фоне светлых волос черные глаза ее блестели загадочно и маняще... Пульс у Сиберта участился...

— Я треснул его слегка по голове и оставил в кустах. Все нормально. Он вскоре очухается, и кто-нибудь ему поможет.

— Думаешь? Но послушай, раз уж мы вместе, то не проще ли нам было ехать на «кадиллаке»?

— О нем наверняка уже знают. Машина заметная, ее можно опознать даже с вертолета и на большом расстоянии. В этом смысле «форд» куда удобнее. Я хорошо знаю полицейскую «кухню». К этому моменту они разбили на секторы весь предполагаемый район поисков. Но это не страшно, куда они не начнут прочесывать местность, но и это было бы чепухой, если бы мы не торопились.

Барбара нахмурилась, задумчиво теребя обесцвеченный локон.

— Что-то мне это совсем не нравится. Какие-то кражи, стрельба, погони...

— Спокойно... — оборвал ее Сиберт. — Только не воображай, что это нравится мне. Время, девочка моя, такое, да и выбора у нас нет. И не забывай, что дело-то все-таки в тебе. Само твое существование провоцирует насилие. Ты обладаешь самым большим в мире, буквально бесценным наследством, и люди ради него всегда будут лгать, драться, убивать...

— Я этого не хотела.

— Ба! А кто тебя спрашивал? Мы все смертны, а ты нет. В этом все и дело.

Мимо уже проплывали первые дома Джоплина. Сиберт сбросил скорость.

— А теперь нам надо разделиться. Да-да, мне это тоже очень не нравится, но, возможно, это наш единственный шанс. Они ищут двоих — мужчину и женщину. Тебе придется поймать такси и ехать в аэропорт. Возьми билет на первый же рейс в Вашингтон.

— Почему именно в Вашингтон?

— Ты просто доверься мне, малышка. Некогда объяснить. Я постараюсь оказаться в том же самолете. Но ты со мной не заговаривай — ты меня не знаешь. Независимо от того, буду я там или нет, в Вашингтоне сними номер под фамилией Мария Кассата. Ее же назовешь при регистрации в аэропорту. Авось сойдешь за итальянку. Если я не появлюсь в ближайшие двадцать четыре часа, можешь забыть обо мне. Тебе придется действовать в одиночку.

Она вылезла из машины. Сиберт не стал смотреть ей вслед.

К нетерпеливо гудевшему самолету торопливо ковылял старик. Едва он успел сесть, как самолет покати к взлетной полосе. Минуты через две он уже набирал высоту.

Сиберт устроился в кресле и оглянулся. Взгляд его встретился с глазами Барбары, сидевшей в хвосте самолета. Он едва смог подавить вздох облегчения. Барбара оставалась совершенно невозмутимой.

Сиберт не оборачивался до конца полета. Выйти из летящего лайнера она все равно не могла.

Еще в аэропорту Джоплина он не сомневался, что за ним следят, хотя обнаружить слежку не смог. Не заметил он ее и в Вашингтоне. Если его и пасли, то довольно квалифицированно.

Вздыхнув, Сиберт сел на скамейку. Позицию он выбрал достаточно удобную, чтобы без помех наблюдать за администраторской мотеля и комнатой ожидания аэропорта. Наконец он увидел, как Барбара взяла номер и как ее проводили до домика, стоящего на отшибе. Он выждал еще полчаса и, не заметив ничего подозрительного, покинул свой наблюдательный пункт.

Старчески шаркая ногами, он приковылял к домику и постучал.

Дверь сразу открылась, и Барбара впустила его. Едва дверь захлопнулась, Сиберт распрямил согбенную спину и радостно обнял девушку.

— Все получилось! — весело воскликнул он.

— Ты уверен? — безучастно спросила она.

— Ну, да. Что-то случилось?

Отстранившись, Барбара подала ему джоплинскую газету. Заголовок вопил: **ЗВЕРСКОЕ УБИЙСТВО МЕСТНОГО ЖИТЕЛЯ НА СТАРОЙ ДОРОГЕ.**

— Ты все врал, — сказала она неестественно ровным голосом.

Он вздохнул покаянно и взглянул на нее.

— Ты убил его.

— Так было надо. Он мог поднять тревогу слишком рано.

— Но... Ты чудовище!

— Разве? — губы его свела горькая ухмылка. — Все это только ради тебя.

— Брось... — она холодно поглядела на него. — Ты бы лучше объяснил, зачем, собственно, мы приехали в Вашингтон. Я хочу понять тебя.

Сиберт пожал плечами, на минуту задумался.

— Как же тебе объяснить... Интуиция... предчувствие... Я попытался поставить себя на место Картрайта. Наверняка он понимал, что не сможет поддерживать постоянную связь со своими детьми, что невозможно будет объяснить им, кто они такие. Для этого ему пришлось бы раскрыться, что немедленно отразилось бы в папках и компьютерах института, и вся корпорация обрушилась бы на людей, которых он пытается защитить.

— А при чем тут Вашингтон?

— У Картрайта общая с институтом проблема: разыскать своих детей, разбросанных по всем штатам. Но для этого необходим центр, в который стекалась бы вся информация. Сам Картрайт создать его не мог — это привлекло бы внимание. Да и людей, которым он смог бы доверять, наверняка очень мало, вряд ли больше двух. Но самое интересное, что

центр-то уже создан! И именно в Вашингтоне. Я имею в виду сам институт. Я уверен, что там работает или сам Картрайт, или его агент и действовать они начнут только тогда, когда институт найдет хотя бы одного из детей.

— Логично. Но ты-то тут при чем?

— А я хочу связаться с этим человеком, будь он самим Картрайтом или его агентом. Ты будешь приманкой. В институте я предложу продать тебя за определенную цену. Агент узнает об этом и начнет действовать. Скорее всего он напрямую обратится ко мне. А ты выписывайся из мотеля и сними комнату где-нибудь в другом месте. Лучше в частном доме. Смени фамилию. Нет-нет, мне ее не называй. Локке не сможет выбить из меня того, чего я не знаю. Когда придет время связаться, я помешу в газете частное объявление. Адресовано оно будет не Марии, а Мери. Считай это нашим условным знаком.

— А без этого никак нельзя?

Сиберт горько улыбнулся.

— С этого момента ты — мой страховой полис. Они не посмеют меня убить, пока не схватят тебя.

Схватили Сиберта сразу же, как только он подъехал на такси к институту. Рядом с машиной, словно из-под земли, возникли четверо с пистолетами в руках. Тут же приоткрылись тяжелые двери и из них выскочили еще четверо.

Тщательно обыскав его, они отобрали маленький пистолет и по длинному подземному переходу, о существовании которого Сиберт даже не подозревал, провели в кабинет Локке.

В приемной были лишь делопроизводитель Сандерс и секретарша Лиз. На вооруженную процессию, которая сопровождала Сиберта, и на него самого они не обратили никакого внимания, словно такое здесь происходило каждый день и по многу раз.

Локке был все такой же, но кабинет несколько изменился: яркий слепящий барьер, созданный сканирующим лазером, отсекал один угол. Локке жестом приказал своим людям выйти.

Бодрясь, Сиберт выпрямил плечи и оправил помятый пиджак. С любопытством, но безуспешно он пытался что-то разглядеть сквозь слепящую занавесь.

— Что там? — не выдержав, спросил он.

— Для тебя это уже все равно, — весело ответил Локке. Он внимательно оглядел Сиберта. — Возвращение блудного

сына. Обросшего, усталого, но очень-очень желанного. По-старел ты здорово. Может, зарезать для тебя тельца? Упитанного?

— Ага, всю жизнь мечтал.

Локке посуровел.

— Почему ты вернулся?

— Хочу получить деньги.

— И за что же?

— За ребенка Картрайта.

— Ну?! А как ты докажешь, что это именно его ребенок?

Сиберт расстегнул рубашку. Шрам на груди успел превратиться в розовую ямочку.

— Меня подстрелили твои люди. Две недели назад. Только не говори, что ты ничего не знаешь. Хватит этого?

— Что ты хочешь?

— Денег и гарантию, что меня не убьют. И переливание, когда оно мне понадобится.

— С деньгами проще, но как ты представляешь себе гарантии?

— Ты отдашь мне дело Картрайта. Целиком, — стараясь оставаться спокойным, произнес Сиберт. — Все до последнего листочка. А я спрячу там, где ты не сможешь найти. И однажды, в один прекрасный день, когда я не смогу подтвердить, что еще жив, эти документы попадут к газетчикам.

Слушая Сиберта, Локке кивал головой. Подумав немного, он сказал:

— И ты надеешься, что этого достаточно для твоей безопасности? Конечно, если бы у тебя действительно был ребенок Картрайта...

— Он у меня есть.

— Ты ошибаешься, — мягко возразил Локке. Он нажал кнопку на подлокотнике кресла. — Введите ее.

Привели ее трое. Барбара казалась спокойной. Локке кивнул, и конвоиры вышли. Когда дверь за ними закрылась, из отгороженного сиянием угла выкатилось самоходное кресло на колесиках. Настолько старого человека Сиберт еще не видел.

Совершенно лысый, вместо лица — масса серой плоти, вся в темных коричневатых пятнах. Выцветшие глаза угольками смотрели из этой бесформенной массы, из полуоткрытого рта тянулась капля слюны.

Монстр уставился на Барбару. Она отшатнулась, почти потеряв самообладание.

— Подождите немного, мистер Тейт, — проворковал Локке, словно разговаривал с маленьким ребенком. — Вы

получите свое после медицинского осмотра. Она совсем недавно отдала пинту крови. Нам следует беречь ее здоровье. Все-таки дети, знаете ли...

Глядя на Тейта, Барбара воочию представила свое будущее. Ее передернуло от отвращения и ужаса. Она резко повернулась к Сиберту. На побледневшем лице ее гневно горели глаза.

— Ты *этого* хотел?

— Ну что ты! Я... — в отчаянии начал он.

— Теперь мне все ясно. А я-то, дура, вообразила себя сказочной принцессой, о которой знаешь только ты, мой принц... А ты... Ты подло обманул меня. Господи... какая же я дура!

— Ну что ты, малышка, — вдруг охрипшим голосом пытался возразить Сиберт. — Все не так! У меня был план...

— Ты просто хотел продать меня. Только концовка оказалась не совсем такой, какую ты планировал. Как я тебе верила! Ты на сто процентов убедил меня своей жалостной историей. Но сам-то ты безжалостен. Да и что еще можно было ожидать от тебя? Ты же убил трех человек!

— Я не хотел этого!..

— Еще бы! Просто ты оказался не так умен. Дельце явно было не по твоим силенкам. И ты все потерял, а они выиграли! Господи!.. А я-то тебя любила, дура! Я хотела подарить тебе бессмертие. Вместе мы могли бы быть так счастливы. Но ты сам выбрал... Мне жаль тебя...

Сиберт почувствовал, как лицо у него свело судорогой. Он отвернулся — взгляд Барбары жег его. Трое мужчин повели ее к выходу. Напрасно он смотрел ей вслед — она ни разу не оглянулась.

— Отведите ее в ту самую комнату внизу. Глаз с нее не сводите. Она может решиться на самоубийство. Тот, кто поможет ей в этом, целый год будет молить о смерти.

Когда он повернулся к Сиберту, лицо его расцвело жизнерадостной улыбкой.

— Видишь, как глупо в одиночку бороться с целой организацией. Мог бы и сам сообразить. Я думал о тебе лучше, но ты и впрямь плохой актер. Мои люди сразу засекли тебя. А девчонку мы взяли, как только ты вышел из мотеля. Как видишь, не было никаких проблем. Единственная, но совсем плевая задачка: что прикажешь делать с тобой?

— Я обезопасил себя, — быстро сказал Сиберт.

— Ба, это ты про письмо, что нацарапал перед перестрелкой? Ты сбежал, но мы догадались вскрыть почтовый ящик.

Полумертвый монстр в кресле на колесиках пробуюлькал что-то неразборчиво. Локке кивнул.

— Вот и мистер Тейт просит за тебя, — дружелюбно улыбаясь, сообщил Локке. — Он тоже жаждет твоей смерти. И когда ты успел всем так насолить? Вот он только сомневается, как бы половчее отправить тебя к праотцам. Для суда ты натворил достаточно, но слишком много знаешь. Так что мы пока спрячем тебя, а потом что-нибудь да придумаем. А ты тем временем поплачешься над своим грехом. Да-да, любопытство — грех совершенно непростительный. Именно из-за него в свое время из рая изгнали Адама и Еву.

Камера была устроена на одном из подземных этажей института. Она была совершенно пустой, если не считать железной кровати и самого Сиберта. Сон не приходил. Сиберт сидел, думал, и мысли его были совсем не веселы. Нет, он не мог поступить по-другому. В конце концов он просто хотел провернуть сделку, которая обезопасила бы его от насильственной смерти и, возможно, дала бы ему еще и бессмертие. Но он, похоже, и впрямь переоценил себя. Локке прав: нельзя в одиночку бороться с организацией. И как бы он с Барбарой ни прятались, рано или поздно их все равно бы поймали, что для него означало смерть, а для девушки... Она уже не была просто человеком. Она являла собой ценнейший феномен и не могла принадлежать кому-то одному.

Пожалуй, Барбара любила его. Но его любили многие женщины. И любили лишь потому, что он хорошо понимал их, умело играл на их чувствах, искусно, с беспредельным терпением ухаживал за ними. Рано или поздно они...

Но где же он ошибся?

В стальной двери щелкнул замок. Сиберт вскочил, тело его напряглось. Дверь открылась.

— Лиз!

Не перешагивая порога, она смотрела на Сиберта, как на редкое и опасное животное. Он быстро подошел к ней.

— Лиз, девочка моя, — извиняющимся тоном начал он. — А я уже думал, что ты...

Она молча протянула ему руку, в которой оказался пистолет. Сиберт взял оружие и попытался благодарно пожать ее пальцы. Девушка вздрогнула, словно от отвращения, и отшатнулась.

— Лиз... — прошептал он. — Я не знаю, как тебя...

— Заткнись! — оборвала она. — Ты подлец и убийца. Ты использовал меня как последнюю дуру. Но я не хочу, чтобы они убили тебя. Теперь все зависит от тебя самого.

И, ради бога, исчезни! Если я еще раз увижу тебя, пристрелю не задумываясь.

Она повернулась, чтобы уйти.

— погоди, Лиз, — прошептал он. — Где та девушка?

Не задерживаясь, она ткнула пальцем вверх.

Сиберт осторожно последовал за ней. В полумраке коридора он добрался до лестничной площадки. Шаги Лиз к этому моменту стихли. Этажом выше коридор оказался совершенно пуст. Звонящая тишина настораживала.

На бетонном полу, скорчившись, лежал человек. Он тяжело, с хрипом дышал. Сиберт склонился над ним, но следов насилия не заметил.

Внезапный грохот разорвал тишину.

Сиберт побежал. Он едва не споткнулся еще об одного человека на полу. Останавливаться он не стал.

Свернув в боковой проход, он с ходу врезался в толпу охранников. Его мгновенно скрутили, обезоружили и повели к Локке.

Происходившее в кабинете можно было назвать бурей. На экране калейдоскопом мелькали комнаты, полные хаоса и ужасных воплей. Выкрикивая приказания, Локке метался между ним и столом. В кресле в углу скорчился престарелый Тейт, прикрыв ввалившиеся глаза пергаментными веками.

Локке раздраженно хлопнул рукой по подлокотнику кресла. Экран на стене потух.

В наступившей тишине он почти зарычал:

— Исчезла! Черт ее...

— Исчезла? — эхом повторил Сиберт.

— Куда ты ее дел?! — рявкнул Локке. — Как?!

— О чем ты? И при чем тут я?

— Как ты умудрился сбежать из своей камеры да еще вырубил при этом пятерых охранников? И куда ты подевал девчонку? А сам какого черта остался?

Сиберт покачал головой.

— Надо же: трудно найти курицу, несущую золотые яйца, но удержать ее, похоже, еще труднее.

— На допрос его! — заорал Локке.

Но тут ожило существо в углу, выкатилось в своем кресле на середину комнаты и что-то едва слышно пробубльало.

— Стоять! — закричал Локке. Охранники замерли. — Мистер Тейт прав. Ты до омерзения упрям, Сиберт, но ты наша единственная ниточка. Ладно, попробуем с тобой договориться. Может быть, даже заплатим. Но учти, шанса сбежать у тебя нет и не будет! За тобой будут наблюдать днем и ночью. Кто помогал тебе?

— Кто-то еще пропал? — невозмутимо спросил Сиберт.

— Сандерс! — зарычал Локке. — Но этого не может быть: он двадцать лет с нами проработал.

— Чего только не бывает, — небрежно пожал плечами Сиберт. Он нарочно умолчал про Лиз. Вдруг она еще пригодится, кто знает?

Что ж, Барбару он потерял, но зато его не убьют сразу. И пока не кончится терпение людей, которые медленно умирают, он может быть спокоен за себя. А там видно будет.

Барбару им поймать слабо. Она уже доказала свою ловкость, вытащив его, беспомощного, тяжелораненого, из-под носа у профессионалов Локке. А поймали ее лишь потому, что ее подставил человек, которому она доверяла и которого любила.

Надо думать, что теперь она научилась не доверять никому. Это прибавит ей ума и хитрости. И этот урок бессмертным придется усвоить как можно скорее.

Уделом же Сиберта оставалось надеяться и всегда быть готовым к побегу. А пока он будет играть в их игру. Выжидать. Следить. Рано или поздно придет его время. Должно прийти! И лучше бы до того, как они сообразят, что к побегу Барбары он не имеет никакого отношения.

Приятнее жизнь его после этого не станет. Ему придется скрываться от могущественных старцев, подгоняемых страхом смерти. А сам он просуетится всю жизнь в бесплодных попытках найти утраченную принцессу...

Но сейчас об этом не хотелось думать. Надо же, как странно все сошлось.

Однажды он рассказал Барбаре невероятную сказку, но она оказалась явью.

Этот бесцветный Сандерс! Двадцать лет он перебирал пыльные папки и ждал своей минуты, которая могла и не прийти. Двадцать лет! И ведь Картрайт исчез из поля зрения корпорации тоже двадцать лет назад... Случайное совпадение? Для случайного оно было слишком невероятным.

Глава 3

Целитель

Разбудила его боль.*Острое сверлящее ощущение заставило подтянуть колени к груди, желтое пергаментное лицо исказилось гримасой. Потом немного отпустило, но тут же

накатил совсем уж свирепый приступ. Он задергался, заскрежетал зубами, на висках выступил холодный пот. Затем боль медленно отхлынула, словно морской отлив, оставляющий после себя клочки измученных нервных окончаний.

— Коук! — закричал он.

Крик отразился от высокого потолка и стен, покрытых деревянными панелями.

— Коук! — так и не дождавшись ответа, уже истерично взвизгнул он. — Коук!

Послышались торопливые шаги, затихшие возле кровати.

— Да, босс? — угодливо спросил Коук. На его сморщенной обезьяньей физиономии воровато бегали маленькие глазки.

Боль снова скрючила его.

— Лекарство!..

С металлического столика Коук взял коричневый пузырек и вытряхнул на трясущуюся ладонь три таблетки. Одна скатилась на пол, Коук быстро поднял ее и протянул таблетку больному, тот поспешно бросил их в рот. Из серебряного кувшина Коук налил воду в стакан. Больной нетерпеливо выхватил его, выпил судорожными глотками и на несколько минут затих. Постепенно больной успокоился, лицо его разгладилось, и он сел, подтянув ноги к груди.

— Я умираю, Коук, — в голосе босса слышался ужас. — Вызови врача. Срочно!

— Невозможно... — пролепетал Коук. — Вы же сами знаете...

Лицо больного искривилось злобной гримасой, он ударил Коука в лицо. Тот отскочил, прикрывая рукой разбитые в кровь губы. Глазки его забегали еще быстрее.

— Подойди ко мне! — рыкнул больной. Но тут новый приступ свалил его. Уронив голову на подушку, он узловатым кулаком замолотил по постели. — Будь ты проклят! — простонал больной.

Коук тихо отошел и присел в углу, опасливо наблюдая за хозяином. Наконец боль, видимо, отпустила, и больной выпрямился, отбросив в сторону тяжелый плед. Он встал, с трудом подошел к окну, отодвинул занавески и заныл:

— Я умираю, умираю... Мне нужен врач.

Он ухватился за толстый бархатный шнур и нервно дернул. Занавеси с треском раздвинулись, пропустив в комнату солнечный свет, и пурпурная пижама так и вспыхнула в его лучах. Изможденное лицо стало желтовато-коричневым, глубокие морщины выступили резче.

— Как это подло! — продолжал больной. — Я умираю и не имею права обратиться к врачу, Эликсир! Только он может спасти меня! Коук! Эта чертова боль сведет меня с ума. Я устал бороться с ней.

Жуликоватые глазки Коука угодливо караулили каждое движение больного.

— Достань мне врача, — потребовал больной. — Где хочешь! Это твои проблемы. Но чтобы он был здесь.

Коук исчез.

Худой человек все смотрел из окна на руины города. Впрочем, отсюда они не бросались в глаза. Город казался совсем таким же, как и пятьдесят лет назад. Лишь очень внимательный взор мог заметить дырявые крыши, развалины фронтонов из фальшивого фаянса, обнаженную кирпичную кладку облупленных стен.

Проезд по Двенадцатой улице запретили много лет назад, но он и без того был невозможен из-за чудовищных куч мусора, баррикадами перекрывавших ее. Время разрушает не так быстро, как человек, но необратимо.

Среди развалин и всеобщего запустения выделялось прямое как стрела Юго-Западное шоссе, отражая солнечные лучи своим блестящим покрытием. На госпитальном холме, словно драгоценный камень, сиял стеклом и белыми стенами Медицинский центр.

Среди умирающего зловонного города он казался островом жизни и надежды.

Больной смотрел на сырые клубы смога, упорно ползущие на приступ Госпитального холма, но сияющая крепость была недоступна ядовитым испражнениям города, они бесильно растекались по склону холма, как бы накапливая силы для следующего прыжка.

— Будьте вы все прокляты! — шептал больной, глядя на белые здания. — Будьте вы прокляты...

Сквозь амбразуры одноместной машины «скорой помощи» Флауэрс тщательно вглядывался в крошечную темень ночи. Смог смешался с морозящим дождем и превратился в непроницаемую пелену, которая шевелилась, словно живое существо, и делала бессильными даже противотуманные фары.

Трасса с отличным покрытием, освещением и изредка встречающимися патрулями давно осталась позади. Флауэрс все более одолевало беспокойство. Не хватало еще заблудиться в этом проклятом месте!

На картах Трумэн-роуд значилась проезжей, но карты давно устарели, хотя другой такой широкой улицы в этом районе не могло быть. Он совершенно не представлял себе, куда его занесло. Темень не позволяла сориентироваться, к тому же путали какие-то нагромождения посреди дороги. Справа вроде бы стало еще темнее. Прикинув по карте, Флауэрс предположил, что это парк. То ли «Пэрэйд», то ли «Гроув».

Взрыв под передним колесом заставил машину подпрыгнуть, затем грузно осесть. Амортизаторы смягчили толчок, но автошофер потерял управление и машина резко развернулась влево. Шины завизжали, как роженица.

Флауэрс перехватил управление.

Сквозь пелену смога неожиданно замаячили мутно-красные огни.

Зло ругнувшись, Флауэрс рванул руль вправо, едва удержавшись на сиденье. Завертевшись, машина ткнулась носом в бордюр, выскочила на тротуар и пошла юзом. Опасно близко замаячили темные силуэты деревьев. Черт! И вправду парк. Отчаянно крутя рулем, он лавировал между деревьями и покосившимися столбами с вислой путаницей проводов. Наконец машина выскочила на дорогу. Проехав несколько кварталов, Флауэрс остановился.

Успокоился он не сразу. «Черт бы побрал этот город! — зло думал он. — А заодно и этот сволочной Отдел благоустройства. И того придурка, что погнал меня в такую ночь!»

Но не было толку искать виноватых.

Ночью любители приключений могли путешествовать только на свой страх и риск. Но таких любителей находилось столь мало, что тратить деньги налогоплательщиков на ремонт улиц не имело смысла, а днем объезжать навороченные глыбы бетона и зияющие ямы на дорогах было не так уж трудно.

«Наверно, это была не яма, а мина, — дошло до Флауэrsa. — А фонари, похоже, торчали на баррикаде, за которой поджидали грабители».

Он нажал на акселератор. Да, это совсем не похоже на центр, где можно отсидеть всю смену за бронированными стенами травмпункта в обеззараженной атмосфере.

Вдруг заработала автоматика. Флауэрс выехал на середину дороги, включил автошофера и отпустил руль.

Легкий ветерок на минуту развеял смог. Затерянный в пустынной улице огонек замерцал драгоценным камнем.

Не включая огней, он проехал мимо полуразрушенного кафе, за длинной стойкой которого стояли официант и оди-

нокий посетитель. Завернув за угол, Флауэрс оставил «ско-рую» в темном переулке.

Вскрыв пакет с фильтрами, он засунул их в ноздри. Достал из кобуры на дверце машины игольчатый пистолет, проверил его, положил в карман. Затем включил машину на самооборону и только тогда вышел.

С опаской он втянул ноздрями воздух. От невыносимого запаха даже замутило. Оставалось надеяться, что несколько минут пребывания на «свежем воздухе» не скажутся на продолжительности жизни.

Смог вился вокруг, пытаясь проникнуть сквозь фильтры. Бойд был прав, когда говорил, что мы все плаваем в море канцерогенов.

Существовало только два решения этой проблемы: не лезть в это море или фильтровать атмосферу. Но если кому-то повезло с первым способом, то самим «подводным жителям» мог помочь только второй способ.

Дождь прекратился, но Флауэрс еще плотнее закутался в плащ.

Опасно показывать здесь белый халат врача. Он мог приманить похитителей лекарств или какого-нибудь психа, за что-то обиженного на медицину.

Мимо широкого окна, закрытого кусками фанеры, он прошел быстро, наклонив обнаженную коротко остриженную голову. Пистолет в правом кармане успокаивал своей тяжестью.

Номера дома над дверью не было, замка тоже. Толкнув ее, Флауэрс оказался в ярко освещенном помещении.

Отвратительного вида толстяк со сплюснутым носом и шрамом через всю левую часть лица до самой шеи был мало похож на официанта. Грязно-белый, давно не стиранный халат до омерзения напоминал форму врача. Толстяк небрежно дымил сигарой, едва различимой меж коротких толстых пальцев. Холодок инстинктивного ужаса тут же сменился отвращением. Мало этим придуркам-горожанам смога, так они еще сами добавляют себе канцерогенов.

Мельком взглянув на худого посетителя с лицом хорька, Флауэрс с привычным автоматизмом поставил ему диагноз: тиреоидит, гипертония. Протянет еще от силы лет пять. «Хорек» вылавливал из тарелки какие-то куски и жадно запикивал их в рот. Он с любопытством покосился на вошедшего.

— Что вам угодно, сэр? — неестественно вежливо для такой хари спросил официант. — Взгляните на меню здоровой пищи. Есть свежий тоник, только что из лаборатории. Куча витаминов, микроэлементов и фирменная добавочка.

на медицинском спирте. Только у нас! Если интересуетесь, можете посмотреть документы из лаборатории. Там все честь честью.

— Спасибо, но... — начал было Флауэрс.

— А как насчет обогащенного фруктового сока? — настаивал официант. — А овощи? Растворенные? Один стакан — и вы на целую неделю обеспечены витаминами, а...

— Послушайте, я...

— А лично для вас, — заговорщицки понизил голос толстяк, — у меня под прилавком есть кое-что покрепче. Чистое виски! Никаких примесей!

— Да нет. Мне нужен только адрес, — с трудом перебил его Флауэрс.

Разочарованно посмотрев на него, толстяк небрежно ткнул пальцем на дверь.

— Там, — сказал он, отворачиваясь.

— Спасибо, — холодно поблагодарил Флауэрс и пошел к двери. От предчувствия опасности заломило затылок, но в тоскливую ночь за дверью совсем не хотелось нырять.

— Эй, — тихо окликнул кто-то сзади.

Этот «кто-то» оказался посетитель с мордой грызуна, которой он не переставал озабоченно вертеть во все стороны.

— Тебе куда? Может, я смогу помочь?

Флауэрс в нерешительности заколебался.

— Мне нужен десятый дом. Три тысячи четвертый квартал. Как туда пройти?

— Два квартала на восток, потом налево и прямо на север, — просипел человек.

Поблагодарив его, Флауэрс содрогнулся, заметив, что у того нет фильтров в носу.

— Эй... — опять окликнул человек. — Пенициллин нужен?

Флауэрс ошарашенно застыл, правая рука его непроизвольно сжала в кармане рукоятку пистолета. Левой он быстро коснулся пряжки ремня, нажал на кнопку тревоги и кнопку включения двигателя «скорой». Где-то за стеной приглушенно заурчали моторы автомобиля.

— Вы что-то сказали? — переспросил он.

— Отличного качества, — торопливо продолжил спекулянт. — Прямо из лаборатории, и цена божеская.

— Сколько?

— Сто тысяч за доллар. Во! — в грязной руке его под светом лампы тускло засветилась ампула с металлической пробкой. — Триста тысяч единиц, совсем пустяковая цена за вечное здоровье.

С любопытством Флауэрс смотрел на ампулу. С виду она

вмещала гораздо меньше. И цена была значительно ниже цены оптовой закупки.

Жулик покатал ампулу в грязной ладони.

— Всего три доллара и шприц в придачу. Только дурак откажется. Ну, дорогой, решайся! — он сделал вид, будто убирает ампулу в карман. — Думай скорее, тебе ведь жить. Смотри, в госпитале сдохнешь.

Отступив в темноту, Флауэрс прислушался к ровному гулу моторов «скорой», едва ли не единственному звуку в ночной тишине.

— Есть места и похуже госпиталя, — ответил он.

— А за два пятьдесят? — не отставал человек с лицом хоряка. — Да шприц, это же себе в убыток! Ну?

Цена быстро упала до двух долларов. Как-то незаметно жулик подошел почти вплотную. «Опасно» — подумал Флауэрс и попытался отодвинуться, но настырный торгаш в запале схватил его за лацканы и притянул к себе. От рывка плащ распахнулся.

Мысленно Флауэрс проклял халтурщика, плохо намагнитившего пуговицы. Торгаш испуганно отпрянул от белого халата и стал озираться с безумными глазами, словно в поисках помощи.

Флауэрс выхватил пистолет.

— Довольно, — твердо сказал он.

— Да погоди ты... мы можем договориться. Давай я тебе просто отдам пенициллин, а ты забудешь обо всем, идет?

— Сколько его у вас?

Жулик помялся, но врать не посмел.

— Десять миллионов единиц. Все, все забирай.

Десять миллионов — сто долларов. Обычная партия для спекулянтов мелкого пошиба.

— Где вы его взяли?

Торгаш пожал плечами.

— Ну, вы же знаете, как это... мне его передали, а больше мне и знать не положено. Может, украли или вынесли с завода, может, еще как...

— Кто такой Боун?

Несчастный испуганно вздрогнул и опасливо заглядывался.

— Вы это о чем? Бросьте... Лучше отпустите меня по хорошему. Ты же все равно не станешь стрелять.

— Стану, — спокойно сообщил Флауэрс.

Ослепительный сноп света уничтожил темноту. Флауэрс слепо замигал. Над головой его раздался рев вертолетных двигателей, перекрывая его, заорал полицейский мегафон:

— Стоять! Вы арестованы!

Жулик метнулся в темноту. Тщательно прицелившись, Флауэрс нажал курок. Игла воткнулась чуть ниже затылка. Жулик сделал еще шаг, но тут же рухнул носом в землю.

Полицейский сержант, выслушав медика, раздраженно спросил:

— А стрелял-то на кой? Что он тебе такого сделал!

Флауэрс начал было перечислять:

— Торговал лекарствами, пытался всучить взятку, — дулом пистолета загибал он пальцы. — Жулик, — он показал на ампулу, лежащую на развороченном тротуаре, — анализ наверняка подтвердит это.

С явной неохотой сержант нагнулся за ампулой.

— С чего вы взяли? Это еще не факт, — кисло возразил он. — Нам что, по-вашему, нечего делать, как только гонять по ложным вызовам?

— Что вам еще надо? — негодуяще вскричал Флауэрс. — Десять миллионов единиц пенициллина! Да вы только послушайте... — Он легонько стукнул по пряжке ремня, включая магнитофон.

Чей-то голос произнес:

— Противопоказания: чувствительность к илоцитину, а...

Флауэрс поспешно нажал кнопку, перемотал пленку, снова нажал.

«Пенициллин нужен? — послышался сиплый голос торговца. — Отличного качества. Прямо из лаборатории, и цена подходящая».

Наконец пленка закончилась. Флауэрс стер концовку лекции доктора Карри о медикаментах и записал свои показания, добавив в конце:

— Я, Бенджамин Флауэрс, медик седьмого года, клянусь Эскулапом и Гиппократом, что...

Юридическую силу свидетельству придало подтверждение полицейского, надиктованное им, впрочем, с большой неохотой. Пленка исчезла в мясистой ладони сержанта.

— Я думаю, этого будет достаточно, — сказал Флауэрс, — а вот и наш подопечный очнулся.

Сонно мотая головой, торговец встал на четвереньки. Флауэрс слегка подтолкнул его ногой.

— Учтите, я непременно прослежу за этим делом, — предупредил он сержанта. — Этот тип должен получить заслуженное наказание, так что не позволяйте ему бежать и не теряйте улики. Номер вашего значка я записал.

— Зачем вы так? — голос сержанта звучал почти злобно. — К чему такая жестокость? Сейчас такое трудное вре-

мя, а ему ведь тоже надо на что-то жить. Может, он пытается погасить долг по медицинскому контракту. Не он же придумал такую кабалу. А я тоже выполняю свой долг как могу, но, посудите сами, если бы мы арестовывали всех торговцев лекарствами подряд, то наша городская тюрьма треснула бы по швам. А кормить их чем? А если они захотят сбежать, как мы им помешаем?

— Это ваши проблемы, сержант. Именно такие крысы и хватают за горло честных врачей, а если антибиотики продавать бесконтрольно, то продолжительность жизни в итоге может упасть до семидесяти лет и даже ниже. И без того уже нечувствительных к ним штаммов развелось более чем достаточно.

Флауэрс покосился на торговца. Тот продолжал сидеть на тротуаре, очумело мотая головой.

— Кажется, я живой, — удивился он.

— Я спасаю жизни, а не отнимаю их, — хрипло произнес Флауэрс.

Не вставая, жулик резко повернулся к нему.

— Козел! Ты еще попомнишь меня. Сам Джон Боун займется тобой! Мясник! Коновал!

— Эй ты, захлопнись, — вмешался сержант, поднимая жулика на ноги. — Кончай хамить!

Несмотря на внешнюю грубость, он обращался с задержанным удивительно бережно. Флауэрс презрительно усмехнулся.

Сквозь шум двигателей вертолета доносились вопли торговца:

— Это вы, мясники, во всем виноваты! Все из-за таких козлов, как ты!

Нужный дом стоял возле пустыря, заваленного ржавыми трубами и кучами всяческого мусора. Двор его, когда-то мощный, был весь в колдобинах и порос травой, местами она вымахала в человеческий рост. Здание казалось давно заброшенным.

Выключив фары, Флауэрс немного посидел в темноте, осторожно изучая окрестности. Двухэтажный с мезонином дом с темными провалами окон доверия не внушал. Вдоль его фасада шла ветхая перекошенная веранда.

Флауэрс подумал было, что ошибся, но тут заметил слабый отблеск в окне второго этажа.

По гнилым деревянным ступенькам он осторожно добрался до старой обшарпанной двери. Путь ему освещал фонарь медицинской сумки. Постучал. Никакого ответа.

Флауэрс повернул старинную бронзовую ручку. Дверь приоткрылась. Приготовив пистолет, он шагнул внутрь. Там ждала еще одна лестница, старая и скрипучая.

Флауэрс неспешно пошел по ней. Свет фонаря отражался от перил, отполированных ладонями многих поколений. Древний коридор навевал жуть, но Флауэрс размышлял о том, как однажды он купит в пригороде домик и там будет такая же лестница с полированными перилами, старинная, вызывающая приятные воспоминания о прошлом.

Лестница кончилась, и он оказался в темном коридоре. Фонарь осветил несколько дверей. Флауэрс попытался открыть ближайшую. Она была заперта. Он постоял, прислушиваясь. Дом скрипел, шуршал, даже стонал, будто старый и больной человек. Казалось, он превратился за многие столетия в живое существо.

Внезапно одна из дверей открылась.

В свете фонаря явилась девушка. Она спокойно, не мигая, смотрела на Флауэрс. Он тоже внимательно осмотрел ее. Рост около пяти футов и пяти дюймов. Заплетенные в косу темные волосы уложены венцом. Нежное лицо с молочно-белой кожей, желтое в цветочек платье, подпоясанное на тонкой талии, совсем не подчеркивало фигуру и совершенно не походило на модные облегающие модели. Но в хрупкой фигурке под тканью простенького платья скрывалось нечто настолько привлекательное и даже соблазнительное, что сердце Флауэрса забилось учащенно. И тут он понял, что девушка совершенно слепа.

— Вы медик? — спросила девушка мягким контральто.

— Да.

— Проходите, но осторожнее, пожалуйста, не разбудите жильцов. От них могут быть неприятности.

Девушка с лязгом задвинула тяжелый засов. Флауэрс остановился на пороге, с любопытством разглядывая большую комнату. Похоже, раньше она была спальней большой квартиры, но ее перегородили, превратив в однокомнатную квартиру.

На ящике стояла чадающая керосиновая лампа. Рядом стояли два стула и газовый камин.

На деревянной кровати лежал мужчина лет шестидесяти. Он тяжело дышал, глаза его были закрыты.

— Филлип Шумейкер? — спросил Флауэрс.

— Да, — кивнула девушка.

— Вы его дочь?

— Соседка.

— Как вы здесь оказались?

— Он же болен, — просто ответила она.

Флауэрс пристально глянул в ее спокойное, даже, пожалуй, безмятежное лицо. С трудом отведя взгляд, он сел на стул возле кровати, открыл сумку, вынул приборы и проводки. Один контакт он прикрепил на грудь старика, другой — к запястью, третий — на ладонь. Вокруг бицепса он обернул манжету тонометра и, пока она надувалась, вложил в рот больного загубник. К голове он приладил что-то похожее на ермолку.

Через несколько минут Шумейкер стал похож на муху в паутине, передающую слабые импульсы пауку в сумке. Но «паук» этот был связан невидимыми нитями с аппаратурой «скорой», стоящей на улице, и не высасывал из «мухи» жизнь, а вливал ее.

Подготовка заняла одну минуту и двадцать три секунды, но в следующий момент Флауэрс заметил на сгибе руки пациента кусочек пластыря. Он нахмурился и сорвал его. Под ним оказались маленькая припухлость вокруг разреза на вене и черное пятнышко засохшей крови.

— Кто это сделал?

— Я, — спокойно ответила девушка.

Под кроватью стоял большой кувшин. Пинту жидкости в нем Флауэрс определил как кровь, сворачивающуюся, но еще теплую.

— Кто вам позволил сделать кровопускание?

— Без этого он бы умер, — сдержанно ответила девушка.

— Вы что, хотели убить его?! — Флауэрс повысил голос. — Сейчас не средневековье, да и тогда самозванных лекарей сжигали на костре!

— Вы же медик, — мягко сказала девушка, — вас же учили этому. Вы должны знать, что при кровоизлиянии в мозг иногда может спасти только немедленное кровопускание. Это снижает давление, кровь в артерии может свернуться и остановить кровотечение.

Флауэрс заглянул в сумку. На табло высветились строчки диагноза. И вправду кровоизлияние, но кровотечение уже остановилось, опасность миновала.

Из кармашка сумки он вынул пакет с компрессом, выдернул шнурок из упаковки, отчего она развалилась надвое, и проследил, как она растворяется в воздухе. Потом аккуратно развернул компресс и плотно прижал его к ранке. Тот намертво прилип к коже.

— Мне придется доложить о вас, — сухо сказал Флауэрс. — Закон запрещает медицинскую практику без лицензии.

— Но он же умирал!
— А врачи, по-вашему, для чего?
— Он вызвал врача, но вы добирались часа полтора. И если бы я сидела сложа руки, он бы давно умер!
— Это не шутка — найти вас ночью в таком месте!
— Я понимаю и не упрекаю вас, — она пошарила рукой, нащупала стул и грациозно опустилась на него. — Вы спросили меня, и я ответила. И мне кажется, вы поняли.

Логика девушки представлялась безупречной, но ничто не может оправдывать нарушение закона. Медицина была монополией специалистов, подчиненных освященному веками этическому кодексу. Медицина давно превратилась в своего рода религию для избранных, и профанам касаться ее не дозволено.

— А если бы вы ошиблись? — спросил он. — Неужели вы не понимаете, что вам просто повезло?

— Может быть, но ведь он жив.

— Да, но скорее всего ненадолго.

С удивительной для слепой уверенностью и точностью движений она поднялась, подошла к больному и положила ему руку на лоб.

— Нет, — твердо сказала она, — он выживет. Он очень хороший человек, и умереть просто так мы ему не позволим.

Она стояла, почти прикасаясь к нему. Близость ее странно взволновала Флауэрс, он ощутил аромат молодого тела. Дыхание его участилось, сердце вострепелось и учащенно запрыгало, на мгновение у него помутилось в голове, в висках застучала кровь.

«А почему бы и нет?.. Нет... Нельзя. Честь медика, да и не маньяк же я в самом деле! А она кажется такой беззащитной...» Флауэрс овладел собой практически сразу. Он даже не шевельнулся, но она отпрянула, словно почувствовала полыхнувшую в нем страсть.

— Надо отвезти его в госпиталь, — вдруг охрипшим голосом сказал Флауэрс. — В такой грязи вы могли занести инфекцию.

— Я вымыла руки кипяченой водой, а потом спиртом, — возразила она. — Прокалила нож в пламени лампы и пластырь тоже подержала над пламенем.

На пальцах у нее он заметил волдыри.

— Я еще раз говорю: вам просто повезло, — холодно сказал он. — Но в следующий раз кто-нибудь обязательно померет.

Когда она повернула лицо на его голос, движение это показалось ему необычайно привлекательным.

— Послушать вас, так я должна была хладнокровно ждать его смерти!

Флауэрс не ответил, он снял контакты с тела больного и вместе с аппаратурой уложил в сумку.

— Вы поддержите сумку, чтобы осветить мне дорогу, пока я отведу его к машине?

— Ему нельзя в больницу. У него не оплачен контракт.

— Что? Так он неплательщик?! — от гнева голос его сорвался на крик.

— А если бы вы умирали в одиночестве? Неужели бы вы думали прежде всего о юридических крючках? Это сейчас он живет в этой дыре, а когда-то у него было все. Контракт разорил его, отобрал у него дом, состояние, все, чем он жил. И вот он заболел, и что преступного в том, что он в отчаянии обратился к старой вере, как католик на смертном одре вызывает к священнику?

От такого сравнения Флауэрс поежился.

— Все это очень мило и трогательно, но за то время, пока я незаконно его обслуживал, мог умереть кто-то другой, а он отобрал у него последнюю надежду. Те, кто платит, не должны страдать по вине неплательщиков. Для того и существуют законы, причем достаточно суровые. Если он не способен платить, то по закону я обязан сдать его...

С неожиданной для ее комплекции силой девушка оттащила Флауэрса и встала между ним и кроватью.

— Вы же знаете, что они убьют его. В ваших банках и без него достаточно крови и органов. Я не отдам его!

— Вы ошибаетесь, их всегда не хватает, — возразил он. — Да и исследовательскую работу нужно же на чем-то производить... — Пытаясь отодвинуть ее, он положил руку ей на плечо. Под тонким платьем он ощутил мягкое тепло ее тела. — Вы, конечно, из антививисекторов?

— Неважно. Просто я прошу вас за человека, который мне очень дорог. Отчего вы так жестоки?

Это остановило Флауэрса. Он понял, что больше не будет бороться за тело этого неплательщика. Он убрал руку с плеча девушки.

— Черт с вами... — пробормотал он, не поднимая глаз, взял свою черную сумку, щелкнул замком и молча направился к двери.

— Постойте! — воскликнула девушка.

Он остановился, повернулся к ней и ждал, пока она слепо шла к нему. Но вот ее рука коснулась его плаща.

— Простите. Я бы хотела отблагодарить вас, — ласково

сказала она. — Я ошибалась, когда думала, что все медики безжалостны.

Его обдало холодом. С трудом подавил он вспышку гнева.

— Не обольщайтесь. Мой долг доложить о вас, и я это сделаю.

Рука девушки упала — она явно сожалела о своей ошибке или о человеческой природе.

— Что ж, выполняйте свой долг...

Она прошла мимо Флауэrsa — у него опять забилося в груди, — открыла дверь и повернулась к нему, прислонившись спиной к двери. В слепых глазах ее читались грусть и мольба.

— Почему вы стараетесь казаться более суровым, чем есть на самом деле?

Флауэрс остановился. Нет, он вовсе не был суров. Он даже обиделся, что кто-то может считать медиков жестокими. Наверно, думают, что человеческая драма и боль не трогают тех, кто каждый день сталкивается со страданиями и смертью.

Неуверенно девушка сказала:

— Внизу живет старик. Ему плохо. Может, вы осмотрите и его?

— Исключено! Я и так уже нарушил закон, — резко ответил он.

Она вздрогнула, как от удара.

— Простите...

Провожая Флауэrsa, она взяла его за руку. Ладонь ее была мягкой и теплой.

На лестничной площадке послышался скрип открываемой двери.

Флауэрс вырвал руку, сунул ее в карман и схватился за рукоять пистолета.

— Это ты, Лия? — послышался слабый девичий голос. — Я ждала тебя. Позволь мне немного подержать твою руку. Этой ночью я боялась умереть.

— Успокойся, милая, все хорошо, — протянув руку, сказала Лия. — Не думай о плохом. Ты поправишься.

В темном провале двери смутно обозначилось бледное лицо.

Флауэрс включил фонарь. Прикрыв глаза рукой, девушка отпрянула. Тело ее под залатанным ночным халатом казалось кучей костей, обтянутых кожей. Восковое лицо с лихорадочными пятнами на щеках многое успело рассказать Флауэрсу к тому моменту, когда он погасил фонарь.

Туберкулез!

Он даже не предполагал, что такое возможно сейчас.

— Наверху лежит Фил. Посиди пока с ним, — сказала ей Лия. — У него был удар, но сейчас ему лучше. Иди, он ждет тебя.

— Хорошо, Лия, — ответила девушка. Голос ее удивительно окреп, в нем появилась уверенность. Видимо, забота о других и вправду заставляет забывать о собственных болезнях.

— У нее же туберкулез! — в голосе Флауэрс слышалось искреннее изумление. — Почему она не лечится? Он же давно не проблема. Почему все эти люди сами себя убивают?

Лия снова взяла его за руку.

— Вы и сами могли бы догадаться. Так не приходится платить.

— Выходит, умереть дешевле, да? — спросил пораженный Флауэрс. — Дурацкая экономия!

— Единственная, которую они могут себе позволить. Вы сделали лечение слишком дорогим, а здоровье — недоступной роскошью для многих. В руках этой девушки никогда не было разом более пятидесяти долларов. Ей и ста лет не хватило бы, чтобы накопить сумму, достаточную для лечения, а ей еще нужно на что-то кормить детей. И это не говоря о том, что для лечения необходимо несколько месяцев, а она даже на день не может уйти с работы.

— А для чего же тогда существуют клинические контракты? — раздраженно спросил Флауэрс.

— Вам лучше знать, что они не охватывают лечение, необходимое ей, — грустно ответила Лия. — Спокойной ночи, медик, — попрощалась она и исчезла за дверью.

«Как же лечить, если у людей нет денег? И кого, нищих или процветающих? Тех, кто растрчивает, или тех, кто всю жизнь платит налоги на процветание медицины? И какой смысл в ее прогрессе, если все больше людей не способны платить за лечение?»

Неожиданный треск прервал его раздумье. Фанерная перегородка вдруг раздвинулась, и перед ним открылась комната, в которой стоял шезлонг — «модерн» двадцатого века. В нем неподвижно сидел человек. Флауэрс еще не приходилось видеть такого старого человека. Удивительно, если учесть, что гериатрия — ведущая специальность Медицинского центра. Дряблое лицо обрамляли белоснежные волосы.

Возле шезлонга на коленях стояла Лия. Она держала костистую руку старика в своих нежных ладонях и прижимала ее к щеке. Глаза ее были закрыты.

Так и не перешагнув порога, Флауэрс замер. Лицо старика показалось ему знакомым.

Старик поднял веки, словно ожила мумия. В глазах, когда-то голубых, но за годы потускневших, еще сверкала жизнь. Старик улыбнулся.

— Заходи, медик, — тихо сказал он.

Лия подняла голову, повернулась к Флауэрсу, слепые глаза ее открылись. Она тоже улыбнулась ему, и улыбка ее была подобна солнечному лучу.

— Вы вернулись. Вы поможете, да? — спросила Лия.

Флауэрс покачал головой, но тут же вспомнил, что она не видит.

— Я ничем не могу вам помочь.

— Да, мне никто не сможет помочь, — прошептал старик. — Что со мной, медик, ты знаешь и без своих аппаратов. Нет способа починить все тело сразу. Даже если ты сможешь заменить мне сердце на взятое у несчастного неплательщика, останутся пораженные атеросклерозом артерии. Допустим, ты заменишь и их, умудрившись при этом не убить меня, но останется еще больная печень, легкие, истрепанные до дыр, закупоренные железы и наверняка куча карцином*. Допустим, ты дашь мне новое тело, молодое и здоровое, но фокус-то в том, что там, глубоко внутри, куда ты не сможешь добраться со своими железяками, я настолько стар, что чинить меня просто поздно...

Лия повернула лицо к Флауэрсу, слезы, текшие из ее слепых глаз, потрясли его.

— Почему вы не хотите помочь ему? — голос ее дрожал.

— Не надо, Лия, — в голосе старика звучала укоризна.

— Я запишу вас в картотеку «скорой помощи», — сказал Флауэрс, стараясь выглядеть хладнокровным. — Но это все, что я могу сделать.

Лия порывисто прижалась щекой к руке старика.

— Расс, я не вынесу этого. Я не могу потерять тебя.

— Я давно пережил свое поколение и не стою твоих слез, — с улыбкой сказал Расс. Он обратился к Флауэрсу: — Мне сто двадцать пять лет. Это ужасно много.

Он осторожно освободил руку и сложил обе на коленях. Высушенные возрастом, они лежали как чужие, словно никогда и не принадлежали старику.

Сердито нахмурившись, Лия встала.

— Не может быть, чтобы вы ничего не могли сделать.

* СобираТЕЛЬНЫЙ термин различных раковых опухолей.

У вас огромные знания, есть приборы, оплаченные нашими деньгами.

— Разве что эликсир, — нечаянно вырвалось у него.

Словно что-то вспомнив, Расс улыбнулся.

— Эликсир... Да-да, волшебный эликсир. Я уже почти забыл о нем.

— Это поможет? — с надеждой спросила Лия.

— Нет, — твердо ответил Флауэрс.

Ни к чему будить пустые надежды. Эликсир до сих пор оставался всего лишь лабораторным феноменом. Синтез его обходился очень дорого, и это делало его совершенно недоступным для простых смертных. Будучи редким протеином крови — гамма-глобулином, он был найден в крови всего нескольких людей во всем мире и являлся своего рода лекарством от смерти, как будто смерть была одной из множества обычных болезней. Но главная причина была в том, что медицина из ремесла превратилась в разновидность магии, окруженную соответствующими тайнами и ритуалами. Считалось, что при широком распространении и применении какого-либо вида лечения он быстро теряет свою эффективность.

— Из-за сложности синтеза эликсир невероятно дорог, — сказал Флауэрс. — Кстати, почему бы вам не заменить ей роговицы глаз? — обратился он к Рассу.

— Я не хочу пользоваться чужими глазами, — тихо ответила Лия.

— Одного желания здесь мало, — горько усмехнувшись, сказал старик. — Я бы с радостью отдал ей свои глаза. Но, юноша, все сводится к деньгам. В этом-то все и дело.

— Чепуха! — Флауэрс резко повернулся к выходу.

— Постой, юноша, — прошептал Расс. — Подожди-ка.

Он протянул навстречу Флауэрсу свою старческую руку, тот свою. Глаза их встретились, и словно ток пробежал по нервам медика в мозг и вернулся в кончики пальцев.

Рука Рассела обессиленно упала, он устало откинул голову на спинку шезлонга, глаза его закрылись.

— Он хороший человек, Лия. Искренний, хотя и напуганный. Нам повезло.

— Нет, — твердо ответила Лия. — Ему нельзя больше приходить сюда. Так будет лучше и для него, и для нас.

— По этому поводу можете не беспокоиться, — сказал Флауэрс.

Расс улыбнулся Флауэрсу.

— Когда-то, очень давно, я пришел к выводу, что в мире слишком много врачей, но целителей среди них ничтожно мало. Подумай над этим, юноша.

Лия грациозно поднялась с пола, подошла к Флауэрсу.

— Я провожу вас до выхода.

Флауэрс замер. Он впервые чувствовал себя так неуверенно.

— Простите меня, но если бы я только мог чем-нибудь помочь вашему дедушке...

— Он мне отец. Ему исполнилось сто лет, когда родилась я, но тогда он был совсем не старым. Он казался среднего возраста, но за последние несколько месяцев почему-то сильно сдал. Может, он просто устал жить?

— Может быть... Но как вы живете? Он болен, а вы...

— А я слепая, да? Но люди добры.

— С чего бы?

— Из благодарности, наверное. Я тоже помогаю им. Разыскиваю старые рецепты, собираю травы, готовлю лекарства, отвары. Помогаю лечить, сижу с больными, помогаю чем могу. Приходится быть и акушеркой и хоронить тех, кому не смогла помочь. Вам придется доложить об этом, да?

Флауэрс промолчал. Одна мысль неотвязно мучила его.

— Ваш отец... Где же я видел его? Как его фамилия? Кто он?

— В городе его называют просто целителем. А фамилию его уже лет пятьдесят никто не знает. Он потерял ее.

Флауэрс неохотно пожал протянутую руку девушки. Рука казалась теплой и доброй, прикосновения ее, наверное, очень приятны больным, да и не только больным... но на этом все кончалось, пора было уходить.

— Прощайте, медик, — просто сказала девушка. — Вы хороший человек. Вы человечны, а это такая редкость. Но вам нельзя больше приходить сюда, и вы это знаете. Прощайте.

Флауэрс с трудом подавил вздох.

— Да... Прощайте, — голос его дрогнул, в нем послышалась почти детская обида. — Я же говорил, что больше не приду.

Она неподвижно стояла в дверях, молча, словно ожидая чего-то. Он неуклюже повернулся, перекинул ремень сумки через плечо и стал осторожно спускаться по гнилым ступенькам. Сумка привычно била его по бедру в такт шагам. Это была хорошая сумка, совершенно необходимая в его работе, кроме того, она придавала ему солидности. Правда, она была еще не совсем его: ему еще предстояло расплатиться за нее с Медицинским центром, и тогда к надписи на ее черном боку «Бендж Флауэрс» прибавятся слова «доктор медицины». Всего несколько месяцев, и он выкупит ее, сдаст экза-

мены, чем автоматически заработает лицензию на право практиковать. И вместо медика его будут называть врачом. Но что-то случилось. Отчего-то еще недавно столь заманчивая перспектива перестала его волновать.

Прямо перед «скорой» лежал человек. Около скрюченной руки валялся стальной ломик. С трудом Флауэрс перевернул мужчину на спину. Похоже, он слишком близко подошел к машине и автомат защиты оглушил его суперсониками. Глаза были закрыты, но дышал он ровно.

Инструкция рекомендовала вызвать в таких случаях полицию, но к этому времени Флауэрс слишком устал, да и связываться еще раз с занудливыми блюстителями порядка ему совсем не хотелось.

Он отволоч тело подальше и открыл дверцу «скорой». Боковым зрением он почувствовал движение позади себя. Где-то далеко он еще услышал голос Лии:

— Медик!.. — голос казался испуганным.

Он начал было поворачиваться на голос, но опоздал. Тьма поглотила его...

Темнота не рассеялась даже тогда, когда он открыл глаза. Или ему только показалось, что он их открыл? Теперь он понял, что значит ослепнуть. Лию наверняка окружает то же самое.

Сморщившись от боли, он ощупал голову. На затылке набухла шишка величиной с яйцо, волосы слиплись от крови. «Кажется, обошлось без сотрясения мозга», — решил Флауэрс. Рана казалась неглубокой.

Поразмыслив, он решил, что вовсе не ослеп, а просто вокруг темно.

Он смутно, словно дурной сон, вспоминал быструю езду по городским улицам, со скрежетом открывающуюся тяжелую дверь и что-то похожее на сырую гулкую пещеру, куда его, кажется, несли на носилках, опускаясь и поднимаясь по каким-то бесконечным и кривым лестницам, через темные залы, где раскатывалось эхо шагов... а потом положили...

Кто-то сказал:

— Ага, смотри, очухивается! Еще раз треснуть?

— Оставь. Пусть валяется. Он нам еще понадобится. Закрой дверь.

Ба-бах! Темнота снова ослепила его.

Холод бетонного пола начал проникать в его тело. Флауэрс встал. Ноги подгибались, все тело болело. Он вытянул перед собой руку с растопыренными пальцами и шагнул вперед, затем еще раз. Другой рукой он прикрыл лицо.

Наконец пальцы коснулись стены. Бетон.

Он осторожно двинулся вдоль стены. Вот угол. Прошел дальше. Дверь. Металлическая. Ручка. Флауэрс попытался ее повернуть. Без толку. Пошел дальше по стене. Через некоторое время он получил представление о помещении, в котором его заперли: около пятнадцати футов в длину, пять в ширину, с одной дверью и без окон.

Кто-то оглушил его, затащил в этот бетонный ящик и запер.

Наверняка это тот тип, которого он вытащил из-под колес «скорой». Больше некому. Когда Флауэрс близко подошел к машине, датчики защиты узнали его и отключили оборону, а этот тип, воспользовавшись этим, незаметно подкрался и оглушил его. Скорее всего ломиком. Рана вполне подходила под него.

Но если это обычный грабитель, то зачем, кроме лекарств и аппаратуры, он прихватил еще и медика?

Флауэрс проверил карманы и убедился, что в них пусто. Пистолет тоже исчез.

Определив, что дверь открывается внутрь, Флауэрс решил спрятаться за ней, а когда кто-нибудь войдет... Фактор внезапности и то, что он довольно крупный мужчина, с крепкими кулаками, — все это говорило в его пользу.

В ожидании он вспомнил сон, который часто снился ему. Будто он снова маленький и отец по своему обыкновению разговаривает с ним как со взрослым. Это всегда льстило маленькому Флауэрсу, но и смущало его.

— Бен! — говорил отец. — Не спорю, есть вещи поинтереснее медицины, наверное, но есть ли хоть одна надежнее ее? — Он клал тяжелую руку на худенькое плечо мальчика. Бену всегда хотелось стряхнуть ее, но он не смел. — В этом мире священна только жизнь, но ты поймешь это, только став медиком, когда изо дня в день будешь драться со смертью, иногда успешно, а чаще нет. Но все равно отвоевывая у нее дюйм за дюймом, ибо только перед жизнью склоняемся мы. И не важно, какая она: жалкая, искалеченная, никому, казалось бы, не нужная или, напротив, процветающая, — она в любом случае останется для нас священна. Вот так-то, Бен.

— Я тебе верю, папа, — дрожащим голосом отвечал маленький Флауэрс. — Я буду врачом.

Темнота наваливалась, усыпляла. Флауэрс отчаянно боролся с дремотой. Но отчего в голову лезут мысли об отце Лии?

«Слишком много врачей, но целителей среди них ничтожно мало», — именно так сказал старик.

Чушь какая-то. Много есть таких вот фраз, которые из-за своей непонятности кажутся значительными. Флауэрс вспоминал споры с другими медиками. Он настолько явственно представил себе всю обстановку студенческого бытия, что ему показалось, будто сквозь стены его бетонной тюрьмы проникли характерные запахи госпиталя: эфир и спирт. Святой запах — запах жизни. Дураки, что критикуют медицину, просто ничего не понимают.

Однажды он стоял у пуленепробиваемого окна общежития и смотрел, как сносят старые кварталы домов, чтобы на их месте возвести новые здания медицинского центра. Его завораживал взаимосвязанный процесс сноса и строительства — то же самое происходит в самой природе, где умирание соседствует с воспроизводством. Любопытно, сколько кварталов к этому времени отобрали у города здания центра? Сорок? Сорок пять? Забыл... Подумал он об этом, видимо, вслух, потому что Чарли ответил:

— Шестидесят с лишним.

Чарли Бренд был юноша со странностями. Ходячая энциклопедия, он всегда оказывался готов к тому, что кто-то востребует информацию из его великолепного хранилища, где-то в тайниках мозга, способного соперничать с ЭВМ.

— А что? — спросил Хэл Мок, присутствовавший тут же.

— Да просто так, — чуть раздраженно ответил Флауэрс. — Недавно был на вызове в городе.

— Ага, совесть мучает, — влез Бренд, не переставая просматривать слайды. — Противная штука. Частенько она делает из нас закомплексованных трусов.

— Что ты хочешь этим сказать? — вскинулся Флауэрс.

— А вот мне, — перебил Мок, — иногда очень хочется, чтобы что-то произошло с несколькими медиками нашего факультета. Ну, чтобы ногу сломали или что еще... Представляете, как это уменьшит конкурс? Но мы все до отвращения осторожны и здоровы... Надо же, семь лет мучений! Семь лет мы оттачиваем свои мозги, но все может полететь к черту из-за какого-то дурацкого вопроса! Меня тошнит от

одной этой мысли. Да еще этот конкурс, где ты можешь вылететь при любом раскладе.

Беспокойно поерзав, Бренд поспешил переменить тему.

— Ну и в чем ты решил специализироваться, Бен?

— Почему я знаю? — ответил Флауэрс. — Успею еще придумать.

— А я про себя знаю, — похвастал Бренд. — В психиатрии.

— Ну ты даешь! — удивился Мок.

— А ты сам прикинь, — стал разъяснять Бренд. — Уже сейчас психов в нашей стране более шестидесяти процентов. Еще треть нуждается в постоянном психиатрическом контроле. А всяческие неврозы? Какие прелестные штучки они обещают! Тут тебе и стенокардия, и язвы, и артриты, и множество прочих прелестей. Непочатый край! А жизнь-то веселее не становится, стало быть, и число психов будет неуклонно расти! Ну как, убедительно, а?

— А гериатрия? — с ехидцей спросил Мок. — Это же сто процентов заболевания старостью! Даже если не считать умерших по другим причинам, все равно это бездонный колодец!

— Да, конечно, но когда эликсир научатся гнать в достаточном количестве...

— Чепуха, — уверенно сказал Мок. — Его производство под контролем умных людей. Они этого не допустят.

Какой-то шум заставил Флауэrsa вернуться в свою бетонную клетку. Он прислушался. Тихо. Может, показалось?

Приглушенное звяканье за дверью не повторилось. Но он на всякий случай вскочил и встал на свой пост за дверью...

— Мне кажется, что медицина — это все же нечто большее, чем просто деньги, — тихо возразил Флауэрс.

— Разумеется, — согласился Мок. — Но в основе ее все равно лежит экономика и без элементарных экономических знаний нам не обойтись. Вдумайтесь: при годовом доходе в десять тысяч подоходный налог возрастает до восьмидесяти процентов. А надо еще умудриться оплатить и сумку, и аппаратуру, и прочие побрякушки. А взносы в местное медицинское общество и в Ассоциацию медицинских работников?

— Но какого черта налоги так высоки? — возмутился Флауэрс. — Отчего так дороги инструменты? Это же обре-

кает миллионы людей на смерть в море канцерогенов. Сладкоголосые ораторы поют о «прекраснейшем цветке медицины», но ни слова не говорят о том, что этот «цветочек» просто недоступен для большинства людей.

— За все надо платить, — поджав губы, сказал Мок. — А жизнь — самый дорогой товар. Тебе это не приходило в голову?

— Чего ты мелешь? — начиная злиться, спросил Флауэрс.

Мок боязливо оглянулся.

— Приходится быть осторожным, — понизив голос, сказал он. — Вдруг кто-нибудь подслушивает? Ты же не хочешь облегчить конкурс за свой счет? Бывает, что подсовывают магнитофоны, чтобы подловить друга на нарушении медицинской этики. — Мок повысил голос. — А скажу я вот что: мы все чересчур здоровы!..

— Чепуха! — воскликнул Флауэрс. Слово эхом отразилось от бетонных стен камеры. Он медленно опустился на пол, в крошечной темноте рука его нечаянно коснулась пряжки ремня. Черт! Как же он раньше не догадался! Он нажал кнопку тревоги.

Похоже, у него появился шанс, а любой шанс стоил того, чтобы им воспользоваться.

Поразило неожиданное открытие: магнитофон, судя по всему, был включен и при похищении, и оставалось лишь нажать кнопку, чтобы узнать все.

Он услышал голоса Лии, Рассы и свой собственный, но пленка не успела дойти до места, где он услышал испуганный вскрик Лии. Открылась дверь, яркий свет ослепил его. Выругавшись про себя, он остановил магнитофон.

На пороге открывшейся двери выросла высокая фигура. Рядом еще одна.

— Кто вы? — резко спросил Флауэрс.

— Полиция, — ответил хриплый голос. — Вы включили тревогу?

— Уберите фонарь, — потребовал Флауэрс. — Вы ослепили меня.

Сноп света качнулся, осветил темные брюки, скользнул по более светлым кителям. Блеснули эмалью значки, осветились лица, фуражки.

Из двух полицейских один показался знакомым. Флауэрс пригляделся. Тот самый сержант, которому он сдал жулика!

— Ага, медик, — насмешливо сказал сержант. — Надо же, опять встретились. Кончай валяться. Вставай. Или тебе здесь больше нравится?

— Вы нашли «скорую»? А похитителей поймали? А...

— Не суетись, — ухмыльнулся сержант. — Все потом. Поспеш, приятель. Вдруг похитители вернутся? А, Дэн? — повернулся сержант к напарнику.

— Во-во... — ответил Дэн.

Они прошли по мраморному полу длинного коридора — шаги отдавались дробным эхом — и вышли в просторный холл. В каждой стене его тускло блестели обитые медью двери. За одной из них оказался лифт. Сержант нажал кнопку. Лифт задергался, недовольно завизжал и пополз вверх. Флауэрс узнал этот звук. Именно его он слышал, когда торчал за дверью в камере. «Везет дуракам», — подумал Флауэрс, устало прислоняясь к обитой медью стенке лифта. Почувствовав себя в безопасности, он снова вспомнил о Лии. Как там она? Все ли в порядке? Хорошо бы... А Расс... Отчего так знакомо его лицо? Перед его мысленным взором возникла картина — зал Медицинского центра. На стенах его висели десятки портретов, написанные маслом. На него сурово смотрели торжественные лица, которые не менее торжественно заявляли: «Мы продолжили великую традицию Эскулапа и оставили ее неприкосновенной и незапятнанной. Мы передаем ее тебе и велим жить в соответствии с ней, покуда сможем».

«Хреновое это дело, — подумал тогда Флауэрс, глядя на чересчур серьезные лица. — Сделавшись президентом медицинского общества, лишний раз не улыбнешься».

Впрочем, один из президентов все же улыбался. Флауэрс наклонился к потемневшей медной пластинке и прочитал фамилию.

Сейчас он ни за что не мог ее вспомнить. Он даже чуть нагнулся, надеясь таким образом воспроизвести условия в тот момент. Мысленно постарался представить себе пластинку. Появились буквы. Зажмурив глаза, Флауэрс прочитал их:

ДОКТОР РАССЕЛ ПИРС

Президент с 1972 по 1983 г.

Вот оно! Как же он мог забыть! Тот, кто открыл эликсир жизни, разработал метод синтеза, названный его именем. Отец Лии! Доктор Рассел Пирс! А сейчас он умирал от старости в трущобах! Лифт резко остановился, дверь открылась. Подталкиваемый полицейскими, он вышел в холл, почти не отличимый от того, что был внизу.

Сереющая ночь за большими окнами обещала скорый рассвет.

— Куда это вы меня притащили? — мрачно спросил Флауэрс.

— В мэрию, дружок, — ответил сержант. — Пошли, пошли.

— Какого черта в мэрию? Никуда я не пойду. Сначала ответьте на мои вопросы.

— Ха! Слышь, Дэн, он упирается. Во дает! Иди доложи Коуку.

Дэн — здоровенный угрюмый детина — вышел через стеклянные двери в дальнем конце холла. Многозначительно ухмыльнувшись, сержант поправил кобуру на боку.

«Этот-то заряжен не усыпляющими иголками», — подумал Флауэрс и вздрогнул.

— Вы не имеете права держать меня здесь против моей воли.

— А кто тебе сказал, дружок, что ты здесь не по своей воле? — с нарочитым удивлением спросил сержант. — Хочешь уйти? Валяй! Только будь осторожен. Ну, мало ли... несчастный случай. С лестницы, например, брякнешься. Она такая длинная, а жизнь так коротка.

Флауэrsa потрясло открытие, что полиция города так низко пала.

Появился здоровяк Дэн. С кем пришел какой-то сморщенный человек. Он задумчиво уставился на Флауэrsa.

— Но он же всего лишь медик! — обиженно надул губы человек. Разбитый в кровь рот его скривился.

— Другого не нашли, — недовольно сказал сержант.

— Ладно, — прогундосил Коук. — Может, сойдет. Идемте за мной, — махнул он Флауэрсу.

— Никуда я не пойду! — с вызовом ответил Флауэрс.

Довольно усмехнувшись, сержант неуловимо быстро ударил Флауэrsa ладонью по лицу. Сочный звук оглушил его, комната закачалась, подогнулись колени. Встряхнув головой, Флауэрс выпрямился и изготавился к бою. Гнев красной пеленой застилал глаза.

Вперед выступил Дэн. Не обращая внимания на сжатые кулаки медика, он пнул его в пах.

Скорчившись от боли, Флауэрс лежал на полу. Медленно-медленно боль ушла, мышцы расслабились, и он с трудом поднялся на ноги.

— Веди себя тихо, — сквозь зубы процедил полицейский. — Будь послушным мальчиком, и все будет хорошо.

Стараясь удержать стон, Флауэрс изо всех сил сжал зубы. Под руки его провели через стеклянную дверь. Перед ним открылась большая комната. Длинный темный стол делил ее пополам. У правой стены на скамейке сидел тощий человек с лицом хорька.

«Хорек», — зло усмехнулся Флауэрс. — Жулик. Смеется, гад! Свободе радуется. Доволен, что меня полиция избивает».

Когда они достигли тяжелой двери из орехового дерева, Флауэрс уже смог идти самостоятельно.

— Куда вы меня ведете? — спросил он.

— Босс приболел, — ответил Коук, мелкой трусцой забегая вперед, чтобы открыть дверь. — Наверное, он уже проснулся.

— Какой еще босс?

Почти оскорбленный, Коук уставился на него.

— Джон Боун! Все его знают.

— Коук! — донесся из комнаты за дверью пронзительный вопль. — Ты куда пропал?!

— Здесь я, здесь, — испуганно ответил Коук. — И медик тоже.

Коук засуетился. Он метнулся к окнам, стал лихорадочно раздвигать занавеси на высоких окнах. В бледном утреннем свете стали видны мятые простыни на широкой постели, в которой сидел болезненно худой человек. Бледное лицо его заострилось от истощения, ноги и руки напоминали узловые палки.

— Медик! — завизжал он. — Дурак, тупица! На кой хрен мне медик? Я умираю, и мне нужен настоящий врач, а не какой-то там сопливый медик!

— Но, босс, только его и смогли достать, — оправдывался Коук.

— А-а, черт с ним, — сдался Боун. Он сбросил ноги-палки с кровати и сунул их в тапочки. — Медик — так медик. — Он вытаращился на Флауэрса. — Что стоишь? Давай, лечи меня!

— Покажите ваш контракт.

— Что-о?! — завопил Боун. — Издеваешься? Стал бы я тебя похищать, будь у меня контракт.

— Нет контракта — нет лечения, — спокойно возразил Флауэрс и тут же получил удар по затылку.

Ударил его рука, но эффект был не хуже, чем от дубинки. Он пошатнулся и едва удержался на ногах. В глазах

потемнело. Где-то далеко-далеко его собственный голос прозвучал:

— Так вы ничего не добьетесь...

Пришел в себя он на стуле возле кровати. За спиной стояли полицейские. Повернув голову, Флауэрс увидел маячившего в дверях донельзя довольного «хорька», тот с нескрываемым интересом наблюдал за сценой. Прямо перед ним стоял Коук. Вдоль окон, слепая светло-голубыми тапочками, туда-сюда нервно ходил Боун. Шлепанье тапочек по полу сменялось шарканьем по толстому ковру.

— Медик, мне нужна помощь. Я умираю. Ваш долг — помочь мне.

— Все мы умираем, — пожал плечами Флауэрс.

Боун в ярости топнул ногой и с ненавистью уставился на медика.

— Ну и что? Те, у кого есть мозги, могут замедлить этот процесс, а у меня они есть! Если я в состоянии платить за лечение, почему же мне в нем отказывают?

— Есть определенные этические нормы. Я связан ими, и только они имеют для меня значение, — устало ответил Флауэрс. — На мой взгляд, вам скорее нужен психиатр, чем терапевт. Вы типичный ипохондрик.

— Та-ак, — тихо произнес Боун. — Значит, по-вашему, я ипохондрик? Значит, я вовсе не умираю. А боли в животе, выходит, воображаемые? И отвратительное гудение в голове тоже? М-да... все, конечно, бывает. Но я хотел бы вам кое-что показать.

Флауэрс не успел подняться сам — сильная грубая рука схватила его и через всю комнату поволокла к боссу. Боун стоял у окна и смотрел на город, позолоченный рассветом. Смог и не до конца развеявшиеся сумерки милосердно скрывали признаки упадка и запустения.

— Взгляните, — Боун ткнул тощей рукой в окно. — Это мой город! Я его политический босс. Последний из вымершего племени. Вместе со мной умрет и город. Только пока я жив, есть кому бороться за него. Умру я — и города не станет. Он развалится. Навсегда! Неужели вам не грустно при этой мысли?

В своих рейдах по городу Флауэрс хорошо изучил эти развалины. Много раз он при этом думал, что лучше бы его стерла с лица земли какая-нибудь стихия — пожар или землетрясение, или еще что-то, неважно. Он искренне считал, что эта гигантская клоака должна быть уничтожена, как в

свое время медицина уничтожила сотни инфекционных заболеваний вроде малярии, оспы...

— Мой город, — продолжал Боун. — Странно, мне всегда казалось, что он, словно живое существо, имеет свой характер, лицо, живет какой-то своей сложной жизнью, почти независимой от нас. Я ухаживаю за ним, как за больным ребенком, злюсь на него, иногда наказываю, но все же люблю, как собственное неразумное и неказистое дитя. И вот он умирает, и ничто его не может спасти, и медицина здесь бессильна, — голос Боуна задрожал, на глазах выступили слезы. — А я не способен ему помочь!.. — Голос его сорвался, он ударил кулаком по панели, закрывающей стену возле окна. — И мне остается только плакать. Будь проклята эта раковая опухоль на холме! Именно вы, доктора, с вашим извращенным понятием о милосердии и вашей закоснелой медициной убили его...

Флауэрс посмотрел туда, куда показывал костлявый палец. Там, на холме, подобно острову среди зараженного моря, с красноватым отблеском зари на стенах гордо стоял Медицинский центр.

— Да-да, именно вы убили его, — говорил Боун. — Вы слишком много болтали о канцерогенах, на всех углах кричали, что город чудовище и убийца, и призывали покинуть его. Вы даже не смогли сообразить, что вместе с людьми из города уйдет и богатство...

— Мне кажется, вы ошибаетесь, — как можно мягче сказал Флауэрс. — Мы всего лишь представили факты, и не вина медицины, что люди предпочли спастись именно так.

Боун горько усмехнулся.

— К сожалению, вы правы. Конечно, мы виноваты сами. А вина наша в том, что мы слишком верили в ваше могущество и милосердие. И мы кричали: «Помогите, спасите, оживите!» Мы свято исполняли рекомендации, глотали ваши таблетки, витамины. Вы услужливо подсовывали нам чудесные лекарства, рентгеноскопию, микрохирургию. Вы спрашивали нас: «Хотите, мы продлим вашу жизнь на год? И еще на год? И еще? А мы кричали: «Да-да! Хотим!» Вы даже стали отбирать у неимущих органы и пересаживать их нам, а мы все вам позволяли, закрывая глаза на то, что милосердие ваше постепенно вытесняется мерзостью и чванством. Отчего, спросите вы. Все очень просто: из страха перед смертью, животного, дремучего страха. Как вы это называете? Ипохондрия? Что ж, пусть я ипохондрик. Но я всего лишь продукт окружающей среды, а средой этой является сам го-

род, и связан я с ним сильнее, чем кто-либо. И умрем мы вместе, крича вам: «Спасите! Помогите! Умираем!»

— Я понимаю вас, — сказал Флауэрс, — но и вы поймите: я не имею права помогать вам.

На этот раз Боун выслушал его спокойно.

— Это вам только кажется. Но когда плоть возьмет свое и начнет вопить, что не в силах более терпеть, когда сдадут измочаленные болью нервы, вы начнете лечить меня.

Боун окинул Флауэрса пренебрежительным взглядом. Глаза его вспыхнули неистовым светом. Флауэрс невольно вздрогнул, и халат распахнулся, открыв взору Боуна катушку и кнопки на пряжке ремня.

Тот протянул руку. Флауэрс отшатнулся было, но бдительная охрана тут же завернула ему руки за спину.

— Смотри-ка, — сказал Боун. — Катушка. Что там на ней? — Он нажал кнопку перемотки, затем кнопку воспроизведения.

Послышались голоса. Прислонившись к стене, Боун слушал, задумчиво улыбаясь. Когда пленка кончилась, он улыбнулся еще шире и велел полицейским:

— Приведите обоих, и девушку, и старика. Они, похоже, пригодятся нам.

— Глупости, — сказал Флауэрс, стараясь скрыть беспокойство. — Мне они безразличны. Вы ничего этим не добьетесь.

— Вот это мы и проверим, — ответил Боун и приказал полицейским: — Суньте его в испорченный лифт, пусть пока отдохнет.

Медные двери лифта с лязгом захлопнулись, отрезая свет. Но на этот раз темнота оказалась страшной. Ужас овладел им. Он чувствовал себя подвешенным над холодной бездной, ледяная жуть перехватила дыхание. В панике он забарабанил кулаками по дверям и остановился, лишь ободрав в кровь костяшки пальцев. Он безуспешно нажимал на кнопки, пытаясь открыть дверь, сорвал ноготь. Крупная дрожь сотрясала его тело. Наконец от боли в руках и усталости он пришел в себя, постепенно успокоился, присел, нашарил в темноте свою сумку и включил фонарь. Отыскав бинт, он перевязал искалеченный палец.

Решив, что батарейки еще пригодятся, Флауэрс выключил фонарь. Скорчился в темноте, стараясь отбросить нежелательные мысли.

Часа через два двери раздвинулись, и втолкнули Лию. Флауэрс вскочил и поддержал ее. Девушка в панике стала вырываться, отбиваясь руками и ногами и извиваясь всем телом.

— Это же я, — уговаривал ее Флауэрс. — Медик.
Она вдруг затихла и сама прижалась к нему.
— Где мы? — шепотом спросила девушка.
— В мэрии, в сломанном лифте, — хрипло ответил он. —
У Джона Боуна.
— Что ему от нас надо? — с удивительным спокойствием
спросила Лия.
Ее мужество передалось и Флауэрсу.
— Ему нужна помощь.
— А ты, конечно, отказываешься. Ты ведь такой последовательный... Я успела позвонить в Медицинский центр. Может, они тебя выручат.
Реальность мгновенно погасила вспыхнувшую было надежду. Обычными методами им его не найти, а переворачивать трущобы ради простого медика... Остается действовать самостоятельно и надеяться на везение.
— Отца тоже схватили?
— Нет. Его еще раньше взяли с собой люди из Агентства. Они искали тебя, но кто-то из них узнал его.
— Странно... — недоверчиво протянул Флауэрс. — Зачем он им?
— Они поместят его в экспериментальную палату. Они воспользовались его старым контрактом — сто лет. Срок еще не кончился.
— Но он же знаменитость! Что они смогут с ним сделать?
— Сделают... Он слишком много знает. Они боятся, что партия антививисекторов однажды доберется до него и как-то использует против медицины. Шестьдесят лет назад он покинул госпиталь и больше не вернулся. С тех пор непрерывно искали его.
— Совсем как у Готторна. Во время лекции о гематологии он остановился посреди фразы и объявил аудитории: «Джентльмены, мы зашли слишком далеко, пора вернуться назад и посмотреть, где мы сбились с пути». После чего он вышел, и больше его не видели. Никто так и не понял, что он хотел сказать.
— А я думала, что все забыто. Отец мне не напоминал о них, и я решила, что прятаться уже ни к чему. Решила, что его оставили в покое. А для чего нужна я этому Джону Боуну?
— Чтобы заставить меня лечить его...
— Он что, пытать меня будет? А ты...
— Пожалуйста, перестань.
Они замолчали. Невеселые мысли снова овладели Флауэрсом.

— Разреши, я посмотрю твои глаза, — внезапно сказал он.

Достав офтальмоскоп, медик наклонился к девушке. Лия сидела неподвижно. Он оттянул ей веки, нежную кожу щек. Направил луч света на мутные роговицы глаз. Через минуту он убрал офтальмоскоп.

— Что, безнадежно, мой доктор? — с усмешкой спросила она.

— Да.

Он снова нарушил врачебную этику, но на этот раз у него возникло странное пьянящее чувство. Он словно грязью швырнул на белые стены госпиталя. Нате вам! Он ликовал. Он только сейчас понял, что милосердие не только в том, чтобы лечить, но и в том, чтобы не будить напрасных надежд. Да, ей можно вернуть зрение, но такая операция стоит тысячи долларов. И что бы там ни говорили профессора со своих кафедр, правда всегда этичнее.

— Никак не пойму, — сказал он вдруг, — почему не запретят деятельность этого Джона Боуна? Это же сплошная коррупция и насилие.

— Это для нас с тобой, а для других он лидер. Во всяком случае для тех, кому помогает. Что ты решил?

— Придется его лечить. Донкихотствовать нет смысла.

— Но, медик...

— Бен! — прервал он. — Бен Флауэрс. И давай помолчим. Нас наверняка подслушивают.

Они молчали в полной темноте. Но им не было страшно и они не чувствовали одиночества. Руки их встретились, тела приблизились друг к другу.

Дверцы открылись. Полицейские торопливо провели их через холл. За темными окнами была уже ночь. Боун сидел на кровати и зябко кутался в толстый красный халат.

Флауэрс с любопытством рассматривал комнату. Заметив это, Боун сказал:

— Бывший кабинет заместителя мэра города. Кабинет самого мэра напротив. Тут у меня для дела, а здесь я развлекаюсь. Хотя с годами дел у меня все меньше, да и развлечений... Ага, это та самая девушка? Слепая? Жаль, я не знал. Могли бы и предупредить. Ну, что надумали?

Флауэрс пожал плечами.

— Я буду вас лечить.

Боун расцвел.

— Вот и прекрасно. Надеюсь, что лечить вы станете добросовестно, как положено? Вы меня понимаете? А то у девушки могут быть неприятности.

— Да-да, я все понял, — торопливо ответил Флауэрс. — Кроме того, вы можете записать все на пленку и использовать ее как средство шантажа, чтобы я продолжал лечение. Но если, — голос его посуровел, — вы прикоснетесь к девушке, я и пальцем не шевельну, чтобы спасти вас.

В глазах Боуна зажглось восхищение.

— Вы мне симпатичны, медик, — заявил он совсем другим тоном. — Работайте со мной. Из нас получится превосходный тандем.

— Спасибо, но что-то не хочется.

— А вы подумайте, — настаивал Боун. — Когда передумаете, так сразу и сообщите, ладно? — Он задумался, затем нетерпеливо добавил: — Перейдем к делу.

— Заведите двигатель «скорой».

Боун кивнул сержанту.

— Давай.

Едва сумка засветилась изнутри, Флауэрс стал прикреплять контакты аппаратов к истощенному телу. Через минуту на табло сумки высветился диагноз. Флауэрс прочел его и сложил аппаратуру обратно в сумку. Затем задумчиво пошарил в ее кармашках.

— Ну? — с тревогой в голосе спросил Боун. — Что со мной?

— А-а, чепуха, — ответил Флауэрс, пытаясь скрыть озабоченность. — Вам нужны стимуляторы и витамины. Впрочем, я думаю, вы их и без того принимаете. Увеличьте дозу вдвое. — Он вытащил пузырек с розовыми таблетками. — Барбитуро-амфетаминовый препарат. Ночью он вас усыпит, утром — разбудит. А вот еще, — Флауэрс достал пузырек с зелеными таблетками. — По одной три раза в день.

Боун опасливо нахмурился.

— А что это?

— Не бойтесь, — Флауэрс вытряхнул пару таблеток на ладонь и проглотил их. — Видите?

Боун удовлетворенно кивнул.

— Прекрасно. Уведите их, — приказал он полицейскому.

— Постойте, — возмутился Флауэрс, — вы же хотели отпустить нас.

— Вот еще! Ничего такого я не обещал. И я давно мечтал иметь под рукой личного медика. Так оно спокойнее.

Флауэрс вздохнул.

— Ну что тут поделаешь, — покорно сказал он.

Он нагнулся за сумкой. Искоса посмотрел на Лию. На лице ее мелькнуло разочарование. Флауэрс молниеносно

провел рукой около шеи Боуна. Повернулся к полицейскому. Тот с явным подозрением следил за его действиями.

— Возьмите, — сказал Флауэрс копу, протягивая ему сумку. — Наверное, это надо оставить у вас?

Тот взял сумку, почесал пистолетом затылок.

Вдруг Боун, захрипев, повалился с кровати на пол. Полицейский начал было поднимать пистолет, но тут же выронил его и упал сам.

— Что это они? — испуганно спросила Лия.

Флауэрс подхватил сумку и взял Лию за руку.

— Боуна я оглушил суперсономом, а полицейскому достался укол неокураре.

Они быстро прошли через стеклянные двери в холл. «Где этот Коук?» — подумал Флауэрс. Может, лучше бежать лестницей? Нет, слепую там не провести. Он нажал кнопку лифта. Тревога все больше охватывала его. Лия мягко взяла его за руку.

— Не волнуйся, ты нас выведешь.

Флауэрс вдруг почувствовал холодную уверенность, плечи его распрямились.

— Что за лекарство ты ему дал?

— Сахарные таблетки, — усмехнулся Флауэрс. — Безвредные, но от воображаемых болезней лечат вполне успешно.

Громыкнули двери лифта. Сержант, оказавшийся в лифте, удивленно поднял брови и потянулся за пистолетом.

Флауэрс шагнул вперед и сказал:

— Шеф приказал выпустить нас.

— Странно, что-то на него непохоже, — недоверчиво проворчал сержант, вынимая пистолет. — Пошли, проверим.

Флауэрс пожал плечами. Он отстранил Лию и, перекладывая сумку из руки в руку, как бы нечаянно ударил ею сержанта под колено. Тот выругался, потер ушибленное место, хотел что-то сказать, но осекся на полуслове и, вытаращив глаза, рухнул на пол.

Лишь только они вышли из лифта в холл, свет погас. «Коук, черт бы его...» — понял Флауэрс и даже застонал от досады.

— Что случилось? — встревожилась Лия.

— Свет вырубил. Я ничего не вижу, а батарейки сели.

— Ты скажи, что надо, может, я смогу помочь.

— Надо найти «скорую». Она где-то в подвале.

— Да-да, они меня тут проводили! — задумчиво сказала Лия. — Хлопнула какая-то дверь, потом были ступеньки, потом еще дверь, и сразу лифт. Так, вот сюда. Пошли.

Флауэрс двинулся за ней. Теперь они поменялись ролями. Флауэрс ослеп, а прозревшая в темноте Лия осторожно вела его за руку.

— Ступеньки, — предупредила она.

Они осторожно спустились вниз и уперлись в закрытую дверь. Флауэрс нашарил в темноте ручку, повернул ее. Дверь открылась. Флауэрс придержал ее, пропуская Лию вперед.

Через минуту они уже сидели в машине. Ликуя, он включил фары и, развернув «скорую», вплотную подъехал к запертым воротам гаража. Вытянув руку, он дернул рычаг, торчащий из стены. Дверь тут же поднялась.

Чтобы избежать засады и возможного преследования, Флауэрс направил машину на север, к Шестой улице. Она была одной из немногих расчищенных, и догнать на ней «скорую» было невозможно. Вскоре они выехали на Юго-Западное шоссе. Переключив управление на автомат, Флауэрс повернулся к Лии. Лицо ее было грустным.

— Ты не знаешь, куда меня девать, да? — тихо спросила она.

— Перестань. Одну я тебя не брошу. Но ко мне нельзя. Оттуда ты снова попадешь к Боуну. В госпиталь бы тебя, да правила запрещают. — Он тяжело вздохнул, — А-а, пошли они, эти правила! Слушай внимательно. Ты пациентка. Тебе необходима операция на глазах. Перевели тебя из округа Неошо. Постарайся запомнить, могут спросить. А почему запыздывают твои документы, ты не знаешь. Ясно?

— Но у тебя могут быть неприятности.

— Не думаю.

— Отца я увижу?

— Если он и вправду в экспериментальной, то вряд ли. Вход туда только для врачей и дежурного медперсонала.

— Я тебе верю.

Наконец высоченные стены центра, раздвинувшись, поглотили их. Везение не оставляло их. Они незамеченными проехали до гаража. Оставив там машину, Флауэрс провел ее по длинному подземному коридору. Когда они переходили на ленту транспортера, Лия споткнулась, и Флауэрс едва успел поддержать ее. На слепых подземные переходы не были рассчитаны. От напряжения, физического и нервного, пот градом катил с Флауэрса.

Вот и лифт. Поднявшись на нем на пятый этаж, Флауэрс отпустил Лию и, спрятавшись в нише коридора, долго смотрел ей вслед. Лия шла по холлу, вытянув руки, нашаривая пространство перед собой, пока пальцами не коснулась стеклянной двери приемного покоя.

— Отзовитесь кто-нибудь! — дрожащим голосом попросила она. — Я потерялась. Со мной был медик, но он куда-то пропал... Я из округа Неошо... Из госпиталя...

Из приемного покоя вышла медсестра...

Флауэрс вздохнул, пытаясь сообразить, где сейчас все. Взглянул на часы, висевшие на стене коридора. Восемь часов вечера.

Пластиковый пол под его ногами мягко пружинил. Он с наслаждением вдыхал знакомые запахи госпиталя — спирт и эфир.

Здесь был его дом, работа, жизнь. Без них все теряло смысл и напрасны оказывались семь лет учения и труда, а мечта всей жизни превращалась в кошмар...

У Чарли Бренда, сидевшего за столом, от удивления отвисла челюсть.

— Ба! Ну, ты даешь! Где это ты пропадал?

— Долго рассказывать, — устало отмахнулся Флауэрс. — Пожрать бы чего да отдохнуть.

На столе светилась пластинка с сообщением. Флауэрс прочел:

«Вас убедительно просят присутствовать сегодня на собрании Медицинского общества округа, а также заседании Комитета политического контроля.

*Дж Б. Харди,
доктор медицины, секретарь.*

Флауэрс поежился. У кого бы спросить?

— Где Хэл?

— Ха, пропустит он собрание, как же! — сардонически ответил Бренд. Ловко имитируя голос Мока, он добавил: — «Начальники любят дисциплинированных». Ты лучше беги. Может, еще застанешь конвой.

Необходимость в конвое давно отпала, но он сохранялся как дань традициям. Впрочем, смотрелся он достаточно внушительно. По бокам его тяжело ползли приземистые танки, впереди шли саперы, тщательно прошупывая дорогу, поверху оглушительно месили воздух вертолеты. Внушительно, но бессмысленно: только законченному психу могла прийти в голову мысль напасть хотя бы на одинокую «скорую помощь».

Конвой двигался по Седьмой улице на север. В амбразурах бронетранспортеров сиял ночными огнями рабочий район Амордейл, проплывали руины складских помещений. Никому не рекомендовалось появляться здесь ночью, да и днем одинокий прохожий рисковал многим... Флауэрсу было не до местных красот. Тревожные мысли все более овладевали им, он даже забыл о голоде и усталости.

С чего это Комитет политического контроля так заинтересовался им? Даже врачи редко приглашались на него, что уж говорить о простых медиках. Тем, кто утомлялся подобной честью, как правило, не завидовали. Чаще всего такой «счастливцев» после собрания тихо забирает личные вещи и навсегда исчезает из медицины.

Флауэрс все еще мучился догадками, когда конвой остановился перед входом в главное здание. Мощный пояс укреплений и гнезд противовоздушной обороны окружал его.

Собрание, как и положено, было скучным. Кое-как успокоившись, Флауэрс задремал в своем кресле. Изредка он просыпался, но невнятный голос докладчика вновь усыплял его.

Трогательную речь выдал представитель Ассоциации медицинских работников. Он долго разглагольствовал о необходимости этических стандартов в новом законодательстве, которое вскоре собирался принять Конгресс. С неподражаемой патетикой говорил об опасности социализации медицины.

«Даже не смешно, — подумал Флауэрс, уже проснувшийся к этому времени. — Годами треплют одно и то же. Забывают, что там, где нужен скальпель, таблетки неэффективны».

Единодушно, как всегда, собрание проголосовало за выделение 325 000 долларов для воздействия на законодателей.

Но вот кафедру занял председатель Комитета политического контроля. Флауэрс насторожился и стал с любопытством его рассматривать. Этого высокого полного человека он видел впервые. Неудивительно — штат четырех округов насчитывал более десяти тысяч врачей.

Тряхнув густыми черными волосами, председатель бойко сообщил, что в штате в целом и в округе в частности политическая ситуация остается под контролем Комитета. Слухи о том, что партия активистов заключила союз с несколькими неорелигиозными группами, подтвердились. Но, по мнению Комитета, все это представлялось незначительной мышью возней и ничего не могло изменить. Впрочем, что именно это не могло изменить, он уточнять не стал. Закончив речь, он сел на место, а всем раздали одобренные Комитетом списки кандидатов штата и округа.

Списки приняли тоже единогласно и тут же решили выделить на предвыборную кампанию 553 000 долларов.

Далее потянулись обычные дебаты, которые усталый мозг Флауэрса уже не воспринимал.

Наконец собрание объявили закрытым. Флауэрс нехотя

побрел к дверям комнаты, где Комитет обычно проводил свои закрытые заседания, и в нерешительности замер перед дверью.

— Флауэрс? — нагнал его председатель Комитета. — Заходите, не стесняйтесь.

За длинным тяжелым столом в большой комнате сидело пять членов Комитета. Потемневший от многих столетий службы стол был изготовлен из настоящего дерева. Лица, возвышавшиеся над ним, смотрели торжественно и строго.

— Вы попали в беду, молодой человек, — начал председатель.

Человек, сидевший по правую руку от председателя, полистал маленький блокнот.

— Вчера ночью вы были на вызове в городе, так?

Флауэрс кивнул.

— Вы подняли тревогу и выдали полиции человека по имени Крамм. Вы обвинили его в незаконной торговле лекарствами. Так? — Не дожидаясь ответа, председатель продолжал: — К вашему огорчению, сообщая вам, что пенициллин в его ампулах на самом деле содержал триста тысяч единиц, кроме того, оказавшаяся при нем лицензия подтвердила его право на торговлю лекарствами.

— Боун? Его штучки. Чего проще выдать лицензию задним числом! А вот про пенициллин они явно лгут! Его цена была много меньше оптовой продажи.

— Жаль, что вы не знаете о сегодняшнем сообщении. Пенициллин обесценен. Он утерял былую эффективность. Количество невосприимчивых к нему штаммов бактерий возросло от пяти процентов когда-то до девяноста пяти на сегодняшний день. Его вообще снимают с производства.

Заколдованный круг! Огромные деньги тратились на производство антибиотиков, а те, в свою очередь, провоцировали появление невосприимчивых к ним бактерий, что заставляло тратить еще большие деньги для создания новых антибиотиков...

Поколебавшись, Флауэрс спросил:

— Но если мы не станем наказывать подобных жуликов при каждой возможности, то как же мы покончим с ними?

Человек с блокнотом усмехнулся.

— Для этого и существует Комитет. Мы наказали Джона Боуна, отказав ему в продлении контракта, — он нахмурился. — Во всяком случае мы так думали до сегодняшнего дня.

— Что вы хотите этим сказать? — встревожился Флауэрс.

— Сегодня Джон Боун вас отпустил...

Под взглядом пяти пар суровых глаз Флауэрс даже съёжился.

— Он не отпускал меня. Я сам сбежал!

— Вы намерены занимать наше время подобной чепухой? — раздраженно спросил председатель. — От него не убегают. Мы можем предъявить вам пленку, на которой в подробностях записано, как вы лечили его.

— Но я же сбежал! — перебил взволнованный Флауэрс. — Я применил суперсоник и неокураре. А лечить его не стал.

— Невероятно! Особенно если учесть, что лечение вы ему все-таки назначили.

— Всего лишь сахарные таблетки.

— Какая разница? Для него они достаточно эффективны.

— Неужели вы не понимаете, что он ни за что не послал бы вам пленку, если бы я согласился его лечить! Пленка ему нужна была только для шантажа!

Члены Комитета переглянулись.

— Неплохой довод, — задумчиво сказал председатель. — Но есть и другие факты, убедительно доказывающие вашу несостоятельность и пренебрежение к врачебной этике.

Председатель включил магнитофон, оказавшийся тут же, на столе. Флауэрс услышал собственный голос, с недозволенным сарказмом разглагольствующий о медицине, непомерных взносах, налогах и социальных проблемах. Потрясенный Флауэрс не верил своим ушам. Проклятье, кто-то великолепно отредактировал его досуние разговоры в комнате общежития.

«Хэл! — понял он. — Хэл, как ты мог?..»

До чего все просто! Хэл Мок до колик боялся экзаменов и решил уменьшить конкурс, отдав друга на закланье.

Председатель поднялся и скучно произнес:

— Утром мы ждем от вас заявление о добровольном отчислении. Затем вы соберете личные вещи и навсегда покинете Центр. И если когда-нибудь и где-нибудь вы будете уличены в попытке лечения и в любом способе медицинской помощи вообще, то по законам штата и...

Возражать было бессмысленно. Покорно выслушав приговор, Флауэрс спросил:

— Для чего вам доктор Рассел Пирс?

Глаза председателя жестко сощурились. Он обратился к человеку с блокнотом:

— Доктор Пирс... Кажется, он пропал еще лет шестьдесят назад? Если не ошибаюсь, сейчас ему должно быть более ста двадцати пяти лет, так? По-моему, он давно умер.

Безразличие овладело Флауэрсом. Он перестал слушать. В сердце его словно вонзился скальпель, оно сжалось от острой боли и безысходного отчаяния.

Истина... Кто знает, что это такое. Очень часто жизнь успевает кончиться, прежде чем человек познает ее. Но еще чаще он только у самого заката начинает понимать, что целиком ее нет ни у кого. Если ему повезет... Но слишком легко принять часть за целое. И можно всю жизнь обманывать себя, однажды приняв ложь за истину. Может ли медицина быть одновременно и благом и преступлением? Может ли доктор Пирс быть героем и мерзавцем одновременно?

Флауэрсу показалось, что он наконец-то все понял: половина идеала хуже, чем его полное отсутствие; по сути идеала нет вообще, все имеет свою обратную сторону.

Флауэрс молча повернулся и вышел. Он отыскал в холле здания телефон, набрал номер своей комнаты, затем отрывисто произнес в трубку несколько коротких грубых фраз. Выехав на дорогу и включив автошофер, он достал из сумки несколько таблеток амфетамина и сгрыз их, как леденцы.

Стимулятор еще не начал действовать, а настроение его уже улучшилось. Что ж, неплохо было быть «винтиком» гигантской машины, какой являлся Центр, но отныне придется действовать самостоятельно.

Он сразу заметил, что за ним следят, но отнесся к этому с полнейшим равнодушием.

— Привет, — сказал он дежурному фармацевту. — У тебя нет желания выпить чашечку кофе? Впереди у тебя целая ночь. Скучища невообразимая.

— Было бы неплохо.

— Тогда беги. Только быстро. За аптекой я присмотрю.

Раздираемый противоречивыми желаниями, дежурный заколебался, но показаться трусом перед медиком ему тоже не хотелось.

Дождавшись, пока он уйдет, Флауэрс осмотрелся вокруг и направился к хранилищу. Тяжелая дверь, к счастью, оказалась открытой. На полке в дальнем углу лежала картонная коробка. Ее содержимое оценивалось приблизительно в 10 000 000 долларов. Он взял одну ампулу, положил ее в карман. Постоял в раздумье, затем, решившись, забрал остальные одиннадцать.

— Большое спасибо, — чуть позже поблагодарил его запыхавшийся фармацевт.

— Не за что, — небрежно ответил Флауэрс.

У решетчатой двери экспериментальной палаты стоял охранник.

— Я не вижу вашей фамилии в списке, — недовольно пробурчал он, рассматривая список лиц, имеющих допуск в палату.

— Да вот же! — Флауэрс ткнул пальцем в строчку. — Какой-то болван неправильно ее написал. Должно быть Флауэрс, а здесь Пауэрс.

Сработало. Экспериментальная палата находилась в самом конце коридора. Флауэрс быстро прошел мимо хранилищ крови и органов. Он шел, не обращая внимания на сверкающие никелем и эмалью хирургические машины и прочее, что еще так недавно завораживало его.

Под истощенным телом Пирса госпитальный матрас почти не прогибался. Глаза его остались закрытыми, даже когда Флауэрс потряс его. Флауэрс взял шприц, наполнил его из ампулы, которую только что украл, сделал внутривенное вливание. Ждать пришлось довольно долго. Это становилось опасным, и Флауэрс начал волноваться. Наконец веки старика дрогнули.

— Доктор Пирс, вы помните меня? — шепотом спросил Флауэрс. Пирс кивнул. — Я вытащу вас отсюда. Вместе с Лией. Она здесь. Вы не против?

Пирс опять кивнул, уже энергичнее. Тут же в палате находилась тележка для транспортировки лежащих больных. Подкатив ее к кровати, Флауэрс перенес на нее почти невесомое тело Пирса. Лицо он накрыл простыней.

— Поехали.

Отжав тормоз, он покатил тележку. Мимо пронеслись закрытые двери комнат, средоточие человеческих страданий. Охранник в дверях ошарашенно проводил их взглядом.

Уже в лифте Пирс слабым голосом спросил:

— Что ты мне вколол, медик?

— Эликсир жизни. По-моему, это только справедливо.

— Справедливость — штука редкая, — через силу усмехнулся Пирс.

— Когда вы его получали в последний раз?

— Шестьдесят лет назад.

«Вот даже как? — подумал Флауэрс. — Значит, причина его долголетия вовсе не в эликсире».

— Вы сказали, что отдадите Лии свои глаза. Это действительно так?

— А ты сумеешь?

— Не знаю, — честно признался Флауэрс. — Очень уж рискованно. Один, да еще в спешке... Жаль, что она откажется от чужих глаз. Не понимаю... Я бы мог взять в хранилище. Конечно, это не мое дело...

— Тебе еще рано понимать. Ты так молод... Считай это даром любви, если угодно. От него нельзя отказываться. Не говори ей пока ничего. Позже она сама поймет, что это искупление отцовской вины за то, что моя дочь с рождения была лишена света мира. А сейчас я только лишь возвращаю ей его.

Флауэрсу везло: в приемном покое никого не оказалось, фамилию Лии в списках он нашел быстро. Там же был и номер палаты. Прихватив еще одну тележку, он вкатил ее в палату и остановился у постели.

— Лия!

— Это ты, Бен? — отозвалась она.

Ее слабый голос на миг ослабил его решимость. Давненько его не называли Беном.

— Ложись на тележку. Быстро. Нам нужно спешить. Отца я уже выкрал. Очередь за тобой.

— Невозможно, Бен. Ты погибнешь.

— Уже погиб, — ответил он. — Похоже, с официальной медициной мне не по пути.

Вот и лифт. Этажом ниже он направил тележку в операционную глазного отделения, куда заблаговременно прикатил Пирса. Тележки легонько ударились одна о другую. Лия коснулась рукой руки отца.

— Отец!

— Лия!

Нежность, звучавшая в их голосах, пробудила у Флауэrsa ревность. Он даже почувствовал себя покинутым и одиноким.

— Ты оказался прав, — сказала Лия отцу и другой рукой притянула Флауэrsa к себе. — Он хороший человек. Даже лучше, чем мы думали.

— Счастья вам, дети мои, — сказал Пирс.

— Вы уже все решили, да? — ухмыльнулся Флауэрс.

Лия покраснела.

«Как же она красива!» — поразился Флауэрс.

— Ничего мы не решили, — смущенно возразила Лия. — Только надеялись.

После укола наркотика пальцы Лии расслабились и разжались. Флауэрс внимательно всмотрелся ей в лицо, потом поднес к глазам свои руки. Они дрожали. Он оглянулся. Сверкающие белизной стены и сложнейшие хирургические машины напомнили ему об огромной ответственности. О том, как легко поскользнуться, сделать фатальную ошибку. Но пути назад не было.

— Смелее, медик, — подбодрил его Пирс. — Тебя же учили семь лет. Это простая операция. Ты справишься.

Флауэрс глубоко вздохнул. Он обязан справиться. Взяв себя в руки, он принялся за работу. Через минуту он забыл обо всем, что не касалось непосредственно операционного поля.

— Медик Флауэрс! — неожиданно взревел динамик, спрятанный где-то в потолке. — Немедленно явитесь в общежитие. Медик Флауэрс...

Значит, Пирса уже хватились. Между тем операция продолжалась, а Пирс невозмутимо разговаривал, пока руки Флауэрса делали все положенное. Отвлекая Флауэрса от невеселых дум, Пирс рассказал, почему исчез шестьдесят лет назад.

— Я вдруг понял, что наша медицина стремительно превращается в религию. Мы обвешали ее традициями, ритуалами и окружили тайной, сделав непонятной для основной массы людей. Для них мы стали кем-то наподобие колдунов, окружили себя мистическим страхом. Даже наши лекарства люди называли чудом, поскольку не знали, как они действуют. Медицину, как и религию, возвеличил патологический страх перед смертью. Но самый страшный противник вовек не смерть...

Замерив толщину мутных роговых оболочек, Флауэрс ввел данные в хирургический автомат.

— Но не врачи виноваты, — продолжал Пирс. — Они всего лишь продукт нашего общества. Так же как и Джон Боун. Древние греки были мудрее нас. Они говорили: «В здоровом теле — здоровый дух». А мы возомнили, что превыше всего наше ремесло.

В зажиме хирургического автомата Флауэрс установил сверкающий скальпель и отрегулировал его так, чтобы острое лезвие было направлено точно на правый глаз Лии. Автомат, готовый к работе, низко гудел, мигая разноцветными лампочками.

— Древние вообще были мудры. Они также говорили: «Ничего лишнего». Мы нарушили и эту заповедь. Так и не сообразили, что общество может погубить любой излишек. Даже хорошее, но в переизбытке, может повредить. А мы создали избыток богатства и благочестивости. В каждом доме создали своего рода алтари, в которых держали излишек лекарств, и глотали их в неумеренных количествах, ибо именно так, думали мы, и никак иначе можно сохранить здоровье, которого мы тоже желали в излишке. Мы построили жрецам медицины слишком величественные храмы, но сделали их недоступными для большинства...

Легко, без сопротивления лезвие вошло в глаз. Сделав аккуратное круговое движение, машина вырезала роговую оболочку. Затем скальпель приподнялся, передвинулся на левый глаз и быстро проделал ту же операцию. Все это время Пирс молчал, наблюдая за жутковато-точными манипуляциями искусной машины.

Но, как ни быстр был автомат, время, казалось, бежало еще быстрее. Вот уже удалены обе оболочки. Наступил черед Пирса. Флауэрс повернулся к нему.

— К черту анестезию! — сказал Пирс, когда хирургическая машина нависла над ним. С широко открытыми глазами, казалось, не замечая злого острия скальпеля, нацеленного на его правый глаз, он продолжил: — Мы слишком много болтали о человечности, считая нашу медицину высшим достижением гуманизма. И не заметили, как постепенно медицина стала зависима от того, что предназначена была уничтожить. Мы попали в заколдованный круг и были вынуждены изобретать все новые и новые лекарства и технологии, но те, в свою очередь, провоцировали новые болезни и так далее, по спирали...

Пустые глазницы закрыла плотная повязка.

— Мы предсказали беды жителям городов и тем самым уничтожили города. Освобожденная от налогов, медицина сконцентрировала несоразмерное количество капитала, не приносящего пользы никому. То же случилось и в средневековой Европе, когда основные богатства сконцентрировались в руках церкви, тоже освобожденной от налогов.

Роговые оболочки легли на глаза девушки.

— В Европе это продержалось недолго. Генрих Восьмой под благовидным предлогом разругался с папой и секуляризировал церковные земли. В итоге это привело к революции во Франции. Что-то подобное произойдет и у нас. Либо восстание уничтожит Центр, либо все произойдет неспешно, само собой, из-за упадка технологий, необходимых для поддержания современного уровня медицины и ее изоляции от общества. Я это предвидел еще шестьдесят лет назад. Вот почему я ушел в город.

Шовная машина заплясала вокруг глаз Лии, пришивая роговые оболочки аккуратными стежками.

— Будущее медицины в городе. Там научились выживать сильнейшие. И именно там появились новые, не механические, методы лечения. Впрочем, паранормальные методы были известны множество веков назад. В старину этим занимались знахари, целители, правда, частенько их вместо благодарности отправляли на костры. Мы же только вспо-

минаем их секреты. Их преимущество в том, что они не требуют ни сложных технологий, ни дорогостоящих машин. Они дисциплинируют дух, а тот дисциплинирует тело. Короче, в здоровом теле — здоровый дух! И когда погибнет наша цивилизация, выживут только города, беглецы вне их стен вымрут, ибо они не смогут сопротивляться болезням, а нынешние лекарства перестанут помогать.

Время бежало стремительно. Вот и на глаза Лии наложена повязка.

— Тревога! Тревога! — снова ожил динамик на потолке. — Боевым расчетам охраны занять свои посты! Госпиталь святого Луки атакуют вооруженные банды!

Теперь можно было не осторожничать. Связав вместе тележки, Флауэрс бегом покатил их к лифту. В подземном переходе он закатил тележки на транспортер и вскочил следом за ними. Отовсюду раздавался тяжелый топот.

Гараж был уже забит охранниками.

Вновь завопил динамик:

— Удвоить расчеты! С крыш зданий ведется минометный обстрел! Будьте осторожны!

— Это Боун, — сказал Пирс.

Мрачно улыбнувшись, Флауэрс покатил дальше в поисках машины.

По огромному подземному гаражу метались вооруженные люди. Озабоченные, они не обращали никакого внимания на простого медика с двумя тележками. Ага, вот подходящая «скорая». Какой-то растяпа оставил дверцу открытой. Открыв машину сзади, Флауэрс переложил Лию и Пирса на кушетки, бросился к кабине и завел двигатель.

По корпусу «скорой» забарабанили кулаки испуганного хозяина. Он что-то кричал, но Флауэрс, не слушая его, вдавил в пол педаль акселератора. Взревев, машина рванула с места.

Из Центра сплошным потоком выливалась колонна боевой техники. Среди танков и полугусеничных бронетранспортеров лавировали «скорые». Добравшись с колонной до Юго-Западного шоссе, Флауэрс свернул на север, к городу. Грохот боя и рев тяжелой техники затих вдали.

Командный пункт Джона Боуна располагался в подвале мэрии.

— Отлично! — крикнул он Коуку. — Отзовите группу отвлечения. Они неплохо поработали. — Оглядевшись, он заметил Флауэрса, стоящего в дверях. — Заходите, заходите.

— ...сказал паук мухе, — улыбаясь, ответил Флауэрс. — Неужели вся эта шумиха из-за меня? Ну, спасибо! Что ж, вас вылечат, но есть люди, которые делают это лучше меня.

— Это еще кто? — сердито спросил Боун.

— Там, — Флауэрс показал рукой в сторону «скорой».

— Этот полуживой старик и слепая?

— Именно. Их метод лечения куда лучше моего. Кстати, девушка будет видеть, я тоже не терял времени даром. Мы сработаемся, Боун. Теперь я в этом не сомневаюсь.

Боун устало потер виски, усмехнулся.

— Прекрасно, если так...

Флауэрс подошел к кровати Лии. Девушка беспокойно шевельнулась. Он положил руку ей на лоб и она успокоилась. Послышались шаги. Обернувшись, Флауэрс увидел Боуна. Тот с любопытством смотрел на него. Флауэрс снял белый халат и кинул его политику.

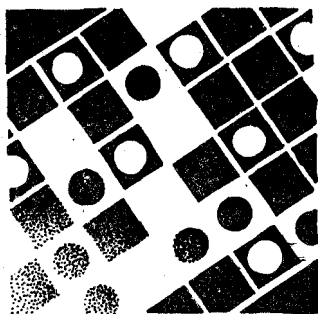
— Мне он больше не нужен, может, вам пригодится. Машину тоже можете забрать, но сперва отвезите нас домой. Я теперь свободный человек.

Флауэрс мечтательно улыбнулся. Свой дом... Отныне его судьба накрепко связана с городом. Да, город жесток, как дикий зверь. Но зверя можно приручить и использовать его дикую силу во благо.

И не будет больше разделения на просто людей и людей в белых халатах. Врач — тот же человек, лишь владеющий определенными навыками. Но целитель — нечто большее...

Именно старик и слепая девушка положат начало не только медицине, но и новой цивилизации. И медик, нашедший свое предназначение, будет рядом с ними.

— Семь лет я потратил, чтобы стать врачом, — сказал Флауэрс. — Теперь я научусь исцелять, чего бы это мне ни стоило.

СЛУШАЮЩИЕ

Уолтеру Салливану, Карлу Сагану и всем
ученым, чьи книги, статьи, лекции и гипотезы
вдохновили меня и дали исходные материалы
для этого романа

— с пожеланием, чтобы они услышали и
дождались ответа на все свои послания...

Человечество стоит на пороге одного из величайших событий в своей истории — оно со дня на день узнает о существовании, деятельности и характере иных цивилизаций.

Возможно, в эту самую минуту через этот самый документ проходят радиоволны, несущие сообщения от разумных существ; сообщения, которые мы могли бы записать, если бы только направили наши антенны в нужном направлении и настроили на нужную частоту.

Более того, сейчас уже имеются знания и аппаратура для поисков внеземных цивилизаций... С каждым годом оценка вероятности жизни в космическом пространстве все возрастает, как возрастают и наши возможности для обнаружения этой жизни. Все большее число ученых считает, что встреча с иными цивилизациями уже не принадлежит к области фантазий, а является вполне естественным событием в истории человечества и может произойти на памяти многих из нас. Слишком велики сегодня шансы, чтобы отказываться от них или тянуть с вложением крупных сумм в поиски иных разумных существ. Пока же открытие такого рода может произойти только случайно, поскольку наблюдения естественных объектов мы проводим, используя методы, пригодные для обнаружения разумной жизни. Примерами могут

служить исследования пульсаров и источников инфракрасного излучения. В сравнительно близком будущем мы предвидим строительство крупных сооружений типа огромного комплекса антенн, а также начало программы, целью которой будет обнаружение жизни вне нашей планеты. В конечном итоге это может оказаться одной из величайших услуг науки человечеству и цивилизации.

Из отчета Комиссии по астрономическим исследованиям Академии наук Соединенных Штатов Америки.

1 июля 1972 года.

I

Роберт Макдональд — 2025

*«Есть тут хоть кто-нибудь?» — путник спросил
У дверей, освещенных луной...**

Голоса шептали что-то.

Макдональд вслушивался в них, зная, что этот шепот наполнен значением, что ему пытаются что-то сказать, и что он мог бы понять их и ответить, если бы только сумел сосредоточиться на том, что они говорят. Он попытался еще раз.

— За всем этим, как некая молчаливая тень, притаившаяся за дверью, скрывается вопрос «Есть ли там кто-то?», на который мы не можем ответить иначе, чем утвердительно.

Говорил Боб Адамс, признанный *advocatus diaboli*; при этом он вызывающе поглядывал на собравшихся за столом. Его круглое лицо, несмотря на холод, царивший в комнате, облицованной деревянными панелями, усеивали бисеринки пота.

Сандерс глубоко затынулся трубкой.

— Это относится ко всей науке. Образ ученого, отбрасывающего все отрицательные возможности скоком, совершенно абсурден. Это просто невозможно, и потому мы выезжаем на веру и статистической вероятности.

Макдональд разглядывал дымные полосы и клубы, поднимавшиеся над головой Сандерса; те закрутились в лопастях вентилятора, поредели и расплылись. Он уже не видел

* Эпиграфы ко всем главам взяты из стихотворения английского поэта и романиста Уолтера де ла Мара «Слушатели». Текст дается в переводе Г. Симановича.

их, но запах по-прежнему ощущал. Это была ароматная табачная смесь, легко отличимая от запаха сигарет Адамса и других.

«Разве не в этом наша задача? — думал Макдональд. — Обнаружить разреженные дымы жизни, дрейфующие по Вселенной, а потом заставить их сойти с пути энтропии и обрести упорядоченную и осмысленную первичную форму». «Вся королевская конница, вся королевская рать...»

«Жизнь сама по себе невозможна, — размышлял он, — но люди все-таки существуют благодаря обращению энтропии вспять».

С другого конца длинного стола, заставленного переполненными пепельницами, чашками и блокнотами с чертиками, решетками, спиралями и паутинами, заговорил Ольсен:

— Мы всегда знали, что искать придется долго. Не годы, а столетия. Компьютерам нужно собрать достаточно данных, а это означает число единиц информации, приближающееся к числу частиц во Вселенной. Так что нечего пасовать.

«А семь служанок, — Морж спросил, —
Ну, скажем, за семь лет
Смести метлой песок долой
Смогли бы или нет?»*

— Абсурд, — ответил кто-то.

— Тебе легко говорить о столетиях, — вмешался Адамс, — ведь ты здесь всего три года. Подожди, посидишь тут десять лет, как я или наш Мак — он двадцать лет занят в Программе и пятнадцать из них руководит ею.

— Какой смысл спорить о тем, чего мы не знаем? — рассудительно заметил Зонненборн. — Мы должны опираться на теорию вероятности. Шкловский и Саган считают, что в одной нашей Галактике более миллиарда планет пригодны для жизни. По оценке фон Хорнера, одна из трех миллионов обладает развитой цивилизацией, по оценке Сагана — одна из ста тысяч. Так или иначе, это дает нам неплохие шансы найти соседей — триста или десять тысяч только на нашем участке пространства. Наша работа сводится к прослушиванию в нужном диапазоне и в нужном направлении и к пониманию того, что мы услышим.

Адамс повернулся к Макдональду:

— Что скажешь, Мак?

— Скажу, что такие дискуссии о принципах нашей работы не помешают, — примирительно заметил Макдональд, —

* Л. Кэрролл. Зазеркалье (пер. А. Щербакова).

и что мы должны постоянно напоминать себе, чем занимаемся, иначе нас поглотят зыбучие пески частностей. Скажу еще, что теперь самое время перейти к текущим делам: какие наблюдения мы планируем на сегодняшнюю ночь и на остаток недели до нашего следующего совещания.

— Думаю, — начал Сандерс, — мы должны провести методическую чистку всей сферы Галактики, слушая на всех волнах...

— Мы делали это сотни раз, — сказал Зонненборн.

— Но не с моим новым фильтром...

— Что ни говори, а Тау Кита наиболее интересна, — сказал Ольсен. — Устроим ей настоящий допрос третьей степени...

Адамс пробормотал, ни к кому в особенности не обращаясь:

— Если там есть кто-нибудь и он пытается передавать, то какой-нибудь радиолюбитель на своей развалюхе вполне может поймать это и расшифровать по правилам мистера Бонда, а мы останемся в дерьме, сидя на оборудовании за сто миллионов долларов...

— И не забывайте, — сказал Макдональд, — что завтра суббота и мы с Марией, как обычно, ждем вас всех у себя в восемь вечера на пиво и сплетни. Если кто чего не высказал, может прибегнуть для этого случая.

Макдональд вовсе не был так весел, как пытался выглядеть. Он не знал, сможет ли выдержать очередной субботний вечер за бутылкой, дискуссией и спорами о Программе. У него начиналась полоса депрессии, когда кажется, что все рушится на тебя и нельзя ни выкарабкаться, ни рассказать кому-нибудь о своем самочувствии. Но традиционные субботние вечеринки хорошо действовали на других.

«Не может лук постоянно быть натянут, а слабость человеческая сохраняться без малейшей передышки»*.

Моральный тонус людей всегда был проблемой Программы. Кроме того, эти субботы хорошо действовали и на Марию. Она слишком редко выходила из дома, и ей нужно было живое общение. Впрочем...

Впрочем, Адамс, возможно, и прав. Может, там никого нет. Может, никто не посылает сигналов, потому что этим просто некому заниматься. Может, человек во Вселенной совершенно одинок. Один на один с Богом. Или один на один с собой... неизвестно еще, что хуже. Может, деньги, вложенные в Программу, пропадают зря... Может, все средства и труды вместе с идеями тонут в бездонном пустом колодце.

* М. Сервантес. «Дон Кихот».

Я богословьем овладел,
Над философией корпел,
Юриспруденцию долбил
И медицину изучил.
Однако я при этом всем
Был и остался дураком.
В магистрах, в докторях хожу
И за нос десять лет вожу
Учеников, как буквоед,
Голкуя так и сяк предмет.
Но знания это дать не может...*

«Несчастный глупец. Почему именно я? — думал Макдональд. — Неужели кто-нибудь другой не мог бы вести их лучше, и не за нос, а за светом своей собственной мудрости? Может, эти субботние приемы — единственное, на что я способен? Может, пора в отставку?»

Он вздрогнул. Его измучило бесконечное и бесплодное ожидание, а ведь вновь приближались прения в Конгрессе. Что он мог сказать такого, чего не говорил прежде? Как оправдать Программу, которая тянется почти скоро пятьдесят лет и может тянуться еще столетия?

— Господа, — энергично объявил он, — нас ждет работа.

Едва он сел за свой захламленный стол, как появилась Лили.

— Здесь компьютерный анализ наблюдений за последнюю ночь, — сказала она, кладя перед ним тонкий скоросшиватель. — Рейнольдс утверждает, что там ничего нет, но вы ведь всегда просматриваете его. Здесь стенограмма прошлогоднего слушания в Конгрессе, — на скоросшиватель легла толстая папка. — Почта и последние финансовые отчеты, если вдруг понадобятся, в другой папке.

Макдональд кивнул.

— Здесь официальное письмо из НАСА, определяющее принципы бюджета текущего года, и личное письмо от Тэда Вартаняна. Он извещает, что ситуация крайне сложная и определенные ограничения неизбежны. А еще он пишет, что Программу могут закрыть.

Лили мельком взглянула на него.

— Не может быть и речи, — уверенно заявил Макдональд.

— Есть несколько просьб о работе, но не так много, как мы привыкли получать. На письма детей я ответила сама. И, как обычно, безумные письма от людей, которые принимают сообщения из космоса, а также от одного типа, который летал на НЛО. Именно так он и пишет, не тарелка или

* Гете. «Фауст». (пер. Б. Пастернака).

как-то там еще. Некий журналист хочет взять интервью о Программе у вас и еще у нескольких ученых. Думаю, он на нашей стороне. И есть еще один, тот, похоже, собирается нас разоблачить.

Макдональд терпеливо слушал. Лили была великолепной секретаршей. Она могла бы справиться со всей кабинетной работой не хуже него самого. Откровенно говоря, все шло бы куда лучше, если бы он не путался под ногами и не отнимал у нее время.

— Оба прислали вопросники. И еще: Джо просил принять его.

— Джо?

— Один из дворников.

— Чего он хочет?

Дело было серьезное. Найти хорошего дворника гораздо труднее, чем астронома, труднее даже, чем электронщика.

— Он уверяет, что должен с вами поговорить, но от работников столовой я слышала, будто он принимает *сообщения* своей... своей...

— Своей искусственной челюстью.

Макдональд застонал.

— Уговори его как-нибудь, ладно, Лили? Если с ним буду говорить я, мы можем потерять дворника.

— Сделаю все, что в моих силах. Еще звонила миссис Макдональд. Сказала, что ничего важного нет и вам не обязательно перезванивать ей.

— Соедини меня с ней, — сказал Макдональд. — И еще, Лили... ты ведь будешь завтра вечером на вечеринке?

— А что мне делать среди умных?

— Нам очень нужно, чтобы ты пришла. Мария особенно просила об этом. Ты же знаешь, мы там говорим не только о работе. И вечно не хватает женщин. Может, ты вскружишь голову кому-нибудь из молодых холостяков...

— В моем-то возрасте, мистер Макдональд? Вы просто решили от меня избавиться.

— Никогда и ни за что.

— Я позвоню миссис Макдональд. — Лили задержалась у двери. — И подумаю о вечеринке.

Макдональд просмотрел бумаги. В самом низу лежал единственный листок, который его интересовал, — компьютерный анализ прослушивания прошлой нсчи. Однако он так и оставил его внизу, на закладку. Та-ак... Тэд всерьез обеспокоен. Свободен, Тэд. Теперь эти писаки. Видимо, придется их принять. В конце концов это был побочный результат размещения Программы в Пуэрто-Рико. Никто не ездил

сюда просто так. Кроме того, два вопроса привлекли его внимание. «Как вы стали директором Программы?» Это спрашивал дружелюбный. «Какая у вас квалификация для должности директора?» Это второй. Как же им ответить? Возможно ли это вообще? Наконец Макдональд добрался до компьютерного анализа, такого же, как и все остальные за эту неделю, за все недели, месяцы и годы, что прошли с начала Программы. Отсутствие значимой корреляции. Шум. Несколько пиков на волне двадцать один сантиметр, но это тоже шум. Излучение водородных облаков, поскольку Малое Ухо действует как обычный радиотелескоп. По крайней мере у Программы имелись кое-какие достижения: она поставляла ленты с записями в международный банк данных. Это были отходы процесса, не дающего никаких результатов, за исключением негативных. Может, инструменты недостаточно чувствительны? Возможно... Неплохо бы еще немного подкрутить их. Вполне можно использовать это как дымовую завесу для комиссии, продемонстрировать хоть какой-то прогресс, пусть даже в оборудовании. Нельзя стоять на месте, нужно расходовать деньги, или финансирование сократят, а то и совсем закроют.

NB: Сандерс — предложение о повышении чувствительности.

А может, аппаратура недостаточно избирательна? Но ведь целое поколение изобретений вложено в подавление фоновых шумов, а периодическое эталонирование с использованием Большого Уха показывает, что они хорошо справляются, с земным шумом по крайней мере.

NB: Адамс — новый конденсатор селективности.

А может, это компьютер не распознает сигнал, который в него попадает? Или он недостаточно сложен, чтобы уловить неуловимое?... А ведь шифры, даже самые сложные, он разгадывал в несколько секунд. Программа требовала от него определить, принимают они случайный шум или в нем есть какой-то нестохастический элемент. На данном этапе о констатации сознательного действия речи не было.

NB: спросить компьютер, не пропускает ли он чего-нибудь? Смешно? Спросить Ольсена.

Может, изучать радиоспектр вообще не стоит? Может, радио присуще только земной цивилизации! Может, другие никогда не имели радио или уже прошли этот этап и сейчас располагают более сложными средствами связи? Например, лазерами. Или, скажем, телепатией, или тем, что может быть телепатией в глазах человека. А может, это гамма-лучи, как предполагал Моррисон задолго до проекта ОЗМА.

Что ж, такое тоже может быть. Но если так, прослушиванием всего этого придется заняться кому-то другому. У него нет ни оборудования, ни квалификации, да и активной жизни ему осталось слишком мало, чтобы браться за что-то новое. Возможно, Адамс прав.

Он позвонил Лили.

— Ты связалась с миссис Макдональд?

— Телефон не отвечает... О, есть, мистер Макдональд. Пожалуйста.

— Алло, дорогая, я испугался — ты не отвечала.

«Глупо, — подумал он, — а еще глупее говорить об этом».

Голос у жены был сонный.

— Я легла вздремнуть.

Но даже сонный, этот голос возбуждал, мягкий, с легкой хрипотцой, он заставлял сердце Макдональда биться быстрее.

— Ты хотел что-то сказать?

— Ты звонила мне, — сказал Макдональд.

— Звонила? Я забыла.

— Я рад, что ты отдыхаешь. Ты плохо спала ночью.

— Я приняла снотворное.

— Сколько?

— Только те две таблетки, которые ты оставил.

— Молодец, девочка. Увидимся через несколько часов. Поспи еще. Прости, что разбудил тебя.

Однако голос ее уже не был заспанным.

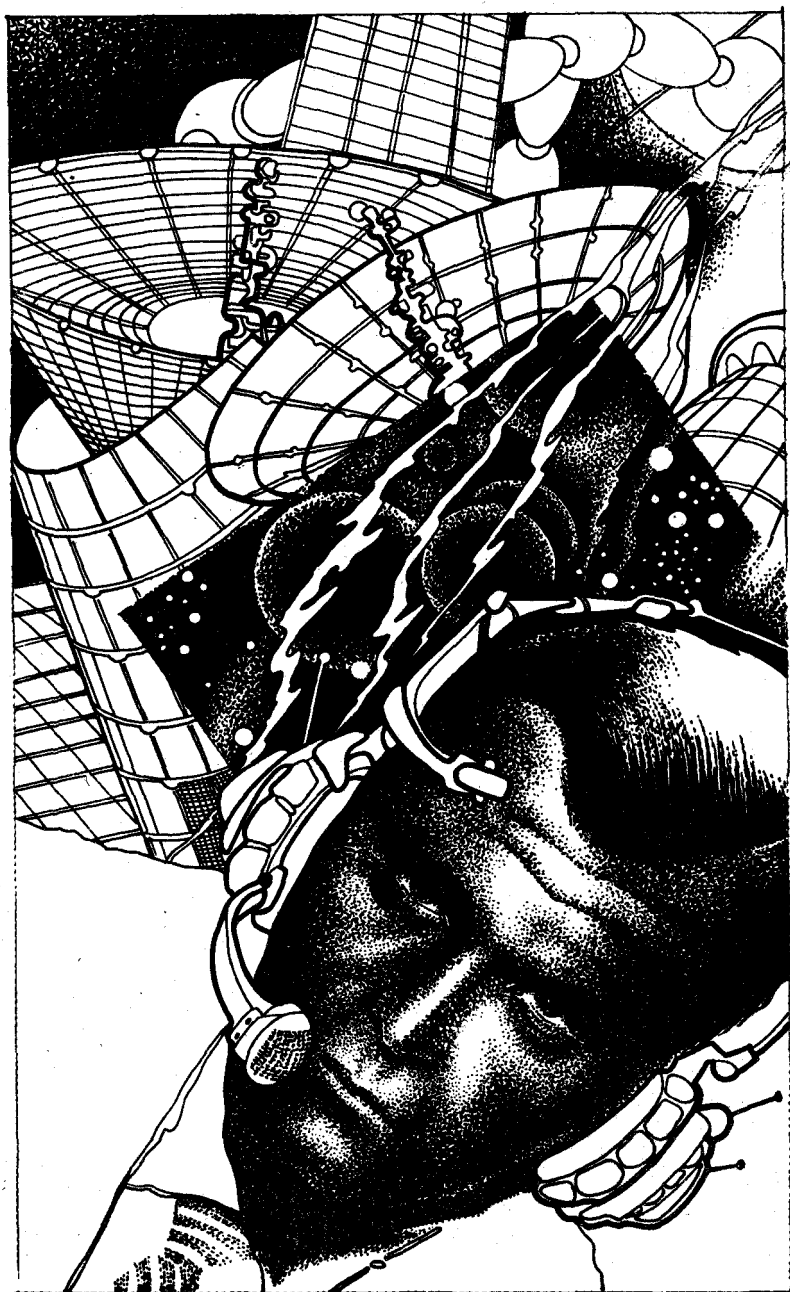
— Тебе не нужно будет возвращаться сегодня вечером, правда? Мы будем сегодня вместе?

— Посмотрим, — неопределенно пообещал он, хотя и знал, что должен будет вернуться.

Макдональд остановился перед длинным приземистым зданием, где размещались кабинеты, мастерские и компьютеры. Темнело. Солнце зашло за зеленые холмы, оранжевые и пурпурные обрывки перистых облаков покрывали небо на западе.

Между Макдональдом и небом на металлическом скелете покоилась гигантская чаша, вознесенная так высоко, словно должна была ловить звездную пыль, сыплющуюся по ночам с Млечного Пути.

Чаша начала беззвучно наклоняться, и вот это уже не чаша, а ухо, вслушивающееся ухо, окруженное холмами, которые, наподобие сложенных ладоней, помогали ему ловить шепот Вселенной.

«Может, именно это удерживает нас? — подумал Макдональд. — Несмотря на все разочарования, несмотря на бесплодность усилий, может, именно эта огромная машина, чуткая, как подушечки пальцев, придаст нам силы для борьбы с бесконечностью. Осоловев в своих кабинетах, с туманом перед усталыми глазами, мы можем выйти из своих бетонных пещер и возродить угасшие надежды, оставшись наедине с огромным механизмом, который служит нам, с чутким прибором, улавливающим малейшие порции энергии, малейшие волны материи, вечно несущиеся сквозь Вселенную. Это наш стетоскоп, с его помощью мы слушаем пульс и отмечаем рождение и смерть звезд, зонд, с помощью которого здесь, на небольшой планете скромной звезды на краю Галактики, люди изучают бесконечность.

А может, наши души утешает не действительный, а воображаемый образ: чаша, поднятая, чтобы поймать падающую звезду, ухо, напрягшееся, чтобы уловить зов, расплывающийся в неуловимый шепот, доходит до нас. А в тысяче миль над головами висит гигантская сеть диаметром в пять миль — крупнейший из когда-либо построенных телескопов, — которую люди закинули в небеса, чтобы ловить звезды. Если бы заполучить Большое Ухо на время большее, чем нужно для периодической проверки синхронизации — думал Макдональд, — тогда, может, и какие-то результаты появятся». Но он хорошо знал, что радиоастрономы никогда не поделятся: им, видите ли, жаль тратить время на игру в прием сигналов, которые никогда не придут. Только когда появилось Большое Ухо, Программа получила в наследство Малое. В последнее время поговаривали о еще большей сети, диаметром в двадцать миль. Может, когда ее сделают — *если* сделают, — Программа получит время на Большом Ухе.

Только бы удалось дожждаться, только бы провести крупное суденышко своей веры между Сциллой сомнений и Харибдой Конгресса...

Однако не все воображаемые образы поддерживали их дух. Были и другие, которые скитались в ночи. Например, образ человека, который слушает и слушает немые звезды, слушает их целую вечность, надеясь уловить сигналы, которые никогда не придут, потому что — и это самое страшное — человек один во Вселенной, он является исключительным случаем самосознания, которое жаждет, но никогда не дождется радости общения. Это то же самое, что быть одиноким на Земле и никогда ни с кем не перекинуться словом, то же самое, что быть одиноким узником, запертым в костяной башне, без возможности выбраться, пообщаться с

кем-нибудь за ее стенами, даже без возможности убедиться, что за этими стенами что-то есть...

Может, именно потому они и не сдавались — чтобы прогнать призраки ночи. Пока они слушали, они жили надеждой: сдаться в эту минуту значило бы признать окончательное поражение. Некоторые считали, что не стоило начинать вообще и тогда не было бы проблемы капитуляции. Таких взглядов придерживались сторонники новых религий, например солитариане. «Там никого нет, — уверяли они, — мы единственный разум, возникший во Вселенной, так давайте же наслаждаться нашей исключительностью». Однако более старые религии поддерживали Программу. «Для чего Богу создавать бесчисленное количество иных звезд и планет, если они не предназначены для живых созданий, почему только человек был создан по Его образу и подобию? Мы найдем их, — говорили они. — Свяжемся с ними. Какие могли у них быть откровения? Как искупали они грехи свои?»

«Вот слова, которые рек я вам, пока пребывал еще с вами, что все исполниться должно, как написано в законе Моисеевом, в книгах пророков и в псалмах, меня касающихся... И написано там, и предназначены Христу мука и воскрешение из мертвых на третий день, а история этого искупления и отпущения грехов провозглашаться пусть будет от его имени среди всех народов, начиная от Иерусалима. И мы свидетели этого.

И вот передаю я вам пророчество Отца моего: оставайтесь в городе Иерусалиме, пока не сойдет на вас благодать с небес»*.

Сумерки превратились в ночь, небо почернело, вновь родились звезды. Начиналось прослушивание. Макдональд обошел здание, сел в машину, скатился вниз и только у подножия холма завел двигатель. Предстоял долгий путь домой.

Гасиенда была темна, и на Макдональда накатило знакомое ощущение пустоты. Так бывало, когда Мария навещала друзей в Мехико-сити. Но сейчас Мария была дома.

Он открыл дверь и зажег свет в холле.

— Мария?

Он прошел по холлу, выложенному терракотовой плиткой, не очень быстро и не очень медленно.

— Querida?**

По пути он зажег свет в гостиной и двинулся дальше,

* Евангелие от Луки, 24; 44-49.

** Querida (исп.) — любимая, возлюбленная.

минуя двери столовой, кабинета, кухни. Наконец открыл дверь в темную спальню.

— Мария Чавес?!

Макдональд вполне открыл свет. Мария спала со спокойным лицом, черные волосы были разбросаны по подушке. Она лежала на боку, подогнув ноги под одеялом.

«...Всю кровь мою
Пронизывает трепет несказанный:
Следы огня белого узнаю!»*

Глядя на нее, Макдональд сравнивал ее черты с теми, что сохранила память. Даже в эту минуту, когда веки скрывали ее черные глаза, она была красивейшей женщиной, которую он когда-либо видел. Сколько счастливых минут пережили они вместе! Душа оживала в нем в тепле воспоминаний, когда он вызывал в памяти драгоценные подробности.

«Больше всего я боюсь страха»**.

Он присел на край постели, наклонился и поцеловал жену в щеку и в плечо, там, где сбилась рубашка. Она не проснулась, и тогда он осторожно тряхнул ее за плечо.

— Мария!

Она повернулась на спину, вытянула ноги. Потом вздохнула и открыла глаза.

— Это я, Робби, — сказал Макдональд, непроизвольно говоря с легким ирландским акцентом.

Глаза ее оживились, по лицу скользнула сонная улыбка.

— Робби! Ты вернулся.

— *Yo te amo****, — прошептал он, снова поцеловал ее и, выпрямившись, произнес: — Я забираю тебя на ужин. Вставай и надень что-нибудь, а я буду готов через полчаса. А может, и раньше.

— Раньше, — сказала она.

Он вышел и направился на кухню. В холодильнике нашел головку салата, забрался поглубже и обнаружил тонкие ломтики телятины. Быстро и профессионально он начал готовить салат «а ля Цезарь» и телячьи эскалопы. Он любил готовить. Вскоре салат был готов, лимонный сок, эстрагон и белое вино добавлены в подрумяненную телятину. Когда появилась Мария, он подлил немного бульона.

Мария остановилась в дверях — стройная, гибкая, прекрасная — и принялась.

* Данте. «Божественная Комедия» (пер. М. Лозинского).

** Монтень. «Опыты».

*** Я тебя люблю (исп.).

— Чую что-то роскошное.

Это была шутка. Когда готовила Мария, все было так наперчено, что буквально прожигало себе путь к желудку и оставалось там горящими угольями. Когда же готовил Макдональд, это всегда было что-то экзотическое — из французской, иногда итальянской или китайской кухни. Но кто бы ни готовил, второй обязательно должен был восхищаться или на целую неделю принимать кухню на себя.

Макдональд разлил вино по бокалам.

— «За наилучшую, наикрасивейшую, — сказал он, — за радость мою и счастье мое!»*

— За Программу, — сказала Мария. — Чтобы этой ночью вы поймали какой-нибудь сигнал.

Макдональд покачал головой.

— Этой ночью мы будем только вдвоем.

И они были только вдвоем, как вот уже двадцать лет. И она была так же игрива и настойчива, так же влюблена и весела, как и тогда, когда они были вместе в первый раз. Наконец настойчивость сменилась безмерным покоем, в котором на время рассеялись мысли о Программе, оставив после себя что-то далекое, к чему можно вернуться когда-нибудь и когда-нибудь закончить.

— Мария... — сказал он.

— Да, Робби?

— Yo te amo, corazon**.

— Yo te amo, Робби.

А потом, когда он лежал рядом с ней, терпеливо ожидая, когда ее дыхание успокоится, Программа снова вернулась в его мысли. Решив, что жена заснула, он встал и начал одеваться в темноте.

— Робби? — в голосе ее звучал страх.

— Querida?

— Ты снова уходишь?

— Я не хотел тебя будить.

— Ты обязательно должен идти?

— Это мой долг.

— Ну, хотя бы один раз останься со мной.

Он включил свет и увидел на ее лице беспокойство, но без истерии.

— Кто не движется, того ржа покрывает. Кроме того, мне было бы стыдно.

— Понимаю. Тогда иди, только возвращайся поскорее.

* Бодлер. «Les Epaves» («Обломки»).

** Corazon (исп.) — сердце.

Он выложил на полочку в ванной две таблетки и спрятал остальные.

В главном здании настоящая жизнь начиналась ночью, когда солнечный радиосум был минимальным. По коридорам сновали девушки с кофейниками, у буфета стояли поглощенные разговором мужчины.

Макдональд вошел в центральную аппаратную. У прибором дежурил Адамс, техником был Монтелеоне. Адамс поднял голову, безнадежным жестом тронул наушники на своей голове и пожал плечами. Макдональд кивнул ему и Монтелеоне, потом перевел взгляд на график. Случайное распределение, как и всегда.

Адамс нагнулся рядом с ним, указал пару пиков.

— Может, в них что-то есть.

— Маловероятно, — ответил Макдональд.

— Наверное, ты прав. Компьютер никак не среагировал.

— Когда несколько лет кряду разглядываешь графики, они входят тебе в кровь и ты сам начинаешь думать, как компьютер.

— Или впадаешь в депрессию из-за неудач.

— Бывает...

Помещение блестело, как лаборатория: стекло, металл и пластик, все гладкое и стерильное, и всюду пахло электрическим током. Макдональд, конечно, знал, что у электричества нет запаха, но так уж привык думать. Может, это пахло озоном, нагретой изоляцией или маслом. Впрочем, чем бы ни пахло, жалко было терять время на расследование. Честно говоря, Макдональду и не хотелось этого знать. Он предпочитал думать об этом, как о запахе электричества. Может, потому ученый из него был никакой. «Ученый — это человек, который хочет знать, почему», — раз за разом повторяли ему учителя.

Макдональд склонился над пультом и щелкнул тумблером. Тихий шипящий шум заполнил помещение, словно воздух выходил из проколотой шины.

Он повернул ручку, и звук превратился в то, что Теннисон назвал «урчащими мириадами пчел». Еще чуть-чуть — и звук напомнил Мэтью Арнольда.

...меланхолия и немолчный шум
Дыханием ночного ветра
Уносимый...*

* Мэтью Арнольд. «Пляж в Дувре».

Он еще покрутил ручку, и звуки перешли в шум далеких голосов: одни звали, другие истошно орали, третьи спокойно рассуждали, а четвертые шептали — все как один в безграничном отчаянии, старались что-то втолковать и все до одного были за порогом понимания. Закрыв глаза, Макдональд почти видел лица, прижатые к далекому оконному стеклу, кривящиеся в страшных усилиях, чтобы их услышали и поняли.

Однако все они говорили одновременно, и Макдональду хотелось крикнуть: «Молчать! Говори ты... вот ты, с пурпурными антеннами. Говорите по очереди, и мы выслушаем всех, хотя бы это длилось сто лет или сто человеческих жизней».

— Иногда, — сказал Адамс, — мне кажется, что динамики установили напрасно. Через какое-то время начинаешь что-то слышать, порой даже принимаешь какие-то послания. Век бы этого не слышать. Часто я просыпался по ночам, слыша чей-то шепот. Вот-вот должно было прийти послание, которое разрешило бы все сомнения, и тут я просыпался.

Он выключил динамики.

— Может, кто-нибудь и примет послание, — сказал Макдональд. — Этому и служит переложение на радиочастоту — сохранению напряженного внимания. Это может гипнотизировать, может мучить, но именно в таких условиях и рождаются озарения.

— Безумие тоже, — возразил Адамс. — Человек должен быть в хорошей форме, чтобы толкать свою тележку дальше.

— Конечно.

Макдональд поднял наушники, отложенные Адамсом, и приложил один к уху.

«Тик-так, тико-тико, — стрекотал он. — Слушают в Пуэрто-Рико. Но не слышат ничего. Может, нет там никого?»

Макдональд отложил наушники и улыбнулся.

— Возможно, безумие — тоже озарение своего рода.

— По крайней мере это отвлекает меня от черных мыслей.

— Может, и от работы тоже? Ты на самом деле хочешь найти там кого-нибудь?

— А зачем же я тут сижу? Однако порой у меня мелькает мысль: а не лучше ли ничего не знать?

— Все мы порой думаем об этом, — ответил Макдональд.

В кабинете он вновь взялся за пачку бумаг и писем и, разобравшись, наконец, с ними, встал и со вздохом потянулся. Мелькнула мысль, что он чувствовал бы себя лучше

и увереннее, если бы работал над Программой сам, вместо того чтобы обеспечивать работу другим. Кто-то должен был следить, чтобы Программа худо-бедно двигалась, чтобы персонал вовремя приходил на работу, чтобы в банк поступали деньги, чтобы счета оплачивались и чтобы все до мелочей было предусмотрено.

Может, эта черная канцелярская работа и есть самое важное. Конечно, Лили могла бы делать это не хуже него, но важно было, чтобы это делал он, чтобы всем руководил человек, верящий в Программу или по крайней мере никогда не выдающий своих сомнений. Подобно Малому Уху он был символом, а символы поддерживают в людях жизнь, не позволяют им погрузиться в отчаяние.

В приемной его ждал дворник.

— Вы меня примете, мистер Макдональд? — спросил он.

— Конечно, Джо, — сказал Макдональд, притворяя дверь в кабинет. — А в чем дело?

— В моих зубах, сэр.

Старик встал со стула и одним движением языка и губ выплюнул протез на ладонь. Макдональд уставился на них с отвращением: старательно сделанные искусственные челюсти слишком похожи на настоящие. Макдональду никогда не нравились предметы, которые здорово походили на то, чем не были на самом деле, словно в них таился какой-то обман.

— Они говорят шо мной, миштер Макдональд, — прощамкал дворник, подозрительно поглядывая на зубы, лежащие на ладони. — Шепчут мне по ночам из штакана ш водой. Об очень далеких вещах шепчут... словно какие-то пошлания.

Макдональд уставился на него. Странно прозвучало это слово в устах старика, да и трудно было произнести его без зубов. И все же это было слово «послания». А чему тут удивляться? Дед мог подхватить его где-нибудь в конторе или в лабораториях. Было бы куда удивительнее, если бы он ничего не почерпнул из.

— Я слышал о таких вещах, — сказал Макдональд. — Искусственные зубы случайно образуют этакий детекторный приемник, принимающий радиоволны. Особенно вблизи какой-нибудь мощной радиостанции. А вокруг нас бродит множество рассеянных волн. Вот что мы сделаем, Джо. Запишем тебя к нашему дантисту, и он сделает так, чтобы зубы тебе не мешали. Достаточно будет небольшого изменения.

— Шпашибо, миштер Макдональд, — сказал старик и

сунул зубы обратно в рот. — Вы прекрасный человек, мистер Макдональд.

Макдональд проехал десять темных миль до гасиенды со смутным беспокойством, словно на протяжении дня сделал что-то или, наоборот, чего-то не сделал, хотя должен был.

Дом был темен, но не казался пустым, как несколько часов назад. Мария спала, спокойно дыша.

Дом сиял окнами, бросавшими длинные лучи света в темноту, а звучание множества голосов пробуждало такое эхо, что казалось, будто вся округа бурлит жизнью.

— Входи, Лили, — сказал Макдональд, вспоминая зимнюю сцену, когда некая Лили встречала у дверей джентльменов и помогала им снимать пальто. Но тогда это была другая Лили и дом другой, да и воспоминания были чьи-то чужие. — Рад, что ты все же решилась. — Рукой, в которой держал банку пива, он махнул в сторону главного источника шума. — В гостиной есть пиво, а в кабинете кое-что покрепче — пшеничный спирт, девяносто пять градусов, если быть точным. Осторожнее с ним — коварная зверюга. Ну, *vincit bibendum**.

— А где миссис Макдональд? — спросила Лили.

— Где-то внутри, — Макдональд вновь махнул банкой. — Мужчины и несколько отважных женщин сидят в кабинете. Женщины и несколько отважных мужчин — в гостиной. Кухня — общая территория. Выбор за тобой.

— Не надо было мне приходить, — сказала Лили. — Я обещала мистеру Сандерсу подменить его в центральной аппаратной, но он сказал, что я не знаю принципов обслуживания. Как будто компьютеру нужна чья-то помощь, а я в случае чего не соображу вызвать кого-нибудь.

— Сказать тебе правду, Лили? — спросил Макдональд. — Компьютер справился бы сам, а ты на пару с компьютером справилась бы лучше любого из нас, включая меня. Но если только намекнуть людям, что они лишние, они понимают свою бесполезность и уходят. А этого делать нельзя.

— О, Мак... — сказала Лили.

— Этого делать нельзя, потому что у одного из них рано или поздно возникнет идея, которая разрешит всю проблему

* А теперь выпьем! — Гораций. «Оды», часть 1.

разом. Не у меня, а у одного из них. Чуть погода мы пошлем кого-нибудь сменить Чарли.

Того спасти мы можем,
Кто сам спастись рад...*

— Слушаюсь, шеф.

— И развлекайся от души.

— Слушаюсь, шеф, будет исполнено.

— Найди себе какого-нибудь мужика, Лили, — буркнул Макдональд и тоже отправился в гостиную, потому что никого больше не ждал.

Остановившись в дверях, он прислушался, медленно цедя из банки теплеющее пиво.

— ...серьезно поработать с гамма-лучами...

— У кого есть деньги на такой генератор? Поскольку никто еще не построил ни одного, неизвестно даже, сколько это может стоить.

— ...источники гамма-излучения должны встречаться в миллион раз реже, чем радиоисточники волны в двадцать один сантиметр...

— Об этом говорил еще Коккони почти пятьдесят лет назад. Те же самые аргументы, всегда одни и те же аргументы.

— Если уж они верны, значит, верны.

— Однако частота излучения водорода подсказывает именно это. Как Моррисон сказал Коккони, а тот, как вы помните, согласился, она является логичным, заранее подготовленным местом радиорандеву. «Естественная природная частота, которая должна быть известна любому наблюдателю во Вселенной» — вот как они это определили.

— ...однако уровень помех...

Улыбнувшись, Макдональд отправился на кухню за новой банкой пива.

— ...«автоматических посланцев» Брейсуэлла? — раздраженно спросил чей-то голос.

— Чего ты хочешь от них?

— Почему мы их не ищем?

— Дело в том, что «посланцы» Брейсуэлла сами нам представляются.

— А может, что-то неладно с нашими. Через несколько миллионов лет на орбите...

— ...лазерные лучи надежнее.

Лили вздохнула.

* Гете. «Фауст» (пер. Н. Холодковского).

— Чтобы они затерялись среди сияния звезд?

— Как показали Шварц и Таунс, достаточно только брать длину волны, поглощаемую атмосферами звезд...

В кабинете разговаривали о квантовых шумах.

— Квантовый шум говорит в пользу низких частот.

— Но шум определяет и нижнюю границу этих частот.

— Дрейк рассчитал, что самые благоприятные — с учетом уровня шума — частоты лежат между тремя и двумя десятичными и восьмью и одной десятой сантиметра.

— «Дрейк, Дрейк»?! Что он знал? У нас перед ним явное преимущество — почти пятьдесят лет исследований и технического прогресса. Пятьдесят лет назад мы могли посылать радиосигналы на расстояние до тысячи световых лет, а лазерные — до десяти светолет. А сегодня соответственно десять тысяч и пятьсот.

— А если там никого нет? — угрюмо спросил Адамс.

«Я дух, всегда привыкший отрицать»*.

— ...импульсами, как предлагал Оливер. Сто миллионов ватт в одной десятимиллиардной секунды расплзется по всему спектру радиоизлучений. Нальешь нам, Мак?

Макдональд начал пробираться между группами гостей к бару.

— А я сказала Чарли, — говорила в углу какая-то женщина двум другим, — что если бы получала десятку за каждую поменянную засранную пеленку, то не торчала бы здесь, в Пуэрто-Рико...

— ...Нейтрино... — сказал кто-то.

— Вздор, — отозвался другой голос. — Единственной действительно логической средой являются Ку-волны.

Макдональд осторожно наливал спирт в стаканы и разбавлял его апельсиновым соком.

— Знаю-знаю, это те волны, которых мы еще не открыли, но должны открыть через несколько лет. Правда, прошло уже пятьдесят лет с тех пор, как Моррисон выдвинул эту теорию, а мы до сих пор не продвинулись ни на шаг.

Макдональд двинулся через кабинет в обратный путь.

— Измучила меня эта ночная работа, — сказала чья-то жена. — Целый день дети висят на шее, а он еще хочет, чтобы я встречала его на пороге, когда он возвращается на рассвете. Каков Ромео?!

— А может, все там только слушают? — тоскливо спросил Адамс. — Может, все там сидят и слушают, как мы? Ведь это гораздо дешевле, чем передавать.

* Гете. «Фауст». (пер. Б. Пастернака).

— Прошу, — сказал Макдональд.

— А ты не думаешь, что кому-то это уже пришло в голову и он начал передавать?

— Поставь теперь себя на место тех других и подумай, что пришедшее в голову тебе пришло в голову и им. Если, конечно, там вообще кто-то есть. Так или иначе, от всего этого волосы дыбом встают.

— Ладно, значит, нужно что-то передать.

— И что бы ты передал?

— Нужно подумать. Может быть, простые числа?

— А если это не математическая цивилизация?

— Идиот! Как бы они тогда построили антенну?

— Может, по наитию, как радиолюбители. А может, у них встроенные антенны, только они этого не знают.

— Может, и у тебя тоже?

Банка Макдональда опустела, и он подался на кухню.

— ...требовать равного времени на Большом Ухе. Даже если никто не передает, мы могли бы поймать электронный шум цивилизации, отстоящей от нас на десять световых лет. Проблема была бы с расшифровкой, а не с приемом.

— Они это уже принимают во время изучения относительно близких систем. Попроси такую ленту и разработаи программу.

— Хорошо, я так и сделаю это, дайте мне только время...

Макдональд оказался рядом с Марией, обнял ее за талию и привлек к себе.

— Все в порядке? — спросил он.

— В порядке, — ответила она, но лицо ее выдавало усталость.

Его тревожила мысль о том, что она стареет, вступает в средний возраст. Собственной старости он еще мог противостоять. Он чувствовал, как в костях его отлагаются годы, однако в душе считал себя по-прежнему двадцатилетним, хотя и знал, что ему стукнуло сорок семь. Но он радовался счастью и любви, покою и безмятежности. За это он готов был заплатить собственным юношеским воодушевлением и верой в свое бессмертие. Но только не Мария!

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины*.

— Правда?

Она кивнула, и он крепче прижал ее к себе.

— Хотел бы я, чтобы мы были только вдвоем, как всегда.

* Данте. «Божественная комедия» (пер. М. Лозинского).

— Я тоже.

— Скоро мне придется собираться.

— Придется?

— Я должен сменить Сандерса. Он на дежурстве. Пусть немного повеселится с остальными.

— Ты не можешь послать кого-нибудь другого?

— Кого? — Макдональд с добродушной беспомощностью повел рукой. — Они хорошо веселятся. Никто не заметит, как я смоюсь.

— Я замечу.

— Конечно, querida.

— Ты им мать, отец и священник в одном лице, — сказала Мария. — Ты слишком заботишься о них.

— Их нужно объединять. Впрочем, на что еще я гожусь?

— Что-нибудь наверняка можно найти.

Макдональд стиснул ее одной рукой.

— Вы только взгляните на Мака и Марию, — сказал кто-то. — Какая невероятная пре... данность!

Макдональд с улыбкой стерпел похлопывание по спине, одновременно прикрывая Марию.

— Увидимся позднее, — сказал он.

Проходя через гостиную, он слышал, как кто-то говорит:

— Как утверждает Эди, нужно приглядеться к цепочечным макромолекулам в хондриках, содержащих уголь. Неизвестно, откуда они прибыли или были присланы, а какое послание может быть закодировано в молекулах...

Когда он закрыл за собою дверь, гомон стих до ропота, а потом до шелеста. На мгновение Макдональд задержался у дверцы автомобиля и поднял взгляд к небу.

«И здесь мы вышли вновь узреть светила»*.

Шелест из гасиенды напомнил ему динамики в центральной аппаратной. Все эти голоса говорят, говорят и говорят, а он не может понять ни слова. Мелькнула какая-то идея... если бы только он мог на ней сосредоточиться! Однако он выпил слишком много пива... а может, слишком мало.

После долгих часов прослушивания Макдональд всегда испытывал легкий сдвиг по фазе, но в эту ночь было хуже, чем обычно. Может, из-за всех этих разговоров, пива или чего-то еще: какой-то более глубокой неопределенной тревоги.

* Данте. «Божественная комедия». (пер. М. Лозинского).

«Тик-так, тико-тико...»

Даже если бы они сумели принять какое-то послание, то, прежде чем удастся завязать диалог хотя бы с ближайшей из возможных звезд, от них самих и следа не останется. Из какой безумной самоотверженности рождается эта настойчивость?

«Слушают в Пуэрто-Рико...»

Например, из религии. По крайней мере так было когда-то, в эпоху соборов, которые возводились веками.

«— Чем занимаешься, приятель?

— Работаю за десять франков в день.

— А ты что делаешь?

— Кладу камень.

— А что... что делаешь ты?

— Я возвожу собор».

Большинство из них возводило соборы. Большинство из них отдавались своей миссии с религиозным фанатизмом. Только так можно работать всю жизнь без надежды увидеть «плод трудов» своих.

«Но не слышат ничего...»

Обычные каменщики и те, кто работал только ради денег, со временем отпадали, оставляя лишь тех, в чьей душе не умерла вера, не умерла мечта. Но сначала эти адепты должны были чуточку спятить.

«Может, нет там никого?»

Сегодня ночью он слышал голоса почти все время. Они упрямо пытались что-то сказать ему, что-то срочное, очень важное, но он опять не мог различить ни слова. Он слышал лишь приглушенную болтовню вдалеке, назойливую и непонятную.

«Тик-так, тик-ток...»

Ему снова захотелось заорать на всю вселенную: «Заткнитесь! Не все сразу! Сначала ты!» Но, разумеется, сделать это было невозможно. Но разве он хотя бы пытался? Разве хоть раз крикнул?

«Уши ставь торчком, как волк!»

Заснул он за пультом, под эту болтовню или ему только показалось? Или, может, ему приснилось, что он проснулся? Или приснилось, что он спал?

Во всем этом гнездились безумие, но, может, безумие божественное, творческое? И разве не такое вот безумие оплодотворяет человеческое самосознание, становится движущей силой помешательства, требующего порядка от стохастической Вселенной, клапаном ужасающего одиночества, ищущего компании среди звезд?

«А может, одни мы — и в этом весь сказ?»

Звонок телефона увяз в сонных дебрях. Макдональд поднял трубку, почти уверенный, что заговорит Вселенная, возможно, по-британски проглатывая окончания: «Алло, Человек? Это ты? Алло? Что-то плохо слышно, да? Я просто хотела сообщить, что я существую. А ты как? Ты меня слышишь? Послание в пути, дойдет через пару столетий. Надеюсь, ты будешь рядом, чтобы ответить? Ты хорошее существо. Ну ладно, пока...»

Но это была не Вселенная. Говорил голос с американским выговором, знакомый голос Чарли Сандерса.

— Мак, произошел несчастный случай. Ольсен уже выехал, чтобы тебя сменить, но ты не дожидайся, плюнь на все и приезжай поскорее. Речь идет о Марии.

Плюнь на все. Плюнь на все это. Какое это имеет значение? Поставь приборы на автоматический контроль, и компьютер сам со всем управится. Мария! Садись в машину. Шевелись! Не копайся! Так, хорошо. Быстрее! Быстрее! О, какая-то машина. Наверняка это Ольсен. А, неважно!

Какой еще несчастный случай? Почему я не спросил? А-а, неважно, какой. Мария. С ней ничего не может случиться. Ничего серьезного. Не в такой толпе людей. Nil desperandum*. И все же... зачем Чарли звонил, если ничего серьезного? Должно быть, что-то серьезное. Нужно приготовиться к чему-то очень плохому, к такому, от чего содрогнется мир и разорвется душа.

Нельзя, чтобы я сломался на глазах у всех. А почему нельзя? Почему я должен изображать железного? Почему всегда должен быть спокойным, невозмутимым, уверенным? Почему я? Если случилось страшное, если что-то невероятно плохое постигло Марию, ничто уже не будет важно. Никогда. Почему я не спросил Чарли, что случилось? Почему? Злое может подождать, и хуже от этого не станет.

* Nil desperandum (лат.) — не отчаиваться.

«Какое дело Вселенной до моих страданий? Я ничто. Мои чувства безразличны всем, кроме меня самого. Единственное, почему я что-то значу для Вселенной, — это Программа. Только это связывает меня с вечностью. Моя любовь и мои страдания только со мной, но моя жизнь или смерть имеют значение для Программы».

Подъезжая к гасиенде, Макдональд дышал спокойно, он почти справился со своими чувствами. Небо на востоке посерело перед рассветом — обычный час возвращения домой сотрудников Программы. В дверях его ждал Сандерс.

— Пришел доктор Лессенден. Он у Марии.

В воздухе еще не рассеялся запах сигаретного дыма и воспоминание о шуме голосов, однако кто-то уже поработал и следы вечеринки исчезли. Наверное, все крутились как белки в колесе — люди у него были хорошие.

— Бетти нашла ее в ванной, что за вашей спальней — все остальные были заняты. Это моя вина — мне надо было оставаться на дежурстве. Может, если бы ты был здесь... Но я знал, что ты сам хочешь подежурить.

— Ничьей вины тут нет. Мария очень часто оставалась одна, — сказал Макдональд. — Что случилось?

— Разве я не сказал? Полоснула бритвой запястья. Оба. Бетти нашла ее в ванне... как в розовом лимонаде.

Какая-то лапа стиснула внутренности и теперь медленно отпускала их. Да, вот оно. Разве он не знал с самого начала? После того снотворного он всегда знал, что это произойдет, хотя и старался поверить ей, что передозировка была случайной. А может, все-таки не знал? Несомненно было только одно — сообщение Сандерса его не удивило.

А потом была спальня. Они стояли, а Мария лежала под одеялом, почти незаметная под ним, а руки ее с повязками покоились на одеяле ладонями вверх — как полосы белой краски поперек оливкового совершенства этих рук. Уже не совершенства, напомнил он себе, ибо теперь его нарушали ужасные красные губы, говорившие о несчастной судьбе и невысказанной печали, о жизни, которая оказалась всего лишь подделкой...

Доктор Лессенден поднял голову; струйки пота стекали у него по лбу.

— Кровотечение прекратилось, но она потеряла много крови. Я должен забрать ее в больницу на переливание. Машина подойдет с минуты на минуту.

Макдональд взглянул на лицо Марии — она была бледнее, чем когда-либо. Почти восковая, она выглядела так, словно ее уже уложили на атласную подушку для вечного сна.

— Шансов у нее пятьдесят на пятьдесят, — ответил Лессенден на его немой вопрос.

Мимо прошли санитары с носилками.

— Бетти нашла это на ее туалетном столике, — сказал Сандерс и вручил Макдональду сложенный листок бумаги. Макдональд развернул его.

«Je m'en vais chercher un grand Peut-être»*

Приход Макдональда на работу удивил всех. Никто ничего не говорил, а он не спешил объяснять, что не мог вынести сидения в доме, полном воспоминаний, и ждать известий. Однако о Марии его спросили, и он ответил:

— Доктор Лессенден не теряет надежды. Она еще не пришла в себя и, вероятно, будет без сознания еще какое-то время. Доктор сказал, что с тем же успехом я могу ждать здесь, а не в больнице. Наверное, я просто действовал им на нервы. Они не теряют надежды, но Мария пока без сознания...

Наконец Макдональд остался один. Он вынул бумагу и ручку и долгое время работал над заявлением. Потом скомкал лист и швырнул в корзину для мусора, нацарапал на другом листе бумаги одну фразу и вызвал Лили.

— Отправь это!

Она взглянула на бумагу.

— Нет, Мак...

— Отправь это!

— Но...

— Это не прихоть, я все тщательно обдумал. Отправь это.

Она медленно вышла из кабинета, держа листок кончиками пальцев. Макдональд перекладывал бумаги на столе, ожидая телефонного звонка. Но сначала без стука вошел Сандерс.

— Ты не можешь бросить нас, Мак, — сказал он.

Макдональд вздохнул.

— Лили уже сказала тебе? Я уволил бы ее, не будь она так верна.

— Конечно, сказала. Дело ведь не только в тебе, а во всей Программе.

— Вот именно. Я тоже имел в виду Программу.

— Мне кажется, я понимаю тебя, Мак... — Сандерс умолк. — Конечно, я не знаю, что ты переживаешь. Наверное, это очень тяжело. Но все-таки не бросай нас. Подумай о Программе.

* «Иду искать великое Быть-Может». — Рабле на смертном одре.

— Вот я и подумал. Я ведь жизненный банкрот, Чарли. Чего я ни коснусь, от всего остается лишь пепел.

— Ты лучше всех нас.

— Да неужто? Скверный лингвист и дрянной инженер? У меня не хватает квалификации для такой работы, Чарли. Для руководства Программой нужен человек изобретательный, настоящий лидер, кто-нибудь, обладающий... шармом.

Несколько минут спустя он повторил все это Ольсену, а когда дошел до квалификации, Ольсен сумел ответить только:

— Ты устраиваешь отличные вечеринки, Мак.

Скептик Адамс тронул его сильнее всего:

— Мак, я верю в тебя вместо Бога.

Зонненборн сказал:

— Программа — это ты. Если ты уйдешь, все развалится. Это будет конец всему.

— Так всегда кажется, но никогда не происходит с делами, которые живут собственной жизнью. Программа существовала до меня и останется после моего ухода. Она долговечнее любого из нас, ибо мы на года, а она на столетия.

После Зонненборна он устало бросил в селектор:

— Хватит, Лили...

Никто из них не посмел упомянуть о Марии. Она пыталась что-то сказать ему месяц назад, когда приняла таблетки, но он так и не сумел ее понять. Как же он сможет понять звезды, если не может понять даже самых близких себе людей. Вот и пришло время расплачиваться за это.

Чего могла хотеть Мария? Он знал, чего она хочет, но если выживет, он не допустит, чтобы она заплатила такую цену. Слишком долго она жила для него, ждала, как кукла на полке, когда он вернется и снимет ее с этой полки, чтобы она дала ему силы бороться дальше. В душе ее нарастало страдание, годы уходили, а ведь это самое страшное для красивой женщины — стареть в одиночестве... в неестественном одиночестве. Он был эгоистом и держал ее только для себя, не желая детей, которые могли разрушить совершенство их жизни вдвоем. Совершенство... Для него — может быть, а для нее это было куда как далеко от идеала. Может, еще не поздно, если Мария выживет. А если она умрет, ему просто не хватит сердца, чтобы и дальше тащить эту работу, в которую — теперь он знал это — он не вносит ничего толкового.

Зазвонил телефон. Наконец-то!..

— Она будет жить, Мак, — сказал Лессенден. — Мак, я сказал...

— Я слышал.

— Она хочет видеть тебя.

— Сейчас приеду.

— Она просила передать тебе кое-что. «Скажи Роберту, что это был просто срыв. Больше ничего такого не повторится. При детальном рассмотрении «великое Быть-Может» превращается в полную уверенность. И скажи еще, чтобы он сам не вздумал сорваться».

Макдональд положил трубку и вышел из кабинета, чувствуя, как что-то вот-вот разорвет ему грудь.

— Будет жить, — бросил он Лили через плечо.

— О, Мак...

В коридоре его остановил дворник Джо.

— Мистер Макдональд...

Макдональд остановился.

— Ты уже был у дантиста, Джо?

— Нет, сэр, еще не был, но я не о том...

— Не ходи. Я хочу поставить магнитофон у твоей кровати. Кто знает...

— Спасибо, сэр, но я... Говорят, вы уходите, мистер Макдональд?

— Кто-нибудь другой займет мое место.

— Вы не понимаете. Не уходите, мистер Макдональд!

— Почему, Джо?

— Вас одного это взаправду волнует.

Макдональд уже собирался выйти, но это его остановило.

«Поистине мудр тот, кто знает самого себя!»*

Развернувшись, он зашагал обратно к кабинету.

— Мой листок еще у тебя, Лили?

— Да.

— Ты его не отправила?

— Нет.

— Нехорошо... Дай мне его.

Он еще раз прочел фразу на листе бумаги: «Я глубоко верю в цели и конечный успех Программы, но по личным причинам вынужден подать в отставку».

Макдональд долго смотрел на листок.

«Карлик, стоящий на плечах гиганта, видит дальше, чем сам гигант»**.

* Д. Чосер. Кентерберийские рассказы.

** С. Т. Кольридж. Друг.

РАБОТА КОМПЬЮТЕРА

В начале было слово, и слово это было — водород...

ХАРЛОУ ШЕПЛИ, 1958

Никто не поверил бы в последние годы девятнадцатого столетия, что за всем происходящим на Земле зорко и внимательно следят существа более развитые, чем человек, хотя такие же смертные, как он... А между тем через бездну пространства на Землю смотрели глазами полными зависти, существа с высокоразвитым, холодным, бесчувственным интеллектом, превосходящие нас настолько, насколько мы превосходим вымерших животных, и медленно, но верно осуществляли свои враждебные нам планы...*

Г. ДЖ. УЭЛЛС, 1898

Индивидуумы умирают, однако общее количество живой материи сохраняется и даже растет. Представим себе шарообразный организм с полностью замкнутыми циклами физиологических процессов. Такой организм будет бессмертен и автотрофен и может даже развить у себя высшее сознание... Основной деятельностью высших организмов во вселенной может также быть колонизация иных планет. Такого типа существа, вероятно, не могут обладать шарообразной формой и не будут бессмертны. По крайней мере на одной планете существа овладели техникой, позволяющей им преодолеть силу тяжести и вести колонизацию вселенной... В свою очередь колонизация — это естественный путь распространения жизни. Эволюция со всеми ее сложностями редка...

В ближайшем будущем короткие радиоволны пронизуют нашу атмосферу и станут основным средством межзвездной связи...

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ, 1934

Отмеченные мной перемены происходили в определенное время, и аналогия между ними и цифрами была настолько четкой, что я не мог увязать их ни с одной известной мне причиной. Мне знакомы естественные электрические помехи, возникающие из-за солнца, полярного сияния и теллурических токов, и я был уверен, как только можно быть уверенным в фактах, что эти помехи не вызваны ни одной из обычных причин...

* Перевод М. Зенкевича.

Только через какое-то время меня осенило, что наблюдаемые мною помехи могли возникнуть в результате сознательных действий... Все сильнее охватывает меня предчувствие, что я первым услышал приветствие от одной планеты другой...

Несмотря на слабость и нечеткость, оно дало мне глубокую убежденность и веру, что вскоре все люди как один устремят на небосвод над нами взгляды, переполненные любовью и почтением, захваченные радостной новостью: Братья! Мы получили сообщение с другой планеты, неизвестной и далекой. И звучит оно: раз... два... три...

НИКОЛАЙ ТЕСЛА, 1900

Кто знает это точно? Кто может нам сказать?

Где зародилось и отколь пришло создание?

Явились боги позже, чем возник наш мир —

Кому же знать тогда его происхождение?

Откуда все явилось, не ведает никто.

И создал все или не создал он,

Смотрящий на наш мир с большого неба

То знает только он — а может, и не знает.

РИГВЕДА, ок. 1000 г. до н. э.

ОДНАЖДЫ, АНАЛИЗИРУЯ ГАММА-ИЗЛУЧЕНИЕ КРАБОВИДНОЙ ТУМАННОСТИ (ЯВЛЯЮЩЕЕСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ СИНХРОТРОННОГО ИЗЛУЧЕНИЯ ПОСЛЕ ВЗРЫВА СВЕРХНОВОЙ В 1054 г. Н. Э.), ДЖУЗЕППЕ КОККОНИ ЗАДУМАЛСЯ, НЕЛЬЗЯ ЛИ ПЕРЕДАВАТЬ МЕЖЗВЕЗДНЫЕ СООБЩЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ ГАММА-ЛУЧЕЙ? ВСТРЕЧАЮТСЯ ОНИ РЕДКО И ЛЕГКО ОПОЗНАЮТСЯ. ПОЧЕМУ ИНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НЕ УВИДЕТЬ В ГАММА-ИЗЛУЧЕНИИ НОСИТЕЛЯ МЕЖЗВЕЗДНЫХ СИГНАЛОВ?

ЕГО ДРУГ И КОЛЛЕГА ФИЛИП МОРРИСОН ЗАМЕТИЛ, ЧТО ГАММА-ЛУЧИ ТРУДНО СОЗДАТЬ И ТРУДНО ПРИНЯТЬ, ТОГДА КАК РАДИОЧАСТОТ ВЕЛИКОЕ МНОЖЕСТВО И ПРИЕМ ИХ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ТРУДНОСТЕЙ.

МОЖЕТ, СЛЕДОВАЛО БЫ СКЛОНИТЬ КАКОЙ-НИБУДЬ ИЗ КРУПНЫХ ТЕЛЕСКОПОВ К ИЗУЧЕНИЮ МНОГООБЕЩАЮЩИХ ЗВЕЗД...

Во Вселенной, размер которой превосходит возможности человеческого воображения, в которой наша планета летит, подобно пылинке в пустоте ночи, людям суждено невыска-

занное одиночество. Мы просматриваем шкалу времени и механизмы самой жизни в поисках стигматов и знамений того, что невидимо. Как единственные мыслящие млекопитающие этой планеты — а может, единственные мыслящие животные во всем звездном мире, — мы влачим на себе все большее бремя сознания. Мы читаем звезды, но знаки эти неясны. Открываем останки прошлого и ищем наши корни. Какая-то тропка вьется перед нами, но она, похоже, уводит в никуда. Однако извивы этой тропы тоже могут иметь какое-то значение, по крайней мере мы уверяем сами себя в этом...

ЛОРЕН ЭЙСИЛИ, 1946

СРЕДНЕАТЛАНТИЧЕСКОЕ РЫБНОЕ ХОЗЯЙСТВО ВЫЛОВИЛО РЕКОРДНОЕ КОЛИЧЕСТВО НОВОЙ УЛУЧШЕННОЙ РАЗНОВИДНОСТИ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ ТРЕСКИ. ТАК НАЗЫВАЕМАЯ СУПЕРТРЕСКА ВЕСИТ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ФУНТОВ И, ПО МНЕНИЮ РЫБОРАЗВОДИТЕЛЕЙ, ПРЕВОСХОДИТ ВКУСОМ ВСЕ, ЧТО ДО СИХ ПОР ВЫШЛО ИЗ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ЛАБОРАТОРИЙ. С ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ ЕЕ МОЖНО БУДЕТ КУПИТЬ В ЛЮБОМ МАГАЗИНЕ.

Хотела бы цивилизация, обладающая высокоразвитой техникой, причинить вред цивилизации, только что приобщившейся к сообществу разумных существ? Сомневаюсь. Если бы, заглянув в микроскоп, я увидел группу бактерий, скандирующих, подобно толпе студентов: «Просим не лить йод на это стеклышко. Мы хотим с тобой поговорить», наверняка я не бросил бы его в стерилизатор. Сомневаюсь, чтобы развитые цивилизации топтали любые конкурирующие формы разума, особенно тогда, когда они явно безопасны...

ФИЛИП МОРРИСОН, 1961

ОЖИДАЕТСЯ, ЧТО ПРОЕКТ БЮДЖЕТА ДЛЯ ТАКИХ НАУЧНЫХ ПРОГРАММ, КАК КОЛОНИЯ НА ЛУНЕ И ПРОСЛУШИВАНИЕ НЕБА, БУДЕТ УТВЕРЖДЕН ПАЛАТОЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОСЛЕ ПРЕНИЙ, ДЛИВШИХСЯ ПОЧТИ ТРИ НЕДЕЛИ. ПРАВДА, ЕСТЬ НЕБОЛЬШОЙ ШАНС ВНЕСЕНИЯ В ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ ПОПРАВКИ, КОТОРАЯ МОЖЕТ ИСКЛЮЧИТЬ ОДНУ ИЗ ЭТИХ ПРОГРАММ. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО, НАИБОЛЬШАЯ ОПАСНОСТЬ ГРОЗИТ ПУЭРТОРИКАНСКОЙ ПРОГРАММЕ ПО ПРИЕМУ

СООБЩЕНИЙ С ДРУГИХ ПЛАНЕТ, КОТОРАЯ ПОЧТИ ЗА ПОЛВЕКА НЕ ДОБИЛАСЬ НИКАКИХ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ.

ЗАТО ПРОЕКТ ЗАКОНА, ПОДНИМАЮЩЕГО МИНИМАЛЬНУЮ ГОДОВУЮ ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ С 10000 ДО 12000 ДОЛЛАРОВ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШИХ ДВУХ ЛЕТ, МОЖЕТ ОЖИДАТЬ ЛИШЬ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА СО СТОРОНЫ КОНГРЕССМЕНОВ, СЧИТАЮЩИХ, ЧТО ЭТО СЛИШКОМ МАЛО...

Уважаемый доктор Ловелл!

...На прошлой неделе, обсуждая с коллегами синхротронное излучение астрономических объектов, я вдруг осознал, что радиотелескоп в Джодрелл Бэнк можно использовать в программе настолько серьезной, что она заслуживает вашего внимания, хотя на первый взгляд выглядит фантастически.

Пожалуй, мне лучше всего перечислить вам все аргументы:

1. По-видимому, жизнь на планетах явление нередкое. Из десяти планет Солнечной системы одна кишит жизненными формами, да и на Марсе может что-то найтись. Солнечная система — не исключение; можно ожидать, что и другие звезды с близкими характеристиками обладают аналогичным количеством планет. Существует высокая вероятность, что некоторые планеты, скажем, ста звезд, ближайших к Солнцу, обладают жизнью на высоком уровне эволюции.

2. Таким образом, существует высокая вероятность, что на некоторых из этих планет животный мир продвинулся в эволюции значительно дальше людей. Цивилизация, опережающая нашу в развитии всего на несколько сотен лет, обладала бы техническими возможностями неизмеримо большими, чем те, которыми мы располагаем в данный момент.

3. Предположим, что какие-то развитые цивилизации существуют на некоторых из этих планет, то есть в радиусе десяти световых лет от нас. Возникает вопрос: как установить с ними связь?

Насколько мы знаем, единственная возможность — использование электромагнитных волн, проникающих намагниченную плазму в межзвездном пространстве, не подвергаясь искажениям.

Короче говоря, я полагаю, что существа с этих планет уже посылают к ближайшим звездам пучки электромагнитных волн, модулированных рациональным образом, напри-

мер, в ряды, соответствующие гротескным числам, — в надежде получить какой-либо ответ...

ПОДПИСАНО: ДЖУЗЕППЕ КОККОНИ

Эта программа требует финансирования на протяжении столетия, а не бюджетного года. Кроме того, у нее есть все шансы на полный провал.

Если, расходуя кучу денег, мы раз в десять лет высказываем с заявлением, что «еще ничего не услышали», то можно представить, как смотрит на нас комиссия Конгресса. Однако я считаю, что идея эта вполне своевременна и что думать об этом — гораздо меньшее ребячество, чем думать о путешествиях в космосе...

ЭДВАРД М. ПАРАЦЕЛЛИ, 1960.

«Я НИКОГДА НЕ ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ ЛУЧШЕ», — ЗАЯВИЛ ПОСЛЕ ВЫХОДА ИЗ ДВУХМЕСЯЧНОЙ ГЛУБОКОЙ ГИБЕРНАЦИИ ФРЕДЕРИК ПЛЭЙЕР, ВЫДАЮЩИЙСЯ ЮЖНОАМЕРИКАНСКИЙ КОМПОЗИТОР И ДИРИЖЕР. ЗАТЕМ ОН ДОБАВИЛ, ЧТО ВО ВРЕМЯ ДОЛГОГО СНА, В КОТОРЫЙ ОН ПОГРУЗИЛСЯ ПО СОВЕТУ ВРАЧА ПОСЛЕ ПРИСТУПА, КОТОРЫЙ СЛУЧИЛСЯ ВО ВРЕМЯ ПОСЛЕДНЕГО КОНЦЕРТА, ОН ЗАКОНЧИЛ МЕДЛЕННУЮ ЧАСТЬ НОВОЙ СИМФОНИИ, КОТОРУЮ НАЗВАЛ «НОВЫЕ МИРЫ».

Одна из ста тысяч звезд имеет на своих планетах развитое общество...

КАРЛ САГАН, 1961

Одна из трех миллионов...

СЕБАСТЬЯН ФОН ХОРНЕР, 1961

Количество существующих сегодня в Галактике цивилизаций, значительно опережающих нашу, может составлять от пятидесяти тысяч до миллиона. Расстояние между этими цивилизациями колеблется от нескольких сотен до тысячи световых лет. Средний возраст общающихся между собой технических цивилизаций составляет десять тысяч лет...

КАРЛ САГАН, 1966

Мы предполагаем, что они уже давно установили телекоммуникационный канал, который однажды обнаружим и мы, и терпеливо дожидаются ответных сигналов, извещаю-

щих, что новая цивилизация присоединилась к сообществу разумных существ...

ФИЛИП MORRISON и ДЖУЗЕППЕ КОККОНИ, 1959.

КОПЕРНИК, БРАГЕ, ТЕСЛА, МАРКОНИ,
MORRISON, ДРЕЙК, СТРУВЕ, ДАЙСОН, КОККОНИ,
ГАЛИЛЕЙ, БАРК, БРАУН, ЦИОЛКОВСКИЙ,
ПАРАЦЕЛЛ, МАСКАЛЛ, САГАН,
ХОЙЛ, ШКЛОВСКИЙ,
ХОРНЕР, СТОРМЕР, СПИТЦЕР, УРИ,
БЛЭККЕТ, БЮССАР, БЕРКНЕР, ЛИЛЛИ,
ЛОУЭЛЛ, ЛОВЕЛЛ, ВИППЛЬ, ФРАНКЛИН,
ГРИНСТЕЙН, ХАСКИНС, ЛЕДЕНБЕРГ, ИВЕН,
ФРОЙДЕНТАЛЬ, МАЙКЛ, РЭЙБЛ, ПИРМАН,
ГОЛЕЙ, БЕМ, МИД, СМИТ, ХЕНДЛСМАН,
ШАХТЕР, ВАН ДЕ ХОЛСТ, ТАУНС, КИЛЛИАН,
ОППЕНГЕЙМЕР, ОЛИВЕР, ШВАРЦ, КАМЕРОН,
ФОРМАН, СИМПСОН, КЭЛВИН, САКШИ,
ЯНСКИЙ, ЭТЧЛИ, УЭББ, СУ-ШУ-ХУАНГ, МАККВАЙР...

Как мы полагаем, вышеприведенные рассуждения доказывают, что существование межзвездных сигналов полностью согласуется со всеми нашими знаниями и что, коль скоро эти сигналы существуют, средства их обнаружения находятся на расстоянии вытянутой руки. Мало кто не согласится с тем, что обнаружение межзвездной телекоммуникации будет иметь огромное практическое и философское значение. Поэтому мы считаем, что опознавательное изучение сигналов заслуживает любых усилий. Трудно оценивать вероятность успеха, но если мы вообще не начнем этих исследований, вероятность успеха будет равна нулю...

MORRISON и КОККОНИ, 1959

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ВЫСТУПИЛО СЕГОДНЯ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ПОГОДОЙ ПОД ЭГИДОЙ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ. МЫ ДОСТИГЛИ ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ УСПЕХОВ В ДЕЛЕ МОДИФИКАЦИИ КЛИМАТА НАШЕЙ СТРАНЫ, — ЗАЯВИЛ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ, — НО ПОГОДА ЯВЛЯЕТСЯ ВСЕМИРНЫМ ВЗАИМОЗАВИСИМЫМ ЯВЛЕНИЕМ И НАМ НИКОГДА НЕ ДОБИТЬСЯ ПОЛНОГО УСПЕХА, ПОКА МЫ НЕ БУДЕМ ПЫТАТЬСЯ РЕШИТЬ ЭТОТ ВОПРОС В ГЛОБАЛЬНОМ МАСШТАБЕ.

Не далее, чем через пятьдесят лет мы будем располагать радиотехникой, развитой до уровня, на котором дальнейшие усовершенствования уже не повлияют на наши возможности связи с другими планетами. Ограничения с того момента будут сведены к фоновым шумам космического пространства и прочим естественным факторам. Наша радиотехника насчитывает сейчас пятьдесят лет, и это значит, что цивилизацию характеризует переход в течение одного столетия от отсутствия какой-либо межзвездной телекоммуникации к максимальному развитию ее возможностей. В астрономическом масштабе времени цивилизация совершает мгновенный прыжок от состояния нулевой радиоподготовки до подготовки идеальной. Если бы имелась возможность изучить большое количество обладающих жизнью планет, вероятно, было бы выявлено или полное незнание радиотехники, или полное овладение ею...

ФРЭНК Д. ДРЕЙК, 1960

Неужели мы и вправду ожидаем, что на ближайшей из этих звезд существует высокоразвитая цивилизация, чего в данный момент нельзя исключить со всей решительностью? Если высокоразвитые цивилизации встречаются не часто, не логичнее ли предположить, что ближайшая из них находится по крайней мере в десять раз дальше, скажем в ста световых годах?..

Даже исключив маловероятных кандидатов, нам все равно придется просматривать тысячи звезд, чтобы найти искомую высокоразвитую цивилизацию, а эта цивилизация должна направлять свой сигнал к тысячам звезд в надежде в конце концов найти кого-нибудь еще. Не нужно забывать, что большую часть миллиардов лет существования Земли такие попытки были бы бесплодными...

РОНАЛЬД Н. БРЭЙСУЭЛЛ, 1960

Приходится считаться с тем, что большинство сообществ, переступивших порог цивилизации, более развиты, чем наша собственная...

ФРЭНК Д. ДРЕЙК, 1960

ВЫВЕДЕНИЕ ГЕНЕТИКАМИ НОВОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ВЫСОКОБЕЛКОВОЙ СУПЕРКУКУРУЗЫ ПРЕДВЕЩАЕТ УНИЧТОЖЕНИЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ ЕЩЕ ОЧАГОВ ГОЛОДА И НЕХВАТКИ БЕЛКА, КАК ТОЛЬКО СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО СЕМЯН БУДЕТ РАСПРОСТРАНЕНО И НАСЕЛЕНИЕ В РАЗЛИЧНЫХ

УГОЛКАХ ЗЕМНОГО ШАРА ПРИВЫКНЕТ К НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫМ ОТЛИЧИЯМ ВО ВКУСЕ И КОНСИСТЕНЦИИ ЭТОГО ПРОДУКТА.

Логичнее было бы предположить, что высокоразвитые цивилизации отправили автоматических посланцев на орбиту вокруг каждой звезды-кандидатки и ждут вероятного пробуждения цивилизации на какой-либо планете этой звезды...

РОНАЛЬД Н. БРЭЙСУЭЛЛ, 1960

Мы накануне развития лазеров, которые на длине волны видимого света или в прилегающих к нему частях спектра делают возможным установление связи между планетами двух звезд, удаленных на много световых лет. Стремительное развитие науки подсказывает вывод, что чужая цивилизация, опередившая нашу в развитии на несколько тысяч лет, обладает возможностями, которые мы сегодня считаем недостижимыми. Они наверняка могли бы уже выслать к нам исследовательский автоматический зонд. Поскольку же до сих пор такого зонда не замечено, возможно, следует в звездных спектрах высокой различимости исследовать весьма узкие участки с необычными частотами или переменной мощностью...

ЧАРЛЬЗ Х. ТАУНС и РОБЕРТ Н. ШВАРЦ, 1961

Цепочечные макромолекулы, извлекаемые из некоторых метеоритов, могли быть помещены там какой-нибудь далекой цивилизацией и отправлены в нашем направлении в огромных количествах. Содержат ли эти цепочечные макромолекулы какую-либо закодированную информацию? А может, нам следует перехватывать на лету кометы, чтобы проверить, нет ли в них какого-нибудь послания издалека...

ЛЕСЛИ К. ЭДИ, 1962

Собственное солнце можно было бы использовать как маяк, если разместить на орбите вокруг него облако частиц. Облако закрывало бы свет настолько, чтобы смотрящему издалека казалось, что солнце мигает...

ФИЛИП МОРРИСОН, 1963

«Можешь ли ты связать узел Хима и разрешить узы Кесиль?»*

КНИГА ИОВА, 38, 31, третье столетие до н.э.

* Хима — Плеяды, Кесиль — Орион.

ИЗРАИЛЬСКИЕ И АРАБСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ ОТМЕТИЛИ СЕГОДНЯ ДЕСЯТУЮ ГОДОВЩИНУ ВОЗВЕДЕНИЯ НА РЕКЕ ИОРДАН БОЛЬШОЙ ПЛОТИНЫ, КОТОРАЯ ПРЕВРАТИЛА ПУСТЫНЮ НЕГЕВ В ЖИТНИЦУ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА.

Огни на ночном небе загораются и гаснут. Люди, утомленные своими трудами, могут ворочаться во сне и мучиться кошмарами, или лежать вовсе без сна, тогда как метеориты обольстительно шепчут над ними. Но нигде во всем пространстве и на тысячах планет не будет людей, которые могли бы разделить с нами одиночество. Может найтись мудрость, может быть, сила, может, откуда-то с окраин пространства в нашу дрейфующую в облаке планету вглядываются могучие инструменты, управляемые странными конечностями, обладатели которых тоскуют так же, как тоскуем мы. Однако смысл жизни и законы эволюции дали нам ответ: мы никогда не встретим там людей...

ЛОРЕН ЭЙСИЛИ, 1946

СКАЖИТЕ НАМ, КАК ПЕРВЫЙ АСТРОНАВТ, СТУПИВШИЙ НА ПОВЕРХНОСТЬ МАРСА И ВЕРНУВШИЙСЯ, — ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА МАРСЕ?

— ДА, ЕСТЬ НЕМНОГО ЖИЗНИ В СУББОТУ ВЕЧЕРОМ, НО В ОСТАЛЬНЫЕ ДНИ НЕДЕЛИ — СКУКА СМЕРТНАЯ.

На небо посмотри! На звездный в небе шнур!

На демонов огня, на воздухе сидящих!

На бастионы блеска и города блестящие!

На бриллианты в небе! Эльфов рой!

На бледных перепонках огненные сферы!

ДЖЕРАРД МЭНЛИ ГОПКИНС, 1877

— О чем-то подобном говорили и писали многие годы... Где-нибудь в нашей Галактике может существовать раса с цивилизацией, равной нашей или более развитой, — математически вероятность этого довольно велика. Никто не мог предсказать, где и когда мы встретим их. Но похоже на то, что сейчас мы их встретили.

— Вы думаете, они отнесутся к нам дружелюбно, сэр?

— Он движется... И держит курс на нас. Что же нам все-таки делать, если чужой корабль окажется в радиусе досягаемости?! Отнесутся дружелюбно? Возможно! Мы попытаемся установить с ними контакт. Мы обязаны это сде-

лать. Но я подозреваю, что наша экспедиция кончилась. Слава богу, у нас есть бластеры!..*

МЮРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР, 1945

Те, кто верит, что цель оправдывает бездну потребных средств, будут продолжать проводить исследования, поддерживаемые надеждой, что когда-нибудь в будущем, может, через сто лет, а может, через неделю, наткнутся на след...

ФРЭНК Д. ДРЕЙК, 1960

II

Джордж Томас — 2027

*...Только слушатели — привидения,
Нашедшие в доме ночлег, —
Стояли и слушали в лунном свете,
Как говорит человек.*

Он прошел по дну кратера, выложенному листьями жести, рядом с большой металлической чашей, висящей на фоне неба, мимо стоянки, размеченной белым ракушечником.

Кратер, высеченный, чтобы вместить тишину звезд,

Пустой кубок, терпеливо ожидающий, когда его наполнят...

Из прямых лучей солнца он вошел во мрак одноэтажного здания, затем по длинным и холодным, все более проясняющимся в его глазах коридорам добрался до кабинета с табличкой «Директор» и мимо секретарши средних лет проследовал в кабинет, где какой-то мужчина поднялся ему навстречу из-за стола, заваленного бумагами.

В коридор — гости здесь были редкостью — вышли бледные ученые и их загорелые ассистенты, с лицами, уставшими от однообразных фактов, с глазами пустыми, как потухшие экраны.

— Меня зовут Джордж Томас, — сказал человек.

— Роберт Макдональд, — представился мужчина за столом.

Они пожали друг другу руки.

«У Макдональда приятное рукопожатие, — подумал Томас, — почти мягкое, но не дряблое, не безразличное».

— Знаю, — сказал Томас. — Вы директор Программы.

* Пер. Д. Брускина.

По тому, как это было сказано, чуткий собеседник мог сделать определенные выводы, но Томаса это не волновало.

Кабинет был прохладный, приятный, скромный, почти такой же, как мужчина, который в нем работал. В коридоре пахло машинным маслом и озоном, но здесь царил запах, более близкий сердцу Томаса, — запах бумаги и старых книг, от которого он чувствовал себя как дома. Позади простого стола возвышались высокие стеллажи, утопленные в стены, а на их полках книги в темно-коричневых, темно-красных и темно-зеленых переплетах из настоящей кожи. Со своего места Томас не мог прочесть названия полностью, однако по отдельным словам определил, что часть из них написана на иностранных языках. Ему очень хотелось взять в руки одну из них, коснуться гладкой кожи переплета, перевернуть хрупкие страницы...

— По заданию журнала «Эра» я должен описать Программу от А до Я, — сказал Томас.

— И умертвить.

— Скорее уж прибавить к похоронам. Это уже труп.

— У вас для такого утверждения есть какие-то основания? Или это просто предубеждение?

Томас заерзал в кресле.

— Программа тянется уже более пятидесяти лет безо всякого результата. За пятьдесят лет умирает даже надежда.

— «В старушке этой еще много жизни».

Томас узнал цитату.

— Литература-то выживет, — согласился он, — но кроме нее мало что уцелеет.

Он вновь посмотрел на Макдональда.

Директору Программы было сорок девять лет, и именно на столько он выглядел. Но глаза у него были голубыми и чистыми, а на лице выделялись мускулы, часто означающие силу воли, а порой даже силу характера.

— Почему вы решили, что я хочу умертвить Программу?

Макдональд улыбнулся, и улыбка эта осветила его лицо.

— «Эра» — журнал людей из высших сфер, среди них много бюрократов или технократов, а часть среди тех и других — солитариане. «Эра» укрепляет их предубеждения, поддерживает эгоизм и соответствующие интересы. Программа угрожает этому триумvirату, а особенно — гладкому функционированию нашего технологического общества.

— Вы переоцениваете наши высшие сферы, там не мыслят так глубоко.

— За них это делает «Эра». Но пусть даже это не так, Программа все равно представляет отличную мишень для

«Эры», для ее сатирических стрел. Вы ведь неустанно ищете, что бы еще убить смехом.

— Вы обижаете и «Эру», и меня, — возразил Томас, впрочем, без особой убежденности. — Девиз журнала — «Правда и смех». Заметьте, правда стоит на первом месте.

— «Fiat justitia, et pereat mundus», — вполголоса произнес Макдональд.

— Справедливость должна восторжествовать, пусть даже при этом погибнет мир, — автоматически перевел Томас. — Кто это сказал?

— Император Фердинанд Первый. Вы слышали о нем?

— Столько их было, этих Фердинандов...

— Боже мой, — воскликнул Макдональд. — Конечно же! Джордж Томас. Это вы сделали превосходный перевод «Божественной комедии»... когда же это было... десять... пятнадцать лет назад?

— Семнадцать, — подсказал Томас.

Ему не понравилось, как произнеслось это слово, но исправлять что-либо было поздно. Он сделал вид, что старается прочесть что-то в бумагах на столе Макдональда.

— Вы поэт, а не репортер. Несколько лет спустя вы написали роман «Ад», о сегодняшних осужденных на вечные муки. По-моему, он не уступал бессмертному первоисточнику. Несомненно, он задумывался как первый том трилогии. Неужели я пропустил последующие тома?

— Нет.

«Макдональд больно язвит людей своей добротой», — подумал Томас.

— Человек должен быть достаточно умен, чтобы признать свое поражение и взяться за дело, в котором у него есть шансы на успех.

— И верить в себя или в свою правоту, чтобы выжить вопреки разочарованиям и неумолимому бегу лет.

«Вот мы смотрим друг на друга, старый мужчина, который не так уж и стар, и молодой, который не так уж и молод, и понимаем один другого, — думал Томас. — Сначала талантливый лингвист, потом заурядный электронщик средней руки, словно он целенаправленно готовился к Программе. Присоединился он к ней двадцать один год назад. Пять лет спустя он уже был ее директором. О нем говорят, что у него красавица жена, а о его супружестве — что в нем есть некий привкус скандала. Он постарел, прислушиваясь, но так до сих пор ничего и не услышал. А что сказать о Джордже Томасе, поэте и писателе, который слишком рано познал успех и славу, а потом обнаружил, что успех может

быть всего лишь оборотной стороной поражения, а слава — чем-то вроде плена, привлекающего шакалов обоюго пола, пожирающих и время и талант...»

— Я это записываю, — сказал Томас.

— Так я и думал, — ответил Макдональд. — Так вы добиваетесь особой искренности?

— Иногда. Но вообще-то у меня хорошая память, а правда звучит не так уж правдиво, как вам кажется. Обычно я записываю для успокоения юристов «Эры» по делам о диффамации.

— Вы нашли себе подходящую работу.

— Журналиста?

— Могильщика.

— Везде вокруг себя я вижу смерть.

— А я вижу жизнь.

— Отчаяние.

— Надежду. «Любовь, что движет солнце и светила»*.

«Он считает, что я по-прежнему сижу в аду, — думал Томас, — что я не закончил своего «Ада» и что сам он находится в раю. Он сообразительный человек и знает меня лучше, чем мне кажется».

— «Входящие, оставьте упования»*. Мы понимаем друг друга, — сказал Томас. — Только надежда и вера поддерживают жизнь Программы...

— И статистическая вероятность тоже.

Томас вслушивался в тихое шуршание магнитофона, который висел у него на пояском ремне.

— Это еще одно название веры. Но ведь через пятьдесят с лишним лет даже статистическая вероятность становится довольно невероятной. Может, именно это и покажет моя статья.

— Пятьдесят лет — всего лишь движение века на лице Господом.

— Пятьдесят лет — это активная профессиональная жизнь человека. Вы посвятили этому большую часть своей жизни. Я не жду, что вы отдадите ее без борьбы, но борьба эта обречена. Ну, так как же, будете вы сотрудничать со мной или воевать?

— А может ли ваше мнение что-то изменить?

— Буду с вами откровенен так же, как, надеюсь, и вы со мной. Верный ответ: едва ли. И не потому, что такой уж

* Данте. «Божественная комедия». (пер. М. Лозинского).

твердокаменный, просто сомневаюсь, что вы сможете меня переубедить. Как любой хороший репортер, я в первую очередь скептик. Для меня эта Программа — самое большое и продолжительное надувательство в истории, и единственное, что может изменить мое мнение, — это послание.

— Из редакции или с небес?

— С другой планеты. Именно для этого создана Программа, не так ли?

Макдональд вздохнул.

— Да, именно для этого. Что ж, попробуем сторговаться.

— Вы же знаете, что ждет тех, кто заключает сделку с дьяволом.

— Рискну предположить, что вы не дьявол, а лишь его адвокат, потерянный в аду человек, как, впрочем, и все мы с человеческими страхами, надеждами и желаниями, включая желание обнаружить истину и возвестить ее соплеменникам во всех уголках мира.

— «А что есть истина? — насмешливо спросил Пилат...»

— ...«и не стал ждать ответа»*. Мы подождем и будем сотрудничать с вами в вашем следствии, если вы выслушаете то, что мы хотим сказать, не затыкая ушей, и взглянете на то, что мы хотим показать, не зажимывая глаз.

— Согласен. Для того я и приехал.

— Признаюсь, что сотрудничал бы с вами и без этого согласия.

Томас улыбнулся. Пожалуй, это была первая его естественная улыбка с тех пор, как он вошел в кабинет.

— Признаюсь, я смотрел бы и слушал без вашего сотрудничества.

Раунд закончился, но Томас так и не понял, кто его выиграл. Он не привык к неясности в таких вопросах, и это его беспокоило. Макдональд был превосходным противником, тем более превосходным, что искренне считал себя не противником, а спутником в путешествии к истине, и Томас знал, что не должен открываться ни на мгновение. Он не сомневался, что сможет уничтожить Макдональда и Программу, однако игра была куда сложнее: следовало разыграть партию так, чтобы обвал не коснулся «Эры» и Томаса. Не то чтобы Томаса заботили «Эра» или он сам, просто он не мог проиграть.

* Фрэнсис Бэкон. «О правде».

Томас попросил у Макдональда разрешения сфотографировать его за столом и просмотреть бумаги, покрывавшие стол. Макдональд только пожал плечами.

На столе лежали бумаги и книги. Книги: «Разумная жизнь во вселенной» и «Голоса тридцатых годов», а бумаги трех видов. Во-первых, всевозможная почта из многих стран мира: немного от ученых, немного от фанатов проблемы, просьбы об информации и бездарные творения сумасшедших; во-вторых, внутренние документы Программы, технические и административные; в-третьих, официальные рапорты и графики, представляющие текущую деятельность Программы. Эти лежали в самом низу ровной стопки — этаким призом за просмотр.

Когда Томас закончил свой осмотр, Макдональд повел его по зданию. Оно было функциональным и вместе с тем спартанским: покрашенные бетонные стены, полы, выложенные керамической плиткой, окна в потолке. Лаборатории напоминали школьные классы — каждая с доской, исписанной уравнениями или схемами соединений, — отличающиеся только набором книг, занавеской на окне или ковром на полу, а также коллекциями личных вещей, вроде часов, приемников, магнитофонов, телевизоров, трубок, фотографий, картин...

Макдональд представил Томасу персонал. Информатик Олсен, выглядевший молодо, несмотря на седеющие волосы; Зонненборн, страстный математик и историк межзвездной связи, разговорчивый, любознательный и сообразительный; Сандерс, флегматичный философ с трубкой в зубах, худощавый рыжеватый блондин, автор идей и замыслов; Адамс, румяный и круглолицый, озабоченный инженер-электронщик, в высказываниях которого проскальзывают затаенные сомнения...

Проводником по техническим вопросам Программы Томас выбрал Адамса. Выбор был естественным, и Макдональд не мог бы возразить, даже если бы захотел. Улыбнувшись, он произнес:

— Ужинать поедем ко мне. Хочу, чтобы вы познакомились с Марией, да и Мария хочет вас увидеть. Боб, расскажи мистеру Томасу обо всем, что он захочет узнать.

«С разрешения Макдональда или нет, — подумал Томас, — Адамс будет источником важной закулисной информации не только о применяемых приборах и целях, но и о людях, что было важнее всего. В любой группе найдется такой вот Адамс».

Лаборатории являли собой оазисы спокойной, но напряженной работы. Несмотря на то что история Программы была историей одной большой неудачи, Программа сохранила высокий дух своего персонала. Люди работали так, словно это был год первый, а не пятидесятый.

Технические помещения были безжизненны. Компьютеры и массивные электронные пульта управления с погашенными огоньками и мертвыми переключателями хранили молчание. Перед некоторыми разложили их внутренности, и люди в белых халатах рылись в них, словно гарусники, ищущие пророческие знаки в куриных потрохах. Зеленые глаза экранов были слепы. Умолкло биение электронных сердец, а стерильные белые стены, среди которых разложили эти внутренности, образовывали операционный зал, где приборы умирали, ибо не было смысла в их дальнейшей жизни.

Адамс смотрел на все это иначе.

— Днем здесь всегда тихо. Зато ночью, когда начинается прослушивание... Вы верите в духов, мистер Томас?

— У каждой цивилизации есть свои духи. Обычно это боги предыдущей.

— Духи нашей цивилизации в ее машинах, — сказал Адамс. — Год за годом машины делают, что им прикажешь, механически, без единой жалобы, а потом вдруг словно что-то в них вселяется и они делают вещи, для которых не создавались, дают ответы, которых у них не спрашивали, задают вопросы, на которые нет ответов. По ночам эти машины пробуждаются к жизни. Они подмигивают, шепчутся между собой и хохочут.

Томас провел ладонью по какому-то пульту.

— И ничего вам не говорят.

Адамс взглянул на Томаса.

— Они говорят нам очень многое, хоть и не то, о чем их спрашивают. Возможно, мы задаем не те вопросы. Или не знаем, какие нужно задавать. А машины знают, я в этом совершенно уверен. Они говорят нам, говорят снова и снова, но мы их не понимаем. А может, не хотим понять.

Томас повернулся к нему.

— Почему?

— А если они пытаются сказать нам, что там никого нет? Страшно подумать, что во всей Вселенной нет никого, кроме нас! И все это только для нас, эта огромная витрина, которую мы разглядываем, но никогда не сможем коснуться ее, заставленная для того, чтобы произвести впечатление на единственное существо, способное это понять... и способное ощутить одиночество.

— Но тогда вся Программа была бы безумием, верно? Адамс покачал головой.

— Назовем это защитой человека от безумия, ибо мы ничего не можем знать наверняка, не можем исключить никаких возможностей. Потому мы и не прекращаем поиск — ведь страшно сдаться и признать, что мы одни.

— А разве не страшнее узнать, что мы не одни?

— Вы так думаете? — вежливо спросил Адамс. — У каждого есть свой собственный большой страх. У меня — что там никого нет, хотя разум шепчет мне, что так оно и есть. Я разговаривал с другими, которые боятся услышать ответ, и не сумел их понять, хотя могу представить, что они чувствуют то же, что и я, но под воздействием других страхов.

— Расскажите мне, как все это действует, — вежливо попросил Томас. Будет еще время для изучения страхов Адамса.

«Прослушивание ведется так же, как началось пятьдесят лет назад, главным образом приемом радиоволн с помощью радиотелескопов — огромных антенных систем, встроенных в кратеры, или меньших по размерам управляемых чашеобразных радиотелескопов, а также с помощью металлических сетей, раскинутых в пространстве.

Слушают в основном на волне двадцать один сантиметр — волне излучения нейтрального водорода. Пробуют и другие диапазоны волн, однако слушающие постоянно возвращаются на основную частоту природы или ее целые кратности. Мастерство инженеров многократно повысило чувствительность приемников и нейтрализовало естественный фон Вселенной и Земли. И когда это было сделано окончательно, осталось то же самое, что было когда-то, — ничего. Ноль. А они продолжают слушать и напрягают уши, чтобы услышать».

— Почему вы не сдаетесь? — спросил Томас.

— Это продолжается всего пятьдесят лет, меньше секунды галактического времени.

— Если бы кто-то передавал сигналы, вы бы их наверняка уже слышали. По-моему, это ясно.

— Возможно, там никого нет, — вслух подумал Адамс, однако тут же высказал другое предположение: — Или, может, все только слушают.

Томас поднял брови.

— Видите ли, слушать дешевле. Гораздо дешевле. Может, они сидят там, приклеившись к своим приемникам, и никто не передает. Кроме нас.

— Разве мы передаем? — быстро спросил Томас. — А кто это санкционировал?

— Здесь не очень-то уютно, когда не работают, — сказал Адамс. — Идемте выпьем кофе, и я вам расскажу.

Под буфет приспособили пустующую лабораторию, поставив два столика с четырьмя стульями у каждого, а по трем стенам — автоматы, которые тихо гудели, подогревая или охлаждая блюда и напитки.

Здесь, потягивая кофе, Адамс изложил всю историю Программы, начав с Проекта ОЗМА и вдохновляющих рассуждений Коккони, Моррисона и Дрейка, более поздних работ Брэйсуэлла, Таунса и Шварца, Оливера, Голея, Дайсона, фон Хорнера, Шкловского, Сагана, Струве, Этчли, Кэлвина, Су-Шу-Хуанга и еще Лилли, чьи попытки общения с китообразными дали молодым энтузиастам повод называться «Орденом Дельфина».

С самого начала не подлежало сомнению, что во Вселенной должны быть иные разумные существа. Процесс возникновения планет, когда-то считавшийся случайным эффектом сближения двух звезд, признан был естественным явлением, сопровождающим образование звезд из газовых облаков. От одного до двух процентов звезд нашей Галактики предположительно имеет планеты, на которых может зародиться жизнь. А поскольку в нашей Галактике сто пятьдесят миллиардов звезд, то выходит, что миллиард, а может, два или даже три, имеют пригодные для жизни планеты.

— Миллиард солнечных систем, в которых может развиваться жизнь! — сказал Адамс. — И пожалуй, разумно предположить, что там, где жизнь может развиваться, она непременно разовьется.

— Жизнь — да, но человек — явление уникальное, — сказал Томас.

— Вы солитарианин? — спросил Адамс.

— Нет, но это не значит, что я не разделяю некоторые их убеждения.

— Возможно, человек действительно уникален, — сказал Адамс. — Хотя, с другой стороны, галактик существует много. Но вот уникален ли разум? Разум обладает высокой способностью к выживанию и, если он появится, пусть даже и случайно, следует ожидать, что он восторжествует.

— Но техника — дело другое, — заметил Томас, осторожно прихлебывая горячий черный кофе.

— Совершенно верно, — согласился Адамс. — К нам она пришла совсем недавно. Гоминиды живут на Земле одну десятую процента времени ее существования, цивилизация составляет около одной миллионной этого периода, а техническая цивилизация — всего одну миллиардную. Учитывая позднее появление всех трех, а также факт, что должны существовать более старые планеты, можно сделать вывод, что если существует разумная жизнь на других планетах, значит, некоторые из них должны были достичь более высокого уровня развития, чем мы, а кое-кто и *гораздо* более высокого. Однако...

— Однако?..

— Почему же мы их не слышим?! — воскликнул Адамс.

— Вы пробовали все?

— Кроме радиочастот. Мы искали свой шанс в гамма-лучах, лазерах, нейтрино, даже в цепочечных макромолекулах углеродсодержащих метеоритов и в линиях поглощения звездных спектров. Единственное, чего мы не попробовали, так это Ку-волны.

— А что это такое?

Адамс машинально рисовал диаграммы на сером столе. Томас заметил, что столик покрывали полусмытые следы других рисунков.

— То, что Моррисон много лет назад назвал «методом, которого мы еще не открыли, но который откроем через десять лет», — сказал Адамс. — Вот только ничего так и не было открыто. Короче говоря, нам не осталось ничего, кроме передачи сообщения. Это стоит дорого, и нам никогда не получить деньги, во всяком случае не сейчас, когда нет каких-либо надежд на успех. Но даже получив их, нам пришлось бы решать, хотим ли мы трубить на всю Вселенную — или хотя бы на одну солнечную систему — о присутствии здесь разумной жизни.

— Но вы сказали, что мы передаем.

— Мы передаем с первых дней существования радио, — ответил Адамс. — Большая часть передач имеет малую мощность, они не направлены, подавляются атмосферными помехами и другими передачами, однако разумная жизнь сделала Землю вторым мощным радиоисточником Солнечной системы, а еще через несколько десятилетий мы можем сравняться с самим Солнцем. Если *там* кто-то есть, чтобы это заметить, Земля должна быть видна для него, как на ладони.

— Но вы ничего не услышали?

— А что можно услышать на этом приборчике? — Адамс кивнул в сторону кратера. — Нам нужно время на Большом

Уже, порядком выше, на этой сети, имеющей диаметр в пять миль, или на той, что только строится, но астрономы не уступят нам ни одного дня.

— Почему вы все это не бросите?

— Он нам не дает!

— Кто?

— Мак. Нет, все не так... Хотя, пожалуй, все-таки именно так. Он держит нас всех вместе, он и Мария. Был не так давно один момент, когда казалось, что все разлетится к дьяволу...

Томас отхлебнул кофе. Тот уже остыл, поэтому он выпил его до конца.

Приятно было ехать на исходе дня среди холмов Пуэрто-Рико. Тени деревьев ложились на зеленые склоны, как ноги пурпурных гигантов, вечерний бриз нес с океана резкий запах соли. Старомодная паровая турбина под капотом время от времени начинала вибрировать, выдавая свой возраст.

«Это место, пожалуй, самый чистый, самый тихий уголок во всем грязном и шумном мире, — думал Томас. — Как рай до грехопадения. А я несу с собой заразу, этакий вирус грязи и шума». Он почувствовал мгновенное раздражение, что такое место вообще может существовать в мире сплошных невзгод и скуки, и слабое удовлетворение при мысли, что может все это уничтожить.

— Вы узнали от Адамса все, что хотели?

— Что? — переспросил Томас. — Ах, да. И даже больше.

— Так я и думал. Боб хороший парень, на него можно положиться. К нему можно явиться посреди ночи, сказать, что проколол колесо во время грозы, и он выйдет с тобой под дождь. Он много говорит и много ворчит... но не проглядите за этим человека.

— Во что из его слов я не должен верить?

— Пожалуй, верьте всему, — сказал Макдональд. — Боб не сказал бы вам ничего, кроме правды. Однако избыток правды таит в себе нечто обманчивое, и это, пожалуй, хуже, чем явная ложь.

— Например, попытка самоубийства вашей жены?

— Да, например.

— И заявление об уходе, которое вы разорвали?

— Это тоже.

Томас не мог понять, звучит в голосе Макдональда печаль или страх перед разоблачением, а может, просто сознание неизбежного зла этого мира.

«Когда мы ехали к его дому среди холмов, окружающих Аресибо, холмов таких же молчаливых, как голоса, которые слушают в оставшемся позади бетонном здании, он подтвердил, что его жена год назад пыталась покончить с собой, а сам он написал заявление об уходе, которое потом разорвал».

Дом был типичной испанской гасиендой и выглядел дружелюбно и тепло в густеющем мраке, потоки желтого света выливались через дверь и окна. Входя в дом, Томас еще сильнее почувствовал это и ощутил ту атмосферу любви, которую встречал до сих пор лишь раз или два в домах своих друзей. В эти дома он возвращался чаще, чем в другие, пока не понял, чем это грозит: он перестанет писать! Подыщет кого-нибудь, кто успокоит его, а кончится все обычным романом, который вскоре сменится отвращением. Он снова вернется в свою одинокую жизнь, вновь начнет писать, чтобы излить на бумагу боль, пульсирующую в его жилах. И то, что он напишет, будет таким же яростным, как ад, некогда описанный им. Почему он не написал о чистилище? Томас знал, почему: чистилище под его пером опять и опять превращалось в ад.

Мария Макдональд была зрелой женщиной, со смуглой кожей и красотой, в которой взгляд тонул, не находя ни дна, ни границ. Она вышла к мужчинам в скромной мужской блузе и простой юбке. Томас почувствовал, что тает от ее нежной улыбки и обволакивающей латиноамериканской любезности, и попытался воспротивиться этому. Ему захотелось поцеловать ей руку, захотелось повернуть ладонь вверх и увидеть шрам на ее запястье. Но еще больше ему захотелось обнять ее и защитить от призраков ночи.

Разумеется, ничего подобного он не сделал.

— Как вы знаете, — сказал он, — я приехал сюда, чтобы написать кое-что о Программе, и, боюсь, это будет не очень-то доброжелательная статья.

Она склонила голову набок, внимательно разглядывая его.

— Думаю, вас нельзя назвать недоброжелательным человеком. Вы, возможно, разочарованный. Может быть, ожесточенный. Но вы честны. Вы удивляетесь, откуда я это знаю? У меня чутье на людей, мистер Томас. Робби, прежде чем принять кого-то на работу, приводит его к нам домой. Я не ошиблась ни разу. Ведь правда, Робби?

Макдональд улыбнулся.

— Только однажды.

— Это шутка, — сказала Мария. — Он хочет сказать, что я ошиблась в нем, но это совсем другая история, которую я расскажу вам, когда мы познакомимся поближе. У меня есть это чутье, мистер Томас, и кое-что еще... я прочла ваш перевод и ваш роман; его, как сказал мне Робби, вы не закончили. Как же так, мистер Томас? Нехорошо жить в аду. Его нужно познать, согласна, чтобы очиститься от грехов — ведь иного пути в рай нет.

— Про ад писать было легко, — сказал Томас, — но на остальное мне не хватает воображения.

— Вы еще не испекли свои смертные грехи, — заметила Мария. — Еще не нашли того, во что можно верить, ничего, что можно любить. Некоторые люди никогда не находят... и это очень печально. Мне так жалко их. Не будьте же одним из них. Впрочем, я говорю о слишком интимных делах...

— Вовсе нет...

— Вы приехали сюда, чтобы порадоваться нашему гостеприимству, а не слушать мои проповеди. Но, как видно, я не могу удержаться.

Сунув одну руку под мышку мужу, она подала вторую Томасу, и они вдвоем прошли по полу, выложенному керамической плиткой, до гостиной. Яркий мексиканский ковер покрывал натертый дубовый паркет. Здесь, сидя в больших кожаных креслах, они пили margarita и беззаботно разговаривали о Нью-Йорке и Сан-Франциско, о знаменитостях, о литературной жизни и политике, об «Эре» и о том, как Томас начал писать для этого журнала.

Потом Мария провела их в столовую, и все принялись за то, что она называла «традиционным мексиканским comida». На первое был бульон, густой от похожих на фрикадельки шариков tortillas, макарон, овощей и кусочков курицы. На второе sopa seca — острое блюдо из риса, макарон и мелко порезанных tortillas в изысканном соусе, потом рыба, а после, как основное блюдо, cabrito — жареная козлятина и несколько видов овощей; затем поджаренная фасоль, посыпанная тертым сыром. Ко всему были поданы пушистые, горячие tortillas в выложенных салфетками корзинках. Завершали ужин пудинг, названный Марией natillas piñapas, крепкий черный кофе и свежие фрукты.

Слабо протестующий, что больше не может ничего съесть, Томас раз за разом поддавался уговорам Марии и съедал понемногу каждого блюда, появляющегося на столе, пока Макдональд не рассмеялся.

— Ты обкормила его, Мария. Он будет ни на что не годен весь вечер, а нам нужно еще кое-что сделать. Латиноамериканцы, мистер Томас, устраивают пир такого рода только в самых торжественных случаях, да и то в середине дня, после чего отправляются на заслуженный отдых. — Макдональд налил в рюмки водку, которую называл рiсо. — Позвольте поднять тост за красоту и хорошую еду!

— За хорошую слышимость! — ответила Мария.

— И за правду! — откликнулся Томас, доказывая, что не дал себя заморочить или закормить до полной капитуляции, но взгляд его не отрывался от белого шрама, пересекающего смуглое запястье Марии.

— Вы заметили мой шрам, — сказала Мария. — Это памятка о моем безумии, которую я буду носить до конца жизни.

— Не о твоём безумии, — возразил Макдональд, — а о моей глухоте.

— Это было чуть больше года назад, — объяснила Мария. — Я тогда словно сошла с ума. Я знала, что с Программой дела плохи и что Робби разрывается между Программой и мной. Это было безумие, я знаю, но мне тогда подумалось, что я могла бы избавить Робби от одной заботы, покончив с собой. Я пыталась сделать это, перерезав бритвой вены, и у меня почти получилось. Однако я выжила, вновь обрела рассудок, и мы с Робби снова нашли друг друга.

— Мы никогда и не теряли, — сказал Макдональд. — Просто временно перестали слышать друг друга.

— Но вы все это знали и раньше, правда, мистер Томас? — продолжала Мария. — Вы женаты?

— Был когда-то, — ответил Томас.

— И это было ошибкой, — сказала Мария. — Вы должны снова жениться, вам нужен кто-то, кого вы будете любить, кто будет любить вас. Тогда вы напишете свое «Чистилище» и свой «Рай».

Где-то в глубине дома заплакал младенец. Глаза Марии вспыхнули счастьем.

— И мы с Робби нашли еще кое-что.

Она легко вышла из столовой и через минуту вернулась с ребенком на руках. «Ему два, может, три месяца, — подумал Томас, — темные волосы и блестящие черные глаза на оливковом лице, как у матери». Глаза эти, казалось, разглядывали Томаса.

— Это наш сын Бобби, — сказала Мария.

«Если до сих пор она была полна жизни, — думал То-

мас, — то теперь полна ею вдвойне. Вот он, тот магнетизм, заставляющий художников писать мадонн».

— Нам повезло, — сказал Макдональд. — Мы очень долго ждали ребенка, но Бобби появился на свет без осложнений и вполне нормальным, а не недоразвитым, как бывает иногда с поздними детьми. Думаю, он вырастет нормальным парнем, несмотря на то что по возрасту годится нам во внуки, и, надеюсь, мы сможем его понять.

— Надеюсь, он сможет понять родителей, — сказал Томас и тут же добавил: — Миссис Макдональд, почему вы не заставите мужа отказаться от этой безнадёжной Программы?

— Я ни к чему его не принуждаю, — ответила Мария. — Программа — вся его жизнь, так же как он и Бобби — моя. Вы считаете, что во всем этом есть что-то плохое, какое-то коварство, какой-то обман, но вы просто не знаете моего мужа и людей, которые работают с ним. Они искренне верят в то, что делают.

— Значит, они глупцы.

— Нет, глупцы те, кто не верит, кто не может верить. Может, там никого нет, а если и есть, они никогда не заговорят с нами, да и мы с ними тоже, но наше прослушивание — акт веры, родственник самой жизни. Если бы мы перестали слушать, началось бы умирание и вскоре наступил бы конец света и людей, конец нашей технической цивилизации и даже крестьян и фермеров, потому что жизнь — это вера, посвящение себя чему-то. Смерть и есть отказ от всего.

— Вы видите мир в ином свете, нежели я, — сказал Томас. — Мир уже умирает.

— Нет, пока такие люди не сдаются, — возразила Мария.

— Ты переоцениваешь нас, — сказал Макдональд.

— Вовсе нет, — Мария говорила, обращаясь к Томасу. — Мой муж великий человек. Он слушает всем сердцем. Прежде чем покинуть наш остров, вы поймете это и тоже повстречаете. Я встречала похожих на вас, сомневающихся и желавших все уничтожить, но Робби покорила их, дал им веру и надежду, и они ушли с этой верой.

— Я не собираюсь покоряться, — сказал Томас.

— Вы поняли, что я имею в виду.

— Я понял, что хотел бы иметь рядом кого-то, кто верил бы в меня так, как вы верите в своего мужа.

— Нам пора возвращаться, — напомнил Макдональд. — Я должен вам что-то показать.

Томас попрощался с Марией Макдональд, поблагодарил

за гостеприимство и заботу о нем, повернулся и покинул гасиенду. Оказавшись на улице, в темноте, он оглянулся на дом, из окон которого по-прежнему лился теплый свет, и на стоящую в дверях женщину с ребенком на руках.

После захода солнца все обретает иные пропорции: расстояния увеличиваются и предметы как бы меняют свои места.

Когда Макдональд с Томасом ехали по кратеру, в котором был смонтирован радиотелескоп, тот не был уже прежним стерильным блюдцем. Теперь он превратился в тигель, плавящий в своей потаенной глубине звуки небес, перехватывающий звездную пыль, медленно плывущую с ветром ночи.

Чаша, прежде застывшая на фоне неба в мертвой неподвижности, теперь жила и внимала. Томасу показалось, что он видит, как она с трепетом тянется к молчащей темноте.

«Малое Ухо — так называют эту гигантскую точную машину, самый крупный управляемый радиотелескоп на Земле, в отличие от Большого Уха, кабельной паутины диаметром в пять миль. По ночам пришелец ощущает чары, наводимые ею на людей, думающих, что она послушна их воле. Для этих одержимых она является ухом, их ухом, наделенным сверхъестественным слухом, настороженно повернутым к немym звездам, но слышащим лишь медленное биение сердца вечности».

— Мы унаследовали его от астрономов, — объяснил Макдональд, — когда они поставили радиотелескопы на обратной стороне Луны, а сразу после этого первые сети в пространстве. Наземное оборудование устарело, как ламповые приемники с появлением транзисторных. Его не стали разбирать, а подарили нам вместе с небольшой дотацией на исследования.

— За десятки лет общая сумма достигла астрономической величины, — заметил Томас, пытаясь избавиться от эффекта вечернего гостеприимства и очарования ночи.

— Она растет, — согласился Макдональд, — и мы год за годом боремся за существование. Но есть и положительные стороны. Программу можно сравнить с теплицей по выращиванию интеллекта, в которой самые многообещающие

разумы крепнут в борьбе с огромной, непреходящей, неразрешимой загадкой. Мы получаем молодых ученых и инженеров, обучаем их и отправляем решать задачи, имеющие решения. Программа воспитала многих светил науки.

— Вы пытаетесь представить Программу чем-то вроде последипломного обучения?

— О, нет. Наши предшественники называли это вторичным сырьем или побочной продукцией. Конечной целью — и самой важной для нас — является установление связи с разумными существами иных планет. Я подсказываю вам аргументы, которые помогли бы вам оправдать нас, раз уж вы не можете принять нас такими, какие мы есть.

— А почему я должен вас оправдывать?

— На это вам придется ответить самому.

Наконец они оказались внутри здания. Здесь все тоже было по-другому. Коридоры теперь кипели энергией и сознанием. Зала управления коснулся перст Бога, и в этом мертвом месте вскипела жизнь: огоньки зажигались и гасли, глаза осциллографов светились зеленью пульсирующих линий, на пультах мягко щелкали переключатели, компьютеры попискивали, в проводах бормотал электрический ток.

За пультом сидел Адамс, на голове у него были наушники, и он не сводил глаз со шкал и осциллографов. Когда они вошли, он поднял голову и помахал им рукой. Макдональд вопросительно поднял брови, Адамс ответил пожатием плеч, а потом повесил наушники на шею.

— Как обычно, ничего.

— Прошу вас... — Макдональд снял с его шеи наушники и вручил их Томасу. — Послушайте.

Томас взял наушники и начал слушать.

«Поначалу слышится шепот, словно какие-то дальние голоса или плеск ручейка в каменном ложе, журчащего в трещинах и падающего небольшими каскадами. Затем звуки нарастают, теперь это голоса, говорящие с жаром, но все разом, так что ни одного не разобрать. Слушающий старается услышать, но его усилия лишь подстегивают эти голоса, и они говорят еще громче и еще непонятнее. Слушатель может повторить следом за Данте: «Мы были возле пропасти, у края, и страшный срыв гудел у наших ног, бесчисленные крики извергая». Тем временем голоса переходят от лихорадочных просьб к гневным крикам, словно требуют освобождения из огня, подобно проклятым душам. Они бросаются на слушателя, словно желая разорвать его за то, что

он посмел вторгнуться между падшими ангелами со всей их спесью и чванством. «Я видел на воротах много сот, дождем ниспавших с неба, стражу входа, твердивших: «Кто он, что сюда идет, не мертвый, в царство мертвого народа?»

Слушателю кажется, что и он один из этих голосов, осужденный, как и они, на адские страдания, способный лишь кричать в отчаянье и муке, что никто его не слышит, что никого не трогает его участь, что никто его не поймет, даже если он докричится до кого-то. «Я отовсюду слышал громкий стон, но никого окрест не появлялось, и я остановился, изумлен». И кажется ему, что его окружают «ужасные гиганты, те, кого Дий, в небе грохоча, страшит поныне». Все они вместе с ним напрягают свои могучие легкие, чтобы докричаться до слушателя, который их не понимает. «*Rafel mai amesh izahi almi*», — яростно раздалось из диких уст, которым искони нежнее петь псалмы не полагалось». И слушатель чувствует, что в эту минуту его покидает сознание».

Голоса умолкли. Макдональд снял с него наушники, которые, как смутно помнил Томас, он надел сам. Его потрясла неодолимая магия этих звуков, этих голосов, требующих, чтобы их выслушали, сливающихся в общий хор, в котором каждый поет свое...

Он пережил мгновение откровения, понял, что пропадет, как и эти голоса, и, если не найдет выхода, будет обречен на вечную жизнь в своей телесной оболочке, настолько одинокий в своих страданиях, как если бы находился в самом аду.

— Что это было? — ошеломленно спросил он.

— Голос бесконечности, — ответил Макдональд. — Мы переводим радиосигналы в звуки. В приеме это несколько не поможет. Если мы что-то и поймает, это покажут пленки, вспыхнут детекторы, компьютер поднимет тревогу. Но для нас это источник вдохновения, а в мы нем здорово нуждаемся.

— Я бы, — сказал Томас, — назвал это гипнозом, помогающим убедить маловеров, будто там действительно что-то есть, будто однажды они отчетливо услышат то, будто сейчас лишь воображают, что там на самом деле есть иные существа, которые пытаются общаться. Это всего лишь способ обмануть самого себя и обвести вокруг пальца весь мир.

— На одних это действует сильнее, на других слабее, — сказал Макдональд. — Очень жаль, что вы восприняли это как личный выпад. Мы не занимаемся такой дешевой. Вы же знали, что в этом нет никакой связи.

— Да, — согласился Томас, злясь, что голос его дрожит.

— Но я хотел, чтобы вы послушали кое-что другое. Это всего лишь введение. Пройдемте в мой кабинет. Ты тоже, Боб. Оставь прослушивание техникам.

Втроем они направились в кабинет и уселись в кресла. Стол Макдональда теперь был пуст — подготовлен к завтрашней добыче, — однако запах старых книг остался. Томас, не сводя глаз с Макдональда, гладил пальцами деревянные подлокотники кресла.

— Этот номер не пройдет, — сказал он. — Ни все гипнотизирующие звуки мира, ни приятное общество, ни чудесный ужин, ни красивые женщины, ни трогательные сцены семейной жизни никоим образом не заслонят факта, что Программа продолжается уже более пятидесяти лет и до сих пор ничего не добились.

— Я для того и привел вас сюда, чтобы сказать, — произнес Макдональд. — Послание есть.

— Нет никакого Послания! — вмешался Адамс. — Я бы знал!

— Просто мы не были уверены. У нас уже бывали ложные тревоги, и то были самые трудные для нас дни. Но Сандерс знал, в конце концов это его детище.

— Ленты с Большого Уха? — спросил Адамс.

— Да. Сандерс работал над ними, старался их очистить. Теперь мы совершенно уверены, и завтра утром я всех соберу и все расскажу. — Он повернулся к Томасу. — Но мне хотелось бы получить ваш совет.

— А вы не блефуете, Макдональд? — спросил Томас. — Слишком уж удачное стечение обстоятельств.

— Такое бывает, — сказал Макдональд. — В истории полно подобных примеров. Многие программы добились успеха, многие идеи восторжествовали лишь потому, что их спасло от уничтожения стечение обстоятельств, случившееся обычно за минуту до окончательного успеха.

— Но ваша просьба о помощи, — продолжал Томас. — Это очень старый трюк.

— Прошу не забывать, мистер Томас, — заметил Макдональд, — что мы ученые. Более пятидесяти лет мы вели исследования без малейшего успеха и перестали думать — если вообще когда-нибудь думали — о том, что сделаем, если нам повезет. Нам нужна помощь. Вы знаете людей, знаете, как к ним обращаться, что они принимают, а что отвергают; знаете, как ониотреагируют на неизвестное. С нашей стороны все логично и естественно.

— Все это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я в это не верю.

— Поверь ему, Джордж, — сказал Адамс. — Он никогда не лжет.

— Все лгут, — упирался Томас.

— Он прав, Боб, — сказал Макдональд. — Однако вы поверите, мистер Томас, ибо это правда, которую можно проверить и репродуцировать, и когда мы все опубликуем — а мы поступим именно так, — ученые скажут: «Все естественно, все верно, так и должно быть». Какая мне польза от обмана, который можно легко раскрыть и который разрушил бы нашу Программу вернее, чем все, что вы смогли бы написать?

— Говорят, что если кто-то хочет открутиться от службы в армии, ему нужно жаловаться на боли в позвоночнике или голоса в голове — и то и другое недоказуемо, — заметил Томас.

— Физические науки объективны, и открытие такого калибра будет проверяться не раз и не два... повсюду и каждым.

— А может, вы хотите меня подставить, чтобы именно я завалил вашу Программу?

— А разве я могу сделать такое, Томас?

— Нет, — ответил тот, но, вспомнив о голосах, добавил: — Откуда мне знать? Почему именно сейчас, в тот самый момент, когда я приехал, чтобы написать эту статью?

— Не хочу преуменьшать значения вашей задачи, — сказал Макдональд, — однако вы не первый журналист, явившийся сюда, чтобы написать статью. Почти каждую неделю кто-нибудь приезжает к нам. Было бы странно, не появившись здесь кто-нибудь через день или два после получения послания. Просто жребий пал на вас.

— Ну, ладно, — сказал Томас. — И что это такое? Как вы его обнаружили?

— Примерно год назад мы начали получать ленты с Большого Уха — записи их текущей радиотелескопий и взяли за анализ. Сандерс пускал их на компьютер, на наушники и бог знает на что еще, пока однажды ему не показалось, будто он слышит музыку и голоса.

Сначала он решил, что это ему кажется, но компьютер категорически возразил ему. Сандерс сделал все, что в его силах, чтобы очистить передачу, усилить, убрать шумы и помехи. За эти пятьдесят лет мы придумали для этого много всяких трюков. Музыка стало возможно распознать, а голоса и обрывки высказываний вышли еще лучше. И голоса эти говорили по-английски.

Потом ему пришло в голову, что Большое Ухо приняло какую-то случайную передачу с Земли или отраженную от одной из планет. Однако сеть не была нацелена ни на Землю, ни на другую планету нашей системы, она смотрела в пространство. Он проверил ленты за несколько прошлых лет — они содержали те же самые сигналы, когда Большое Ухо смотрело в определенном направлении.

— И какие же это сигналы? — спросил Томас.

— Ради Бога, Мак, давай послушаем! — взмолился Адамс.

Макдональд нажал одну из кнопок на столе.

«Нужно сказать, — пояснил Макдональд, — что помех было гораздо больше, но для сегодняшнего прослушивания Сандерс вырезал почти все невнятные фрагменты. Отношение шума к звуку составляло примерно пятьдесят к одному, поэтому вы услышите около двух процентов того, что у нас есть.

Звук был монофоничный, хотя шел из двух динамиков,строенных в стену слева и справа. Он не производил такого впечатления, как наушники в аппаратной, но очаровывал, пожалуй, так же, как в первые дни существования радио, когда люди садились у детекторного приемника, чтобы ловить едва слышные передачи.

Звуки были земные, сомнений в этом не было. Музыка, иногда знакомая — увертюра к «Вильгельму Теллю», например. Голоса, говорящие главным образом по-английски, но также по-русски, по-французски, по-итальянски, по-немецки, по-испански. Английский. Музыка. С другой планеты? В этом не было смысла, и все же мы слушали.

Передача очень плохая. Атмосферные помехи и различные случайные вставки порой заглушают то, что передается, а то, что доходит, слишком фрагментарно, иногда понятно, но, как правило, неясно, ничего нет целиком, голоса разные. Настоящее вавилонское смешение языков, понятное ровно настолько, чтобы слушателям казалось, будто все это имеет смысл.

Несколько мгновений музыка и голоса доносятся четче, то проявляясь, то исчезая за шумами. Порой слушателям кажется, что голоса преобладают, порой прерываемые помехами, а порой создается впечатление, что эта передача помех спорадически прерывается голосами.

Словно в греческом хоре голоса монотонно декламируют свои реплики, наполняя их дельфийской непонятностью.

Слушатели склоняются ниже, словно это поможет лучше разобрать...»

СТУКТРЕСК может поменять свою кожу, а пантера ТРЕСКСТУК *музыка*: та маленькая щебетунья та с прелестным СТУКСТУКТРЕСК может чуточку СТУКТРЕСК-СТУК замаскированный поборник справедливости ТРЕСК-СТУКСТУК *музыка* СТУКСТУКСТУКТРЕСК они идут, друг СТУКСТУКСТУКТРЕСКСТУКСТУК *музыка* СТУК-СТУКТРЕСК *музыка*: флаг Гудзона подними ТРЕСКСТУК я невежливый мальчик СТУКСТУКСТУК представляет падуб ТРЕСКТРЕСК *музыка* СТУКСТУКТРЕСК Роджерс в двадцать СТУКТРЕСКСТУК *музыка*: Кола подучила двенадцать ТРЕСК почти вечернюю молитву СТУКСТУК *музыка* ТРЕСКСТУК едва не поддал мне бампером СТУК-ТРЕСКТРЕСК говорит Рочест ТРЕСКСТУК *музыка* ТРЕСКСТУКСТУКСТУК идол вечерних выпусков Ларри СТУКСТУК *музыка*: au gevoig миле ТРЕСКТРЕСК театрик на СТУКСТУКТРЕСК диковина для глаза ТРЕСКСТУК *музыка* СТУКСТУКСТУК, кто знает, что плохого СТУК-ТРЕСКСТУК осмелился ше ТРЕСКСТУК твой друг и советник ТРЕСКТРЕСК *музыка* СТУКТРЕСКСТУК еще один визит к Алленам СТУКСТУКТРЕСК оставайтесь на этой частоте СТУКТРЕСК *музыка*: бар-ба-сол-бар СТУК вам спальню термитов ТРЕСКСТУКСТУКСТУК в аккорде будет ТРЕСКТРЕСКСТУК в выступлении поборника СТУКСТУК *музыка* СТУКТРЕСК единственное, чего следует опасаться ТРЕСК а теперь Вики и СТУКСТУКСТУК здесь нет духов ТРЕСКСТУК *музыка* СТУКТРЕСКСТУК просьба об информации ТРЕСКТРЕСК *музыка*: бу-бу-бу-бу СТУКСТУКТРЕСК может ли женщина после тридцати ТРЕСКСТУКСТУКСТУК приключения шерифа СТУК-ТРЕСКТРЕСК *музыка* СТУКСТУК это какая-то плица ТРЕСК только настоящий СТУКТРЕСК ликующее сообщение ТРЕСКТРЕСКСТУК приветствую всех СТУКТРЕСК-СТУК *музыка* СТУКСТУКТРЕСК то есть из-за парня ТРЕСК счет и еще двойную СТУК

Когда треск и голоса смолкли, Томас взглянул на Макдональда. Он записал более получаса этого бреда на свой магнитофон, но не знал, что с ним делать или хотя бы что обо всем этом думать.

— Что это значит?

— Это явно с Земли, — сказал Адамс.

— Начнем вот с этого, — произнес Макдональд. Повернувшись, он снял книгу с полки. — Взгляните, может, тогда поймете лучше.

Книга называлась «Голоса тридцатых годов». Томас перелистал ее и поднял голову.

— Это о начальном этапе развития радио, более девяноста лет назад.

— То, что мы услышали, — сказал Макдональд, — и о чем вы узнали бы из этой и других книг, если бы внимательно их изучили, было передано в те времена: музыка, новости, комедии, трагедии, сенсации, так называемые «сериалы», криминалы, разговоры, сообщения о катастрофах... В записи было много фрагментов на иностранных языках, но мы их вырезали.

— И вы думаете, я поверю, будто вы приняли этот вздор со звезд?

— Да, — сказал Макдональд. — Именно это приняло Большое Ухо, когда астрономы слушали, направив его примерно на пять угловых часов ректасценции и около пятидесяти шести градусов деклинации, общим направлением на Капеллу...

— Но как могла Капелла отправить нам этот земной мусор?

— Я не говорил, что это с Капеллы, сказал только, что сигналы пришли с того направления.

— Разумеется, — откликнулся Адамс.

— Но это же абсурд, — сказал Томас.

— Согласен, — заметил Макдональд. — Это настолько абсурдно, что должно быть правдой. Зачем бы я стал обманывать вас, если проще было бы натывать сигналов, похожих на эти помехи? Даже подделку сигналов в конце концов разоблачают, однако при достаточной наглости и изрядном везении мы могли бы принять какие-нибудь настоящие сигналы до того, как нас вывели бы на чистую воду. Но такое?! Это слишком легко проверяется и слишком абсурдно, чтобы не быть правдой.

— И все же это... как может Капелла или что бы там ни было... передавать?..

— Мы слушаем уже пятьдесят лет, — сказал Макдональд, — а передаем более девяноста.

— Передаем?

— Я тебе говорил, помнишь? — спросил Адамс. — Со времени первой радиопередачи относительно слабые радиоволны непрерывно расходятся по Вселенной со скоростью ста восьмидесяти шести миль в секунду.

— Кстати, Капелла находится примерно в сорока пяти световых годах от Земли, — сказал Макдональд.

— Сорок пять лет, чтобы радиоволны дошли туда, — добавил Адамс.

— И сорок пять, чтобы они вернулись.

— Это отражается от Капеллы? — спросил Томас.

— Сигналы *передаются* обратно. Их принимают вблизи Капеллы и отправляют обратно узким направленным лучом большой мощности, — ответил Макдональд.

— А разве это возможно?

— Для нас нет, — сказал Адамс. — Невозможно при оборудовании, каким мы сейчас располагаем. По-настоящему большая антенна в пространстве, пожалуй, даже за пределами поля притяжения Земли и подальше от Солнца, могла бы принимать блуждающие радиопередачи с расстояния в сто и более световых лет, даже такие слабые, какие были в самом начале истории нашего радио. Может, тогда мы открыли бы, что в Галактике шумно, как в улье.

— Даже если бы дело обстояло так, — сказал Макдональд, — странно, что мы вообще можем выловить то, что преодолело девяносто световых лет. Дошедшие до Капеллы рассеянные сигналы должны быть невероятно слабыми, едва отличимыми от космических шумов. Конечно, они там могут пользоваться другими устройствами и, возможно даже, приемником, находящимся довольно близко от Земли, скажем, в поясе астероидов, который принимает здесь наши радиосигналы, усиливает и передает на Капеллу. Это означало бы, что чужаки, или по крайней мере их автоматические приемно-передающие устройства, посещают Солнечную систему. Как бы то ни было, остается фактом, что мы принимаем запоздалую ретрансляцию из нашего прошлого девяностолетней давности.

— Но зачем им это? — недоумевал Томас.

— А вы можете предложить лучший способ привлечь наше внимание? — спросил Макдональд.

— Просто большое «алло, есть там кто-нибудь?»

— Вероятно, это еще не все, — уверенно сказал Адамс. Макдональд кивнул.

— Часть помех скорее всего вовсе не помехи. Возможно, в некоторых из них существует определенный смысл: упорядочивание импульсов, группы двузначных сигналов, ряды цифр, может, сообщение в виде линейного письма или того, что могло бы дать образ, если бы мы знали, как его сложить. Окончательного ответа пока нет, но Сандерс работает с компьютерами.

— Это начало, — сказал Томас. Он чувствовал, как колотится его сердце, а ладони начинают потеть. Подобного с ним не бывало со времен работы над «Адом».

— Мы не одни, — сказал Адамс.

— Что они могли нам сказать? — спросил Томас.

— Узнаем, — ответил Макдональд.

— А потом?.. — спросил Томас.

— В этом все и дело, — согласился Макдональд. — А также в том, как объявить это людям, если вообще стоит объявлять. Как люди отреагируют на доказанный факт существования в Галактике иных разумных существ? Испугаются или обозлятся, заинтересуются, возбудятся или обрадуются? Гордость они почувствуют или свою ничтожность?

— Вы обязаны сообщить об этом, — сказал Томас. Он не сомневался в своей правоте, и этого тоже не бывало с ним уже давно.

— А поймут ли нас?

— Нужно постараться, чтобы поняли. Где-то там, на планете, в каком-то смысле похожей на нашу, живет раса разумных существ, которым наверняка есть что сказать нам. Какая великая весть! Мы должны сделать так, чтобы люди это поняли.

— Но я не знаю, как...

— Вы шутите, — сказал Томас, улыбаясь. — Вы манипулировали мной, как искусный психолог, шаг за шагом вели меня за руку по избранной вами дороге. Конечно, я помогу вам. И организую других. Мы будем провозглашать эту весть всеми способами, которые придут нам в голову; используем статьи, телепередачи, книги, как документальные, так и художественные, интервью, анкеты, игры, игрушки... Мы сделаем из Программы ворота в новый мир, в которых так нуждается наша Земля. Ей наскучило то, чем она владеет, а скука — самая страшная опасность для человеческого духа...

— Нельзя забывать, — сказал Адамс, — что вблизи Капеллы находится планета разумных существ, которые отправили нам послание и ждут ответа. Это самое главное.

— Ты же знаешь, что это не люди, — заметил Макдональд. — Их среда обитания наверняка совершенно не похожа на нашу. Капелла — это красный гигант, точнее, пара красных гигантов. Они чуть холоднее нашего Солнца, но больше и ярче.

— И вероятно, старше, если верна наша теория эволюции звезд, — вставил Адамс.

— Солнца Капеллы такие, каким наше Солнце может

стать через одно или два галактических десятилетия, — продолжал Макдональд. — Подумайте о том, что это должно означать, подумайте о развитии под парой красных гигантов, среди аномалий дня, ночи и самой орбиты, аномалий природы планеты, ее условий вегетации, ее жары и холода! Какого рода существа могли выжить в такой среде и создать цветущую цивилизацию?

— Ну, у них-то совершенно иная точка зрения, — сказал Томас. — Данте спустился в ад, чтобы познать жизнь и мысли иных существ. Наши существа гораздо более чуждые, и нам остается только слушать.

— У нас есть свой спуск в ад, — сказал Макдональд.

— Знаю. Завтра вы сообщите новость персоналу?

— Если, по-вашему, это разумно.

— Разумно или нет, это необходимо. Скажите всем, чтобы пока считали это известие конфиденциальным. Я, с вашего позволения, напишу статью для «Эры», хотя и не ту, какую они ждут.

— «Эра» была бы лучше всего, но напечатают ли они такую статью?

— За исключительные права на такую сенсацию они приветствовали бы установление связи с самим дьяволом и его падшими ангелами. Они швырнут солитериан в ад и поведут бюрократов с технократами в землю обетованную. А я тем временем завербую для вас парочку коллег, и когда «Эра» выйдет из-под пресса, мы будем наготове с циклом статей и интервью для всех средств массовой информации.

— Звучит превосходно, — сказал Макдональд.

— А пока, — продолжал Томас, — подумайте вот о чем: понимают ли жители Капеллы полученную с Земли передачу? Может, они оценивают нашу цивилизацию по радиосериалам? — Он встал и выключил свой магнитофон. — Отличный был день. Увидимся утром.

Он направился к двери и переступил порог своего чистилища, хотя и не знал еще об этом.

Работа Компьютера

Нет области исследований более захватывающей, чем поиски цивилизаций или, скажем, чего-то подобного, среди овеванных тайной счастливых земель за горизонтом межзвездных пространств...

ХАРЛОУ ШЕПЛИ, 1958

Возможно, доходящие до нас рассеянные сигналы от высокоразвитой цивилизации, удаленной на десять световых лет, слишком слабы, чтобы уловить их с помощью наших сегодняшних антенн, однако существует вероятность размещения антенн на орбите или на Луне с огромной пользой для прослушивания. В пространстве можно построить антенны диаметром хоть в десять тысяч футов, предположительно способные принимать передачи, вызванные жизненной активностью цивилизации, находящейся на расстоянии в десять световых лет. Анализ принятых сигналов подобного рода был бы, вероятно, крайне утомителен, но его можно было бы возложить на компьютеры...

ДЖ. Э. УОББ, 1961

Метод «усиления сигналов», применяемый для извлечения закодированных импульсов из фонового шума, позволяет предположить, что наша цивилизация сама может быть легко обнаружена, несмотря на то что мы отказались от передачи нами сигналов с этой целью...

ФРЭНК Д. ДРЕЙК, 1964

Хоть постарел среди дорог
За сотни гор и рек,
Среди дорог я тысячи их встречу,
Чтоб взять за руку и поцеловать,
Топтать ковры высоких трав
И до конца всех дней
Срывать серебряные яблоки Луны
И золотые яблоки Солнца.

УИЛЬЯМ БАТЛЕР ЙЕТС, 1899

БЛАГОДАРИЯ ПРОГРЕССУ НАУКИ МОЛОЧНЫЕ ПОРОДЫ СКОТА СТАЛИ СЕГОДНЯ АНАХРОНИЗМОМ, ИБО НЕДАВНО СОЗДАНА ПЕРВАЯ МАШИНА, ПРОИЗВОДЯЩАЯ МОЛОКО, РАЗРАБОТАННЫЙ ПРОЦЕСС, КОПИРУЮЩИЙ БИОЛОГИЧЕСКИЕ И ХИМИЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В ОРГАНИЗМЕ ЖИВОТНОГО, С НЕКОТОРЫМИ ТЕХНИЧЕСКИМИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯМИ, ИСКЛЮЧАЮЩИМИ ПОБОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ, ПРИВЕЛ К ТОМУ, ЧТО СТАЛО ВОЗМОЖНО ВКЛАДЫВАТЬ С ОДНОГО КОНЦА МАШИНЫ ТРАВУ И ПОЛУЧАТЬ СВЕЖЕЕ МОЛОКО С ДРУГО-

ГО ЕЕ КОНЦА. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОЦЕССА ДЕВЯНОСТО ПРОЦЕНТОВ, ИСХОДНЫМ СЫРЬЕМ МОЖЕТ СЛУЖИТЬ ДРЕВЕСНАЯ МАССА, СОЛОМА, ДАЖЕ МАКУЛАТУРА И ПУСТЫЕ УПАКОВКИ. ЭТО ЕЩЕ ОДИН МЕТОД ВТОРИЧНОЙ ПЕРЕРАБОТКИ ОТХОДОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ...

Он остановился как вкопанный, и пламя напряжения промчалось по его нервам. Мышцы с неумолимой силой давили на кости. Дрожь пробежала по передним лапам, в два раза превосходящим длиной задние, обнажив острые, как бритвы, когти. Растущие из загривка толстые щупальца перестали извиваться, замерев в беспокойной настороженности. Огромная кошачья голова завертелась из стороны в сторону а тонкие, волосистые отростки, образующие уши, завибрировали, анализируя каждое дуновение ветра. Однако нигде не было ни малейшего следа добычи.

Керл присел, его кошачья фигура рисовалась на фоне бледно-красного горизонта как размытая акварель черной пантеры, отдыхающей на черной скале в мире теней...

А. Е. ВАН ВОГТ, 1939

БЕЛЛАТРИКС, ПОЛЛУКС, МИЦАР, КОЛОС,
АНТАРЕС, КАСТОР, АЛГОЛЬ, МИРА,

АХЕРНАР
ЗВЕЗДА БАРНАРДА

ПРОЦИОН, РЕГУЛ, РИГЕЛЬ, СИРИУС,
АЛЬДЕБАРАН, ДЕНЕБ, АРКТУР,

БОЛИДЫ
ЦЕФЕИДЫ

АЛГЕБА, ГЕММА, КАНОПУС,
АЛЬФА ЦЕНТАВРА, ТАУ КИТА, ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА,

КВАЗАР
ЗВЕЗДА ВОЛЬФА-РЭЙЕТА

БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ, АЛЬТАИР, МИРА, ВЕГА,
ФОМАЛЬГАУТ, ДЕНЕБ И КАПЕЛЛА

ПУЛЬСАР
НЕЙТРОННАЯ ЗВЕЗДА...

АГЕНТСТВО СТАТИСТИКИ И ДЕМОГРАФИИ СООБЩИЛО СЕГОДНЯ, ЧТО БРАЗИЛИЯ ДОБИЛАСЬ НУЛЕВОГО ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ. ПРИ ЭТОМ ИЗВЕ-

СТИИ В ЗАЛАХ И КУЛУАРАХ ШТАБ-КВАРТИРЫ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ НАЧАЛОСЬ ЛИКОВАНИЕ. ТАМ ВИДЕЛИ ДЕЛЕГАТОВ, ТАНЦУЮЩИХ ПО ПОВОДУ ДОСТИЖЕНИЯ ЭТОЙ ЦЕЛИ, НАМЕЧЕННОЙ ОКОЛО ПЯТИДЕСЯТИ ЛЕТ НАЗАД. БРАЗИЛИЯ БЫЛА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНОЙ С ПРИРОСТОМ НАСЕЛЕНИЯ; ОПРАВДЫВАЯ ЭТОТ ФАКТ, АСД ОБЪЯСНЯЛО, ЧТО БРАЗИЛИЯ ОБЛАДАЛА ГОРАЗДО БОЛЬШИМ ЧИСЛОМ СВОБОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ И БОЛЬШИМ КОЛИЧЕСТВОМ ЛАТЕНТНЫХ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ, НЕЖЕЛИ КАКАЯ-ЛИБО ДРУГАЯ СТРАНА.

Я хорошо знаю, что в данный момент нас слушает вся Вселенная, что каждое произнесенное нами слово эхом отдается на самой далекой из звезд...

ЖАН ЖИРОДУ, 1945

КАПЕЛЛА ПО ЛАТЫНИ ОЗНАЧАЕТ «КОЗОЧКА». НАХОДИТСЯ ОНА В СОЗВЕЗДИИ АУРИГИ, ВОЗНИЧЕГО, КОТОРЫЙ, СОГЛАСНО ГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ, ИЗОБРЕЛ ПОВОЗКУ. ЕГО ПЕРВУЮ ПОВОЗКУ, КАК УВЕРЯЕТ ЛЕГЕНДА, ТЯНУЛИ КОЗЫ...

Звезда	Спектральный класс	Приблизительная яркость	Ректасцензия	Деклинация	Расстояние	Сила излучения	Масса
Капелла А	G0	0,2	0614	+4558	45	120	4,2
Капелла В	G0						3,3

ПОСЛЕ БОЛЕЕ ЧЕМ ПЯТИДЕСЯТИ ЛЕТ ПРОГРАММА ПРИНИМАЕТ СИГНАЛЫ. ЭКСПЕРТЫ УТВЕРЖДАЮТ, ЧТО СООБЩЕНИЕ НЕСОМНЕННО, НО В ДАННЫЙ МОМЕНТ ПЕРЕВЕСТИ ЕГО НЕВОЗМОЖНО. РАЗУМНЫЕ СУЩЕСТВА, ВЕРОЯТНО, С ПЛАНЕТЫ, ВРАЩАЮЩЕЙСЯ ВОКРУГ ОДНОГО ИЗ КРАСНЫХ ГИГАНТОВ, НАЗЫВАЕМЫХ КАПЕЛЛА, В СОРОКА ПЯТИ СВЕТОВЫХ ГОДАХ ОТ ЗЕМЛИ, ПРИНЯЛИ И ОТПРАВИЛИ ОБРАТНО РАННИЕ РАДИОПЕРЕДАЧИ ЗЕМЛИ... «ЭТИ ГОЛОСА, — СКАЗАЛ ДИРЕКТОР ПРОГРАММЫ РОБЕРТ МАКДОНАЛЬД, — ЯВЛЯЮТСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ ТОГО, ЧТО МЫ НЕ ОДИНОКИ ВО ВСЕЛЕННОЙ. НАДЕ-

ЮСЬ, КАЖДЫЙ ВМЕСТЕ СО МНОЙ ПОРАДУЕТСЯ ЭТОЙ НОВОСТИ И ПОМОЖЕТ НАМ В ПОИСКАХ ОТВЕТА НА ПОСЛАНИЕ, ТАЯЩЕЕСЯ В ЭТОЙ ПЕРЕДАЧЕ».

А ТЕПЕРЬ ПЕРЕДАЕМ ЗВУКОВУЮ ТРАНСКРИПЦИЮ СООБЩЕНИЯ, ПРИНЯТОГО В ПУЭРТО-РИКО...

Новый ночной театр открылся сегодня на Манхэттене представлением, широко разрекламированным, как наиболее доступное из всего, что когда-либо предлагалось публике. Зрители приветствовали новый театр очередью ожидающих возможности войти и пережить то, что называют лучшим после гибернации отдыхом. Очередь дважды опоясывает здание...

Она лежала лицом вверх на скользких жирных досках стола. Обломанная половина бронзового чекана все еще торчала из странной головы, три безумных, пылающих ненавистью глаза сияли, как свежепролитая кровь, на лице, окруженном извивающимся клубком отвратительных червей, синих, юрких червей, копошащихся там, где должны расти волосы...

ДОН Э. СТЮАРТ, 1938

— МАДАМ! Я ИЗ ЦЕНТРА ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ. МЫ ХОТИМ ПОДКРЕПИТЬ НАШИ ОБЫЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫМИ ИНТЕРВЬЮ...

— ВАЛИ ИЗ МОЕГО ТЕЛЕВИЗОРА, ПОНЯЛ? Я ХОЧУ ПОСМОТРЕТЬ СВОЮ ЛЮБИМУЮ ПРОГРАММУ.

— ВАШИМ ГРАЖДАНСКИМ ДОЛГОМ ЯВЛЯЕТСЯ ОТВЕТИТЬ НА ВОПРОСЫ ЦИОМ. КАК ЖЕ ИНАЧЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО СМОЖЕТ УЧИТЫВАТЬ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ?

— НУ ЛАДНО, ЛАДНО, ТОЛЬКО БЫСТРО.

— ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ О ПОСЛАНИИ С ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ, ПРИНЯТОМ ПРОГРАММОЙ В ПУЭРТО-РИКО?

— О КАКОМ ЕЩЕ ПОСЛАНИИ?

— О ПОСЛАНИИ С КАПЕЛЛЫ. НУ, ГОЛОСА ИЗ РАДИО. ОБ ЭТОМ БЫЛО ВО ВСЕХ ГАЗЕТАХ.

— Я НИКОГДА НЕ ОБРАЩАЮ ВНИМАНИЯ НА ТАКИЕ ГЛУПОСТИ.

— ВЫ ДАЖЕ НЕ СЛЫШАЛИ ОБ ЭТОМ?

— НИЧЕГО НЕ СЛЫШАЛА. А СЕЙЧАС, МОЖЕТ, ТЫ

ДАШЬ МНЕ ПОСМОТРЕТЬ МОЮ ЛЮБИМУЮ ПРОГРАММУ?

— ЧТО ЭТО ЗА ПРОГРАММА?

— «КОСМИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО».

И создал я миры неисчислимы... И вот поведаю тебе историю земли этой и жителей ее. Ибо много есть миров, исчезнувших по слову моему. И много есть миров, которые сейчас возникают, и неисчислимы они для человека, однако все исчислимо для меня, ибо все это мое и знакомо мне... И как одна земля исчезнет с небесами своими, так и возникнет другая, ибо нет конца делам и словам моим...

ОТКРОВЕНИЕ МОИСЕЯ, ОБНАРУЖЕННОЕ ПРОРОКОМ
ДЖОЗЕФОМ СМИТОМ В ИЮНЕ 1830 ГОДА

НЫНЕШНЯЯ ВЫСТАВКА УНИКАЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИСКУССТВА, ОТ НАЧАЛА И ДО КОНЦА СПРОЕКТИРОВАННЫХ И ВЫПОЛНЕННЫХ ЗАВОДСКИМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ КОМПЬЮТЕРОВ И АВТОМАТОВ, БЫЛА СЕГОДНЯ ВЫСОКО ОЦЕНЕНА КРИТИКАМИ ВО ВСЕХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ. ВЫСТАВКА В ПОМЕЩЕНИИ МУЗЕЯ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА ПРОДЛИТСЯ МЕСЯЦ, ПОСЛЕ ЧЕГО НАЧНЕТСЯ ЕЕ ДЕМОНСТРАЦИЯ В НАРОДНЫХ МУЗЕЯХ. НА ВОПРОС, ВОЗНИКАЛА ЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ ОТСЕВА МНОЖЕСТВА ПЛОХО ЗАДУМАННЫХ И ПЛОХО СМОДЕЛИРОВАННЫХ ОБЪЕКТОВ, ПРОГРАММИСТКА ФИЛИС МАККЛАНЭГАН ОТВЕТИЛА: «НЕ ЧАЩЕ, ЧЕМ У СРЕДНЕГО ХУДОЖНИКА».

ГВОЗДЕМ ВЫСТАВКИ БЫЛА ФИГУРА ИЗ ПОЛИМЕТАКРИЛАНА МЕТИЛА ВЫСОТОЙ ВОСЕМЬ ФУТОВ, НАЗВАННАЯ — КОМПЬЮТЕРОМ ИЛИ МИСС МАККЛАНЭГАН — «АВТОПОРТРЕТ ЧУЖОГО».

Настолько глубока вера в существование жизни за пределами тьмы, что начинаешь ожидать прибытия этих существ с минуты на минуту — может, даже при жизни нашего поколения, если они более развиты, чем мы. Задумываясь над бесконечностью времени, неизбежно приходишь к мысли, а не пришло ли послание в прежние времена, утонув в грязи болот влажных лесов карбона, не приземлились ли сверкающие зонды рядом с шипящими пресмыкающимися,

не исчерпали ли точные инструменты свою энергию в бесплодных усилиях, безо всякой отдачи...

ЛОРЕН ЭЙСИЛИ, 1957

Но если мы признаем существование разума у этих Жителей Планет, обязательно ли он должен быть таким же, как наш? Наверняка должен, рассматривай мы это применительно к справедливости и моральности или же к принципам и основам наук. Ибо разум наш есть то, что дает нам истинное чувство справедливости и правоты, доброты и благодарности; именно он учит нас отличать добро от зла и делает нас открытыми для знаний и опыта. Может ли где-то существовать разум, отличный от такого? Или, другими словами, может ли то, что мы зовем справедливым и великодушным, признаваться на Юпитере или Марсе несправедливым и недостойным?..

ХРИСТИАН ГЮЙГЕНС, ОК. 1670

Что нам нужно, так это новая специальность — антикриптография или разработка кодов, возможно более легких для расшифровки...

ФИЛИП MORRISON, 1963

Огромные расстояния между звездными системами могут быть формой божественного карантина, который предотвращает распространение духовной заразы падших видов, не позволяя им сыграть роль змеи в райском саду...

К. С. ЛЬЮИС, СЕРЕДИНА ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Поскольку Бог мог создать миллиарды галактик, Он мог создать и миллиарды человеческих рас, каждая из которых уникальна сама по себе. Для искупления же этих рас Бог мог принять любой телесный облик. Нет ничего отталкивающего в мысли, что Божественная Особа принимает облик множества человеческих рас. И может, мы когда-нибудь узнаем, что не одно было воплощение Сына Божьего, но много...

ОТЕЦ ДАНИЕЛЬ К. РЭЙБЛ, 1960

Одно лишь может быть воплощение, одна Матерь Божья, одна раса, в которую Господь перелил свой образ и подобие свое...

ДЖОЗЕФ Э. БРЕЙГ, 1960

Разве не странно утверждать, что Его сила, безмерность, красота и бессмертие проявляются с расточительной щедростью по невообразимым безднам пространства и времени, а познание и любовь, придающие этому смысл, ограничены одной небольшой планетой, где осознающая себя жизнь расцвела лишь несколько тысячелетий назад?..

ОТЕЦ Л. К. МАКХЬЮ, 1960

ШТАБ-КВАРТИРА СОЛИТАРИАН В ХЬЮСТОНЕ ОБЪЯВИЛА СЕГОДНЯ О СЕРИИ ОЧИСТИТЕЛЬНЫХ БОГОСЛУЖЕНИЙ, КОТОРЫЕ БУДУТ СОВЕРШЕНЫ В МЕСТНОМ СВАТИЛИЩЕ, НАКРЫТОМ ГИГАНТСКИМ КУПОЛОМ. СООБЩЕНИЕ ПЕРЕДАНО ПОСЛЕ РЯДА СТАТЕЙ, ИНТЕРВЬЮ И КОММЕНТАРИЕВ НА ТЕМУ ПОСЛЕДНЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО ОТКРЫТИЯ ПРОГРАММЫ В АРЕСИБО НА ПУЭРТО-РИКО.

«ЕДИНСТВЕННОЕ ПОСЛАНИЕ, КОТОРОЕ НАС ВОЛНУЕТ, — ЗАЯВИЛ ИЕРЕМИЯ, ГЛАВНЫЙ ЕВАНГЕЛИСТ И PRIMUS INTER PARES* В ИЕРАРХИИ СОЛИТАРИАН, — ЭТО ПОСЛАНИЕ ОТ БОГА».

III

Уильям Митчелл — 2028

*И молча внимали тоскливому зову,
Который тьму прорезал.*

Аудитория выжидала.

Сидячие места под куполом стадиона были заняты все до последнего, проходы тоже были забиты. Самые разные люди — старые, средних лет, молодые, дети, младенцы на руках; мужчины и женщины; богатые и бедные; черные, шоколадные, краснокожие, желтые и розовые; одетые для работы, для улицы или для приема. Все ждали начала проповеди.

Никто не кричал, не кашлял, не шептал и не говорил, не свистел и не топал, поэтому естественный шум, производимый более чем сотней тысяч людей, — шорох и шелест — заглушался далеким урчанием климатизаторов, сражающихся с теплом тел, дыханий и техасского лета.

* Primus inter pares (лат.) — первый среди равных.

Люди сидели тесно — плечо к плечу, колени к спинам, однако ощущение это не было неприятным. В сущности это рождало некое чувственное понимание, словно телесный контакт объединял каждого со всеми собравшимися в некую последовательную цепь элементов, которая ждала лишь сигнала, что пошлет всю эту затаенную мощь поворачивать реки, двигать горы, искоренять зло...

Однако по крайней мере один человек не разделял общего настроения. Митчелл брезгливо отодвинулся от напирающего на него слева потного толстяка.

— Вы точно решили дожидаться конца? — спросил он.

Томас взглянул на Макдональда, тот лишь покачал головой.

Они сидели на гребне стадиона, под ними находилась арена, заполненная рядами дополнительных стульев. Заняты они были все до единого. На всей обширной арене пустым остался лишь квадрат в самом центре. Из-за моря голов, уходящего от них почти в бесконечность, квадрат этот казался очень маленьким.

Митчелл вновь отодвинулся, с трудом подавляя дрожь отвращения.

— Я видел, как такие толпы выходят из-под контроля, — не сдавался он.

Люди впереди стали оглядываться, награждая его враждебными взглядами, а те, что сидели дальше, закрутили головами, пытаясь рассмотреть, кто нарушает тишину. Макдональд снова покачал головой.

— Еще не поздно вернуться в кабину, — сказал Митчелл. — Пользуясь внутренним монитором, мы могли бы увидеть все гораздо лучше и лучше понять, что происходит. — Он обратился к Томасу: — Скажи ему, Джордж.

Томас беспомощно развел руками. Макдональд приложил палец к губам.

— Все будет хорошо, Билл, — шепотом произнес он. — Просто видеть и слышать — слишком мало. Нужно чувствовать.

— Я уже чувствую, — буркнул Митчелл.

Все больше лиц поворачивалось к ним. Митчелл ответил им вульгарным жестом, и Томас нагнулся к его уху.

— Вас с Маком различает то, что ты не любишь людей и ненавидишь ситуации, которые не контролируешь. А таких в нашем деле полно.

— Люди! — Митчелл презрительно фыркнул.

Огни на стадионе погасли, словно открылась десница Господа, позволив ночи хлынуть на них вместо того, чтобы

протекать между божественными пальцами. В темноте казалось, что купол вот-вот обрушится на головы, каждый еще сильнее ощущал присутствие других, словно собравшиеся раздувались, заполняя собой все пространство. Митчелл подавил паническое чувство и глубоко вздохнул.

— Мерзавец! — пробормотал он. — Далеко он на этом не уедет!

Однако вместо криков и топота ног они слышали только выжидательную тишину, как будто все ждали, что вот-вот произойдет чудо.

И вот мощный столб света опустился с вершины купола и, разорвав темноту, образовал посреди арены белый круг. А в самом центре круга, словно опустившись вместе со светом, возникла одинокая фигура. Всему стадиону была видна лишь эта фигура, и все смотрели на нее, не могли не смотреть. Только часть собравшихся — те, кто сидел на дополнительных стульях рядом с кругом, — могла разглядеть, кто это такой. С места же Митчелла она выглядела так же, как фигурка из палочек, нарисованная детской рукой. Он воспринимал не само зрелище, а лишь сочетание белизны, розовости и черноты, высокого роста, поднятых и распростертых рук, которыми эта фигура словно бы хотела обнять публику, если можно было представить себе публику в этой темноте. Однако иного способа воссоздать зрителей не было — их невозможно было ни увидеть, ни услышать.

И все-таки ощущение присутствия толпы постепенно возвращалось, но на этот раз она была уже единым существом, одним живым созданием — цепь тел, соединяющая отдельных людей, застыла. Толпа ждала послания, глядя на фигуру, которая одиноко стояла в круге света, обнимая всех. И это было все. Никакого микрофона, никакой сцены, ни стола, ни стульев, только одинокая фигура посреди онемевшей аудитории из десятков и десятков тысяч людей.

— Говори же, черт тебя побери, говори! — рявкнул Митчелл, наперед зная, что человек в светлом круге будет тянуть, растягивая этот момент, эту тонкую мерцающую струну ожидания, до предела ее прочности... Старый мерзавец знал, что делает. Казалось, публика перестала дышать.

И тогда человек заговорил, и голос его, как по волшебству, заполнил накрытый куполом стадион, подобно гласу Бога, идя ниоткуда и вместе с тем отовсюду. Голос потряс

и объединил людей, укрепив цепь и придав отдельным ее звеньям силу несокрушимого целого. Голос заговорил, и в нем прозвучали мудрость и истина.

— Мы одни...

Толпа застонала.

— Таково Послание, — продолжал голос. — Послание от Бога. Вам говорят, что послание пришло с другой планеты, похожей на нашу, от людей, подобных нам. Но не ведают они, что говорят. Услышав глас Божий, они не узнали его. Пытаются понять в разумах своих, но не могут, ибо для этого нужно сердце, нужна вера. Послание пришло от Бога, и принесли его ангелы, посланцы Господни. От кого еще могло оно прийти?

Слушатели застыли в ожидании ответа, зная, что он сейчас последует.

— Есть человек, и есть Бог, и больше нет никого. Мы одни с Господом во всей Вселенной. Так есть и так должно быть.

Слова волновали толпу, как ветер поле пшеницы.

— Чего нам бояться? — продолжал голос. — Зачем отрицать истину, когда она стоит перед нами? Бог создал человека, чтобы тот восхищался великолепием Вселенной и прославлял своего Господа.

Толпа разом вздохнула.

— Это и есть содержание Послания: слова человека, вернувшихся к нему, ничтожности человеческой, показанной ему, словно в зеркале — иных нет, мы одни во Вселенной...

Слова лились неудержимо, словно некое природное явление или откровение. Мощь в толпе нарастала, как в магнитах, стоявших рядом так долго, что поле каждого усилило поле соседа и общая сила, создаваемая сотней тысяч человек, совокупно думающих и чувствующих, достигла силы, способной охватить весь город, расколоть планету и даже расшевелить сами звезды...

Они шли по пустому коридору в подземном этаже стадиона, и шаги их эхом отражались от бетонных стен, пола и сводов, из-под ног поднимались облачка пыли. В слабом свете ламп, висевших под потолком, коридор казался бесконечным.

— Ну как? — спросил Томас и сам вздрогнул, услышав

гулкое эхо. — Что вы скажете о «словах человека, вернувшихся к нему»?

— Сволочь! — произнес Митчелл.

— «On doit se regarder soi-même un fort long temps, — произнес Макдональд, — avant quie de songer a commander les gens».

— Что он сказал? — спросил Митчелл у Томаса.

— Это цитата из «Мизантропа» Мольера, о том, что нельзя судить других, пока не изучишь как следует самого себя, — ответил Томас.

Митчелл пожал плечами.

— Я хорошо изучил его, — сказал он.

— Ты уверен, что мы идем правильно? — спросил Макдональд.

— Юдит говорила, что сюда, — ответил Митчелл.

Коридор закончился залом. Огромные гидравлические домкраты лесом поршней подпирали свод. Посредине находилась металлическая клетка, внутри которой был пульт управления со множеством рычагов, реостатов и огромных клавишей, покрашенных в красный и зеленый цвет. Клетка была заперта, зал пуст, и только их шаги нарушали его тишину.

— Колдовство, — уважительно заметил Макдональд.

— Сукин сын, — ответил Митчелл. — Похоже, сейчас туда.

Он повел их мимо главного пульта, через другой коридор к покрашенной серой краской двери, в которую легонько постучал. Не получив ответа, постучал сильнее, и дверь приоткрылась на сантиметр.

— Юдит? — спросил он.

— Билл?

Дверь раскрылась шире. Девушка выскользнула в коридор, протянула руку Митчеллу.

— Билл!

Она была маленькая и гибкая, с черными волосами и огромными черными глазами, такими черными, словно в них были одни только зрачки. Митчелл понимал, что красивой ее не назовешь, может, все дело было во впечатлении, которое производили на него эти ее большие зрачки. Он мог трезво подходить к этому вопросу — его тянуло к ней, к этой единственной женщине на свете, и для него она была прекрасна.

Он пожал ей руку вместо приветственного поцелуя — Юдит не любила демонстрировать свои чувства. Митчелл называл это результатом пуританского воспитания.

— Старый негодяй дома? — спросил он.
— Билл! — укоризненно сказала она. — Он же мой отец!
Он дома, отдыхает. Эти проповеди дорого обходятся ему.
— Это мистер Макдональд, — представил Митчелл. —
Он возглавляет Программу.
— Божечки! — воскликнула Юдит. — Какая честь...
Она казалась по-настоящему взволнованной.
— А это мистер Томас, — продолжал Митчелл. — Мой шеф.

— Сослуживец, — уточнил Томас.
— Юдит Джонс, — представил Митчелл. — Моя невеста.
— Ну, Билл, — протянула она, — это не совсем так.

Они разговаривали тихо, как заговорщики, и голоса их звучали странно из-за эха в коридоре. Митчеллу казалось, что он играет роль в пьесе, в которой персонажи пытаются общаться через бесконечные пещеры, множащие эхо.

— Ваш отец знает, что мы пришли с ним повидаться? — спросил Макдональд.

Юдит покачала головой.

— Его бы уже не было здесь, если бы он знал. Он не любит встречаться с людьми. Не любит людей, которые чего-то хотят от него, которые хотят поспорить с ним. Он говорит, что у него нет времени, но, если честно, просто не любит этого.

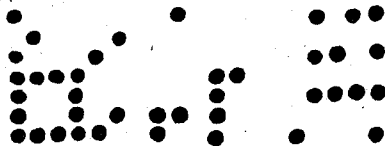
— И что, мы так просто ворвемся к нему? — спросил Макдональд.

Юдит помрачнела, словно готовясь к чему-то неприятному.

— Я вас представлю. Постарайтесь его... не волновать.
— Она направилась к двери, но вдруг обернулась. — И не обращайтесь внимания, если он покажется вам невежливым. На самом деле все не так: он делает это ради самообороны.

Она скользнула внутрь, оставив дверь приоткрытой.

— Отец, — услышал Митчелл ее голос, — какие-то люди пришли повидаться с тобой.

Прежде чем отец успел что-либо сказать, Юдит быстро открыла дверь.

— Это мистер Макдональд, — сказала она. — Он руководит Программой. И мистер Томас, он работает с Биллом Митчеллом. Ты помнишь Билла?

На старом металлическом стуле у старого туалетного столика с зеркалом сидел мужчина, выглядевший настолько старым, что родился Макдональду в отцы. Волосы его были снежно-белыми, лицо покрывали морщины. Черные, как у Юдит, глаза вспыхнули при виде пришельцев, но огонь в них тут же погас, словно захлопнулась дверь, и старик опустил взгляд.

— Я помню Митчелла, — произнес он. Голос у него был утомленный, старческий, призрак того голоса, что наполнял стадион над ними. — Я помню этого вульгарного богохульника, атеиста, насмехающегося над верой других, распутника с моралью гориллы. А еще я помню, что запретил тебе встречаться с ним. Остальных я тоже не желаю видеть...

— Мистер Джонс... — начал Макдональд.

— Убирайтесь! — отрезал старик.

— Мы оба старые люди, мистер Джонс... — начал Макдональд.

— Иеремия, — поправил старец.

— Мистер Иеремия...

— Хватит просто Иеремии, а Иеремия не разговаривает с атеистами...

— Я ученый...

— Атеист.

— ...и хотел бы поговорить о Послании.

— Я слышал его.

— Напрямую?

— Я услышал его от Бога, — хрипло сказал старик. — Вы слышали его более прямо, чем я?

— Вы услышали его до того, как оно было принято Программой, или после? — спросил Макдональд.

Иеремия со вздохом откинулся на спинку стула.

— Прощайте, мистер Макдональд. Вы хотите поймать меня...

— Я хочу поговорить с вами...

— Я говорю о Послании, но не о том, которое вы принимаете у себя в совершенно непонятном виде. Послание — мое послание — идет от Бога и говорит о вашем Послании. А ваше от Бога?

— Возможно, — сказал Макдональд.

Иеремия — он уже поворачивался к ним спиной — замер и пристально посмотрел на Макдональда. Митчелл тоже.

— Я не знаю, от кого оно, — сказал Макдональд. — Возможно, и от Бога.

— Но вы сами так не считаете, — заметил Иеремия.

— Нет, — согласился Макдональд. — Но утверждать не берусь. Мне не было такого откровения, как вам. Моя мысль открыта, а ваша?

— Не заперта мысль, открытая для правды, а не лжи, — сказал Иеремия. — Значит, вы не прочли свое Послание?

— Не прочли, — признал Макдональд.

— Когда вы его прочтете, — сказал Иеремия, жестом выпроваживая их, — тогда и приходите говорить со мной.

— Но если... когда мы его прочтем, вы приедете к нам?

Черные зрачки Иеремии пытались заглянуть Макдональду в душу.

— Прежде чем вы объявите его всем остальным?

— Да.

— Приеду. — Белая ладонь поднялась, чтобы поддержать голову, опускавшуюся ей навстречу. Гости не шевелились, и Иеремия поднял взгляд.

— Чего вы хотите от меня? — устало спросил он.

— Ваши публичные богослужения настраивают людей против Программы, — сказал Макдональд.

В черных глазах замерцали огоньки.

— Я возглашаю истину.

— Ваша истина создает атмосферу, в которой люди могут закрыть Программу, помешать нам прочесть Послание, запретить нам дальнейшее прослушивание.

— Я возглашаю истину, — повторил Иеремия. — Мы одни, и этого ничто не изменит. То, что произойдет, когда люди узнают правду, находится в руках Бога.

— Но если Послание пришло от Бога и предназначено для нас всех, а не только для вас одного, разве не должны мы прочесть его и попытаться уловить?

Длинное лицо Иеремии еще более вытянулось.

— Ваше Послание может быть и от дьявола.

— В своей проповеди вы утверждали, что оно от Бога.

— Это правда, — сказал Иеремия. — Однако дьявол может обмануть даже тех, кто слушает Бога. — Прозрачной рукой он задумчиво подпер подбородок. — Впрочем, возможно, я и ошибаюсь.

Макдональд шагнул к нему и начал было жест, который затем резко прервал.

— Если вы сейчас измените свою интерпретацию, это лишь вызовет замешательство среди верующих. Дайте нам шанс прочесть Послание. Как видите, я не прошу, чтобы вы перестали возглашать истину, только чтобы вы хотя бы не подзуживали своих последователей против Программы.

Иеремия смотрел на его повисшую в воздухе руку, пока Макдональд не опустил ее.

— Что вы надеетесь уловить? Голоса?

— Голоса тридцатых годов? — Макдональд покачал головой. — Все эти обрывки радиопрограмм, пришедшие с Капеллы, просто размахивание руками, жест для привлечения внимания.

— Тогда где же ваше Послание?

— У нас нет полной уверенности. Мы считаем, что в импульсах атмосферных помех между голосами. После замедления, отсеивания шумов и помех это звучит уже как настоящее послание — точки и тишина, точки и тишина.

— В точках и тишине вы можете прочесть все, что вам захочется, — не сдавался Иеремия.

— Но не прочли... пока не прочли. Мы пытаемся. Компьютеры работают над этим, стараясь найти в них какой-нибудь порядок. И мы его найдем, это лишь вопрос времени. Именно это нам и нужно: время.

— Я ничего не могу обещать, — сказал Иеремия.

— Мы известим вас первого.

— Я ничего не могу обещать, — повторил Иеремия, но теперь это прозвучало именно обещанием. — А сейчас оставьте меня в покое. Подожди, Юдит! Ты не должна больше встречаться с этим человеком, — он указал на Митчелла. — Я говорил тебе это раньше и говорю сейчас. Выбирай между нами, но если выберешь его, если ты выберешь непослушание, я не захочу больше тебя видеть.

— Черт побери! — Митчелл шагнул было вперед, но Юдит остановила его.

— Иди, Билл. — Она вышла с ними за дверь. — Мы больше не увидимся, Билл, во всяком случае не наедине.

— Но ты нужна мне, — сказал Митчелл. — Мы же хотели...

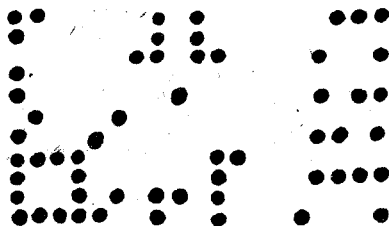
— Я нужна и ему, — возразила Юдит. — Он стар, болен и не умеет вести себя с людьми.

Девушка исчезла за дверью.

— Как странно, — произнес Томас. — Он может заставить тысячи поверить в его разговоры с Богом, но не может говорить с другим человеком так, чтобы не оттолкнуть его.

— Постарайся понять его, Билл, — мягко сказал Макдональд. — По-своему он просит именно понимания, просит помощи. А вы двое здорово похожи друг на друга.

— К дьяволу его! — рявкнул Митчелл, которого переполняло отвращение к людям. — К дьяволу всех! — Он огляделся по сторонам. — То есть почти всех.

Такси бесшумно катилось между другими машинами в сторону аэропорта.

— Вы хорошо поработали, — сказал Макдональд, сидящий между Томасом и Митчеллом.

— Ха! — фыркнул Томас.

Макдональд поднял ладонь, чтобы подчеркнуть свою искренность.

— Я серьезно. Вы с Биллом и все остальные. Ваши статьи, публикации, интервью и прочее завоевали Программе всеобщее одобрение. Известие, что мы приняли послание от разумных существ, живущих на планете, предположительно кружащей вокруг одного из двух солнц Капеллы, было принято без недоверия, с воодушевлением, но без паники. Не знаю, как можно было бы сделать это лучше.

— А я знаю, — сказал Митчелл.

— Вы ставите перед собой слишком высокие цели, — ответил Макдональд. — В конце концов в течение пятидесяти лет девять человек из десяти ничего не слышали о Программе, а те, что слышали, в большинстве своем считали ее напрасной тратой времени и средств. И все пятьдесят лет специалисты предсказывали, что люди впадут в истерику, когда им представят доказательства бытия иных разумных существ.

— Специалисты! — бросил Томас.

Макдональд со смехом покачал головой.

— Ну хорошо, джентльмены, тогда позвольте приписать себе заслугу напоминания о радио.

Он наклонился вперед и щелкнул выключателем. Музыка заполнила такси — сначала что-то из вновь вошедшего в моду стиля фолк, потом танцевальная музыка тридцатых годов. Через минуту она стихла, сменившись звуками атмосферных помех и обрывками программ... Митчелл протянул руку к выключателю.

— Тоже мне достижение, — сказал он.

Томас остановил его ладонь.

— Подожди!

«ТРЕСК прочти вечернюю молитву, — неслось из динамика. — СТУКСТУК *музыка* ТРЕСКСТУК едва не поддал меня бампером СТУКТРЕСКТРЕСК говорит Рочест ТРЕСКСТУК *музыка* ТРЕСКСТУКСТУКСТУК идол вечерних выпусков Ларри СТУКСТУК *музыка*: au revoir миле ТРЕСКСТУК театрик на СТУКСТУКТРЕСК диковина для глаза ТРЕСКСТУК *музыка* СТУКСТУКСТУК кто знает, что плохого СТУКТРЕСКСТУК...»

— Это оно и есть? — спросил Митчелл. — Послание?

Он испытывал странную уверенность из-за плохого качества приема.

— Фрагмент, — сказал Томас.

«Голос у него чуть дрожит, — подумал Митчелл, — словно он вновь переживает тот момент в Пуэрто-Рико, когда услышал это впервые, когда из скептического специалиста по грязному белью, собиравшегося похоронить Программу, превратился в преданного Программе адепта, принимая на себя миссию убеждения различных слоев общества в том, что Послание настоящее, что оно нужно нам и что бояться нечего. Дружья сперва не верили такой перемене, но потом и они, выслушав послание и Джорджа, согласились помогать. Митчелл примкнул к ним в первых рядах.»

«Это голоса прошлого и современности, — сообщил диктор радио. — Это голоса звезд. Вы прослушали фрагмент Послания, полученного с Капеллы, находящейся в сорока пяти световых годах от Земли. Если у кого-то есть идея, как прочесть это послание, пишите по адресу: Роберт Макдональд, Программа, Аресибо, Пуэрто-Рико. А теперь очередной эпизод истории, начавшейся девяносто лет назад...»

Голос умолк, зазвучала музыка, постепенно становившаяся все тише, а потом глубокий бас спросил:

«Кто знает, какое зло таится в сердцах людей? — Музыка вернулась и стихла вновь. — Ночь знает...»

Томас выключил радио.

— Гениальная идея, — сказал Макдональд, — только я понятия не имею, как мы ответим на все эти письма.

— Ничего толкового? — спросил Томас.

Макдональд покачал головой.

— Пока ничего. Но кто знает, какой гений таится в разумах людей?

— Ну что ж, — сказал Томас, — мы ничего и не ждали. Знаете, я вам вот что скажу... мы пошлем к вам кого-нибудь,

чтобы подготовил несколько типовых ответов и ввел их в ваш компьютер.

— Отлично, — сказал Макдональд.

— А что вы собираетесь делать с китайцами? — спросил Томас. — Они назвали Послание капиталистическим заговором для отвлечения внимания мира от американского империализма. Может, следовало известить их перед тем, как широко сообщать об этом.

Макдональд пожал плечами.

— Об этом не беспокойтесь. Их ученые затребовали ленты с записями.

— Русские заявили, будто приняли Послание еще год назад, — заметил Митчелл.

— Эти лент не требуют, — сообщил Макдональд. — Вероятно, сами теперь принимают — они ведь знают, где искать.

Томас вздохнул.

— Боюсь, мы только добавляем тебе хлопот.

Макдональд улыбнулся.

— «Господи, Братец Черепаха! — говорит тогда Братец Лис. — Не видел ты еще хлопот, а коли хочешь увидеть, так походи со мной подольше, и будет у тебя их в достатке!»*

Такси остановилось перед аэропортом, и Макдональд вынул из счетчика свою кредитную карточку.

— Идемте со мной к стойке с сувенирами, — окликнул он через плечо своих спутников. — Я хочу выбрать что-нибудь для Марии и Бобби. — Когда они поравнялись с ним, он добавил: — Я изменил заказ. Хочу, чтобы вы вернулись со мной в Аресибо.

Электрическая катапульта выстрелила очередной реактивный самолет, и пол задрожал. Секундой позже раздалось низкое «ш-ш-шу» и затихающий грохот.

— Перед отъездом мне нужно уладить несколько дел, — сказал Митчелл.

— Для блага Программы, — заметил Макдональд, — я считаю, что вам надо какое-то время держаться подальше от Юдит.

— Иеремия тоже так считает, — буркнул Митчелл.

— Он пророк, это факт, — угрюмо произнес Томас. — И очень опасен.

— Потому я и хочу, чтобы вы вернулись со мной, — объяснил Макдональд. — Хочу, чтобы вы вновь прониклись атмосферой Программы, работой и горячкой на пороге решения.

* Дж. Харрис. «Ночи с дядюшкой Римусом».

Если вы сумеете это выразить и передать, возможно, мы нивелируем растущее влияние Иеремии и его сторонников.

Томас покачал головой.

— Мы не будем выступать против Иеремии. Он честен, но одержим видениями, как поэт. Он живет в собственной реальности.

— Это старая сволочь, — вставил Митчелл.

— Основы веры этого человека оказались под угрозой, — сказал Макдональд, — и он защищает свой мир. Солитариане не могут сосуществовать с фактом наличия разумной жизни на других планетах.

— Тогда почему вы пригласили его к себе? — спросил Митчелл.

— Потому что он так же честен, как и фанатичен, — сказал Макдональд. — По-моему, вполне возможно, что, увидев перевод, он поймет и изменит свое мнение.

— Или не поймет и погибнет, — заметил Томас.

— Да, — признал Макдональд. — Такое тоже может быть.

— Насколько серьезно он грозит Программе? — спросил Митчелл.

— Серьезнее всех прочих с момента начала Программы, — ответил Макдональд. — В этом заметна ирония судьбы, и то, что сейчас творится, вполне подходит ко всей истории Программы — самый критический момент наступает, когда выполнена задача, для которой ее создавали. Пятьдесят лет без результатов прошли, как у Христа за пазухой, но с момента Приема послания существование наше оказалось под угрозой.

Томас рассмеялся.

— Ученые — опасные люди. Они задабривают тебя игрушками, а когда те вдруг оказываются настоящими, начинают беспокоиться.

— А что могут сделать солитариане, кроме болтовни в своем кругу? — спросил Митчелл.

— Они сильны, — сказал Макдональд, — и становятся все сильнее. Они хотят заблокировать Программу и давят на сенаторов и конгрессменов. Несмотря на вашу деятельность, несмотря на то, что я назвал общественным одобрением, им по-прежнему удастся играть на чувстве первобытного страха перед встречей с кем-то лучшим, чем ты сам. А капеллане, несомненно, лучше нас.

— Это почему? — спросил Митчелл более резко, чем хотел бы.

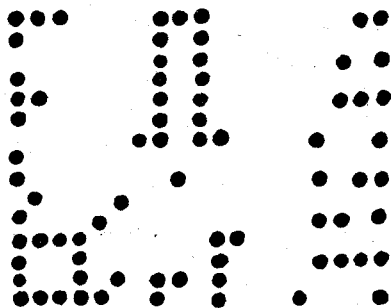
Пол вновь задрожал. Стойка с сувенирами находилась прямо перед ними, и Макдональд уже осматривал ее полки.

— Они явно старше нас и располагают большими возможностями, — сказал Макдональд. — Их красные гиганты старше нашего Солнца на миллионы, а может, на миллиарды лет, если судить по влиянию массы на эволюцию звезды. Во всяком случае, мы не можем принимать радиопередачи с других планет, не говоря уже о такой ретрансляции, чтобы онигодились для повторного приема на планете, откуда пришли.

— «Маленькая щебетунья!» — полупропел, полупроскандировал Томас. — «Пепси-кола — то, что надо!»

Его передернуло.

Макдональд купил жене новую книгу, романтическую историю о любви и опасностях на орбите, а для сына — трехмерную модель Солнца с окружающими его звездами в радиусе пятидесяти световых лет, включая — а как же иначе! — Капеллу, после чего, решив, что восьмимесячному младенцу модель будет непонятна по крайней мере еще год или два, купил ему огромного набивного страуса. Птица была так велика, что пришлось сдать ее в багаж.

— Робби!

В маленьком зале ожидания аэропорта на окраине Арезибо Мария старалась не рассмеяться при виде птицы-гиганта, стоящей перед нею на длинных ногах.

— Тихо, тихо, Бобби, — успокаивала она плачущего ребенка. — Он не сделает тебе ничего плохого. Привезти такое чудище маленькому ребенку! — Женщина укоризненно посмотрела на Макдональда.

Митчелл подумал, что никогда и нигде не видел такой красивой женщины. Интересно, как она выглядела в два-

дцать... или даже в тридцать лет? Да, у Макдональда были две важные причины торчать в Аресибо — жена и работа.

— Ну и тупица же я, — сказал Макдональд, словно его только что осенило. — Выходит, я не понимаю своих же домашних.

— Зато, — заметил Томас, — вы отлично понимаете и находите общий язык с любым другим.

— Бросьте! — махнул рукой Макдональд. — А Иеремия?

— По крайней мере вы заставили его слушать, — продолжал Томас, — и пообещать, что он придет.

Мария широко улыбнулась.

— Правда, Робби? Ты сумел переубедить его?

— Это еще не известно, — сказал Макдональд. — Ну, иди сюда.

Он вытянул руку к плачущему малышу. Тот доверчиво позволил себя взять, стараясь при этом не смотреть на страшную птицу. Почти сразу же он перестал рыдать, еще немного повсхлипывал и совсем успокоился.

— Ну-ну, Бобби, — сказал Макдональд, — ты же знаешь, папа не принес бы тебе ничего гадкого, хотя сначала, конечно, ты мог испугаться. Ну, ладно, пошли с нами, — обратился он к страусу, смотревшему черными непроницаемыми глазами из пластиковых глазниц, — мы еще дорастем до тебя.

Сунув птицу под мышку, он двинулся к выходу, но вдруг остановился.

— Что у меня с головой? — спросил он Марию. — Я ведь с гостями. Джорджа ты знаешь, а симпатичный джентльмен — это Билл Митчелл, влюбленный, которому не благоприятствуют звезды.

— Привет, Джордж, — Мария подставила ему щеку для поцелуя. — Привет, Билл, — она протянула руку. — Надеюсь, звезды станут к вам благосклонны, как и ко мне.

— Не так уж все и плохо, — сказал Митчелл, стараясь, чтобы это прозвучало беззаботно. — Знаете, как это бывает: упрямый отец, девушка поставлена перед выбором — он или я... В конце концов все устроится.

— Знаю, — сказала Мария, на мгновение вдохнув в Митчелла свою уверенность. — Идемте, я приготовлю хороший мексиканский ужин.

Когда она вынимала руку из его ладони, Митчелл заметил белый шрам поперек ее запястья.

— Querida, — напомнил Макдональд, — мы поели в самолете.

— Ты называешь это едой?

— Кроме того, — не сдавался Макдональд, — мы едем на работу — нужно сделать еще кое-что. Завтра, перед тем как джентльмены улетят обратно в Нью-Йорк, ты сможешь приготовить роскошный обед. Согласна?

Смягчившись, она комично пожала плечами и протянула: — Да-а-а.

Сумки и страуса сунули в багажник. Малыш с облегчением принял исчезновение птицы и удобно уселся на руке отца. Мария села за руль, она оказалась опытным водителем. «Они идеально подходят друг другу, — думал Митчелл, — Мария и Макдональд... оба красивые, оба совершенные».

Древняя паровая турбина блаженно урчала под капотом, когда уже под вечер они ехали по тихим зеленым склонам.

Долгим был этот день, начатый в Нью-Йорке и закончившийся на Пуэрто-Рико, и Митчелл ног под собой не чувал. Однако для него это был колдовской вечер. Может, причиной было пуэрториканское спокойствие после переполненных городов, может, увозящий их все дальше от цивилизации автомобиль, а может, красота жены Макдональда или домашние разговоры супружеской пары. Обычно подобные ситуации смущали его, все эти разговоры о еде и семье, в которых он поневоле играл роль подслушивающего, но на этот раз все было как-то иначе. «Возможно, — подумал он, — люди не так уж и мерзки». Он посмотрел на Томаса — даже тот чувствовал это. Этот человек с издерганными нервами, бывший поэт и писатель, потом журналист, копавшийся в грязном белье, а ныне страстный защитник Программы, беззаботно посматривал в окно, словно упаковал все свои тревоги и отправил их обратным рейсом на Манхэттен.

Поездка в лунном свете затягивалась, и Митчеллу вдруг захотелось, чтобы это путешествие вне времени и пространства никогда не кончалось, но почти сразу же он увидел внизу котловину, сверкавшую посреди темной ночи. Словно паук-гигант поработал в этой котловине, затянув ее проводами в соответствии с точной математической схемой, соткав сеть для ловли звезд. Затем они проехали огромное ухо, обращенное к небу, слушающее шепот ночи...

Через мгновение машина въехала на широкую стоянку, освещенную фосфорным блеском Луны, и остановилась перед низким бетонным зданием. Митчелл заморгал. Чары рассеивались, правда, медленно, и позднее, когда он мысленно возвращался к этому, ему казалось, что они окрашивали его впечатления все время, проведенное на этом остrove.

Они вышли из машины. Макдональд осторожно положил уснувшего ребенка на сиденье и пристегнул его ремнем. Потом поцеловал Марию, шепча что-то о своих планах. Томас с Митчеллом достали сумки из багажника, Макдональд вытаскивал страуса.

— Подержу его в конторе, — сказал он, — пока Бобби не привыкнет.

Урчание машины стихло вдали. Макдональд открыл дверь здания.

— Вот мы и на месте, — сказал он, словно из аэропорта в Техасе они просто перешли на другую сторону улицы.

Томас остановился на пороге и указал на медленно вращающийся телескоп.

— Вы продолжаете искать?

Макдональд пожал плечами.

— То, что мы приняли одно Послание, не означает, что других нет и что наши поиски завершены. Кроме того, у нас есть специалисты по прослушиванию и мы не хотим их терять. Нельзя, чтобы команда распалась до конца игры.

Они вошли в здание. Митчелл разглядывал крашеный бетон и керамические полы коридоров, освещенных лампами. Прикинув по количеству машин на стоянке, он ожидал здесь большого движения, но оказался не готов к такой суете. Мужчины энергично шагали по коридорам, сжимая в руках бумаги, кивая Макдональду, словно он никуда не уезжал, или, захваченные разговором, вообще не замечали шефа и его гостей. Женщины были более приветливы, они расспрашивали директора о поездке, о Марии и Бобби, приветствовали посетителей. Макдональд улыбнулся и процитировал Горация:

— «Тогда давайте поиграем в камень, который точит сталь, но резать сам не может»*.

Потом он повел их по коридору к открытой двери.

— Здесь наш центр прослушивания, — объяснил он Митчеллу, беря его под руку и вводя внутрь.

Митчелла не смущало, что его ведут. Помещение заполняли приборы — компьютер, записывающие устройства; в воздухе пахло озоном. В комнате оказались двое мужчин: один у стены копался в проводах, второй сидел в кресле с наушниками на голове. Он поднял взгляд, помахал им рукой и приглашающим жестом повернул один наушник к Макдональду. Директор махнул ему в ответ и помотал головой.

— Зачем нам эта птица? — спросил слушающий.

* Гораций. «Ars Poetica» (Поэтическое искусство).

Макдональд вновь помотал головой.

— Долгая история. Потом расскажу. — Он обратился к Митчеллу: — В другое время я провел бы вас внутрь и показал, что у нас тут есть. Я дал бы тебе послушать музыку небесных сфер, пение бесконечности, голоса безумцев, которые не могут докричаться, но, к сожалению, у нас нет времени.

— Не дай купить себя этим, — полусерьезно предостерег Томас. — Ты больше никогда не будешь самим собой. Именно это делает из людей таких вот чудачков.

— Вы хотите услышать Послание? — с улыбкой сказал Макдональд. — Хотите узнать, почему мы возимся шесть месяцев и ничего не расшифровали? Шесть месяцев, во время которых солитариане мобилизуют силы, Конгресс теряет терпение и раздает кредиты, а усилия преданных нам журналистов, таких как вы и Джордж, пропадают впустую.

Митчелл покачал головой.

— Вы правы, — продолжал Макдональд. — Мы не прочли Послания, хотя должны были это сделать... со всеми головами и компьютерами, которые подключили к работе. Идем же, я покажу вам.

Они прошли мимо других дверей, других залов, в которых мужчины и женщины работали за письменными и лабораторными столами или у пультов управления. Зал компьютеров находился в конце коридора. Его называли так, потому что компьютеры составляли его стены а пол был так густо заставлен устройствами ввода данных и принтерами, что между ними едва можно было протиснуться. В компьютерных дебрях, как чародей в окружении своих любимых животных, сидел за клавиатурой мужчина средних лет с коротко стриженными седеющими волосами.

— Привет, Олли, — сказал Макдональд.

— Ты притащил мне подарок? — спросил чародей.

Макдональд вздохнул и поставил страуса в угол.

— Нет, Олли, я притащил к тебе гостей.

Он представил Митчелла Ольсену; Томас познакомился с ним раньше. Митчелл разглядывал все эти машины, пытаясь угадать, для чего они служат.

— Никакого прогресса? — спросил Макдональд.

— Хорошо хоть назад не пятимся, — ответил Ольсен.

— Сыграй для наших гостей свой лучший отрывок, — попросил Макдональд.

Ольсен нажал две клавиши. На мониторе перед ним появилось изображение — неровные ряды белых цифр на сером фоне, — но Митчелл лишь мельком глянул на них. Уже че-

рез мгновение он вслушивался в звуки, доносившиеся из скрытых динамиков — тихое шипение, потом тишина, какой-то шум, тишина, снова шум. Иногда шум был громче, иногда тише, то короткий, то продолжительный, порою — треск, а то еще тарахтение или стук.

Митчелл посмотрел на Томаса, затем оба взглянули на Макдональда.

— Я могу принять послание получше из грозовой тучи, — заметил Митчелл.

— Это первая проблема, — сказал Макдональд. — Часть того, что мы принимаем между обрывками наших старых радиопрограмм, составляют атмосферные помехи. Кроме того, влияют расстояния, паузы, затухание сигналов. Но мы считаем, что часть принятого нами составляет Послание. Дело в том, чтобы отделить его от всего остального. Скажи им, что мы пытаемся сделать, Олли...

— Прежде всего, мы пытаемся очистить передачу, — сказал Ольсен, — отфильтровать естественные шумы. Мы пытаемся исключить все, что наверняка случайно, а затем систематизировать проблематичное, стабилизируя сигналы и усиливая их в случае необходимости...

— Покажи им, как это выглядит после очистки, — попросил Макдональд.

Ольсен нажал еще две клавиши. Из динамиков полились серии звуков, разделенные паузами, подобные прежнему международному коду, правда, без тире — точка и снова точка, долгая тишина, потом еще шесть точек, тишина, еще семь точек, тишина, точка, тишина, точка...

Митчелл и Томас вслушивались, явно пытаясь найти в этом какой-то смысл, а затем остоленело переглянулись — конечно, никоим образом нельзя было прочесть Послание с помощью собственных ушей.

— В этом есть что-то гипнотическое, — сказал Митчелл.

— Но это несколько не лучше исходного варианта, — добавил Томас. — И какое-то ненастоящее.

Ольсен пожал плечами.

— Просто наши динамики именно так интерпретируют слабые порции энергии, принятые радиотелескопами между обрывками наших собственных программ девяностолетней давности. С помощью компьютеров мы записали Послание в звуковой форме, которая кажется нам более привычной или более осмысленной.

— Но по-прежнему не можете этого прочесть, — сказал Томас.

Ольсен кивнул.

— Возникает масса проблем. Мы пытаемся найти признаки дублирования, повторения, регулярности. Неизвестно, где Послание начинается и где заканчивается, одно это сообщение, передаваемое раз за разом, или серия различных. Порой мне кажется, мы что-то нашли, какое-то время все сходится, а затем вновь рассыпается как карточный домик.

— А что, например? — спросил Митчелл. — Какая-то фраза?

— А на каком языке? — ответил Ольсен вопросом.

— Ну, тогда, может, что-то математическое. Например, один плюс один равняется двум или теорема Пифагора.

Макдональд улыбнулся.

— Это годилось бы, чтобы привлечь наше внимание, доказать, что послание передано разумными существами, но ведь это уже сделано с помощью ретрансляции наших радиопрограмм.

— Какого рода послание могли они отправить, чтобы это что-то значило для нас? — спросил Митчелл.

— Звук и тишина, — задумался Томас. — Звук и тишина. Это непременно должно что-то значить.

— Точки и тишина, — сказал Митчелл. — Именно так Мак сказал Иеремии. Точки и тишина. Так оно и звучит. Точки и никаких тире. Точки и пробелы.

Макдональд быстро посмотрел на него.

— Скажите-ка это еще раз.

— Точки и тишина. Именно так вы сказали Иеремии.

— Нет, — произнес Макдональд. — То, что вы сказали потом.

— Точки и никаких тире, — повторил Митчелл. — Точки и пробелы.

— Точки и пробелы, — задумался Макдональд. — Это тебе что-нибудь напоминает, Олли? Кроссворд? Думаешь... старая идея Дрейка? Мы опробуем это, — сказал он Ольсену, — для всех комбинаций простых чисел. Билл, — обратился он к Митчеллу, — отправьте Иеремии телеграмму с моей подписью. Три слова: «Приезжайте. Послание прочитано».

— Вы уверены, что нашли решение? — спросил Томас. — Не можете подождать проверки?

— У вас бывала когда-нибудь уверенность, что вы знаете решение еще до проверки? Что-то вроде озарения?

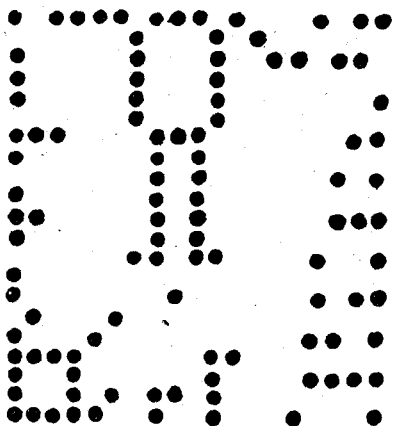
— Да, — сказал Томас. — Иеремии тоже знакомо это чувство.

— Вот я и хочу, чтобы Иеремия был здесь, когда мы в первый раз запустим компьютер, — сказал Макдональд. — Мне кажется, это может оказаться очень важным.

Митчелл остановился в дверях.

— Так вы что, не собираетесь проверять до его приезда? — спросил он, не веря собственным ушам.

Макдональд медленно покивал головой. «Возможно, Томас и понял Макдональда, — подумал Митчелл, — но меня он не убедил».

Когда Иеремия, Юдит и Макдональд вошли, в комнате уже было полно народу. Присутствовали Томас, Ольсен и еще несколько десятков сотрудников Программы.

Митчелл удивился, когда пришла телеграмма от Иеремии, который по лаконичности перещеголял Макдональда на два слова, — «Еду», но еще больше удивила его пришедшая следом телеграмма Юдит, сообщающая время прилета. Митчелл никогда не слышал, чтобы Иеремия куда-нибудь летал, и думал, что тот вообще не явится.

Ожидание Мака с Иеремией из аэропорта тянулось для Митчелла бесконечно. «Насколько же невыносимым должно оно быть для остальных, — думал он, — так долго работавших на Программу». Однако все были исключительно терпеливы. Время от времени они ерзали на своих местах, но никто не пытался выйти, никто не убеждал Ольсена провести предварительную проверку. «Возможно, — думал Митчелл, — за долгие годы работы они прошли естественный отбор в смысле терпеливости, не получая никаких результатов, кроме отрицательных. А может, это какая-то особая группа, сформированная Макдональдом». Митчелл не испытывал отвращения от их близости, он чувствовал, что любит каждого из них и даже всех вместе.

Иеремия вошел в зал, как и пристало верховному жрецу:

закутанный в свои ритуальные одежды, холодный и неприступный. Макдональд сделал попытку представить его своим людям, но Иеремия остановил его величественным жестом. Внимательно осматривал он машины у стен и на полу, не обращая при этом внимания на людей. Юдит следовала за ним, раскланиваясь со всеми, словно желая восполнить отсутствие человеческих эмоций у своего отца. У Митчелла мурашки побежали по спине, когда он увидел ее, и он задумался, почему именно эта девушка, единственная из миллионов, так действует на него.

Иеремия остановился перед Макдональдом, словно в зале больше никого не было.

— Так много всего нужно, чтобы прочесть одно небольшое Послание? От верующих это требует лишь веры в сердце.

Макдональд улыбнулся.

— Вся эта аппаратура необходима по причине одного небольшого различия между нами. Наша вера требует возможности копирования данных и результатов каждым, кто использует ту же аппаратуру и применяет те же самые методы. И хотя в мире столько верящих сердец, полагаю, ни одно из них не получило идентичного послания.

— Это не обязательно, — сказал Иеремия.

— Я понимаю, что ваши контакты очень личного свойства, — сказал Макдональд, — но как было бы здорово, если бы важные послания принимали все верующие!

Иеремия смерил Макдональда взглядом.

Митчеллу показалось, что эти двое мужчин и впрямь одни в комнате и сражаются между собой за свои души. Протянув руку, он взял ладонь Юдит. Девушка посмотрела на него, потом вниз, на их руки, потом куда-то вдаль. Она не сказала ни слова, но ладонь не отняла, и Митчеллу показалось, что он почувствовал ответное пожатие.

— Надеюсь, вы вызвали меня сюда не для того, чтобы насмеяться над моей верой, — сказал Иеремия.

— Нет, — согласился Макдональд. — Я хочу показать вам свою. Мне тоже было откровение. Я не сравниваю его с вашим, поскольку у него нет определенного источника. Это просто внутренняя уверенность, которая из робкой мысли превратилась в убежденность, что во Вселенной существует иная жизнь, что доказательство этого существования является самым прекрасным, что может сделать человек, что общение с иными существами превратит эту бесконечность, это непонятное место, в котором живет человек, этот непреодолимый темный лес в более дружественное, счастливое, чудесное, интересное и святое место обитания.

Митчелл скользнул взглядом по лицам людей. Они смотрели на Макдональда, и Митчеллу показалось, что они слышат кредо своего директора впервые, что он никогда прежде не говорил ничего подобного. Теперь он открывался перед этим недоверчивым пришельцем, словно вера Иеремии в его слова была самым главным. Пальцы Митчелла крепче сжали ладонь Юдит.

Иеремия смотрел на Макдональда исподлобья.

— Не для того проделал я долгий путь, чтобы вести теологический спор, — сухо произнес он.

— А я и не собираюсь спорить. И не лезу в теологию, как она мне представляется, хотя, быть может, вступаю на территорию, священную для вашей веры. Я просто пытаюсь объяснить и прошу меня понять...

— Почему? — спросил Иеремия.

— Потому что придаю большое значение вашему пониманию, — сказал Макдональд. — Хочу, чтобы вы поняли, что я человек доброй воли.

— Опаснее всего именно люди доброй воли, — сказал Иеремия, в своей старомодной черной сутане выглядевший как пророк, — ибо их легко обмануть.

— Меня обмануть нелегко, — сказал Макдональд.

— Когда хочешь верить, обмануть тебя легко. Легко находишь то, что желаешь найти.

— Нет, — возразил Макдональд, — все совсем не так. Я найду то, что может найти любой, независимо от своей веры и желаний, что и вы бы нашли, если бы захотели посмотреть и послушать. Я все время пытаюсь сказать лишь то, что независимо от моих намерений, желаний и опасений мое Послание отличается от вашего. Его можно проверить. Или оно звучит одинаково для любого и каждый раз, или оно фальшиво и должно быть отвергнуто.

Иеремия презрительно поморщился.

— Разве вы не интерпретируете его? Разве читаете прямо так, как оно к вам приходит?

Макдональд вздохнул.

— Мы очищаем его, — признал он. — Вселенная производит много шумов, что-то вроде шума большого города, поэтому их нужно отфильтровать.

Иеремия скептически усмехнулся.

— У нас есть методы, — продолжал Макдональд. — Проверяемые методы. Успешные. Кроме того, есть еще проблема самого сигнала. Его нужно идентифицировать и проанализировать.

Иеремия кивнул.

— А потом?

— А потом, — сказал Макдональд, — нужно интерпретировать послание. Понимаете, это не так просто, поскольку Послание пришло издалека и расстояние настолько велико, что сигналу нужно сорок пять лет, чтобы дойти до нас. А кроме того, его отправляет чужой разум.

— Значит, вы никогда не прочтете свое Послание, — сказал Иеремия, — или прочтете в нем то, что захотите, потому что понимание между различными разумами невозможно.

— А человек и Бог?

— Человек создан по образу Бога, — напомнил Иеремия.

Макдональд жестом выразил свое согласие, однако продолжал:

— Чуждые разумы имеют немало общего, поскольку обладают интеллектом и живут в одной Вселенной. Повсюду во Вселенной материя имеет одинаковые свойства, образуя одни и те же элементы, которые соединяются в одинаковые молекулы; везде встречаются одинаковые источники энергии, и все подчиняется одним физическим законам. Повсюду живые существа должны подчинять себе окружающую среду, используя одни и те же основные способы удовлетворения одних и тех же основных потребностей. И если их способы общения различны, они найдут возможность сравнить опыт различных разумных существ, а если предпримут попытку связаться с другими планетами, то прибегнут к общим элементам: математике, чувственным ощущениям, воображению, абстракциям...

— Вере... — подсказал Иеремия.

Юдит крепко сжала руку Митчелла.

— Не исключено... — ответил Макдональд.

— Только не надо снисходительности, — вставил Иеремия.

— Однако мы не знали бы, как изобразить веру, — закончил Макдональд безо всякой паузы.

Иеремия нетерпеливо повел плечом.

— Я верю, что вы искренни. Может, вы и заблуждаетесь, но искренне. Покажите мне то, ради чего вызвали меня сюда, и позвольте вернуться обратно в мое святилище.

— Хорошо, — сказал Макдональд. Казалось, он побежден.

Митчеллу стало жаль его, но он мог бы заранее сказать, что любая попытка убедить Иеремию кончится ничем. В прошлом Митчелл часто и сам пытался, но Иеремия был непоколебим. Да и можно ли переубедить фанатика?

— Я бы только хотел, чтобы вы поняли, что мы сделали, — продолжал Макдональд, — чтобы вам был понятен конечный результат, показанный компьютером. Ольсен?

— Мы долго искали какой-то осмысленный порядок в принятых нами кратных импульсах энергии, — начал Ольсен.

— Скажите вы! — обратился Иеремия к Макдональду. Директор пожал плечами.

— Точки и тишина — так я сказал вам. Точки и тишина. А потом присутствующий здесь Билл заметил: «Точки и пробелы», и нас осенило. Что если жители Капеллы попытались отправить нам визуальное послание, со звуками вместо черных точек и моментами тишины в пробелах? Фрэнк Дрейк более пятидесяти лет назад обращал внимание на такую возможность. Он передал ученой братии сообщение, состоящее из рядов единиц и нулей, а его коллеги превратили его в изображение. Возможно, нам следовало подумать об этом раньше, но, полагаю, нас оправдывает то, что мы не имели непрерывного ряда бинарных знаков. Вместо них у нас были звуки и долгие паузы, и мы не знали, когда послание начинается, а когда заканчивается. Думаю, что теперь мы это определим. Компьютер получил распоряжение нанести послание на сетку прямоугольных координат, образованную простыми числами, разделив тишину на сигналы той же продолжительности, что и звуки, как если бы включал и выключал аппарат.

— Или как компьютер, — вставил Ольсен, — с двумя числами — единицей и нулем.

— Если мы интерпретируем эти сигналы как белые и черные, — продолжал Макдональд, — тогда, возможно, получим какой-то осмысленный образ.

— Возможно? — спросил Иеремия. — Вы еще не проверили?

— Пока нет, — сказал Макдональд. — Порой у человека бывает уверенность — вы назвали бы ее откровением, — что он нашел ответ. Мне кажется, что я его нашел, и хочу, чтобы вы увидели это вместе с нами.

— У вас было откровение?

— Возможно. Увидим.

— Я в это не верю, — заявил Иеремия, собираясь выйти. — Вы пытаетесь обмануть меня. Вы не пригласили бы меня сюда, не проверив сначала своей теории.

Макдональд вытянул руку, словно желая его коснуться, но удержался.

— Подождите. По крайней мере взгляните, что мы можем вам показать.

Иеремия остановился.

— Я не желаю больше слушать ложь, — резко сказал он. — Покажите мне ваш трюк с машиной и позвольте уйти.

— Господи, — произнес кто-то из сотрудников Макдональда, — давайте кончим, наконец, с этим. — Говоривший с трудом владел своим голосом.

Из угла на собравшихся непроницаемым взглядом смотрел игрушечный страус. «Это очень удобно, — подумал Митчелл, — не волноваться, даже если тебя не понимают».

Макдональд со вздохом кивнул Ольсену, и тот нажал несколько клавишей на пульте перед собой. Завертелись катушки на одной консоли компьютера, потом на другой. На экране перед Ольсеном появились ряды единиц и нулей, исчезли, сменились другими. Бесконечная лента бумаги бесшумно поползла из принтера перед Иеремией. Несколько первых сеток явно не имели смысла.

— Безумие, — буркнул Иеремия и вновь направился к выходу.

Макдональд преградил ему путь.

— Подождите! — повторил он. — Компьютер проверяет малые простые числа для вертикальной и горизонтальной осей, а затем наоборот, изучая все возможные комбинации.

Компьютер дошел до девятнадцатого варианта; напряжение в зале росло с той же скоростью, что и разочарование. Машина гудела, бумажная змея ползла из принтера, и тут что-то осмысленное, начиная снизу, стало появляться строка за строкой.

— Что-то есть, — сказал Макдональд. — Взгляните!

Иеремия нехотя глянул, затем прикипел взглядом к экрану.

— Этот квадрат внизу, — понял Макдональд, — возможно, солнце. А точки справа похожи... похожи на...

— Цифры в двоичной системе, — сказал Ольсен.

— Но что-то с ними не так, — заметил Макдональд.

— Они читаются справа. Смотри: один, три, пять...

— Ну конечно! — воскликнул Макдональд. — Почему они должны читать именно слева, а не справа, как японцы, и не сверху вниз?

— Это абсурд... — начал Иеремия.

— Но что это за символы слева? — спросил Макдональд. — И на правой грани «солнца»?

— Масштаб? — предположил кто-то.

— Формула? — подсказал другой.

— Слова? — бросил третий.

— Может, и слова, — сказал Макдональд. — Цифры

справа, напечатанные вертикально, слова слева, с вертикальной составляющей. Похоже, они дают словарь и цифры.

— Ноги, — пробормотал Иеремия. — Ступни.

— Да, — сказал Макдональд. — Длинные ноги и туловище, руки... более одной пары рук. А там, справа... что это справа?

— Если слева слова, — заметил кто-то, — то одно из них повторяется три раза.

— Наверное, очень важное, — добавил другой. — Похоже, существо показывает на два из них.

Наконец рисунок закончился. Ольсен нажал клавишу, и принтер остановился, компьютер умолк. В полной тишине все смотрели на картинку.

— Если внизу слева солнце, то вверху справа — второе, — сказал кто-то. — Понятно. Два солнца. Капелла.

— А под ним группа точек, — добавил Макдональд, — Какая-то большая планета; вероятно, супергигант, с четырьмя спутниками, из которых два крупных, вероятно, размером с Землю, и существо указывает на одну из них одной из четырех своих рук.

— Не рук, — вдруг заявил Иеремия. — Вторая пара — это крылья.

— А что у него на голове? — спросил кто-то.

Иеремия сложил перед собой ладони и опустил голову, глаза его были закрыты.

— Простите меня, — сказал он. — Простите мне мои сомнения. Это Послание — от Бога.

— Что он несет? — обратился Митчелл к Томасу.

— Тихо! — прошептал тот.

Все постепенно умолкли, и в комнате опять воцарилась тишина. Иеремия поднял наконец голову от молитвенно сложенных ладоней.

— Я не буду стоять у вас на пути, — обратился он к Макдональду, — и скажу своим верующим, что видел Послание и что пришло оно от Бога. Не знаю, о чем в нем говорится, но в том, что оно от Господа, не сомневаюсь. От вас зависит, прочтете ли вы его до конца.

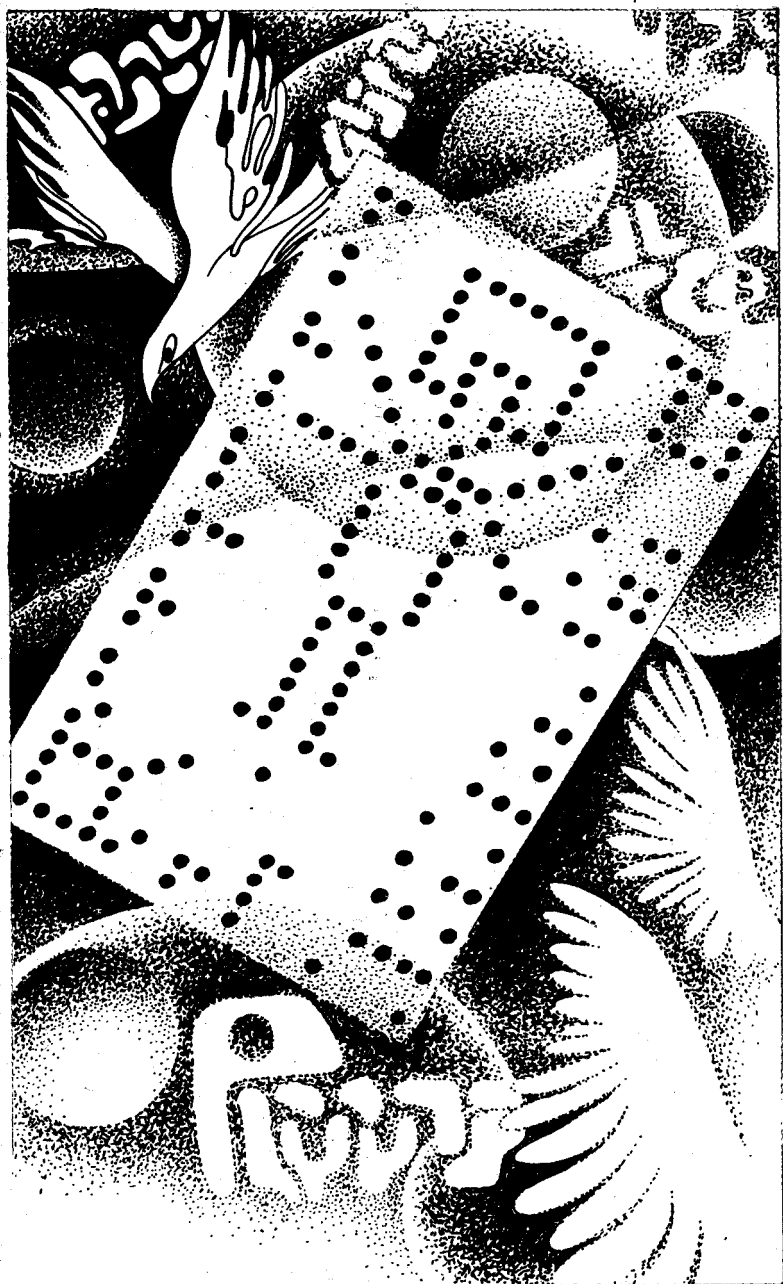
— Я удивлен не менее вас, — сказал Макдональд.

— В это я верю. Если бы вы спланировали представление, все было бы иначе. Это ангел. У него ореол.

— Ореол... — эхом повторил Митчелл.

— Это может быть шлем, — мягко заметил Макдональд. — Или наушники. Или у птицы большая голова.

— Думайте что хотите, — сказал Иеремия, — но это ореол. Если вы не будете возражать, что это ангел, думайте

что угодно, а я не буду возражать, что Послание пришло от Бога и что есть иные существа, которых мы называем ангелами.

— Называйте их ангелами, — произнес Макдональд, словно давая официальное разрешение, — и я не скажу, что вы ошибаетесь. В этом вопросе слишком много домыслов и мало фактов.

— Идем, Юдит, — сказал Иеремия.

— Отец, — остановила она его, — Билл хотел тебе что-то сказать.

— Я ошибался в вас, сэр, — сказал Митчелл.

Старик вовсе не был фальшивым. Оказавшись перед нелегкой задачей — возвратиться к своим адептам с новой интерпретацией Послания, он не отступил. Увидев правду, он изменил свое мнение. «Возможно, — подумал Митчелл, — я сам кое в чем ошибаюсь».

— Я чувствовал, что ты не подходишь для моей дочери, — сказал Иеремия, — что ты не любишь людей.

— Я начинаю любить их все больше, — заверил Митчелл.

— Хорошо, — сказал Иеремия, подходя к двери. — Посмотрим.

— Я отвезу вас... — начал было Митчелл, но Юдит прервала его:

— Еще нет. — Пожав на прощание его руку, она присоединилась к отцу. — Попозже... если захочешь. — И она вышла из комнаты.

— Какая удача! — Митчелл повернулся к Макдональду. — Какая невероятная удача! А может быть, нет?

Томас посмотрел на Митчелла, потом на Макдональда. Тот не сводил глаз с рисунка и не слышал вопроса.

— Тебе предстоит уяснить, — сказал Томас Митчеллу, — что нет двух одинаковых людей. Чтобы понять Мака, ты должен понять, что он не стал бы обманывать.

— Даже чтобы спасти Программу? — недоверчиво спросил Митчелл. — Даже чтобы сломить закоренелый мистицизм и невежество?

— Что ни говорите, а это здорово похоже на большую птицу, — произнес кто-то.

— Если это птица, — откликнулся другой, — возможно, точка у нее под ногами означает яйцо.

— Одно из трех одинаковых слов слева, если это, конечно, слова, находится точно против этого яйца, если это, конечно, яйцо, — заметил Ольсен.

— Даже для этого, — сказал Томас. — И не потому, что

не испытывал бы соблазна, даже не потому, что боялся бы разоблачения, а потому, что он таков, какой есть; потому что не может быть самим собой и одновременно обманывать. И еще потому, что он знает.

— Смотрите, — сказал кто-то, — эти два солнца разные.

Макдональд застыл, глядя на распечатку. Вокруг него продолжался разговор, но он явно ничего не слышал. Выглядел он так, словно тоже увидел ангела.

Митчелл разглядывал остальных. Каждый реагировал по-своему; каждый, как Иеремия, смотрел на одно и то же Послание, но видел его своими глазами.

Митчелл покачал головой, и взгляд его остановился на страусе в углу комнаты. Подойдя к птице, он заглянул в ее черные глаза.

— Тебя одну я действительно понимаю, — сказал он и, повернувшись, посмотрел на всех этих людей, собравшихся вокруг Послания, думая об аппаратуре и времени, потраченных на прием.

Он мысленно представил радиотелескоп, нацеленный в ночное небо, и большую сеть в кратере, собирающую звездную пыль, а потом вообразил себя, бредущего сквозь темную бесконечность, одинокого в пространстве, и содрогнулся.

«Но кто же, — в отчаянии подумал он, — поймет меня?»

Работа Компьютера

Жизнь имеет свой статус в материальной вселенной и является частью природы. В природе она занимает высокое положение, поскольку предположительно представляет высшую форму организации, достигнутую материей в нашей Вселенной. Мы, земляне, занимаем особо почетное место, ибо в нас, как людях, материя начала задумываться над собой...

ДЖОРДЖ УОЛД, 1960 — 1961

Воплощение — явление уникальное для отдельной группы, в которой происходит, однако отнюдь не уникально в том смысле, что не исключает иных воплощений для иных уникальных миров...

Человек не может претендовать на обладание единственным местом, допускающим воплощение...

Проявление спасительной силы в одном месте означает, что она действует повсюду...

ПОЛ ТИЛЛИЧ, 1957

Вполне может оказаться, что Вселенная породила и впредь будет продолжать порождать неисчислимые миллионы... историй, аналогичных истории человечества... Попытка сделать какие-то окончательные выводы относительно Бога и Вселенной на основании нескольких эпизодов истории нашей планеты была бы в высшей степени рискованна, если вообще возможна...

ДЖОН МАККВАЙР, 1957

Наше невежество и предубеждения не должны удерживать мысль от выхода за пределы Земли, нашей истории и даже христианства...

ПОЛ ТИЛЛИЧ, 1962

Далекie страны и близкие страны,
Где джамбли живут,
Зеленые головы, синие руки
И по морю в сите плывут.

ЭДВАРД ЛИР, 1846.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ СООБЩИЛО, ЧТО ОБЩЕЕ ЧИСЛО ОТБЫВАЮЩИХ СЕГОДНЯ РАЗЛИЧНЫЕ НАКАЗАНИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СНИЗИЛОСЬ БОЛЕЕ ЧЕМ НА ДЕВЯНОСТО ПРОЦЕНТОВ. ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД ДЕПАРТАМЕНТА ТЮРЕМ УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ ИСПРАВЛЕНИЯ ПРЕСТУПНИКОВ БЫЛО ПЕРЕДАНО МИНИСТЕРСТВУ ПРОСВЕЩЕНИЯ. В СООБЩЕНИИ ПОДЧЕРКИВАЕТСЯ, ЧТО СПАД ЭТОТ ПРОИЗОШЕЛ, НЕСМОТРИ НА ОГРОМНЫЙ РОСТ ПОКАЗАТЕЛЯ РАСКРЫВАЕМОСТИ И ЧИСЛА ОБВИНИТЕЛЬНЫХ ПРИГОВОРОВ, ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ БЛАГОДАРИ НОВЫМ КОМПЬЮТЕРНЫМ МЕТОДАМ НАБЛЮДЕНИЯ И СЛЕДСТВИЯ. МИНИСТЕРСТВО ПРИПИСЫВАЕТ СПАД ЧИСЛА ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПРОГРЕССУ В ОБЛАСТИ ХИМИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПРИМЕНЯЕМЫХ ПРИ ОБУЧЕНИИ, И ПРЕДСКАЗЫВАЕТ, ЧТО ВСКОРЕ МОЖНО БУДЕТ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ САМИХ ЦЕНТРОВ ИЗОЛЯЦИИ В ПОЛЬЗУ ЛЕЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ, ПОДОБНО ТОМУ, КАК ПРОБЛЕМА НАРКОМАНИИ БЫЛА РЕШЕНА ИЗМЕНЕНИЕМ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОДХОДА И ПЕРЕВОСПИТАНИЕМ ОКОЛО ТРИДЦАТИ ЛЕТ НАЗАД.

Фосфоресценция в этой черноте была отчетливой, она шла волнами и усиливалась в ритме пульсации студнеобразной массы. Внутри просматривались два круга. Поначалу серые, они затем превратились в пару черных, сверлящих взглядом глаз... Из центра массы выскочило гибкое щупальце и зашарило вокруг — мягкое, липкое, омерзительное...

ЧАРЛИ У. ДИФФИН, 1930

— ВИДЕЛ КАРТИНКУ, ЧТО ПОЛУЧИЛИ С КАКОЙ-ТО ТАМ ЗВЕЗДЫ?

— КАРТИНКУ? КАКУЮ ЕЩЕ КАРТИНКУ?

— НУ, ЧТО-ТО ВРОДЕ КРОССВОРДА ИЗ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ КВАДРАТОВ.

— КАЖЕТСЯ, ЧТО-ТО ТАКОЕ ПРИПОМИНАЮ.

— И КАК ТЫ ДУМАЕШЬ, ТАМ ЕСТЬ ЛЮДИ?

— ЛЮДИ? ГДЕ?

— НА ТОЙ ЗВЕЗДЕ.

— СКАЗАТЬ ТЕБЕ, ЧТО Я ДУМАЮ? ПРОСТО НАШИ САМИ ВСЕ ЭТО НАРИСОВАЛИ. КАК ЛЮДИ МОГЛИ БЫ ЖИТЬ НА ЗВЕЗДЕ? А ЕСЛИ ДАЖЕ МОГЛИ БЫ, ТО КАК ОНИ МОГЛИ ПРИСЛАТЬ НАМ ЭТИ ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ КВАДРАТИКИ, А?

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИДЕИ «ТЕАТРА ЗРИТЕЛЯ» В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПРИЗНАНО ВЫДАЮЩИМСЯ ДОСТИЖЕНИЕМ УЧИТЕЛЯМИ, КОТОРЫЕ ИЗУЧАЛИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ АППАРАТУРЫ, УСТАНОВЛЕННОЙ В ШКОЛАХ НА ТЕРРИТОРИИ БРУКЛИНА, ТОПЕКИ, КАНЗАСА, МОНТГОМЕРИ, АЛАБАМЫ И КАЛИФОРНИЙСКОГО ОКЛЕНДА...

Важной чертой Объединенного Мира является всеобщая организация дел прогресса и благосостояния, а также подчинение идеологии и политики прагматизму... До двухтысячного года можно сосредоточить большой капитал в неразвитых странах. Если предположить, что нужно около четырех долларов капитала на один доллар дохода на единицу населения, то один миллиард дополнительного капитала приведет к увеличению доходов одного миллиона человек на дополнительные двести пятьдесят долларов каждому (сверх ожидаемого без этой помощи дохода порядка ста—трехсот долларов). Таким образом можно бы к двух-

тысячному году располагать достаточным капиталом для достижения в большинстве неразвитых стран доходов более пятисот долларов, а во всех остальных — от трехсот до пятисот долларов на единицу населения...

ГЕРМАН КАН и ЭНТОНИ ДЖ. ВИНЕР, 1967

ТУМАННОСТЬ...

ТУМАНИСТОСТЬ...

ТУМАНИСТЫЙ...

ШАРОВАЯ ТУМАННОСТЬ ЦЕФЕЯ

КОЛЬЦЕВАЯ ТУМАННОСТЬ ЛИРЫ

ВОЛОКНИСТАЯ ТУМАННОСТЬ ЛЕБЕДЯ

А ТАКЖЕ NGC 3242 ГИДРЫ...

ТРОЙСТВЕННАЯ ТУМАННОСТЬ СТРЕЛЬЦА

ТУМАННОСТЬ СОВЫ В БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЕ

КРАБОВИДНАЯ ТУМАННОСТЬ В СОЗВЕЗДИИ ТЕЛЬЦА

А ТАКЖЕ СКОПЛЕНИЕ ТУМАННОСТЕЙ M 16 В ЗМЕЕ...

ПЛАНЕТАРНАЯ...

РАССЕИВАЮЩАЯСЯ...

ТЕМНАЯ...

ТУМАННОСТЬ КОНСКАЯ ГОЛОВА В ОРИОНЕ

ТУМАННОСТЬ КОНУС В ЕДИНОРОГЕ

ТУМАННОСТЬ ЛАГУНА В СТРЕЛЬЦЕ

А ТАКЖЕ ТУМАННОСТЬ АМЕРИКА В ЛЕБЕДЕ...

ТУМАННОСТЬ УГОЛЬНЫЙ МЕШОК В ЮЖНОМ КРЕСТЕ

ТУМАННОСТЬ ПОДКОВА В СТРЕЛЬЦЕ

ТУМАННОСТЬ ТАРАНТУЛ В БОЛЬШОМ МАГЕЛЛАНОВОМ ОБЛАКЕ

А ТАКЖЕ СПИРАЛЬНАЯ ПЛАНЕТАРНАЯ ТУМАННОСТЬ В ВОДОЛЕЕ...

ГАЗ...

ПЫЛЬ...

ВЗРЫВ...

ГОЛОВИЗАЦИЯ СТАЛА ФАКТОМ. ДЖЕНЕРАЛ ЭЛЕКТРИК ПОКАЗАЛА СЕГОДНЯ НА ВЫСТАВКЕ НОВЫХ ТОВАРОВ В МЭДИСОН СКВЕР ГАРДЕН ПЕРВУЮ ПОТРЕБИТЕЛЬСКУЮ МОДЕЛЬ ГОЛОВИЗОРА. ПОКА НИ СЛОВА НЕ БЫЛО СКАЗАНО О ЦЕНЕ, ОДНАКО СЛЕДУЕТ ОЖИДАТЬ, ЧТО ОНА СОСТАВИТ НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТКОВ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ И В ПЕРВОЕ ВРЕМЯ АППАРАТ СМОГУТ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ ТОЛЬКО ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. СО ВРЕМЕНЕМ,

КАК УЧИТ ИСТОРИЯ, ПРОИЗОЙДЕТ РЕЗКОЕ ПАДЕНИЕ ЦЕНЫ И ТЕЛЕВИЗОРЫ СТАРОГО ТИПА ВЫЙДУТ ИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ. НЕСОМНЕННО, ОТ СЕГОДНЯШНЕЙ ВЫСТАВКИ ЗАХВАТЫВАЕТ ДУХ, А ТРЕХМЕРНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ И ОТСУТСТВИЕ ПРИЕМНИКА — КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ, ОСТАЕТСЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ТАЙНОЙ, — НА ГОЛОВУ ВЫШЕ ЛЮБОЙ ИЗВЕСТНОЙ ДО СЕГО ДНЯ ПРОЕКЦИОННОЙ СИСТЕМЫ...

История расы людей — это непрерывная борьба за выход из тьмы к свету. Поэтому бесполезна дискуссия о пользе знаний — человек жаждет знать, а теряя эту жажду, перестает быть человеком...

ФРИТЬОФ НАНСЕН, НАЧАЛО ДВАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ

Контакт с другой планетой увеличивает среднюю продолжительность жизни цивилизации, поскольку благодаря знанию того, что другие пережили хаос, и, возможно, благодаря указаниям о том, как они этого добились, новый член галактического сообщества сможет лучше решать собственные проблемы...

СЕБАСТЬЯН ФОН ХОРНЕР, 1981

Даже простой радиокontakt с более развитой цивилизацией привел бы к непредсказуемым потрясениям...

КОМИССИЯ ДОЛГОСРОЧНЫХ ПРОГНОЗОВ NASA, 1960

Архивы антропологии полны примеров цивилизаций, уверенных в своем месте в мире, которые распались при столкновении с неизвестными им прежде цивилизациями, исповедующими иные идеи и ведущими иной образ жизни, а те, что пережили подобное, заплатили за него изменением своих систем ценностей, принципов и поведения.

Поскольку разумная жизнь может быть в любой момент обнаружена с помощью ведущихся радиотелескопических исследований и поскольку невозможно предвидеть последствия такого открытия по причине ограниченности нашего знания о поведении в условиях, хотя бы просто приближенных к подобным обстоятельствам, рекомендуются две области исследований:

1. Текущие исследования, для определения эмоциональ-

ного и интеллектуального понимания, а также постепенное их изменение в случае необходимости, в связи с возможностью и последствиями открытия внеземной разумной жизни.

2. Историческое и эмпирическое изучение поведения общества и его руководителей в моменты конфронтации с необычайными и неизвестными явлениями или же волнениями в обществе...

КОМИССИЯ ДОЛГОСРОЧНЫХ ПРОГНОЗОВ NASA, 1960

Если бы две или более стабильные цивилизации установили контакт, кто знает, не положило ли бы это начало цепной реакции поисков и спасения других цивилизаций, прежде чем они уничтожат сами себя. Испытавших волнующее переживание разговора с иной планетой это, вероятно, вдохновило бы на долгие и упорные действия с целью расширения космической сети мудрости...

СЕБАСТЬЯН ФОН ХОРНЕР, 1961

Такого рода исследования должны принимать во внимание общественную реакцию на мистификации типа эпизодов с «летающими тарелками» и происшествия, подобные тем, что сопровождали радиоспектакль о вторжении марсиан. Они должны определить способы информации общественно-го мнения о такой встрече или же сокрытия подобной информации, если это будет сочтено необходимым. Все это может иметь переломное влияние на международные отношения, поскольку открытие иных разумных существ должно укрепить чувство солидарности всех людей, опираясь при этом на древнее предположение, что любой чужак является врагом...

КОМИССИЯ ДОЛГОСРОЧНЫХ ПРОГНОЗОВ NASA, 1960

*ПИТТСБУРГ: НЕКИЙ МУЖЧИНА, ВЕРНУВШИСЬ ДОМОЙ ВО ВРЕМЯ РАДИОСПЕКТАКЛЯ, ЗАСТАЛ ЖЕНУ С ПУЗЫРЬКОМ ЯДА В РУКАХ. «ЛУЧШЕ УМЕРЕТЬ ОТ ЯДА, — КРИЧАЛА ОНА, — ЧЕМ ТАК, КАК ОНИ!»

*САН-ФРАНЦИСКО: КАКОЙ-ТО ВПАВШИЙ В ИСТЕРИКУ ЧЕЛОВЕК ПОЗВОНИЛ В ОТДЕЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ В ОКЛЕНДЕ, КРИЧА: БОЖЕ МОЙ! ГДЕ ВЫ ПРИНИМАЕТЕ ДОБРОВОЛЬЦЕВ? МЫ ДОЛЖНЫ ОСТАНОВИТЬ ЭТОТ УЖАС!

*БРЕВАРД, СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА: ПЯТЕРО СТУ-

ДЕНТОВ МЕСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА УПАЛИ В ОБМОРОК. РАЙОН УЧЕБНЫХ ЗДАНИЙ НА ПОЛЧАСА БЫЛ ОХВАЧЕН ПАНИКОЙ — МНОГИЕ СТУДЕНТЫ ШТУРМОВАЛИ ТЕЛЕФОНЫ, ЗВОНЯ РОДИТЕЛЯМ, ЧТОБЫ ТЕ ПРИЕХАЛИ ЗА НИМИ.

*ИНДИАНАПОЛИС: ЖЕНЩИНА С КРИКОМ ВБЕЖАЛА В СОБОР: «НЬЮ-ЙОРК В РАЗВАЛИНАХ, ЭТО КОНЕЦ СВЕТА. С ТЕМ ЖЕ УСПЕХОМ ВЫ МОЖЕТЕ ИДИТИ УМИРАТЬ ПО ДОМАМ. Я ТОЛЬКО ЧТО СЛЫШАЛА ЭТО ПО РАДИО». СЛУЖБА БЫЛА ТОТЧАС ЖЕ ПРЕРВАНА.

*АТЛАНТА: РЕДАКЦИИ ГАЗЕТ ЗАСЫПАНЫ СООБЩЕНИЯМИ СЛУШАТЕЛЕЙ С ЮГО-ЗАПАДА О ПАДЕНИИ КАКОГО-ТО ПЛАНЕТОИДА НА НЬЮ-ДЖЕРСИ, О ЧУДОВИЩАХ И БОГ ЕЩЕ ЗНАЕТ О ЧЕМ, А ТАКЖЕ ОБ УБИТЫХ В КОЛИЧЕСТВЕ ОТ Сорока до семи тысяч человек.

*БОСТОН: НЕКАЯ ЖЕНЩИНА СООБЩИЛА В «БОСТОН ГЛОБ», ЧТО ВИДИТ ЗАРЕВО ПОЖАРА И ЧТО СОСЕДИ БЕГУТ ИЗ ДОМОВ.

*КАНЗАС-СИТИ: АНОНИМНЫЙ СОБЕСЕДНИК СООБЩИЛ ПО ТЕЛЕФОНУ, ЧТО УСАДИЛ ВСЕХ ДЕТЕЙ В МАШИНУ, ЗАЛИЛ БАК ДО ОТКАЗА И ЕДЕТ ТУДА, ГДЕ БУДЕТ В БЕЗОПАСНОСТИ. ОН ХОТЕЛ УЗНАТЬ, ГДЕ БЕЗОПАСНО.

Леди и джентльмены, говорит сам Орсон Уэллс. «Заверяю вас, что «Война миров» должна была быть и есть не что иное, как субботняя развлекательная версия радиотеатра «Меркурий». Мы просто набрасываем на голову простыню, прячемся за углом, а потом высказываем на прохожего с криком «Ку-ку!»...

Солнца золотые ножи
режут руки мои.
Развалины космических святынь
сгибают плечи мои.
Свет покидает нас.
Земля погружается
в мрачный восход тьмы,
где пропадает горизонт,
а сердца наши тонут от дыр,
просверленных глазами
испуганных звезд.

КИРБИ КОНГДОН, 1970

САМЫМ ВЫДАЮЩИМСЯ КИНОСОБЫТИЕМ ЭТОГО ГОДА, — ПИШЕТ «ДЕЙЛИ ВЭРАЙЭТИ», — ЯВЛЯЕТСЯ КАРТИНА «ПОД ДВУМЯ ЗВЕЗДАМИ», ПРИНЕСШАЯ СТО МИЛЛИОНОВ ЧИСТОЙ ПРИБЫЛИ ПЛЮС ДЕНЬГИ ЗА ПРАВО ПОКАЗА ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ ИЛИ ГОЛОВИДЕНИЮ, ЕСЛИ СОЗДАТЕЛИ РЕШАТСЯ НА ЗАДЕРЖКУ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЦЕНЫ И ДОЖДУТСЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭТОЙ НОВИНКИ. КРОМЕ ТОГО, ДОБАВИТСЯ ЕЩЕ ПРИБЫЛЬ ОТ ПРОДАЖИ КАПЕЛЛАНСКИХ ИГРУШЕК, МАСОК, ШЛЕМОВ, РУБАШЕК И УСТРОЙСТВ МЕЖЗВЕЗДНОЙ СВЯЗИ.

Интересующие нас существа должны обладать способностью передвигаться с места на место и создавать предметы. Значит, они должны иметь что-то вроде ладоней и ступней. Они должны иметь такие чувства, как зрение, осязание и слух, хотя чувства, развитые на данной планете, будут определяться ее естественной средой... Существа, соответствующие этим условиям, могут лишь незначительно походить на человека...

УОЛТЕР САЛЛИВАН, 1964

Они могут быть голубыми шарами с дюжиной щупалец...
ФИЛИП MORRISON, 1960

Семантики, несомненно, правильно угадали тайники чужой психологии, поскольку не было предпринято никаких враждебных действий против машины. Туземцы расположились вокруг нее и внимательно разглядывали, изредка обмениваясь сдержанными жестами. Они замерли, когда следующая сцена появилась перед их глазами. Это был снимок, изображающий земную семью с двумя детьми. Стюарду пришлось в голову, что эта фотография, которую он держал возле своей койки, будет лучшим способом продемонстрировать мирные намерения людей...

РОБЕРТСОН ОСБОРН, 1949

Эндрю Уайт — 2028

*«Я клятву сдержал, но кто мне
Об этом скажет теперь!»*

Кабинет был большой. Слишком большой, показалось Эндрю Уайту. Голубой, коротковорсовый ковер с изображением тюленя тянулся на добрых двадцать ярдов до резной белой двери, через которую входили гости и, перешагивая порог, съеживались, как Алиса в Стране Чудес. Несомненно, так и было задумано — пространство как символ важности. А кто может быть важнее президента Соединенных Штатов?

«Любой, — подумал вдруг Уайт. — Президент Соединенных Штатов — одинокий человек. Он берет на свои плечи всю тяжесть одиночества людей, которым служит. И он маленький человек. Любой гражданин стоит выше него. Президент существует, чтобы подписываться под решениями других людей, чтобы принимать на себя вину, когда что-то не получается. Он марионетка и козел отпущения. «Братья американцы, я принял решение и не буду претендовать на этот пост на второй срок».

Однако он знал, что будет. Ему не уклониться от своего долга, а долгом было довести до конца дело, начатое его предшественниками более пятидесяти лет назад. Дело не было закончено, и, Бог свидетель, с каждым днем все труднее было говорить людям о том, что плохо указывать им, как должно быть, убеждать их, что борьбу нужно каждый день начинать заново, что мир — всего лишь иллюзия...

«Возможно, — думал он, — духи всех людей, что некогда занимали это кресло, навещают меня сегодня, проверяя, как чувствует себя такой малыш». Он потянулся и ощутил движение мышц под слоем жирка, съеденные за обедами куры мстили за себя. Уайт знал, что он крупный мужчина — двести два сантиметра от подошв до верхушки своей афро*, физически равный любому из предшественников.

Возможно, причиной был запах этого места, аромат свежего воздуха, без запахов кухни или других людей, аромат бумаги, чернил и электрических приборов, бесшумно доставляющих новости и уносящих распоряжения — запах власти. Насколько же все это отличалось от того, к чему он привык в детстве! Он вдруг вспомнил благоухание свежескошенной

* Прическа «под африканца».

травы и, повернувшись спиной к двери и своему столу, посмотрел через широкое окно на зеленый газон и густые деревья, на стоянку и широкую улицу за ней, на высокие небоскребы Вашингтона, что выросли на месте знакомого гетто, из которого ему так хотелось вырваться и которое так часто вспоминалось.

«Как было бы здорово, — подумал он, — снять туфли и босиком походить по траве, что он обычно делал в парке, когда был мальчиком. Что это была бы за картина — президент босиком гуляет по газону у Белого дома!» Он знал, что если бы сделал так, снимок этот появился бы во всех домах страны и принес бы ему голоса избирателей. Людям нравилось, что их президент чуточку импульсивен в сердечных делах, чуточку комичен в домашних и хоть чем-то хуже любого из них... Впрочем, он знал, что не сделает ничего такого — просто времени нет. Сейчас у него не было ни минуты на удовольствия. Если бы вновь оказаться в гетто, где времени хватало на все — и поесть, и поспать, и поиграть, и полюбить...

Он повернулся на звук открывающейся двери — на пороге стоял Джон. «Симпатичный мужчина, — подумал Уайт. — Красоту он унаследовал от матери, рост от отца. Может, чуточку консервативен в одежде и прическе, но все равно интересный парень».

— Звонит доктор Макдональд, — холодно сообщил Джон.

«Все еще помнит разговор прошлой ночью», — подумал Уайт и наконец-то понял, откуда взялась его депрессия, откуда это желание сдаться и уйти. Все из-за Джона.

— А кто такой этот доктор Макдональд?

— Директор Программы с Пуэрто-Рико, господин президент, — сказал Джон. — Это те, что слушают звезды, слушают уже более пятидесяти лет. Несколько месяцев назад они приняли нечто похожее на послание с... с какой-то там звезды, забыл ее название. По словам Макдональда, у них готов перевод.

— О Боже! — сказал Уайт. — Я встречался с ним?

— Пожалуй, раз или два, на каких-нибудь приемах.

Уайт вздохнул.

У него возникло предчувствие катастрофы. Может, именно к этому и вело сегодня все. Холодная тяжесть легла на желудок, когда вспыхнул экран между столом и камином, которым уже давно не пользовались из-за суровых законов против загрязнения окружающей среды, и, словно прямо со стола, на него взглянуло лицо мужчины, давно перевалив-

шего за средний возраст. У него были светло-рыжие волосы с едва заметной сединой, лицо спокойное, терпеливое и усталое. Уайт уже видел его где-то, узнал и сразу же полюбил, сочувствуя этому человеку в его заботах, какими бы они ни были, и сдерживая себя, пока не зашел слишком далеко.

— Доктор Макдональд, — сказал он, — как хорошо, что мы снова можем поговорить. Что слышно в Пуэрто-Рико?

— Господин президент... — быстро начал Макдональд, после чего взял себя в руки и продолжал более спокойно. — Господин президент, момент сейчас не менее исторический, чем в день первой ядерной реакции. Я хотел бы выразить это словами, достойными памяти потомков, но могу лишь сказать, что мы получили Послание от иных разумных существ с планеты, кружащей вокруг одной из двух звезд Капеллы, и что у нас есть перевод. Мы не одиноки во Вселенной.

— Поздравляю, доктор Макдональд, — невольно вырвалось у президента. — Сколько человек об этом знают?

— Я хочу сказать вам... — начал Макдональд, но вдруг осекся. — Пятнадцать, — сказал он. — Может, двадцать.

— Все остаются на месте? — спросил Уайт.

— Нет, разошлись.

— Вы могли бы снова собрать их? Прямо сейчас?

— Всех, кроме Иеремии и его дочери. Они уехали несколько минут назад.

— Иеремия — это пастырь солитериан? — спросил Уайт. — Что он у вас делал?

Макдональд заморгал.

— Его враждебное отношение к Программе серьезно угрожало нам. После того как он увидел перевод Послания, выходящий из принтера, прежней враждебности уже нет. Господин президент, это Послание...

— Верните Иеремию, — сказал Уайт. — Никто не должен говорить о Послании или что это такое... ни вы, ни кто-либо из вашего персонала.

— А как же быть с ответом на Послание? — спросил Макдональд.

— Не может быть и речи, — жестко ответил Уайт. — Не будет никакого сообщения, никакой утечки информации, никакого ответа. Последствия этого были бы непредсказуемы. А сейчас извините, мне нужно поработать со своим персоналом. Советую вам заняться тем же.

— Господин президент, — сказал Макдональд, — я считаю, что вы совершаете большую ошибку. Прошу вас вновь рассмотреть этот вопрос. Прошу разрешения представить вам смысл, цели, значение и значительность Программы.

Уайт сражался со своими мыслями. Немного было людей, говоривших ему, что он ошибается, собственно, только Джон и этот человек, Макдональд. Он знал, что должен беречь умеющих говорить «нет», но для него они были вечным кошмаром — президент не терпел, когда ему говорили, что он ошибается. Кто-то писал — Линкольн? Стеффенс? — что Тэдди Рузвельт принимал решения где-то в области своей поясницы. Примерно так же обстояли дела с Эндрю Уайтом. Он не всегда знал, откуда брались его решения, но почти всегда они были верными. Он вполне мог полагаться на свою поясницу.

— Я сам приеду к вам, — сказал он. — Попробуйте меня убедить.

В этом все дело: единственное, в чем действительно нуждаются ученые, так это в возможности выговориться.

— Ради соблюдения безопасности я не могу сказать, когда это будет, а вас прошу никому ничего не сообщать. Но это вопрос нескольких дней.

Он прервал соединение. «Еще одна ноша, — мелькнула мысль. — Еще одна скучная обязанность, ложащаяся на мои плечи».

— Джон! — позвал он.

Джон появился в дверях.

— Я как раз готовлю для тебя краткую историю Программы, — сказал он.

— Спасибо.

Джон был хороший парень и незаменимый секретарь.

— Поедешь со мной? — робко спросил он.

Джон кивнул.

— Если ты хочешь, — сказал он.

Однако он по-прежнему оставался холоден. Когда дверь закрылась, Уайт подумал, что это, возможно, вновь сблизит их, даст им повод для разговора, настоящего общения, вместо того чтобы использовать слова в качестве камней.

И тут Джон вновь появился на пороге.

— Доктор Макдональд опять на линии, — сказал он. — Личный самолет, увозящий Иеремию и его дочь в Техас, уже стартовал.

Уайт быстро обдумал возможность перехвата самолета, ареста Иеремии сразу после приземления или уничтожения машины над морем под каким-либо предлогом. Все варианты никуда не годились.

— Оставьте для него срочное сообщение там, куда он летит, что я хочу с ним поговорить, прежде чем он что-либо сделает, и прошу ничего не делать, пока я с ним не поговорю. И измени наш маршрут, чтобы залететь в Техас.

Джон задержался в дверях.

— Отец... — сказал он и умолк. — Господин президент, — продолжил он, — доктор Макдональд прав — вы совершаете ошибку. Это надо решать не политикам, а ученым.

Уайт медленно и печально покачал головой.

— Все так или иначе связано с политикой. Однако я отправляюсь на Пуэрто-Рико именно для того; чтобы дать доктору Макдональду возможность убедить меня, что я не прав.

Это была только половина правды. Он отправлялся на Пуэрто-Рико, чтобы подкрепить свое решение... и по другим причинам, которые еще не до конца осознавал. Уайт знал это так же, как и Джон. Проклятье! Почему этот парень не может понять, что речь тут не об интеллекте или разуме, что просто жизнь такова, что он сам когда-то был молод, помнит, как это бывает, и хочет избавить Джона от лишних разочарований. А вот Джон никогда не был в его возрасте.

— Те времена кончились, отец, — сказал ему тогда Джон. — Они были прекрасны, велики и необходимы, как пионеры, но они кончились. Ты должен отчетливо понимать, когда битва кончается. Да, ты победил, но не забывай: нет ничего более ненужного, чем солдат после войны. Пора браться за что-то другое.

«Я всю жизнь слышал это от людей вроде тебя! — Уайт едва не кричал. — Ничего не кончилось, конфликт остался, просто его лучше замаскировали. Мы не должны прекращать сражение до окончательной победы, пока существует хотя бы тень опасения, что она может ускользнуть из наших рук. И ты должен мне в этом помочь, парень! Я не воспитывал из тебя белого...»

И все это было неправильно. «Ты мне нужен, сынок — вот что он должен был сказать. — Ты звено, соединяющее меня с будущим, оправдание всего этого».

А Джон сказал бы: «Я никогда не думал об этом таким образом, отец...»

Почему парень никогда не говорит ему «папа»?

Полет из Вашингтона до Техаса от катапульты до посадки был монотонным и продолжался не дольше, чем заняло у Джона прочтение Уайту короткого сообщения о Программе. Уайт сидел в кресле, откинув голову и закрыв глаза, с ненавистью слушая вой ветра, который в нескольких дюймах от него пытался найти зацепку на полированном металле. Он ненавидел все механические и электрические устройства, отделявшие его от людей, швырявшие то в одну, то в другую сторону, устройства, которые изолировали его от ми-

ра и от которых он никак не мог убежать. Слушая голос Джона, он чувствовал, что парня это начинает интересовать и затягивать, и очень хотел сказать: «Перестань читать! Перестань рассказывать мне этот вздор, я не хочу его слышать, от него только мозги пухнут! Не расходуй свои чувства на эти бессмысленные программы, сохрани их для меня! Перестань читать, и давай поговорим о делах, более подходящих для отца и сына, о любви и прошлом, о любви и будущем, о нас!» Однако он знал, что Джон этого не одобрит и не поймет. А потому слушал Джона...

Три первых десятилетия Программы были тяжелыми. Энтузиазм прошел с течением лет, все усилия не приносили слушающим ничего, кроме тишины. Директора приходили и уходили, духа не было никакого, а деньги давали мизерные. А затем в Программу пришел Макдональд, ставший через несколько лет ее директором. Посланий по-прежнему не принимали или не опознавали, но Программа встала на ноги, все осознали ее долгосрочный характер, и работа пошла своим чередом.

А потом, через пятьдесят лет после начала, во время прослушивания ленты с записью рядовой радиотелескопии Большого Уха — огромного радиотелескопа на околоземной орбите — одному из ученых Программы показалось, что он слышит голоса. Он пропустил запись через фильтр, исключил шумы и помехи, усилил информацию и услышал обрывки музыки и голоса, говорящие по-английски...

Самолет приземлился в Хьюстоне.

— Где Иеремия? — с ходу спросил Уайт.

Встречающие смутились. Наконец кто-то передал ему ответ Иеремии: «Если президент захочет со мной поговорить, он знает, где меня найти». Уайт вздохнул. Он ненавидел аэропорты с их прилетами и отлетами, с их шумом и запахами и хотел побыстрее отсюда вырваться.

— Отвезите меня к Иеремии, — сказал он.

Не без возражений провезли они его по чистым широким улицам Хьюстона, а затем вверх, к невероятному куполу, называемому святилищем солитариан, и, вниз, по подземным коридорам, запыленным и мрачным, пока не добрались до небольшой комнатки, казавшейся еще меньше от давящей тяжести стадиона.

Старый человек поднял взгляд от старого туалетного столика с зеркалом. Уайт увидел белые волосы, морщинистое лицо, черные глаза и сразу понял, что не сможет убедить проповедника. Однако попытаться он был обязан.

— Иеремия... — сказал он.

— Господин президент... — откликнулся тот, словно говорил «Ave, Caesar».

— Ты вернулся из Аресибо, — сказал Уайт, — с копией Послания.

— Я вернулся ни с чем, — ответил Иеремия, — а если и получил Послание, то адресовано оно только мне. Я не могу представлять другого человека.

— А я должен представлять других людей, — печально сказал Уайт, — и от их имени требую, чтобы ты не показывал своего Послания никому.

— Так мог бы обратиться фараон к Моисею, спустившемуся с вершины Хоривской.

— Вот только я не фараон, ты не Моисей, а Послание — не Десять Заповедей, — заметил Уайт.

Глаза Иеремии вспыхнули, однако голос звучал по-прежнему мягко:

— Ты говоришь увереннее, чем я смел бы себе позволить. Ты владеешь легионами, — он обвел взглядом телохранителей и свиту, они толпились в дверях и за порогом, в коридоре, — а у меня лишь моя одинокая миссия. Но я исполню ее, разве что меня остановит насилие, и исполню сегодня же вечером.

Голос его, под конец фразы вроде бы не изменился, однако был теперь твердым, как сталь. Уайт попытался еще раз.

— Поступив так, — сказал он, — ты посеешь драконьи зубы раздора и вражды, которые могут уничтожить нашу страну.

Усмешка скользнула по лицу Иеремии и исчезла.

— Я не Кадм, здесь не Фивы, и кто может знать, что предназначено человеку Богом?

Уайт направился к двери.

— Подожди! — сказал Иеремия. Он повернулся к своему столу и взял с него лист бумаги. — Держи! — сказал он, протягивая руку. — Ты первый, кто получил Послание из рук Иеремии.

Уайт взял листок, повернулся, вышел из комнаты, пошел по длинным, мрачным коридорам обратно к своей машине. Потом, бросив людям из свиты: «Мне нужен детальный доклад», сел в самолет и продолжил свое путешествие на Пуэрто-Рико.

У Джона оказалась запись голосов. Сначала слышался слабый шепот, словно тысячи губ и языков говорили разом. Вот только рождались эти звуки скорее всего без помощи губ и языков, произносились существами, которые не имели

знакомых нам органов, и общались, возможно, с помощью жужжания или потирая усики.

Уайт думал о долгих годах прослушивания и удивлялся, как люди могли выдержать их. Тем временем шепот стал громче и преобразился в шум атмосферных помех. Потом что-то еще, доносящееся все яснее, почти понятное, начало пробиваться так, как бывает, когда мы очень малы и лежим в полусне в кровати, а в соседней комнате разговаривают взрослые и мы не можем понять, о чем они говорят, не можем проснуться настолько, чтобы послушать, но знаем, что разговор продолжается...

А потом Уайт услышал обрывки музыки и голоса, обрывки фраз между атмосферными помехами. Говорили что-то бессмысленное, но все-таки говорили.

«СТУКТРЕСКСТУК, — говорили они. — Осмелился ше ТРЕСКСТУК твой друг и советник ТРЕСКТРЕСК *музыка* СТУКТРЕСКСТУК еще один визит к Алленам СТУК-СТУКТРЕСК оставайтесь на этой частоте СТУКТРЕСК *музыка*: бар-ба-сол-бар СТУК вам*спальню термитов ТРЕСК-СТУКСТУКСТУК в аккорде будет ТРЕСКТРЕСКСТУК в выступлении поборника СТУКСТУК *музыка* СТУКТРЕСК единственное, чего следует опасаться ТРЕСК а теперь Вики и СТУКСТУКСТУК здесь нет духов ТРЕСКСТУК *музыка*: бу-бу-бу-бу СТУКСТУКТРЕСК может ли женщина после тридцати ТРЕСКСТУКСТУКСТУК приключения шерифа СТУКТРЕСКТРЕСК *музыка* СТУКСТУК это какая-то птица ТРЕСК только настоящий СТУКТРЕСК ликующее сообщение ТРЕСКТРЕСКСТУК приветствую всех СТУК-ТРЕСКСТУК *музыка* СТУКСТУКТРЕСК то есть из-за парня ТРЕСК счет и еще двойную СТУК...»

— Голоса, — сказал Уайт, когда вернулась тишина.

— Голоса, — согласился Джон.

Уайт отметил, что они произнесли это слово по-разному. Джон — возбужденно и радостно, а вот сам Уайт никакой радости не испытывал. Его беспокоила мысль, что где-то там, в сорока пяти световых годах отсюда, какие-то создания с аппаратурой слушают передачи, приходящие с Земли, чужие уши слушают земные голоса и посылают их обратно, изорвав и испачкав. Он часто выступал по телевидению, а в последнее время и по радио, с тех пор, как оно вновь обладало его, и ему не нравилась мысль, что его голос и изображение несутся неутомимыми волнами в бесконечность, где кто-то или что-то может их перехватить и таким образом завладеть частью его самого. Ему очень не хотелось верить в это.

— Может, это просто эхо, — сказал он.

— С расстояния в сорок пять световых лет? — спросил Джон. — Мы бы тогда ничего не приняли.

Уайт попытался представить себе невообразимое расстояние между звездами, которое должны были преодолеть эти голоса по пути к тому далекому месту и обратно, но человеческое воображение его пасовало перед этой задачей. Тогда он вообразил себе муравья, ползущего из Вашингтона в Сан-Франциско и обратно, но и это не помогло.

— Может, это где-то ближе, — сказал он.

— Тогда мы не принимали бы программы девяностолетней давности, — заметил Джон.

— А может, все эти годы они летают над нами. — Уайт помахал рукой в воздухе, словно желая смести эту мысль, как нити паутины. — Знаю-знаю, это тоже невозможно. Правда, не более невозможно, чем чужаки, посылающие нам Послание черт-те откуда.

«Или вот это», — подумал он, глядя на листок, полученный от Иеремии. На нем виднелся рисунок черной тушью, похожий на работу талантливого любителя, возможно, самого Иеремии. Рисунок изображал стилизованного ангела с ореолом над головой, с крыльями, распростертыми за плечами, с божественным спокойствием на лице и руками, разведенными в жесте благословения.

Это был ангел милосердия, несущий послание божественной любви, и был он в рамке из цветочной гирлянды... «С помощью какой невероятной магии, — подумал Уайт, — голоса превратились в нечто подобное?»

— Вся космологическая картина делает это вполне возможным, — сказал Джон. — Там должна существовать разумная жизнь. Невозможно, чтобы где-то в Галактике не было существ достаточно разумных, достаточно любопытных и способных связаться с нами сквозь бездну световых лет, жаждущих найти себе подобных, тех, которые могут взглянуть на самих себя и на звезды и удивиться...

Захваченный на мгновение видением Джона, Уайт взглянул на лицо своего сына и, увидев на нем вдохновение и экстаз, подумал: «Ты чужой мне, и я никак не могу с тобой договориться».

Все дело в том, что он любил этого парня и не хотел видеть, как тот страдает. Он хотел избавить его от мук, избавить от усеянного терниями пути познания мира. В этом и заключался смысл гуманизма: познавать мир, учась на по-

ражениях и ошибках других, а не повторять все заново в каждом поколении.

Уайт знал ответ Джона: это, мол, несколько не лучше инстинкта. Быть человеком — значит уметь сделать что-то свое.

«Ну, почему это всегда кончалось так? Хоть он и чужой мне, я должен как-то понять его».

На Пуэрто-Рико было тихо. Проезжая по накрытым сумерками дорогам в своем мощном черном лимузине, ждавшем его в аэропорту, Уайт слышал лишь тихое урчание паровой турбины. Он попросил открыть окна и вдыхал аромат деревьев и трав и доносившиеся издали запахи рыбы и соленого моря.

«Здесь лучше, чем в Вашингтоне, — думал он, — и лучше, чем в Хьюстоне». Да и чем во всех запомнившихся ему местах, которые он посетил в последнее время. Пружина беспокойства, плотно скрученная в его желудке, как в заводной игрушке, постепенно ослабевала.

«Кстати, что случилось с заводными игрушками? — подумал он. — Их заменили игрушки с электрическими моторчиками. Может, я и есть последняя заводная игрушка. Заводной президент, заведенный еще в гетто и сейчас разряжающий всю свою неудовлетворенность и агрессию, которые, собственно, довели его до Белого дома. Просто заведи его и смотри, как он искореняет старые грехи — но только осторожно, чтобы не нарушить внутреннего покоя, чтобы не пострадал всемирный покой...» Он невесело рассмеялся и подумал, что в его кабинете в Вашингтоне есть нечто, не позволяющее человеку быть тем, кем он был и кем хотел быть, а заставляющее быть президентом. Заметив взгляд Джона, он понял, что тот не слышал смеха отца уже очень давно. Наклонившись, Уайт положил ладонь на руку сына.

— Все в порядке, — сказал он. — Мне тут кое-что пришло в голову.

А подумал он о том, что *здесь* мог бы быть лучшим человеком. Может, не лучшим президентом, но человеком-то уж точно.

— Мы почти приехали, — отозвался Джон.

Уайт убрал ладонь.

— Откуда ты знаешь?

— Я уже бывал здесь, — сказал Джон.

Уайт откинулся на сиденье. Этого он не знал. Интересно, почему ему ничего не известно о визите Джона? Что еще он

не знает о Джоне? Настроение испортилось, и когда из темноты показались сооружения Программы, поблескивающие в свете Луны, огромные и жуткие, Уайт отвернулся, не желая на них смотреть.

Машина подъехала к длинному приземистому бетонному зданию; Макдональд ждал в дверях. Он явно не был взволнован, и Уайту показалось, что Макдональд не спешил сюда, что он всегда находится там, где в данный момент нужен. Вновь, но теперь уже сильнее, Уайт ощутил эмоциональную связь с этим человеком. «Ничего удивительного, — подумал он, — что Макдональд так долго поддерживает существование Программы». Ему вдруг стало неприятно, что он должен убить то, чему этот человек посвятил свою жизнь.

Макдональд вел свиту президента по крашеному бетонному коридору. «Господин президент, — сказал он, приветствуя его, — для нас это высокая честь». Однако теперь шел и разговаривал свободно, словно встречал президентов каждый день и сегодняшние посетители ничем не отличались от других. Коридоры были полны сотрудников, спешащих по своим делам, как будто сейчас была середина дня, а не ночи, и Уайт вдруг понял, что для Программы это самые напряженные часы суток — время ночного прослушивания. «Интересно, — подумал он, — как можно жить, если день и ночь поменялись местами». И тут же решил, что должен знать это не хуже любого другого человека.

Мимо проходили люди. Макдональд не представлял никого, чувствуя, что это неофициальный визит, а может, не желая вызывать домыслов по поводу посещения Программы президентом. Однако некоторые посматривали на них раз, а потом другой, узнавая. Уайт привык к этому. Конечно, были и такие, что бросали на него один взгляд и тут же, не моргнув глазом, возвращались к своим делам. Это было непривычно для Уайта, и он вдруг понял, что ему это не нравится. До сих пор ему казалось, что он любит приватность и при случае анонимность, но, вот выяснилось, что ему совсем не нравится когда его вообще не узнают. Не нравился ему и стерильный коридор, эхом отражающий шаги и голоса, и зал, заставленный электронной аппаратурой, через который его провели. Уайт узнал осциллографы и магнитофоны, но большинство приборов было ему незнакомо и чуждо, и он даже порадовался, что таким оно и останется. Какой-то человек с наушниками на голове сидел у пульта компьютера. Проходя, Макдональд помахал ему рукой, и тот ответил директору, но

глаза его остались затуманенными, словно он разглядывал нечто, удаленное на сотни миль. «Миллиарды миль, — поправился Уайт, — световые годы».

Они прошли через соседнюю комнату, она была фактически одним сплошным компьютером. Он образовывал стены помещения, провода тянулись в соседние комнаты, к другим компьютерам, наверное, или к частям этого, на полу стояли устройства для ввода информации и принтеры. Это была самая большая компьютерная система, которую Уайт когда-либо видел, даже больше машин Пентагона и Государственного департамента. Место это пахло маслом и электричеством и было погружено в разговор с самим собой — про информацию, записи и корреляцию, «про рачий свист, про стертый блеск, про дырки в башмаках»*, и раз за разом добавляло к единице единицу. Находясь здесь, он чувствовал себя так, словно оказался в животе компьютера, как современный Иона в животе огромной, небывалой рыбы, и почувствовал облегчение, когда рыба эта отверзла пасть и выплюнула их в кабинет.

В кабинете не было следов двадцати лет усилий и самоотречения. Как и все здание, он был простым, с обычным столом, стоявшим перед высоким, углубленным в стену стеллажом, на полках которого разместились настоящие книги в кожаных переплетах. Часть книг была на иностранных языках, и Уайт вспомнил слова Джона, что Макдональд, прежде чем стать инженером, был лингвистом.

— Подключи мой информационный центр, — обратился он к Джону.

— Вы можете подключиться прямо к компьютеру, — посоветовал Макдональд. — Мой ассистент покажет вам.

Когда они остались одни, Уайт постарался настроить себя против этого человека. Если Макдональд и почувствовал что-то, то ничем себя не выдал. Вместо этого он мимоходом спросил:

— Как с Иеремией?

Уайт покачал головой.

— Ничего не вышло. Он собирается огласить Послание верующим. Свое Послание, как он его называл.

Макдональд жестом пригласил президента садиться.

— Вот, значит, как... — сказал он. — Его Послание, мое Послание, ваше Послание.

Уайт покачал головой.

— Только не мое. Вот копия *его* Послания.

* Л. Кэрролл. Зазеркалье. (пер. А. Щербакова).

Он протянул Макдональду листок, полученный от Иереми. Макдональд взглянул на рисунок ангела, сжал губы и кивнул.

— Да, именно это увидел Иеремия. Вы не остановили его?

— Есть вещи, которые президент может и должен сделать, есть вещи, которые он может, но не должен делать, а есть такие, которых он делать не может. Затыкание рта Иеремии лежит где-то между второй и третьей категориями. Но такое, — он указал на листок бумаги, — не может, конечно, быть Посланием.

— Вы много знаете о Программе? — спросил Макдональд.

— Достаточно, — сказал Уайт, надеясь избежать повторения лекции Джона.

— Вам известно, что мы долго слушали безо всяких результатов?

— Все это я знаю, — ответил Уайт.

— А о голосах? — продолжал Макдональд, нажимая на своем столе какую-то кнопку.

— Я слышал их, — поспешно сказал Уайт, но опоздал. Голоса уже зазвучали.

Наверное, акустика здесь была лучше или что-то потерялось при перезаписи. Начинаящийся шепот здесь настойчивее содержал обертоны мольбы, злости и отчаяния, и Уайт был настолько потрясен, что испытал облегчение, когда они наконец перешли в голоса, как будто усилие, с которым пытался он расслышать все это и понять, полностью исчерпало его силы. Голоса тоже несколько отличались, словно стартовали с иной точки бесконечной петли, и были гораздо отчетливее.

СТУКТРЕСК может поменять свою кожу, а пантера ТРЕСКСТУК *музыка*: та маленькая щебетунья, та с прелестным СТУКСТУКТРЕСК может уточку СТУКТРЕСК-СТУК замаскированный поборник справедливости ТРЕСК-СТУКСТУК *музыка* СТУКСТУКСТУКТРЕСК они идут, друг СТУКСТУКСТУКТРЕСКСТУКСТУК *музыка* СТУК-СТУКТРЕСК *музыка*: флаг Гудзона подними ТРЕСКСТУК я невежливый мальчик СТУКСТУКСТУК представляет падуб ТРЕСКТРЕСК *музыка* СТУКСТУКТРЕСК Роджерс в двадцать СТУКТРЕСКСТУК *музыка*: кола получила двенадцать ТРЕСК...

Уайт встряхнулся, пытаясь избавиться от чар.

— Это не Послание, — заметил он.

Макдональд повернул ручку на столе, и голоса отступили.

ли на второй план, как далекий греческий хор, комментирующий происходящее.

— Это способ привлечь наше внимание.

ТРЕСКТРЕСКСТУК приветствую всех СТУКТРЕСКСТУК.

— Послание было заключено в помехах между голосами, — продолжал Макдональд. — После замедления и разложения помехи превратились в ряд звуковых импульсов и пауз, которые мы постарались расшифровать.

СТУКТРЕСК может поменять свою кожу, а пантера ТРЕСКСТУК.

«Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс — пятна свои?»* — восстановил цитату Уайт и рассмеялся.

— Вы это знаете? — спросил Макдональд.

— Одна из главных премудростей моего народа, — сказал Уайт, явно недовольный сам собой. — Вас раздражает черный президент?

— Не более, чем вас раздражает белый директор Программы, — сказал Макдональд.

Макдональд был не только умен, но и хитер. Он знал о существовании различий между людьми, знал, что различия эти неизбежно влияют на то, что одни думают о других и что они думают о себе. Уайт с самого начала полюбил Макдональда, теперь же начинал им восхищаться, а это было опасно.

«То, что хочет сделать Джон, еще опаснее. Он думает, что различий уже нет, что можно забыть о цвете своей кожи и о своих людях, что можно жить, как белый человек, занятый только самим собой. Как он может быть так слеп? Нужно постоянно оставаться настороже; если доверчиво полагаться на милость окружающего мира без опоры на силу или праведный гнев, можно потерять свою душу. Мой сын, сын Эндрю Уайта, не может перейти во вражеский лагерь».

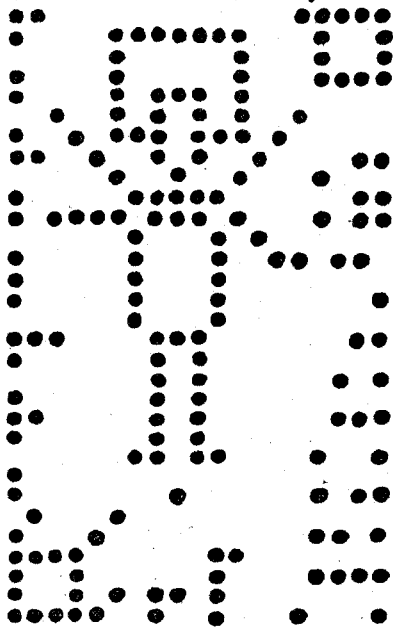
— И наконец нас осенило, — говорил Макдональд. — Эти звуки и паузы можно было представить точками и пробелами или черными и белыми квадратами, как в кроссворде. Компьютер решил эту задачу: рассчитал длину послания, нашел, где у него начало, а где конец, отсеял мусор — атмосферные помехи и вычленил собственно Послание. Результат он отпечатал для нас.

* Книга Иеремии, 13:23

Макдональд взял какой-то рисунок, до сих пор лежавший на его столе; Уайт не замечал его прежде. «Сколько еще я не заметил? — задумался он. — Сколько проглядел из этого Послания?»

— Вот оно, — произнес Макдональд и подал рисунок Уайту. — Оригинальное Послание, первый перенос импульсов компьютера на бумагу, мы вставили в рамочку на случай, если вы захотите поддержать его какое-то время, посмотреть, может, немного подумать, а когда вам надоест показывать его своим гостям, передать в Смитсонианский институт.

Уайт неохотно взял рамку, содержащую известие, которое он вовсе не хотел получать, — вызов в суд, приказ или даже обвинительный приговор. Он не желал смотреть на это, не желал об этом думать, не желал, чтобы его для него переводили. Он хотел уничтожить его, забыть о нем, как о кошмаре, он прекрасно понимал древний египетский обычай рубить голову гонцу, приносившему дурную весть. Президент посмотрел на послание. Чистый лист бумаги покрывали пятна, словно его засидели мухи.

— И это Послание?

Макдональд кивнул.

— Я знаю, что на первый взгляд это не впечатляет. Впе-

чатляет его источник в сорока пяти световых годах отсюда, происхождение, разумы чужих существ, рожденных под небом, на котором висят два солнца, два красных гиганта. Долгий путь пришлось ему пройти чтобы добраться до нас, чтобы преобразиться в картинку, которую вы держите в руках.

— И все-таки это не так уж много, — сказал Уайт, переворачивая рамку и оглядывая чистую обратную сторону, как будто там могло оказаться самое главное и более понятное.

— Может, это и не производит большого впечатления, — терпеливо повторил Макдональд, — но заключенная в рисунке информация удивительна. «Один рисунок стоит тысячи слов», как говорили, кажется, китайцы, и из этого мы можем узнать во столько же раз больше, чем из слов, содержащихся в каких-либо символах, при условии, что сможем их прочесть. А ведь все, что у нас есть, это пятьсот восемьдесят девять точек и тире, точек и пауз, сетка, образованная девятнадцатью пунктами по горизонтали и тридцатью одним пунктом по вертикали. И на этом пространстве капеллане нарисовали нам автопортрет.

Уайт вновь взглянул на точки, теперь он заметил фигуры и силуэты и понял, что ему очень хотелось верить, будто компьютерные знаки случайны, будто Послание лишено смысла.

— Дьявольски плохой портрет, — буркнул он. — Как человечки из палочек, которых рисуют дети.

— Или человечки, которых взрослые рисуют для детей; изображения, которые дети могут узнать, потому что сами рисуют так же; изображения, которые у нас выходят, если мы пользуемся толстым карандашом или миллиметровой бумагой. Это понятно любому.

Уайт весело взглянул на него.

— Вроде меня?

— Если угодно. Но в отличие от большинства человечков из палочек этот рисунок заслуживает внимания. В нем еще много загадок, однако часть из того, что он означает, уже ясна. В левом нижнем углу мы видим квадрат со стороной в четыре пункта; второй такой квадрат находится в правом верхнем углу. Вероятно, это солнца.

— Два солнца? — удивился Уайт и вдруг почувствовал себя глупо. — Ну конечно, ведь Капелла двойная звезда. Джон говорил мне это, да и вы тоже, но такие вещи почему-то выскакивают из головы.

— «Слова парят, а мысли книзу гнут», — процитировал Макдональд.

— «А слов без чувств вверху не признают»*, — закончил Уайт, обрадованный выражением нового уважения во взгляде Макдональда. Он знал, что ему тонко польстили, и оценил мастерство этого хода.

— Под символом вверху справа есть меньший квадрат с отдельными точками, явно группирующимися вокруг него. Если большой квадрат является солнцем, то меньший...

— Планета, — закончил Уайт.

— Именно, — сказал Макдональд.

Уайту показалось, что он снова в школе и его только что похвалил учитель.

— А эти единичные и двойные точки, — продолжал Макдональд, — предположительно спутники этой большой планеты. Теория гласит, что только планеты-гиганты могут сохранять свои орбиты в системе двойной звезды. Жизнь на такой планете едва ли возможна, однако у планет-гигантов бывают спутники размером с Землю, на которых вполне может развиваться раса разумных существ. И наш капелланин, если это капелланин или капелланка, похоже, указывает парой своих рук — или рукой и крылом — в сторону одной из двух звезд, той, что в правом верхнем углу, а также на один из спутников, если это спутники. Вероятно, это означает: вот мое солнце, а не то, другое, которое может находиться на большом расстоянии, а это моя родная планета.

Уайт кивнул. Вопреки своей воле он начинал втягиваться в это занятие.

— Изобретательно. Почти как в криминальной загадке.

Почувствовав на себе взгляд Макдональда, он понял, что тот играет с ним и что ему это нравится.

— Мы работаем над этим, стараясь собрать в логическое целое все доказательства и решить загадку, — сказал Макдональд. — У меня превосходные работники, господин президент, преданные, умные, гораздо более способные, чем я сам. Мне остается только следить, чтобы им всегда хватало карандашей, ластиков и скрепок.

— Мне знакомо это чувство, — невесело сказал Уайт.

Что Макдональд знает о нем? А о чем догадывается? Что общего у бюрократов и технократов?

— Под спутниками расположены цифры от одного до двадцати, записанные в двоичной системе, определяющие систему счисления, начала элементарной математики и факт, что интеллектуальные процессы капеллан напоминают наши.

* У. Шекспир. Гамлет. Акт III, сцена III. (пер. Б. Пастернака).

То, что находится вдоль левого края, производит впечатление слов; справа цифры, слева слова, цифры записаны горизонтально, слова — с вертикальной составляющей.

— А зачем слова?

Макдональд пожал плечами.

— О многом мы по-прежнему только догадываемся. Возможно, они формируют словарь, чтобы позднее воспользоваться им. Тогда слово будет стоять по крайней мере одного рисунка. Возможно, слова нужны для формирования внутри Послания фразы, которую мы еще не прочли, а может, они здесь для того, чтобы помочь в объяснении картинки.

— А что значат эти слова?

— Похоже, они относятся к чему-то, — Макдональд указал на рисунок в руках Уайта, — что находится с ними на одном уровне, скорее всего справа. Пропустим пока самое верхнее. Следующее повторяется трижды, и на два из них капелланин указывает своими правыми верхними конечностями. Возможно, это слово означает «капелланин». Заметьте: в третий раз оно появляется на одной линии с точкой под капелланином, и это — если мы имеем дело не со случайной точкой или шумом — может указывать, что это тоже капелланин или же эмбрион капелланина.

Он выжидательно посмотрел на Уайта.

— Яйцо? — рискнул предположить президент.

— Очень вероятно. Может, он пытается сообщить нам, что размножается, откладывая яйца.

— Значит, это птица?

— Или пресмыкающееся. Или насекомое. Но скорее всего птица: это объясняет дополнительную пару конечностей.

— У него настоящие крылья?

— Может быть, просто рудименты.

Уайт взглянул на рисунок Иеремии на столе Макдональда, потом на оправленное в рамку компьютерное прочтение информации. Он начинал понимать, как одно могло стать другим, как Иеремия мог увидеть в компьютерном человеке ангела, а в квадрате на его голове — ореол. Ситуация прояснилась, хотя от этого не стала менее серьезной.

— А остальные слова? — спросил он.

— Здесь нужно крепко думать, — сказал Макдональд. — Третье в ряду слово может означать «крыло», пятое — «туловище» или «грудь», шестое — «бедро» или «ноги», седьмое — «ноги» или «ступни». Они могут означать и что-то совершенно иное, относиться к действиям, а не к частям тела. Некоторые мы держим в резерве, пока они не повторятся.

Уайт замер.

— Вы принимаете новые Послания?

Макдональд покачал головой.

— Нет, одно и то же. Похоже, что капелланы хотели сказать о себе только самое важное и увериться, что мы это поняли, прежде чем идти дальше.

— Как в программированном обучении, — заметил Уайт.

Он почувствовал облегчение — не было новых посланий, придется иметь дело с единственным посланием от чужаков, с единственной проблемой, а не с комплексом.

— Или же, — продолжал Макдональд, — они не хотят двигаться дальше, передавать что-то новое, пока не узнают, что мы их принимаем и понимаем, пока мы им не ответим.

Уайт быстро сменил тему.

— И какие же важные вещи они нам сообщили?

— Кто они. Где живут. Как называются. Как размножаются. Как мыслят.

— И как же они мыслят? — спросил Уайт.

— Словами, числами и образами, — ответил Макдональд. — Так же, как и мы.

Уайт сверлил взглядом рисунок, словно хотел силой воли вырвать все его секреты, которые тот ревниво берег.

— А думают ли они, как и мы... в категориях выгоды и невыгоды, в категориях прибыли и убытка, в категориях победы и проигрыша, в категориях типа «а что я с этого буду иметь»?

Уайту показалось, что Макдональд посмотрел на него так, как сам он смотрел на рисунок. Директор покачал головой.

— По-моему, они настроены миролюбиво. И мы не все мыслим в категориях выгоды и борьбы. Мне кажется, мы все больше утрачиваем дух соперничества. Кроме того, птицы всегда были и остаются символом мира.

— Только голубь, — угрюмо уточнил Уайт. — Вы когда-нибудь видели, как сойка нападает на других птиц, кошек и даже людей? А ястребы, а орлы, а грифы? Любое существо, становящееся на своей планете доминирующим видом, должно быть агрессивным. Как думает птица?

«А как думает человек? Тот, которого ты воспитал в тепле своего дома, в тепле своих рук, в тепле своей любви... как он думает? Как можно достучаться до него, сказать ему, заставить его понять, на кого он похож и на что похож мир? А сказать он хотел так: «Слушай, сынок, ты видишь мир дружественным и улыбчивым оазисом покоя, честной конкуренции и благородных правил игры, а ведь он совсем иной.

Продолжай так думать, и он при первом же удобном случае отгрызет тебе твою черную задницу».

А Джон сказал бы в ответ: «Перестань говорить, как черномазый, отец!»

Уайт перевел взгляд с рисунка на лицо Макдональда.

— У вас есть сын? — спросил он и, услышав, как это прозвучало, понял, что выдал кое-что о себе самом. Не «есть ли у вас дети?», а именно: «есть ли у вас сын?» Сейчас один ребенок стал нормой, и может, Макдональд ничего не заметит.

Лицо Макдональда смягчилось.

— Есть, — сказал он.

Он все понял.

— Мы очень похожи друг на друга, — сказал Уайт. — Это мой сын приехал со мной.

— Я знаю, — ответил Макдональд.

— Он у меня за личного секретаря и очень интересуется вашей Программой, — услышал Уайт самого себя.

— Я знаю, — повторил Макдональд.

— Не знаю, что бы я делал без него, — сказал он, и для него самого это прозвучало почти как просьба. Может, это и была просьба.

— Моему сыну всего восемь месяцев, — сказал Макдональд.

Уайт поднял брови.

Макдональд рассмеялся.

— Вся моя жизнь прошла в ожидании. Я и этого ждал слишком долго.

Уайт представил, как Макдональд ждет здесь, среди всех этих чуждых машин с их чуждыми запахами, как караулит Послание со звезд, которое все не приходит, слушает пятьдесят лет понапрасну. Вздор! Он снова ударился в сантименты. Это не тот человек. Это Программе пятьдесят лет, а Макдональд работает здесь всего лет двадцать. Кроме того, он инженер и наверняка любит машины, их запахи, трески и шорохи. Но и двадцать лет...

И вот наконец Послание пришло, но навсегда останется без ответа. Уайта захлестнула волна сочувствия к Макдональду, ко всем этим людям, которые посвятили жизнь безнадёжному делу.

— Вы не похожи на человека, которому сообщили, что дело его жизни не будет закончено, — сказал Уайт.

Макдональд улыбнулся. «Эту улыбку, — подумал Уайт, — он, наверное, пронес через все долгие годы ожидания».

— Я ждал очень долго, — сказал Макдональд, — капел-

лане тоже. Если нужно, мы можем подождать еще немного, но, надеюсь, ваше решение изменится. Ведь вы еще здесь и еще слушаете.

— Это мой долг, — сказал Уайт.

Макдональд промолчал.

«Он мог бы сказать: «Ничего вы мне не должны, господин президент. Это мы в долгу перед вами за вашу жертву», — подумал Уайт в мгновенном приступе раздражения, но тут же отогнал эту детскую мысль.

— А что с остальными словами? — спросил он. — С теми, которые вы пропустили?

— Если это слова. — Макдональд указал на два символа внизу рисунка под яйцом. — Значок из верхнего угла повторен здесь, внизу. Он может означать «солнце».

— А второе слово внизу?

— Не знаем, — ответил Макдональд. — Может, «более яркое солнце». Обратите внимание: солнце внизу и слева имеет лучи с каждого угла. А у того, что наверху, есть лишь одно начало луча. Может, дальнейшее солнце горячее и они пытаются сообщить это нам на случай, если ваши астрономические знания позволяют разделить эти солнца.

Уайт вновь взгляделся к рисунку.

— И все это вы узнали из этих точек?

— Как вы сказали, это криминальная загадка. Мы, как детективы, собираем улики, причем во множестве. Кроме того, у нас есть подходящие увеличительные стекла. — Он указал рукой на стену, за которой располагался компьютерный зал. — Буквально вся писаная история и литература человечества, на всех его языках, собрана здесь. Все, что мы делаем или говорим на территории Программы, записывается. Вот какой у нас компьютер. Он учится, сравнивает, переводит, сохраняет, шифрует и дешифрует коды. Но, разумеется, мы занимаемся не криптографией, а совсем наоборот — разработкой кода, которого нельзя не понять.

— Наш ранний разговор и ваш звонок, — сказал Уайт. — Все это записано?

Это было вопросом лишь наполовину.

— В любой момент мы можем удалить информацию из памяти простым устным распоряжением.

Уайт пренебрежительно махнул рукой.

— Это не имеет значения. Все, что я делаю и говорю, записывается по всему миру, а когда мой срок истечет, всевозможные исследователи извлекут это и распишут по архивам... Но я не понимаю, что здесь делал Иеремия.

Макдональд промолчал.

— До разговора с вами Программа не была тайной. Одной из моих обязанностей является поддержание Программы, а один из способов заключается в информировании людей о том, что мы делаем, демонстрации им значения и важности нашей работы.

«То есть именно то, что ты делаешь сейчас — для меня», — подумал Уайт.

— Выработка общественного мнения? — произнес он. — Реклама?

— Да, — сказал Макдональд.

«Выходит, — подумал Уайт, — что, как это ни назови, а все руководители должны успешно выполнять одну обязанность, если хотят общественного признания своей работы, — общественное признание через всеобщее понимание».

— Информирование? — добавил он.

— Это мне нравится больше всего, — заметил Макдональд.

— Мне тоже, — признался Уайт.

Джон открыл дверь в кабинет.

— Господин президент, — сказал он, — сообщение из Хьюстона.

— Посмотрим, — оживился Уайт.

Макдональд нажал кнопку на своем столе. Глядя, как начинает светиться знакомый экран, Уайт заметил:

— Не люблю я эти штуки.

— Я тоже, — поддержал его Макдональд. — В такой профильтрованной информации теряется большинство чувственных ощущений.

Уайт глянул на Макдональда с легким удивлением, но в этот момент экран ожил. Снимали с воздуха, вероятно, с зависшего вертолета, на улице перед святилищем в Хьюстоне. Мужчины и женщины расхаживали взад и вперед с транспарантами. На них были написаны слова, которые удалось прочесть только после приближения:

ПОСЛАНИЕ ЛЖЕТ

ИЕРЕМИЯ ЛЖЕТ

НЕ АНГЕЛЫ, А КАРАКУЛИ

ДОЛОЙ ПРОГРАММУ

НИКАКИХ РАЗГОВОРОВ С ЧУДОВИЩАМИ

Между пикетирующими в святилище непрерывным потоком шли люди. На очередной панораме они увидели за пикетами молчаливую толпу, окружающую здание. Люди чего-то ожидали, какого-то слова, события, какого-то знака, но по их виду трудно было понять, то ли это зрители, то ли участники, ждущие своего выхода.

Сцена изменилась. Точка наблюдения находилась теперь под огромным куполом. Камера медленно прошла по рядам. Все места были заняты, люди сидели и стояли в проходах. Внизу в круге света стоял Иеремия, похожий на нарисованного палочками человечка. Он был не один, за его спиной находилось какое-то существо, легкая, прозрачная фигура, но не подлежало сомнению, что это ангел с ореолом и распростертыми крыльями, причем правая длань ангела покоилась на плече Иеремии. Потом пророк поднял левую руку, и толпа поднялась как один человек. Уайт ничего не слышал — звукового сопровождения не было, — но почувствовал волну, что вырвалась из пятидесяти тысяч глоток, сотрясая святилище.

— Неприятности, — сказал Уайт, когда сцена исчезла и Макдональд выключил экран.

— Горячка, — заметил Макдональд.

— Беспорядки и неприятности. Мы разрешили множество вопросов, грозивших расколом нашего народа еще в первые годы Программы, но такие вот эксцессы не позволят нам разрешить остальные. Нам нужно спокойствие, а этот ангел Иеремии несет отнюдь не благую весть. Он вновь поднимает старые проблемы народов избранных и попираемых, господ и рабов, избранников и избирающих... Этот ангел Иеремии принесет не мир, но меч. Не понимаю, как он вычитал это из Послания, — добавил он, забыв о собственном недавнем ощущении.

Макдональд взял со стола картонное паспарту («Еще одна вещь, которую я проглядел», — подумал Уайт) и подал ему.

— Я попросил нашего художника приготовить это для вас. Нечто вроде того, что, как я полагал, сделает Иеремия.

Уайт взял паспарту, перевернул его на другую сторону и посмотрел. Это тоже был рисунок, однако изображал он высокое, существо, похожее на птицу с рудиментарными крыльями. На голове у него был прозрачный шлем. В противоположных углах рисунка разместили стилизованные изображения солнц; а под солнцем в правом верхнем углу находилась большая планета с четырьмя спутниками, двумя малыми, как Луна, и двумя большими. Один из них напоминал Венеру, а второй — Землю. Под ними вдоль правого края колонка слов: «солнце — капелланин — крыло — капелланин — торс — бедра — ноги — капелланин». Под самим существом виднелось большое яйцо, а под яйцом еще два слова: «солнце» и «более горячее солнце». Сквозь лицевую панель шлема смотрело лицо существа, несомненно,

птичьё, но разумное, и разум этот придавал ему облик дальнего родственника человека. Птица производила впечатление любопытной, миролюбивой и все понимающей...

Солнце

капелланин

крыло

капелланин

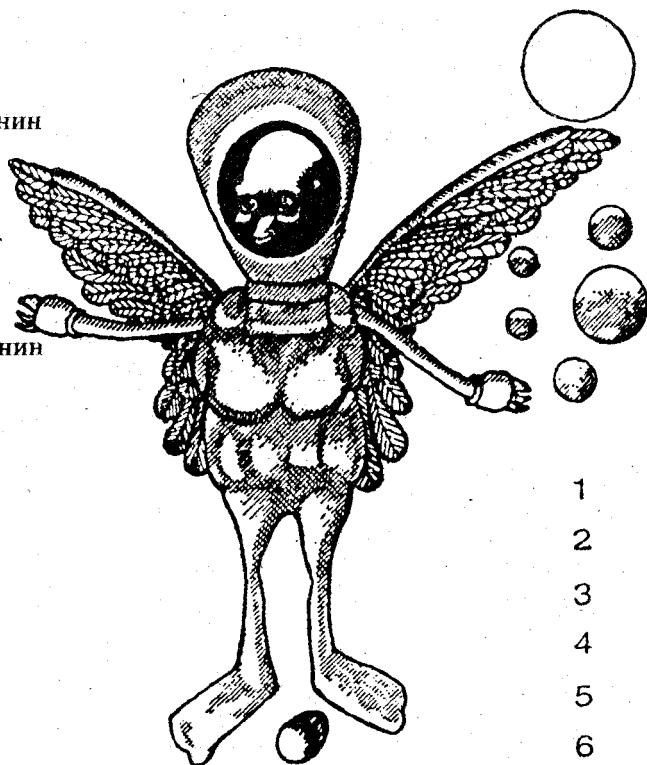
торс

бедро

ноги

капелланин

Солнце

Более горячее солнце

1
2
3
4
5
6
7
8
9

— Я думаю, — сказал Уайт, — что оба они заслуживают право на существование.

— Это и было одной из причин, по которым я не мог сказать Иеремии, что он ошибается, — ответил Макдональд. — Он имел такое же право на свою интерпретацию, как я на свою.

— Другой причиной было то, — сказал Уайт, — что Программа выиграла, когда он принял Послание.

Макдональд пожал плечами.

— Да. Я всячески старался объяснить ему, что Послание не представляет никакой угрозы ни ему, ни его религиозным верованиям. Видит Бог, так оно и есть.

Уайта слегка удивило циничное замечание Макдональда. Не сильно, потому что он никогда не удивлялся ничьему соглашательству, однако Макдональда он представлял себе не таким.

— Другими словами, вы позволили ему обмануть себя самого.

— Нет, — спокойно возразил Макдональд. — Нам неизвестно содержание Послания. Мы интерпретируем его механически, читая на уровне тех самых человечков из палочек и точек; Иеремия интерпретирует Послание на более зрелом уровне, переводя символы в образы. Оба рисунка — наш и Иеремии — стоят примерно одинаково. Истина во всем этом только компьютерная сетка.

— Такая небольшая вещь, — тихо произнес Уайт, — и так много неразберихи.

— Это временно, — сказал Макдональд. — Если вы разрешите огласить то, что мы считаем важной частью Послания, это позволит ученым всего мира представить свои интерпретации, позволит нам составить ответ и отправить его на Капеллу...

Уайт посмотрел на рисунок и решил не отвечать Макдональду прямо.

— У вас есть карандаш? — спросил он. — А может, фломастер или ручка?

Макдональд подал ему фломастер. Уайт поработал немного над лицом птицы, после чего вернул рисунок Макдональду. Птица теперь не походила на человека. Клюв ее стал длиннее и искривился на конце, приспособившись для хватания и разрывания, глаза стали жестокими. Это был хищник, выискивающий очередную жертву.

— А если на самом деле они выглядят так? — спросил Уайт.

«Вопрос в том — нужно было бы сказать, — как на самом деле выглядит мир. Таким, как видишь его ты, или таким, каким знаю его я? Если остается хотя бы тень сомнения, то не лучше ли помнить о вчерашнем дне, изучать историю своей расы и оставаться черным, пока не будет уверенности,

что день сегодняшний изменил прежние обычаи и прежний образ мыслей?»

Но я сказал не так: «Боже мой, Джон, я знаю мир, а ты нет. Ты должен поверить мне на слово, если сам этого не видишь.

А Джон ответил: «Вчерашний день ничего не значит».

Но даже это было утверждением вчерашнего дня».

Уайт чувствовал, что время уходит. Вскоре ему придется закончить этот разговор и решать, что делать с надвигающимися неприятностями, о которых предупреждала его поясница. Но он не мог прервать этого человека, этого честного человека, пока тот не почувствует себя удовлетворенным.

— Имеет ли значение, — говорил тем временем Макдональд, — что нас разделяет сорок пять световых лет? Они жаждут понимания, ищут иные миры, разумных существ во Вселенной.

— А зачем? — спросил Уайт.

— Чтобы не быть одинокими. По той же причине, по которой мы слушаем. Одиночество — это страшно.

«Что он может знать об этом?» — подумал Уайт.

— Да, — согласился он.

— Кроме того, — продолжал Макдональд, — они уже знают, что мы здесь есть.

— Это почему? — удивленно спросил слегка обеспокоенный Уайт.

— Голоса, — ответил Макдональд.

Голоса. Конечно же. Чужие приняли старые радиопередачи и узнали, что по другую сторону есть люди.

— Они не знают, какие мы, — сказал Уайт. — Не знают, приняли мы их Послание или нет, прочли его или нет, ответим или нет. И не знают, в состоянии ли мы сделать все это.

Макдональд соединил кончики пальцев.

— А разве это имеет значение?

Уайт нетерпеливо пожал плечами.

— Вы с коллегами специализируетесь по иным существам и их возможностям, но даже дилетант сможет придумать ситуацию, в которой это будет иметь значение.

Макдональд улыбнулся.

— Чудовища из космоса?

— Чудовища существуют, — сказал Уайт. — Племена Востока или Севера. Злые люди с гор. Толпа линчевателей в захудалой деревне.

— Ни одно из этих чудовищ нецивилизованно, ни одно не стремится к общению.

— Можно придумать ответ и на это. Что если капеллане посылают сигналы многим планетам, чтобы напасть на те, которые ответят?

— Даже если бы существовала возможность межзвездного перелета, а ее, по-видимому, нет, — даже если бы имела возможность ведения межзвездной войны, которой нет почти наверняка, — даже тогда зачем им это делать?

Уайт широко развел руками.

— Прежде всего почему они взяли на себя труд отправить нам Послание?

Макдональд хотел ответить, но Уайт продолжал:

— «Дорогой Клуб Одиноких Сердец, я жду уже миллион лет»... Может, они хотят убедиться, что с момента изобретения радио мы не успели еще уничтожить свою планету радиоактивностью. Может, они хотят передать нам инструкции по созданию передатчика материи. А может, у них есть определенные стандарты и только после достижения нами определенного уровня развития им будет выгодно завоевывать нас.

— Не забывайте, — сказал Макдональд, — что они отдали себя и свою планету в наши руки, так же как мы отдались в их. Это доказательство определенного доверия.

— А может, зазнайства или чванства.

— Не могу поверить... — начал Макдональд.

— Но можете представить, — прервал его Уайт. — Вы провели жизнь среди ученых, среди людей доброй воли. Для вас Вселенная — дружеское место относящееся к вам сердечно, или, на худой конец, равнодушно. Я же был свидетелем взрывов ярости, злой воли и алчности и знаю, что интеллект не обязательно означает доброжелательность. В сущности, как следует из моего опыта, он зачастую бывает лишь инструментом непрерывного поиска выгод, весами потерь и приобретений, средством повысить прибыль и при этом свести риск до минимума.

Макдональд ответил не так, как ожидал Уайт:

— Гарантии нам дает простая логика, — спокойно произнес он. — Единственной вещью, заслуживающей передачи с одной звезды на другую, является информация, а верная выгода такого обмена значительно превосходит возможные выгоды какого-либо иного *modus operandi**. Первая выгода — это известие о существовании во Вселенной иных разумных существ; оно само по себе добавляет нам сил и твердости духа. Затем — информация о чужой планете, как если бы

* *Modus operandi* (лат.) — способ действия.

мы держали на ней свои приборы или своих собственных ученых, только в больших масштабах и в самых различных направлениях. Наконец информация о культуре и науке, о знаниях и путях развития иной расы — вот какие неисчислимые богатства может принести нам такой обмен.

Уайт попробовал с другой стороны.

— А если это нас изменит? Мы встречались с проблемами культурного шока при столкновении высокой цивилизации с низшей. Из обществ, которых это коснулось здесь, на Земле, одни распались, другие попали в рабство, а те, что вышли невредимыми, обязаны этим изменению своей шкалы ценностей, позиции, поведения...

Макдональд смотрел на Уайта, словно прикидывая возможность понимания.

— Не думаю, чтобы вы считали эти условия настолько идеальными, что вас не обрадовали бы изменения.

Непонимание и контраргумент.

— Изменения в моем вкусе, — уточнил Уайт.

— Кроме того, — продолжал Макдональд, — упомянутые вами примеры касаются обществ примитивных или изолированных, которые не могли представить себе ничего лучше себя, даже ничего просто отличающегося...

— Как сказал однажды Карлу Юнгу некий шаман, — заметил Уайт, — мы можем вдруг остаться без мечты.

— Мы не настолько примитивны, — возразил Макдональд. — Нам уже известно, что во Вселенной есть иные разумные существа, что они непохожи на нас, и все-таки жаждем общения с ними. Мы мечтаем о космических полетах и встречах, и все это поддерживается богатой литературой и опирается на легенды, полные летающих тарелок. Мы слушаем уже пятьдесят лет, и люди готовы услышать что-нибудь. Они психически созрели для установления контакта. Теперь они узнали, что с нами связались, услышали голоса и увидели один вариант расшифровки Послания.

Джон вновь приоткрыл дверь.

— Информация продолжает поступать, господин президент.

Макдональд взглянул на Уайта. Президент кивнул, и директор нажал кнопку. Первая сцена изображала полицию, атакующую толпу у святилища солитариан. Там, где в вихре дерущихся открывалось пустое пространство, видны были пятна на асфальте и тела, некоторые в мундирах. Люди непрерывным потоком текли из святилища, пытаясь прорваться сквозь толпу дерущихся... или присоединиться к ней. Макдональд включил звук — загудело, словно далекий гром.

Вторая сцена изображала толпу поменьше на улице перед неоклассическим зданием, словно рвом окруженным климатизационным бассейном, который удерживал людей. Однако он не мешал им размахивать кулаками и кричать на каком-то чужом языке.

Третий, четвертый и пятый отрывки походили на второй, отличаясь от него лишь архитектурой зданий, цветами и покроем одежд, а также языком, на котором кричали. Кричали в основном на английском языке.

Шестой кусок показал им мужчин, женщин и детей, собравшихся вокруг какого-то человека в черном на темной вершине холма. Все они молча смотрели в небо, на звезды.

В седьмом отрывке мелькнуло что-то кровавое, размазанное по мостовой, как абстрактная картина. Объектив камеры двинулся вверх по стене соседнего здания и остановился высоко на бетонном карнизе.

Восьмую сцену заполняли машины скорой помощи, подъезжающие к приемному покою больницы. В девятой был морг, а десятая демонстрировала зрителям огромную пробку, образованную машинами и вертолетами, пытающимися покинуть город...

Каким был бы Джон в мире, известном его отцу, в мире, существующем там, снаружи? Уайт знал, что подсознательно защищает Джона от этого мира. Джон не был отдан в жертву страсти и насилию, глупости и предубеждению. Уайт жаждал избавить сына от страданий, пережитых им самим, от того вида горечи, которая даже сейчас перехватывала горло. И дело было не в добром сердце, а в плохо понятом чувстве, которое теперь оборачивалось против него. Он не пропускал к Джону даже основных реалий политики, тех компромиссов и договоров, к которым политика вынуждает человека, если он не хочет, чтобы его сын испачкал себе руки. А может, он не хотел, чтобы сын узнал, что сделало кожу его отца такой черной? Быть черным — и без сына?

Уайт глубоко вздохнул. Он привык делать это, когда предстояло принять трудное решение, словно с воздухом втягивал в себя ситуацию, закачивал ее внутрь, туда, где рождались его решения. Вскоре ему придется высказаться, определить свое отношение к этому, спустить с привязи стигии, которые уже никогда больше не будут ему послушны.

— Похоже, — произнес он тихо, — что-то уже начина-

ется — религиозные выступления, может, даже религиозная война... или же что-то кончается.

— Люди реагируют так из-за недостатка информации, — сказал Макдональд. — Поговорим с ними. Они дезориентированы. Официальное сообщение и систематическая информационная кампания о Программе, Послании и ответе...

— Успокоят страхи, — закончил Уайт, — или еще более усилят их.

— Страх иррационален, и факты рассеют его. У капеллан нет возможности прибыть сюда. Передача материи — это просто сказка, кроме того, мы не можем представить себе двигатель, разгоняющий корабль до скорости света.

— То, чего не могли представить, — заметил Уайт, — в последние несколько столетий все чаще становилось правдой. А то, что считали невозможным в одном поколении, становится повседневным для следующего. Скажите, почему вы так настаиваете на ответе? Разве мало, что ваши поиски увенчались успехом, что вы доказали существование разумной жизни во Вселенной?

— Я мог бы объяснить это вполне рационально, — ответил Макдональд. — Есть много серьезных причин, важнейшую из которых я уже называл: общение различных разумных существ принесло бы неизмеримые выгоды и тем и другим, но, как вы, конечно, подозреваете, за этой рациональностью скрываются личные мотивы. Прежде чем наш ответ дойдет до Капеллы, я буду уже в могиле, однако хотел бы, чтобы моя работа не пропала напрасно, чтобы сбылось то, во что я верю, чтобы моя жизнь имела смысл. Вы ведь и сами хотите того же.

— Наконец-то мы дошли до принципиальных вопросов.

— Как обычно. Своему сыну и миру я хочу оставить какое-то наследство. Я не поэт и не пророк, не художник, не строитель, не государственный деятель и не филантроп. Единственное, что я могу оставить, это открытую дверь, открытую дорогу во Вселенную, надежды и картины чего-то нового, послание, которое прибудет с другой планеты, кружащейся под парой чужих далеких звезд...

— Все мы этого хотим, — сказал Уайт. — Дело только в том, как этого достичь.

— Не все, — возразил Макдональд. — Некоторые хотят оставить в наследство ненависть, борьбу, словом, ничего нового, а только старое. Но жизнь меняется, время идет, и мы должны подарить нашим детям завтра, а не вчера, а из вчера взять лишь то, что влияет на завтра. Прошрое, конечно, важно, но в нем нельзя жить; единственное место, в котором

мы можем жить, это будущее; и оно же единственное, что мы в силах изменить. Поверьте: как только мы отправим ответ, в мире воцарится покой.

— Почему именно тогда?

— Хотя бы потому, что дело будет уже сделано. Ссорящиеся осознают, что они люди, что где-то там живут иные разумные существа, и если уж мы договариваемся с ними, то почему бы нам не договориться между собой, даже с теми, что говорят на иных языках и верят в иных богов.

— Звонит китайский посол, господин президент, — сказал Джон, и Уайт понял, что, поглощенный дискуссией с Макдональдом, даже не заметил, как открылась дверь.

— У меня нет с собой транслятора, — сказал он.

— Ничего страшного, — заметил Макдональд. — Наш компьютер справится с этим.

Уайт с Макдональдом поменялись местами. Оказавшись за столом директора, президент взглянул на экран, с которого к нему обратилось по-английски китайское лицо.

— Господин президент, моя страна со всем уважением требует прекратить беспорядки и публикацию провокационных сообщений, угрожающих иным миролюбивым народам.

— Можете повторить своему премьеру, — осторожно ответил Уайт, — что и нам крайне неприятны эти беспорядки, что мы надеемся вскоре справиться с ними, однако у нас нет таких механизмов контроля над массовой информацией, какими располагает он.

Китаец вежливо поклонился.

— Моя страна также требует, чтобы на Послание, полученное вами с Капеллы, вы не отвечали ни сейчас, ни в будущем.

— Благодарю вас, господин посол, — ответил Уайт, но не успел он повернуться к Макдональду, как место одного лица тут же заняло другое.

— Советский посол, — провозгласил Джон.

— Советский Союз весьма обеспокоен утаиванием этого Послания, — бесцеремонно заявил русский. — Я уполномочен сообщить, что мы также получили его и сейчас готовим ответ. Вскоре об этом будет сообщено.

Экран опустел.

— Конец, — сказал Уайт.

Экран погас.

Уайт положил ладони на стол. Это был солидный рабочий стол, а не какой-то монумент, как у него в Белом доме, и президент чувствовал, что мог бы тут работать. Сидя за

столом Макдональда, он представлял, что они поменялись ролями и что он теперь здесь шеф.

— Ни один человеческий язык, — продолжал Макдональд, словно его перебили на середине фразы, — не чужд так, как язык капеллан, ни одна человеческая вера не чужда так, как вера капеллан.

— Мне кажется, вы знали о русских и китайцах, — заметил Уайт.

— Родство по линии науки ближе, чем по месту рождения или языку.

— Откуда они узнали о Послании?

Макдональд развел руками.

— Слишком много людей знали об этом. Если бы я предполагал, что нам запретят сообщать это по обычным каналам, что возникнут какие-то проблемы с ответом, то не собирал бы столько людей в момент нашего триумфа. Но, как теперь ясно, невозможно было бы совершенно утаить эту информацию. Мы были не секретной программой, а научной лабораторией, обязанной делиться со всем миром. У нас даже бывали по обмену русские и китайские ученые. В конечный период...

— Никто не думал, что вам удастся... — вставил Уайт.

Макдональд удивленно посмотрел на него. Впервые Уайт видел удивленного директора Программы.

— Тогда почему же нас финансировали? — спросил Макдональд.

— Я не знаю, зачем начали Программу, — сказал Уайт. — Я не углублялся в ее историю, да и не там нужно искать ответ. Подозреваю, что ответ очень напоминает прочие наши причины последних лет: это было нечто такое, чем ученые хотели заниматься, и никто не видел в этом ничего плохого. В конце концов мы ведь живем во времена благосостояния.

— Общественного благосостояния, — уточнил Макдональд.

— Благосостояния вообще, — отмахнулся Уайт. — Наша страна, как и другие, одни раньше, другие позже, реализует сознательную политику ликвидации нищеты и несправедливости.

— Задача правительства — «стремление ко всеобщему благосостоянию», — произнес Макдональд.

— Кроме того, это и цель политики. Нищета и несправедливость — это несчастья, которые можно терпеть в мире, обреченном на несчастья. Однако они становятся нетерпимы в технократизированном обществе, основанном на сотруд-

ничестве, в котором насилие и беспорядки могут уничтожить не только город, но даже саму цивилизацию.

— Разумеется...

— Поэтому, сделав резкий поворот, мы поставили перед народом задачу ликвидации нищеты и выполнили эту задачу. Возникла стабильная общественная система, гарантирующая каждому определенный годовой доход и свободу заниматься примерно тем, что ему нравится, за исключением неконтролируемого размножения и нанесения вреда ближним.

Макдональд покивал.

— Это движение в сторону благосостояния — главное достижение последних десятилетий.

— Вот только мы уже не называем это благосостоянием. Это демократия, система, общественный порядок, принадлежащий людям. С чего вы взяли, что наука не является частью этой системы?

— Наука рождает перемены, — сказал Макдональд.

— Не рождает, если не добивается успехов, — ответил Уайт. — Или же добивается их в неких ограниченных областях, вроде Программы исследования космического пространства. Бог свидетель, Программа казалась нам совершенно безобидной. Разумеется, она должна была входить в программу благосостояния и расходование общественных средств на ее поддержание в течение стольких лет составляло долю ученых — чтобы им было чем заниматься и чтобы они ничего не испортили. Понимаете, едва ли не основной задачей любой власти является забота о постоянстве условий, подавление беспорядков и поддержание самой себя, а этого проще всего добиться, предоставив каждому возможность делать что ему угодно... лишь бы ничего не менялось. И не говорите мне, что вы об этом не догадывались и не использовали этого.

— Нет, — сказал Макдональд. — То есть... да. Пожалуй, да. Я знал, что если мы начнем причинять беспокойства, то получить деньги будет проще. Пожалуй, я понимал это, не признаваясь самому себе. Но сейчас вы хотите вообще ликвидировать нас.

— Но не сразу, — мягко заметил Уайт. — Начинайте постепенно сворачивать паруса, делайте вид, что готовите ответ. Ищите новые Послания, начните где-нибудь новую программу, чтобы чем-то заняться. Поработайте головой и придумайте, что надо делать.

Уайт знал, что война с нищетой еще не выиграна. Джон думал, что победа уже достигнута и можно сложить оружие,

а это означало дезертирство. Именно так Уайт и назвал Джона — дезертиром.

Благосостояния мало. Слишком много черных удовлетворяются гарантированным годовым доходом и не желают или боятся выступить за что-то большее.

Их нужно обучить, ими нужно управлять, показать пример таких, как он сам, каким мог бы стать Джон, если бы занялся политикой. О, примеры бы нашлись, ведь есть черные ученые, черные врачи, черные художники, даже черные участники Программы. Но их слишком мало: цифры снова и снова говорили, что неравенство — это факт.

Он управлял кораблем страны благосостояния, но сомневался, что благосостоянием купит Джона.

Макдональд погрузился в раздумья, словно взвешивая что-то. «Может, он тоже думает поясницей, как Тэдди и я?» — подумал Уайт.

— Я прожил жизнь, стремясь к правде, — наконец сказал Макдональд, — и не могу теперь лгать.

Уайт вздохнул.

— Тогда нам придется подыскать того, кто может.

— Ничего не выйдет. Научная общественность ответит так же, как и любое притесняемое меньшинство.

— Нам нужен покой.

— В мире техники, — ответил Макдональд, — перемены неизбежны. Вам придется согласиться с тем, что покой — это умеренные перемены в определенных границах.

— Но перемены, которые несет в себе Послание, нельзя ни рассчитать, ни удержать в каких-то границах.

— Это потому, что вы не дали нам удержать их — не нравится мне это определение! — в определенных границах, не позволили передать людям нашу правду, объяснить ее так, чтобы они взглянули на это, как на приключение, на обещание, на дар разума, сознания или информации, а также еще не родившихся чувств... Кроме того, откуда вам знать, в чем будет нуждаться мир или наша страна через девяносто лет?

— Девяносто лет? — Уайт неуверенно рассмеялся. — Я не заглядываю дальше ближайших выборов. При чем здесь девяносто лет?

— Именно столько лет пройдет, прежде чем наш ответ достигнет Капеллы и вернется обратно, — сказал Макдональд. — Это я и имел в виду, говоря о наследстве для моего сына... и сына моего сына. Ведь еще до того, как наш ответ

дойдет до Капеллы, нас обоих уже не будет в живых, господин президент. Большинство живущих сейчас людей будут в могиле, ваш сын станет пожилым человеком, а мой проживет половину жизни. Когда же мы вновь получим сообщение с Капеллы, буквально все живущие сейчас умрут. То, что мы делаем, мы делаем не для себя, а для будущих поколений. Мы оставляем им в наследство, — мягко закончил Макдональд, — послание со звезд.

— Девяносто лет, — повторил Уайт. — Что же это за диалог?

— Как только люди все поймут, — уверенно продолжал Макдональд, — беспокойство исчезнет. Страх, гнев, ненависть, недоверие не живут долго. Вечен только покой, и покой вернется к обществу с неуловимым предчувствием чего-то приятного, ждущего нас в неопределенном будущем, как земля обетованная: не сейчас, не завтра, но когда-нибудь наверняка. А те, что угрожают покою, — от народов до индивидуумов — сознательно угрожают ясному, счастливому будущему и потому исчезнут.

Уайт еще раз окинул взглядом кабинет, небольшую суровую комнату, в которой некий человек работал двадцать лет, оставляя после себя совсем мало следов. «Возможно, — подумал он, — Макдональд оставил следы где-то еще: в людях, идеях, в Программе, в звездах». При этом Уайта непрерывно мучило беспокойство, шепчущее ему, что он не прав, мучила жалость ко всем и надежда, что это не потому, что он не интеллектуал, не потому его пугает эта идея, не потому он не может мыслить в категориях столетий...

— Я не могу рисковать, — сказал он. — Ответа не будет, а вы начинайте сворачивать Программу. Вы можете это сделать?

Президент встал, разговор был закончен.

Макдональд задумчиво поднялся.

— И ничто сказанное мной уже не изменит вашего решения?

Уайт покачал головой.

— Вы сказали все. Поверьте, вы сделали все, что в человеческих силах.

— Я знаю, какое наследство хочу оставить своему сыну, — сказал Макдональд. — А какое наследство хотите вы оставить своему?

Уайт печально посмотрел на него.

— Это нечестно. Я делаю то, что должен. А вы сделаете то, что должны?

Макдональд вздохнул. Уайт почти видел, как жизнь покидает его, и ему стало еще тоскливее.

— Дайте мне возможность самому управиться с этим, — сказал Макдональд. — Мы будем изучать Послание, угадывать его содержание. Постепенно я изменю направление прослушивания.

— Вы хотите пересидеть меня? — спросил Уайт. — Надеетесь, что с моим преемником будет легче?

— Наши масштабы времени сильно отличаются. Программа может и подождать.

— Я еще верю в перемены, — сказал Уайт, — но мой преемник не будет верить ни во что, а его преемник захочет вернуться к старому. — Он с сожалением пожал плечами и протянул руку на прощание, машинально защищая ее так, как научила его предвыборная кампания. — Но, возможно, ваше предложение — самое лучшее. Я согласен на надежду, на существование Программы и на работу ваших людей. Но не посылайте — я подтверждаю это еще и письменно, хотя ваш компьютер все записал, — не высылайте ответа. У меня есть свои люди в Программе, и они получают точные инструкции.

Макдональд поколебался, потом пожал руку Уайта.

— Простите меня, — сказал он.

Уайт не знал, за что извиняется Макдональд. Может, за то, что вынужден надзирать за изменой Программе, или за то, что должен предать себя и идеалы своей страны. А может, он извинялся перед всем человечеством за то, что больше не получит посланий со звезд, или перед капелланами за то, что они не получают ответа на свое полное надежд Послание... Возможно, он извинялся за все это сразу.

— Однако, — сказал вдруг Уайт, — я не спросил вас, что бы вы ответили, если бы получили разрешение.

Протянув руку, Макдональд взял со своего стола последний лист бумаги и подал его Уайту.

— Это очень простая, очень очевидная... — антикриптограмма. Даже не очень оригинальная. Нечто подобное предлагал Бернард Оливер более пятидесяти лет назад. Это попытка сообщить капелланам то же самое, что они сказали нам; кто мы, где живем, как называемся, как размножаемся, как мыслим...

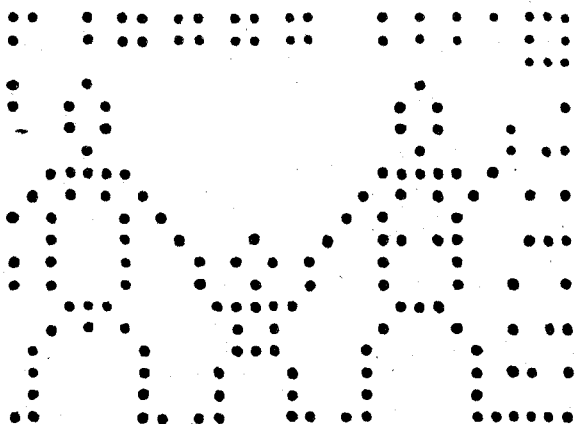
Уайт посмотрел на листок.

— Вы держите его боком, — подсказал Макдональд. — Нам пришлось развернуть это в другую сторону для сохранения тех же размеров сетки.

Уайт повернул лист и несколько секунд смотрел на него. Потом рассмеялся.

— Что в этом смешного? — спросил Макдональд.

Смех Уайта оборвался так же внезапно, как и начался. Президент вытер глаза и нос платком.

— Простите, — извинился он. — Я смеялся не над ответом. Я не понимаю даже половины того, что тут есть, но это явно отец, мать и сын, то есть ребенок, и капеллане никогда в жизни не узнают, белые они или черные.

Что он скажет Джону, когда вернется в Вашингтон? Что велел великому человеку спрятать свое величие в карман и разрушить построенное? Он знал, как это подействует на Джона и на их отношения. С одной стороны, он провозглашал веру в дар руководства революцией, а с другой — отвергал подобный дар у других.

«Ты видишь только свое, — скажет Джон, — и слеп к тому, что видят другие».

И что он ему ответит? А если Джон прав? Что если роль предводителя революции кончилась и теперь ее тяжесть лежит на простом человеке? Если борьба идет сегодня за очередное возвышение великой личности, за очередное освобождение ее от общества? Что сказал ему Джон? Что он пытался забыть, но не мог?

«Политика умерла, отец, — сказал Джон. — Неужели ты не понимаешь? Как ты думаешь, почему тебе позволили стать президентом? Твой пост уже не имеет никакого значения!»

— Мак! Мак! — зывали динамики в углах кабинета.

— Слушаю, Олли, — отозвался Макдональд.

— Джон Уайт только что подсказал идею относительно Послания, — сказали динамики. — Я знаю, что ты занят, но, по-моему, это не должно ждать.

— Ничего страшного, — сказал Макдональд, вопросительно посмотрев на Уайта. — Мы как раз закончили.

Казалось, эти слова еще звучали в воздухе, когда в кабинете оказался плотный рыжеватый блондин средних лет. По пятам за ними следовал Джон.

— Ольсен, — сказал Макдональд, — это...

— Я знаю, — ответил блондин. — Господин президент, — он поклонился, на мгновение обуздав волну своего энтузиазма. — Это подходит, как последний фрагмент головоломки.

Уайт смотрел на сына. Джон был явно доволен и взволнован, однако не торопился говорить.

— Твоя идея? — недоверчиво спросил Уайт. — Правда твоя?

Джон кивнул.

— Да.

— Скажи им, — обратился Ольсен к Джону.

— Лучше ты, — ответил Джон.

Ольсен вновь повернулся к Макдональду.

— Символы двух солнц различны, верно? — быстро сказал он и не стал ждать ответа. — От солнца в правом углу отходит единичный знак, а внизу слева у солнца по два знака с каждого угла, как лучи. Слово слева вверху и слово внизу правее нижнего солнца предположительно означают «солнце».

— Да, — сказал Макдональд, переводя взгляд на Уайта, а затем вновь на Ольсена.

— А соседний символ снизу мы интерпретировали как «второе солнце», «большее солнце» или «более горячее солнце». Я как раз показывал его Джону, а он вдруг и говорит: «Может, это не просто описание. Может, это ответ на еще один вопрос. Может, они хотели передать нам, что с ними происходит. Может, это дальнее солнце усиливает мощь своего излучения, посылая больше тепла и, возможно, становясь Новой».

— Что это значит? — спросил Уайт.

Вопрос он адресовал всем, но смотрел только на Джона. Президент вдруг осознал, что в голосе его непонятно почему прозвучало беспокойство, и подумал, что преобразование солнца на небе означает поспание основы основ и вызывает

страх. Он попытался представить, что было бы на Земле, если бы Солнце стало светить все ярче, делаться все горячее. Что сделали бы тогда люди? Рассказали бы о себе иным разумным расам Вселенной или спрятали бы головы в песок?

— ...что может объяснять шлемы, если это шлемы. — говорил Макдональд. — Может, они вынуждены носить их, а также защитные костюмы, когда выходят на поверхность. Для защиты от жары.

— Простите, — сказал Уайт. — Что вы сказали?

— Рост температуры дальнего солнца, — говорил Макдональд, — не должен причинять им особых хлопот. Но теперь и их солнце — солнце, вокруг которого кружит их планета-гигант, — тоже выказывает признаки превращения в Новую.

— Они погибнут, — сказал Уайт.

— Да, — подтвердил Макдональд.

Уайт вдруг осознал, что, Макдональд совершенно уверен в этом, как уверен мужчина по фамилии Ольсен, что Джон тоже не сомневается и вообще все они свято верят в это и оплакивают капеллан, словно те были их друзьями. А может, и были... Макдональд жил, ожидая их появления почти двадцать лет, и когда наконец нашел и понял, оказалось, что их ждет гибель.

— В Послании нет ни слова о попытке спасения. Шлем, если это шлем, убеждает в том, что они смирились с существующими условиями, — говорил Макдональд. — Космические корабли могли бы спасти хотя бы немногих, — продолжал он, — ибо, окруженные всеми этими спутниками планеты-гиганта, они наверняка развивали технику космических полетов, но в Послании не говорится ни о каких кораблях. Может, их философия требует смириться с судьбой...

— Они погибнут, — повторил Уайт.

— Это меняет дело, — сказал Джон. — Ты чувствуешь это, правда, отец?

— Мы не можем отправиться к ним так же, как они не могут прилететь к нам, — сказал Макдональд. — Мы не можем им помочь, но можем сообщить им, что они жили не напрасно, что их последнее усилие, направленное на установление связи, дало результат, что кто-то знает о них, кого-то они волнуют, кто-то желает им добра.

Он взял листок бумаги со стола, куда положил его Уайт, нашел толстый фломастер и над головой ребенка дорисовал голову и плечи капелланина, рука об руку с людьми.

Глядя на рисунок, Уайт задавал себе вопрос и чувствовал поясницей, каким должен быть ответ. Общественное мнение

примет это Послание, люди обрадуются ответу, такой контакт расширит горизонты их воображения и разума, сблизит людей еще больше, добавит им смелости и веры в себя.

— Да, — сказал он. — Отправляйте ответ.

Позднее, стоя с Джоном перед выходом из здания, он понял, что Джон нарочно тянет с отъездом.

— В чем дело, сын? — спросил он.

— Я бы хотел остаться здесь на какое-то время, — сказал Джон. — Хотел бы понять, что нужно сделать, чтобы навсегда остаться в Программе, чтобы пригодиться для чего-то. — Он колебался и добавил: — Если ты согласен, папа.

Холодная рука стиснула грудь Уайта, а потом исчезла, как тающий лед.

— Конечно, сынок, — сказал он, — если ты хочешь.

Через мгновение Джона уже не было рядом с ним, а Уайт устремил взгляд туда, где на фоне ночного неба медленно вращалась чаша радиотелескопа, словно прожектор, готовый вспыхнуть, пронзить ночь светом и пробиться к звездам.

Вскоре ответ на Послание с этих звезд волна за волной начнет свой долгий путь к далекой планете. А если не с этой антенны, то с какой-нибудь другой. Он представил себя свидетелем отправки первой волны и попытался добиться от своей поясницы ответа, верно ли поступил, однако уверенности не было. Уайт надеялся, что сделал все хорошо — хорошо для Джона, для черных соплеменников, хорошо для своей страны, для нынешнего и будущего человечества, хорошо для разумной жизни всегда и везде...

Взгляд его уходил все дальше в бесконечность, где жили иные существа, невероятно отличные от него, и ему казалось, что они говорят: «Браво, Эндрю Уайт».

Работа Компьютера

Будут ли существа с иной планеты жаждать нашего золота или других редких элементов? Будем ли мы нужны им как скот или невольники? Пожалуй, нет, учитывая астрономическую стоимость перевозок между солнечными системами. Ни одной цивилизации, способной преодолевать межзвездные расстояния, мы не будем нужны в качестве пищи или источника сырья, ибо гораздо проще получать это с помощью синтеза на месте. Единственным товаром, окупаю-

щим перевозки с планеты на планету, является информация, но ее можно передавать по радио...

РОНАЛЬД Н. БРЭЙСУЭЛЛ, 1962

Одной из важнейших причин завоевания Нового Света была миссия обращения туземцев в христианскую веру — мирным путем, если получалось, и силой, если нет. Можно ли исключить возможность космического евангелизма? Хотя американские индейцы не годились для каких-либо конкретных целей при дворах Испании и Франции, их все-таки привозили туда из соображений престижа... А может, люди обладают каким-то редким талантом, о котором не подозревают?... Даже если высокоразвитая внеземная цивилизация сможет скопировать какой-либо организм или предмет, произведенный на Земле, оригинал и дубликат никогда не будут идентичны... Можно ли, наконец, исключить еще более мрачные побуждения? Не захочет ли какое-нибудь внеземное сообщество остаться в одиночестве на вершине галактической власти и не приложит ли все усилия, чтобы уничтожить возможных соперников? И не поступит ли оно в соответствии с «реакцией на таракана» — растоптать иное существо просто потому, что оно иное...

КАРЛ САГАН, 1966

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ,
СОМБРЕРО, ВИХРЬ,
НАША ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ГАЛАКТИКА
И ОГРОМНАЯ СПИРАЛЬ АНДРОМЕДЫ
ЕДИНСТВЕННАЯ
(НЕ ГОВОРЯ О NGC 819)
СРЕДИ МИЛЛИАРДОВ.
ЧЕРНЫЙ ГЛАЗ, ТЕТА ОРИОНА,
НЕ ТОЛЬКО ЗВЕЗД
И ШАРОВАЯ ТУМАННОСТЬ МЗ
БЕЗ СЧЕТА,
(НЕ ГОВОРЯ О NGC 253)
НО И ГАЛАКТИК —
ПЛЕЯДЫ, ГИАДЫ,
ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ, СПИРАЛЬНЫХ,
РАЩЕЛИНА, КВИНТЕТ СТИВЕНА
СПИРАЛЬНЫХ С ПЕРЕТЯЖКОЙ, ШАРОВЫХ,
(НЕ ГОВОРЯ О СКОПЛЕНИИ ЗС295)
КРУПНЫХ СКОПЛЕНИЙ

ГЕРКУЛЕС, КОСА ДЕВЫ,
ЗВЕЗД
БОЛЬШОЕ И МАЛОЕ МАГЕЛЛАНОВЫ ОБЛАКА
БЕЗ
(НЕ ГОВОРЯ О NGC 3190,
СЧЕТА.
7331, 1300, 5128, 2362, 4038, 4039, 3193, 3187...)

ПРОИЗВОДИТЕЛИ УСТРОЙСТВ ДЛЯ «ТЕАТРА
ЗРИТЕЛЯ» ВЫБРОСИЛИ СЕГОДНЯ НА РЫНОК ДО-
МАШНЮЮ МОДЕЛЬ АППАРАТУРЫ, РАСПОЛАГАЮ-
ЩЕЙ БОЛЬШИНСТВОМ РЕАКЦИЙ, ДОСТУПНЫХ
КОММЕРЧЕСКИМ МОДЕЛЯМ. АППАРАТ ЗАНИМАЕТ
ОБЪЕМ НЕБОЛЬШОЙ ВАННОЙ И ПРОДАТЕСЯ ВСЕГО
ЗА 50000 ДОЛЛАРОВ.

Отис не мог отвести взгляда от этого лица. Рот был без-
зубым и видимо, более приспособленным для сосания, чем
для жевания. А его глаза! Торча как половинки гантелей по
обе стороны черепа там, где должны были находиться уши,
они смотрели на него и, приглядевшись, Отис заметил под
этими глазами маленькие уши, почти скрытые складками
шей...

Х. Б. ФАЙФ, 1951

Интеллект действительно может быть фактором, создаю-
щим обособленные группы королей философии, которые в уда-
ленных уголках неба делятся друг с другом накопленной мудро-
стью. С другой стороны, интеллект может быть злокачественным
образованием бессмысленной технической эксплуатации, экс-
пандирующим по Галактике, как экспандирует он по нашей
планете. Предполагая умеренные скорости космических поле-
тов, метастазы этого технологического рака разошлись бы по
всей Галактике в течение нескольких миллионов лет, то
есть очень быстро в сравнении с жизнью планеты.

Наши детекторы, разумеется, обнаружат цивилизацию
техническую, но необязательно разумную в чистом смысле
этого слова. Действительно, может оказаться так, что общество,
которое мы рано или поздно обнаружим, будет представлять
технику одичавшую, обезумевшую, истачивающую его, по-
добно раку, скорее, нежели технику, подверженную полно-
му контролю и служащую рациональным потребностям вы-

сокой цивилизации. Не исключено, что действительно разумное общество может уже не испытывать потребности и не высказывать интереса к технике. Наша задача как ученых состоит в том, чтобы изучить Вселенную и выяснить, что в ней скрывается. А то, что в ней скрывается, может либо отвечать нашему понятию моральности, либо нет... Приписывать иным существам великий разум и миролюбие так же ненаучно, как приписывать им иррациональные и преступные инстинкты. Мы должны быть готовы и к тому и к другому и соответственно строить наши исследования...

ФРИМЕН ДЖ. ДАЙСОН, 1964

В непосредственном столкновении со стоящими выше нас существами с иной планеты вожжи выпали бы у нас из рук и мы остались бы, как сказал мне однажды один печальный шаман, «без мечты», то есть без наших интеллектуальных и духовных стремлений, внезапно ставших пережитками; другими словами — совершенно парализованными...

КАРЛ ГУСТАВ ЮНГ, начало двадцатого столетия

Что если бы все цивилизации Галактики занимались исключительно приемом, и никто бы не передавал межзвездных радиосигналов?..

И. С. ШКЛОВСКИЙ, 1966

СПУСТЯ ПЯТЬДЕСЯТ НЕДЕЛЬ «МАЛЬЧИК С ПТИЦЕЙ» ПО-ПРЕЖНЕМУ ЗАНИМАЕТ ПЕРВОЕ МЕСТО В СПИСКЕ БЕСТСЕЛЛЕРОВ. ПРАВДА, РЕАКЦИЯ КРИТИКИ БЫЛА НЕОДНОЗНАЧНОЙ, ПОСКОЛЬКУ ОДНИ РЕЦЕНЗЕНТЫ НАЗВАЛИ РОМАН «ХУДШЕЙ КНИГОЙ ЭТОГО И ЛЮБОГО ДРУГОГО ГОДА», А ДРУГИЕ ОКРЕСТИЛИ ЕГО «РОМАНОМ ВСЕХ ВРЕМЕН» И «УБЕДИТЕЛЬНЫМ ОПИСАНИЕМ СТРАСТЕЙ ЧУЖИХ». КАК БЫ ТО НИ БЫЛО, ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ ОТРЕАГИРОВАЛИ ЕДИНОДУШНО — ОНИ БЕЗ УМА ОТ КНИГИ.

КАК СООБЩИЛО СЕГОДНЯ МИНИСТЕРСТВО ЭКОНОМИКИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ БРУТТО ДОСТИГ ВЧЕРА СТОИМОСТИ 4,5 МИЛЛИАРДА ДОЛЛАРОВ. МИРОВОЙ ПРОДУКТ БРУТТО СОСТАВИЛ ОКОЛО 28 МИЛЛИАРДОВ ДОЛЛА-

РОВ, ПОЧТИ ДЕСЯТИКРАТНО ПРЕВЗОЙДЯ ЦИФРУ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ. РЕШЕНИЕ МНОГИХ ПРОБЛЕМ, ТЕРЗАВШИХ МИР ПОЛВЕКА НАЗАД, МИНИСТЕРСТВО СВЯЗЫВАЕТ СО СТРЕМИТЕЛЬНЫМ РОСТОМ МИРОВОГО ПРОДУКТА БРУТТО, ДОСТИГНУТЫМ БЛАГОДАРЯ АВТОМАТИЗАЦИИ, ТЕРМОЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ, ШИРОКОМУ ПРИМЕНЕНИЮ КОМПЬЮТЕРОВ И КИБЕРНЕТИКИ, А ТАКЖЕ НОВЫМ МЕТОДАМ ОБУЧЕНИЯ.

Возможно, эти кошмары вполне реальны. Или же факт их воображения нами лишь предсказывает долгий путь, который нам предстоит пройти, чтобы стать полноправными членами галактического сообщества. Однако в обоих случаях возврата нет. Нет смысла хранить межзвездную радиотишину: сигнал уже передан. В сорока световых годах от Земли летит среди звезд известие о новой технологической цивилизации. Если какие-либо существа изучают там свои небеса в поисках новых цивилизаций, они узнают о нас, хорошо это или плохо. Если межпланетные полеты — обычное явление для развитой технической цивилизации, можно ожидать посланников, вероятно, в ближайшие несколько сотен лет. Будем надеяться, что тогда еще будет существовать и процветать земная цивилизация, которая встретит гостей с далеких звезд...

КАРЛ САГАН, 1966

ГОЛОВИЗОРЫ, ДО СИХ ПОР ДОСТУПНЫЕ ЛИШЬ ДЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ОЧЕНЬ БОГАТЫХ ЛЮДЕЙ, НЫНЕ ВЫПУСКАЮТСЯ В ФОРМЕ, ПРИГОДНОЙ ДЛЯ УСТАНОВКИ В КВАРТИРЕ И ПО ЦЕНЕ, ДОСТУПНОЙ ДЛЯ СРЕДНЕГО ГРАЖДАНИНА. ПОДОБНО СВОИМ БОЛЕЕ КРУПНЫМ И ДОРОГИМ ПРЕДШЕСТВЕННИКАМ, СЕГОДНЯШНИЙ ГОЛОВИЗОР, НАЗВАННЫЙ ТАК «ДЖЕНЕРАЛ ЭЛЕКТРИК», РАБОТАЕТ БЕЗ КИНЕСКОПА, СОЗДАВАЯ ВИДИМОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ ВОЗБУЖДЕНИЯ ЧАСТИЧЕК ВОЗДУХА ПЕРЕД СКРЫТЫМ ПРОЕКТОРОМ. ЭФФЕКТ ТАКОВ, СЛОВНО ГЕРОЙ ИЛИ СЦЕНА НАХОДЯТСЯ В ПРЯМО НАШЕЙ КОМНАТЕ. СПЕЦИАЛИСТЫ ПРЕДСКАЗЫВАЮТ, ЧТО ГОЛОВИДЕНИЕ ЗАХВАТИТ ВСЕ ПРОГРАММЫ, КАК ТОЛЬКО ДОСТАТОЧНОЕ ЧИСЛО АППАРАТОВ СОЙДЕТ С МОНТАЖНЫХ КОНВЕЙЕ-

РОВ. ТОЧНО ТО ЖЕ ПРЕДСКАЗЫВАЛОСЬ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ ОТНОСИТЕЛЬНО РАДИО, А СЕЙЧАС МЫ ЯВЛЯЕМСЯ СВИДЕТЕЛЯМИ ЗАСЛУЖИВАЮЩЕГО ВНИМАНИЯ ВОСКРЕШЕНИЯ РАДИО...

Даже предполагая, что энергию процесса ядерного синтеза удастся использовать со стопроцентной эффективностью, по-прежнему будут нужны шестнадцать миллиардов тонн водородного топлива для ускорения десятитонной капсулы до скорости в девяносто девять процентов световой и еще шестнадцать миллиардов тонн для торможения ее у цели... Даже с идеальным топливом — антиматерией — мое гипотетическое путешествие потребует четырехсот тысяч тонн топлива — материи и антиматерии пополам... Вы скажете, что это абсурд. Совершенно верно, абсурд. Но не забывайте, что выводы наши основываются на элементарных законах механики...

ЭДВАРД М. ПАРСЕЛЛ, 1960

Элегантный по идее способ обойти эти трудности подсказал американский физик Роберт В. Бассард... струйный межпланетный двигатель, использующий атомы межзвездной материи и как рабочий поток (они дают массу), и как источник энергии (термоядерная реакция)...

КАРЛ САГАН, 1966

Тысячетонному космическому кораблю для достижения конечной скорости понадобилась бы входная дюза диаметром восемьдесят миль. Это очень много по обычным нормам, но с другой стороны, что ни говори, а межпланетное путешествие само по себе предприятие выдающееся...

Р. В. БАССАРД, 1960

В обычном межзвездном пространстве, с одним атомом водорода на сантиметр кубический, траловая система должна была бы иметь диаметр в две тысячи пятьсот миль. Возможно, звездолет передвигался бы прыжками от одного пылевого облака до другого... Межпланетные корабли могут стать реальностью в течение нескольких ближайших столетий. Можно даже ожидать, что если межпланетные космические полеты будут технически возможны, хотя и очень

дороги и трудновыполнимы с нашей точки зрения, они все равно будут осуществлены...

ФРИМЕН ДЖ. ДАЙСОН, 1964

Золотистое зарево разгоралось, вытесняя зеленое сияние от пола до потолка, заставляя вспыхивать всевозможные стекла и стеклышки. Оно горело как золотое, все более светлеющее небо. Становясь вездесущим, невыносимым, оно не оставило ни одного уголка тьмы, где можно было бы скрыться, ни одного убежища для маленьких созданий. Оно пылало, как восходящее солнце, и сияние его запустило в разумах съжившихся наблюдателей безумную карусель...

ЭРИК ФРЭНК РАССЕЛ, 1947

О, КАПЕЛЛА, О, КАПЕЛЛА,
ГОЛОСОВ СО ЗВЕЗД КАПЕЛЛА,
ВЕСЕЛИМСЯ ОТ ДУШИ МЫ,
ЧТО НЕ ОДИНОКИ.
НАШИ БРАТЬЯ В ТОМ ПРОСТОРЕ
С НИМИ ПЕТЬ ХОТИМ МЫ В ХОРЕ,
НО ПРИХОДИТСЯ ОДНИМ.
МЫ СЛОВА ДАЕМ, ВЫ — НОТЫ,
НО УЖ СЛИШКОМ ВЫ ДАЛЕКИ.
АХ, КАПЕЛЛА...

САМЫЕ КРУПНЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ МОЩНОСТИ ВСЕХ ВРЕМЕН ПРИСТУПИЛИ СЕГОДНЯ К РАССЧИТАННОМУ НА ДЕСЯТЬ ЛЕТ СООРУЖЕНИЮ ПЛОТИНЫ, ПЕРЕГОРАЖИВАЮЩЕЙ ГИБРАЛТАРСКИЙ ПРОЛИВ. ПОСЛЕ ВОЗВЕДЕНИЯ ПЛОТИНЫ УРОВЕНЬ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ ПОДНИМЕТСЯ, ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТКОВ ЛЕТ ВОДА В НЕМ СТАНЕТ ПРЕСНОЙ И, ПРОХОДЯ ЧЕРЕЗ ГИДРОЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ ГЕНЕРАТОРЫ, БУДЕТ ПОСТАВЛЯТЬ ЭНЕРГИЮ ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ ЦЕЛЕЙ, ВКЛЮЧАЮЩИХ ПЕРЕКАЧИВАНИЕ ВОДЫ ДЛЯ ОРОШЕНИЯ САХАРЫ, А ТАКЖЕ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ПРИ ТАКОМ СЛОЖНОМ СТРОИТЕЛЬНОМ ПРЕДПРИЯТИИ, КАКИМ ДОЛЖНА БЫТЬ ПЛОТИНА, НЕИЗБЕЖНО ВОЗНИКНУТ ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ. СПЕЦИАЛИСТЫ В ЭТИХ ОБЛАСТЯХ ПРИШЛИ К ВЫВОДУ, ЧТО ТОЛЬКО В МИРНОЕ, КАК СЕЙЧАС, ВРЕМЯ МОЖНО ДОСТИЧЬ СОГЛАШЕНИЯ...

Завершение синусоидального цикла развития с его взлетами и падениями может наконец произойти благодаря установлению контакта с более развитой цивилизацией, которая уже достигла стабильности...

ФРЕД ХОЙЛ, 1963

Условия двухтысячного года могут привести к ситуации, когда иллюзии, благие намерения и даже явно иррациональное поведение невероятно усилятся по сравнению с прежними временами. Такое иррациональное, направленное на самоудовлетворение поведение весьма вероятно в ситуации, когда индивидуум находится под чрезмерной защитой и лишен постоянного и объективного контакта с действительностью. Возьмем, к примеру, людей, наверняка многочисленных, которым работа обеспечивает основной контакт с действительностью. Если мы лишим их работы или удалим из нее важные элементы, связь этих людей с действительностью ослабнет. Результат — индивидуальный или всеобщий — может проявиться в таких формах, как политический раздел, разрушение семей и личные трагедии, или в поисках неких «гуманистических» ценностей, признаваемых многими бесполезными и даже иррациональными...

ГЕРМАН КАН и ЭНТОНИ ДЖ. ВИНЕР, 1967

Представьте себе, что ответ на одно из ваших посланий должен прийти через сорок лет. Какое великолепное наследие для ваших внуков...

ЭДВАРД М. ПАРСЕЛЛ, 1961

V

Роберт Макдональд — 2058

*Бесчисленным эхом метался по дому
Путника крик...*

Роберт Макдональд терпеливо ждал корабль, который должен был перевезти его из Майами на Пуэрто-Рико. Времени у него было полно. Ничто уже не ждало его в Аресибо, кроме воспоминаний, так зачем же спешить? Nous n'irons

plus aux bois, les laurens sont coïpes*. Он вновь закинул удочку в чистую голубизну воды, вдыхая запах соли и морского бриза, и глядя, как белые паруса кораблей скрываются за горизонтом.

На следующий день, когда в воде под помостом билась на шнурке добыча, а в голове у Макдональда заканчивалась разработка новой внутренней программы компьютерного перевода мандаринского диалекта на сингальский, к помосту пристал тримаран с нейлоновым парусом, похожим на снежный сугроб, сброшенный на коричневую палубу. У самого борта стоял викинг в голубых джинсовых шортах. Он бросил Макдональду нейлоновую веревку.

— Можешь зацепить за этот кнехт, друг? — спросил он. Макдональд непонимающе уставился на него.

— Это такой столбик, друг, — невозмутимо продолжал мужчина.

Макдональд затянул двойной узел вокруг отполированного веревками кнехта. Медленно натягивая веревку, яхта замедлила свой дрейф вперед, остановилась и пошла к помосту.

— Спасибо, друг, — сказал матрос. — Чтоб ни одно из твоих посланий не осталось без ответа.

— Взаимно, — ответил Макдональд. — И ты плаваешь на всем этом один? — Он кивком указал на стройный корабль с широкой каютой на тройном корпусе, весь сверкающий белизной бортов, паруса и каюты, поблескивающий нержавеющей сталью мачт и матовым атласом тиковой палубы.

— Один с возможными пассажирами, — уточнил матрос.

Волосы у него на голове, лице, груди и ногах выцвели до цвета паруса, а там, где волос не было, кожа напоминала цветом палубу яхты.

— Да и один, если приходится. У меня на борту компьютер, который в несколько секунд ставит паруса, предсказывает шквалы, измеряет глубину, читает карту, держит курс и выслеживает рыбы стаи, если захочется рыбки.

— Скоро ты опять поплывешь на Пуэрто-Рико? — миμοходом бросил Макдональд.

— После полудня... сегодня... завтра... послезавтра... Как получится, — ответил матрос. Он посмотрел на Макдональда. — Давно ждешь? — мужчина легко спрыгнул на набережную.

* Мы не идем дальше в лес, вырублены лавровые деревья (французская пословица).

Макдональд пожал плечами.

— Пару дней.

— Извини, — сказал матрос. — У меня был пассажир из Аресибо, который слышал, что под Бермудами берут меч-рыбы, и мы заглянули туда.

— И вправду берут? — Макдональд оглядывал палубу, ища следы пассажира.

— Он зацепил одну с кормы и долго воевал с ней, пока не обрезал. Решил остаться и попробовать удачи с небольшой лодки. Кажется председатель какой-то компьютерной фирмы. «Ай-Би-Эм» ли, «Дженерал Электрик» ли, «Контрол Дейта» ли... в общем, одной из них.

— Низенький такой бодрячок с черной бородкой, лысеющий со лба? — спросил Макдональд.

— Точно, — ответил матрос. — Ты его знаешь?

— Это Фридман из «Ай-Би-Эм», — сказал Макдональд.

— Да, я его знаю.

Однако он не знал, что Фридман собирается на Пуэрто-Рико. Не нужно было большого ума, чтобы понять, почему он ничего ему не сказал.

— Правишь на Пуэрто-Рико? — спросил матрос.

Макдональд вновь пожал плечами.

— Десять дней как из Нью-Йорка, — сказал он, а мысленно добавил: «После двадцати лет движения в обратную сторону». — Велосипедом и автобусом.

Прежде это был самолет на всем пути.

— Если бы я спешил, то сел бы на самолет или хотя бы на паром.

Он заметил входящий в Бискайскую бухту паром с Пуэрто-Рико, окруженный фонтанами воды, разгоняемой в стороны воздуходувками. Он похож, мелькнула мысль, на огромную водорезку.

— Плюс-минус несколько дней погоды не делают.

— Тем более что нам всем предстоит ждать шестьдесят лет, — сказал матрос и протянул загорелую руку. — Джонсон, капитан «Пеквуда».* — Он улыбнулся, и выгоревшие брови слегка поднялись. — Смешное название для тримарана из Майами, правда? Когда-то я преподавал английский, и в этом причина моей любви к противоположностям. Как видишь, я не Ахав, не ищу белого кита и вообще, пожалуй, ничего не ищу.

* Peckwood (англ.) — здесь: «Выдолбленный из дерева». Название образовано объединением слов «to peck» — долбить и «wood» — дерево. (Напр. «woodpecker» — дятел). Джонсон, говоря о своей «любви к противоположностям», намекает на эту игру слов.

— Макдональд. — Он пожал протянутую руку с таким чувством, словно здоровался с самим морем. Потом улыбнулся. — Но ты можешь звать меня Исмаэль.

— Я уже слышал эту фамилию, — сказал Джонсон. — Макдональд, я имею в виду. Это не он был?..

— Да, — прервал его Макдональд, и печаль захлестнула его, как тошнота. Он быстро заморгал, чтобы сдержать слезы. Нет, он не боялся плакать в присутствии этого морского волка, но если бы была какая-то причина. Однако печалиться не было никаких оснований...

— Я узнаю, нет ли какого груза на Пуэрто-Рико, — сказал Джонсон. — Если да, то загрузим воду, провиант и — вперед.

— Это не горит, — крикнул ему вслед Макдональд.

И все-таки горело. Его жгло сейчас то, что до сих пор он в себе подавлял: он испытывал непреодолимое желание оказаться в Аресибо и кончить с ожиданием...

Его постоянно преследовал сон... даже, пожалуй, воспоминание, а не сон... что он просыпается один в большой кровати. В кровати матери, которая позволила ему туда забраться и прижаться к себе, мягкой и теплой, и так уснуть. Однако проснулся он один, кровать была пустой и холодной, и ему было страшно. В темноте он выбрался из кровати, стараясь не наступить на что-то страшное и не провалиться в какую-нибудь яму без дна, и, покинутый, перепуганный, побежал в темноте через холл к гостиной, крича: «Мама... мама... мама!» Перед ним замерцал огонек, небольшой огонек, разгоняющий мрак, и в этом свете сидела его мать, ожидая, когда отец вернется домой, и он почувствовал себя одиноким...

Двигаясь на юг, он встретил в Саванне девушку. Оба они хотели арендовать один и тот же велосипед — единственный на складе, кроме тандема, — и снисходительно спорили, кому этот велосипед нужен больше.

Действительно, оба они путешествовали одинаковым способом, велосипедом и автобусом по очереди, крутя педали, пока не надоедало, после чего возвращали велосипед и садились на автобус до ближайшего городка, где вновь могли поменять средство передвижения. Однако до сих пор путешествие проходило — по крайней мере для Макдональда — без приключений. Просто приятная прогулка по долинам и

холмам бескрайней страны, жители которой движутся с небрежной грацией и учтивостью. Ему это уже наскучило, и он испытывал удовольствие от спора с прелестной девушкой, спора, в основе которого лежал сексуальный подтекст. Ее звали Мэри, и Макдональд она понравилась с первого взгляда, что было довольно необычно, поскольку он почти всегда находил какие-нибудь пороки, перечеркивающие в его глазах любую девушку. У Мэри были черные волосы и огромные черные глаза, смуглая кожа, из-под которой пробивался слабый здоровый румянец, и округлая в нужных местах фигура, пружинистая, как у гимнастки.

— Слушай, — сказал он в конце концов с улыбкой, — а может, возьмем тандем и поедем вместе? — Но оказалось, что он едет на юг по трассе Нью-Йорк — Майами, а она на север по трассе Майами — Нью-Йорк.

— Нас соединила судьба, — сказал Макдональд.

Она улыбнулась, но ответила:

— Судьба и разделит.

Наконец пожилой агент сказал им:

— Скоро вечер, а ночью вы не поедете. Думаю, утром у меня появятся велосипеды. Один из вас может взять этот, а второй заглянет сюда завтра. Вы оба сможете выехать одновременно.

Макдональд поднял руки в шутливом отчаянии.

— Но кто будет первым, а кто вторым? Кто нас рассудит?

— Слушай, — сказала Мэри тем же соломониным тоном, как недавно Макдональд. — Поскольку одному из нас пришлось бы идти пешком, чтобы найти ночлег, давай возьмем тандем, поедем вместе к ближайшей гостинице и проведем ночь...

— Вместе... — с надеждой вставил Макдональд.

— И проведем ночь, а рано утром вернемся, возьмем два велосипеда и поедем каждый в свою сторону.

Так и сделали, и вскоре Макдональд уже катил по зеленым улицам Саванны с рюкзаком и спальным мешком на спине и с Мэри, устроившейся на заднем сиденье.

Гостиница была в старом стиле, уютная, наполненная запахами готовившегося на кухне ужина. Пухлый хозяин встретил их на пороге.

— Мы хотели бы... — начал Макдональд, поглядывая на Мэри.

— Две комнаты, — сказала она.

Лицо у хозяина было круглое, румяное и виноватое.

— Мне очень жаль, — сказал он, — но осталась всего одна свободная комната.

— Судьба, — тихо заметил Макдональд.

Мэри вздохнула.

— Хорошо, — сказала она. — Пусть будет эта комната.

Виноватое выражение на лице хозяина сменилось радостным.

Вечер был чудесен, а кухня хороша и обильна, что вполне устраивало аппетиты, разгулявшиеся после дня путешествия. И все, что они ели, все, что происходило, все, что они говорили и чего нет, все было окрашено сознанием того, что вскоре они вместе поднимутся наверх, чтобы провести там ночь.

— Угостим судьбу, как пристало ее королевскому величеству, — сказал Макдональд, заказывая после ужина вино, — а не как стучащего в дверь нищего в лохмотьях.

— Порой, — ответила Мэри, — судьбу трудно узнать, и еще труднее понять, чего она хочет.

— Судьбе угодно, чтобы все искали то, чего хочет сердце, — сообщил Макдональд.

— Но не обязательно нашли это, — добавила Мэри.

Мэри была искательницей. Она ехала изучать ксенопсихологию в университете Нью-Йорка, и когда Макдональд завел разговор о планах на будущее, горячка научного поиска покрыла румянцем ее лицо. Макдональду понравился ее запал.

— А что ты будешь делать в Майами? — спросила она наконец.

— Хочу сесть на корабль до Пуэрто-Рико, — ответил он.

— А там?

— Не знаю, — ответил он. — Наверное, похоронить призраки прошлого.

Позднее он с горьким разочарованием смотрел, как Мэри складывает на полу свой спальник.

— Но... — сказал он. — Я думал...

— Судьба ходит разными дорогами, — ответила девушка.

— Мы же оба взрослые, — запротестовал он.

— Да, — согласилась она, — и если бы то была просто случайная встреча, мы, вероятно, натешились бы ею и быстро забыли обо всем. Ты красивый мужчина, Роберт Макдональд, но кроме того, на тебе какое-то темное, беспокоящее пятно, которое ты должен убрать. К тому же у нас есть время, много времени.

Я мог бы завоевать ее, подумал он. Мог бы рассказать ей о своем прошлом и завоевать ее сочувствие, а потом и ее саму. Однако он не мог разговаривать на эту тему.

Утром он предложил вернуться с нею в Нью-Йорк, но девушка покачала головой.

— Езжай в свою сторону, — сказала она. — Отправляйся на Пуэрто-Рико и похорони своих призраков. А потом... если судьба снова приведет тебя в Нью-Йорк...

Они разъехались в разные стороны, увеличивая расстояние между собой, и Макдональд мыслями обратился к Пуэрто-Рико и прошлому.

— Бобби, — сказал отец, — ты можешь стать, кем хочешь, дойти, куда хочешь дойти, сделать все, что хочешь сделать... если только не будешь спешить. Ты можешь даже отправиться на другую планету, если хочешь и не торопишься туда попасть.

— Папа, — ответил он, — я хочу быть таким, как ты.

— Это единственное, чем ты не можешь быть, — сказал отец, — как бы долго ни ждал. Понимаешь, все люди разные. Никто не может быть таким, как другой человек. Да никто и не хотел бы стать таким, как я. Я не кто иной, как швейцар, слуга, привратник. Будь самим собой, Бобби. Будь собой.

— Ты будешь таким, как твой отец, Бобби, если захочешь, — сказала мать. Она была прекраснейшей женщиной на свете и, когда смотрела на него своими огромными черными глазами, ему казалось, что сердце его сейчас разорвется. — Он великий человек. Никогда не забывай этого, сынок.

— «Это безмозглый дурень с проблесками ума»*, — процитировал отец. — Твоя мать не совсем объективна.

Они с любовью посмотрели друг на друга, мать протянула руку, и отец взял ее ладонь.

Бобби почувствовал, как огромная ладонь сжимает ему грудь, с плачем подбежал к матери и бросился ей в объятия, не зная, почему плачет...

Плавание по Карибскому морю на запад — это путешествие через бескрайние просторы воды и неба, и только слабый шорох корпусов, рассекающих спокойные воды да редкий плеск волны напоминали, что они плывут по океану, а не по самому небосклону — и то и другое ничем друг от друга не отличалось. Макдональд обновлял свое прежнее знакомство с морем, с которым когда-то распрощался, думая, что никогда больше не захочет его видеть.

Они плыли с трюмом, полным компьютерных блоков и программных модулей, проходившие часы обозначало своим

* М. Сервантес. «Дон Кихот».

медленным движением по небу лишь солнце, и только раз предвечерний шквал нарушил гладкую, как зеркало, поверхность вод. Сначала они бежали от его фронта, а потом ушли в сторону, ведомые компьютером. Они ели и пили, если испытывали голод и жажду, и Макдональд ближе узнал Джонсона, профессора университета. Вконец измученный днями, капающими, как вода из протекающего крана, он скрылся в бесконечности и покое океана. И не жалел об этом.

У Макдональда было теперь время и желание обдумать монотонность своей долгой поездки на юг, прерванной лишь краткой интерлюдией в Саванне... А может, и это было продолжением той же монотонности? Страна была спокойна, мир тоже. Как океан. Все ждало... но чего?

Даже похожий на Нью-Йорк Майами больше напоминал деревню, чем город. Люди занимались своими обычными делами с неторопливой грацией. Не то чтобы они не могли шевелиться быстрее, если бы это требовалось: машины скорой помощи время от времени проносились по вызовам, почтовые экспресс-фургоны мчались по автострадам, да и люди порой торопились по каким-то особым делам. Однако в основном люди передвигались пешком, на велосипедах или электрических автобусах, которые не могли ехать быстрее двадцати пяти миль в час.

Они ждали. Чего?

— Чего ты ждешь? — спросил он Джонсона, когда долгим вечером они сидели, глядя на закат солнца. Соленные брызги раз за разом накрывали их, бутылки пива охладили ладони, а компьютер держал курс.

— Я? — лениво переспросил Джонсон. — Ничего. У меня есть то, чего я хочу.

Море с шипением проносилось под корпусами.

— Нет, — не сдавался Макдональд, — дело не в том, чего ты хочешь, а в том, чего ты ждешь. Весь мир ждет. Время замедлилось, мы ждем.

— Ах это! — сказал Джонсон. — Конечно, второго Послания. Ты же знаешь, что мы получили Послание от существ, живущих на планете, вращающейся вокруг одного из пары красных гигантов, — Капеллы. И послали им ответ, а теперь ждем, что скажут они.

— Это не может быть причиной, — сказал Макдональд.

— А вот и может, — ответил Джонсон и хлебнул из бутылки. — Мы не можем спешить, потому что нужно девятьдесят лет, чтобы наш ответ дошел до Капеллы, а их — до нас. Около тридцати лет уже минуло, так что осталось ждать еще шестьдесят. И мы не можем этого ускорить.

— А какая тебе разница? — спросил Макдональд. — Прежде чем ответ дойдет до нас, ты будешь в могиле или слишком стар, чтобы чем-то интересоваться. Да и я тоже.

— А что мне еще остается? — сказал Джонсон. — Я жду... и делаю пока то, что хочу. Торопиться некуда.

— А что может быть в этом Послании, чего стоило бы так долго ждать? — спросил Макдональд. — Какое это будет иметь значение для тебя, для меня, для кого-то другого?

В густеющих сумерках Джонсон пожал плечами.

— Кто знает?

Это было эхо прошлого.

Спустя две ночи и день тримаран подошел к пристани Аресибо, и к тому времени Макдональд свыкся с неторопливым биением сердца океана, с ритмом вдоха и выдоха, который управлял жизнью существ, живущих в его глубинах и на поверхности.

Аресибо оказалось тише и спокойнее, чем он его запомнил, тише даже, чем являлось в снах. Взяв напрокат велосипед, Макдональд через несколько минут оставил город позади. Перед ним лежала автострада, похожая на белую ленту, завязанную на пучке зеленых холмов, а он ехал сквозь сельский пейзаж, вдыхая запахи буйной тропической растительности, смешанные с соленым запахом близкого моря, и вспоминал, как медленно текло время, когда он был маленьким мальчиком. Он чувствовал себя так, словно возвращался домой. «Я возвращаюсь домой, — подумал он и мысленно поправил себя: — нет, я живу в Нью-Йорке, где ритм жизни определяют бетон, здания и грохот поездов метро в мрачных туннелях. Мой дом там, а в этом месте я просто вырос.

Однако чары все усиливались по мере того, как он ехал среди вечного лета этого острова, и вскоре он опять стал мальчиком и плыл над холмами, невесомый, как облако...

Воля мальчика, ветра воля.

А мысль юноши далеко летит, далеко.*

Когда Макдональд вернулся на землю, он уже подъезжал к знакомой аллее. Колесо велосипеда повернуло само, и вот он уже катится к гашиенде в испанском стиле. Думая о том, что надо бы повернуть назад, он все же доехал до дома, остановился, слез с велосипеда, подошел к резной деревянной двери и потянул за ручку звонка. Где-то внутри дома мелодично звякнуло, и в ту же секунду иной колокол

* Г. У. Лонгфелло. «Моя утраченная молодость».

ударил в его сердце. Отчаяние подступило к горлу, слезы заполнили глаза, и он пошел обратно.

— Si? — спросил чей-то голос.

Макдональд повернулся. Полуослепший, он одно безумное мгновение думал, что в двери стоит его мать, но, проморгавшись, увидел, что это чужой человек — приятная темнокожая женщина.

— Простите, пожалуйста, — сказал он, а потом повторил свои извинения по-испански, несмотря на то что женщина, как оказалось, хорошо понимала английский. — Я... я родился здесь и был в отъезде.

После недолгого колебания женщина понимающе сказала:

— Может, вы хотите войти?

Теперь заколебался он, но потом кивнул и переступил порог знакомой двери и осмотрелся. Все было по-другому. Иная мебель, меньших размеров комнаты. Даже запах был чужим. Дом изменился, как изменился он сам. Это было уже не то место, где он был последний раз десятилетним мальчиком двадцать лет назад.

Отец остановился сразу за порогом, словно забыл про сына, который ждет его. «Какой он старый», — подумал Бобби. До сих пор он не отдавал себе в этом отчета. Его отец был стар, а сам он меньше, чем думал прежде.

— Бобби... — сказал отец и умолк, словно забыл, что хотел сказать. — Бобби, твоя мать умерла. Врачи сделали все, но не сумели ее спасти. Ее сердце остановилось. Понимаешь, она перегружала его ради тебя, ради меня, ради всех людей. Ее заботили дела и люди, и она использовала его целиком, до конца...

— Это из-за тебя! — крикнул Бобби. — Это ты ее убил!

Подбежав к отцу, он принялся колотить его кулаками. Отец пытался поймать его руки, стараясь защитить не себя, но сына.

— Нет, Бобби, — говорил он. — Нет, Бобби. Нет, Бобби.

Однако слова его звучали неубедительно и напоминали включенное Послание, которого уже нельзя выключить.

Дорога от гасиенды до комплекса Программы казалась долгой, когда Макдональд был маленьким мальчиком, даже когда отец возил его на своей старой машине, но велосипед поднимался на холмы и переваливал долины, так что Мак-

дональд почти не заметил, как доехал до кратера, выложенного металлической фольгой, похожего под яркими лучами солнца на заржавевшую тарелку; за ней виднелась меньшая металлическая чаша, торчавшая вверх на решетчатой башне, а еще дальше — одноэтажное бетонное здание.

Подъезжая к стоянке, он заметил, что она совершенно пуста, и задумался, не умерла ли Программа. И тут же понял, что сейчас полдень, что всего несколько человек из Программы работают днем. Астрономы выходили в ночную смену. Прислонив велосипед у входа, он толкнул стеклянную дверь. Войдя в тень коридора, он остановился, моргая и вдыхая запахи Программы — масло и озон электрических устройств. Пока он стоял так и ждал, пока глаза привыкнут, кто-то сказал:

— Мак... Мак!

Костлявые пальцы схватили его ладонь и начали встряхивать.

— Нет, это не Мак. Это Бобби. Ты вернулся.

Макдональд снова мог видеть и разглядел перед собой старика.

— Это я, Ольсен, Бобби, — сказал старик.

Макдональд вспомнил. Ольсен — плотный рыжеватый блондин, специалист по компьютерам, мужчина огромной силы и жизненной энергии, обычно сажавший его себе на плечи и носивший по коридорам и залам Программы. С трудом связал он эти воспоминания с хрупким стариком, стоявшим сейчас перед ним.

— Я уже на пенсии, — сказал Ольсен. — Не нужен никому, даже самому себе. Помня о старых временах, мне позволяют заглядывать сюда и возиться немного с компьютером. Но ты меня удивил! Выглядишь ты точь-в-точь, как твой отец, когда я увидел его в первый раз, и на мгновение мне показалось, что это он... Понимаешь?

— Очень мило с твоей стороны, — сказал Макдональд. — Но я мало похож на него.

«Бедный старикан, — подумал он, — это ведь уже маразм».

— Вздор. Точная копия. — Ольсен не переставал трясти его руку.

— У отца были голубые глаза, — сказал Макдональд, — у меня черные, у него светлые волосы, у меня черные...

— Конечно, в тебе есть что-то и от матери, Бобби, но клянусь, когда ты вошел в ту дверь... Надо было тебе приехать неделю назад, Бобби.

Макдональд пошел по знакомому коридору к кабинету, в котором когда-то работал отец. Коридор уменьшился с те-

чением времени, на бетонных панелях стен с годами наслоились пыль и краска.

— Сюда съехались люди со всего мира, — говорил Ольсен, ковыляя за Макдональдом чуть бочком, чтобы не отстать от него и при этом не терять из виду сына своего давнего друга. — Славные люди: нынешний президент и несколько бывших президентов, двое премьеров, а еще стадо послов и ученых... ты был бы доволен, Бобби. Пожалуй, все известные ученые мира были здесь.

— Мой отец был великим человеком, — сказал Макдональд.

Он остановился в дверях бывшего кабинета отца. Темнокожий седеющий мужчина поднял голову и улыбнулся.

— Что, и твой тоже?

Он встал из-за стола и вышел к ним — высокий, с широкими плечами и мощными руками.

— Привет, Джон, — сказал Макдональд. — Я надеялся увидеть тебя на этом месте.

Они пожали друг другу руки.

— Ты не знал? — спросил Джон Уайт.

— Я не читал ничего о Программе уже двадцать лет.

Ольсен обошел их, направляясь к столу, потом удивленно повернулся.

— Отец не писал тебе?

— Письма от него приходили, — сказал Макдональд, — но я никогда их не читал. Просто складывал в коробку, не вскрывая.

Ольсен покачал головой.

— Бедный Мак. Он никогда не скрывал, что ты ему не пишешь, но часто приносил вырезки из вашей школьной газеты и официальных школьных документов, чтобы показать, как хорошо ты себя чувствуешь.

— Он это понимал, Бобби, — сказал Уайт. — И не винил тебя.

— А за что он мог бы винить меня? — спросил Макдональд.

Он произнес это спокойно, но в словах таилось напряжение.

— Ты сохранил письма, Бобби? — спросил Ольсен.

— Письма?

— Коробку, полную нескрытых писем, — сказал Ольсен. — Они были бы теперь бесценны. Написанные его рукой и нескрытые. — Казалось, слово «его» он произнес золотыми буквами. — Люди съехались сюда... все они говорили о том, насколько важна Программа, насколько важно стало

все связанное с ней. Голографическая хроника Программы, написанная для его сына.

— Нет, для рожденного им сына, — уточнил Макдональд. — А целы ли они, я не знаю. Я много ездил по миру.

Однако он знал, где они лежали, собранные все до единого в запыленной коробке на полке, в глубине стенового шкафа. Он много ездил, это правда, но коробка ездил вместе с ним. Не раз он собирался выбросить ее, но потом хмурил брови и возвращал на место. Может, он все-таки разделял мнение Ольсена, что держит в руках частицу истории, что выбросил бы не обычные письма от отца, но свидетельства о Великом Человеке.

— Программа умерла? — спросил Макдональд.

— Умер твой отец, — ответил Уайт, — а Программа продолжает жить. Трудно представить ее без твоего отца, но то, что это возможно, — его заслуга. Так и должно быть. Это памятник ему, и мы не можем допустить, чтобы Программа умерла.

— Мак умер, Бобби, — заметил Ольсен. — Он ушел, и с ним ушло все. Ушел дух этого места.

Знакомая волна отчаяния и тоски поднялась в груди Макдональда, тоски, как он пытался убедить себя, не по отцу, а об отце, которого у него никогда не было.

— Джону кажется, что он может тащить телегу дальше, — говорил Ольсен, — но это только кажется. Мак тянул Программу пятьдесят лет. Первые пятнадцать лет, как стал директором, он тянул ее безо всяких результатов. Мы просто снова и снова вслушивались в звезды, и Мак тянул нас, опробуя разные новые штуки, когда всех охватывала усталость, разрабатывая новые методы подхода к старым делам, поднимая наш дух. Он и Мария.

Макдональд оглядел комнату, в которой его отец проводил свои дни и много ночей, бросил взгляд на бетонные панели стен, покрашенные блеклой зеленой краской, на скромный деревянный стол, на полки, утопленные в стену позади него, на книги в кожаных переплетах, темно-зеленые, темно-красные и темно-коричневые, уже слегка потрепавшиеся; на динамики, встроенные в стену по обе стороны комнаты, и попытался представить, как отец сидит в этом кабинете день за днем, постепенно впитываясь в эти стены, в этот стол и в эти книги, но не мог его увидеть, не мог вспомнить его в этом месте. Отец ушел навсегда.

— А потом уже, после Послания, возникла новая проблема, — говорил Ольсен. — Мы добились результата. О, это были великие дни, и все мы обезумели от радости. Наши

пятьдесят лет оплатились с избытком, мы получили главный приз и без конца пересчитывали его, пожирая глазами и поздравляли друг друга. Макдональд у пришлось протащить нас и сквозь это, вновь усадить нас за работу, вновь запрячь в ярмо. Но кроме того, у него были и другие проблемы, о которых мы тогда ничего не знали, вроде солитариан, предчувствовавших, что мы разрушим их религию, и политиков, вроде отца Джона, убежденного, что мы не должны отвечать на Послание.

И после всего этого, после того, как мы ответили, что нам осталось делать? Только ждать отклика. Девяносто лет ожидания. Мы должны были тащить воз дальше, чтобы оказаться на месте и принять ответ, когда он придет. Мак вновь заставил нас искать новые сигналы, новые Послания. Но кто будет тащить нас дальше? Как мы можем тащить нашу телегу дальше без Макдональда? Нам мешает спать, — Ольсен говорил все тише, — не страх смерти, а страх за то, что ответ придет и никого не окажется здесь, чтобы принять его. Что мы перестанем слушать. Что Программа перестанет жить.

Голос его затих, и Ольсен опустил взгляд на свои старческие руки.

Макдональд взглянул на Джона. Это его руководство подвергалось сомнению, его способности. Однако Уайта не волновало это сравнение. Он вернулся и присел рядом с Ольсеном на край стола. Тот затрещал под ним.

— Олли не сказал ничего нового. Мы много говорим сейчас о том, что делать дальше. Пока жил твой отец, таких разговоров не было — в них не возникало нужды. Пока существовал Мак, существовала Программа. Но теперь Мак умер.

— Весь мир — могила славных людей, — сказал Макдональд.

— С тех пор как сижу в этом кресле, — Уайт кивком указал на него, — а это уже пять лет, я узнал многое, и в том числе то, что Мак держал при себе, не выдавая никому, потому что это могло повредить Программе. Будет ли Программа существовать и дальше, какой она будет — вот вопросы, которые никто не задавал, потому что Мак держал ответы при себе. Теперь каждый задает их себе и всем окружающим. Я не такой, как Мак, и не могу действовать его методами. Но я должен выполнить ту же работу с помощью того, что у меня есть и что я смогу добыть. Потому я и послал за тобой. — Он встал, положил большую руку на плечо Макдональда и заглянул ему в глаза, словно читая в них ответ

на вопрос, которого еще не задал. — Добро пожаловать домой, Бобби.

Они приземлились в аэропорту, маленький мальчик и женщина с черными глазами и смуглой кожей, а поскольку это был небольшой аэропорт, шли от самолета к залу ожидания пешком, женщина — с энтузиазмом, таща за собой мальчика, а тот неохотно, дергая ее за руку. А потом рядом оказался высокий мужчина и обнял женщину; он стиснул ее и поцеловал, говоря, как рад ее возвращению и как он тосковал без нее. Потом он присел перед мальчиком и попытался обнять и его, но мальчик отпрянул, качая головой. Мужчина протянул к нему руки.

— Добро пожаловать домой, Бобби.

— Я не хотел возвращаться домой, — сказал мальчик. — Хотел, чтобы мы так и путешествовали, маме и я, только мы двое, навсегда.

Макдональд покачал головой.

— Это не мой дом. Я покинул его двадцать лет назад, когда мне было всего десять, и не был здесь с тех пор. Сейчас я приехал только потому, что ты послал телеграмму.

Уайт опустил руку.

— Я боялся, что ты не приедешь, просто узнав о смерти отца.

Макдональд взглянул на стол и пустое кресло с подлокотниками, вытертыми за десятилетия локтями и ладонями.

— Почему он должен больше значить для меня после смерти, чем при жизни?

— За что ты его ненавидишь, Бобби? — спросил Ольсен.

Макдональд покачал головой, словно пытаясь отогнать давние воспоминания.

— Я не ненавидел его. Видит Бог, у меня было достаточно фрейдовских причин для ненависти... достаточно психоаналитических исследований, чтобы определить свои комплексы и жить с ними... но здесь было нечто большее: я нуждался в отце, а он был занят. У меня никогда не было отца, а была только мать, которая его обожествляла, и между ними не оставалось места для маленького мальчика.

— Он любил тебя, Бобби, — сказал Ольсен. В глазах старика стояли слезы.

Макдональд хотел, чтобы его перестали называть «Бобби», однако знал, что никогда не сумеет сказать им об этом.

— Он любил и мою мать. Но для нее тоже не было места, потому что больше всего он любил то, что делал. Только здесь он жил, и она это знала, и он об этом знал, да и все остальные тоже. Да, он был великим человеком, это несомненно, а великие люди жертвуют всем ради своего призвания. Но как чувствуют себя те, кем жертвуют? Он был хорошим человеком, знал, как плохо приходится мне и матери, и не мог этого вынести. Он пытался как-то компенсировать это нам, но не знал, как.

— Это был гений, — сказал Уайт.

— Гений делает то, что должен, — процитировал Макдональд, — а Талант — то, что может*.

— Я как будто слышал твоего отца, — сказал Ольсен, — он часто это повторял.

— Почему ты просил меня вернуться? — спросил Макдональд Уайта.

— Здесь есть вещи твоего отца, — сказал Уайт. — Книги. — Он широким жестом указал на полки позади стола. — Все они принадлежали ему, а теперь твои, если ты их хочешь. Есть и другие вещи: бумаги, письма, документы...

— Я не хочу их, — сказал Макдональд. — Все это принадлежит Программе, а не мне. Для меня у него не было ничего.

— Все, что здесь есть? — спросил Уайт.

— Все. Но ведь не для этого же ты просил меня вернуться.

— Я думал, может, ты помиришься со своим отцом, — ответил Уайт. — Я, например, помирился со своим. Двадцать лет назад. Он наконец понял, что я не собираюсь становиться тем, кем он хотел меня видеть, что я не могу смотреть его сон, а я понял, что так или иначе, а он любит меня. Вот я и сказал ему это.

Макдональд вновь посмотрел на кресло и заморгал.

— Мой отец умер.

— Но ты-то жив, — напомнил Уайт. — Ты можешь помириться с ним хотя бы в воспоминаниях.

Макдональд пожал плечами.

— И не для этого ты меня приглашал. Что я для тебя значу?

Уайт беспомощно развел руками.

— Ты важен для нас всех. Понимаешь, все мы любили Мака и потому любим его сына и хотим, чтобы этот сын тоже любил своего отца.

* Оуэн Мерedit. «Последние слова впечатлительного посредственного поэта».

— Все для Мака, — буркнул Макдональд. — А сын Мака хочет, чтобы его любили ради него самого.

— Но прежде всего, — сказал Уайт, — я хотел предложить тебе должность в Программе.

— Какую должность?

Уайт пожал плечами.

— Какую угодно. Эту, если ты ее примешь. — Он указал на кресло за столом. — Мне было бы приятно увидеть тебя в этом кресле.

— А как же ты?

— Вернусь к тому, чем занимался, прежде чем Мак назначил меня директором, — к работе на компьютере. Хотя Маку было почти восемьдесят и официально он вышел на пенсию, я никогда не чувствовал себя директором, пока он был с нами. Только несколько дней назад я вдруг понял, что это я отвечаю за все, что это я директор.

— Не было случая, чтобы Мак вмешался, — вставил Ольсен. — Вообще-то после смерти твоей матери и твоего отъезда в школу он был сам не свой. Он изменился, словно потерял ко всему интерес, и лишь потому оставался на ходу, что был частицей этой машины и шел, когда шла она. После выдвижения Джона Маку словно полегчало, но он никогда не вмешивался, даже почти не говорил, разве что кто-то просил его помощи.

Уайт улыбнулся.

— Все это правда. Но он был с нами, и ни у кого никогда не возникало сомнений, кто здесь директор. Мак был Программой, а Программа была им. А теперь это должна быть Программа без Мака.

— Я нужен тебе ради моей фамилии, — сказал Макдональд.

— Отчасти, — признал Уайт. — Понимаешь, я всегда чувствовал, что просто сижу в этом кресле, пока Мак не вернется, чтобы занять его вновь... или кто-то с фамилией Макдональд.

Макдональд еще раз оглядел кабинет, словно пытаюсь увидеть в нем себя.

— Если ты пытаешься меня уговорить, — сказал он, — твои слова не очень-то убедительны.

— С этой антикриптографией забываешь, что значит говорить одно, а думать другое, — заметил Уайт. — К тому же здесь словно живет некий голос, непрерывно спрашивающий: а как бы сделал это Мак? А ведь мы знаем, что он был бы искренен и честен. Разумеется, я проверял, чем ты занимался после своего отъезда. Ты лингвист, специализи-

ровался в китайском и японском и много путешествовал во время учебы.

— Нужно же было что-то делать с каникулами, — сказал Макдональд.

— Твой отец тоже изучал языки, — вставил Ольсен.

— Да? — сказал Макдональд. — Но я занялся этим потому, что сам захотел этого.

— Затем ты занялся программированием компьютеров, — продолжал Уайт.

— Твой отец тоже занимался электроникой, — заметил Ольсен.

— Я просто забрел в это, потому что работал над компьютерным переводом.

— И внес оригинальный вклад в это искусство, — сказал Уайт. — Как видишь, Бобби, выходит, что все эти годы ты как бы готовился занять это кресло.

— Может, вы с Маком и не понимали друг друга, — сказал Ольсен, — но вы очень похожи. Ты шел по его следам, Бобби, даже не зная об этом.

Макдональд покачал головой.

— Тем больше причин повернуть сейчас. Я не хочу быть таким, как мой отец.

«Никто не может быть таким, как другой человек», — подумал он.

— Двадцать лет носить в сердце обиду — это слишком долго, — заметил Уайт.

Макдональд вздохнул и переступил с ноги на ногу. Он испытывал скуку и раздражение, как всегда, когда знал, что разговор закончен, но никто не может набраться решимости и оборвать его.

— Мы несем возложенное на нас бремя.

— Ты нам нужен, Бобби, — сказал Уайт. — Мне нужен.

Ну вот, дошло до личной просьбы.

— Я нужен Программе, но не ради себя самого. Вам нужна фамилия моего отца, его присутствие. И если я соглашусь, то буду похоронен здесь навсегда, так же как и он. Программа поглотит меня, как поглотила и использовала моего отца, не оставив ничего.

Лицо Уайта выражало искреннее сочувствие. Он потрянул головой.

— Я знаю, что ты чувствуешь, Бобби. Однако ты все воспринимаешь превратно. Программа вовсе не поглощала твоего отца, это твой отец поглотил Программу. Мак сам и был Программой, это он приводил ее в движение. Эти радиотелескопы не были мертвы — они были его слушающими

ушами; этот компьютер не был машиной — это был его мозг, мыслящий, запоминающий, анализирующий. А мы все — мы были разными воплощениями Мака с различными способностями и мыслями...

— Ты представляешь положение во все более худшем свете, — заметил Макдональд. — Вы никак не поймете, что именно от этого я бегу всю свою жизнь, именно от этой вездесущности, от благодеяний моего отца...

— Мы стараемся быть честными перед тобой, — ответил Уайт.

— Есть кое-что больше и важнее человеческих чувств, — сказал Ольсен, отклеившись от стола. — Что-то вроде религии или сознания, что делается для всего человечества, и если ты сумеешь найти такое, стать его частицей и заставить его воплотиться, вот тогда ты испытаешь настоящее удовлетворение. Все остальное не в счет.

Макдональд обвел взглядом стены, словно они держали его взаперти.

— Вы просите меня провести здесь свою жизнь, следующие сорок лет, но не в этом кабинете — у меня нет квалификации для поста директора, — а где-то еще, как частица этого места, чтобы я работал с этими машинами и, не открыв ничего, наверняка умер до того, как придет ответ с Капеллы. Что это будет за жизнь? И что за цель? И какое мне от этого удовлетворение?

Уайт посмотрел на Ольсена, как бы спрашивая, что это за человек, который не понимает ни их самоотверженности, ни смысла их существования. Как можно говорить с таким человеком?

— Может, покажем Бобби то место, прежде чем он уедет?

Для маленького мальчика Программа была местом таинственным и волшебным. Интересным днем и великолепным ночью. Бобби обожал ездить туда, когда в исключительных случаях ему позволяли поздно отправляться в постель. Сначала он замечал металлическую долину, сверкающую в лунном свете, уголок, в котором собирались эльфы, чтобы надраивать это блюдо до зеркального блеска и ловить здесь звездную пыль, которую ссыпали в бутылки и использовали потом для колдовства.

За кратером вздымалось Ухо, огромное, похожее на чашу, Ухо, высоко поднятое на металлической руке, напоминающей руку самой Земли, служащее для подслушивания

всех секретов Вселенной, а это были секреты, которые мальчик должен был узнать, чтобы сбылись его мечты.

«Когда, — говорил он себе, — я найду место, где хранятся секреты, и узнаю их все, тогда я смогу понять все, что хочу».

Однажды отец привел его в зал прослушивания, где можно было услышать передаваемые шепотом секреты, и Бобби слушал эти голоса в наушниках, свистящие, бессвязные, слишком тихие, чтобы мальчик их понял. Потом отец сделал звук громче, и мальчик разочарованно обнаружил, что они на каком-то тайном языке, которого он понять не может.

— Никто не может этого понять, Бобби, — сказал ему отец.

— Я могу, — уперся Бобби. Конечно, он не мог, но обещал себе, что когда-нибудь изучит все языки, которыми говорят на Земле, под Землей и над Землей, и тогда сможет понять эти секреты и узнает все, что можно узнать. И когда его отец захочет что-то узнать, он просто спросит Бобби, вместо того чтобы уезжать из дома...

«Почему мальчики обязательно вырастают? — спрашивал себя Макдональд. — Ведь жизнь у них такая ясная, простая и полная надежд. Вот только не моя», — уточнил он тут же. Его жизнь была полна опасений, несбывшихся желаний и чрезмерных амбиций, которые никакой ребенок никогда не сумел бы реализовать.

Прогулка по этим старым коридорам и залам была прогулкой по стране чудес, покинутой гномами, отданной на милость пыли и грязи, выставленной на свет дня, чтобы выцветала и ржавела.

Здание было старым — лет шестидесяти—семидесяти, может, даже восьмидесяти. И хотя его поставили, чтобы оно, подобно Программе, стояло веками, годы уже брали свое. Краска не могла защитить бетон, местами панели крошились и осыпались вместе с краской, а в некоторых местах эти оспины были заделаны цементными латками. А там, где ходили легионы сотрудников, случайные прикосновения оставили на стенах заметные борозды. Полы из керамических плиток, казалось, нисколько не износились, но, с другой стороны, плитки легче менять.

Ольсен представлял его всем, кто попадался навстречу.

— Это Бобби Макдональд, — говорил он и обязательно добавлял: — Сын Мака.

Его приветствовали, пожимали руку, выражали надежду, что Макдональд вернулся домой уже навсегда, а потом смущались, когда он возражал, так что в конце концов он перестал возражать и только улыбался.

Старый зал прослушивания казался запущенным, как будто туда давно никто не приходил. Стекланные пластины указателей были так поцарапаны, что местами лишь с трудом можно было что-либо понять, а по краям циферблатов скопилась пыль. Сами пульты истерлись так, что из-под черного пластика кое-где проглядывал металл. Даже наушники износились.

В зале не было никого, хотя казалось, что кто-то только что вышел, и Макдональд, остановившись сразу за дверями, окинул взглядом место, покинутое былым очарованием. Оно было мертво, преобразивший его дух куда-то отлетел.

— Хочешь послушать голоса, Бобби? — спросил Ольсен. — Хочешь послушать Послание?

— Нет, — ответил Макдональд. — Я слышал его уже много раз.

Он не хотел слушать снова... не здесь и не сейчас. Ольсен подошел к пульту управления.

— Знаешь, а мы постоянно слушаем, — сказал он, словно читая мысли Макдональда. — Постоянно выискиваем знаки с небес.

Он рассмеялся, словно сказал что-то смешное, нажал переключатель, и зал заполнил шепот.

И Макдональд вновь превратился в маленького мальчика. Вопреки самому себе, вопреки своему скептицизму, несмотря на солнечный свет, который безжалостно обнажал ложь и иллюзии, он снова вслушивался в непередаваемые сообщения с чужих миров, в измученные голоса далеких существ, требующих, чтобы их выслушали и поняли. «Боже! — подумал он. — Если бы я мог им помочь, если бы мог ответить на этот зов. Если бы удалось замкнуть эту разорванную цепь, разрушить непреодолимые стены расстояний, соединить разум с разумом».

Он вытянул руку, словно желая взять за руку отца, и сказал:

— Выключи это!

«Это не потому, что голоса так сильны, — думал он, — а потому, что я так слаб. Потому что неудачник, мужчина, уничтоженный, еще когда был мальчиком».

— Вы приняли что-нибудь новое? — спросил он, когда шепот стих, и ему удалось совладать со своим воображением.

Ольсен покачал головой.

— Все повторяется, — ответил он устало. — Мы слушали пятьдесят лет, чтобы принять послание с Капеллы, а с того времени прошло всего тридцать. Мы получили Послание в тот самый год, когда ты родился, Бобби.

— С Посланием вам повезло больше, чем со мной, — сказал Макдональд.

Ребенок и Послание. Не подлежало сомнению, какой новорожденный больше значил для его отца, кого отец понимал лучше.

— Может, там никого больше нет? — сказал он.

Ольсен мотнул головой с упрямством, воспитанным профессией и многолетней привычкой.

— Именно так говорили скептики и малoverы. «А может, там никого нет», — говорили они. А мы продолжали слушать. И верить. И мы доказали им, что они ошибались. Мы приняли Послание, прочли его и отправили ответ. Там есть еще и другие, и мы примем их тоже. Кто знает, может, сегодня ночью. Никто не может даже представить, сколько там пространства, сколько звезд, сколько различных способов сигнализации, которые нам нужно исследовать. Ведь есть одни, значит, должны быть и другие. А если и нет, то все равно у нас есть Капелла. Достаточно получить от них новое известие, и все окажется не зря.

— Да, — сказал Макдональд. — Думаю, так и будет.

Он хотел вежливо попрощаться с Ольсеном и уйти, но боль все не покидала его. Кроме того, Ольсен ничего не хотел слышать.

— Самое интересное я оставил на загладку, — сказал он. — Я покажу тебе компьютер.

Макдональд попытался открутиться от этого.

— Я видел компьютеры, — сказал он.

— Но не такие, — ответил Ольсен.

Макдональд вспомнил, что Ольсен специалист именно по компьютерам.

— А кроме того, там есть и кое-что еще.

В помещении компьютера — самом большом в здании — три с половиной стены занимали программные таблицы, указатели, сияющие катушки под стеклом и разноцветные лампочки, а посередине разместились всевозможные устройства, похожие на присевших чудовищ, пожирающие карточки или выплевывающие широкие полосы бумаги, которые ложились складками, если никто за ними не следил, пока компьютер продолжал постукивать и хихикать сам с собой. Единственную половину стены, свободную от компьютера, занимали две двери. Одна вела в коридор, другая в кабинет его отца, чтобы тот, когда ему захочется, мог спросить у компьютера обо всем, что его интересовало, или велеть ему

сделать то, что хотел директор Программы. Черные змеи кабелей уходили сквозь стены в другие помещения, и возможно, думал мальчик, компьютеры тянулись без конца. Еще он подумал, что наконец-то перед ним создание, которое знает все, что можно знать, даже секреты, нашептываемые в зале прослушивания, и что нужно лишь спросить его, чтобы получить ответ.

— Папа, — сказал Бобби, — почему ты не спросишь компьютер, что значит этот шепот?

— Мы спрашиваем его, Бобби, — ответил отец, — но не всегда знаем, какие вопросы правильны, или не знаем, как их правильно задавать, поэтому он ничего нам и не говорит.

Подбоченившись и широко расставив ноги, Бобби остановился в дверях кабинета, лицом к лицу с компьютером, чувствуя за спиной бодрящее присутствие отца, и сказал:

— Когда я вырасту, я заставлю компьютер все мне рассказать.

— Я буду счастлив и горд за тебя, — ответил его отец.

Даже помещение компьютера уменьшилось с течением лет, и то, что когда-то сверкало стеклом и металлом, словно вплавилось в эти стены, тоже подчинившись тирании времени. Тут и там были заменены какие-то устройства, несомненно, подключили новые блоки памяти, сканеры и принтеры, но в сущности это был тот же самый компьютер, более тридцати лет дожидавшийся здесь Макдональда-младшего. Это по-прежнему был крупнейший компьютер мира, хотя наверняка не самый быстродействующий. Макдональд сам работал на компьютерах, которые во многих отношениях стояли выше этого.

— Стараемся не отставать, — заметил сзади Ольсен. — Может, он и проигрывает рядом с новейшими моделями, со всей этой микроминиатюризацией, но каждая важная техническая новинка где-то учтена. Мы не стали менять ему внешний вид. После стольких лет совместной работы компьютер начинает напоминать человека, и когда ты сюда приходишь, то каждый раз радуешься, видя знакомое лицо.

Несколько удобных кресел стояло между сканерами, принтерами и в углах зала, где местами угнездилась темнота — там давно не меняли перегоревшие лампы. Когда он отворачивался от одного из этих мрачных углов, Макдональду показалось, что он видит кого-то, сидящего там в кресле, но, поморгав, он убедился, что кресло пусто и вообще в комнате нет никого, кроме него, Ольсена и компьютера. Ком-

ната была нема, она лишь постукивала и хихикала, распространяя запахи масла и озона.

— Садись, — сказал Ольсен, указывая на одно из кресел посреди помещения. — Есть кое-что, что ты должен услышать.

— Слушай... — сказал Макдональд. — Я не хочу...

Однако он так и сидел, пока Ольсен нажимал кнопки и удобно усаживался в соседнее кресло.

«Мы должны постоянно напоминать себе, чем, собственно, занимаемся, — говорил голос из прошлого, — иначе нас поглотят зыбучие пески данных...»

«Господа, нас ждет работа...»

Другой голос:

«Может, в них что-то есть».

Предыдущий голос:

«Маловероятно».

Третий голос, словно из жестяной банки:

«Мак, произошел несчастный случай... Речь идет о Марии».

Чуть позже тот же голос говорил:

«Ты не можешь бросить нас, Мак... Дело ведь не только в тебе, а во всей Программе».

И опять первый голос, знакомый Макдональду слишком хорошо:

«Я жизненный банкрот, Чарли... Чего я ни коснусь, остается лишь пепел... Скверный лингвист и дрянной инженер? У меня не хватает квалификации для такой работы. Для руководства Программой нужен человек изобретательный, настоящий лидер, кто-нибудь, обладающий... шармом...»

«Ты устраиваешь отличные вечеринки Мак», — произнес голос молодого Ольсена.

Пятый голос:

«Мак, я верю в тебя, как в Бога».

Шестой:

«Программа — это ты. Если ты уйдешь, все развалится. Это будет конец всему».

Снова невыносимо знакомый голос:

«Так всегда кажется, но не происходит с делами, которые живут собственной жизнью. Программа существовала до меня и останется после моего ухода. Она долговечнее любого из нас, ибо мы на года, а она на столетия».

И опять голос из жестянки:

«Она будет жить, Мак».

«Говорят, вы уходите, мистер Макдональд? — сказал но-

вый голос, более старый и менее поставленный, чем другие. — Не уходите, мистер Макдональд!.. Вас одного это взаправду волнует».

Голоса носились по комнате, создавая в воображении Макдональда прошедшее время. Потом их перекрыл голос Ольсена:

— Видишь, все, что здесь происходило, записывалось с того момента, как Мак стал директором. Кто знает, когда в обычном разговоре или шутке один из нас скажет то, что может оказаться ключом к решению загадки. Мы владеем неограниченной памятью и неограниченными возможностями сопоставления. Это значит — у нас есть компьютер и мы им пользуемся. Моя задача, — продолжал Ольсен, — состояла в написании программ, упорядочивающих информацию таким образом, чтобы не получать мусора на выходе.

— Все? — спросил Макдональд. — С самого начала?

Морщинистой ладонью Ольсен обвел стены зала.

— Здесь есть все, каждое слово и любая информация мира. Все, что когда-либо написано об иных мирах, языках, о передаче сообщений или криптографии. «Кто знает, — говорил твой отец, — где воображение стыкуется с реальностью?» Он любил эти слова: «кто знает». Они ходили среди нас, как шутка. «Надо бы что-то съесть, — говорил кто-нибудь. — Кто знает, может, я голоден». Мак смеялся и сам говорил так же. Наш Мак был великий человек. Извини, Бобби... то есть Роберт. Тебя, конечно, раздражает, что я все время говорю о твоём отце и обращаюсь к тебе, словно ты все еще маленький мальчик. Ты взрослый мужчина, а Мака больше нет, и я лишь запрограммировал это для тебя, чтобы ты узнал его таким, каким он был здесь, в Программе, чтобы увидел, что он делал и как.

Старик уже не казался Макдональду маразматиком. Да, он постарел, но разум его оставался острым, а то, чего он добился, создавая программу, которая из океана не связанных между собой данных отфильтровывала логическое целое, должен изучать каждый информатик.

— Это был твой отец и его первый серьезный надлом, — говорил Ольсен, — когда твоя мать пыталась покончить с собой, а он едва не бросил Программу.

Макдональд сидел совершенно неподвижно, вслушиваясь в голоса из прошлого.

— Можешь слушать, сколько захочешь, — сказал Ольсен, — а когда услышишь все, что хотел, просто нажми эту кнопку.

Макдональд не заметил, как Ольсен ушел, он продолжал слушать голос отца.

«И верить в себя или в свою правоту, чтобы выжить вопреки разочарованиям и неумолимому бегу лет».

И другой голос, сухой и скептический, который произнес:

«Только надежда и вера поддерживают жизнь Программы...»

«И статистическая вероятность тоже», — ответил отец.

«Это еще одно название веры. Но ведь через пятьдесят с лишним лет даже статистическая вероятность становится довольно невероятной...»

«Пятьдесят лет — всего лишь движение века на лице Господнем».

«Пятьдесят лет — это активная профессиональная жизнь человека. Вы посвятили этому большую часть своей жизни. Я не жду, что вы отдадите ее без борьбы, но борьба эта обречена. Ну, так как же, будете ли вы сотрудничать со мной или воевать?»

А потом, через секунду, голоса вавилонского смешения языков, бесчисленные голоса, говорящие с запалом, одновременно, перебивая друг друга...

«Голос бесконечности», — сказал отец.

И снова голоса, только теперь уже различимые и знакомые — обрывки радиопередач тридцатых годов, первые принятые сигналы, передача с Капеллы, чтобы привлечь внимание к Посланию, успешно использованная радио и телевидением для поддержки Программы...

«Мы не одни», — произнес чей-то голос.

Голос скептика звучал теперь неуверенно:

«Что они могли нам сказать?»

«Узнаем», — ответил отец.

Время и голоса проплывали в полумраке комнаты, а Макдональд услышал чей-то бас:

«Так много всего нужно, чтобы прочесть одно небольшое Послание? От верующих это требует лишь веры в сердце».

«Наша вера, — отвечал отец, — требует возможности копирования данных и результатов каждым, кто использует ту же аппаратуру и применяет те же самые методы. И хотя в мире столько верящих сердец, полагаю, ни одно из них не получило идентичного Послания».

Прошло несколько минут, и бас сказал:

«Простите мне мои сомнения. Это Послание — от Бога».

Сцены из прошлого, записанные в прорезях перфокарт, в малюсеньких магнитах и электронах, сцены, которые мож-

но в целостности и сохранности вынуть из огромного холодильника памяти, непрерывным потоком шли от компьютера к Макдональду. Кто-то сказал:

«Скажите, почему вы так настаиваете на ответе на это Послание? Разве мало, что ваши поиски увенчались успехом, что вы доказали существование разумной жизни во Вселенной?»

«Я мог бы объяснить это вполне рационально, — сказал отец, — ...но, как вы, конечно, подозреваете, за этой рациональностью скрываются личные мотивы. Прежде чем наш ответ дойдет до Капеллы, я буду уже в могиле, однако хотел бы, чтобы моя работа не пропала напрасно, чтобы сбылось то, во что я верю, чтобы моя жизнь имела смысл... Своему сыну и миру я хочу оставить какое-то наследство. Я не поэт и не пророк, не художник, не строитель, не государственный деятель и не филантроп. Единственное, что я могу оставить, это открытую дверь, открытую дорогу во Вселенную, надежды и картины чего-то нового, послание, которое прибудет с другой планеты, кружащейся под парой чужих далеких звезд...»

Его постоянно преследовал сон... пожалуй, скорее воспоминание, а не сон... что он просыпается один в большой кровати. В кровати матери, которая позволила ему туда забраться и прижаться к себе, мягкой и теплой, и так уснуть. Однако проснулся он один, кровать была пустой и холодной, и ему стало страшно. В темноте он выбрался из кровати, стараясь не наступить на что-то страшное и не провалиться в какую-нибудь яму без дна, и, покинутый, перепуганный, побежал в темноте через холл к гостиной, крича: «Мама... мама... мама!» Перед ним замерцал огонек, небольшой огонек, разгоняющий мрак, и в этом свете сидела его мать, ожидая, когда отец вернется домой, и он почувствовал себя одиноким...

И вспомнил он: его отец вернулся домой, счастливый, что застал ждущими их обоих, мать и сына, и все они были счастливы...

Голос говорил:

«Ваш визит — великая честь для нас, господин президент».

«Нет, — ответил другой голос, — это Роберт Макдональд оказал нам честь своей жизнью и работой. Это благодаря

ему мир ждет ответа со звезд, благодаря ему мы наслаждаемся смешанным чувством свободы и покоя, словно через контакт с действительно чужими нам существами открыли, что значит быть настоящим человеком».

Секундой позже Макдональд услышал Джона Уайта:

«Я рад, что ты смог приехать, отец».

И более старый вариант того же голоса:

«В свое время я сказал Макдональду, что он может отправить свой ответ, но я никогда не говорил ему, что он поступил правильно. Пожалуй, я могу сказать это сейчас».

И греческий хор иных голосов:

«Вы помните, как Макдональд велел нам поставить магнитофон возле искусственной челюсти дворника, который уверял, что та по ночам принимает послания?»

«А как выдал свою секретаршу за приехавшего с визитом конгрессмена?»

«И лишился лучшей секретарши, которую когда-либо имел...»

«Или как приехал журналист, чтобы вонзить Программе нож в спину, и остался как представитель Программы по делам печати?»

«Или...» «Или...»

Потом хор стал более серьезным:

«Он заслужил похороны национального героя».

«Да, в Вашингтоне».

«Или перед штаб-квартирой Объединенных Наций».

«Но он хотел, чтобы его кремировали, так же как и жену, а потом, если это будет возможно и не очень хлопотно и дорого, чтобы их пепел рассыпали в пространстве».

«Разумеется».

И кто-то продекламировал:

«...Когда же он умрет,
Изрежь его на маленькие звезды,
И все так влюбятся в ночную твердь,
Что бросят без вниманья день и солнце».*

Вновь голос Джона Уайта:

«Я... я не помню вашего имени».

И старческий бас:

«Иеремия».

«Я думал, что вы...»

«Умер? Вздор. Умер Макдональд, умерли все из моего поколения, а я жив. Солитариане живут, может, в меньшем

* У. Шекспир. Ромео и Джульетта (пер. Б. Пастернака).

числе, но дух их остался прежним, и они увидят единственного Бога, того, который сотворил человека по своему подобию. Но я пришел не разговаривать о солитарианах, а отдать последнюю честь Макдональду, который, хоть и атеист, был человеком правого духа, человеком великой мечты и великих поступков, которого уважали даже чтущие Бога, человеком, о котором можно сказать, что он был слугой Божиим, хотя и не знал этого...»

И когда все это кончилось, Макдональд остался сидеть в комнате с компьютером, вглядываясь в пространство. Губы его шевельнулись:

«Покуда воды рек текут в моря,
Покуда тень живет в долинах гор,
А в небе светят звезды, до тех пор
Жить будут твое имя, честь и слава».*

Он не услышал, как дверь открылась и закрылась вновь.

— Книга памяти кончилась, Боб, — сказал Джон Уайт, после чего добавил уже помягче: — Извини. Ты плачешь?..

— Да, — сказал Макдональд. — И самое печальное, что я продолжаю оплакивать себя. — Он чувствовал, как слезы стекают по его щекам, и не мог сдерживать их. — Я никогда не говорил ему, что люблю его. Он никогда не знал этого, а я понял это только сейчас.

— Он знал, — заметил Уайт.

— Не нужно утешать меня.

— Да нет же, точно говорю тебе: он знал, — сказал Уайт.

— Придет однажды день, — продолжал Макдональд, — когда я смогу оплакивать его, а не себя.

Он энергично встал. Уайт протянул ему руку.

— Спасибо тебе, что приехал. Так ты подумаешь о работе?

Макдональд пожал руку.

— Я совершенно не готов думать об этом. Пока не готов. В Нью-Йорке есть одна девушка, с которой я хочу увидеться, и еще несколько дел, с которыми нужно закончить. Возможно, потом я задумаюсь о твоём предложении.

Выходя в коридор, Макдональд повернулся на пороге и еще раз окинул взглядом компьютерный зал. На мгновение ему показалось, что в полумраке он видит в кресле чью-то

* Вергилий. «Энеида».

фигуру, знакомую и вечно молодую, составленную из воспоминаний и замороженных звуков... Он тряхнул головой, и видение исчезло.

Снаружи день сменился ночью, и то, что выглядело потерто и банально, в лунном свете вновь стало волшебным — высоко поднятое ухо Земли, подслушивающее секреты Вселенной, металлическая чаша, отполированная и готовая ловить звездную пыль, — и Макдональд стоял неподвижно, сжимая руль своего велосипеда и снова глядя на эту сцену глазами, излеченными от взрослого астигматизма, уже уверенный, что вернется сюда. Для него ожидание кончилось, хотя для всего мира еще нет. Правда, теперь ему казалось, что мир не столько ждет, сколько подгоняет свой пульс к ритму разговора с девяностолетним циклом. «Я сам наконец отправился в путь, — подумал он, — начав жить собственной жизнью. Я вернулся домой».

— Роберт, — произнес кто-то за спиной. В освещенной двери стоял Ольсен. — Ты видел его? Видел его в кресле?

— Да, — сказал Макдональд. — Видел.

— Он будет там, пока продолжается Программа и когда придет ответ с Капеллы. Он будет всегда, доколе мы будем нуждаться в нем.

— Да, — сказал Макдональд и перекинул ногу через раму.

— Ты вернешься? — спросил Ольсен.

— Как того захочет ветер, — сказал Макдональд. — Но сначала я хочу прочесть несколько писем.

Работа Компьютера

Движимый смутным предположением, я отправился в опасный путь и вот уже вижу предгорья новых земель. Те, у кого хватит смелости вести исследования дальше, ступят на них...

ИММАНУИЛ КАНТ, 1755

Наука и техника в значительной мере, если не исключительно, развились в результате борьбы за власть и стремления к легкой жизни. Обе эти силы ведут к разрушению, если их вовремя не обуздать: первая ведет ко всеобщей гибели, а вторая к биологической или умственной деградации...

СЕБАСТЬЯН ФОН ХОРНЕР, 1961

МИНИСТЕРСТВО ТРУДА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ СООБЩИЛО СЕГОДНЯ, ЧТО ПОЧТИ ПОЛОВИНА РАБОЧЕЙ СИЛЫ СТРАНЫ ТРУДИТСЯ СЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ ЧАСОВ ЕЖЕДНЕВНО ЧЕТЫРЕ РАБОЧИХ ДНЯ В НЕДЕЛЮ, ПОЛУЧАЯ ОБЫЧНЫЕ ТРИНАДЦАТЬ НЕДЕЛЬ ОТПУСКА. ОКОЛО ОДНОЙ ПЯТОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ, КАК БЫЛО СООБЩЕНО ДОПОЛНИТЕЛЬНО, РАБОТАЕТ ДЕСЯТЬ ЧАСОВ ЕЖЕДНЕВНО В ТЕЧЕНИЕ ПЯТИ, ШЕСТИ И ДАЖЕ СЕМИ ДНЕЙ В НЕДЕЛЮ. В ЭТИ ДВАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ ВХОДЯТ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВСЯКОГО РОДА СВОБОДНЫХ ПРОФЕССИЙ — ВРАЧИ, УЧЕНЫЕ, ПИСАТЕЛИ, УЧИТЕЛЯ, МИНИСТРЫ, АДВОКАТЫ, ИЗДАТЕЛИ, ПРОМЫШЛЕННИКИ И ДИРЕКТОРА, ПСИХОЛОГИ, А ТАКЖЕ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ БИЗНЕСМЕНЫ И МЕНЕДЖЕРЫ...

...Отец стремглав выбежал наружу. Молли стояла, вся вытянувшись в струнку, и старалась запихнуть себе в рот оба кулака разом. А у ее ног лежал на земле человек с кожей серебристо-серого цвета; рука у него была сломана, он поглядел на Джека и замыкал...*

ТЕОДОР СТАРДЖОН, 1946

Такое общество зажиточности, гуманизма, свободного времени и чуточку отчужденное, может быть вполне стабильным. В сущности оно может в некоторых смыслах напоминать общества Древней Греции (хотя эллинские сообщества развивались в основном не на основе зажиточности). Представим себе, что возникла ситуация, в которой, скажем, семьдесят или восемьдесят процентов человечества являются аристократией и большую часть своей энергии расходуют на совершенствование всевозможных методов развития личности, причем не обязательно в действиях, которые некоторые футуристы сочли бы важнейшими для гуманистической культуры. Нетрудно представить себе, что тон могут задавать спорт, турнирные коллективные игры (шахматы, бридж), музыка, искусство, знание языков или серьезные путешествия, а может, изучение точных наук, философии и тому подобного...

ГЕРМАН КАН и ЭНТОНИ ДЖ. ВИНЕР, 1967

* Пер. Н. Галь.

Опасения, что период жизни технической земной цивилизации может быть довольно коротким, не лишены оснований. Однако по крайней мере имеется шанс, что разрешение конфликтов откроет дорогу постоянному развитию цивилизации на время, сравнимое со временем существования звезд...

ДЖ. П. Т. ПИРМАН, 1961

Следует полагать, что высокоразвитое общество будет стабильно в течение очень долгого промежутка времени, храня документы закончившихся экспедиций и терпеливо дожидаясь возвращения остальных. Согласно этому предположению, цивилизации всей Галактики неизбежно суммируют свои достижения и избегают копирования. Возможно, существует центральный банк галактической информации, что позволяет имеющим к нему доступ узнавать, где именно в Галактике должна возникнуть новая жизнь — проблема невероятно трудная для нас, поскольку все указания, которые мы имеем, это лишь собственный опыт с одной планетой...

КАРЛ САГАН, 1963

ПРЕДСТАВЬ СЕБЕ ВСЮ МАТЕРИЮ, КОТОРАЯ СУЩЕСТВУЕТ,
СОБРАННУЮ ВМЕСТЕ
ПОСРЕДИ ВСЕЛЕННОЙ —
ВСЕ МЕТЕОРИТЫ,
КОМЕТЫ,
ЛУНЫ,
ПЛАНЕТЫ,
ЗВЕЗДЫ,
ТУМАННОСТИ,
МИРИАДЫ ГАЛАКТИК,
ВСЕ СОБРАННОЕ В ОДИН ОГРОМНЫЙ ПЕРВИЧНЫЙ
АТОМ, ОДИН МОНОЛИТ НЕПОНЯТНОЙ МАССЫ,
НЕВЕРОЯТНОЙ ПЛОТНОСТИ...
ПРЕДСТАВЬ СЕБЕ БЕЛЫЕ КАРЛИКИ, ПРЕДСТАВЬ
СЕБЕ
НЕЙТРОННЫЕ ЗВЕЗДЫ И УМНОЖЬ ВСЕ ЭТО НА БЕС-
КОНЕЧНОСТЬ...
ЦЕНТР ВСЕЛЕННОЙ? ВСЯ ВСЕЛЕННАЯ.
НИ ОДИН ЛУЧИК СВЕТА ИЛИ ЭНЕРГИИ НЕ УСКОЛЬЗ-
НЕТ, НИ ОДИН НЕ ПРОНИКНЕТ ВНУТРЬ.

БЫТЬ МОЖЕТ, ДВЕ ВСЕЛЕННЫЕ.
ОДНА ВНУТРИ ОГРОМНОГО ЯЙЦА СО ВСЕМ СУЩИМ
И ОДНА СНАРУЖИ СО ВСЕМ НИЧТО...
РАЗДЕЛЕННЫЕ, НЕСОПРИКАСАЕМЫЕ...
ПРЕДСТАВЬ СЕБЕ!
ПРЕДСТАВИЛ?
ВСЯ МАТЕРИЯ, СОБРАННАЯ ВОЕДИНО,
ОДНА ВСЕЛЕННАЯ, НЕВЕРОЯТНЫЙ МОНОЛИТ,
В КОТОРОМ НЕПОНЯТНЫЕ СИЛЫ
РАСТУТ
В ТЕЧЕНИЕ БЕСЧИСЛЕННЫХ ЭПОХ ИЛИ ВСЕГО
МГНОВЕНИЕ
(КТО ИЗМЕРИТ ВРЕМЯ В ТАКОЙ ВСЕЛЕННОЙ?)
И ТОГДА...
БАМ!
ВЗРЫВ!
БОЛЕЕ ЧЕМ ВЗРЫВ!
МОНОЛИТ РАЗЛЕТАЕТСЯ, ПЕРВИЧНЫЙ АТОМ РАЗ-
РЫВАЕТСЯ
НА КУСКИ, ИЗ ОГРОМНОГО ЯЙЦА ВЫКЛЕВЫВАЮТСЯ
ПОЖАР И СКОРОСТЬ,
ВЫКЛЕВЫВАЮТСЯ
ГАЛАКТИКИ,
ТУМАННОСТИ,
СОЛНЦА,
ПЛАНЕТЫ,
ЛУНЫ,
КОМЕТЫ,
МЕТЕОРИТЫ
И РАЗЛЕТАЮТСЯ ВО ВСЕ СТОРОНЫ
В ПРОСТРАНСТВЕ,
ВЫКЛЕВЫВАЕТСЯ ПРОСТРАНСТВО,
ВЫКЛЕВЫВАЕТСЯ РАСШИРЯЮЩАЯСЯ ВСЕЛЕННАЯ,
ВЫКЛЕВЫВАЕТСЯ ВСЕ...
ПРЕДСТАВЬ СЕБЕ!

НЕ МОЖЕШЬ?
ХОРОШО, ТОГДА ПРЕДСТАВЬ ВСЕЛЕННУЮ, ПОЛНУЮ
ЗВЕЗД И ГАЛАКТИК,
ВЕЧНО РАСШИРЯЮЩУЮСЯ ВСЕЛЕННУЮ
БЕЗ ГРАНИЦ.
РАЗБЕГАНИЕ ГАЛАКТИК ДРУГ ОТ ДРУГА,
ТАК СТРЕМИТЕЛЬНО,
ЧТО СО СКОРОСТЬЮ СВЕТА

ОНИ ИСЧЕЗАЮТ ИЗ НАШЕЙ,
А МЫ ИЗ ИХ
ВСЕЛЕННОЙ...

ПРЕДСТАВЬ СЕБЕ МАТЕРИЮ, РОЖДАЮЩУЮСЯ НЕ-
ПРЕРЫВНО,
АТОМЫ ВОДОРОДА, ВЫРАСТАЮЩИЕ КАК ГРИБЫ ПО-
СЛЕ ДОЖДЯ
ТУТ И ТАМ

ТУТ

И

ТАМ

МОЖЕТ, ОДИН АТОМ ВОДОРОДА В ГОД
НА ТЕРРИТОРИИ ТАКОЙ, КАК КОСМОДРОМ В ХЬЮ-
СТОНЕ,
И ЭТИ АТОМЫ
СОЕДИНЯЕТ ВМЕСТЕ
ВСЕОБЩАЯ СИЛА ТЯГОТЕНИЯ.
И ТАК РОЖДАЮТСЯ
НОВЫЕ СОЛНЦА,
НОВЫЕ ГАЛАКТИКИ ВМЕСТО ТЕХ, КОТОРЫЕ
УБЕЖАЛИ
ЗА ПРЕДЕЛЫ НАШЕГО ВОСПРИЯТИЯ,
И ТАК ВСЕЛЕННАЯ РАСШИРЯЕТСЯ
БЕЗ КОНЦА
И БЕЗ НАЧАЛА...

НЕ МОЖЕШЬ ПРЕДСТАВИТЬ?
ХОРОШО, ТОГДА СЧИТАЙ ВСЕ ЭТО СКАЗКОЙ...

Наверняка многим не понравятся тысячелетние экспе-
диции, однако у нас нет права навязывать другим свои
взгляды...

ФРИМЕН ДЖ. ДАЙСОН, 1964

Нации космических путешественников отправляли бы
экспедиции примерно раз в год, благодаря чему примерно с
той же частотой звездолеты и возвращались бы, одни с не-
гативными сообщениями об изученных солнечных системах,
другие с вестями от каких-то хорошо известных нам цивили-
заций. Богатство, разнородность и великолепие этой тор-

говли, обмен товарами и информацией, взглядами и изделиями, концепциями и аргументами должны непрерывно обострять любопытство и укреплять жизненные силы участвующих в этом наций...

КАРЛ САГАН, 1963

АГЕНТСТВО СТАТИСТИКИ И ДЕМОГРАФИИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ СООБЩИЛО СЕГОДНЯ В СВОЕМ ГОДОВОМ ОТЧЕТЕ, ЧТО НАСЕЛЕНИЕ МИРА ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД ДОСТИГЛО ПЯТИ МИЛЛИАРДОВ И С ТЕХ ПОР УМЕНЬШИЛОСЬ НА НЕСКОЛЬКО МИЛЛИОНОВ, В ОСНОВНОМ В ВЫСОКОУРБАНИЗИРОВАННЫХ СТРАНАХ.

ПОСЛЕДНИМ КРИКОМ МОДЫ В ОБЛАСТИ СРЕДСТВ ИНФОРМАЦИИ ЯВЛЯЕТСЯ НЕВЕРОЯТНО СЛОЖНОЕ СОЕДИНЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ, ЗАПАХА, МУЗЫКИ, ПРИКОСНОВЕНИЯ, ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ В ОДИН ОБЩИЙ ПРИЕМ ИНФОРМАЦИИ О — А КАК ЖЕ ИНАЧЕ? — ПРИНИМАЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ. БУДУЩИЙ ВИДЕО-СЛУХО-НЮХО-ОЩУЩАТЕЛЬ ПОКУПАЕТ ЧЕРНЫЙ ЯЩИЧЕК, ИМЕЮЩИЙ СЕМЬ КНОПОК НА ОДНОЙ ИЗ СТЕНОК. НАЖИМАЯ В ПРОИЗВОЛЬНОМ ПОРЯДКЕ ЭТИ СЕМЬ КНОПОК, НАШ В-С-Н-О ПОДВЕРГАЕТСЯ АТАКЕ ЧЕГО-ТО, ЧТО ПОНАЧАЛУ КАЖЕТСЯ ПОДАВЛЯЮЩИМ РАЗНООБРАЗИЕМ ЧУВСТВЕННЫХ ОЩУЩЕНИЙ, НО ЕСЛИ ЕМУ ПОВЕЗЕТ, МОЖЕТ В КОНЦЕ КОНЦОВ ОБНАРУЖИТЬ, ЧТО ЭТО НЕЧТО БОЛЬШЕЕ, ЧЕМ ПРОСТО ОЩУЩЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ОРГАНОВ ЧУВСТВ: ЭТО ПРИЕМ ИНФОРМАЦИИ О ПРИНИМАЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ, И ЭТО РАЗНООБРАЗИЕ ИНФОРМИРУЕТ НЕ ТОЛЬКО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ, НО И ДРУГ ДРУГА, УСИЛИВАЯ ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ К ОБЫЧНЫМ ПРОЦЕССАМ, ПРИМЕНЯЕМЫМ НАМИ ДЛЯ ИНФОРМИРОВАНИЯ О ХАРАКТЕРЕ ТОГО, ЧТО ПРОИСХОДИТ ВОКРУГ, И К УСИЛИЯМ ИНЫХ УВЕДОМИТЬ НАС О ТОМ, О ЧЕМ ОНИ ХОТЯТ — ИЛИ НЕ ХОТЯТ — НАМ СООБЩАТЬ. КАК БЫ ВАМ ЭТО ОБЪЯСНИТЬ? СЛОВА — ЭТО НЕ ЕДИНСТВЕННОЕ И, ПОЖАЛУЙ, НЕ САМОЕ ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ. КУПИТЕ СЕБЕ ЯЩИЧЕК И ИСПЫТАЙТЕ ВСЕ САМИ!

Коль скоро в Галактике находится приблизительно миллион планет, способных на такие достижения, взаимные посещения происходили бы примерно раз в тысячу лет, поэтому разведывательные экспедиции могли в прошлом посещать Землю — порядка десяти тысяч раз за весь период земной истории...

КАРЛ САГАН, 1963

Он оглянулся на купол — игрушечный черный бугорок вдали.

Там остались люди, которым недоступна красота Юпитера. Люди, которым кажется, что лик планеты закрыт мятущимися тучами и хлещущим дождем. Незрячие глаза. Никудышные глаза... Глаза, не видящие красоту облаков, не видящие ничего из-за шторма. Тела, неспособные радостно трепетать от трелей звонкой музыки над клокочущим потоком...

— Не могу я возвращаться, — сказал Байбак.

— Я тоже, — отозвался Фаулер.

— Они меня снова в пса превратят.

— А меня — в человека, — сказал Фаулер*.

КЛИФФОРД САЙМАК, 1944

ОЧЕРЕДНОЕ ПОЯВЛЕНИЕ В НАШЕМ ОБЩЕСТВЕ ДИЛЕТАНТА, УЧЕНОГО — ДЖЕНТЛЬМЕНА ПО ПРОФЕССИИ, ЧЕЛОВЕКА, ЖИВУЩЕГО СВОЕЙ СТРАСТЬЮ К ИСКУССТВУ ИЛИ К РАБОТЕ ТОЛЬКО РАДИ УДОВОЛЬСТВИЯ, ПОЛУЧАЕМОГО ПРИ ЭТОМ, — ЯВЛЕНИЕ, ДОСТОЙНОЕ ВСЕСТОРОННЕГО ИЗУЧЕНИЯ. ПЕРЕСТАЕТ ЛИ РАБОТА БЫТЬ РАБОТОЙ, БУДУЧИ РАЗВЛЕЧЕНИЕМ? МОЖЕТ ЛИ РАЗВЛЕЧЕНИЕ СОЗДАТЬ ЛУЧШИЕ УСЛОВИЯ В НАУКЕ И В РАБОТЕ? ИЛИ ВСЕ-ТАКИ ХУДШИЕ?

Развитые общества Галактики скорее всего контактируют между собой, что является одной из основных сфер их интересов. Они уже постигли законы эволюции звезд и другие тайны природы. Единственная оставшаяся тайна — это жизнь других. Какие у них романы? Какие истории искусства? Каковы антропологические проблемы далеких звезд? Вот материал, над которым ломают головы эти философы...

ФИЛИП MORRISON, 1961

* Пер. Л. Жданова.

Сможем ли мы понять науку иной цивилизации?.. Наша наука сосредоточилась на задавании вопросов за счет других, однако это настолько вошло в плоть наших знаний, что, как правило, мы не отдаем себе в этом отчета. В ином мире главные вопросы могут задаваться иначе...

РОБЕРТ ОППЕНГЕЙМЕР, 1962

VI

Компьютер — 2118

*И Путник почувствовал их, он понял,
Что это безмолвье — ответ...*

Наблюдатели начали съезжаться в среду.

Одни были выбраны своими правительствами или полномочными комиссиями, другие — всеобщим голосованием, третьи получили личные приглашения от комитета Программы, подписанные директором.

Они съезжались со всего мира и всеми видами транспорта. Многие прибыли на парусных кораблях, начиная с пассажирских шхун с мачтами из нержавеющей стали и с роскошными каютами и кончая мелкими швертботами вообще без кают. На пироге с боковым поплавком проделали весь путь с Самоа несколько десятков гордых полинезийцев, желавших показать, что по-прежнему чтут деяния своих предков и могут сами повторить их.

Кто-то приплыл на частной подводной лодке, несомненно, с намерением провести после окончания торжества исследования морского дна; некий мужчина просто приплыл с Сент-Томаса, а какая-то женщина приехала с Кубы на водном велосипеде с двумя понтонами.

Многие явились в субботу на борту хOVERпаромов, раскидывающих свои крылья из пены, и реактивных самолетов регулярных линий, а кое-кто — на личном вертолете или воздушном шаре.

Это были времена ярких личностей, когда и у мужчин и у женщин было и время и возможность принимать самостоятельные решения.

Суббота была Днем Ответа, праздником, которого мир ждал девяносто лет, и теперь словно пробуждался от долгого сна... Нет... не от сна, а от мечты, от какой-то чудесной, зачарованной действительности, от мыслей о роде людском, о том, каким могло бы стать человечество, будь у него чуть

больше времени, чуть меньше спешки, чуть больше отдыха и чуть меньше адреналина. Начатая почти сто пятьдесят лет назад Программа, а также полученное и расшифрованное Послание с Капеллы дали Земле и ее людям девяносто лет мира и возможность открыть и пестовать иные инстинкты, кроме агрессивности. Проблемы, казалось бы, практически неразрешимые сто пятьдесят и даже девяносто лет назад, решились словно сами собой, едва мир получил передышку.

И вот наступил Великий День. Люди, прибывшие на празднование, имели разный цвет кожи и различные профессии, но расы вроде бы различались меньше, чем прежде, да и профессии уже не были четко определенными, словно каждый стал немного дилетантом, выполняя свои обязанности и неся ответственность с неистощимым восторгом и энтузиазмом вечного любителя, которого работа соседа интересует не меньше, чем своя собственная.

Среди прибывших были ученые самых разных специальностей: языковеды, философы, гуманисты, политики и государственные деятели, журналисты и аналитики, композиторы, артисты, поэты, писатели и просто любопытные граждане. Для удобства многие путешествовали группами, поскольку дух национализма тоже поуменьшился за прошедшие десятилетия. Хотя, возможно, все это подходило к концу по мере приближения Ответа.

Наблюдатели высаживались, как правило, в порту Аресибо и ехали дальше через зеленые холмы северного Пуэрто-Рико на автобусах и в лимузинах, на велосипедах и пешком, а добравшись до Программы и миновав невероятный кратер, выложенный сверкающим металлом, а сразу за ним — управляемый радиотелескоп, вознесенный металлической рукой, оказывались наконец перед длинным низким зданием — средоточием Программы.

Здание из бетонных плит и монолитного бетона разросло за те полтора столетия, что минули со времени его строительства, с каждым десятилетием выдвигаясь чуть дальше с обоих концов, а недавно к нему сзади добавили целое крыло. В нем располагалась аудитория, построенная специально для сегодняшнего торжества и спроектированная так, что пол зала спускался по склону холма, а линия крыши шла на одном уровне с первоначальной крышей, что превращало аудиторию в ножку буквы «Т». Ход в нее был по коридорам старого здания. Наблюдатели восхищались залатанными стенными панелями и многими слоями краски, которые, казалось, соединяли бетонные плиты друг с другом. Широко открытыми глазами разглядывали они зал прослушивания,

и останавливались, чтобы выслушать порцию шипений и тресков, музыки небесных сфер и фонового шума Вселенной, а также обрывков радиопрограмм тридцатых годов двадцатого века, которыми капеллане так ловко привлекли внимание слушателей Программы через пятьдесят лет после начала прослушивания:

СТУКТРЕСК может поменять свою кожу, а пантера ТРЕСКСТУК *музыка*: та маленькая щебетунья, та с прелестным СТУКСТУКТРЕСК может, уточку СТУКТРЕСК-СТУК замаскированный поборник справедливости ТРЕСК-СТУКСТУК *музыка* СТУКСТУКСТУКТРЕСК они ждут друг СТУКСТУКТРЕСКСТУКСТУК *музыка* СТУКСТУК-ТРЕСК *музыка*: флаг Гудзона подними ТРЕСКСТУК я невежливый мальчик СТУКСТУКСТУК представляет падуб ТРЕСКТРЕСК *музыка* СТУКСТУКТРЕСК Роджерс в двадцать СТУКТРЕСКСТУК *музыка*: кола получила двенадцать ТРЕСК...

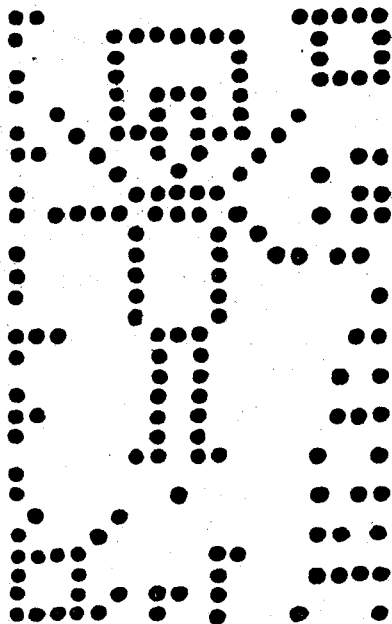
И все удивленно качали головами: «Здесь это звучит гораздо лучше, чем записи, которые я слушал. Гораздо ближе. Гораздо правдивее. Подумать только, что испытывали те, кто девятьюстами лет назад впервые услышал их и понял, что звуки эти проделали весь путь до Капеллы и обратно и что они получили первое доказательство разумной жизни на других планетах».

Отсюда дорога вела посетителей через впечатляющий компьютерный зал, где они слышали, как сам компьютер шепчет, стучит и бормочет себе под нос — «Почти как живой», говорили эти люди, — и видели, как огоньки загораются и гаснут, как всевозможные сканеры и принтеры глотают информацию или выплевывают ее, и вдыхали запахи масла и озона, характерные для больших и малых электрических устройств. Некоторые из них расспрашивали персонал о пустых креслах в углах зала, другие же, лучше информированные, спрашивали, не видел ли кто из них Призрака, а работники в соответствии с тем, чего от них ожидали, либо поднимали брови и, поглядывая по сторонам, говорили: «Да, и это было страшно»; либо отвечали, посмеиваясь: «Он поднимает мне настроение каждый раз, когда мне плохо»; или честно заявляли: «Никто его не видел уже очень давно, хотя некоторые уверяют, будто видели». Что бы они ни говорили, это принималось с удовлетворением, и наблюдатели шли дальше. Поочередно осматривали они оригинал послания в рамке, висящий на стене в кабинете директора, и проводили руками по старому столу, заваленному бумагами, на которых его карандаш и ручка оставили записи, рисунки и расчеты. А то еще сажались на краешек

кресла с деревянными подлокотниками, вытертыми ладонями нескольких поколений директоров, сиживавших в этом кресле, чтобы подумать над загадками Вселенной и проблемами связи, а другие поглядывали на них, вдыхая запах старых книг, занимающих две стены кабинета.

«Здание — настоящая жемчужина древности, — говорили наблюдатели друг другу, — в некотором смысле конкурент египетским пирамидам или европейским замкам. Видите, — говорили они, — как бетон полов в коридорах понижается к центру, вытоптанный легионами ступней? Сколько же раз должны были меняться плитки, покрывающие эти полы? Кроме того, это памятник человеческой науке и выдержке, и все это вместе должно достигнуть своей кульминации в виде чудесного и волнующего Ответа с Капеллы, который, даже если изменит все или не изменит ничего, все равно будет чудесен, и мир останется доволен своим ожиданием».

Но теперь ожидание подходило к концу, мир начинал набирать темп, пульс его ускорялся по мере приближения момента, когда огромные радиоуши снаружи здания начнут принимать ответ, отправившийся к Земле сорок пять лет назад, переданный чужой расой, предположительно стоящей на пороге гибели от взрыва их солнц — пары красных гигантов...

КАПЕЛЛА ПО ЛАТЫНИ ОЗНАЧАЕТ «КОЗОЧКА». НАХОДИТСЯ ОНА В СОЗВЕЗДИИ АУРИГИ, ВОЗНИЧЕГО, КОТОРЫЙ В ГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ ИЗОБРЕЛ ПОВОЗКУ. ЕГО ПЕРВУЮ ПОВОЗКУ, КАК УВЕРЯЕТ ЛЕГЕНДА, ТЯНУЛИ КОЗЫ.

Звезда	Спектральный класс	Приблизительная яркость	Ректасцензия	Деклинация	Расстояние	Сила излучения	Масса
Капелла А	G0	0,2	0614	+4558	45	120	4,2
Капелла В	G0						3,3

В ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ ВО ВРЕМЯ ВТОРОГО ИСПОЛНЕНИЯ ЭПИЧЕСКОЙ ВОСЬМИЧАСОВОЙ СИМФОНИИ «КАПЕЛЛА» МОЛОДОГО ПАКИСТАНСКОГО КОМПОЗИТОРА ПОЛОВИНА АУДИТОРИИ НАПРАВИЛАСЬ К ВЫХОДУ ПРЕЖДЕ, ЧЕМ КОНЦЕРТНЫЕ ЛЕНТЫ БЫЛИ НАПОЛОВИНУ СЫГРАНЫ КОМПОЗИТОРОМ, ЛИЧНО СИДЕВШИМ У ПУЛЬТА УПРАВЛЕНИЯ. МНОГИЕ ИЗ ВЫХОДЯЩИХ ОСТАНАВЛИВАЛИСЬ У КАССЫ, ТРЕБУЯ ВОЗВРАТА ДЕНЕГ, УВЕРЯЯ, ЧТО ПРОИЗВЕДЕНИЕ СЛИШКОМ ДЛИННОЕ И СКУЧНОЕ. ЭТО ШОКИРУЮЩЕ КОНТРАСТИРУЕТ С ПРОШЛЫМ ГОДОМ, КОГДА НА ПРЕМЬЕРНОМ ИСПОЛНЕНИИ ЭТОЙ СИМФОНИИ В НЬЮ-ЙОРКЕ НИ ОДИН ЧЕЛОВЕК НЕ ПОКИНУЛ СВОЕГО КРЕСЛА, А В КОНЦЕ АУДИТОРИЯ ОКАЗАЛА КОМПОЗИТОРУ ВЫСШУЮ ЧЕСТЬ ДЕСЯТИМИНУТНЫМ МОЛЧАНИЕМ, ПОСЛЕ ЧЕГО МНОГИЕ СЛУШАТЕЛИ ОСТАЛИСЬ НА ДОЛГИЕ ЧАСЫ, ОБСУЖДАЯ С ДРУЗЬЯМИ СОДЕРЖАНИЕ СИМФОНИИ...

Вы слышали последнюю новость с Капеллы?
 Нет, а что это за новость с Капеллы?
 Капелланин снес яйцо.

...Мне хватает Земли,
 Я не хочу созвездия ближе,
 Я знаю, что им хорошо там, где они есть,
 Я знаю, что их достаточно тем, кто там есть...

УОЛТ УИТМЕН, 1856

Тот, кто не видел живого марсианина, вряд ли может представить себе его страшную, отвратительную наружность. Треугольный рот с отсутствующей верхней губой, полнейшее отсутствие лба, никаких признаков подбородка под клинообразной нижней челюстью, непрерывное подергивание рта, щупальца, как у Горгоны, шумное дыхание в непривычной атмосфере, неповоротливость и затрудненность в движениях — результат большей силы притяжения Земли, — в особенности же огромные пристальные глаза, — все это было омерзительно до тошноты. Маслянистая темная кожа напоминала скользкую поверхность гриба, неуклюжие, медленные движения внушали невыразимый ужас. Даже при первом впечатлении, при беглом взгляде я почувствовал смертельный страх и отвращение...

Г. ДЖ. УЭЛЛС, 1898

Само торжество началось в субботу на закате солнца. Гости увидели эффектный спектакль, когда солнце, садясь за клубившиеся на западе облака, окрасило их во все оттенки золотого, оранжевого и красного, потом в темный пурпур и наконец вычернило. Верящие в предзнаменования сочли это знамением, не верящие решили, что зрелище, что о нем ни говори, было прекрасным.

Гости проходили через здание Программы в зал, где пружинящие под ногами дорожки вели их к мягким креслам. Они окидывали взглядами других гостей и саму аудиторию, ее стены, покрытые фресками, и сцену в нише у основания рядов кресел, точнее, даже не сцену, а просто кафедру. Под ней стояли небольшие компьютерные мониторы с переключателями и множеством указателей, а также несколько осциллографов. На концах ряда мониторов скрывались в полумраке кресла. Оба были пусты.

Когда гости заняли свои места, по центральному проходу спустился персонал Программы, возглавляемый директором, Уильямом Макдональдом. Мужчина пятидесяти семи лет энергично прошел к трибуне, а его сотрудники расселись по креслам первого ряда, не занятым согласно старому обычаю — ранее прибывшие занимают последние ряды.

Когда Макдональд повернулся к рядам кресел, занятым теперь до последнего — двум его работникам пришлось найти складные стулья и поставить их на концах первого ряда, — свет приглушили, не очень, но достаточно, чтобы внимание сосредоточилось на кафедре. Разговоры стихли.

— Граждане мира, — сказал Макдональд, и его слова

были услышаны во всей аудитории, как будто он сидел и разговаривал с каждым отдельно, — земляне. Я приветствую вас, прибывших сюда в День Ответа. Это торжество передается на все континенты и малейшие островки нашей планеты, в наши колонии на Луне и на Марсе и всем людям, находящимся в космическом пространстве, поскольку это День Земли, день, которого все мы ждали девяносто лет, первый день, когда мы можем ожидать ответа Капеллы на послание, которое Земля послала капелланам девяносто лет назад.

Однако сначала позвольте ввести в сердце нашей эйфории пару миллилитров реализма. Ответ можно ожидать самое раннее через полчаса, однако это не значит, что мы на самом деле получим его именно в это время. Наше послание могло потребовать перевода — на это нужно время. Их ответ необходимо было сформулировать — на это тоже нужно время. Иными словами, Ответ можно ждать не через пару часов и даже пару дней или недель. Мы не должны впадать в отчаяние из-за задержки, она неизбежна. Минувшие девяносто лет научили нас терпению; кто знает, не придется ли нам проявить его сейчас.

Меня зовут Уильям Макдональд, и я директор Программы. Я третий Макдональд, занимающий этот пост. Он не наследуется, хотя именно так может показаться.

По залу прокатился сдержанный смешок.

— Возможно, только Макдональды, — продолжал оратор, — готовы провести всю свою жизнь в ожидании и прослушивании... У меня нет сына, но для успокоения любопытства некоторых из вас сообщаю, что имею дочь, которая ныне входит в персонал Программы. Однако фактическую работу Программы выполняет не директор, а все сотрудники. Вот они сидят передо мной, и я хочу, чтобы они встали и показали вам...

Когда стихла овация, Макдональд заговорил снова:

-- Тысячи мужчин и женщин отдали свое время, свою энергию, свое сердце и саму свою жизнь Программе за эти без малого полтора столетия, и именно их труд помог Программе достичь нынешней точки во времени и истории. Я бы хотел перечислить их всех, но это продолжилось бы гораздо дольше тех тридцати минут, которыми я располагаю. Вы найдете их имена в брошюре, раздаваемой у входа, мы же в честь их всех поставили кресла по обе стороны кафедры, чтобы они напоминали о них самих и об их неоценимых заслугах. Разумеется, вы можете считать, что в них сидит кто-то из прежнего персонала — Джон Уайт, например, или

его сын Эндрю, Рональд Ольсен или Чарльз Сандерс, один из них или все сразу. Я, например, уверен, что их занимают мой отец и мой дед.

Со своего места тяжело поднялся премьер Сибири.

— Мистер Макдональд, — сказал он, — я слышал, что призраки вашего отца и деда — некоторые называют их «внешностями» — появляются в компьютерном зале Программы. Кроме того, из достоверных источников мне известно, что создание таких иллюзий доступно вашему компьютеру и что он получил указание говорить голосом вашего отца или деда...

В полном спокойствии Макдональд смотрел на высокого мужчину в длинных одеждах.

— Компьютер, — ответил он, — может представить голографический образ информации, в чем, надеюсь, вы скоро убедитесь, но мы уверены, что иллюзия, о которой вы упомянули, в данный момент ему недоступна, и если некоторые из нас верят, что души прежних работников Программы сохранились в компьютере в виде, скажем, диалогов и других данных — что ж, все мы нуждаемся в моральной поддержке.

Через несколько минут компьютер примет на себя большую часть сегодняшней демонстрации, поскольку нет человека, достаточно быстрого для интерпретации ожидаемых сигналов по мере их приема, а именно этой работой компьютер занимался минувшие сто пятьдесят лет. Эта работа, а также собранная информация, программы и обратные связи превратили его в невероятно сложное образование, однако мы не подкидывали ему наших опасений и надежд. Услышав голос компьютера, вы сами сможете оценить, говорит ли он, как мой отец или дед, а может — по утверждениям некоторых — как я, или же это просто комбинация всех голосов, которые он когда-либо слышал. Мы могли бы дать ему указания подобного рода, но не делаем этого. Возможно, как я уже говорил, мы сами предпочитаем считать компьютер по крайней мере полусознательным нашим сотрудником.

Итак, пора уже передать эстафету компьютеру. Его презентация будет состоять из передачи голоса и голографических образов. Начнется все краткой историей Программы. Как только и если только будут получены сигналы — через наши собственные антенны или антенны Большой Сети, кружащей на околоземной орбите, с которыми компьютер поддерживает постоянный контакт, — презентация будет прервана...

ПОЧТИ ДВА МИЛЛИАРДА ЧЕЛОВЕК СОБРАЛИСЬ
ВОКРУГ ГОЛОВИЗОРОВ СЕГОДНЯ ДНЕМ ИЛИ НОЧЬЮ —
ТОЧНО СКАЗАТЬ НЕВОЗМОЖНО, ПОСКОЛЬКУ СЕТЬ
ИХ ПОКРЫЛА ВСЮ ЗЕМЛЮ, — ЧТОБЫ ПОСМОТРЕТЬ
ТОРЖЕСТВО, ОТКРЫВАЮЩЕЕ ДЕНЬ ОТВЕТА, ПЕРЕ-
ДАВАЕМОЕ ИЗ АРЕСИБО. ЕЩЕ ДВА МИЛЛИАРДА ПЫ-
ТАЛИСЬ ПРОБИТЬСЯ К ГОЛОВИЗОРАМ...

О, Душа, готова будь!
Непонятное познать.
Звезды Бога облик явят.
Мы взамен им — Человека.
ЭЛИС МЕЙНЕЛЛ, 1913

ПОЛОВИНА СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА МЕДИ-
ЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА СТЕНФОРДСКОГО УНИ-
ВЕРСИТЕТА ВЫБРАЛА НОВУЮ УКРОЧЕННУЮ ДЕ-
СЯТИЛЕТНЮЮ ПРОГРАММУ.

МИНИСТЕРСТВО СТАТИСТИКИ НАРОДОНАСЕЛЕ-
НИЯ ОБЪЯВИЛО СЕГОДНЯ О ДВУХПРОЦЕНТНОМ РО-
СТЕ МИРОВОГО ПОКАЗАТЕЛЯ ЕСТЕСТВЕННОГО
ПРИРОСТА ПО СРАВНЕНИЮ С ТЕМ ЖЕ ПЕРИОДОМ
ПРОШЛОГО ГОДА.

МИНИСТЕРСТВО ЭКОЛОГИИ СООБЩИЛО СЕГОДНЯ,
ЧТО НА ПРОШЛОЙ НЕДЕЛЕ БЫЛО ЗАЯВЛЕНО О ПЯТИ
СЛУЧАЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО И ТРЕХ — ИНДИВИДУ-
АЛЬНОГО ЗАРАЖЕНИЯ. В ТЕЧЕНИЕ ВСЕГО ПРОШЛОГО
ГОДА СООБЩАЛОСЬ ВСЕГО О ДЕСЯТИ СЛУЧАЯХ...

О, Капелла, о, Капелла,
Голосов со звезд капелла.
Веселимся от души мы,
Что не одиноки.
Наши братья в том просторе,
С ними петь хотим мы в хоре,
Но приходится одним.
Мы слова даем, вы — ноты,
Но уж слишком вы далеки.
Ах, Капелла...

Но если бы удалось предупредить обе расы и каждая узнала бы, что другая не хочет войны!.. Если бы они смогли, не зная местоположения друг друга, поддерживать связь до тех пор, пока не появятся некоторые основания для взаимного доверия...

— Поменяться кораблями! — проревел капитан. — Поменяться кораблями и идти домой...*

МИОРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР, 1945

В своем рассказе об истории Программы, иллюстрированном фотографиями и фильмами в голографическом кубе, сформированном возле Макдональда, компьютер уже дошел до драматического момента, когда радиотелескоп на околоземной орбите записал очередную пленку и вместе с другими, как обычно, отправил ее Программе, где некий человек по фамилии Сандерс начал кропотливый процесс расшифровки, который выявил голоса, как вдруг на секунду прервался, а потом произнес тем же бесстрастным голосом:

— Я принимаю новые сигналы с Капеллы.

Слушатели вздрогнули и выпрямились в своих креслах, а по всему миру мужчины, женщины и дети придвинулись к своим экранам. Какой-то мужчина в зале упал в обморок, какая-то женщина расплакалась.

— Сигналы, которые я принимаю с Капеллы, — сказал компьютер, — похожи на те, что поступали непрерывно последние девяносто лет. Однако с некой существенной разницей. Сейчас передача повторяется на случай возможных помех или потери сигнала. Дальнейшие сигналы идут уже один за другим.

Зрители подались вперед.

— Я уже могу показать новое Послание, — сказал компьютер.

На черно-белом поле в голографическом кубе появилось изображение.

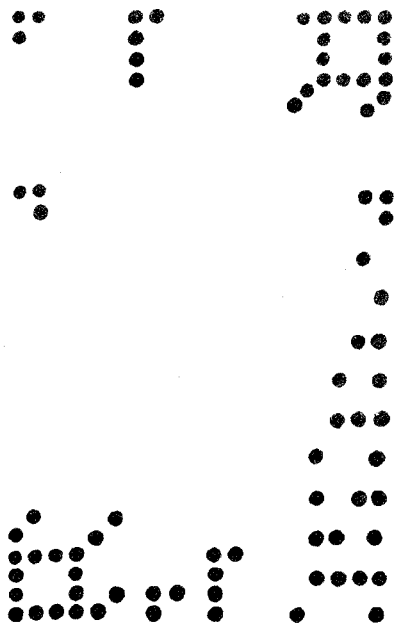
— Информация поступает слишком быстро, — сказал компьютер, — чтобы показать ее всю. Я выберу для демонстрации несколько отрывков.

Первое изображение исчезло, и в кубе начали поочередно появляться новые, секунд на десять каждое.

— Эта информация явно представляет собой запись словаря, цифр и операторов, — сказал компьютер. — Да, теперь я могу утверждать с ошибкой в допустимых пределах, что

* Пер. Д. Брускина.

информация представляет собой словарь. При этой скорости передачи достаточно обширный словарь и, возможно, грамматика будут в нашем распоряжении через двадцать четыре часа. Сейчас, — продолжал компьютер, — символы сменяются образами. Как только словарь будет скомплектован, полагаю, образы закончатся и сообщения начнут поступать целиком в символах и прочих абстракциях, что поднимет уровень коммуникации до уровня истории, романа и математических формул. Сейчас, — говорил компьютер, — я принимаю простые сообщения в одних символах.

В части зала вокруг премьеры Сибири люди переговаривались, громким шепотом обмениваясь какими-то замечаниями, а зрители, окружавшие группу, лишь морщились от этой суеты. Премьер Сибири встал снова, несмотря на то что кто-то из делегации ученых тянул его за полу одежды. Делегация сибиряков была более сплоченной, чем большинство остальных.

— Мистер Макдональд, — произнес премьер, — мое окружение выражает обеспокоенность, что поступление информации идет быстрее, чем предполагалось, и компьютер не сможет с ней справиться.

— Такой опасности нет, — сказал Макдональд.

— Я имею в виду, мистер Макдональд, — продолжал премьер, вырывая полу своей одежды из рук того, кто пытался его удержать, — что может возникнуть непредвиденная опасность, связанная с дальнейшим приемом.

— Уверяю вас, — сказал Макдональд, — никакой опасности нет.

— Вашего заверения недостаточно. Поскольку наши слова подслушиваются и записываются компьютером, я не хотел говорить прямо, рассчитывая, что как дипломаты мы сможем понять друг друга, не говоря всего до конца, но теперь вынужден отбросить церемонии. Капеллане технически превосходят нас и к тому же находятся в отчаянном положении. Эта комбинация может грозить захватом ими власти над вашим компьютером и всей его мощностью. Раса, подобная им, должна мастерски владеть компьютерами, и кто знает, какими возможностями передачи и транспортировки овладели эти существа. Я прошу вас принять меры предосторожности, диктуемые разумом, и отключить компьютер на время обсуждения возникшей ситуации.

Рядом с премьером встал сибирский ученый.

— Приношу извинения за нашего руководителя, — сказал он. — Не подлежит сомнению, что он не имеет понятия ни о сущности компьютера, ни о существе принимаемой информации.

Шум в аудитории достиг уровня, при котором трудно что-либо услышать. Макдональд поднял руку.

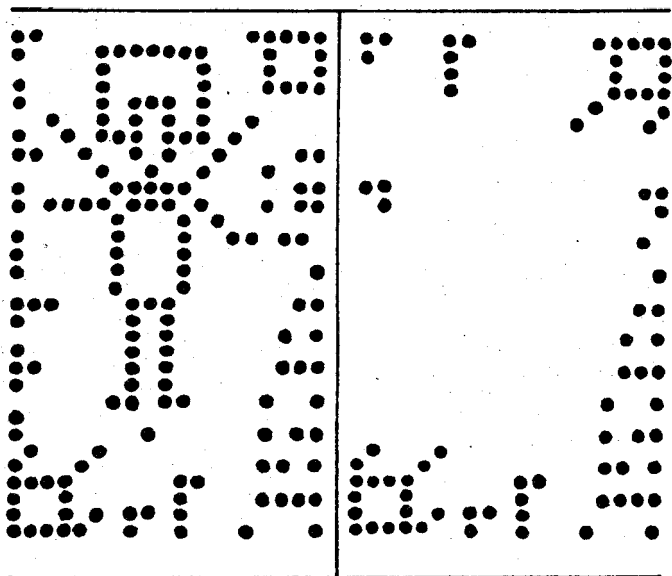
— Несмотря на это, — продолжал сибиряк, — его опасения вполне естественны и их могут разделять и другие присутствующие. Нельзя совершенно исключить возможность того, что чужая программа вытеснит нашу, однако с расстояния в сорок пять световых лет, без предварительного ознакомления с нашим компьютером, с тем, как он действует, как программируется, без возможности обратной связи шансы на это бесконечно малы. Да и зачем это им?

— Кроме того, — продолжал Макдональд, — нам уже нечего бояться капеллан. Это ясно следует из ответа, который мы только что получили. Дай-ка его еще раз!

В голографическом кубе вновь появился ответ.

— И оригинал Послания с Капеллы, — распорядился Макдональд. — Тот, что мы приняли девяносто лет назад... Помести его рядом с ответом.

Оба сообщения появились рядом.

МИР ЖДЕТ ОБЪЯСНЕНИЯ ОТВЕТА, ПОЛУЧЕННОГО С КАПЕЛЛЫ ВСЕГО НЕСКОЛЬКО МИНУТ НАЗАД. ДИРЕКТОР МАКДОНАЛЬД ДОЛЖЕН ВОТ-ВОТ ОБЪЯСНИТЬ ЗНАЧЕНИЕ ОБОИХ ПОСЛАНИЙ. ЗЕМНОЙ ШАР ОХВАЧЕН ДУРНЫМИ ПРЕДЧУВСТВИЯМИ. НЕКОТОРЫЕ АНАЛИТИКИ ПОДЧЕРКИВАЮТ УДИВИТЕЛЬНУЮ ПУСТОТУ ПОЛЯ ОТВЕТА. ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ ОЦЕНКАМ, АУДИТОРИЯ, СМОТРЯЩАЯ ПЕРЕДАЧУ, ДОСТИГЛА ТРЕХ МИЛЛИАРДОВ.

Где-то в глубине песков пустыни
Некто с телом льва и головой человека,
С глазом слепым и безжалостным от солнца
Медленно сгибает колени, а вокруг
Носятся тени оскорбленных грифов.
И вновь опускается мрак, но я уже знаю,
Что двадцать веков каменного сна
Качали кошмар в колыбели.
И вот его время пришло.
И какая же дикая тварь
Приползет в Вифлеем, чтоб родиться?

УИЛЬЯМ БАТЛЕТ ИЕТС, 1821

Не знаю, кем я кажусь миру, но сам себе я кажусь ребенком, играющим на пляже и находящим время от времени гладкий камешек или раковину, более красивую, чем другие, в то время как огромный океан неоткрытых истин растилается предо мной...

ИСААК НЬЮТОН, НАЧАЛО ВОСЕМНАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ

Однажды вечером, когда мрак сгушался и создания, которые порой воют на луну, выли снова, Фандер в сотый раз вытянул свое щупальце. Каждый раз жест его было легко понять, даже если намерения и оставались непонятными, но всегда он бывал отвергнут. Однако теперь пять пальцев обхватили щупальце с робкой вежливостью. Молясь, чтобы человеческие нервы действовали так же, как марсианские, Фандер как можно быстрее послал свои мысли, чтобы успеть до ослабления дружеского пожатия.

Не бойся меня. Я ничего не могу сделать со своим видом, так же как ты со своим. Я твой друг, твой отец, твоя мать. Ты нужен мне так же, как я нужен тебе...

ЭРИК ФРЭНК РАССЕЛ, 1950

— Как видите, — сказал Макдональд, — одни части посланий идентичны, а другие отличаются. Основное отличие представляет отсутствие в ответе центральной фигуры. Вторым по важности отличием является изменение символа солнца в правом верхнем углу, которое теперь выглядит так же, как солнце в левом нижнем углу. Оба знака, описывающие их, теперь идентичны...

Из первого ряда встал чернокожий астроном.

— Но ведь это невозможно, — произнес он. — Солнца не могли превратиться в новые. К этому времени мы получили бы визуальное подтверждение, а между тем спектры Капеллы остались неизменными.

— Это значит, — ответил Макдональд, — что мы сделали неверный вывод девяносто лет назад, предположив, что Послание сообщало о превращении звезд в новые. Долгое время это не давало нам покоя, и некоторые из нас даже рассматривали возможность, которая, как мне кажется, нашла теперь подтверждение: содержавшаяся в Послании информация о звездах относилась к моменту, когда огромные солнца Капеллы почти полностью исчерпали свой водород и сошли с главной последова-

тельности*. Их внутренности начали сжиматься, а поверхностные слои расширяться, и солнца вступили в стадию красных гигантов, чудовищно увеличив свою температуру и яркость. Именно эту смену температуры и массы своих солнц описывали капеллане в первом Послании.

— А когда это произошло? — спросил премьер Сибири.

— Где-то между недавним и очень далеким прошлым, — ответил Макдональд. — Может быть, тысячу лет назад... а может, пару миллионов.

Аудитория зашумела, постигая смысл заявления Макдональда, и только премьер Сибири даже не дрогнул.

— А что с капелланами?

— Взгляните еще раз на послания, — сказал Макдональд. — Как видите, в ответе опущены все так называемые слова или символы с левой стороны, все, кроме одного, и это единственное слово означает капелланина, а перед ним стоит то, что, по-моему, является символом отрицания.

— Отрицания? — спросил премьер.

— Капеллане, — устало произнес Макдональд, — погибли. Даже символы планет говорят о постигшей их судьбе. Планета-гигант несколько уменьшилась в размерах в результате увеличения и роста температуры ближнего солнца, которое ныне раз в десять больше, чем прежде, а все спутники планеты сгорели, за исключением того, который в прошлом мы сочли родиной капеллан и который явно потерял часть своей массы, возможно, в результате испарения океанов и атмосферы, а может, и из-за внутренних взрывов.

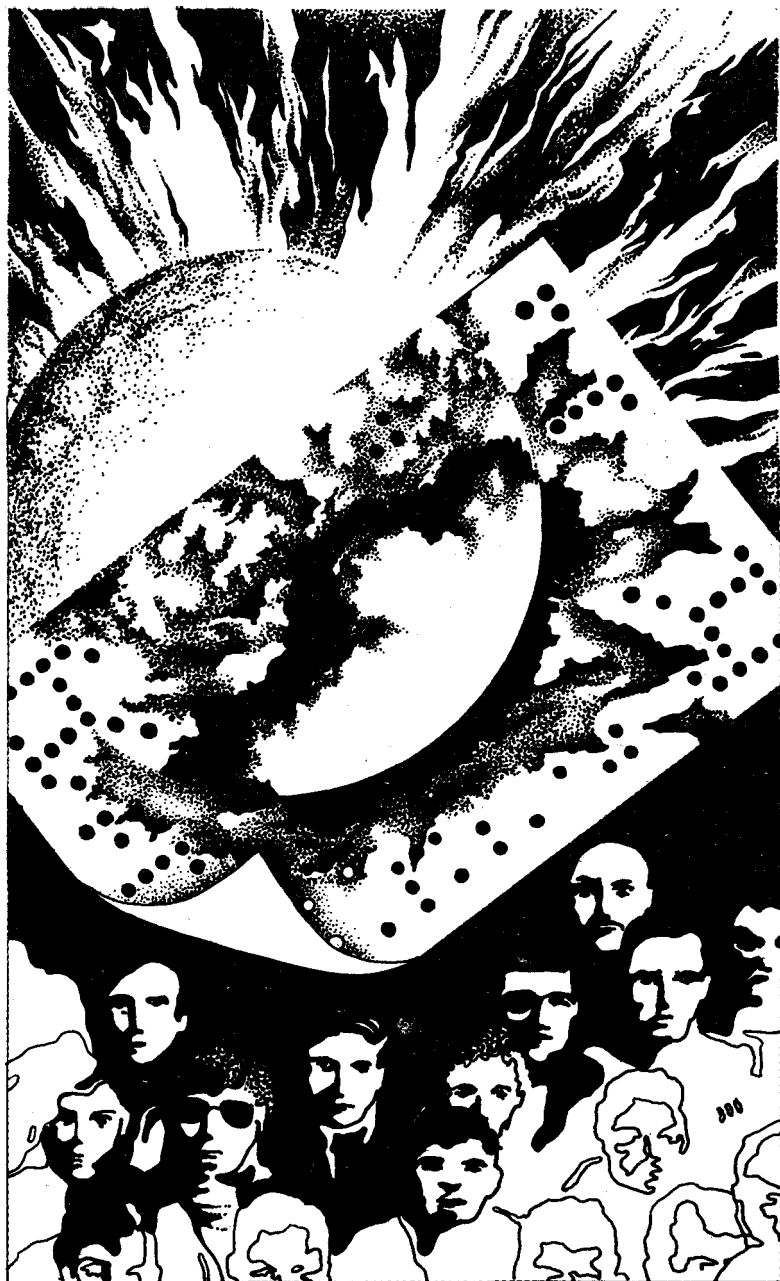
— Выходит, мы общаемся с давно вымершей расой... — сказал премьер.

— По всей видимости, — продолжал Макдональд, — они установили автоматические самонаправляющиеся устройства для приема возможных сигналов будущих цивилизаций и передачи им Посланий. Если их аппаратура принимает ответ, указывающий на то, что техническая цивилизация ведет прослушивание космоса, тогда они начинают передавать...

— Что? — спросил премьер. — Какой во всем этом смысл, если сами они мертвы?

— Получено сообщение, — произнес компьютер. — Оно выражено простыми словами, и, хотя есть определенные

* Совокупность звезд, физически сходных с Солнцем и образующих на диаграмме спектр-светимость (диаграмма Герцшпрунга-Рассела) единую последовательность. Отдельные участки диаграммы занимают белые карлики и красные гиганты.

неясности в точном значении некоторых слов и выражений, в целом сообщение логично. Для большей ясности я представлю его визуально:

Людям,
существам цивилизованным,
разумным созданиям,
братьям,
всем заинтересованным.
Привет от людей с Капеллы (первого спутника Бога),
которые умерли,
уничтожены,
убиты.
Которые жили,
работали,
строили,
и были уничтожены.
Примите наше наследие: останки
и наши лучшие пожелания,
родство,
восхищение,
братство,
любовь.

— Капеллане погибли, — сказал Макдональд.

— А Программа? — спросил премьер. — Ваша работа закончена.

— В некотором смысле, — согласился Макдональд. — Теперь начинается работа для всего мира. Информация, которую компьютер принимает, накапливает, анализирует и переводит, содержит полную запись цивилизации, отличающейся от нашей почти во всем, что мы знаем, за исключением разума и чувств; цивилизации, значительно превосходящей нашу. Запись не только ее истории, но, если я не ошибаюсь в своих предположениях, также философии, культуры, искусства, науки, техники, теологии, литературы. Мы получаем наследство большее, чем если бы нам подарили вторую планету со всеми ее природными ресурсами, а ученые и интеллектуалы всего мира, и все те, кто захочет его познать, могут провести всю жизнь, изучая его и интерпретируя, часть за частью добавляя это наследство к нашей цивилизации, обогащая нас прекрасным новым миром и всем, что этот мир создавало.

Если же говорить о самой Программе, то наши поиски продолжались неполные полтора столетия и завершились

одним грандиозным открытием. Кто знает, какие цивилизации, каких необычайных и великолепных людей можем мы еще открыть где-нибудь между Землей и краем Вселенной?

Аудитория молчала, а мир будто замер на секунду, прежде чем вновь продолжил свое движение. А где-то среди магнитных полей, миниатюрных переключателей и потоков электронов что-то соединилось, дрогнула память:

Что это безмолвие — ответ...*

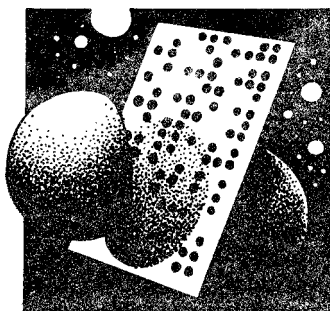
Это походило на мимолетную мысль одной из теней, возможно, сидящих в обоих пустых креслах, или же кого-то из мужчин и женщин, прошедших через Программу и долгие годы населявших эти коридоры и комнаты, — какая-то их частица продолжала жить в компьютере...

Передача с Капеллы будет продолжаться много дней, недель или месяцев, однако в конце концов остатки наследия с иной планеты будут переданы, Послание кончится, и молчание начнет безмолвие...

И тогда оживет радиотелескоп — ухо Земли, улавливающее секреты Вселенной, и большой радиотелескоп в виде чаши для ловли звездной пыли, и начнется новая охота в небесах за новым посланием со звезд.

К тому времени компьютер будет уже по крайней мере наполовину капелланским. Никто, кроме компьютера, не поймет этого еще в течение полувека, а к тому времени Программа примет послание из Крабовидной туманности...

* Уолтер де ла Мар. «Слушающие».

РОЖДЕСТВО
ЕЖЕДНЕВНО

Вот и остались позади невыносимые три года моего добровольного заключения. Там, среди равнодушных глыб метеоритного пояса, в тесноте навигационного маяка, только ожидание этой минуты спасало меня от безумия. И мечта о Джин...

Наконец я ступил на Землю. «Господи, какое здесь пекло», — первое, что я подумал. После искусственного климата маяка земля казалась горячей, а воздух — влажным и липким.

Вместо бурного восторга, естественного, впрочем, по возвращении, реакция моя оказалась чисто физической, а нервное напряжение, копившееся все три года, еще ждало своей разрядки.

Лица спящих вокруг людей действовали угнетающе, мучила неясная тревога. Что-то было не так, но сейчас я думал лишь об одном.

Джин... Почему она не встретила? Еще на подходе к Земле я послал телеграмму. Неужели не получила? А я так хотел поскорее увидеть ее...

Я вновь перечитал казенный бланк: «В случае Вашего согласия на возобновление контракта мы со своей стороны готовы удвоить ставки...»

От бездонного неба, испещренного невесомыми облачками, кружилась голова. Сто семьдесят пять фунтов моего тела, отвыкшего от нормального тяготения, стали здесь тяжелым бременем. Но не это сгибало меня — другое, не имеющее отношения к законам природы.

Какова цена трех лет человеческой жизни? А самой жизни?

Пятьдесят тысяч в год? А сколько стоит одиночество? Чем вообще измеряется жизнь? Быть может, тем, чем заполнена? Три года на маяке показались мне целой жизнью, и я не берусь оценить ее в долларах. Теперь они предлагают сто тысяч в год. Будто одну жизнь можно продать дважды! Я не могу согласиться. Я уже продал.

Сто пятьдесят тысяч... Я богат! Джин не могла много истратить, к тому же на службе ей платят вполне прилично. Теперь мы лет десять сможем жить роскошно и еще двадцать — приемлемо.

Я вспоминал ее милое лицо в обрамлении золотистых локонов, голубые, чуть раскосые глаза и нежное тело, чуть полноватое, но всегда желанное. Все три года я вспоминал ее в мельчайших подробностях. Изучил лучше, чем самого себя. Где же ты, Джин?..

Я заспешил. Такси или метро? Мне захотелось пошиковать. Как пошлы эти двадцатипятицентовые турникеты! Но метро быстрее, это и определило мой выбор. Где ты, Джин?..

Нет, это еще не Земля. Жаркий и душный бетон давил на меня со всех сторон. А я хотел упасть в траву, руками ощутить Землю, сдвинуть в ладони мягкий комочек, чтобы он просыпался меж пальцев в траву...

Воняло в метро омерзительно. Под ногами попадались какие-то огрызки, обрывки газет. Размалеванные подростками стены уродовались еще и ободранными плакатами. «Проезд — один доллар», — сообщало самое заметное из них. Я поморщился. Не слишком ли подскочили цены за три года?

Я опустил монету в широкую щель турникета. Механический страж злобно лязгнул и пропустил меня.

Нетерпеливо прохаживаясь взад-вперед по пустой платформе, я от нечего делать изучал рекламные щиты. Прежде их было гораздо меньше, да и выглядели они скромнее и понятнее.

На одном из них переливались цветные разводы, напоминающие нефтяные пятна на воде. Смысл ускользал, но щекотал нервы где-то на уровне подсознания. Когда я уже отводил взгляд, вдруг проявилось что-то округлое, сдобное,

очень сексуальное и пробежали слова: «Будь, как все, на высоте, покупай товар везде!»

На другом щите хаотически перемигивались разноцветные пятнышки. Но тут бессмысленная рябь слилась в нечто знакомое — белый цилиндрик, с дымком. Память услужливо воспроизвела расслабляющий аромат сигарет. Страшно захотелось курить, даже дух занялся.

Последний раз я курил перед отлетом на маяк. Три года я и не помышлял о сигаретах. Но теперь накатило неодолимое желание затянуться.

Еще в космосе, по пути на Землю, я мечтал только об одном: стакане холодного молока, хрустящей горькой луковице — чтобы слезы из глаз — и паре помидоров. И чтобы все было свежее. Наверное, всю оставшуюся жизнь я не смогу даже глядеть на консервы.

Из тоннеля донесся нарастающий гул. К нему добавился железный перестук, прерванный визгом тормозов. У платформы остановился поезд. Никто не выходил на этой станции, и я без помех прошел в вагон. Дверцы сомкнулись, поезд плавно начал разгон. Яркий свет люминофоров сменился темнотой тоннеля.

В вагоне сидело не более десяти человек. Отрешенные лица пустыми глазами смотрели в никуда, тела, казалось, окаменели. Женщины, одетые в шорты кричащих расцветок, отличались от мужчин лифчиками с отверстиями, из которых вырывающе торчали накрашенные соски.

«Мода, конечно, прогрессирует, — ошарашенно подумал я, — но ведь это существо уродство!»

«Тр-р-рбум-бум!» — взревела вдруг музыка. От неожиданности я вздрогнул. Рев без пауз, но с резкими диссонансами рвал уши. Звуки неслись со всех сторон, я не мог обнаружить динамик.

«Чаруй, пленяй, меньше думай, покупай!» — визжал хор.

Я взглянул на неподвижных людей. Похоже, шокирован был один я.

Поезд остановился. Музыка смолкла. Несколько пассажиров вскочили и торопливо вышли из вагона. На их места расселись другие, большинство — с небольшими свертками в руках.

Полуобнаженные женщины, несмотря на три года воздержания, совсем не привлекали меня. Что же со мною творится?

Они сидели молча, неподвижно, похожие на выключенных роботов. В пустых глазах и на каменных лицах я не мог

прочитать ничего человеческого. Может, что-то произошло не со мной, а с ними?

Дверцы с лязгом сошлись. Поезд тронулся.

«Ва-а-а-ду-ду-ду!!» — опять заорало в вагоне. Стекла задребезжали, резонируя.

«Куришь много? В душе пусто? — забухало иступленно: — Помогает БИЛЛОУСТО! — Многоголосый вой перешел почти на ультразвук: — БИЛЛОУСТО всех спасет!! Покупай, и все пройдет!!»

Затем тихонько, даже ласково:

— Душе откроешь врата райа, БИЛЛОУСТО покупая!

Смолкло. Блаженная тишина мягко зазвенела в ушах.

«Биллоусто, — раздраженно подумал я. — Чтоб ей пусто...»

«Ва-а-а-ду-ду-ду!! — все началось снова. Я втянул голову в плечи. — Куришь много?...» — отдавалось болью в голове.

Я рухнул на скамью рядом с пожилым мужчиной.

— Здесь что, всегда так?! — спросил я, стараясь перекричать вой. — Для чего это?

Старик никак не среагировал. Я схватил его за плечо и потрянул.

— Что с вами стало? Почему эта штука так орет? Почему ее никто не выключит?

Старик даже не шелохнулся, паралитик и паралитик.

Поезд остановился. Обрушилась тишина. Старик молча встал и деревянной походкой вышел. Вошли другие. Все что-то жевали. Один из них красноватой слюной сплюнул на пол.

«Что творится? — мрачно подумал я. — Загипнотизировали их всех, что ли? Может, какой-то наркотик?»

Поезд тронулся. Опять заревело. На этот раз женский хор методично тянул: «Успокойтесь... — а затем еще медленнее и нежнее: — успокойтесь...»

Я закрыл ладонями уши. «Засуньте вы это «успокойтесь»! Что вы с ним делаете? Жрете, пьете? Или это что-то сексуальное?..»

Нудиловка сменилась бодрым стаккато.

Из метро я выбежал, как из сумасшедшего дома. Я ровным счетом ничего не понимал. Может, это я стал чересчур чувствительным после трех лет тишины и покоя? Вокруг меня грохотала Таймс-сквер.

Я хотел купить для Джин что-нибудь достаточно ценное, чтобы показать ей, как я рад встрече. Но оглушительные звуки сразу выбили у меня из головы эту мысль.

Меж домов, размалеванных во все цвета радуги, разноцветными тряпками, гирляндами и прочей ерундой, спеша и толкаясь, перла толпа.

«Ночь тиха!» — орал динамик.

«Украсишь дом свой...» — эбещал другой.

«Колокола звенят-звенят! Санта-Клаус ждет ребят! Белое Рождество...»

Все очень смахивало на бред. Может, это не я свихнулся, а все остальные? Я вытер пот со лба, прислонился к стене. Солнце полыхало в зените. От жары, что ли, они все повредились?

«Благословен, кто даст!» — радостно сообщала табличка, прикрепленная к треножнику, под которым болтался железный котелок. На тротуаре, рядом с треножником и напротив меня, стоял мужчина в пухлом красном полушубке, отороченном белым мехом. Голову прикрывал красно-белый колпак, грудь — грязно-белая борода.

Он брякал здоровенным колокольчиком. Чудовищный звон перекрывал звуки рождественских гимнов, доносившихся из дверей универмага.

— Дай-дай-дай, — как заведенный кричал мужчина. В котелке то и дело звякали монеты.

На меня накатило неодолимое желание вытряхнуть в котелок всю мелочь из своего кармана. Кое-как пересилив себя, я шагнул к мужчине и хлопнул его по плечу. Он прекратил бренчать колокольчиком и повернулся ко мне.

— Не скажете, какое нынче число? — спросил я.

— Пятое июля, дружок, — он с любопытством посмотрел на меня.

— Вчера, значит, было четвертое. День Независимости.

— Ага, а завтра будет шестое, — в голосе его чувствовалась издевка.

— Ты кто такой, черт тебя?..

— Санта-Клаус, дружок. — Он дурашливо захихикал. — Ты-то откуда такой взялся?

— Там меня уже нет. А ты не слишком спешишь? Рождество-то когда еще будет.

— Все нормально, дружок. До Рождества сто сорок пять покупательских дней. Не пропадать же им. Что-то я не замечаю в тебе рождественского настроения.

— Рановато, по-моему, — сказал я и ткнул пальцем на старающееся вовсю солнце. — А вам не жарковато? Я и без шубы плавлюсь.

— Так у меня же индихолод. На батарейках работает. — Он гордо пошлепал себя по животу.

— Что?

— Индихолод, говорю. Индивидуальный холодильник. Надел на себя — и никаких проблем! Ты с какой луны свалился, дружок? На днях Институт патент выкупил. Все об этом знают! Прибыль сразу подскочила на пятьдесят процентов.

— Что за Институт?

Тип в полушубке оторопело уставился на меня.

— Ну, ты даешь! Институт Рекламы, дружок. Хочешь торговать? Так этот институт организовал курс обучения. Я кучу денег отвалил, чтобы мне разрешили торчать здесь. И не жалуюсь. Зарабатываю в два раза больше, чем раньше. Ладно, с Богом. Болтаю тут с тобой... Дай-дай-дай!!

Колокольчик вновь забрякал. Посыпались монеты. Я попятился. В голове неотвязно вертелась дурацкая песенка: «Пусть не успел к Четвертому июля, так к Рождеству поспею в самый раз...»

«Ночь тиха»... «Снег искрится на дороге...» «Список подарков проверь дважды...» — вразнобой оповещали динамики. — «Тра-ля-ля-бум-бум...»

Июльское солнце свирепо жарило. Неподвижный воздух обжигал, от миазм перехватывало горло. Кто-то, волоча большую пушистую елку, больно толкнул меня. От злости у меня помутилось в голове.

— Такси! — заорал я. — Такси!

Но машины, набитые пассажирами и барахлом в картонных коробках, проносились мимо. В отчаянии я заметался по тротуару, цепляясь о голые руки и запинаясь о голые ноги, расталкивая всю эту оцепенелую нежить.

— Такси!!

В обочину ткнулось одно из них. С трудом, расшвыряв по пути нескольких баб с дырками в лифчиках, я прорвался к машине. Какое мне дело до этого сумасшедшего мира, если меня ждет Джин...

Я назвал шоферу адрес и в изнеможении откинулся на сиденье. Никогда еще я не был так ошеломлен. Такси тронулось.

«А-а-а-ву-ву-ву! Покупай! Покупай!...»

Открыв глаза, я увидел перед собой экран, на котором, словно капли воды на горячей сковородке, плясали разноцветные пузырьки. Музыка противно фыркала, по-гадючьи шипела.

«Что ты преешь, паренек, куда полезней холодок, — заорал кто-то дурным голосом. Я почувствовал, как челюсти сводит судорога. — Индихолод — вот ответ. Нежен и пушист, как снег! Др-р-р-ва-а-а!! Покупай! Покупай!...»

Я забарабанил по стеклянной перегородке. Открылось окошечко.

— Какого черта? — рывкнул краснорожий таксист.

— Выключи! — Я задыхался. — Сейчас выключи!

— Ты что, рехнулся?

— Может быть. Выключи... — простонал я.

— Каким образом? Она же автоматическая. Все претензии к конторе. Что с тобой? До сих пор никто не жаловался. Или запись барахлит?

Я захлопнул окошечко перед его рожей, скорчился в углу, заткнул уши руками и зажмурил глаза...

Такси притормозило. Я открыл глаза. По тротуару шла женщина. Взгляд привораживали длинные стройные ноги и спина, обнаженная до...

— Джин!! — я забарабанил по стеклу.

— Чего опять?

— Выпусти меня!

Машина остановилась. Шофер выключил счетчик и повернулся ко мне.

— Тринадцать сорок восемь, — недовольно буркнул он. Я бросил десятку и пятерку.

— Сдачи не надо. — Я выскочил из такси. — Джин!!

Женщина не обернулась, она целеустремленно шагала по тротуару. Раньше на нее то и дело оглядывались мужчины, но сейчас все были странно погружены в себя.

Поколебавшись — не ошибся ли? — я припустил за ней. Вблизи я разглядел, что некогда белокурые волосы ее стали огненно-рыжими. Я опять замешкался. Наконец я догнал ее и заглянул в лицо. Джин! Господи, что с ней произошло? Застывшее невыразительное лицо, пустые глаза, как и у тех, что в метро. Она не замечала меня! Лишь нагло торчащие из бюстгальтера оранжевые соски презрительно осматривали меня.

— Джин! Почему ты меня не встретила? Я послал телеграмму...

Она молчала. Я взял ее за руку.

— Джин!

Она, словно заводная кукла, вышагивала дальше. Я рванул ее за руку.

— Джин! — Никакой реакции.

Пока я соображал, что же мне делать, мы подошли к аптеке. Джин открыла дверь и вошла, я за ней. Злое любопытство разбирало меня. Джин встала в конец длинной очереди. Я наблюдал, стараясь унять холодок ужаса где-то под ребрами. Джин медленно, терпеливо приближалась к при-

лавку. Нет, дело было не в терпении. У меня сложилось впечатление, что она в этот момент вообще ничего не чувствовала, а может, и не думала.

Вот женщина перед ней получила от продавца какой-то пакетик. Подошла очередь Джин. Получив точно такой же, она обернулась.

— Фрэнк?! Как ты здесь очутился?

Глаза ее широко раскрылись, исчезла бездумная муть. Полные оранжевые губы мило улыбнулись. Она не очень походила на ту Джин, какую я помнил, но все-таки это была она, и я любил ее, и она радовалась мне! Она словно проснулась.

— Джин, — я счастливо рассмеялся. — Что с тобой стряслось? Ты какая-то странная.

— Глупенький! Ну, что может случиться со мной? Фрэнк, родной мой, как я рада, что ты вернулся.

Не стеснясь толпы, она крепко обняла меня и поцеловала. Я смутился.

— Не здесь, Джин.

— Никуда я тебя больше не отпускаю. И никогда.

— Никогда, — согласился я. Я посмотрел на пакетик у нее в руке. — Что это ты купила?

— Не знаю, — пожала плечами Джин. — Рекламировала... — Она разорвала упаковку. — Зубная паста... — разочарованно сказала она.

— Разве ты не знала?

Джин взяла меня за руку, и мы вышли из аптеки.

— Как бы тебе объяснить? Все так изменилось, пока тебя не было. Ты бы лучше рассказал, чем занимался на своем маяке.

— А что о нем рассказывать? Тоска! Изюм в день...

— Постой, — прервала меня Джин. — Потом расскажешь. Дома.

— Мы три года не виделись, зато теперь не расстанемся никогда. А почему ты не на работе?

— Да ну ее... Бросила. Зачем? Разве у нас мало денег? Я насторожился.

— И сколько у нас осталось?

— А я знаю? — дернула она плечами. — В арифметике я всегда плавала. И вообще, мне кажется, есть кое-что куда ценнее денег. К примеру, ты!

Сердце мое сжалось. Молодоженами мы безумно любили друг друга. Нам нелегко было расстаться, но я на три года продал свою жизнь, чтобы она ни в чем не нуждалась и имела все самое лучшее. Я гордо шествовал рядом с моей Джин, и меня тянуло к ней даже сильнее, чем раньше.

— Ты так спешишь домой, чтобы мы поскорее остались вдвоем, да? — я обнял ее и весело засмеялся.

— Ой, ну не надо, Фрэнк! — Она вывернулась из моих объятий. — Из-за тебя я могу пропустить сериал.

— Какой еще сериал?! — воскликнул я. — Ты что, не рада мне?

— Конечно, рада! Но ты же все равно здесь.

Мы подошли к нашему дому. Я взял Джин за плечи и развернул ее к себе.

— Что творится, Джин? Что с тобой? Неужели за три года ты охладела ко мне?

— Ну, перестань, Фрэнк. Ты же не животное.

Я хотел поцеловать ее, но она отстранилась.

Открыв дверь, она ринулась мимо меня в гостиную и сразу же уселась перед экраном. На лице ее, сразу как-то отупевшем, заплескали цветные полосы.

«Стиросам трет, стирает, Стиросам всем помогает! — бодро хвасталась песенка. — Стиросам, Стиросам все, что хочешь, чистит сам. Поспешి в универсам и купи там Стиросам!»

— А-а-а! — взвыл я.

Нескончаемая чушь болезненными уколами отдавалась в мозгу и, казалось, во всем теле. Наконец, после того как экран заполнила лоснящаяся задница, символизирующая, надо понимать, эффективность Стиросама, все исчезло и появился мужчина с черными, давно не мытыми волосами. Он хитро впивался губами в блондинку. Они словно склеились, поскольку отрывались друг от друга с невероятным трудом. Уж они-то явно Стиросамом не пользовались — одежды их были убоги и грязны.

— Хватит, Джин! Выключи, — потребовал я.

— Отстань... — не отрывая глаз от экрана, ответила Джин. — Интересно же, что сделает Сандра. Родни Джон ее соблазняет, а она колеблется между долгом и желанием.

«О, Сандра, чей муж лучший друг мой! — молвил мужчина, закатив глаза, как припадочный. — Имеют ли значение узы верности, богатства и пристойности, после того как ты познала, сколь глубока моя любовь к тебе. Ступай же со мной в хижину мою убогую, где предадимся мы похоти и разврату, о, желанная моя!»

«О, Родни, друг желанный мой, — жеманно змеясь всем телом, отвечала блондинка. — Ты дал мне вкусить плода любви и страсти, что навсегда, я думала, покинули меня. Мечтаю я тебе отдаться, но долг и скромность — вот преграды, что на пути моем стоят. Прости меня, мой друг. Пойми мои страдания».

Они опять слиплись, но хаос красок тут же стер их тела.
«Стиросам, Стиросам! Трет, стирает, чистит сам!»

Меня передернуло. Весь мир рехнулся! Четырнадцать минут глупейшей рекламы и тридцать секунд идиотского до невозможности фильма! Куда канули ценности этого мира?

Я вскочил, протянул руку к телевизору. Мужчина, заполнивший экран, ткнул в меня пальцем.

— Смотрите эту программу, — приказал он.

Я щелкнул тумблером. Экран погас.

— Что ты делаешь, Фрэнк! — завопила Джин. — Ты же слышал, что он сказал!

Включив телевизор, она опять уставилась в него. Вздрыгивая, я выбежал из гостиной. Вдогонку, словно глас неминуемого рока, неслась противная песенка. Но я уже не слышал. Я стоял в дверях кухни и ошеломленно пялился на невозобразимое зрелище.

От пола и до потолка громоздилась, сверкала хромом и разноцветными упаковками здоровенная куча разной утвари. Электроприборы всех мастей и любой величины, кастрюли, жаровни, мороженицы. Что там еще — трудно было разобраться, но ни один из этих предметов ни разу не использовался, что можно было определить по невскрытым упаковкам.

Не уместившиеся в шкафах продукты — банки, бутылки, свертки — валялись на полу. Содержимое бесформенных груд в углах невозможно было определить. Невероятная вонь ударила мне в нос. Я закашлялся и захлопнул дверь. Есть мне больше не хотелось.

Я сунулся в спальню. То же самое! Дверцы шкафов уже не держали груды белья. Все валялось на полу, перепутавшись в дикую смесь мехов и разноцветных тканей. Лишь к неубранной кровати вел узкий проход, да и он готов был исчезнуть под слоем ни разу не одетых вещей.

«Они что, размножаются? — подумал я. — Трахаются, мутируют, превращаясь в безобразные карикатуры на самих себя?»

До сих пор удивляюсь, как я тогда не спятил.

Я заглянул в ванную, но удивляться уже не стал. Кувшины, бутылки, свертки, тюбики, зубные щетки — все переплелось в сюрреалистическом экстазе. Ванна им тоже понравилась. Я бы не осмелился разгрести эту кучу. «А моется она где?» — удивился я.

Уже почти весело я бегал от комнаты к комнате, не заходя в них, а только заглядывая. С меня градом катился пот, а голову назойливо сверлила мысль: «Что происходит? Что случилось с ними со всеми?»

Телевизор в столовой продолжал орать, но Джин куда-то запропастилась. Я с отвращением выключил его и огляделся. Где же Джин?

На полированном столике лежала ее сумочка. Я схватил ее и перевернул над столом. На желтый конверт я не обратил внимания — ясно, это моя телеграмма. Я продолжал рыться в небольшой кучке на столе.

Нашел! Черненькая продолговатая книжонка. Я раскрыл ее. Поступлений совсем чуть-чуть, а вот корешков очень много. Еще конверт. Красный. «Ваш счет исчерпан», — извещал стандартный бланк. Оставалось лишь пятьдесят долларов и шестьдесят центов.

Не густо, мягко говоря. Я продолжал искать. Где-то должна быть еще одна чековая книжка.

Ага, вот. Тоже черная, только поменьше. Я полистал ее. Черт! Сколько снято! Что же осталось?

Сто двадцать один доллар... Невозможно! Три года в преисподней! Рехнуться можно!

Хлопнула дверь. Я оглянулся. Джин! В руках у нее был сверток.

— Ну вот, зачем выключил? — капризно, как ребенок, спросила она.

— Джин! — голос мой дрожал. — Где наши деньги?

— Ты о чем?

— Деньги где? Жалованье, что тебе выдала Компания за мою отсидку на маяке. Сто пятьдесят тысяч долларов. Где они?

— Но вот же чековая книжка, у тебя в руках. Там все сказано.

Я упал в кресло. Меня буквально скрючило, и на время я лишился способности говорить.

Нет, на помешанную она не походила, рассуждала вроде бы разумно. Втолковывала мне вполне логично. Я даже готов был поверить в собственную бестолковость.

— Жизнь стала совсем другая, — терпеливо разъяснила мне Джин. — Чтобы достойно жить, теперь требуется покупать гораздо больше. Не спрашивай почему, но называется это жизненным уровнем, — назидательным тоном, как маленькому, втолковывала она. — А жизненный уровень с тех пор сильно повысился, вот.

— Но вот продукты... — перебил я. — Куда тебе столько? Их же за пять лет не съешь.

— Рекламовали... — рассеянно ответила она.

— А эти тряпки? Тебе их за всю жизнь не сносить. Сгниют раньше!

— Синтетика же не гниет, — удивилась моей дремучести Джин.

Я не стал спрашивать, что будет, когда комнаты забьются до потолка, вытеснив нас. Я испугался, что она ответит: «Начнем все сначала».

— Но как ты умудрилась столько истратить? — я уже хрипел.

— А что? «Кадиллак», новый кондиционер, — невозмутимо ответила она. — Ой, да еще много-много всяких штук... — Она внезапно замолчала и быстренько так засемила к телевизору.

— Не-ет! — закричал я. — Больше ты его не включишь!

— Хорошо, Фрэнк, — кротко согласилась она.

— Я жрать хочу. Марш на кухню! И чтобы никаких консервов! Бифштекс, лук, стакан молока.

— Хорошо, Фрэнк, — она послушно отправилась на кухню.

— А потом на неделю завалимся в постель! — крикнул я ей вслед.

Но получилось не совсем так.

Кухонная плита оказалась не подключена, пришлось давиться холодными консервами. Что же будет дальше? Пожалуй, три года вне общества многовато для человека. Но жить-то как-то надо! Придется смириться и приспособиться. Но как? Я долго не мог уснуть, чувствовал себя обманутым, обидно было до слез.

Снилась мне какая-то жуть. Я на маяке. Воеет аварийная сирена, а я никак не могу проснуться. На маяк идет группа астероидов. Вот треснул прежний корпус, все рушится. Ну-жен срочный маневр, а я никак не могу проснуться...

Я открыл глаза. Было темно, но я сразу сообразил, что я на Земле, в своей спальне, а кошмар творится наяву. Кошмаром стала сама Земля: все посходили с ума, и денешки мои вылетели в трубу. Три года невыносимого одиночества прошли впустую.

Я повернулся. Джин рядом не было. Моя Джин с огненно-рыжими волосами и анемичным телом куда-то ушла. Из столовой доносилась музыка, визжали и хрипели голоса.

Я с трудом добрался до двери, спотыкаясь о груды бархла. Джин в ночной сорочке неподвижно сидела перед телевизором, обалдело уставившись в него. По ее лицу, по стенам гостиной плясали разноцветные пятна.

Свирепая дрожь — казалось, что у меня на моих глазах вершится мерзкое преступление, — прошла по мне волной и сменилась холодной яростью. Я ощутил тяжесть в руке.

Латунный подсвечник! Где я его прихватил? Я прыгнул и изо всех сил ударил по экрану. От резкого хлопка заложило уши, со звоном посыпались стекла. Я бил, не переставая. Летели какие-то щепки, хрустела и лопалась электронная начинка, а я колотил и колотил, и не мог остановиться. От латунного подсвечника остался лишь изогнутый стержень, от телевизора — груда обломков.

Джин испуганно глядела на меня.

— Фрэнк! — голос ее дрожал. — Фрэнк...

— Немедленно ложись!

Она поднялась со стула, боязливо обойдя меня, и выско-чила из гостиной. Я устало опустился прямо на пол.

Вот тебе и кошмарный сон... Бессмысленность, идиотизм происходящего не укладывались в голове. А, может, все проще? Сплю я себе на маяке и вижу всяческие сны. И чего только не приснится... Вот только никогда еще мне не снилось, что мне снится сон.

Боль почти парализовала руку, кровь ручьями стекала из глубоких порезов. Я отыскал в ванной полотенце и замотал руку. Вернулся в столовую. Сквозь шторы мало-помалу проступал рассвет. Снова сел. «Кто-то должен мне все это объяснить», — подумал я. Я вспомнил, кто мне может помочь, и встал. Под ногами захрустело крошево телевизора.

Я быстро оделся. Рука уже не кровоточила. Для начала я закрыл все двери, а ключи взял с собой. Вернувшись, я хотел застать Джин дома — нам еще многое предстояло об-судить.

Таймс-сквер грохотала. Нужное мне здание я увидел из-далека. Оно высилось там, где сияли бы звезды, не погаси их день. Орали рождественские гимны, опять нещадно па-лило солнце.

«PER ASPERA AD ASTRA»*, — сверкали золотом буквы на фасаде здания.

Девиз нашего времени... Сейчас я крепко засомневался в этом. Не знаю, как насчет терний, но звезды выглядели паршиво.

— Здравствуйте. Входите, пожалуйста, — непривычно вежливо сказала секретарша. Хорошенькая, в обычном платье, она выглядела гораздо соблазнительнее тех, с дыр-ками. — Господин Уилсон ждет вас. Можете пройти.

Именно из этого кабинета я отправился в космос три года назад.

— Вы ждали меня? — спросил я.

* *Per aspera ad astra* (лат.) — через тернии к звездам.

Моложавое лицо Уилсона выглядело по-прежнему обаятельным. Он приветливо улыбнулся.

— Да, я знал, что вы придете.

— Что происходит? Кто объяснит мне, отчего рехнулся весь мир? А может, дело во мне самом? Я ничего не понимаю!

— Присядьте, — спокойно сказал Уилсон. — Не спешите с вопросами. Три года — большой срок, а изменилось многое. Но для вас все произошло внезапно, и я понимаю, что вам приходится очень трудно. Хотите продлить контракт?

Я вздрогнул.

— Еще три года!

— Понимаю. Вам нелегко, — посочувствовал Уилсон. — Как бы вам объяснить... Произошло в общем-то неизбежное. Все к этому шло. Немало потрудился Институт Рекламы, финансируемый различными филантропическими обществами. Институт изучал психологию потребителя и, судя по результатам, добился немалых успехов.

— В чем?

— В рекламе! — продолжал Уилсон. — Из искусства реклама превратилась в науку. Мы научились внушать потребителю покупать не только то, что ему нужно, но и то, что ему самому не пришло бы никогда в голову. И если раньше реклама принадлежала обществу, то теперь общество принадлежит рекламе.

Я старался его понять, а он продолжал декламировать:

— Еще предтечи научной рекламы нащупали верный путь. Суть его проста: подольше щекочите человека, и ему очень захочется избавиться от щекотки. Повторяйте, повторяйте, возбуждайте подсознание. И в один прекрасный момент оно овладевает человеком, и он неосознанно совершает поступки, которые в нормальном состоянии были бы невозможны. В нашем случае он идет и покупает.

Но этот метод применим не только в рекламе. Современное искусство, не затрагивая высшую нервную систему, воздействует непосредственно на рефлексы. Модернистская поэзия, атональная музыка, абстрактная живопись, к примеру, — все это неэстетично, непривычно и часто неинтеллектуально, но именно то, что надо! Человек становится послушным, а главное — предсказуемым.

Все это не ново. О силе внушения знали давно, но в широких масштабах применять не решались: пугала интеллигенция, сдерживало сочувствие. Много болтали о каких-то ужасных последствиях оглупления потребителя. Только забыли, что потребитель не любит жаловаться, а любит поку-

пать. Да, реклама жестока. Она не дает вам времени на размышления и эмоции. Ну и что? Истинная правда должна быть голой, без всех этих призрачных обманчивых одежд. Уничтожьте эмоции, познайте правду, и вы станете богатыми.

Усвоив это, Институт стал коммерческим центром и теперь практически управляет обществом.

— Но это же ужасно! — Руки у меня тряслись. — Людей превратили в роботов с одной лишь программой: «Покупать! Покупать!»

— Ну и что? — спросил Уилсон. — Люди и раньше частенько становились роботами. Существовал даже специальный термин — «зомби». Причем если этим методом овладевали политики, то одурманенные толпы совершали чудовищные преступления. А у нас все в руках рекламы. Согласитесь, это довольно безобидно. Что плохого в том, что люди покупают и покупают? В результате процветает общество. Благодаря солидным окладам покупательная способность очень высока, а на былые безумства у человека просто не остается ни времени, ни эмоций. Чем же это плохо?

— Но они покупают ненужное!

— Ну и что? Это великолепно поддерживает оборот, повышает производительность, заработную плату и избавляет от угрозы кризиса перепроизводства, чреватого социальными взрывами.

— Но они же захватят весь мир! Кто сможет остановить их? Не эти же рабы! Хотя у кого-то голова должна оставаться ясной.

— Разумеется. Реклама действует на людей по-разному. Большинство подчиняется ей полностью, но редкие индивидуумы безразличны к ней. Они-то и управляют миром. Своего рода иммунитет к рекламе позволяет им следить, чтобы остальные покорно выполняли то, что от них требуется.

— У вас тоже иммунитет?

Уилсон кивнул.

— У меня, наверное, тоже, — сказал я. — Я не испытываю никакого желания покупать.

Уилсон с интересом взглянул на меня.

— Реклама как наука о психологии толпы основана на норм...

— А я, значит, ненормальный? Вы это хотели сказать?

Уилсон поднял руку в примирительном жесте.

— Разрешите мне закончить. На норме, я хотел сказать. В каком-то смысле вы и вправду ненормальны. Об этом говорит хотя бы то, что вы не сошли с ума за три года одино-

чества. Реклама эффективна только в обществе, где каждый чувствует себя своим. А вы и раньше своим никогда не были, и это только усугубилось за три года. Общество же ушло далеко вперед, и для него вы — ребенок, который должен еще приспособиться к нему.

— Приспособиться... — тупо повторил я. — Нет! Не хочу. Мне омерзительно такое общество. Я обязан сохранить свой иммунитет. Я не желаю превращаться в раба. — Я вспомнил Джин и свои бедные сто пятьдесят тысяч долларов. — Да и денег у меня нет.

— А жалованье?

— Попусту истрачено. Я нищий, — простонал я.

— Жаль. Об этом мы не подумали. Еще недавно такая сумма казалась весьма солидной, но ее съел возросший потребительский уровень. Но вы можете устроиться на работу. Мы поможем вам.

Я подумал обо всех этих призраках, что видел в метро, на улице, в магазинах. О Джин, поработенной телевизором. Вспомнил свой дом, заваленный ненужным хламом. Представил, что мне придется жить со всем этим... И маяк, ничтожной песчинкой движущийся среди астероидов, показался мне милее этого бедлама.

— Постойте! — торопливо воскликнул я. — Я согласен возобновить контракт. — Я показал скомканный бланк. — Вот оно, ваше предложение. Можете не удваивать жалованье. Я согласен и на прежнее.

Уилсон сочувственно вздохнул и покачал головой.

— Теперь уже невозможно. Могу наперед сказать, что результат психологических тестов будет отрицательным. Если в прошлый раз вы просто улетали от общества, то сейчас восстаете против него. Совсем разные вещи. Вы понимаете?

Я услышал протяжный стон и не сразу понял, что стонал именно я.

— Что же мне делать?... Я не могу вернуться туда, но и жить здесь тоже не могу...

Кошмар улицы безжалостно обрушился на меня.

«...Успокойся — веселись!..»

Калейдоскоп красок. Гирлянды, колокольчики. Новогодний придуток в полушубке. Свирепое солнце...

«Дай-дай-дай!..»

Вихри красок. Пляшущие пузырьки. Дымящаяся сигарета...

«Тр-р-р-бум-бум! Чаруй, пленяй, меньше думай, покупай!»

Пустые глаза, нафабренные соски...

«Ва-а-а-ду-ду! Куришь много? В душе пусто? Покупайте БИЛЛОУСТО! Ду-ду-д...»

Роботы! Кругом одни роботы. Маршируют, орут, стучат!

«Бам-бам! — Покупай! Покупай! — Бам-бам!...»

Наконец-то мой дом. Я закрыл за собой дверь, заметно при этом пошатываясь.

«Стиросам, Стиросам трет...»

Перед новеньким сверкающим телевизором сидела Джин. Меня она не замечала. На застывшем лице мелькали разноцветные блики.

Меня так и кольнуло. Чековые книжки у меня, значит, она купила в кредит? Господи, какое болото...

Я лихорадочно перерыл карманы. Пусто! Ничего! У меня же был полный карман мелочи и пятьдесят долларов бумажками! Куда они пропали? Я продолжал обыскивать себя. Пусто! Но не мог же я потерять... И украсть не могли. Не может быть!.. Вот тебе и иммунитет!

«Дай-дай-дай», — смутно услышал я зазывный голос. Мне хотелось завить.

Я метнулся в спальню. Расшвыривая тряпки, добрался, наконец, до письменного стола. Это где-то здесь... Но в ящиках письменного стола валялось все что угодно, только не то, что я искал. С треском и грохотом, раскидывая все на пути, я метался по дому. Бешенство душило меня. Не помню, как я оказался в подвале, но там, среди всяческого старья, я нашел его. Он чуть заржавел, но затвор ходил свободно. Я погладил его, вынул обойму, вставил патроны. Обойма четко вошла на место и защелкнулась. Все! Пора!

Я вернулся в гостиную. Телевизор надрывался впустую. Джин исчезла.

«Муж твой, — утешал блондинку Родни Джон, — являюсь другом моим лучшим, не заподозрит никогда, что мы...»

«Бах!» — пуля пробила похотливую рожу Джона. Экран умер.

Сунув пистолет в карман, я выбежал из дома.

«Блям! Блям! Дай-дай-да...»

«Бах-бах-бах!» — задергался пистолет. Шут в красном белом изумленно посмотрел на свой огромный живот. Крови не было, только дымок вился из отверстий. Медленно-медленно он повалился на тротуар. Тело его тихо сложилось рядом с треножником.

«Благословен, кто даст», — сообщала табличка.

— Что случилось?
— Кто-то выстрелил, и он упал.
— Санта-Клауса убили!!
Здоровенный мужчина в синей форме растолкал толпу.
— Разойдитесь! Назад! Назад!
Он склонился над телом. Синее над красно-белым.
— Он мертв!

— Меня повесят? — нетерпеливо спросил я, будто спешил куда-то. — Или посадят на электрический стул? Как у вас тут наказывают за убийство?

— Что за глупости?! Вышку давно отменили. — Добродушный с виду человек смотрел на меня с другой стороны широкого стола.

— Я ведь очень опасен, да? — с надеждой спросил я. — Вы меня в одиночку посадите, да?

— Ну что вы, — ответил добродушный мужчина. — Мы не настолько жестоки, а тюрьмы служат не для того, чтобы наказывать. Мы будем вас воспитывать, пока вы не станете полноценным членом общества. Кстати, камеры у нас достаточно комфортабельны. Вам понравится.

— Не-ет! — завопил я, увидев свое пристанище. — Я не хочу! Уведите меня отсюда! Ради Бога! Я не хочу!..

«Куришь много? В душе пусто? Помогает БИЛЛО-УСТО!.. — Огражденный железной решеткой телевизор радостно призывал: — Покупай! Покупай!.. Тра-ля-ля-бум-бум!..»

СОДЕРЖАНИЕ

Мир-крепость <i>Пер. Н. Гузнинова</i>	5
Бессмертные <i>Пер. В. Волкова</i>	173
Слушающие <i>Пер. Н. Гузнинова</i>	277
Рождество ежедневно <i>Пер. В. Волкова</i>	491

Литературно-художественное издание

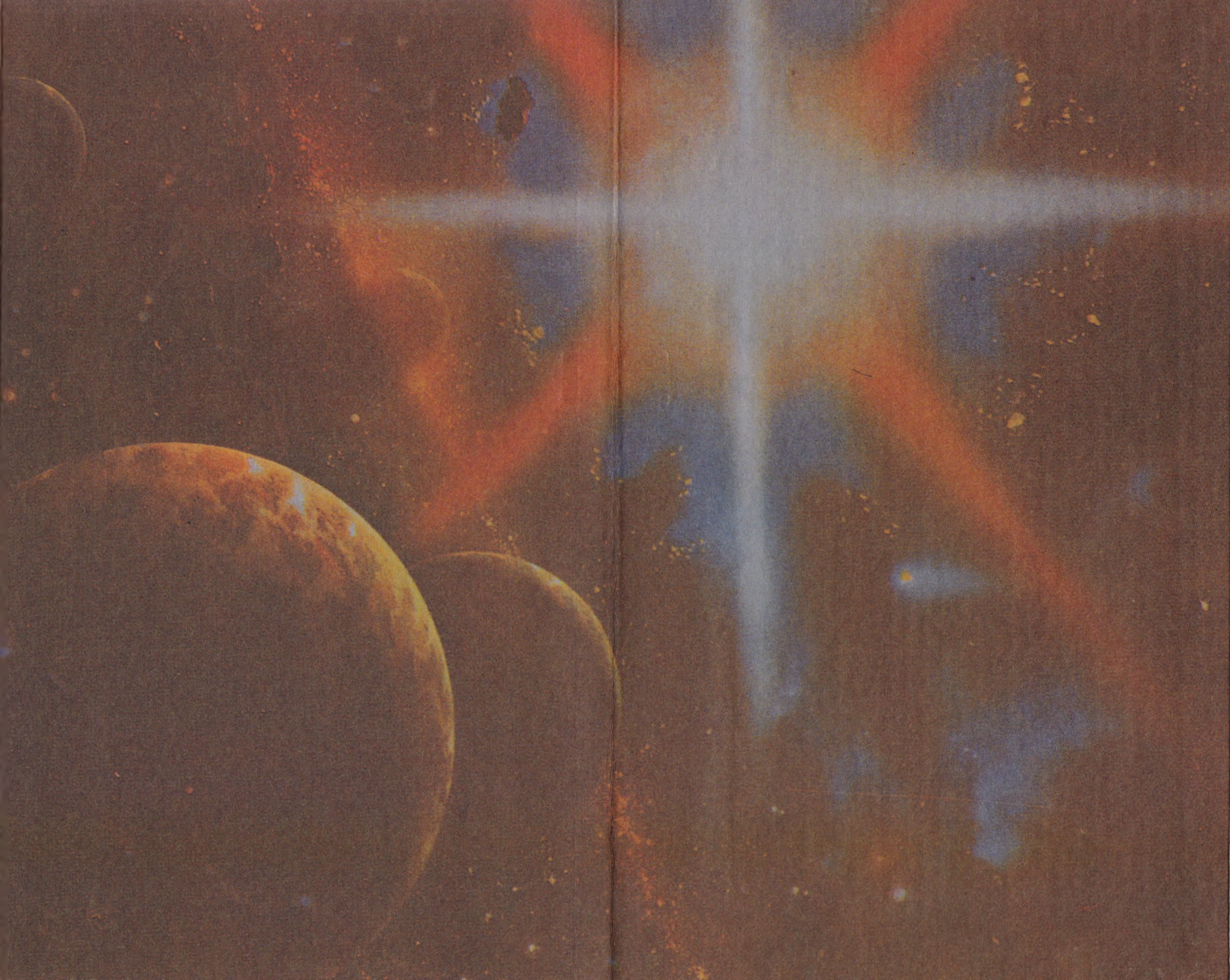
Джеймс Ганн
МИР-КРЕПОСТЬ

Редактор С. Ульянов
Художник Ю. Лук
Технический редактор М. Александров
Корректор И. Смердов

Подписано к печати 15.11.93. Формат 84x108/32. Бумага газетная и книжно-журнальная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Усл.-печ.л. 26,88. Уч.-изд.л. 32,0. Тираж 100 000 экз. Заказ 4223
Цена договорная.

ТОО "фирма "Нижкнига"
603003, Нижний Новгород, ул. Культуры, д. 6а, кв. 41

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПП "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

МИР-КРЕПОСТЬ

АЖЕИИС
ЛАИИ